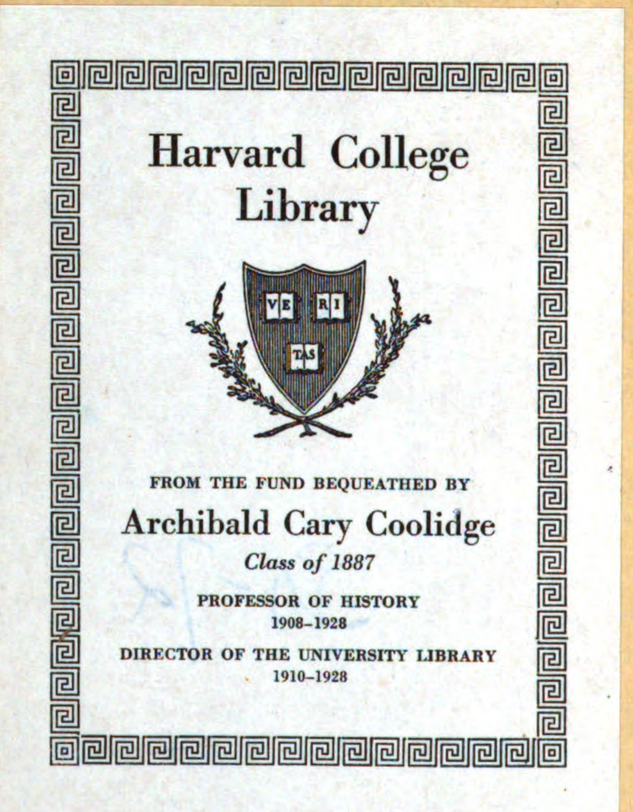
Zapiski Imperatorskago russkago arkheologicheskago obshchestva

Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo, Leningrad, Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo, Leningrad. Otdielenie arkheologii ...


VE RI TAS

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
IX.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ IX.

(Съ 11-ю литограф. таблицами и 18 рисунк. въ текстѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

1857.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 25 дня 1857 года.

Цензоры: Архимандритъ Кириллъ.
Н. Ахматовъ. И. Гончаровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ IX,

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

1856.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 29 дня 1856 года. Цензоръ *Н. Ахматовъ.*

О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ

ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

П. С. САВЕЛЬЕВА.

I.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1855 г. скончался въ Иркутскѣ ученѣйшій изъ Монголовъ и одинъ изъ примѣчательныхъ европейскихъ оріенталистовъ, буддистъ по вѣроисповѣданію и Европеецъ по идеямъ, кандидатъ казанскаго университета и чиновникъ для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, корреспондентъ Археологическаго Общества, сотрудникъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, сынъ полудикаго забайкальскаго Бурята Банзара, по прозвищу Дорджи (что̀ по-тибетски значитъ «алмазъ»).

Банзаровъ сынъ, Дорджи, не смотря на вице-мундиръ, физіогноміей обличалъ свое происхожденіе отъ одной «кости» съ Чингисъ-Ханомъ и Батыемъ: форма головы, цвѣтъ лица, выдавшіяся скулы, узкіе глаза, указывали на чисто-монгольскую породу. Онъ гордился ею не менѣе англійскаго лорда, ведущаго свой родъ отъ Вильгельма Завоевателя, тѣмъ болѣе, что принадлежалъ къ древнему роду Урянхай, донынѣ пользующемуся почетомъ во всей монгольской степи, и остался буддистомъ, не смотря на то, что ему доступны и понятны были современныя идеи.

Возможностью пріобрѣсти европейское образованіе Дорджи обязанъ слѣдующему счастливому случаю.

Въ 1834 году усилено было преподаваніе восточныхъ языковъ (арабскаго, персидскаго, турецкаго, татарскаго и монгольскаго) въ первой казанской гимназіи съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, приготовить переводчиковъ для службы при нашихъ миссіяхъ на Востокѣ, при начальникахъ пограничныхъ съ Азіею областей, и при ханахъ и султанахъ состоящихъ въ подданствѣ Россіи, а съ другой, чтобы дать образованіе и дѣтямъ иногородцевъ, Татаръ, Бурятъ и другихъ.

Тайша селенгинскихъ бурятскихъ родовъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, прислалъ прошеніе, въ которомъ, изъясняя необходимость для степной думы основательнаго знанія русскаго языка, ходатайствовалъ о принятіи въ казанскую гимназію пяти малолѣтныхъ Бурятъ и съ ними одного ламу. «Тѣмъ охотнѣе согласился я», писалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ *, «на удовлетвореніи сей просьбы, что, при поддержаніи сего перваго порыва, можно ожидать многочисленнаго пролива Азіятцевъ въ наши учебныя заведенія.»

Въ числѣ бурятскихъ мальчиковъ, предназначенныхъ тайшою въ будущіе писаря степной думы, находился и Дорджи.

Вмѣстѣ съ земляками своими, по прибытіи въ Казань, онъ принятъ былъ, на казенномъ содержаніи, въ первую гимназію. Степные мальчики, его товарищи, не вынесли новаго образа жизни и непривычнаго климата, чахли и умерли; одинъ исключенъ былъ изъ гим-

* *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1836, т. X, стр. LXV.

гимназіи. Остался только **Дорджи**, дарованіе котораго вскорѣ обратило на него вниманіе учителей. Онъ съ успѣхомъ кончилъ полный гимназическій курсъ и переведенъ былъ, въ 1842 году, въ университетъ.

О поступленіи юнаго Монгола-буддиста студентомъ въ казанскій университетъ, какъ о замѣчательномъ явленіи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ довелъ до свѣдѣнія Государя, и отецъ Банзарова, неожиданно для него, за успѣхи сына, удостоенъ былъ высочайшаго вниманія.*

Въ университетѣ Банзаровъ продолжалъ ревностно заниматься восточными языками, и въ 1846 году получилъ ученую степень кандидата, написавъ диссертацію *О черной вѣрѣ или шаманствѣ у Монголовъ*. Это разсужденіе обнаруживало уже примѣчательную ученую зрѣлость юнаго монголо-русскаго оріенталиста, и оно сохранится въ литературѣ какъ лучшее доселѣ и самое полное сочиненіе о шаманствѣ.

---

* Вотъ подлинныя слова всеподданнѣйшаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1842 годъ: «Принятый въ 1835 году въ первую казанскую гимназію на казенное содержаніе, изъ забайкальскихъ Бурятъ, Дорджи Банзаровъ окончилъ въ семъ заведеніи курсъ ученія съ отличіемъ, и по желанію поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ университетъ. Я имѣлъ счастіе доводить до Высочайшаго свѣдѣнія о семъ первомъ еще у насъ явленіи, свидѣтельствующемъ, что основательное просвѣщеніе можетъ быть принадлежностью и полудикихъ сыновъ степей монгольскихъ. Ваше Императорское Величество, благосклонно принявъ представленіе мое, изволили удостоить Всемилостивѣйшаго вниманія отца студента Банзарова, и столь лестное поощреніе, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть благотворное вліяніе на его соплеменниковъ». См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1843 г., т. XXXVIII, отд. I, стр. 53.

Тема сочиненія была трудная и необработанная: не только Европейцы, но и сами Монголы не имѣютъ ни одного полнаго и систематическаго изложенія шаманской вѣры. Банзаровъ долженъ былъ рыться въ монгольскихъ рукописяхъ, соображать и повѣрять отрывочныя показанія русскихъ путешественниковъ, мимоходомъ говорившихъ о шаманствѣ, и извѣстія, встрѣчающіяся въ маньджурскихъ богослужебныхъ книжкахъ. Китайскія «Дзины», «Зендавеста» Клейкера, Дегинь, Эрбело̀, Memoriæ populorum Стриттера, путешествія западно-европейскихъ миссіонеровъ XIII — XIV вѣка и петербургскихъ академиковъ XVIII вѣка, только-что вышедшій тогда «Космосъ» Гумбольдта — ни одинъ источникъ не ускользнулъ отъ вниманія изслѣдователя, представившаго возможно-полное и ясное изложеніе вѣроученія, доселѣ сохранившагося, въ разныхъ видахъ, между Чувашами и Черемисами, у Самоѣдовъ, Остяковъ, Вогуличей, нѣкоторыхъ сибирскихъ Татаръ, Тунгузовъ и другихъ инородцевъ Сибири, у Маньджуровъ, островитянъ Восточнаго Океана и при дворѣ китайскаго богдохана. «Черною вѣрою» или «вѣрою черни» названо оно Монголами по принятіи ими буддизма, называемаго у нихъ «желтою вѣрою»; названіе же «шаманской», подъ которымъ оно болѣе извѣстно въ Европѣ, происходитъ отъ тунгузскаго и маньджурскаго слова *саманъ* (шаманъ), какъ именуютъ они своихъ жрецовъ или волхвовъ.

«Въ чемъ состоитъ шаманство? откуда получило свое начало?» спрашиваетъ Банзаровъ, и самъ отвѣчаетъ на то слѣдующимъ образомъ:

«Нѣкоторые полагали, что шаманство одного начала съ брахманизмомъ и буддизмомъ; другіе находятъ въ немъ что̀-то общее съ ученіемъ китайскаго философа

Лводзы. Вообще думаютъ, что оно состоитъ только въ служеніи злымъ духамъ, въ кривленьяхъ и шарлатанствѣ шамановъ. Наконецъ многіе почитаютъ шаманство боготвореніемъ природы, или сближаютъ его съ зороастровой религіей. Нѣтъ нужды отыскивать такъ далеко начало шаманства, стараться выводить его изъ религіозныхъ системъ вовсе ему чуждыхъ. Ближайшее знакомство съ предметомъ показываетъ, что такъ называемая шаманская религія, по крайней мѣрѣ у Монголовъ, не могла произойти отъ буддизма или другой какой-нибудь вѣры, что она сама собою могла возникнуть въ народѣ, и состоитъ не въ однихъ суевѣріяхъ и обрядахъ, основанныхъ только на шарлатанствѣ шамановъ. Черная вѣра Монголовъ произошла изъ того же источника, изъ котораго образовались многія древнія религіозныя системы; внѣшній міръ— природа, внутренній міръ — духъ человѣка, и явленія того и другаго — вотъ что̀ было источникомъ черной вѣры. Такая основная идея въ религіи, по-видимому, должна быть произведеніемъ духа вникающаго въ самаго себя и наблюдающаго надъ природою, и предполагать предварительное умозрѣніе, чего нельзя ожидать отъ номада. Но вотъ что̀ говоритъ объ этомъ знаменитый ученый, который лучше всѣхъ долженъ знать дѣйствіе природы на необразованные народы. «То, что̀ у нѣкоторыхъ лицъ, одаренныхъ замѣчательными способностями», говоритъ А. Гумбольдтъ въ своемъ Космосѣ, «является зачаткомъ философіи природы, разумнымъ созерцаніемъ, то у цѣлыхъ народовъ бываетъ произведеніемъ инстиктивной воспріимчивости. Такимъ образомъ въ глубинѣ этого тайнаго чувства возникаетъ первое побужденіе къ обожанію, обоготворенію воспринятыхъ естественныхъ силъ.» Если такая инстинктив-

ная воспріимчивость склоняетъ человѣка къ боготворенію природы, то подобное же неясное предчувствіе поселяетъ въ немъ понятіе о безсмертіи души, о содѣйствіи или противодѣйствіи какихъ-то существъ въ дѣлахъ его. Подъ вліяніемъ этой идеи, фантазія народа изобрѣтаетъ второстепенныхъ боговъ и производитъ почитаніе душъ усопшихъ. И какъ черная вѣра не представляетъ ничего разительнаго съ брахманизмомъ или буддизмомъ, а еще менѣе съ прочими религіями Востока, то заключаемъ, что она возникла въ народѣ, подъ вліяніемъ природы и дѣятельности духа.

«Изъ этихъ двухъ силъ, которыя руководятъ народомъ въ стремленіи его къ вѣрованію, природа сильнѣе дѣйствуетъ на младенчествующаго человѣка: отъ того-то, у Монголовъ, небо, какъ высшій представитель силъ природы, пріобрѣло величайшее могущество надъ прочими божествами и подчинило себѣ боговъ, представителей духа. Оно является у Монголовъ верховнымъ божествомъ, источникомъ жизни, которую земля, второе божество въ черной вѣрѣ, только проявляетъ и поддерживаетъ. Необходимымъ слѣдствіемъ боготворенія неба и земли было почитаніе солнца, луны, звѣздъ, нѣкоторыхъ воздушныхъ явленій, горъ, рѣкъ, и т. п.

«Съ другой стороны, къ этимъ предметамъ почитанія народа примыкаетъ рядъ геніевъ или второстепенныхъ боговъ (*тэгринеръ*), которые суть представители нашихъ страстей, способностей и дѣйствій; они вѣчны и произошли отъ неба, подобно душѣ, которой явленія они изображаютъ собою. Наконецъ темное понятіе о безсмертіи души и будущей жизни произ-

вѣло *онгоновъ*, которые суть не иное что̀, какъ обожаемыя души умершихъ людей.

«Вотъ въ чемъ заключается шаманство! Если его сравнить съ миѳологическими системами древнихъ народовъ Азіи и Европы, то нашлось бы, можетъ быть, замѣчательное сходство между черною вѣрою и другими, — но сходство случайное, или, лучше сказать, естественное, независящее отъ сближенія народовъ.» *

Такъ вѣрно, свѣтло и философически понималъ свой предметъ юный кандидатъ, только-что оставившій университетскую скамью, а десять лѣтъ тому, дитя природы, росшій среди стадъ родимыхъ степей!

Какая разница между этимъ разумнымъ воззрѣніемъ на шаманство и взглядомъ покойнаго О. Іакинѳа, который довольствовался извлеченіемъ изъ маньджурскаго устава описанія обрядовъ и штатовъ китайскихъ шаманокъ! ** Можно подумать, что два писателя о шаманствѣ имѣли въ виду различную публику, и одинъ писалъ для Европы, а другой для Пекина, и притомъ Монголъ смотрѣлъ какъ Европеецъ, а Европеецъ какъ Монголъ.

II.

При выпускѣ изъ университета, Банзаровъ, кромѣ монгольскаго и маньджурскаго языковъ, зналъ русскій какъ второй природный, хорошо понималъ по французски, по-нѣмецки, по-англійски и по-латынѣ, и имѣлъ свѣдѣнія въ турецкихъ языкахъ, которыми хотѣлъ потомъ болѣе заняться для сравненія съ монгольскимъ. При свѣтлой головѣ, ему понятны были са-

---

* *Ученыя Записки Казанскаго Университета*, 1846, книжка III, стр. 50.

** См. *Китай, его жители* и проч. СПб. 1840, стр. 314—328.

мые утонченные вопросы и требованія эрудиціи, и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и направленіи обнаруживалъ онъ чисто-европейскій складъ ума, сочувствіе къ современнымъ идеямъ, соучастіе въ жизни и движеніяхъ человѣчества. Кромѣ чингисхановской физіогноміи, ничто не обличало въ немъ средне-азійскаго человѣка.

Такимъ узнали мы его въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ изъ Казани въ концѣ 1847 года. Онъ спѣшилъ познакомиться съ здѣшними оріенталистами, а они съ нимъ. При своей общительности, онъ скоро подружился со всѣми, и взаимный обмѣнъ свѣдѣній, взглядовъ и желаній былъ столь же полезенъ ему, какъ и имъ. Главнымъ занятіемъ его было изученіе монгольскихъ и маньджурскихъ книгъ и рукописей, хранящихся въ Азіятскомъ Музеѣ Академіи Наукъ и Публичной Библіотекѣ. Проведя утро въ одномъ изъ этихъ двухъ книгохранилищъ, онъ обѣдалъ гдѣ-нибудь въ гостинницѣ, и послѣ обѣда, въ скромномъ своемъ уголкѣ, который нанималъ у портнаго въ Столярномъ переулкѣ, съ трубкой во рту, обработывалъ и соображалъ сдѣланныя имъ выписки.

Столь примѣчательная личность не могла не обратить на себя вниманія ученыхъ. Дорджи Банзаровичъ сдѣлался «львомъ» общества оріенталистовъ. В. В. Григорьевъ, издававшій тогда «Извѣстія» Географическаго Общества, посвятилъ ему цѣлую страницу въ этомъ ученомъ изданіи. * «Въ то время, какъ Германія восхищается негритянскимъ *джентльменомъ*»,— писалъ Григорьевъ,—«здѣсь въ Петербургѣ находится монгольскій *гелертеръ* въ полномъ значеніи этого

---

* *Географическія Извѣстія*, 1848 года, стр. 28, статья: «Монголъ съ европейскою ученостью».

слова. Это Г. Дорджи Банзаровъ, Монголо-Бурятъ, буддистскаго исповѣданія.... Физіогномія этого молодаго ученаго слишкомъ явственно изобличаетъ происхожденіе его отъ одной кости съ Чингисомъ и Батыемъ; но по складу, какой получилъ его умъ чрезъ воспитаніе, онъ могъ бы надѣть съ честью докторскій колпакъ въ любомъ европейскомъ университетѣ.» Г. Бётлингъ сообщилъ о немъ извѣстіе для иностранныхъ читателей въ Bulletin Академіи Наукъ *. «Кромѣ монгольскаго», — писалъ онъ, — «Г. Банзаровъ ревностно занимался калмыцкимъ, маньджурскимъ и санскритскимъ, въ которыхъ имѣетъ весьма основательныя свѣдѣнія; изъ европейскихъ языковъ онъ знаетъ русскій какъ второй природный, и свободно понимаетъ сочиненія на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ языкахъ. Наставники и друзья его возлагаютъ на него большія надежды и ожидаютъ отъ него со временемъ важныхъ открытій.»

Первая, напечатанная въ Петербургѣ, статья его была *рецензія*, написанная имъ для журнала «Сѣверное Обозрѣніе», на только-что вышедшую тогда «калмыцкую грамматику», казанскаго профессора А. В. Попова. ** Банзаровъ хвалилъ этотъ трудъ, но не соглашался съ мнѣніемъ автора о самобытности калмыцкой литературы. «Того, что̀ написали сами Калмыки», — говоритъ онъ, — «слишкомъ мало, чтобъ называть это громкимъ именемъ самобытной литературы; еще менѣе можно сказать о вліяніи на Калмыковъ Восточнаго Туркистана, который самъ вѣчно зависѣлъ отъ сосѣдей; а переводы съ тибетскаго, какъ

* *Bulletin de la classe hist. philol. de l'Acad.*, t. V, N⁰ 4.

** *Грамматика калмыцкаго языка.* А. Попова. Казань, 1847.

извѣстно, не должны называться литературою.» *
Какъ справедливо это замѣчаніе Банзарова, доказывается тѣмъ, что въ вышедшей вскорѣ новой грамматикѣ того же языка, А. А. Бобровникова, калмыцкій и монгольскій языки разсматриваются уже нераздѣльно, какъ одно цѣлое. **

Результатомъ разсмотрѣнія манджурскихъ книгъ и рукописей Азіятскаго Музея былъ составленный имъ для Академіи *Каталогъ*, напечатанный въ Бюллетенѣ. Онъ раздѣленъ на двѣнадцать отдѣловъ: I. языкознаніе (словари, разговоры и грамматики); II. «Дзины», или классическія книги (переведенныя съ китайскаго); III. философія и нравственность; IV. географія; V. исторія; VI. законодательство; VII. религія буддійская; VIII. религія христіанская; IX. военное искусство; X. медицина; XI. словесность (историко-романическія преданія, повѣсти и вымышленные разсказы), и XII. смѣсь. Всего разсмотрѣно болѣе ста сочиненій, въ числѣ которыхъ оказались и нѣкоторые обширные рукописные труды русскихъ оріенталистовъ, остающіеся до сихъ поръ неизданными, какъ-то «Маньджурско-китайско-монгольскій Словарь съ переводомъ на русскій языкъ», «Словарь маньджурско-русскій, содержащій въ себѣ названія должностей, чиновъ и присудственныхъ мѣстъ китайскаго государства», и «Священное Писаніе, переведенное на маньджурскій Липовцовымъ», двадцать одна книга въ трехъ томахъ. *Каталогъ* Банзарова составленъ по порученію историко-филологическаго отдѣленія Академіи, которое просило его также и

* *Сѣверное Обозрѣніе*, 1848 года, мартъ, отд. критики, стр. 30.
** *Грамматика монгольско-калмыцкаго языка*. А. Бобровникова. Казань, 1849.

объ описаніи хранящихся въ этнографическомъ ея музеѣ статуй и живописныхъ изображеній, относящихся къ буддійскому вѣроисповѣданію. Банзаровъ, въ короткое время, составилъ и представилъ въ Академію полный *Списокъ* этимъ предметамъ, къ сожалѣнію оставшійся въ рукописи.

III.

Незадолго до прибытія Банзарова въ Петербургъ, ученыхъ оріенталистовъ нашихъ занималъ вопросъ о древне-монгольскихъ письменахъ, возбужденный изданною В. В. Григорьевымъ брошюрою «О монгольской надписи, найденной въ Восточной Сибири». Надпись эта вырѣзана на серебряной дощечкѣ «неизвѣстными» буквами, которыя впрочемъ бывшій начальникъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ, О. архимандритъ Аввакумъ разобралъ безъ труда, прочелъ надпись по-монгольски, и перевелъ такъ: «Силою неба, имя *Мунке*-Хана да будетъ свято; кто не уважитъ, тотъ погибнетъ, умретъ». Ученый синологъ прочелъ надпись безъ всякаго труда потому, что уже владѣлъ ключомъ къ ея чтенію, разобравъ въ Пекинѣ одну монгольскую граммату XIV вѣка, писанную такими же точно литерами. Прочтя и переведя «неизвѣстныя» письмена на серебряной дощечкѣ, оставалось опредѣлить, какія это письмена, кѣмъ изобрѣтены, какъ назывались, и когда были въ употребленіи у Монголовъ. Трудъ этотъ взялъ на себя Г. Григорьевъ.

Принимая въ соображеніе, что они не могутъ быть ни «уйгурскія», которыми писаны древніе ярлыки, и отъ которыхъ они совершенно отличаются формою, ни «квадратныя», изобрѣтенныя Пагба-Ламою въ 1269 году, тогда какъ надпись принадлежитъ времени Мёнке-

Хана, умершаго за десять лѣтъ до этого времени, Григорьевъ предположилъ, что буквы эти могли быть «тангутскія», объ изобрѣтеніи которыхъ въ XI вѣкѣ говорятъ китайскія лѣтописи. *

Академикъ Шмидтъ вскорѣ выступилъ на поле полемики, опровергая и переводъ надписи, сдѣланный О. Аввакумомъ и заключенія Г. Григорьева о письменахъ. Въ переводѣ онъ принималъ слово *мёнке* не за собственное имя, а за прилагательное «вѣчный», и потому не относилъ дощечки къ Мёнке-Хану. Отстранивъ это затрудненіе къ признанію письменъ за изобрѣтенныя Пагба-Ламою, онъ, не обинуясь и безъ дальнихъ доказательствъ, назвалъ спорныя буквы спорной надписи «квадратными». **

Г. Григорьевъ отстоялъ переводъ О. Аввакума и слѣдовательно свое мнѣніе о письменахъ, и ловко уничтожилъ мелкія придирки Шмидта. ***

О. Іакинѳъ также принялъ сторону О. Аввакума, и выписками изъ китайскихъ лѣтописей подтвердилъ возможность «тангутскаго» происхожденія письменъ надписи. ****

Между тѣмъ Шмидтъ, недовольный неуважительнымъ къ его авторитету отвѣтомъ Григорьева, перепе-

---

* Григорьева, *Монгольская надпись временъ Мӧнке-Хана* и пр., въ *Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ*, 1846 г., т. XII, и отдѣльно.

** Шмидта, *О монгольской квадратной надписи* и пр., на нѣмецкомъ языкѣ, въ *St. Petersb. Zeitung.*, 1846, № 253; въ русскомъ переводѣ, въ *СПб. Вѣдом.* того же года № 249 и въ *Библіот. для Чтенія*, 1846, ноябрь.

*** *Отвѣтъ Г. академику Шмидту*, въ *Отечеств. Записк.*, 1846, декабрь, и отдѣльно.

**** О. Іакинѳа, *Замѣчанія по поводу спора о монгольской надписи*, въ *Финск. Вѣстн.*, 1847, май.

чаталъ первую статью свою въ академическомъ Бюллетенѣ, дополнивъ ее новыми доводами въ пользу своего мнѣнія и новыми выходками, не относящимися къ дѣлу. * Григорьеву не трудно было разбить своего противника, запутавшагося въ противорѣчіяхъ самому себѣ, и отстоять Мёнке-Хана и Тангутъ.**

Тѣмъ и закрылась полемика. Исходъ ея, на глаза безпристрастнаго наблюдателя, обнаруживалъ, что предметъ спора и былъ и остался спорнымъ; что, относительно перевода надписи, могли быть одинаково правы и Аввакумъ и Шмидтъ, одинъ принимая *Мёнке* за имя хана, другой за простое прилагательное «вѣчный»: потому что расположеніе монгольскихъ словъ двусмысленно и допускаетъ какъ тотъ, такъ и другой оборотъ фразы; а относительно названія письменъ «квадратными» или «тангутскими», какъ Шмидтъ, такъ и Григорьевъ, могли быть равно неправы, не имѣя твердой опоры въ подтвержденіе своей ипотезы, которая, поэтому, и осталась ипотезою, а не доказаннымъ фактомъ. Но ловкостью діалектики, умѣньемъ пользоваться данными и неотразимою логикою, Григорьевъ уничтожилъ всѣ прочіе доводы Шмидта, впрочемъ никогда не отличавшагося ни эрудиціей, ни талантомъ, и еще прежде претерпѣвшаго не мало пораженій отъ Клапрота и отъ О. Іакинѳа. Шмидтъ померъ, когда Банзаровъ былъ на пути изъ Казани въ Петербургъ.

Петербургскимъ оріенталистамъ желательно было услышать голосъ природнаго ученаго Монгола о не-

---

* Шмидтъ, въ *Bullet. de la classe histor. philol. de l'Académie*, t. IV, N⁰ 9.

** *Второй отвѣтъ Г. академику Шмидту*, въ *Финск. Вѣстн.*, loc. cit.

конченномъ спорѣ, и Банзарову вскорѣ представился случай высказать о томъ свое мнѣніе. И онъ сказалъ прямо, что, по его убѣжденію, «Шмидтъ большею частью былъ неправъ», и приговоръ этотъ напечатанъ въ томъ же академическомъ Бюллетенѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ раздавался самоувѣренный голосъ Шмидта. *

Первая статья Банзарова, подъ заглавіемъ *О двухъ среднеазійскихъ алфавитахъ*, посвящена была опредѣленію «квадратныхъ» и «тангутскихъ» письменъ. Настоящими «совершенно квадратными», изобрѣтенія Пагба-Ламы, призналъ онъ тѣ, какими надписанъ заголовокъ на ярлыкѣ супруги хана Дарма-Балы. Самый же ярлыкъ писанъ тѣми же почти литерами, какъ и надпись на дощечкѣ. Разность этихъ литеръ отъ «совершенно квадратныхъ», какими надписанъ заголовокъ ярлыка, объясняется существующею во всѣхъ почти письменахъ разностью между скорописью и уставнымъ письмомъ. Что письмена эти слѣдуетъ признать такъ называемыми «квадратными», изобрѣтенными Пагба-Ламою и введенными въ употребленіе въ 1269 году, доказывалъ Банзаровъ тѣмъ, что ими писаны офиціальные акты 1314 — 1321 годовъ, только сорокъ пять лѣтъ послѣ утвержденія императоромъ «квадратной» азбуки, въ теченіе которыхъ не было выдумано ни какой другой азбуки, а только усовершенствована Пагбина. Образцомъ «тангутскаго» письма призналъ онъ нѣсколько строкъ, приведенныхъ въ одномъ тибетскомъ сборникѣ алфавитовъ ** и имѣющихъ также совершенно ква-

* *Bullet. de la cl. hist. phil.*, t. V, № 9.

** Книга № 590 по *Каталогу библіотеки Азіятскаго Департамента*. СПб., 1843.

дратную форму. Тибетскій компилаторъ назвалъ буквы эти «русскими», за какія принялъ-было ихъ и Г. Бётлингъ; но «народомъ Желтой Равнины», какъ *теперь* называютъ Русскихъ въ Тибетѣ, называлась у нихъ въ древности не Россія, о которой не могли доходить туда и слухи, а какой-либо другой народъ. Названіе это составлено по той же формѣ какъ и названіе Китая и Индіи, извѣстныхъ у нихъ подъ именемъ «Черной» и «Бѣлой Равнинъ»; слѣдовательно, названіе «Желтой» должно принадлежать также одной изъ сосѣдственныхъ странъ Тибета. Кто-жъ могъ быть извѣстенъ Тибетцамъ подъ этимъ названіемъ? Туркистанъ? — но тамъ употреблялись письмена уйгурскія, арабскія и можетъ-быть сирійскія, вовсе не схожія съ приводимыми подъ названіемъ «изъ Желтой Равнины». Монголы, Персы или южные сосѣди? — но они извѣстны были Тибетцамъ подъ ихъ собственными именами, и письмена ихъ также не Желтой Равнины. Киданъ или Ню-джи? — неизвѣстно, какъ называли ихъ Тибетцы, но извѣстны ихъ азбуки на-маперъ китайской и не имѣющія ни малѣйшаго сходства съ «желтыми». * Остается одинъ Тангутъ, и этому-то государству приписалъ Банзаровъ письмена Желтой Равнины.

Это изслѣдованіе прибавило и разъяснило не мало новыхъ данныхъ о письменахъ, употреблявшихся въ XI по XIV вѣкъ въ Средней Азіи.

Вскорѣ неожиданная находка новой серебряной дощечки съ монгольскою надписью несказанно обрадо-

---

* Образцы киданьскаго и нюджискаго письма изображены на таблицѣ, приложенной ко II тому *Статист. Описанія Китая*, О. Іакинѳа, СПб., 1842.

вала нашего изыскателя. Академія Наукъ поручила ему разобрать надпись, и Банзаровъ, не медля, представилъ ей свое *Объясненіе монгольской надписи на серебряной дощечкѣ, найденной въ Екатеринославской губерніи*. Эта дощечка главнымъ содержаніемъ своей надписи сходна была съ первою, только моложе, именно золото-ордынскаго хана Абдуллаха, царствовавшаго въ шестидесятыхъ годахъ XIV столѣтія, и писана не квадратными, а уйгурскими буквами. Кромѣ филологическаго объясненія надписи, Банзаровъ сообщилъ въ ней еще нѣсколько новыхъ замѣчаній о первой дощечкѣ. *

Оба эти изслѣдованія (о среднеазійскихъ алфавитахъ и объ екатеринославской дощечкѣ) представлены были Банзаровымъ въ Академію на русскомъ языкѣ, а изданы ею только въ нѣмецкомъ переводѣ. Это обстоятельство и побудило меня просить его, дать напечатать подлинныя статьи по-русски въ «Запискахъ Археологическаго Общества». Дорджи, между тѣмъ, вычиталъ еще многое объ этихъ дощечкахъ, и въ декабрскомъ засѣданіи Общества (того же 1848 года) представлено было его новое, болѣе полное изслѣдованіе, результатъ всѣхъ разысканій объ этомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: *Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ*.

Въ то же засѣданіе онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Общества.

Что̀ такое пайзѐ? — Этимъ словомъ у персидскихъ историковъ монгольскаго періода названы жалованныя

* Въ 1853 году найдена въ Забайкальской области третья подобная дощечка, почти совершенно схожая съ изданною Григорьевымъ. Описаніе ея сообщается мною въ слѣдующей статьѣ.

ханами дощечки съ надписями; слѣдовательно, это названіе и тѣхъ дощечекъ, которыя занимали нашихъ оріенталистовъ. Банзаровъ отыскалъ извѣстія о существованіи этихъ *пайзе* и въ персидскихъ писателяхъ, и въ путешествіи Марко-Поло, и въ ярлыкѣ Бирдибекъ-Хана, данномъ Алексѣю Митрополиту, гдѣ сказано: «*байсу* да ярлыкъ съ алою тамгою дали есьмы на утвержденіе вамъ». Такимъ образомъ, отдаленный вопросъ о древне-монгольскихъ письменахъ приведенъ былъ, благодаря изслѣдованіямъ Банзарова, въ соприкосновеніе съ памятниками отечественной старины, и послужилъ къ объясненію русскаго текста граммоты, пожалованной кіевскому митрополиту.

Въ помянутой статьѣ, кромѣ своего перевода надписей двухъ дощечекъ, изслѣдованія о письменахъ ихъ и о назначеніи этихъ металлическихъ знаковъ, Банзаровъ снова коснулся спорной надписи на дощечкѣ, приписанной О. Аввакумомъ и Григорьевымъ Мёнке-Хану, и успѣшно или по крайней мѣрѣ остроумно объяснилъ, почему слово *мёнке* вырѣзано на дощечкѣ особою строкою, какъ пишутся лишь собственныя имена хановъ, по китайскому обыкновенію. «Можно думать», говоритъ онъ, «что оно попало въ красную строку по ошибкѣ гравера-Китайца, не знавшаго монгольской грамоты, или что это еще слѣды обычаевъ царствованія Мёнке-Хана. При немъ эти дощечки уже были въ употребленіи у Монголовъ. Изъ лести, или для приданія надписи современной важности, могли монгольскіе секретари хана Мёнке ставить нарочно слово *мёнке*, которое собственно должно стоять передъ *тенгри*, сверху между двумя строками такъ, чтобы оно могло быть отнесено къ обѣимъ: въ первой строкѣ оно значило «вѣчный», а во второй является соб-

ственнымъ именемъ царствующаго хана. Но въ-послѣдствіи, когда, при Хубилаѣ, стали переписывать эти надписи новыми буквами Пагбы, которыми велѣно писать всѣ государственныя дѣла, слово *мёнке* могло писаться, благодаря привычкѣ Китайцевъ держаться строго старины, въ томъ положеніи, какъ оно писалось при Мёнке-Ханѣ. «Конечно, это догадка», заключаетъ авторъ: «но только ею и можно объяснить, почему *мёнке* страннымъ образомъ поставлено въ надписи между строками.»

Желая принять дѣятельное участіе въ трудахъ Общества, которое, неожиданно для него, почтило его званіемъ члена-корреспондента, Банзаровъ вскорѣ представилъ въ Археологическое Общество замѣчанія свои *О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій*. Это не ученое изслѣдованіе, какъ говоритъ и самъ авторъ, а только первый опытъ истолкованія названій нѣкоторыхъ старинныхъ вооруженій русскихъ словами монгольскаго и турецкаго языка. Въ этой статьѣ объяснены значеніе и происхожденіе пяти названій: «куякъ, бахтерецъ, тегиляй, джидъ и сайдакъ», и кромѣ того высказано нѣсколько замѣчаній о томъ, какимъ образомъ могло распространяться на Руси заимствованіе оружія отъ Монголовъ.

IV.

Полгода пребыванія въ Петербургѣ было лучшей порою духовной жизни Банзарова. Имѣя доступъ въ богатѣйшія книгохранилища и музеи столицы, открывая то одинъ, то другой новый фактъ для науки, видя труды свои цѣнимыми и Академіею и Археологическимъ Обществомъ, а послѣ утомительныхъ трудовъ проводя время въ изученіи современной исторіи или въ бесѣдѣ съ учеными, принимавшими живое участіе

въ ходѣ его занятій, Банзаровъ былъ дѣятеленъ и доволенъ, и едва ли желалъ разстаться съ Петербургомъ.

Кромѣ исчисленныхъ уже изслѣдованій, оконченныхъ имъ въ Петербургѣ, его занимали еще два труда, которые онъ не успѣлъ здѣсь вполнѣ окончить.

Первый — объясненіе монгольской надписи на такъ называвшемся до тѣхъ поръ «чингисхановомъ памятникѣ», — плитѣ, привезенной изъ Сибири и вдѣланной нынѣ въ стѣну у дверей Азіятскаго Музея. Сознавая всю невѣрность нѣмецкаго перевода, выданнаго Шмидтомъ,* и желая отчетливо и добросовѣстно разобрать и объяснить этотъ любопытный памятникъ монгольской древности, Банзаровъ цѣлыя недѣли проводилъ у плиты, копируя надпись, въ подлинную ея величину, черта въ черту, на прозрачной бумагѣ. Этотъ пріуготовительный трудъ, т. е. вѣрный снимокъ, былъ сдѣланъ; оставалось прочесть, перевести и объяснить надпись. Филологическія трудности не разъ его останавливали и приводили въ отчаяніе, но наконецъ добился онъ вполнѣ отчетливаго чтенія и смысла надписи. Съ торжествующимъ лицомъ тріумфатора, забѣжалъ онъ къ своимъ пріятелямъ, чтобы сообщить имъ свое *эврика!* Набросавъ на бумагу свои замѣтки, онъ взялъ ихъ съ собою при отъѣздѣ изъ Петербурга, чтобъ привести ихъ въ порядокъ и прислать, вмѣстѣ съ снимками, для изданія въ Запискахъ Археологическаго Общества.

Другой трудъ, который онъ также хотѣлъ приготовить къ изданію, но не кончилъ и вчернѣ — это объ-

* Еще въ статьѣ о *пайзе* писалъ Банзаровъ: «По ближайшемъ разсмотрѣніи надписи на самомъ камнѣ, можно замѣтить, что чтеніе и переводъ ея не такъ вѣрны, какъ думалъ «покойный монголистъ».

ясненіе еще неизвѣстнаго въ Европѣ ярлыка, даннаго въ 1321 году вдовствующею ханьшею, супругою императора Дарма-Балы. Снимокъ съ этой лапидарной гранматы снятъ былъ почтеннымъ О. Аввакумомъ во время пребыванія его въ Пекинѣ, и Банзаровъ скопировалъ ее съ этого снимка. Онъ пользовался ею уже при составленіи статьи своей «о среднеазійскихъ алфавитахъ.»

Кромѣ этихъ двухъ историко-филологическихъ изслѣдованій, Дорджи имѣлъ въ виду приготовить къ изданію текстъ и переводъ, съ критическими объясненіями, еще мало извѣстной, но любопытной монгольской лѣтописи *Алтанъ-Тобчи*. И этотъ трудъ, который могъ быть столь важнымъ для исторіи Монголовъ, не успѣлъ кончить Банзаровъ.

Въ маѣ 1848 года Дорджи простился съ Петербургомъ, не думая впрочемъ, что навсегда.

Онъ былъ уволенъ изъ сословія казаковъ, къ которымъ причислены нѣкоторые бурятскіе роды, и опредѣленъ чиновникомъ для особыхъ порученій при Г. генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, съ переименованіемъ въ чинъ коллежскаго секретаря.

Археологическое Общество, узнавъ объ отъѣздѣ Банзарова, и желая, съ своей стороны, чтобы пребываніе ученаго монголиста въ Сибири послужило на пользу науки объясненіемъ сохранившихся тамъ памятниковъ древности, еще никѣмъ достаточно не объясненныхъ, поручило Банзарова, какъ своего корреспондента, вниманію Г. генералъ-губернатора, и Его Превосх. Н. Н. Муравьевъ, съ свойственною ему просвѣщенною внимательностью, отвѣчалъ, что охотно исполнитъ желаніе Общества доставленіемъ, при случаѣ, члену-кор-

респонденту Банзарову возможности посѣщать мѣста, любопытныя для археологическихъ изслѣдованій.*

V.

Въ Казани, Банзаровъ хотя недолго пробылъ до своего отъѣзда въ Иркутскъ, но не оставался празднымъ. Профессоръ казанскаго университета И. Н. Березинъ печаталъ тогда текстъ и переводъ татарской лѣтописи Шейбанидовъ, *Шейбани-намè*, заключающій въ себѣ вкратцѣ и древнѣйшую исторію Монголовъ и Турковъ. Ученый профессоръ желалъ воспользоваться свѣдѣніями своего сотоварища въ монгольской литературѣ для поясненія нѣкоторыхъ вопросовъ древности монголотурецкой, и Банзаровъ взялся написать нѣсколько примѣчаній къ этой книгѣ.

Четыре, написанныя имъ статьи, не смотря на краткость, представляютъ результатъ обширной начитанности и долгихъ соображеній, и тѣмъ болѣе важны, что касаются колыбели монгольскаго народа.

Ученый Монголъ задалъ себѣ рѣшить темныя задачи: *о происхожденіи названія Монголовъ*, имени *Чингисъ*, названій *Эргене-хона* и *Уйгуровъ*, — вопросы, интересные и для изслѣдователя монгольскаго періода русской исторіи.

Отвергая прежнія этимологіи имени «Монголъ», Банзаровъ принимаетъ самую естественную: *Монголъ* и значитъ *Мон-голъ*, т. е. «Монъ-рѣка». «Монголы», слѣдовательно, «жители рѣки Монъ», какъ Ширай-голы жители Желтой рѣки (Шира-голъ). А что, въ имени *Монголъ*, слово *Монъ* есть собственное имя, доказывается тѣмъ, что многіе владѣтели этого поколѣнія

* См. Записки Археол. Общ., т. III, переч. засѣд., стр. 20 и 56.

назывались «монскими», какъ напримѣръ *Монъ-ханъ*, «монскій ханъ,» *Мона-лунъ*, «монская княжна». Гдѣ же эта «рѣка *Монъ*», давшая имя Монголамъ? На сѣверномъ берегу Желтой рѣки доселѣ есть «гора *Мона*»; здѣсь же должно искать и рѣки того же имени; въ XV столѣтіи она еще была извѣстна. Древніе Монголы приносили здѣсь жертвоприношенія, что указываетъ на сохранившееся у нихъ историческое воспоминаніе объ этой колыбели своихъ предковъ. Для начала имени *Монголъ* и политическаго значенія въ степи поколѣнія, извѣстнаго подъ этимъ именемъ, нашъ Монголъ-монголистъ принимаетъ первую половину IX столѣтія, съ безпристрастіемъ истиннаго ученаго отвергая древнѣйшее существованіе этого поколѣнія, которое европейскіе оріенталисты, Дегинь, Шмидтъ и О. Іакинѳъ, по недостатку критическихъ соображеній, возводили даже до Рождества Христова. До эпохи Чингисъ-Хана, по мнѣнію Дорджи, монгольское поколѣніе не имѣло никакого значенія въ степи.

Что значитъ слово *Чингисъ*, какъ офиціально прозвалъ себя Темучинъ, выдвинувшій Монголовъ на поприще исторіи? Вопреки европейскимъ этимологамъ, по мнѣнію Банзарова, оно не монгольское. Основываясь на отрывочныхъ китайскихъ извѣстіяхъ, онъ полагаетъ, что это былъ древній титулъ великихъ хановъ народа Хюн-ну, владѣвшаго всею Монголіею до конца перваго столѣтія отъ Р. Х., равносильный китайскому титулу «Сынъ Неба». Преданіе могло удержать въ памяти, что ханъ, владѣющій всею Монголіею, долженъ называться *чингисъ*; Темучинъ поэтому и назвалъ себя Чингисомъ.

Эргенè-Конъ — такъ названа у мусульманскихъ историковъ долина, гдѣ было первое пребываніе Монголовъ. Отыскавъ корни этихъ двухъ словъ, Банзаровъ

доказалъ, что они древне-монгольскія и значатъ «крутой яръ». Отыскивать эту долину слѣдуетъ въ южной Монголіи, въ горахъ которой встрѣчается нѣсколько названій *Эргенекъ* и *Хонъ*.

Бо́льшая часть европейскихъ оріенталистовъ, и въ новѣйшее время Сенковскій и мирза Каземъ-Бекъ, объясняли названія *Ойратъ* и *Уйгуръ* словами турецкаго корня, означающими «союзъ» и «союзниковъ». Дорджи, не раздѣляя этого мнѣнія, производитъ эти два названія отъ монгольскихъ *ой-аратъ* и *уй-гуръ*, «лѣсные народы», доказывая и историческими извѣстіями, что поколѣнія эти дѣйствительно обитали въ «лѣсной» части Монголіи, составляя съ VIII столѣтія, одно политическое тѣло.

Это четыре небольшія изслѣдованія бросаютъ не мало свѣта на древнюю исторію Средней Азіи, разрѣшая просто и логически то, что̀ казалось дотолѣ столь запутаннымъ и темнымъ.

VI.

Въ Казани и Иркутскѣ, куда прибылъ Банзаровъ на службу въ 1849 году, онъ обработалъ окончательно изслѣдованіе свое *О монгольской надписи съ именемъ Чингисъ-Хана*, начатое, какъ упомянуто выше, въ Петербургѣ. Рукопись и снимокъ съ надписи, во всю ея величину, присланы были ко мнѣ уже изъ Иркутска.

Статья эта напечатана въ третьемъ томѣ Записокъ Археологическаго Общества, и также отдѣльно, со снимкомъ надписи, уменьшеннымъ посредствомъ камеръ-обскуры и переведеннымъ на бумагу по способу Тальбота. Снимокъ этотъ былъ едва ли не первое приложеніе фотографіи къ археологіи.

Въ предисловіи къ статьѣ разсказана исторія памятника и попытокъ объяснить его надпись.

Когда привезенъ былъ камень этотъ въ Петербургъ, Шмидтъ издалъ описаніе его и переводъ надписи. Трудности и отсутствіе смысла его не останавливали, и онъ самоувѣренно выдалъ за Чингисъ-Ханову эту надпись, переведенную имъ «безъ труда» на нѣмецкій языкъ слѣдующимъ образомъ:

«Отъ Чингисъ-Хана, когда онъ, покоривъ сартагольскій народъ, воротился и положилъ конецъ враждѣ отъ прежнихъ временъ всѣхъ монгольскихъ народовъ, всѣмъ тремъ стамъ тридцати демонамъ, въ знакъ изгнанія.»

Напрасно логика недоумѣвала въ смыслѣ, приданномъ столь важному памятнику, — Шмидтъ увѣрялъ, что переводъ его «вѣренъ» и не терпѣлъ возраженій.

Природный Монголъ, ученый основательный и притомъ съ свѣтлою головой, Дорджи Банзаровъ, еще не видѣвъ самаго памятника, сознавалъ невѣрность объясненія. «Я сдѣлалъ съ надписи возможно вѣрный снимокъ во всю величину», говоритъ онъ, «и по внимательномъ разсмотрѣніи надписи на самомъ камнѣ, удостовѣрился, что снимокъ Г. Шмидта не совсѣмъ вѣренъ, а переводъ его требуетъ исправленій. Объясняя вновь надпись, я не дозволялъ себѣ ни малѣйшаго произвола при чтеніи: отъ того нашлись въ ней такія слова, которыя неизвѣстны въ нынѣшнемъ языкѣ Монголовъ, но могли быть въ употребленіи въ XIII столѣтіи. Г. Шмидтъ поступилъ въ этомъ случаѣ слишкомъ произвольно, и всю надпись «объяснилъ» и «очень легко» современными словами.»

Затѣмъ разбираетъ Банзаровъ каждое сомнительное слово надписи, приводитъ филологическія доказательства въ пользу своего чтенія, и въ результатѣ выходитъ простой и ясный смыслъ надписи. Вотъ какъ переводитъ ее Банзаровъ:

«Когда Чингисъ-Ханъ, послѣ нашествія на народъ Сартагулъ, возвратился, и люди всѣхъ монгольскихъ поколѣній собрались въ Буга-Сучигаѣ, то Исункѐ получилъ въ удѣлъ триста тридцать пять воиновъ хонгодорскихъ».

Изъ этого видно, что памятникъ поставленъ въ честь Исункѐ, племянника Чингисъ-Хана, давшаго ему въ удѣлъ 335 воиновъ или тогдашній полкъ, а не въ честь «изгнанія 335 демоновъ».

Эта раздача удѣловъ подтверждается и свидѣтельствомъ знаменитаго персидскаго исторіографа Монголовъ Решидъ-Эддина, который пишетъ, что Чингисъ-«Ханъ далъ по полку каждому изъ своихъ племянниковъ, въ томъ числѣ и Исункѐ». Тотъ же историкъ пишетъ, что юртъ или мѣстопребываніе Исункѐ находился близъ береговъ Аргуни: близъ этой рѣки, у рѣчки Кыркоръ, и найденъ памятникъ, о которомъ идетъ рѣчь; онъ стоялъ среди развалинъ, вѣроятно дворца поименованнаго въ надписи князя Исункѐ.

«Въ историческомъ отношеніи,» заключаетъ Банзаровъ, «наша надпись замѣчательна, какъ древнѣйшій образчикъ монгольской письменности, и какъ выраженіе того памятнаго въ исторіи Азіи и Европы момента, когда Чингисъ-Ханъ, на хурилтаѣ (сеймѣ), раздавалъ царства своимъ потомкамъ, и тѣмъ надолго рѣшилъ судьбы многихъ странъ и народовъ, въ томъ числѣ и Россіи.»

Это примѣчательное изслѣдованіе Банзарова было и послѣднее имъ обработанное.

VII.

Банзаровъ отъ природы былъ добръ до безхарактерности и мягокъ до слабости. Въ обществѣ ученыхъ, въ Казани и Петербургѣ, онъ былъ ученый, преданный своему дѣлу, и по идеямъ космополитъ съ монгольскою физіогноміей. Въ Иркутскѣ, ни съ кѣмъ еще не знакомый, не встрѣчая, можетъ быть, того сочувствія, которое составляетъ необходимую поддержку личностей слабыхъ, онъ сталъ дичать; брататься лишь съ грязными Бурятами, къ которымъ влекло его чувство національности; чуждаться всякаго общества и знакомства. Любопытно было бы, въ психологическомъ отношеніи, прослѣдить этотъ обратный переходъ изъ Европейца въ Бурята... Оставленный въ европейской сферѣ, нашъ Бурятъ окончательно перешелъ бы въ Европейца; образованіе вошло бы въ кровь и плоть. Вступивъ же въ соприкосновеніе съ людьми полудикими, но родными ему по лицу, по языку, по вѣрѣ, по преданіямъ, дорогими по неизгладимымъ воспоминаніямъ дѣтства, Дорджи невольно увлекся чувствами. Къ понятному сочувствію къ своимъ родичамъ примѣшивалось, конечно, и сознаніе собственнаго достоинства и чувство самолюбія, потому что соплеменники смотрѣли на него какъ на чудо, уважали и чтили его, не смотря на его европейскую одежду и стриженую голову безъ косы.

Къ казанскимъ и петербургскимъ друзьямъ своимъ онъ, въ теченіи пяти лѣтъ, едва написалъ нѣсколько коротенькихъ писемъ, не смотря на ихъ запросы и побужденія.

Когда учредился въ Иркутскѣ Сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, его, въ первое же собраніе, избрали въ члены-сотрудники (1 декабря 1851 года); но рѣдко видѣли его въ засѣданіяхъ Отдѣла: онъ присутствовалъ тогда только, когда кто-нибудь за нимъ заѣзжалъ и насильно тащилъ съ собою въ засѣданіе. *

Въ протоколахъ Отдѣла только дважды встрѣчаемъ его имя, по случаю представленія имъ отзыва объ одной статьѣ и перевода съ монгольскаго *Путешествія Зая-Хамбы въ Тибетъ.*

Но, не участвуя непосредственно въ трудахъ Отдѣла, Дорджи, по своей обширной начитанности, все-таки былъ весьма полезенъ многимъ изъ своихъ сочленовъ сообщеніемъ имъ той или другой мысли о древностяхъ и топографіи южной Сибири, и такому изустно выраженному мнѣнію Банзарова обязаны мы открытіемъ мѣста рожденія Чингисъ-Хана въ предѣлахъ Россіи.

Вотъ какъ это было.

Членъ сотрудникъ Сибирскаго Отдѣла Г. Юренскій, отправляясь въ поѣздку по Нерчинской Дауріи, совѣтовался съ Банзаровымъ, который, сообразивъ маршрутъ его, указалъ путешественнику на мѣстность, гдѣ должно отыскивать мѣсторожденіе великаго монгольскаго завоевателя.

Мѣсто рожденія Чингисъ-Хана, у лучшаго историка монгольскихъ родовъ и династій, Решидъ-Эддина, названо *Дилюнъ-Булдакъ***; такъ же и у Хон-

---

* Сообщено мнѣ ученымъ дѣлопроизводителемъ Сибирскаго Отдѣла Ю. И. Штубендорфомъ.

** ديلون بولداق

демира.[1] У Сананъ-Сецена, *Делигюнъ-Булдокъ*.[2] Имя это, по нынѣшнему монгольскому произношенію *Дэлюнъ-Болдокъ*, значитъ «Селезенка-холмъ.» У Абульгазы оно искажено въ *Белюнъ-Юлдукъ*[3] и *Бекунъ-Ялдукъ*[4]; у Китайцевъ, *Тѣливынь* (Дэлигюнъ-)-*Паньто* (-Болдокъ).[5]

По соображеніямъ Банзарова, эту мѣстность слѣдовало искать невдалекѣ отъ такъ называемаго по-монгольски «Большаго острова» (Экè-аралъ). Г. Юренскій, осмотрѣвъ наши пограничные караулы и объѣхавъ побережье рѣки Онона, дѣйствительно нашелъ мѣстность доселѣ сохраняющую названіе *Делюнъ-Болдокъ*: она находится на правомъ берегу Онона, въ семи верстахъ отъ Экè-арала или Большаго острова, выше по теченію рѣки, въ трехъ верстахъ отъ Кочуевскаго караула.

Осмотрѣвъ мѣстность эту глазомъ топографа, путешественникъ передалъ описаніе ея Банзарову, который хотѣлъ составить особую записку о мѣстѣ рожденія грознаго завоевателя.[6]

---

1 Григорьева, *Истор. Монгол.*, стр. 13. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Хондемира неправильно ديلون يلدق *Дилюнъ-Ялдакъ* (см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1844, т. XLIV, отд. II, стр. 36).

2 *Ssanang-Ssetsen*, ed. Schmidt, p. 379.

3 *Bloun-Youldouk*, *Блунъ-Юлдукъ*, по старинному французскому и русскому переводамъ Абульгазы.

4 بكون يلدوق по печатному казанскому изданію текста, стр. ١٤١.

5 Іакинеа, *Истор. четырехъ Хановъ*, стр. 38.

6 См. *Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1854 годъ*, стр. 68.

Не знаемъ, успѣлъ ли онъ кончить эту записку; во всякомъ случаѣ, ему принадлежитъ честь указанія на мѣсто рожденія Чингисъ-Хана.

VIII.

Здоровье Банзарова было давно разстроено. Страдая какою-то скрытою болѣзнью, онъ перемогался, не довѣрялъ врачамъ, и самъ составлялъ для себя лекарства по бурятскимъ рецептамъ. Такимъ образомъ онъ часто прихварывалъ и выздоравливалъ, и никто не подозрѣвалъ, чтобы онъ носилъ въ себѣ зародышъ преждевременной смерти. Въ послѣднихъ числахъ февраля, одинъ изъ членовъ Сибирскаго Отдѣла зашелъ къ нему съ разными учеными запросами, — и былъ пораженъ, увидѣвъ его мертваго на кровати. Кончина его была скоропостижная.

Въ Иркутскѣ не было ламы; но благопріятный случай далъ возможность устроить великолѣпныя буддійскія похороны, еще невиданныя въ Иркутскѣ. Незадолго до смерти Банзарова находился въ городѣ и только-что выѣхалъ оттуда хамбо лама или начальникъ буддійскаго духовенства. По приказанію генералъ-губернатора, послали нарочнаго воротить его съ дороги, для погребенія Дорджи. Устроена была печальная колесница, на которую поставили гробъ. Колоссальная фигура хамбо-ламы, и находившіеся при немъ простые ламы, въ желтой одеждѣ, читая буддійскія молитвы, сопровождали тѣло за городъ. Господинъ генералъ-губернаторъ и чиновники его канцеляріи отдали послѣдній долгъ умершему. Весь Иркутскъ стекся на похороны. Въ числѣ проводившихъ находился и извѣстный нашъ синологъ, отецъ архиман-

дритъ Аввакумъ, уважавшій познанія Дорджи и только-что возвратившійся изъ японской экспедиціи. *

Это было втораго марта 1855 года.

Съ Банзаровымъ рушились надежды ученыхъ на скорое объясненіе монгольскихъ древностей южной Сибири, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе истребляемыхъ временемъ. Много могъ бы онъ сдѣлать для науки; почтимъ память даровитаго и ученаго монголиста и за то, что̀ онъ успѣлъ совершить.

Какъ изслѣдователь среднеазіятской древности, онъ заслужилъ себѣ мѣсто между европейскими оріенталистами; какъ Бурятъ, показалъ, что дарованія и просвѣщеніе могутъ быть удѣломъ и этого поколѣнія, которое съ гордостью можетъ приводить его имя, какъ представителя своего въ области науки. Блескъ примѣчательной личности отражается и на народѣ, и Буряты отнынѣ пріобрѣли право на бо̀льшее вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дорджи Банзаровъ.

Въ іюнѣ 1855.

---

* Почтенному О. Аввакуму я и обязанъ за сообщеніе этихъ свѣдѣній о смерти и погребеніи Банзарова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СПИСОКЪ
СОЧИНЕНІЙ БАНЗАРОВА
(въ хронологическомъ порядкѣ).

1. Черная вѣра или шаманство у Монголовъ. (Ученыя Записки Императ. Казан. Универс., 1846 г., книжка III, стр. 53—120).

2. Разборъ сочиненія: Грамматика Калмыцкаго языка, А. Попова. (Сѣверное Обозрѣніе, 1848, мартъ, отд. критики, стр. 30—32).

3. Ueber zwei mittelasiatische Alphabete; von Dordshi Banzarow. Mit einer Nachschrift von O. Böhtlingk. Mit einer lithographischen Tafel. (Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie des sciences, t. V, n° 4).
   Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, 3 марта 1848.

4. Каталогъ книгамъ на маньджурскомъ языкѣ, находящимся въ Азіятскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ, составленный Д. Банзаровымъ. (Bulletin de la cl. hist. philol., t. V, N° 6).
   Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, 31 марта 1848.

5. Списокъ статуямъ и живописнымъ изображеніямъ буддійскихъ божествъ и боготворяемыхъ буддистами лицъ, также буддійскимъ вещамъ, находящимся въ Этнографическомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ.
   Представлено въ засѣданіи истор.-филолог. отд. Академіи, 5 мая 1848 г.; не напечатано.

6. Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement, auf den Gütern des Herrn Barons A. Stieglitz, ausgegrabenen Silberplatte. Mit einer lithographirten Tafel. (Bullet. de la classe hist. de l'Acad., t. V, N° 9).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи, 19 мая 1848. Дополненіемъ къ этой статьѣ служитъ другая, написанная, по отъѣздѣ Банзарова изъ Петербурга, Г. Бётлингомъ и читанная въ собраніи того же отдѣленія, 16 мая 1848, подъ заглавіемъ: Nachtrag zu der in N° 9 dieses Bulletins gegebenen Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer Silberplatte; von O. Böhtlingk (Bullet. de la cl. hist. phil., t. V, N° 12).

7. Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савельева. (Записки Археол. Общест., т. II, стр. 72—97).

Представлено въ засѣданіи Археологическаго Общества 13 декабря 1848 г.

Переводъ этой статьи на нѣмецкій языкъ напечатанъ въ Mémoires de la Société Impér. d'archéologie, t. V, pp. 328—339, и t. VI, pp. 441—448, подъ заглавіемъ: Paise oder Metallplatten mit den Befehlen der mongolischen Chane als Inschrift.

8. О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій. (Записки Археол. Общ., т. II, стр. 352—358).

Написано въ Петербургѣ, въ 1848 году; напечатано въ 1849.

9. О происхожденіи имени Монголъ. (Библіотека Восточныхъ Историковъ, изд. И. Березинымъ, томъ I, приложеніе II, стр. ١٥ — ١٧).

10. О происхожденіи слова Чингисъ. (Тамъ же, приложеніе III, стр. ١٨ — ٢٠.)

11. О названіи Эргенè-Хонъ. (Тамъ же, прилож. IV, стр. ٢١—٢٢).

12. Объ Ойратахъ и Уйгурахъ. (Тамъ же, прилож. V, стр. ١٣ — ١٩).

Эти четыре статьи написаны частью въ Петербургѣ, частью въ Казани, въ 1848 г.; напечатаны въ 1849 году.

13. Объясненіе монгольской надписи на памятникѣ князя Исункѐ, племянника Чингисъ-Хана. (Зап. Археол. Общ., т. III, стр. 268—292).

Представлено въ засѣданіи Археологическаго Общества 16 октября 1850 года.

Изслѣдованіе это начато Банзаровымъ въ Петербургѣ въ 1848 г. и окончено въ Иркутскѣ въ 1850. Снимокъ надписи сдѣланъ имъ, чрезъ прозрачную бумагу, въ настоящую величину; съ этого снимка сдѣланъ уменьшенный фотографическій снимокъ, съ котораго и отлитографированъ рисунокъ, приложенный къ статьѣ.

Отпечатано и отдѣльно въ числѣ 50 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: Монгольская надпись на памятникѣ князя Исункѐ, племянника Чингисъ-Хана, объясненная Дорджи Банзаровымъ, член. корресп. Имп. Археол. Общ., съ предисловіемъ П. Савельева, чл. основ. и секретаря того же Общ., и съ приложеніемъ снимка съ надписи. С. Петербургъ, 1851, 8⁰, 27 стр.

14. Путешествіе Зая-Хамбы въ Тибетъ. Переводъ съ монгольскаго.

Представлено въ засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества 23 декабря 1852 года; не напечатано.

МОНГОЛЬСКОЕ ПАЙЗЕ,

НАЙДЕННОЕ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

П. С. САВЕЛЬЕВА.

Въ Нюкскомъ селеніи, верхнеудинскаго округа Забайкальской области, найдены были, лѣтомъ 1853 года, при расчисткѣ поля, въ небольшомъ курганѣ, слѣдующія серебряныя вещи:

(Въ настоящую величину).

I. Чаша, съ пунктированнымъ узоромъ въ видѣ цвѣтка.
II—V. Четыре чаши или блюда съ высокими краями,

безъ узора, двѣ средней величины и двѣ поменѣе. VI. Кувшинъ. VII. Два плоскія блюда.

(Уменьшено въ $^1/_8$ противъ настоящ. велич.)

VIII. Дощечка, длиною въ 7 вершковъ, шириною 2 вершка, съ круглымъ отверстіемъ, обведеннымъ выпуклымъ бортомъ, на одномъ концѣ, и вырѣзанными надписями на обѣихъ сторонахъ. См. слѣдующій рисунокъ.*

Вѣсу во всѣхъ вещахъ оказалось 4 фунта 65 золотниковъ.

Кувшинъ, чаши и блюда довольно грубой работы. Не замѣчательныя въ отношеніи искусства, они любопытны однакожъ, какъ издѣлія древнихъ Монголовъ, современныя найденной съ ними дощечкѣ съ

---

* Помѣщаемые здѣсь рисунки этихъ вещей изданы въ *Извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году*, напечатанномъ по распоряженію Г. министра удѣловъ и управляющаго Кабинетомъ Его Величества (С.Петербургъ, 1855, in-4°).

надписью. Дощечка же эта второй экземпляръ того же самаго *пайзе́*, какое найдено было въ 1846 году въ минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи и подало поводъ къ ученымъ изслѣдованіямъ О. Аввакума, Григорьева, покойнаго О. Іакинөа, Шмидта и Банзарова. (См. Записки Археол. Общ., т. II, стр. 75 и 96, примѣч. 6—9, гдѣ поименованы всѣ изданныя статьи по этому предмету).

Отличія найденнаго нынѣ въ Забайкальской области и разсмотрѣннаго нами *пайзе́* отъ изданнаго Г. Григорьевымъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1. На экземплярѣ Григорьева буквы позолочены, чего нѣтъ на нашемъ экземплярѣ.

2. Послѣдній слогъ слова *Мöнгкэ*, на экземплярѣ Григорьева (на снимкѣ къ его статьѣ подъ N° 20),* изображенъ иначе, чѣмъ на нашемъ экземплярѣ, гдѣ онъ имѣетъ такую форму ᠭᠣ.

3. Существенное отличіе заключается въ китайской надписи на ободкѣ кольца. У Григорьева: *Сюань-цзы сы-шы-эрь-хао*, т. е. «Объявленіе, нумеръ сорокъ второй». На нашемъ экземплярѣ (за чтеніе и переводъ этой надписи мы обязаны З. Θ. Леонтьевскому): *Гунъ-цзы саньши-сы-хао*, что значитъ: «Почетный знакъ, нумеръ тридцать четвертый.»

Эти китайскія надписи на ободкѣ важны для опредѣленія назначенія обѣихъ дощечекъ.

Какъ минусинское, такъ и верхнеудинское *пайзе*, найдены были не одни, а вмѣстѣ съ серебряными кув-

---

* Литографированный снимокъ Григорьева вообще точнѣе, чѣмъ приложенный къ статьѣ Шмидта; на послѣднемъ, напримѣръ, совершенно невѣрно изображенъ слогъ *ху* слова *хучунъ* (ср. NN° 9 и 10 снимка Григорьева).

шинами, чашами и блюдами. Это служитъ матеріальнымъ подтвержденіемъ словъ Марко-Поло, что «вмѣстѣ съ дощечками великіе ханы жаловали и много «серебряныхъ вещей». Слѣдовательно, какъ найденные сосуды, такъ и оба эти *пайзе*, были жалованныя. Притомъ на пожалованіе верхнеудинскаго *пайзе* прямо указываетъ его китайская надпись: «Почетный знакъ № 34»; на минусинскомъ же начертано: «Объявленіе (*или* публикація) № 42», изъ чего можно заключать, что послѣднее дано было лицу, отправленному съ какимъ-либо «объявленіемъ» отъ имени хана.

На основаніи словъ того же Марко-Поло (см. изданіе Бюрка, 1845 г., стр. 272), можно еще присовокупить, что позолоченное минусинское «объявленіе» принадлежало тысячнику, а серебрянный «почетный знакъ» верхнеудинскій — сотнику: такъ какъ золотыя или серебряныя-позолоченныя *пайзе* жаловались монгольскими ханами тысячникамъ, а простыя серебряныя сотникамъ.

Верхнеудинское *пайзе* есть третье доселѣ извѣстное: первое, какъ уже сказано, найдено въ 1846 году въ минусинскомъ округѣ и объяснено въ первый разъ О. Аввакумомъ и Григорьевымъ, а второе въ Екатеринославской губерніи близъ Сѣчи Запорожской и изслѣдовано Доржи Банзаровымъ. И то и другое хранятся въ Азіятскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ; описанное же нами *пайзе* препровождено для храненія въ Музей Императорскаго Эрмитажа.

1854.

КИТАЙСКОЕ ПАЙЗЕ.

(Съ литограф. рисункомъ).

З. Ѳ. ЛЕОНТЬЕВСКАГО.

П. С. Савельевъ сообщилъ мнѣ для разсмотрѣнія серебряную дощечку, вѣсомъ 84 золотника, овальной формы, находящуюся въ собраніи одного изъ любителей древностей въ С. Петербургѣ. Такихъ дощечекъ не попадалось мнѣ видѣть и въ самомъ Пекинѣ. Она принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ *пайзе*, образщикъ которыхъ изданъ былъ во II томѣ Записокъ Археол. Общества (стр. 359 и рисун. X), и тѣмъ болѣе примѣчательна, что надписи на ней указываютъ и на имя правленія и на годъ, когда пожалованъ былъ этотъ почетный знакъ.

На лицевой сторонѣ, выпуклая китайская надпись:

Юй
цы ⎱ Всемилостивѣйше награжденъ по
нянъ ⎰ преклонности лѣтъ.
лоу

То есть: «награжденъ» (этимъ почетнымъ знакомъ) «по преклонности лѣтъ» (вышедшій въ отставку).

По краямъ, два дракона — государственный гербъ Китайской Имперіи.

На оборотной сторонѣ, совершенно гладкой, вырѣзанная вглубь надпись, справа:

Цянь лунъ у ши нянь цянь сао ань	Пятидесятаго года царствованія Цянлунъ, Цянь сао аню.

Пятидесятый годъ правленія *Цянлунъ* соотвѣтствуетъ нашему 1793 году. *Цянь сао ань* — имя пожалованнаго.

Внизу, слова:

Чжунъ ши лянъ.	Вѣсомъ десять унцевъ.

Китайское пайзе

О НѢКОТОРЫХЪ
АРАБСКИХЪ НАДПИСЯХЪ
въ Дербендѣ и Баку.

Н. В. ХАНЫКОВА.

(Съ двумя литограф. снимками надписей).

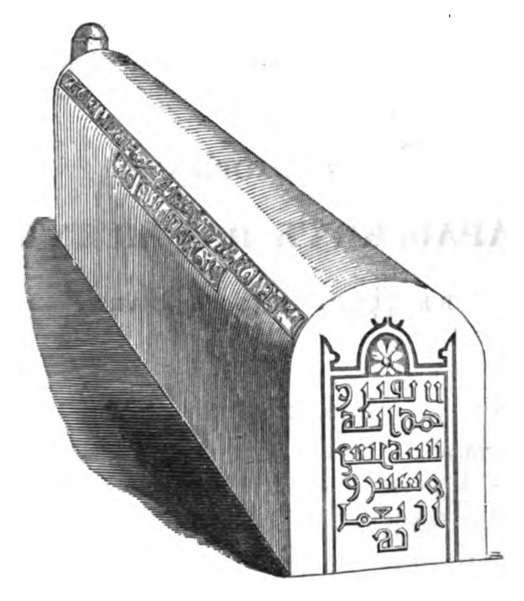
Вѣроятно, читая путешествіе Олеарія, вы замѣтили извѣстіе о гробницѣ *Джумъ-Джюмы* (Tzümtzume), который называется «богатымъ царемъ этихъ странъ» (ein reicher König dieser Landen).

Теперь, ровно чрезъ 215 лѣтъ послѣ Олеарія (онъ былъ въ Дербендѣ въ апрѣлѣ 1638 года), я посылаю вамъ полный снимокъ съ надписей этой гробницы.

Надписи эти, какъ вы увидите изъ прилагаемаго вида, начертаны на восточной, западной, южной и сѣверной сторонахъ надгробнаго памятника. *

---

* См. приложенные здѣсь литографированные чертежи, уменьшенные съ подлинныхъ снимковъ фотографическимъ способомъ въ $1/8$ настоящей величины.



(Восточн. и сѣверн. стороны гробницы).

Первую, т. е. восточную, я читаю такъ:

بسم الله الرحمن الرحيم هذا قبر محمود بن ابى الحسن بن|
|المقتول فى سبيل الله|

и слѣдовательно перевожу:

Во имя Бога милостиваго и милосердаго, это гробница Махмуда, сына Абуль-Хасана, сына, убитаго на пути Божіемъ. *

Причемъ замѣчу, что «путемъ Божіимъ» по преимуществу называется у мусульманъ *джехàдъ* или война

* Это та самая надпись, о которой Г. Березинъ говоритъ на стр. 65: «На поверхности этого камня замѣтна также *какая-то* надпись, отъ которой сохранились лишь *неразбираемые* слѣды!!»

противу невѣрныхъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ извѣстнаго *хадиса*, приводимаго Омили въ «*Джами'и Аббаси*», въ главѣ о джехадѣ:

رباط ليلة فى سبيل الله خير من صيام شهرين

т. е. «стража одной ночи на войнѣ съ невѣрными (на пути Божіемъ) лучше двухмѣсячнаго поста».

Надпись западной стороны я читаю такъ:

|اما مبشر رحمة الله زاد الله عليه وعلى اله لا اله الا الله و|
|محمد رسول الله|

т. е.

Тотъ кто пожелаетъ (произнесетъ) помилованія Бога (покойнику) да увеличитъ Богъ (это помилованіе) надъ нимъ и его потомками. Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Мухаммедъ пророкъ Его.

Я считаю почти излишнимъ говорить, что здѣсь ما хотя и поставлено въ началѣ рѣчи, не означаетъ отрицанія, но значитъ «тотъ, который». Сродство этого слова съ двумя другими, названными мною, подтверждается между прочимъ Ибнъ-Маликомъ, въ книгѣ «*Альфійя*», въ слѣдующихъ стихахъ:

ومن وما وال تساوى ما ذكر
وهكذا ذو عند طىّ قد شهر

т. е. «*Мянъ, ма* и *аль* равнозначущи предъидущему; точно также и *дзóу*, употребляемое поколѣніемъ *Тей*.» — «Предъидущее» же, у Ибнъ-Малика, относится къ правиламъ объ употребленіи слова ٱلّذى, «который».

Надпись эта, очевидно, таже что̀ и напечатанная подъ № 4 во второмъ томѣ Записокъ Археологиче-

скаго Общества (стр. 66); слѣдовательно, Г. Березинъ не правъ, полагая, по словамъ сообщившаго ему о томъ Армянина, что она находится на стѣнахъ города.

Надпись южной стороны есть начало надписи сѣверной стороны. Это та самая (№ 2), которую Г. Березинъ призналъ «довольно трудною для чтенія», и въ которой онъ полагалъ «содержится какой-нибудь стихъ Сюннета»; это просто молитва, читаемая такъ:

اللهم اذا
جعت الا
ولين والا
خرين فاغفر
لعبدك ا
الفقير صا
حب هذا

т. е.

О Боже! когда ты соберешь первыхъ и послѣднихъ, (т. е. въ день страшнаго суда), прости раба твоего бѣднаго, обладателя этой....

Надпись эта, какъ сказано, продолжается на сѣверной сторонѣ камня, гдѣ изображено:

(sic) االقبر ر
حمة الله
سنة تسع
وستين و
اربعما
ية

т. е.

...гробницы, да будетъ надъ нимъ милость Бога. Годъ четыреста шестдесятъ девятый (1076—1077).

Изъ этого вы видите, какъ вы вѣрно, — не смотря на неточность копіи Г. Березина, — угадали вѣроятный смыслъ перваго слова послѣдней надписи, вмѣсто того, который предлагаемъ былъ для него Г. Березинымъ.* Столько же справедливо замѣчаніе ваше объ исправленіи, предложенномъ Г. Холмогоровымъ, и къ сказанному вами я могу только прибавить, что одинъ богобоязливый мулла, которому я показалъ эту поправку, не могъ удержаться отъ произношенія съ внутреннимъ ужасомъ استغفر الله من الشيطان الرجيم

Не смотря на то, что имя *Джюмъ-джюма* нигдѣ не поминается въ этой надписи, преданіе, также упорно теперь, какъ и при Олеаріѣ, привязываетъ это имя къ этой гробницѣ, такъ что мы должны искать въ ней по крайней мѣрѣ потомка этого славнаго мужа. Но можно ли думать, что онъ есть тотъ султанъ *Чюмче*, имя котораго сохранилось въ спискѣ пятидесяти шехидовъ, напечатанномъ профессоромъ Каземъ-Бекомъ на 152 страницѣ его превосходнаго перевода *Дербендъ-намè?* Не думаю.

Изъ этой же книги (стр. 41, 48 и 49) знаемъ мы, что побоище, покрывшее поля Дербенда трупами шехи-

---

* Во второмъ изданіи II тома своего «Путешествія» (на стр. 6 примѣчаній), Г. Березинъ говоритъ: «Г. Савельевъ возстановилъ надписи *произвольно*, хотя и остроумно». Но въ этомъ *произволѣ* виноваты *произвольные* снимки самого Г. Березина, которыхъ въ такомъ видѣ не слѣдовало бы и печатать

довъ, происходило въ 41 или 42 году гиджры; надпись же нашей гробницы показываетъ, что ретиваго предка покойника, положившаго кости свои за исламизмъ, надобно искать въ третьемъ поколѣніи отъ *Махмуда*, котораго прахъ покоится подъ камнемъ, такъ что, предположивъ даже почти невозможное, чтобы всѣ представители этого семейства умирали на 100 году отъ рожденія, мы только едва-едва дойдемъ до царствованія Гарунъ-аль-Рашида, и никакъ не до 41 года гиджры, ни до царствованія перваго халифа изъ рода Бени-Умейя, такъ что одно изъ двухъ: или, въ спискѣ пятидесяти шехидовъ соединены имена поборниковъ ислама, павшихъ неодновременно и, тогда, можетъ быть, султанъ *Тюмге* былъ убитъ въ началѣ IV вѣка гиджры; или: преданіе неправо.

Снимки, которые я имѣю честь вамъ препроводить, сдѣланы, по приказанію Его Свѣтлости Князя М. С. Воронцова, съ необыкновеннымъ тщаніемъ, Г. Твердохлѣбовымъ, по способу Миллена, нѣсколько упрощенному Г. Бартоломеемъ.*

Кстати сообщить вамъ нѣкоторыя замѣтки и о другой куфической надписи, находящейся въ Баку.

На стр. 159 сочиненія Reise auf dem Caspischen Meere von Ed. Eichwald, читаемъ мы:

«Auf dem Bakuschen Thurm (т. е. Mädchen-Thurm, какъ сказано было выше), der nach Unten zu bis über die Hälfte vom Zahn der Zeit wie zerfressen, nach Oben aber ganz glatt ist, befindet sich auch eine Kufische Inschrift; doch ist sie verstümmelt und sagt nichts aus; mein gelehrter Myrsa wollte

---

* На прилагаемыхъ литографированныхъ чертежахъ, эти снимки, какъ уже сказано, уменьшены, фотографическимъ способомъ, въ $1/8$ настоящей ихъ величины.

meinen, es stünde drauf: «aus den Zeiten Davids», als ob dieser Thurm aus jenen entlegenen Zeiten stamme..... Wie sehr man sich aber auf dergleichen Erklärungen eines persischen Myrsa verlassen könne, haben wir schon früher gesehn. Uns scheint, dass die Kufische Inschrift zwar Nichts Näheres über das Alter des Thurmes aussage, dass diese aber immerhin als wahre Kufische, nicht als später dort eingesetzte, demselben *ein hohes Alter* ertheilen müsse. Es wäre aber immer der Mühe werth, dass ein sachkundiger, mit einem gehörigen Fernröhre versehen, die Inschrift genauer zu copiren unternähme, als es mein Myrsa zu thun im Stande war.»

Этотъ мирза не кто другой, какъ Абдуль-Рахимъ, снявшій надписи, *провѣренныя* (?!) съ коихъ копіи доставлены Г. Березину Г. Городенскимъ, и напечатаны первымъ въ прибавленіяхъ ко II тому его «Путешествія» на стр. 62 — 72; тамъ, въ концѣ страницы 65, весьма глухо сказано:

«На камнѣ, въ стѣнѣ древней башни:

في دولة جايتو (الجا يتو) خودا (sic!!) بنده

«Въ благополучное царствованіе Олжайту Худабенде».

Но въ автографѣ мирзы Абдуль-Рахима, находящемся у меня, сказано всѣми буквами, что надпись эта будто бы списана съ Дѣвичей башни! Имѣвъ случай, также какъ и Г. Эйхвальдъ, убѣдиться въ археологической легкости мирзы, я не торопился печатать его труда, исполненнаго невѣрностями; но въ прошломъ ноябрѣ, будучи въ Баку, имѣя надобность, для вопроса касающагося физической географіи Каспійскаго моря, опредѣлить хотя приблизительно возрастъ Дѣвичей башни, я, съ помощію длинной лѣстницы, снялъ оттискъ съ этой надписи.

(Уменьшена въ $^{1}/_{16}$).

Какъ вы видите, на ней, вмѣсто *Царя Давида* и, вмѣсто *Худабенды*, оказалось просто:

قبة مسعو
د بن داود

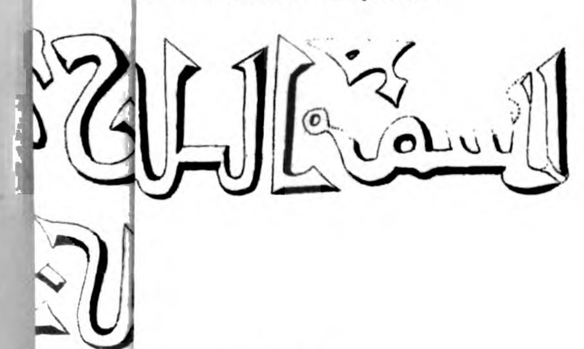
т. е.

Башня Масъу-
да сына Дауда.

Слѣдовательно, въ первый разъ почтенный мирза правильно прочелъ имя *Давида;* но, потомъ испугавшись такой древности, онъ изъ наличныхъ буквъ сдѣлалъ анаграмму, напечатанную Г. Березинымъ, послѣ «*провѣрки*». Но ктò были эти *Масъудъ* и *Даудъ?* Что это имена лицъ правительственныхъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія: никогда не случалось мнѣ ни видѣть, ни читать восточной крѣпостной надписи, поминающей имя частнаго человѣка. Если же такъ, то, руководствуясь соображеніемъ, что имена Масъуда и Дауда совсѣмъ не такъ обыкновенны, и что и восточныя династіи имѣли наклонность, подобно нашимъ, къ извѣстному классу именъ, повторявшихся въ нихъ, мы увидимъ, что изъ всѣхъ царственныхъ родовъ, имѣвшихъ представителей съ именами Масъуда и Дауда, и имѣвшихъ вліяніе на Закавказскій край, только одни *Иранскіе Селджукиды*, потомки Алпъ-Арслана, могутъ быть подозрѣваемы въ постройкѣ этой башни. Но въ

ис. надп. въ Дербентѣ. I.

А. Восточная сторона.

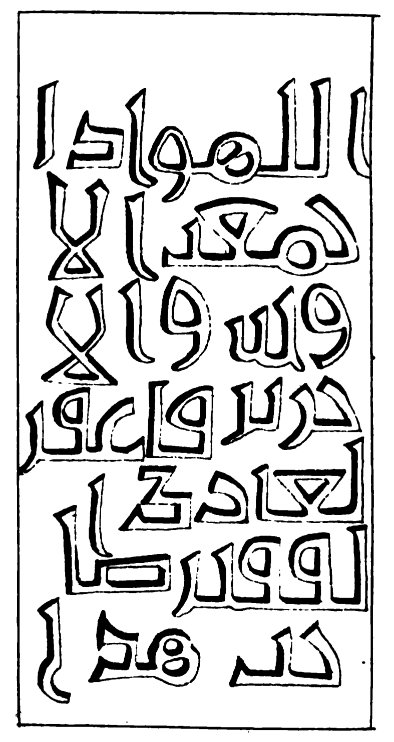


В. Западная сторона.

[illegible] подозрѣваемы въ постройкѣ этой башни. Но въ

C.
Южная сторона.

D.
Сѣверная сторона.



14 царственныхъ именахъ этой династіи, только девятый Сельджукидъ, извѣстный господинъ чернаго раба, сдѣлавшагося въ послѣдствіи атабекомъ *Ильдыгизомъ*, носилъ имя *Масъуда;* но онъ былъ сыномъ *Мухаммеда;* слѣдовательно, объ немъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ не менѣе, у брата его, седьмаго Сельджукида, султана *Махмуда*, былъ сынъ *Даудъ*. По смерти отца, визирь его, *Имадъ-Эддинъ*, по свидѣтельству Решидъ-Эддина и «*Тарихи гюзидѐ*», возвелъ его на престолъ; но онъ занималъ его не долго. По крамоламъ султана *Сенджера*, онъ долженъ былъ, на другой же годъ, уступить престолъ дядѣ своему, султану *Тугрулу*, котораго поэтому Мирхондъ и другіе называютъ непосредственнымъ наслѣдникомъ *Махмуда*. При этой уступкѣ, *Даудъ* выговорилъ себѣ почти независимое управленіе Адербейджаномъ и закавказскими завоеваніями Сельджукидовъ, распространявшимися на Грузію, Арменію и Ширванъ. Столица *Дауда* была въ Тебризѣ, и тамъ онъ и убитъ, въ банѣ, по словамъ Хамдуллы Казвинскаго, въ 530 году гиджры; но, по свидѣтельству Решидъ-Эддина, онъ еще жилъ въ 532 году (1137 по Р. Х.). Именъ дѣтей его мнѣ нигдѣ не случилось видѣть; но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что одинъ изъ нихъ назывался *Масъудомъ* и могъ во имя отца править, между 525 и 530 г. гиджры, Ширваномъ и построить Дѣвичью башню въ Баку. По крайней мѣрѣ, другой правдоподобнѣйшій строитель ей теперь не предвидится.

Тифлисъ,
въ апрѣлѣ 1853.

ДРЕВНОСТИ,

найденныя на Кавказѣ.

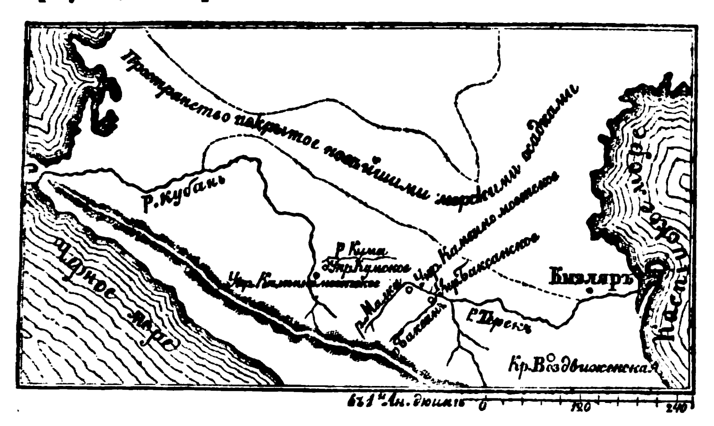
Послѣднія открытія Г. Ролинсона, сообщенныя профессоромъ Вильсономъ лондонскому Азіятскому Обществу въ засѣданіи 5 февраля 1853 г., доказываютъ обширность распространенія на югъ народовъ скиѳскаго племени. Это побуждаетъ меня препроводить къ вамъ точныя копіи, въ настоящую величину, съ разныхъ издѣлій изъ бронзы и мѣди, найденныхъ въ 1849 и 1850 годахъ въ Большой Кабардѣ и Малой Чечнѣ, у самаго подножія сѣвернаго свѣса Кавказскаго хребта, которыя, сколько мнѣ кажется, могутъ быть признаны за скиѳскія издѣлія. Недостатокъ матеріяловъ не позволяетъ мнѣ сличить этихъ вещей съ другими подобными же находками и болѣе утвердиться въ этой мысли или отвергнуть ее. Вамъ это легче сдѣлать. Мнѣ же остается только ограничиться указаніемъ мѣстъ находокъ.

N° 1. Найденъ въ Баксанскомъ укрѣпленіи, въ 1850 году.

NN° 2 по 9. Найдены, въ 1849 году, въ укрѣпленіи Каменномостскомъ, на рѣкѣ Малкѣ.

N° 10. Найденъ при возведеніи Кумскаго моста, близъ истоковъ рѣки Кумы, въ 1850 году.

NN° 12 по 19. Найдены, въ 1850 году, на рѣкѣ Аргунѣ, въ крѣпости Воздвиженской.



На прилагаемой карточкѣ я нанесъ положеніе этихъ мѣстъ. Случайно на ней означены границы пространства, покрытаго новѣйшими морскими осадками, и мнѣ пришло въ мысль, что еслибъ можно было доказать, что въ этомъ пространствѣ никогда не были находимы издѣлія рукъ человѣческихъ, разсѣянныя въ землѣ въ большомъ изобиліи на сѣверѣ и на югѣ отъ него, то это послужило бы важнымъ подтвержденіемъ предположенія, что Каспійское море соединялось съ Чернымъ еще во времена историческія, и во всякомъ случаѣ это примѣненіе археологіи къ геологіи было бы оригинально.

Н. ХАНЫКОВЪ.

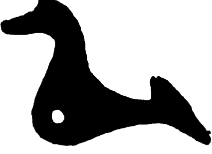
Тифлисъ,
20 апрѣля 1853.

Остроумная мысль автора о примѣненіи археологическихъ данныхъ къ наведеніямъ геологіи въ вопросѣ о соединеніи Чернаго и Каспійскаго морей еще во

времена историческія может быть подтверждена или опровергнута собраніемъ на мѣстѣ свѣдѣній о подземныхъ находкахъ, для чего надобно довольно времени и поболѣе такихъ изыскателей какъ Гг. Ханыковъ и Бартоломей. Между тѣмъ дѣло начато ими, и остается только просить мѣстныхъ образованныхъ жителей сообщать публикѣ свѣдѣнія, какія случай можетъ доставить имъ объ археологическихъ находкахъ въ этой любопытной полосѣ Кавказа.

Обращаемся къ рисункамъ Г. Ханыкова, изъ которыхъ мы избрали для изданія любопытнѣйшія по ихъ формамъ.

N⁰ 1. Кругъ (крышка или поддонникъ?) изъ красной мѣди, сь выпуклыми діаметромъ и расходящимися отъ него къ окружности, подъ острымъ угломъ, линіями; по краю ободокъ; въ поперечникѣ 2 вершка.



N⁰ 2. Привѣска, изъ прекрасной бронзы, въ видѣ птички.

(Въ $^3/_4$ противъ настоящей величины.)

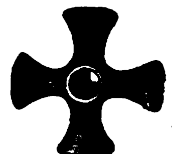
N⁰ 3. Привѣска, также изъ хорошей бронзы, въ видѣ бараньей головы.

($^3/_4$ настоящей величины.)

N⁰ 4. Кусокъ толстой проволоки, изъ такой же бронзы, свернутой концентрически.

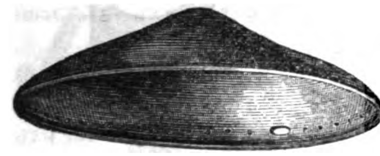
N⁰ 5. Рисунокъ не доставленъ.

N⁰ 6. Такая же проволока, свернутая веретеномъ, длиною 1 вершокъ, толщиною въ поперечникѣ $^1/_4$ вершка.



№ 7. Украшеніе изъ того же металла, въ видѣ четырехконечнаго креста, съ отверстіемъ въ серединѣ.

($^3/_4$ настоящей величины.)

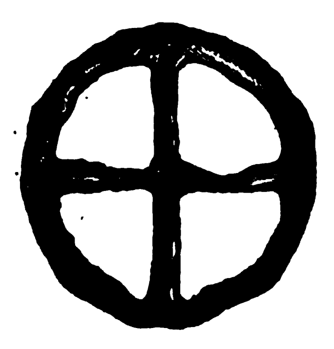


№ 8. Бронзовая крышка (?), съ сквозными отверстіями по краямъ.

($^3/_4$ настоящей величины.)

№ 9. На доставленныхъ рисункахъ нѣтъ.

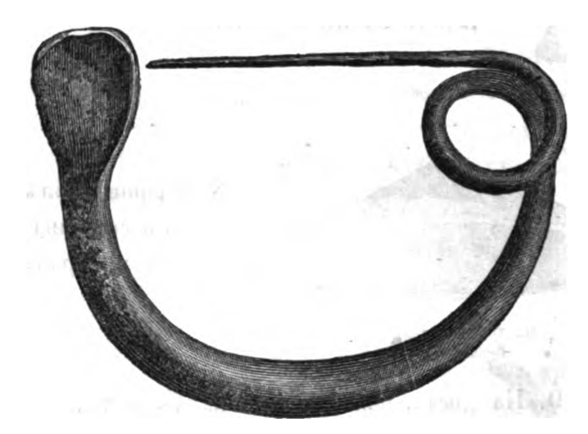
№ 10. Мѣдный наконечникъ копья, длиною $3^1/_2$ вершка, наибольшая ширина $1^1/_4$ вершокъ.



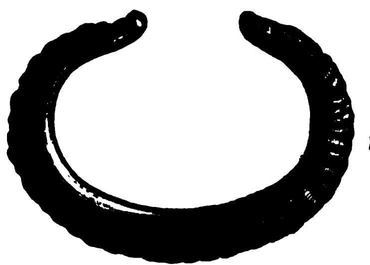
№ 11. Мѣдная пряжка, въ видѣ креста, вписаннаго въ кругѣ.

($^2/_3$ настоящей величины.)

№ 12—13. Мѣдная пряжка (отъ лошадиной подпруги?).



(²/₃ настоящей величины.)

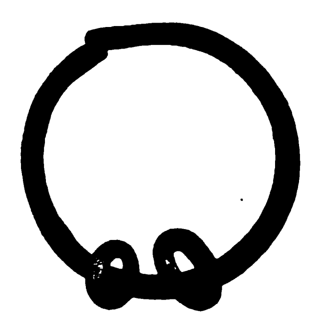


№ № 14 и 15. Мѣдные браслеты съ гранью.

(²/₃ настоящей величины.)

№ 16. Два обломка мѣднаго крученаго шейнаго обруча, одинъ конецъ котораго круглый, въ видѣ закрученной проволоки, а другой плоскій, расплющенный, и съ грубо-нарѣзанными черточками въ видѣ городковъ; *a* — *b*, разломъ.

($^1/_2$ настоящей величины.)



N° 17. Браслетъ изъ толстой мѣдной проволоки, съ вдѣтыми на него двумя такими же кольцами.

($^2/_3$ настоящей величины.)

N° 18. Бусы, круглыя, изъ синяго стекла.

N° 19. Рисунка нѣтъ.

И. А. Бартоломей доставилъ мнѣ, въ 1850 году, нѣсколько подобныхъ вещей, также найденныхъ близъ крѣпости Воздвиженской, гдѣ найдены N° N° 12—19. Сообщаю здѣсь кстати также описаніе и рисунки этихъ вещей.

N° 20. Мѣдный браслетъ, подобный N° N° 14, 15.

N° 21. Пряжка, подобная N° 12 — 13, нѣсколько меньше.

№ 22. Толстая мѣдная проволока, витая спиралью.

($\frac{2}{3}$ настоящей величины.)

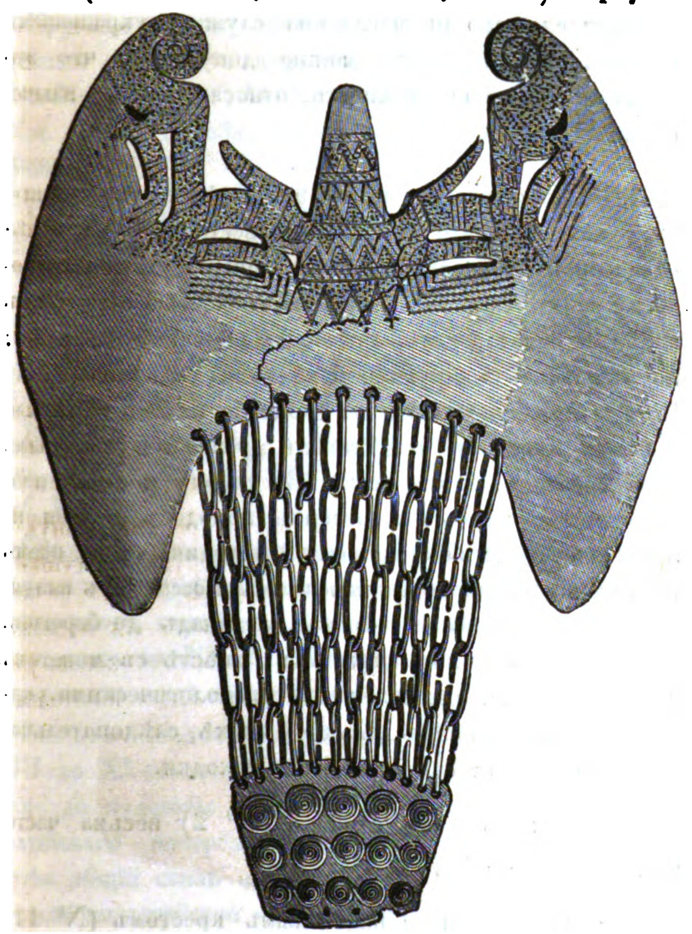
№ 23. Мѣдный колокольчикъ на кольцѣ.

($\frac{2}{3}$ настоящей величины.)

№ 24. Крышка мѣдная, съ двумя рядами выпуклыхъ точекъ по ободку, и узоромъ вкругъ верхушки въ видѣ спирально свернутой проволоки.

($\frac{2}{3}$ настоящей величины.)

№ 25. Массивная, вѣсомъ въ 3 фунта, оригинальной формы бронзовая привѣска, съ привѣшенною къ ней, на цѣпяхъ, другою привѣскою меньшей величины, къ которой, судя по сохранившимся дирамъ, привѣшивалось, на кольцахъ или на такой же цѣпи, еще какое-то украшеніе (можетъ быть, колокольчики, № 23). Верхушка



(1/3 настоящей величины.)

привѣски загнута назадъ крючкомъ. Верхняя часть исчерчена городами и разными чертами и точками, одного стиля съ украшеніями на шейномъ обручѣ № 16; нижняя привѣска украшена выпуклыми, въ видѣ витой проволоки, кружками, какъ на крышкѣ № 24. Трудно угадать назначеніе этой вещи; по тяжести ея, едва ли могла она служить украшеніемъ конской сбруи; скорѣе можно допустить, что это какая-нибудь принадлежность, относящаяся къ языческимъ обрядамъ.

Н. В. Ханыковъ называетъ эти издѣлія «скиѳскими». Мнѣ кажется, что слѣдуетъ отнести ихъ къ менѣе отдаленной древности. Конечно, при отсутствіи хронологическихъ указаній, нельзя съ точностью опредѣлить эпохи и народа, которымъ принадлежатъ эти вещи; но сравненіе съ другими находками, сдѣланными въ Россіи, можетъ указать на сходство ихъ съ тѣмъ или другимъ разрядомъ подземныхъ древностей, которыми такъ богато наше отечество. Въ формѣ и стилѣ изображенныхъ здѣсь кавказскихъ находокъ нельзя не замѣтить сходства съ вещами, находимыми на всемъ протяженіи сѣверовосточной полосы Россіи, отъ владимірской и московской губерній на западъ до береговъ Балтійскаго моря, въ курганахъ, вмѣстѣ съ монетами VIII — XI вѣка, единственными хронологическими указателями этихъ могилъ. Къ этой эпохѣ, слѣдовательно, и можно отнести эти кавказскія находки.

Привѣски въ видѣ птичекъ (№ 2) весьма часто встрѣчаются въ курганахъ.

Мѣдныя пряжки со вписаннымъ крестомъ (№ 11) также весьма обыкновенны въ курганахъ.

Браслеты, подобные N° N° 14 — 15, господствуютъ въ курганахъ; сличите рисунки 4, 5, 10, 11 табл. II сочиненія Bähr die Gräben der Liven. Подобные браслеты встрѣчаются и изъ чистаго серебра, прекрасной работы. Въ Кіевѣ находимы были такіе же золотые. По всей вѣроятности, они византійскаго издѣлія.

Круглые шейные обручи (N° 16) принадлежность нашихъ сѣверныхъ кургановъ (см. рисунки: Kruse NecroLivon., Taf. 27, 41; Чертковъ, въ Записк. Археол. Общ., томъ I, табл. XV). Это наши древнія шейныя гривны.

Браслеты со вдѣтыми кольцами (N° 17) также встрѣчаются въ курганахъ.

Бусы изъ синяго стекла (N° 18) находятся въ курганахъ всѣхъ эпохъ, начиная отъ босфорскихъ въ Керчи и на Тамани, до танаисскихъ въ Недвиговкѣ, чудскихъ и новѣйшихъ.

Витыя проволоки (N° 22) попадаются весьма часто (см. Kruse, Taf. 3, 4; Bähr, Taf. XIII; Graf Plater, Taf. II).

Сходство это не случайное; оно проявляется не только въ формѣ, но и въ стилѣ вещей; такъ напримѣръ, узоръ городами, пунктиромъ или простыми чертами, какъ на N° 16 и N° 25, есть любимый узоръ курганныхъ издѣлій.

Все это наводитъ на мысль, что была эпоха (отъ VIII до XI столѣтія), когда, отъ вологодской губерніи даже до подошвы Кавказа и отъ нижегородской до балтійскаго побережья, господствовалъ болѣе или менѣе общій стиль издѣлій, частью мѣстной работы, частью византійской или восточной, или поддѣлки подъ послѣднія. Эта эпоха, богатая металлическими украше-

ніями различныхъ вычурныхъ формъ, начало которой кроется, можетъ быть, въ чудскихъ сибирскихъ копяхъ, сливается съ эпохою основанія русскаго государства и распространеніемъ христіанства, которыя сгладили характеръ и бытъ чудскаго племени, сливъ его съ господствующимъ народомъ.

Принадлежа, по стилю, къ одному разряду съ находимыми въ Великороссіи, эти кавказскія находки могутъ быть впрочемъ, по времени, нѣсколькими столѣтіями древнѣе ихъ. И это даже можно бы утверждать положительно, если бы было доказано, что между ними никогда не находили *желѣзныхъ* вещей. Дѣйствительно, всѣ описанныя здѣсь древности *бронзовыя*, и даже наконечникъ копья (N° 10) *не желѣзный*, а также *мѣдный*. Но одного отдѣльнаго факта еще мало. Когда наберется болѣе доказательствъ полнаго отсутствія желѣза въ предкавказскихъ находкахъ, тогда только можно будетъ утверждать, что онѣ принадлежатъ къ такъ называемой въ археологіи *бронзовой* эпохѣ, которая предшествовала *желѣзной*, къ которой, почти безъ исключенія, относятся великороссійскія. А до тѣхъ поръ будемъ благодарны ревностнымъ изыскателямъ древностей Кавказа за тѣ данныя, которыми они положили основаніе для будущихъ изслѣдователей.

П. САВЕЛЬЕВЪ.

1854.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

П. А. ЧИХАЧЕВА.

Проведя пять лѣтъ въ Малой Азіи, для изслѣдованія страны въ отношеніи естественныхъ и физическихъ наукъ, я имѣлъ возможность видѣть собственными глазами не только всѣ древніе памятники, которые доселѣ были описаны, но и много другихъ остатковъ древности болѣе или менѣе извѣстныхъ, которые могли бы привести къ любопытнымъ археологическимъ выводамъ, еслибъ имъ посвящено было время и спеціяльное изслѣдованіе.

Къ сожалѣнію, я могъ предаваться этимъ изысканіямъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, какъ посторониимъ занятіямъ, такъ что замѣтки этого рода въ моихъ путевыхъ запискахъ были только отдѣльными воспоминаніями, имѣвшими цѣну для меня одного, и которыя хотѣлъ-было я хранить въ глубинѣ моей души, какъ таинственные отголоски, которые не переставали поражать слухъ мой, доколѣ я ступалъ по классической почвѣ, гдѣ еще такъ могущественно раздается голосъ протекшихъ вѣковъ.

Когда, возвратясь въ Европу, занялся я распредѣленіемъ и изданіемъ моихъ матеріяловъ, то долженъ былъ естественно исключить нѣкоторыя археологиче-

скія замѣтки, какъ не идущія къ дѣлу. Для меня, какъ натуралиста, это былъ почти плевелъ, который я считалъ необходимымъ отдѣлить отъ добраго сѣмени, опасаясь впрочемъ, чтобъ и археологи не сочли это тѣмъ же.

Однако разсудивъ, что изъ всѣхъ тѣхъ путешественниковъ по Малой Азіи никто еще не посвящалъ этой странѣ столько времени какъ я, и никто не исколесилъ ее въ столь различныхъ направленіяхъ, я началъ убѣждаться, что могу оказать нѣкоторую услугу, облегчивъ другимъ изслѣдованія, которыхъ самъ не въ состояніи былъ сдѣлать. Неоднократно объѣздивъ страны, которыя до меня не были посѣщаемы, мнѣ казалось не безполезнымъ указать будущимъ археологамъ-путешественникамъ, чего они могутъ ожидать въ этихъ мѣстахъ, и поставить ихъ въ возможность обнять совокупность развалинъ, существующихъ нынѣ въ Малой Азіи, — развалинъ не только древнихъ городовъ, но и отдѣльныхъ памятниковъ и обломковъ всякаго рода, которые суть какъ бы истинные disjecta membra poëtae, и которыя, хотя въ настоящее время трудно разобрать, могутъ при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, пролить со временемъ нѣкоторый свѣтъ, какъ указаніемъ на мѣста неопредѣленныхъ городовъ, упоминаемыхъ древними авторами, такъ и по связи ихъ съ тѣми, которыхъ развалины уже пріурочены.

Вотъ уваженія, которыя побудили меня соединить въ-одно археологическія данныя, накопившіяся въ моихъ путевыхъ запискахъ. Я представляю ихъ въ порядкѣ областей, составлявшихъ нѣкогда Малую Азію, заключая полуостровъ въ предѣлахъ, означенныхъ на изданной мною въ 1853 году картѣ, которая приложена къ моему сочиненію о сравнительной физической географіи Малой Азіи. Взглядъ на эту карту

необходимъ для уразумѣнія мѣстностей, о которыхъ я буду упоминать, хотя нѣкоторыя мѣстности могутъ тамъ не быть, потому что, совершивъ новое путешествіе со времени его изданія, я намѣренъ обогатить ее новыми прибавками и поправками. Нѣтъ почти надобности прибавлять, что я нисколько не намѣренъ предлагать описаніе памятниковъ, уже достаточно извѣстныхъ по трудамъ Гг. Тексье, Гамильтона, Лаборда, Форбеса, или древнѣйшихъ авторовъ; и потому естественно я умолчу обо всѣхъ этихъ памятникахъ, имѣя цѣлью дать только нѣкоторыя общія указанія археологамъ, которые придутъ изучать на мѣстѣ то, чего я только слегка коснулся. Между ними и мною я полагаю ту же разницу, которая отдѣляетъ простаго собирателя естественныхъ предметовъ отъ ученаго профессора, который сортируетъ добычу и часть можетъ быть осуждаетъ, но не менѣе того благодаренъ первому за то, что поставилъ его въ возможность узнать, чего можно или нельзя надѣяться найти въ той или другой мѣстности. Считаю излишнимъ прибавлять, что я обозначаю лишь предметы, которые видѣлъ собственными глазами. И такъ приступаю, и начинаю съ Виѳиніи мою быструю археологическую поѣздку.

I. Виѳинія.

Хотя изъ всѣхъ частей Азіи Виѳинія есть ближайшая къ столицѣ Оттоманской Имперіи, и слѣдовательно наиболѣе удобная для ученыхъ изслѣдованій, при всемъ томъ въ ней есть мѣстности довольно обширныя, которыя могутъ быть помѣщены въ число наименѣе извѣстныхъ, не только въ отношеніи топографіи и естественныхъ наукъ (а въ этомъ отношеніи вся Ма-

лая Азія, можно сказать, есть дѣвственная почва), но также и въ отношеніи археологіи, которая донынѣ пользовалась исключительнымъ правомъ дѣлать въ Малой Азіи болѣе завоеваній, чѣмъ всѣ прочія науки. Прежде всего я обращу ваше вниманіе на развалины древняго и знаменитаго города Прусіи (Prusias).

Вокругъ деревни Гумышабадъ, къ юго-западу отъ Прусіи, занятому нынѣ отчасти деревнею Ускубъ (Эскибагъ), видны обломки древнихъ тесаныхъ камней; тоже, отъ Хандыка до Гумышабада, замѣчаются почти непрерывно остатки древней дороги, впрочемъ очень узкой и скорѣе назначенной для пѣшихъ и конныхъ, чѣмъ для возовъ. По мѣрѣ приближенія отъ Гумышабада къ высотамъ Ускуба, умножаются обломки колоннъ и тесаныхъ камней; въ извѣстныхъ разстояніяхъ особенно торчатъ четырехугольные столбы съ капителями также четырехугольными, которые по-видимому суть дорожные столбы. На одной изъ этихъ колоннъ, еще стоящей, есть длинная надпись, которой только верхнія строки видны; нижняя же часть поверхности, на которой начертана надпись, зарыта въ землю. Видимая часть столба съ надписью имѣетъ въ вышину около полусажени, а въ землѣ зарыта вѣроятно длиннѣйшая часть; безъ большаго труда можно вырыть его изъ земли, и получить продолженіе надписи, которой я списалъ только начало.

Изъ числа мѣстностей въ Малой Азіи, наиболѣе заслуживающихъ особаго изученія археолога, относится безъ сомнѣнія городъ Ускубъ, котораго многочисленныя и еще мало извѣстныя развалины, могли бы доставить любопытныя данныя касательно эпохи виѳинійскихъ царей. Ускубъ расположенъ на южномъ склонѣ и на вершинѣ высоты, которая примыкаетъ къ горной цѣпи

называемой у древнихъ географовъ mons Hyppia. Новый городъ населенъ вполнѣ мусульманами и имѣетъ только сто двадцать домовъ. При самомъ входѣ находится столбъ съ надписью, подобный вышеупомянутому, но, по счастью, менѣе углубленный въ землю, такъ что всѣ части его совершенно видны; онъ имѣетъ болѣе сажени въ вышину, и весь исписанъ надписями, которыхъ я не имѣлъ времени списать, потому что ихъ тридцать-три строки весьма плотныхъ. На капители колонны видны нѣкоторыя буквы. Съ южной и юго-восточной стороны Ускуба, къ которому ведетъ древняя мощеная дорога, видны основанія стѣны, построенной изъ камней истинно циклопскихъ размѣровъ; они весьма часто имѣютъ въ толщину до $3/4$ аршина и поверхность нѣкоторыхъ совершенно покрыта греческими надписями. Ихъ положеніе показываетъ, что они не на первобытномъ своемъ мѣстѣ, и что слѣдовательно стѣна перестроена изъ обломковъ другаго, древнѣйшаго памятника; ибо часто камни расположены въ обратную сторону письменъ на нихъ начертанныхъ, такъ что надписи представляются то опрокинутыми наизворотъ, то лежащими плашмя. Впрочемъ можетъ статься, что плиты съ надписями и первоначально находились въ видимой нынѣ стѣнѣ, но, въ слѣдствіе частнаго разрушенія, были перемѣщены неискусною рукою; это, во всякомъ случаѣ, доказываетъ, что перестройка принадлежитъ къ эпохѣ сравнительно новѣйшей, вѣроятно къ среднимъ вѣкамъ. Остатокъ стѣны, о которой здѣсь говорится, имѣетъ отъ полутора до двухъ саженъ въ вышину и болѣе пяти саженъ въ длину. Эта часть стѣны очевидно есть только остатокъ великой стѣны, составлявшей нѣкогда ограду города; ибо немного подальше прерванный остатокъ ея

снова продолжается на разстоянии более осьмидесяти сажень, примыкая къ четырехугольнымъ воротамъ средней величины, складеннымъ изъ огромныхъ плитъ. Верхняя горизонтальная часть воротъ состоитъ изъ одной плиты съ надписью и изображенiемъ коня. Вступивъ чрезъ эти древнiе ворота въ новый Ускубъ, жалкую деревушку, которой жители, въ теченiи многихъ вѣковъ, тщетно стараются изгладить всѣ слѣды древняго города, видишь возлѣ мечети эстраду, окруженную огромными отломками капителей, которые здѣсь также не на первобытномъ своемъ мѣстѣ. На эстрадѣ находится четыреугольный столбъ, какихъ множество вдѣлано въ стѣны домовъ города; онъ усѣянъ надписями. Прекрасная часть стѣны, пробитая двумя полукруглыми окнами, находится не далеко отъ остатковъ театра, котораго четырнадцать рядовъ ступеней еще довольно хорошо сохранились. Эти прекрасные остатки скрываются за жалкими турецкими лачугами. Я представилъ въ моемъ сочиненiи о Малой Азiи видъ этого театра.

Кромѣ этихъ развалинъ, достаточно свидѣтельствующихъ о великолѣпiи древней Прусiи, весь городъ Ускубъ заваленъ тесаными камнями, обломками колоннъ и карнизовъ, то разсѣянныхъ тамъ и сямъ, то вдѣланныхъ въ стѣны домовъ, то употребленныхъ на заборы, ограды, кладбища, и пр., не говоря о томъ, что погребено въ землѣ. Пора бы наконецъ всю эту громаду сокровищъ, скопленныхъ почти у воротъ Константинополя, исхитить отъ вѣковаго забытiя, на которое они осуждены варварствомъ и деспотизмомъ.

Въ окрестностяхъ Пертекёя, верстахъ въ десяти къ юго-востоку отъ Ускуба, по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей изъ Ускуба въ Боли, видно огромное

скопленіе тесаныхъ плитъ, изъ которыхъ многія съ рельефами; онѣ часто бываютъ расположены такимъ образомъ, что образуютъ четыреугольныя ограды, обозначая тѣмъ, безъ сомнѣнія, мѣста древнихъ зданій. На пространствѣ, отдѣляющемъ Прусію отъ Виѳинія (Bithynium), не представляется никакого слѣда древностей. Bithynium вѣроятно находился не въ дальнемъ разстояніи отъ небольшаго села Боли. Въ этомъ селѣ видны только нѣкоторые отломки колоннъ и плитъ, особенно въ стѣнахъ домовъ; за то, на дорогѣ, ведущей изъ Боли въ Мудурлу, и особенно къ юго-западу отъ Боли, между деревнями Пашакёй и Седикёй, вся равнина устлана обломками колоннъ, плитъ и капителей, между которыми попадаются коринѳскаго ордена изящной работы. Многіе стержни колоннъ еще стоятъ: въ этихъ-то мѣстахъ, а не въ Боли, надлежитъ искать древній Bythynium. Обломки, попадающіеся въ такомъ множествѣ между двумя вышеупомянутыми деревнями, продолжаются на значительное разстояніе къ юго-западу отъ Боли. Такъ, верстъ 25 къ юго-западу отъ этого города, на южномъ склонѣ Болидага, подымаясь къ деревнѣ Гюней, встрѣчаешь отрубки колоннъ, исписанныхъ греческими надписями. Европеецъ, взбирающійся въ эту гористую, совершенно уединенную, мѣстность, чтобъ попасть въ деревню Гюней, которой жители разбѣгаются при его появленіи, поражается изумленіемъ при видѣ здѣсь памятниковъ древней образованности.

Весь полуостровъ Виѳинійскій къ востоку отъ Боли болѣе или менѣе усыпанъ обломками древняго зодчества; только здѣсь природа пришла на подмогу людямъ, чтобъ скрыть эти обломки отъ взора наблюдателя; ибо часто они погребены подъ толстымъ слоемъ

растительной земли, или же укрыты въ чащѣ лѣсовъ и кустарниковъ. Такимъ образомъ, направляясь отъ Анты-Патакёя къ Эхтюоглу, видишь, возлѣ деревни Бёджекларъ, скрытую въ кустахъ крышку огромной гробницы. Всѣ окрестности Эхтюоглу изобилуютъ обломками колоннъ и древнихъ камней; смежные холмы покрыты ими.

Слѣды древнихъ памятниковъ не рѣже попадаются въ части Виѳиніи къ востоку отъ Кереди; такъ, спускаясь по сѣверному склону Алладага, видишь вдоль Улусу, на правомъ берегу, множество отрубковъ колоннъ и тесаныхъ древнихъ камней. Все удостовѣряетъ, что на этой равнинѣ, между Дёртъ-Диванъ и Кереди, существовалъ древній городъ. Равно видны древніе обломки внутри Кереди; жители этого города сообщили мнѣ, что въ двухъ верстахъ къ юго-западу отъ Кереди, въ горахъ, есть остатки амфитеатра.

II. Троада.

Нѣтъ можетъ-быть классической мѣстности, которая была бы предметомъ столькихъ трудовъ и развѣдокъ, какъ страна, увѣковѣченная пѣснями Гомера. Принявъ въ соображеніе политическое состояніе страны, которая служила цѣлью для всѣхъ археологовъ, можно допустить, что въ настоящую минуту было бы трудно прибавить что-нибудь къ выводамъ изысканій, которыми мы одолжены столькимъ ученымъ, между которыми Шевальѐ занимаетъ первое мѣсто. Но, если мѣста, прямо связанныя съ театромъ Гомеровой эпопеи, были изучаемы съ великимъ успѣхомъ, то нельзя того-же сказать относительно внутренности Троады, гдѣ не одна мѣстность можетъ еще представить обильную жатву для дѣятельности ученыхъ. Такъ какъ мои гео-

логическія изысканія внутри Троады рѣдко приводили меня къ мѣстамъ наиболѣе заслуживающимъ любознательности археолога, то я не стану говорить о многочисленныхъ, но весьма искаженныхъ обломкахъ, которые я не разъ попиралъ ногами въ моемъ путешествіи; я скажу лишь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ колоннахъ, любопытныхъ по ихъ положенію, которыя я имѣлъ случай видѣть не вдалекѣ отъ Инè.

Почти въ десяти минутахъ ходьбы къ юго-востоку отъ деревни Качаліовасы, отстоящей на версту къ юго-западу отъ Инè, видны, въ ущельѣ, между огромными трахитовыми скалами, девять великолѣпныхъ колоннъ, лежащихъ на землѣ посреди глыбъ, изъ которыхъ онѣ были высѣчены. Изъ этихъ колоннъ, семь лежатъ одна возлѣ другой, паралельно своимъ осямъ; двѣ другія немного подальше. Стержень колоннъ, совершенно гладкій и не бороздчатый, оканчивается по краямъ круглыми валиками, указывающими на положеніе капителей. Они весьма мало обдѣланы, такъ что нельзя угадать ихъ архитектурнаго характера. Однако, нѣсколько контуровъ, едва намѣченныхъ, указываютъ на дорическій орденъ. Стержни идутъ утоньчаясь снизу вверхъ; при основаніи они имѣютъ значительную окружность, до десяти футовъ, а вся длина ихъ до тридцати осьми футовъ, не считая неоконченныя части оконечностей, изъ которыхъ одна должна была преобразоваться въ капитель, другая въ пьедесталъ. Отличная полировка стержней доказываетъ, что эта часть работы была совершенно окончена, и что отдѣлка была остановлена въ то время, когда хотѣли приступить къ оконечностямъ. Кромѣ того, разсматривая мѣстность, въ которой находятся эти колонны, убѣждаешься, что онѣ были предназначены для какого-ни-

будь зданія совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; ибо, очевидно, онѣ не могли быть воздвигнуты въ самомъ ущельѣ, гдѣ ихъ обдѣлывали. Ничто здѣсь не показываетъ мѣста какого-либо зданія; напротивъ, все доказываетъ, что это была каменоломня, доставлявшая матеріялы для работъ въ ней исполненныхъ, которыя слѣдовало потомъ перевозить на мѣсто ихъ назначенія. Но куда бы ихъ ни думали перевезти, къ берегу или въ другое мѣсто, эта перевозка могла совершиться не иначе какъ съ большимъ трудомъ, судя по весьма гористому сложенію смежной страны. Учреждая мастерскую въ горномъ ущеліи, древніе должны были обладать средствами перевозки столь дѣйствительными, чтобы не нуждаться въ исполненіи работы по близости самаго зданія, въ составъ котораго она должна была войти. Очень можетъ быть, что прекрасныя колонны, оставленныя неоконченными въ слѣдствіе неизвѣстныхъ обстоятельствъ, предназначались для какого-нибудь храма въ Троадской Александріи (Alexandria Troas).

III. Мисія.

Какъ прибрежныя части Троады до сихъ поръ привлекали особенное вниманіе ученыхъ, такъ точно приморскія мѣста Мисіи, и особенно береговая линія между Адрамитомъ и Смирною, наиболѣе посѣщались археологами, между тѣмъ какъ внутреннія части, напримѣръ пространство между Беликесъ и Кутаіею, еще весьма мало развѣданы и могутъ заключать любопытныя развалины, хотя достигшія до насъ сочиненія древнихъ географовъ и не упоминаютъ здѣсь ни объ одномъ значительномъ городѣ. Эту догадку внушило мнѣ особенно существованіе большаго числа обломковъ древняго зодчества посреди горной и пустынной страны,

которую я пересѣкъ, отправляясь изъ Болата въ Кутаію, — страны столь мало извѣстной, что, до изданія моей карты Малой Азіи, она изображалась пробѣломъ на всѣхъ картахъ дотолѣ существовавшихъ. Независимо отъ множества обломковъ колоннъ, которыя я видѣлъ на пути, я замѣтилъ греческую надпись въ деревушкѣ Эригёзъ, видъ которой я представилъ на листѣ IX моего живописнаго атласа. Эта надпись, отчасти сглаженная, находится на древнемъ водопоѣ, который и теперь еще служитъ для скота; онъ представляется у самаго входа въ деревню, возлѣ двухъ красивыхъ турецкихъ фонтановъ. Этотъ памятникъ, хотя самъ по себѣ мало замѣчателенъ, не менѣе того любопытенъ по мѣстности, въ которой находится; ибо жалкая деревушка Эригёзъ, расположенная верстахъ въ шестидесяти на западъ отъ Кутаіи, торчитъ отдѣльно среди дикой и пустынной страны, съ которою кажется никакое классическое воспоминаніе не связано.

IV. Лидія.

Изъ Мисіи вступая въ Лидію, видимъ, что остатки древнихъ памятниковъ умножаются и групируются гораздо явственнѣе. Потому-то издавно ученые пріурочили здѣсь, по существующимъ памятникамъ, древніе города: Thyatira (Акъ-Хисаръ), Sardes (Сертъ-Калеси), Callatibus (Аинè-Гёль), и пр. Къ памятникамъ, описаннымъ уже между развалинами этихъ древнихъ городовъ, я прибавлю лишь одну надпись, не зная впрочемъ, не обнародована ли она. Я ее списалъ въ греческомъ домѣ, гдѣ я жилъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 г. и гдѣ нашелъ ее на плитѣ, между ступенями лѣстницы, по которой всходятъ въ домъ.

Страна между Мермерè и Селенджи, особенно близъ послѣдней деревни, представляетъ множество обломковъ античныхъ колоннъ, карнизовъ, капителей, и пр.; многія изъ колоннъ, треснувшія выше основанія, еще стоятъ. Деревня Иланъ-Калеси, гдѣ находятся развалины, по сказанію жителей, и присутствіе такихъ же обломковъ въ окрестностяхъ Селенджи, доказываютъ, что въ этихъ мѣстахъ существовалъ богатый городъ. Фонтанъ въ деревнѣ построенъ изъ древнихъ мраморныхъ плитъ, покрытыхъ греческими надписями, которыхъ, не смотря на красоту литеръ, почти нельзя разобрать по причинѣ трещинъ и поврежденій въ камнѣ, прерывающихъ почти каждую строку; кромѣ того, недостающая часть камня отнимаетъ бо́льшую половину надписи. Между двумя кусками, имѣющими наиболѣе надписей, одинъ имѣетъ всю поверхность сглаженную, на которой можно разобрать только начальное слово ΦΙΛΙΠΠΟΥ . . . .; другой представляетъ начальныя слова осьми строкъ. Слѣды древнихъ остатковъ, столь частые въ окрестностяхъ Селенджи, продолжаютъ показываться вдоль всей дороги, ведущей изъ Селенджи въ Акъ-Хисаръ.

V. Іонія.

Изъ многочисленныхъ древнихъ городовъ Іоніи, весьма немногіе оставили слѣды своего существованія лишь въ нѣсколькихъ сохранившихся развалинахъ. Изъ новыхъ городовъ, стоящихъ на мѣстѣ древнихъ, Гюзель-Хисаръ или Айдинъ заслуживаетъ наиболѣе вниманія, и я думаю, что знаменитый Tralles, который, какъ извѣстно, долженъ находиться въ этихъ мѣстахъ, можетъ еще доставить любопытные памятники. Я обращу ваше вниманіе на возвышенность въ получасѣ ходьбы къ

сѣверу отъ новаго Айдина; эта возвышенность, кажется, служила кладбищемъ города Траллеса, и обозрѣніе всей мѣстности само собою внушаетъ надежду, что хорошо направленныя развѣдки не преминутъ доставить новую археологическую добычу.

Возвышенность эта представляетъ пышную мураву, украшенную прекрасными маслинами; поверхность совершенно горизонтальна; на восточномъ краю видно мѣсто амфитеатра; здѣсь находятся многіе курганы, изъ которыхъ въ одномъ ничего не нашли, а другой представилъ могилу чрезвычайно замѣчательную, построенную изъ необтесанныхъ плитъ со сводомъ, образующимъ уголъ въ 28 градусовъ. Все показываетъ въ ней характеръ глубокой древности. Видъ и складъ этого могильнаго зданія, раздѣленнаго на два покоя, въ которыхъ два человѣка могутъ стоять весьма удобно, такъ схожи съ подобными зданіями Этрусковъ и такъ разительно напоминаютъ могилы Витерби и Пистоіи, что существованіе этого памятника, явно этрусскаго характера, на самой границѣ Каріи, могло бы внушить мысль, что древнее племя Лидійцевъ, предковъ Этрусковъ, населяло эту страну до переселенія Каріянъ, и, слѣдовательно, этотъ памятникъ восходитъ къ эпохѣ, предшествовавшей троянской войнѣ, потому что Каріяне упоминаются Гомеромъ въ числѣ союзныхъ народовъ царя Пріама.

Идя вверхъ по долинѣ Меандра, къ востоку отъ Айдина, встрѣчаете деревушку Харпасъ-Калеси, которой новѣйшее названіе по-видимому есть тоже что̀ древнее Harpas. Здѣсь прежде всего видите остатки стѣны и нѣсколько башенъ довольно хорошо сохранившихся; но онѣ не носятъ печати древности и очевидно принадлежатъ къ эпохѣ среднихъ вѣковъ. Но эти стѣны и

башни находятся посреди других развалин совсѣмъ иного характера, и которыя представляютъ, по всей вѣроятности, остатки древняго Арпаса; ихъ стоило бы изучить повнимательнѣе. Камни огромныхъ размѣровъ; какъ во всѣхъ постройкахъ этого рода, они только положены одинъ на другой, безъ всякаго цемента. Между Айдиномъ и Харпасъ-Калеси находится деревня Султанъ-Хисаръ, стоящая на мѣстѣ древней Nysa. Проходя чрезъ эту деревню въ 1853 году, я былъ пораженъ великимъ множествомъ плитъ, вдѣланныхъ въ стѣны домовъ и покрытыхъ греческими надписями. Кромѣ того, жители этой жалкой деревушки, насчитывающей всего пятдесятъ лачугъ, извѣстили меня, что на сосѣдней горѣ есть амфитеатръ, довольно хорошо сохранившійся. Кромѣ Айдина, Харпасъ-Калеси и Султанъ-Хисара, въ Іоніи есть еще мѣстность, представляющая развалины болѣе обширныя и лучше сохранившіяся, чѣмъ въ трехъ вышеупомянутыхъ мѣстахъ: это деревня Аинѐ-Базаръ или Аинѐ-Калеси, лежащая посреди развалинъ знаменитой Magnesia ad Meandrum. Эти прекрасныя развалины были уже много разъ посѣщаемы и описаны; но дѣло археологовъ далеко еще не кончено.

Оставляя небольшое число мѣстъ, которыя представляютъ еще памятники съ достаточными признаками, по которымъ можно пріурочить ихъ къ тому или другому городу Іоніи, упоминаемому древними, мы находимъ здѣсь, съ другой стороны, много такихъ мѣстностей, которыя весьма богаты развалинами, но развалинами обломочными: что̀, при отсутствіи положительныхъ извѣстій классическихъ авторовъ, не позволяетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, связать ихъ ни съ какимъ извѣстнымъ городомъ, су-

ществовавшимъ въ этихъ мѣстахъ. Подобныя развалины разсѣяны по всей поверхности волнистой равнины, простирающейся къ югу отъ Смирны и за которою начинается долина Каистра. Я видѣлъ, между прочимъ, въ двухъ часахъ ходьбы къ юговостоку отъ деревни Фортуна, много кусковъ отъ карнизовъ и дорическихъ колоннъ, также плиты, на одной изъ которыхъ находится двуязычная надпись. Другія мѣста Іоніи представляютъ также отдѣльные памятники, которые хотя не могутъ быть пріурочены ни къ которому изъ древнихъ городовъ, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о многочисленномъ нѣкогда народонаселеніи этихъ странъ, которому эти памятники одолжены своимъ происхожденіемъ. Сюда можно включить остатки водопроводовъ и дорогъ, изъ которыхъ многія находятся въ мѣстахъ нынѣ совершенно пустынныхъ и иногда даже мало доступныхъ. Приведу два примѣра. Отъ Смирны до Менимена, видны непрерывные остатки древней дороги; въ двухъ съ половиною часахъ ходьбы къ сѣверо-западу отъ деревни Наибли, въ весьма живописномъ и дикомъ ущеліи, ведущемъ чрезъ Пактыздагъ, одну изъ западныхъ оконечностей цѣпи Тмола, видѣнъ красивый древній водопроводъ, составленный изъ двухъ рядовъ арокъ, одна надъ другою; нижнія арки, въ числѣ трехъ, поддерживаютъ шесть другихъ, меньшихъ арокъ; все прекрасной работы, изъ тесаныхъ камней. Если не отнести это къ Магнесіи на Меандрѣ, которой развалины удалены почти на двѣнадцать верстъ отсюда, или къ Эфесу, который отстоитъ еще дальше, этотъ водопроводъ останется совершенно внѣ черты извѣстныхъ намъ древнихъ городовъ Іоніи, и доказываетъ очевидно, что дикая нынѣ и пустынная страна, посреди которой

онъ стоитъ, должна была нѣкогда представлять совершенно другой видъ.

VI. Карія.

Если берегъ Каріи, оживленный безсмертными воспоминаніями о Галикарнассѣ и Книдѣ, былъ часто предметомъ изслѣдованій, которыя однакожъ оставляютъ еще многаго желать, то внутренность этой любопытной страны еще весьма мало извѣстна. Такъ мы почти ничего не знаемъ о знаменитомъ городѣ Tabas, названіе котораго очевидно представляетъ турецкая деревня Давасъ, состоящая изъ пятисотъ домовъ. Когда, въ 1853 году, мои геологическія развѣдки привели меня къ горѣ, на которой столь живописно расположена эта деревня, я былъ пораженъ въ ней множествомъ плитъ и отрубковъ колоннъ, вдѣланныхъ въ стѣны домовъ. Такъ какъ мои труды по геологіи нашли именно въ этой мѣстности предметы высокаго интереса, то я не могъ предаваться наблюденіямъ, столь отдаленнымъ отъ природы моихъ изслѣдованій; однако, собирая окаменѣлости, которыми эта гора изобилуетъ, я могъ при этомъ, на скорую руку, списать надпись, которую замѣтилъ на широкой и красивой плитѣ, вдѣланной въ стѣну одной изъ жалкихъ лачугъ деревни. Изъ Даваса спустившись на равнину, чтобы отправиться въ Караюкъ-Базаръ, я слѣдовалъ, въ теченіи болѣе часа, за остатками древней дороги, которая направляется со стороны деревни Кырке, и вдоль которой я замѣтилъ, мѣстами, колодцы и водопои.

Оставляя внутренность Каріи, которая, безъ сомнѣнія, скрываетъ еще много археологическихъ сокровищъ, и подвигаясь къ берегу или къ сосѣднимъ странамъ, въ которыхъ находятся классическія мѣстности, уже

не разъ посѣщенныя, мы все-таки думаемъ, что эти мѣстности заслуживаютъ внимательнѣйшаго изученія, нежели какого онѣ удостоивались доселѣ. Сюда мы относимъ развалины городовъ Alabanda, Mylassa и Stratonicea. Не входя ни въ какія подробности касательно этихъ развалинъ, къ описанію которыхъ я ничего не могу прибавить новаго, я не могу однакожъ не сказать слова два объ этихъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя проходилъ не одинъ разъ.

Отправляясь, 22 мая 1853 года, изъ Султанъ-Хисара къ прекраснымъ развалинамъ Алабанды, находящимся близъ деревушки Арабъ-Хисаръ, я перешелъ, въ десяти часахъ отъ Султанъ-Хисара, черезъ Чинарчай, и тотчасъ замѣтилъ рядъ сломанныхъ гробницъ, колоннъ и плитъ, которые указывали на близость древняго и богатаго города. Обломки и остатки построекъ умножаются по мѣрѣ того, какъ подымаешься тихонько къ горѣ, которая тянется амфитеатромъ отъ сѣверо-сѣверо-запада къ востоку, и на западной оконечности которой находится небольшое мѣстечко Арабъ-Хисаръ. Кажется, вершина этой горы была увѣнчана стѣною, которая спускалась потомъ съ обѣихъ сторонъ къ равнинѣ и была прикрыта многими башнями и квадратными зданіями, построенными изъ великолѣпныхъ плитъ. Другая стѣна по-видимому была пониже къ равнинѣ, гдѣ видны остатки великолѣпнаго квадратнаго зданія, увѣнчаннаго тремя башнями. Вся равнина, какъ и легкая возвышенность, которою она подымается къ горѣ, усѣяна плитами, отрубками колоннъ, частію стоящихъ, частію лежащихъ разбросанно со всѣхъ сторонъ. Турки затруднили расчистку этихъ великолѣпныхъ развалинъ, огородивъ ихъ низкими заборами, выложенными изъ тѣхъ же матеріаловъ, ко-

торые они непрерывно похищають у этихъ прекрасныхъ памятниковъ. На каждой изъ многочисленныхъ башенокъ, которыхъ еще видны нѣкоторые слѣды, замѣчаешь гнѣздо аиста, и самую птицу на стражѣ, какъ бы единственнаго владѣльца этого нѣкогда столь населеннаго города. Оставляя Арабъ-Хисаръ, чтобъ отправиться въ Карпузлу, идете, въ теченіи получаса, вдоль горы, у подошвы которой находятся развалины Алабанды, и проходите безпрестанно передъ рядомъ гробницъ, что̀ заставляетъ предполагать, что кладбище Алабанды находилось между равниною и склономъ горы.

Когда, въ 1848 году, я оставилъ развалины Алабанды, чтобъ направиться къ Милассѣ чрезъ гору Латмусъ, я замѣтилъ, въ трехъ часахъ ходьбы, много гробницъ и плитъ, поставленныхъ симметрически въ рядъ, или расположенныхъ ступенями на холмахъ, выдающихся внутрь долины, по которой мы шли. Эти памятники древняго города связываются съ прекрасными развалинами, возвышающимися со всѣхъ сторонъ вокругъ деревни Демирджикёй, расположенной въ четырехъ часахъ ходьбы къ юго-западу отъ развалинъ Алабанды, немного вправо отъ дороги. Огромныя гробницы и многочисленныя колонны представляются внизу Демирджикёя, а великолѣпное квадратное зданіе господствуетъ надъ деревнею. Части стѣнъ этого зданія въ родѣ тѣхъ что̀ въ Алабандѣ, на равнинѣ; но зданіе Демирджикёя гораздо обширнѣе и лучше сохранилось. Въ разстояніи около шести часовъ отъ развалинъ Алабанды начинаешь подыматься, и проходишь мимо большаго числа колоннъ замѣчательно толстыхъ, лежащихъ тамъ и здѣсь, такъ что кажется, будто рядъ памятниковъ не прерывался цѣпью Латмуса и

простирался можетъ-быть непрерывною линіею болѣе тридцати верстъ отъ Алабанды до Миласеы. Въ Милассѣ есть прекрасные ворота со сводами, украшенные кориноескими капителями; каждый домъ заключаетъ въ своихъ стѣнахъ древнія колонны и плиты, которыми весьма изобилуютъ окрестности города. Въ двухъ часахъ ходьбы къ юго-юго-востоку отъ Милассы, находится высота, увѣнчанная деревнею Бечинъ-Калеси; это нѣсколько турецкихъ лачугъ, пріютившихся къ обрывку древней стѣны съ башнями, изъ которыхъ нѣкоторые остатки еще стоятъ. Стѣна повидимому составляетъ развалины укрѣпленія; постройка ея напоминаетъ скорѣе средніе вѣка, чѣмъ классическую древность, потому что все сдѣлано изъ мелкихъ камней, а не изъ плитъ. Вообще я не замѣтилъ древнихъ остатковъ на пути, которому я слѣдовалъ отъ Милассы до Косскаго залива, проходя чрезъ гору Лиду; когда же спустился я съ этой горы, направляясь въ деревню Гераму, которой имя такъ живо напоминаетъ городъ Ceramus, который долженъ находиться здѣсь, то былъ весьма разочарованъ, не нашедъ тутъ никакого слѣда древности. За то, хотя Миласса не представила развалинъ столь многочисленныхъ, ни столь хорошо сохранившихся, какъ развалины Стратоникеи, о которой я упомяну ниже, тѣмъ не менѣе, принимая въ соображеніе, что разрушенію Милассы содѣйствовало особенно учрежденіе на ея мѣстѣ города довольно значительнаго, котораго домы, въ числѣ около двухъ тысячъ, почти всѣ построены изъ древнихъ матеріяловъ, можно заключить, что тщательное разсмотрѣніе послѣднихъ могло бы привести къ открытію драгоцѣнныхъ обломковъ; ибо нѣтъ жилища, можетъ быть, въ этомъ городкѣ, котораго бы стѣны не заклю-

чали обломковъ древняго зодчества, изъ которыхъ иныя покрыты греческими надписями, не говоря уже объ остаткахъ воротъ и колоннъ, еще стоящихъ. Эти надежды пріобрѣтаютъ новое подкрѣпленіе, когда вспомнимъ начертанную древними картину великолѣпія Милассы; ибо Геродотъ уже (кн. I) говоритъ о множествѣ храмовъ изъ прекраснаго мрамора, которые тамъ возвышались въ его время, а Страбонъ (кн. XV) описываетъ великолѣпные памятники города. Древняя мостовая, довольно хорошо сохранившаяся, видна въ долинѣ къ сѣверо-западу отъ Милассы. Эта мостовая, составленная изъ плитъ, во многихъ мѣстахъ поддерживается арками, проходящими надъ оврагами; она проходитъ черезъ Сарычай и потомъ теряется незамѣтно. Въ трехъ часахъ ходьбы къ сѣверо-западу отъ Милассы, идя по долинѣ, ведущей въ Менделію, я видѣлъ прекраснѣйшій храмъ, вправо отъ дороги, въ небольшой боковой долинѣ, у подошвы горы. Изъ сохранившихся частей этого храма рисуются двѣнадцать колоннъ еще на мѣстѣ; много другихъ лежатъ здѣсь и тамъ въ окрестности. Подобные остатки продолжаютъ показываться въ большомъ числѣ до Менделіи; тамъ тоже видны многія цистерны, выложенныя прекрасными плитами. Пространство между Баффи и озеромъ Акызъ-Чай все усыпано древними остатками, обломками колоннъ, капителей, гробницъ, и пр.

Хотя великолѣпныя развалины Стратоникеи, посреди которыхъ находится жалкая деревушка Эски-Хисаръ, состоящая только изъ сорока девяти лачугъ, были посѣщаемы и отчасти описаны, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ еще доставить много весьма любопытныхъ археологическихъ памятниковъ, если не ограничатся только

изученіемъ развалинъ, видныхъ на поверхности, но станутъ производить и раскопки: ибо вездѣ, въ верхнемъ слоѣ земли, видны оконечности карнизовъ, капителей, и пр., болѣе или менѣе глубоко зарытыхъ. Очень можетъ быть, что такимъ образомъ удалось бы отрыть остатки знаменитаго храма Юпитера-Хрисаота, упоминаемаго Страбономъ. Во всякомъ случаѣ, раскопки не могутъ не привести къ важнымъ результатамъ.

VII. Ликія.

Когда послѣ столькихъ археологическихъ трудовъ со времени Феллоса (Fellows) послѣдовало, въ этой любопытной странѣ, быстро одно за другимъ, столько открытій новыхъ городовъ, открытій, которымъ послѣднія изысканія Эд. Форбеса, Спратта и Даніеля такъ много содѣйствовали, то начинаешь болѣе и болѣе убѣждаться, что этотъ богатый рудникъ еще далеко не исчерпанъ. Хотя я прошелъ Ликію вдоль и поперегъ, и имѣлъ случай видѣть бо̀льшую часть этихъ прекрасныхъ памятниковъ; но я не стану говорить о тѣхъ, которые уже описаны, и о которыхъ я ничего не могу сказать новаго; а ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ обыкновенныхъ путей археологовъ, и которыя заслуживаютъ вниманія ученыхъ, направляя ихъ изысканія въ новую сторону.

Въ четырехъ съ половиною часахъ пути къ западу отъ Элмалу, въ горахъ Кую-Бели, на высотѣ болѣе пяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, видны обломки древнихъ колоннъ.

Деревушка Сейзеръ-Яйласы, на весьма значительной высотѣ, служащая лѣтнимъ кочевьемъ для жителей долины Ксанѳа, называемой нынѣ Эвренчай, наполнена остатками древнихъ построекъ. Между плитами, обо-

значающими квадратную ограду древняго зданія, есть многія съ надписями; я списалъ одну.

Деревня Эвренъ, какъ и всѣ деревни долины Ксанѳа, болѣе или менѣе наполнена тесаными камнями и отрубками колоннъ. Въ полуторѣ часа ходьбы къ западу отъ Долошана, находящагося въ десяти часахъ къ сѣверо-западу отъ Макри, древняго Felmeissus, видѣнъ змѣевиковый холмъ, у подошвы котораго находится деревушка Акчеташъ. Этотъ холмъ увѣнчанъ обширными развалинами, состоящими изъ многихъ частей стѣнъ, довольно грубой постройки. Но какъ матеріялъ для этихъ построекъ, вѣроятно среднихъ вѣковъ, былъ большею частью взятъ изъ древнихъ развалинъ, то можно надѣяться открыть тамъ нѣсколько любопытныхъ остатковъ.

Деревня Яжурташъ, въ семи часахъ ходьбы отъ Караюкъ-Базара, столь богата древними колоннами, что не только видны обломки, вдѣланные въ стѣны домовъ, но каждая платформа (плоская кровля) дома имѣетъ ихъ по нѣскольку, для уравненія песку и земли, которыми здѣсь крыты домà. Нѣтъ сомнѣнія, что въ окрестностяхъ существовалъ древній городъ; это можетъ быть тотъ городъ, который археологи помѣщаютъ между Караюкъ-Базаромъ и Яжурташомъ; но я не замѣтилъ никакого слѣда развалинъ по дорогѣ, ведущей изъ Караюкъ-Базара въ Яжурташъ; изъ чего и заключаю я, что Эриза должна была находится на мѣстѣ Яжурташа.

VIII. Фригія.

Изъ многочисленныхъ развалинъ, отчасти хорошо сохранившихся, которыя открыты, благодаря трудамъ ученыхъ археологовъ, особенно французскихъ и

англійскихъ, я могъ, при моихъ геологическихъ развѣдкахъ, изслѣдовать съ нѣкоторою подробностью только развалины Іерополиса (Hieropolis). Занятый измѣреніемъ протяженія и толщины осадка травертина, и опредѣленіемъ температуры горячихъ ключей, я имѣлъ случай, въ теченіи многихъ дней, проѣзжать не только через мѣста всѣхъ этихъ знаменитыхъ памятниковъ, но также и черезъ смежныя страны; и убѣдился, что не смотря на то, что развалины Іерополиса были предметомъ важныхъ изслѣдованій, въ числѣ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ труды Г. Тексьѐ, самая возвышенность, на которой расположены эти развалины, и особенно цѣпь горъ, къ которой прислоняется эта возвышенность съ сѣверо-востока, могутъ еще доставить любопытныя открытія. Такимъ образомъ, между турецкими деревушками Карагантомъ и Памбу-Калеси, на склонѣ известковой скалы, видѣнъ каменный мостъ, переброшенный черезъ ручеекъ, низвергающійся почти отвѣсно въ долину. Этотъ мостъ заставляетъ предполагать, что могильные памятники непосредственно связывались съ какимъ-либо обитаемымъ мѣстомъ, расположеннымъ внутри горы, гдѣ можетъ-быть удалось бы открыть развалины самаго города Hieropolis, котораго бо̀льшая часть открытыхъ доселѣ памятниковъ принадлежатъ къ его некрополю.

Я не далеко ходилъ по направленію этого моста; но баронъ Беръ, бельгійскій министръ въ Константинополѣ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе сойтись въ Іерополисѣ, въ 1848 году, и который обладаетъ глубокими свѣдѣніями въ археологіи, проникалъ далѣе внутрь горы, и сообщилъ мнѣ, что пройдя мостъ, онъ слѣдовалъ по тропинкѣ, высѣченной въ скалахъ, и просверленной въ многихъ мѣстахъ цистернами, изъ кото-

рыхъ многія заключали еще воду, не смотря на палящій зной лѣта.

Центральная часть Фригіи, въ томъ числѣ пространство верстъ около сорока между городомъ Булдуръ и озеркомъ Янышлы, усѣяно древними остатками и обломками; не только турецкое кладбище города Булдуръ представляетъ множество отрубковъ бороздчатыхъ колоннъ, употребленныхъ мусульманами вмѣсто надгробныхъ камней, но даже кладбище жалкой деревушки Янакёй, расположенной въ шести верстахъ къ югозападу отъ западнаго края Булдурскаго озера, усѣяно подобными отрубками, между которыми многіе покрыты греческими надписями. Равнымъ образомъ, отправлясь изъ Караюкъ-Базара въ Булдуръ, почти въ продолженіи осемнадцати часовъ шелъ я посреди древнихъ развалинъ, хотя искаженныхъ и часто едва распознаваемыхъ. Такъ, напримѣръ, въ Генчаликёѣ, въ девяти часахъ ходьбы къ сѣверо-востоку отъ Караюкъ-Базара, видно множество плитъ и обломковъ гробницъ; въ Сазакѣ, въ трехъ часахъ ходьбы къ сѣверовостоку отъ Генчали, видно великое множество обломковъ капителей; въ Яныилы, въ трехъ часахъ съ четвертью къ сѣверо-востоку отъ Генчали, представляются равнымъ образомъ саркофаги и нѣсколько отломковъ древняго зодчества, вмазанныхъ въ стѣны жалкихъ лачугъ деревни. Въ самой серединѣ послѣдней деревни, возвышается фонтанъ, котораго вода бьетъ изъ отверстія, сдѣланнаго въ широкой плитѣ, поставленной отвѣсно и покрытой греческими надписями; впрочемъ теперь видно только нѣсколько словъ.

Смежныя съ западнымъ берегомъ озера Эгердиръ мѣста также богаты остатками древности. Такъ напримѣръ, ихъ множество между Гелендузомъ и Дерганъ-

Хисаромъ. Между этими остатками я видѣлъ обломки плитъ и колоннъ, испещренныхъ греческими надписями.

Переходя отъ центральныхъ и восточныхъ частей Фригіи къ западной ея оконечности, мы найдемъ тамъ страну почти неизвѣстную, которая доселѣ изображалась пробѣломъ на всѣхъ нашихъ картахъ. Эта страна довольно обширная, простирающаяся къ югу отъ Афъюнъ-Кара-Хисара, между этимъ городомъ и озеромъ Эгердиръ. Я производилъ въ ней развѣдки въ 1848 году. Отправляясь изъ Афъюнъ-Кара-Хисара въ Касабу, я замѣтилъ, въ недальнемъ разстояніи отъ послѣдняго городка, вправо отъ дороги, огромное накопленіе обломковъ колоннъ, капителей и другихъ остатковъ древняго зодчества, свидѣтельствующихъ о существованіи здѣсь древняго города. Самая Касаба заключаетъ много обломковъ колоннъ изъ бѣлаго и сѣраго мрамора.

IX. Писидія.

Писидія далеко не пользовалась такимъ вниманіемъ, какое выпало на долю сосѣдственной съ нею Ликіи. Въ то время, какъ для Ликіи наступаетъ эпоха, когда бо̀льшая часть городовъ ея, упоминаемыхъ древними, будетъ открыта и изслѣдована археологами, въ Писидіи, бо̀льшую часть указаній древнихъ авторовъ остается еще повѣрить на мѣстѣ; а это, естественно, можетъ совершиться только тогда, когда изучать эту часть Малой Азіи лучше, чѣмъ это было доселѣ. Такъ какъ я имѣлъ случай два раза посѣтить деревню Герма̀, которая, по всей вѣроятности, занимаетъ часть мѣстности древняго города Cremna, объ остаткахъ котораго мы имѣемъ еще весьма мало

свѣдѣній, то я позволю себѣ войти о томъ въ нѣкоторыя подробности.

Дорога, идущая изъ Буджака въ Герму, и особенно мѣста въ десяти верстахъ отъ Буджака и въ двухъ верстахъ отъ Гермы, покрыты остатками древнихъ зданій, какъ-то обломками колоннъ, плитъ, и пр., между которыми, безъ сомнѣнія, нашлись бы надписи, которыя бы прибавили кое-что къ тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣемъ о многочисленныхъ городахъ Писидіи. Въ окрестностяхъ самой Гермы, видны тоже слѣды, но весьма изглаженные, древнихъ построекъ, которые составляютъ почти все то, что̀ намъ остается отъ блестящей Кремны, которая вѣроятно была построена въ этихъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ, требовалось великое народонаселеніе и много средствъ, чтобъ одушевить эти мѣста, нынѣ столь дикія и пустынныя; городъ, расположенный посреди этого хаоса лѣсистыхъ скалъ, и имѣющій у подножія прекрасную равнину, долженъ былъ представлять великолѣпный видъ и пользоваться очаровательною панорамою. Также надобно предполагать, что этотъ городъ имѣлъ не одни тѣ только пути сообщенія, которые нынче соединяютъ Герму съ сосѣдними деревнями: ибо между Гермой и Буджакомъ находится нынѣ лишь узкая тропинка, едва проходимая для вьючныхъ лошадей. Жители Гермы сказывали мнѣ, что въ четырехъ верстахъ отъ деревни находятся развалины, извѣстныя въ странѣ подъ именемъ Асаръ-Калеси; ихъ стоило бы изучить. Герма̀ есть жалкое мѣстечко, которое я нашелъ почти пустымъ, когда прибылъ туда 21 мая 1847; всѣ жители переѣхали на лѣтнія дачи, и мы дѣйствительно видѣли, во всѣхъ долинахъ и на всѣхъ смежныхъ высотахъ, круглыя палатки, то-

чно ульи пчелъ: это дачи новыхъ Кремніотовъ. Какъ бы то ни было, жалкая деревушка Герма̀ расположена весьма живописно.

Хотя развалины Сагаласса (Sagalassus) уже довольно извѣстны, но какъ геологическое изслѣдованіе высокой цѣпи, на которой онѣ расположены, доставило мнѣ случай проходить ихъ въ разныхъ направленіяхъ, то я позволю себѣ поговорить нѣсколько объ этой знаменитой мѣстности, разсматривая ее особенно съ топографической точки зрѣнія.

Развалины Сагаласса извѣстны въ странѣ подъ именемъ Будрува; онѣ находятся въ четырехъ верстахъ къ сѣверо-западу отъ Агласанкёя, близъ вершины горы, у подошвы которой расположена деревня. Когда, въ іюнѣ 1853, я отправился изъ деревни къ этимъ развалинамъ, мнѣ надлежало проходить, въ продолженіи двадцати минутъ, по весьма изрытой долинѣ, разстилающейся у подошвы горы. Черезъ двадцать пять минутъ, я началъ подыматься сквозь дубовыя рощи; сперва подъемъ былъ легкій, но вскорѣ онъ сдѣлался весьма крутымъ, особенно когда надлежало проходить чрезъ глыбы, завалившія всѣ тропинки, чтобъ достичь вершины горы, на которой расположены величественныя и таинственныя развалины Сагаласса; я говорю таинственныя, потому что ихъ замѣчаешь только тогда, когда подымаешься на гору: такъ онѣ скрыты за скалами. Съ трудомъ вѣрится, чтобы городъ могъ быть построенъ на почвѣ столь изрытой, съ поверхностями круто наклонными во всѣ стороны; однакожъ, именно эти высоты представляютъ наиболѣе отрывковъ великолѣпныхъ стѣнъ и другихъ древнихъ построекъ. Всѣ эти огромныя плиты, по-видимому не соединенныя цементомъ, представляютъ прекрасные ти-

пы древней архитектуры. Мѣсто, занимаемое городомъ, состоитъ изъ четырехъ высотъ, болѣе или менѣе раздѣленныхъ узкими углубленіями или ущеліями, которыя всѣ примыкаютъ къ наклонной плоскости, составляющей юго-юго-восточный склонъ горы. Эти высоты, находящіяся непосредственно у подошвы остроконéчныхъ вершинъ горы, подымающихся въ видѣ стѣны, имѣютъ различную величину; самая восточная высота наиболѣе возвышена, и, если смотрѣть съ низу, то она скрываетъ самый гребень горы, отъ которой отдѣляется только углубленіемъ, сильно наклоннымъ къ сѣверу. Западная высота, гораздо менѣе возвышенная, расположена еще ближе къ вершинѣ, которой она составляетъ боковой выступъ. Третья высота подымается къ югу отъ второй; она не значительна, и къ югу удлиняется выпуклостью, которая связываетъ ее съ четвертою высотою. Раздѣленныя на многія боковыя выпуклости, всѣ эти высоты, разсматриваемыя въ совокупности, образуютъ родъ полумѣсяца, котораго выемка обращена къ востоку; онѣ всѣ увѣнчаны частями башенъ и стѣнъ, которыя повидимому образовали циркумвалаціонную линію, слѣдуя очертанію всѣхъ этихъ высотъ. Восточная высота оканчивается изрытою высокою плоскостью, на которой расположенъ великолѣпный амфитеатръ, рядъ ступеней котораго довольно хорошо сохранился, такъ что можно обойти ихъ вокругъ; но внутренность зданія такъ завалена плитами, обломками капителей, карнизовъ и колоннъ, что всѣ эти кучи образуютъ лабиринтъ, чрезъ который нельзя иначе пробраться, какъ перескакивая съ одной глыбы на другую. Нѣсколько прекрасныхъ орѣшниковъ возвышается посреди этого великолѣпнаго зданія, одного изъ наилучше сохранив-

нихся и самыхъ блестящихъ въ классической Малой Азіи. Городъ могъ быть приступенъ только съ юго-юго-западной стороны, то есть съ юго-юго-западнаго склона горы, и то можно подниматься здѣсь только по наклоннымъ (часто въ 35°) плоскостямъ, притомъ перерѣзаннымъ ущеліями. Трудно понять, какимъ образомъ Александръ, по сказанію Страбона, могъ взять городъ приступомъ. Въ нынѣшнее время, это былъ бы безъ сомнѣнія, весьма важный стратегическій пунктъ; съ него можно громить непріятеля, который бы вздумалъ подступать къ нему, взбираясь въ продолженіи получаса по этому крутому откосу, который одинъ открытъ къ долинѣ; со всѣхъ другихъ сторонъ, мѣстность защищена отвѣсными скалами. Неудобство, представляемое этимъ пунктомъ въ наше время, есть отсутствіе воды: нигдѣ не видно ни колодцевъ, ни водопровода; однако вѣроятно, что со временемъ отроютъ колодцы, засыпанные теперь огромнымъ накопленіемъ развалинъ. Мнѣ говорили, что въ иныя зимы снѣгъ покрываетъ развалины въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, такъ какъ мѣстность Сагаласса должна быть около тысячи футовъ выше Агласана, который тоже довольно возвышенъ. Никакая запашка не могла существовать на скалахъ, гдѣ находился городъ, хотя, по нижней части откоса, видны мѣстами посѣвы ржи, которая, въ мою бытность, была совсѣмъ зеленая и очень тощая. Потому-то Страбонъ и замѣчаетъ, что жители искали защиты посреди неприступныхъ скалъ, а воздѣлывали плодородную долину Тавра; онъ разумѣетъ, вѣроятно, долину Агласана, которой почва однако не слишкомъ производительна, ибо тонкій слой растительной земли усѣянъ известковыми валунами.

X. Памфилія.

Изъ многочисленныхъ развалинъ, которыя я имѣлъ случай видѣть въ Памфиліи, я обозначу только слѣдующія мѣстности, заслуживающія новаго, болѣе тщательнаго изслѣдованія.

Въ недальномъ разстояніи къ сѣверу отъ деревни Алà, на потокѣ того же имени устроенъ мостъ весьма грубой постройки; вправо отъ него, на лѣвомъ берегу ручья, возвышается четыреугольное зданіе, построенное изъ прекрасныхъ тесаныхъ камней и запечатлѣнное характеромъ классической древности. Это зданіе составляло, безъ сомнѣнія, часть великолѣпнаго замка, вѣнчающаго высокую скалу близъ праваго берега потока, почти насупротивъ упомянутаго моста. Замокъ этотъ, называемый Аларъ-Хисаръ, имѣетъ нѣсколько квадратныхъ башенъ, поставленныхъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ, и связанныхъ со стѣною, которая описываетъ крутые повороты и многочисленные зигзаги вдоль крутаго откоса скалы. Положеніе этого замка могло бы и теперь сдѣлать изъ него важный стратегическій пунктъ, потому что скала, имъ вѣнчаемая, совершенно неприступна и надъ нею не господствуетъ никакая сосѣдняя высота.

Въ трехъ часахъ ходьбы къ сѣверо-западу отъ Чаушкёя, на дорогѣ, ведущей въ Манавгатъ, переходятъ, по мосту Кесекъ-кёприси, черезъ глубокій ровъ, который вѣроятно служитъ русломъ потоку, изливающемуся въ Манавгатъ-Су, и который высыхаетъ лѣтомъ. Кесекъ-кёприси очевидно древней постройки, изъ прекрасныхъ тесаныхъ камней; но отъ него остались лишь одни арки, на которыхъ онъ былъ утвержденъ. Турки завалили промежутки прерванныхъ сводовъ большими

каменями, которые дѣлаютъ переходъ довольно неудобнымъ.

Въ недальнемъ разстояніи къ югу отъ Базарджикёя, на правомъ берегу Манавгатъ-Су, видѣнъ рядъ развалинъ башенъ и древнихъ стѣнъ, означаемыхъ именемъ Ашаръ-Калеси. Турецкое кладбище Матавгата заключаетъ въ себѣ множество обломковъ древнихъ колоннъ. Въ двухъ часахъ ходьбы къ сѣверо-западу отъ Зевѐ, дорога, ведущая въ Иставросъ, проходитъ черезъ небольшую равнину, гдѣ, посреди густаго лѣска изъ миртъ, palimurus aculeatus,. quercus coccinifer, и пр., возвышаются три квадратныя башни, построенныя изъ прекрасныхъ тесаныхъ камней, и имѣющія совершенно характеръ древней архитектуры; вездѣ, на высотахъ, видны слѣды зданій, и вѣроятно здѣсь находилась Селевкія.

Въ двухъ часахъ къ юго-западу отъ Иставроса, къ морю, видны довольно обширныя развалины башенъ и стѣнъ, построенныхъ изъ прекрасныхъ тесаныхъ камней, связанныхъ рухлякомъ или известью. Въ двухъ часахъ къ западу отъ Адаліи, возвышаются, на прекрасной возвышенности, обширныя и великолѣпныя развалины, которыя надобно миновать, отправляясь изъ Адаліи въ Ени-Джеханъ. Развалины по краю дороги состоятъ изъ саркофаговъ большею частію открытыхъ, часто съ греческими надписями, которыя могли бы доставить любопытныя данныя. Этотъ длинный рядъ гробницъ образовалъ кладбище города, котораго великолѣпные остатки видны далѣе къ сѣверу. Дорога проходитъ, на пространствѣ двухъ верстъ, по безмолвной аллеѣ кладбища, котораго гробницы имѣютъ почти форму и размѣры гробницъ Іерополиса; только украшенія разнятся отъ украшеній послѣдняго, состоя

преимущественно изъ концентрическихъ круговъ со звѣздою по серединѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ развалинъ и возлѣ самой дороги, ведущей въ Ени-Джеханъ, находится великолѣпный древній колодезь, съ квадратнымъ входомъ, выложеннымъ изъ толстыхъ плитъ; лѣстница, хорошо сохранившаяся, ведетъ во внутренность углубленія, оканчиваясь у уровня воды, заключенной въ колодцѣ. Лѣстница эта состоитъ изъ тридцати семи ступеней; вертикальная высота ея тридцать два съ половиною фута.

Всѣ эти развалины составляли вѣроятно часть города Аріасса (Ariassus); онѣ находятся въ четырнадцати верстахъ отъ Адаліи и въ осьми отъ Ени-Джехана. Вода, въ глубинѣ колодца, наполняетъ только круглое отверстіе, и я нашелъ въ ней, девятнадцатаго ноября, не болѣе пяти дюймовъ глубины. Температура воды, на глубинѣ четырнадцати аршинъ ниже поверхности почвы, была въ полдень 9°; при отверстіи колодца, въ тѣни, 15°. Страна, заключающая эти обширныя и великолѣпныя развалины, совершенно пустынна. Когда я тамъ былъ, изъ одушевленныхъ тварей, исключая моихъ лошадей, я видѣлъ лишь нѣсколькихъ верблюдовъ, щипавшихъ скудную траву вокругъ колоннъ и опрокинутыхъ стѣнъ; только шумъ ихъ шаговъ прерывалъ угрюмое безмолвіе, господствующее нынѣ почти постоянно надъ всѣми этими остатками угасшаго блеска; ибо немногіе изъ путешественниковъ проходятъ чрезъ эти пустынныя мѣста.

Принадлежности этого обширнаго города должны были простираться далеко къ сѣверо-западу; ибо, на пространствѣ осьми верстъ, которыя я прошелъ, считая отъ вышеупомянутаго колодца почти до Ени-Джехана,

открывается безпрестанно, между чащами palinurus aculeotus и маслинъ, цѣлые отрывки великолѣпныхъ стѣнъ, обозначающихъ совершенно квадратную площадь, нѣкогда ими огражденную. На томъ мѣстѣ, гдѣ возвышенность понижается къ долинѣ, ведущей въ Ени-Джеханъ, видна древняя дорога, которая можетъ-быть вела въ Ясіонду; а гдѣ горы сходятся, почти въ верстѣ отъ Ени-Джехана, замѣчаете съ обѣихъ сторонъ, на склонахъ горы, остатки зданій, господствовавшихъ надъ тѣсниною. Они соединялись прекрасною стѣною, спускавшеюся вдоль горныхъ откосовъ. Эти стѣны примыкали къ тѣснинѣ, которую онѣ вѣроятно замыкали, оставляя тамъ входъ въ видѣ воротъ. Все пространство между Адаліей и Ени-Джеханомъ, верстъ двадцать пять въ длину, усѣяно древними колодцами, обложенными прекрасными круглыми тесаными камнями, и весьма часто съ каменными сосудами въ видѣ яслей, которыя вѣроятно служили водопоемъ для скота.

Въ четырехъ часахъ къ западу отъ Ени-Джехана, переходите чрезъ высоту, которая выдвигается на равнинѣ и примыкаетъ къ валу, опоясывающему равнину съ сѣвера. Высота эта утыкана обломками колоннъ и плитъ, которые, можетъ быть, суть остатки зданій, составлявшихъ часть города Ясіонды.

XI. Галатія.

Галатія есть также одна изъ тѣхъ странъ Малой Азіи, которыя хотя были предметомъ многочисленныхъ трудовъ и важныхъ открытій, но тѣмъ не менѣе могутъ еще доставить наукѣ много новыхъ матеріяловъ. Вѣрный предначертанному мною плану, говорить только о памятникахъ, мало или совсѣмъ неизвѣстныхъ, или

которые еще не были изучаемы какъ бы они того заслуживали, я не стану описывать знаменитыхъ мѣстностей, открытіемъ которыхъ мы одолжены ученымъ археологамъ, и между прочимъ Гг. Тексьѐ и Гамильтону, а удовольствуюсь обозначеніемъ отдѣльныхъ пунктовъ, гдѣ, въ продолженіи моихъ странствій по этой странѣ, я могъ наблюдать нѣкоторые остатки древнихъ зданій.

Въ двухъ часахъ ходьбы къ сѣверо-западу отъ Чандыра, на самой дорогѣ, ведущей въ Севри-Хисаръ, видѣнъ прекрасный древній колодезь, вокругъ котораго находится много отрубковъ колоннъ и обломковъ тесаныхъ камней; онъ значительно глубокъ; веревкою въ сорокъ аршинъ длины не достали дна. Въ Чандырѣ, на Сангаріи, который здѣсь течетъ довольно быстро, хотя находится близъ истока, стоитъ красивый мостъ, утвержденный на многихъ сводахъ; онъ построенъ исключительно изъ матеріяловъ, взятыхъ отъ древнихъ построекъ, которыхъ развалины весьма многочисленны въ окрестностяхъ Чандыра; такъ, въ двѣнадцати минутахъ ходьбы къ сѣверо-западу отъ Чандыра, вправо отъ дороги, видны многіе отрубки колоннъ еще стоящихъ. На одной изъ многочисленныхъ плитъ, составляющихъ балюстраду моста, изображена рельефно человѣческая фигура, вѣроятно женщины, въ сидячемъ положеніи; но фигура эта такъ стерта, что ни лицо, ни тѣло, не сохранили никакой рѣзкой или явственной черты: ото всего осталась безобразная форма, которой одни очертанія позволяютъ догадываться о природѣ представляемаго его существа. Внизу этой рельефной фигуры находится надпись, которая имѣла такую же участь какъ и фигура; всѣ слова искажены или сглажены; я списалъ только тѣ слова,

которыя можно было разобрать. Между плитами, изъ которыхъ построенъ мостъ, видно также туловище льва, безжалостно искаженное.

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ Ангоры, есть большой армянскій монастырь, окруженный высокою стѣною. Г. Леонарди, армянскій лекарь, у котораго я пользовался нѣсколько разъ радушнымъ гостепріимствомъ, извѣстилъ меня, что онъ нашелъ на дворѣ монастыря колоссальную голову Юпитера и нѣсколько древнихъ медалей. Эти драгоцѣнные остатки, которые онъ хранилъ нѣсколько лѣтъ въ своемъ домѣ, были истреблены или затеряны во время пожара, который истребилъ его домъ, не задолго до моего прибытія въ Ангору, гдѣ я уже былъ четыре раза проѣздомъ.

Въ недальнемъ разстояніи къ юго-востоку отъ деревни Караханджели, въ четырехъ верстахъ къ юго-востоку отъ Ангоры, видѣнъ левъ изъ бѣлаго мрамора, весьма искаженный. На равнинѣ, простирающейся между Кизиль-Ырмакомъ и вышеупомянутою деревнею, возвышается квадратное зданіе, полуразвалившееся, грубой постройки и вѣроятно турецкой, но котораго матеріялы заимствованы отъ древнихъ зданій. Такіе же матеріялы служили для постройки красиваго моста, по которому, въ этихъ мѣстахъ, переходятъ черезъ Halys. Другой мостъ на той же рѣкѣ, но гораздо выше, и именно въ шестнадцати верстахъ къ югу отъ города Кыркшехра, также сложенъ изъ древнихъ матеріяловъ. Этотъ мостъ, котораго построеніе, какъ свидѣтельствуетъ турецкая надпись, относится къ эпохѣ мусульманскаго владычества, утвержденъ на тринадцати сводахъ, которыхъ большая часть обвалилась, такъ что сообщеніе установлено по доскамъ, перекинутымъ съ отрубка арки на другой, что̀ дѣлаетъ переходъ довольно

опаснымъ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ негоденъ. Не далеко на сѣверъ отъ моста, видно довольно красивое, полу-развалившееся, зданіе, вѣроятно тоже турецкой постройки, но котораго матеріялъ взятъ отъ древнихъ зданій. Тоже должно сказать о третьемъ мостѣ, весьма значительномъ, который стоитъ на Кизиль-Ырмакѣ, въ четырехъ верстахъ къ югу отъ Сиваса. Онъ сложенъ изъ прекрасныхъ плитъ, и устроенъ на восемнадцати аркахъ, описывая кривую линію, которой вогнутость обращена къ востоку.

Сулукъ-Серай, жалкая деревушка, въ семнадцати часахъ ходьбы къ сѣверо-западу отъ Сиваса, на равнинѣ Артовасы, наполнена обломками карнизовъ, барельефовъ и тесаныхъ камней; стѣны домовъ ими утыканы; нѣкоторые покрыты надписями болѣе или менѣе стертыми. Я списалъ тѣ, которыя находятся на двухъ различныхъ плитахъ, также срисовалъ барельефъ, котораго надпись искажена. Списки представляются поэтому въ нѣсколькихъ столбцахъ, съ обозначеніемъ искажающихъ ихъ впадинъ.

XII. Ликаонія.

Если, во всѣхъ своихъ частяхъ, классическая земля Малой Азіи представляетъ рѣзкій контрастъ между настоящимъ своимъ видомъ и тою картиною, какую начертали намъ немногіе изъ древнихъ авторовъ, до насъ дошедшихъ, то нигдѣ этотъ контрастъ столь не поразителенъ, какъ въ безплодныхъ и пустынныхъ странахъ Ликаоніи; ибо, изъ всѣхъ многочисленныхъ городовъ, упоминаемыхъ Страбономъ, Птоломеемъ и Плініемъ, ни одинъ не оставилъ здѣсь достаточныхъ слѣдовъ своего существованія, по которымъ можно бъ

было пріурочить мѣстность его даже гадательно; мало того: эти обширныя пространства, нѣкогда столь населенныя, нынѣ до такой степени лишены даже естественныхъ условій, необходимыхъ для существованія человѣка, что странникъ, съ трудомъ перебираясь черезъ этотъ край, убитый палящимъ солнцемъ и томительною жаждою, не находя ни тѣни для прохлады, ни капли воды для освѣженія, готовъ вѣрить, что никогда городъ или жилище человѣческое не могли оживлять этихъ негостепріимныхъ пустынь, поочередно заносимыхъ пылью и снѣгомъ. И однакожъ, все заставляетъ полагать, что извѣстія древнихъ, которыя кажутся намъ столь преувеличенными и столь невѣроятными, подтвердятся, когда мы лучше изучимъ эту страну, нынѣ столь мало привлекательную для изслѣдователей. Дѣйствительно, воспоминанія древности дотого кажется угасли для археолога, что онъ слышитъ лишь стоны тѣхъ несмѣтныхъ полчищъ крестоносцевъ, которыхъ лѣтописцы той эпохи представляютъ намъ издыхающими здѣсь сотнями ежедневно въ томленіяхъ жажды. По совершенному почти отсутствію развалинъ, археологическія разысканія должны быть преимущественно обращены здѣсь на новѣйшія постройки, которыя всѣ болѣе или менѣе составлены изъ древнихъ матеріяловъ. Такія постройки видны и въ деревняхъ, разсѣянныхъ на многихъ вообще мало посѣщаемыхъ мѣстахъ, Ликаоніи, равно какъ и на постоялыхъ дворахъ (ханахъ), которые въ этой странѣ имѣютъ великолѣпіе, котораго напрасно стали бы искать въ другихъ частяхъ Малой Азіи; ибо они, какъ кажется, относятся къ эпохѣ Сельджукидовъ, которые, какъ извѣстно, при династіи иконійскихъ султановъ, пріобрѣли извѣстную степень блеска и образованности.

Изслѣдовавъ и новѣйшія постройки и развалины дорогъ, колодцевъ, мостовъ, и пр., не замедлятъ собрать драгоцѣнныя памятники въ пользу древняго блеска Ликаоніи. Я укажу на остатки этого рода, начиная сперва съ сѣверо-западной оконечности Ликаоніи, страны весьма рѣдко посѣщаемой и почти совершенно неизвѣстной: я хочу сказать о весьма неровной странѣ къ югу отъ главныхъ истоковъ Сангарія и отъ города Севри-Хисара. Деревни, расположенныя въ этомъ небольшомъ безплодномъ околоткѣ, опоясанномъ съ юга высокою цѣпью Эмирдага, заключаютъ много любопытныхъ развалинъ, изъ которыхъ обрацу ваше вниманіе на плиту съ полувыпуклымъ изваяніемъ, которую я открылъ въ 1849 году.

Въ десяти верстахъ къ юго-востоку отъ Хамза̀-Хаджи, дорога, ведущая въ Чалтыкъ, идетъ черезъ небольшую долину, опоясанную съ каждой стороны продолговатою возвышенностью, на которой видно множество безобразныхъ обломковъ, и также нѣсколько отрубковъ колоннъ еще стоящихъ; эти обломки разсѣяны по всей поверхности равнины. Въ шести верстахъ къ юго-востоку отъ Чалтыка, находится деревушка Хасанъ-чифтлыкъ. Въ стѣнахъ одной изъ мазанокъ, я замѣтилъ широкую плиту, украшенную странными рельефными украшеніями, и которой верхняя часть покрыта надписями, къ сожалѣнію совсѣмъ истертыми, за исключеніемъ одной строки. Работа обличаетъ слабое состояніе искусства, ибо воспроизведеніе предметовъ природы сдѣлано самымъ грубымъ образомъ: головы быковъ можно узнать только по рогамъ, вовсе непропорціональнымъ, а глаза, вставленныя въ эти головы, напоминаютъ скорѣе какого-нибудь гигантскаго ящера изъ породы исключительно ископаемой;

да и птица съ ногами грубо вырѣзанными могла бы затруднить орнитолога, который захотѣлъ бы ее опредѣлить. Этотъ любопытный памятникъ все-таки весьма замѣчателенъ, и я старался передать его въ очеркѣ, несовершенно точномъ, который я на-скоро набросалъ. Жители, которыхъ я распрашивалъ о происхожденіи этой плиты, сообщили мнѣ, что она принесена изъ Сейфу-Эриндага, гдѣ, увѣряли меня, есть множество плитъ, испещренныхъ чудными животными (*аджаибъ-хайванъ*). Было бы весьма важно изслѣдовать цѣпь Султандага, гдѣ открыли бы можетъ-быть драгоцѣнные памятники совсѣмъ особаго типа. Мои геологическія развѣдки привели меня только къ двумъ пунктамъ этого хребта. Результаты, мною полученные, показались мнѣ достаточными для той цѣли, которую я имѣлъ въ виду, и я отказался изслѣдовать всю цѣпь, и только весьма поверхностно коснулся нижней страны Сейфу-Эриндага, гдѣ, по сказанію жителей Хасанъ-чифтлыка, находятся именно тѣ памятники, о которыхъ идетъ рѣчь, памятники, представляющіе или начало или упадокъ искусства.

При переходѣ черезъ хребетъ Эмирдагъ, спускаясь въ обширныя равнины собственно Ликаоніи, я слѣдовалъ по остаткамъ древней дороги, начинающейся въ четырнадцати верстахъ къ юго-востоку отъ Кулукеси и проходящей чрезъ тѣснину, ведущую къ возвышенности Северека. У подошвы высотъ, чрезъ которыя проходитъ тѣснина, находится много отрубковъ колоннъ, капителей, и пр., также три древніе колодца, обложенные тесаными камнями, изъ которыхъ иные испещрены греческими надписями; къ сожалѣнію, эти надписи такъ стерты, что нѣтъ возможности прочесть ихъ. Въ двухъ верстахъ къ западу отъ Северека,

видны также древніе колодцы и обломки колоннъ. Деревенская мечеть, между деревянными колоннами, ее поддерживающими, представляетъ красивую древнюю колонну изъ бѣлаго мрамора; стѣны мечети испещрены обломками древнихъ зданій; не мало ихъ также и въ деревнѣ, которой жалкія лачуги, въ числѣ осьмидесяти, построены изъ глины и камней. Между множествомъ древнихъ камней, вмазанныхъ въ стѣны мечети, на одномъ есть надпись, которая, къ сожалѣнію, прерывается трещинами. Начиная отъ деревни Северека до юго-западнаго берега озера Мурадъ (Булюкгёль), то-есть на пространствѣ болѣе шестнадцати верстъ, постоянно видны отрубки колоннъ, разные обломки, и особенно водопои и рамы колодцевъ, и все это перемѣшано въ кучу или разбросано на поверхности обширной равнины. Въ шестнадцати верстахъ отъ Северека, возлѣ самаго берега Булюкгёля, находится источникъ солоноватой воды, заключенной въ бассейнѣ изъ древнихъ плитъ. Въ деревушкѣ Обрюклу, расположенной къ западо-юго-западу отъ Северека, возвышается развалившійся постоялый дворъ, весьма пространный, котораго матеріялы очевидно заимствованы отъ развалинъ древняго города, находившагося по близости, быть-можетъ Саватры. Въ осьми верстахъ отъ Обрюклу, находится другой постоялый дворъ, называемый Оклаханъ, котораго внутренность раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ частей, связанныхъ арками; должно быть, нѣкогда онъ былъ весьма великолѣпенъ. Матеріялы его также заимствованы отъ остатковъ древняго города, котораго присутствіе обличается слѣдами квадратныхъ оградъ, тесаныхъ камней, расположенныхъ симметрически въ рядъ, и множествомъ отрубковъ колоннъ, капителей, и пр. Этому двору придаютъ характеръ клас-

сической древности особенно арки внутренности зданія, которыя довольно смѣлы; но присутствіе отрубковъ дорическихъ колоннъ, вмазанныхъ въ наружныя стѣны, показываетъ, что этотъ дворъ построенъ изъ древнихъ развалинъ. Зданіе раздѣлено поперегъ на пять отдѣленій съ высокими стѣнами; каждое изъ нихъ прорѣзано четырмя арками; двѣ среднія стѣны разрушены. Ворота также имѣютъ арку, но выше внутреннихъ арокъ. Зданіе совершенно безъ кровли, которая, какъ видно, лежала на пяти сводахъ, идущихъ отъ одной поперечной стѣны до другой. Въ четырехъ часахъ ходьбы на востокъ отъ постоялаго двора, находится деревушка Султанханъ, получившая свое имя отъ находящагося въ ней великолѣпнаго постоялаго двора (хана), замѣчательнаго по великолѣпнымъ воротамъ, съ насѣчками и узорами въ мавританскомъ стилѣ. Строевой матеріялъ также взятъ отъ древнихъ развалинъ. Внутренность двора весьма пространна и назначена для помѣщенія странниковъ. Я послѣ жалѣлъ, что избѣгая насѣкомыхъ, столь неразлучныхъ съ турецкими путешественниками, я не провелъ тамъ ночи, а велѣлъ раскинуть палатку на полѣ: ибо испаренія болотъ причинили мнѣ сильную лихорадку, мнѣ и моимъ людямъ, 5 іюня 1847. Подлѣ двора видѣнъ левъ съ сломанною головою, работы довольно посредственной, и вѣроятно относящейся къ эпохѣ Сельджукидовъ. Дворъ образуетъ обширный параллелограмъ, котораго продольная сторона идетъ съ сѣвера на югъ. Каждая сторона прикрыта восемью башнями, построенными изъ прекрасныхъ тесаныхъ камней. Фасадъ съ великолѣпными воротами обращенъ на сѣверъ.

Выходя изъ Султанхана и направляясь въ Акъ Серай, въ продолженіи болѣе часу видишь, вправо отъ дороги,

куски камней, поставленные въ рядъ и симетрически, что по-видимому указываетъ на слѣды древней стѣны или дороги. Въ четырехъ верстахъ оттуда; есть развалины постоялаго двора и всякаго рода обломки, которые очевидно относятся къ эпохѣ классической древности.

Въ осьми верстахъ отъ Чорлу, недалеко отъ восточной оконечности отдѣльной горы Карадагъ, вправо отъ дороги, ведущей въ Караманъ, видѣнъ длинный рядъ древнихъ развалинъ; онѣ видны тоже въ шести верстахъ къ сѣверу отъ Карамана.

Страна, смежная съ Коніей, равно богата древними остатками. Такъ, въ Ладикѣ, къ сѣверу отъ Коніи, которая конечно занимаетъ часть мѣста, на которомъ находилась Laodicea, видны, въ стѣнахъ домовъ, перемѣшанные кое-какъ, множество отрубковъ колоннъ, какъ бороздчатыхъ, такъ и съ гладкимъ стержнемъ, и красивыя плиты. Подобные обломки образуютъ длинный рядъ на дорогѣ, ведущей изъ Ладика въ Конію. Вышедъ изъ Ладика, идешь болѣе часу посреди кучи плитъ, карнизовъ, колоннъ, и пр.; между этими остатками есть многіе съ греческими надписями. Остатокъ древней дороги явно видѣнъ посреди всѣхъ этихъ развалинъ. По выходѣ изъ Ладика, спустя часъ ходьбы, видите красивый фонтанъ, построенный Турками изъ древнихъ плитъ, изъ котораго бьетъ превосходная вода двумя отверстіями, явленіе, которое, на голыхъ равнинахъ Ликаоніи, всегда привѣтствуется странникомъ съ особеннымъ восторгомъ.

Продолжая идти по той же дорогѣ изъ Ладика въ Конію, приходите къ старому постоялому двору Докузъ-ханъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Коніи. При входѣ во дворъ, видите обломокъ льва изъ бѣлаго

известняка съ прожилками; онъ такъ искаженъ и округленъ треніемъ, что невозможно судить о его художественномъ достоинствѣ. Въ трехъ часахъ ходьбы къ югу отъ деревни Хатапъ, расположенной въ четырнадцати верстахъ къ югу отъ Коніи, слѣдуя по дорогѣ, ведущей въ Гадинсерай, я перешелъ черезъ ручей, текущій къ юго-юго-востоку, на которомъ стоитъ мостъ, построенный изъ древнихъ плитъ, вѣроятно взятыхъ съ дороги, которой слѣды еще видны вдоль болота, чрезъ которое надо проходить, чтобъ прибыть въ Гадинсерай, жалкую турецкую деревушку, состоящую изъ двадцати глиняныхъ мазанокъ; тамъ есть колодезь, окруженный древними водопоями, и также множество обломкокъ колоннъ и плитъ.

Идя изъ Алибей-кёя, въ семи часахъ къ юго-юго-востоку отъ Коніи, въ Сулейманъ-Хаджи, я замѣтилъ, въ двухъ верстахъ отъ Алибей-кёя, красивый мостъ, постройки вѣроятно древней, который стоитъ надъ высохшимъ русломъ (это было въ іюнѣ мѣсяцѣ) потока довольно широкаго. Мостъ утвержденъ на шести сводахъ. Въ двухъ часахъ отъ Алибей-кёя, видно на полѣ множество колоннъ, изъ которыхъ многія еще стоятъ. Сулейманъ-Хаджи представляетъ кучу мазанокъ, сложенныхъ изъ камней и обложенныхъ глиною; между этими грубыми матеріялами находятся отрубки колоннъ и куски древнихъ плитъ. Малая мечеть содержитъ ихъ великое множество. Самая деревня Алибей-кёя представляетъ несмѣтное множество обломковъ древняго зодчества; я слѣдилъ ихъ на пространствѣ двѣнадцати верстъ, направляясь къ сѣверу отъ деревни. Между селеніями Чурмà и Алибей-кёй эти обломки начинаютъ особенно умножаться; они состоятъ преимущественно изъ обломковъ капителей, колоннъ, тесаныхъ

камней, и пр., разсѣянныхъ по полю. Въ двухъ часахъ съ половиною къ югу отъ Алибей-кёя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходишь изъ тѣснины, видны ряды камней обозначающихъ мѣсто древнихъ стѣнъ. Эти груды находятся въ связи съ отрубками колоннъ и другими обломками, которыхъ почти нельзя распознать, но изъ которыхъ большая часть конечно указываетъ на существованіе здѣсь какого-либо древняго города; впрочемъ тесаные камни находятся подальше, посреди домовъ безъ кровли, построенныхъ подлѣ стараго постоялаго двора, въ трехъ часахъ съ половиною отъ Алибей-кёя, и въ трехъ съ половиною часовъ отъ Касабы.

Въ деревушкѣ Гадинханъ, почти на половинѣ дороги изъ Ильгуна въ Ладикъ и оттуда въ Конію, видно продолговатое зданіе, возвышающееся у самаго входа въ деревню, идя отъ Ильгуна. Я замѣтилъ въ стѣнахъ этого зданія большое число плитъ, покрытыхъ греческими надписями. Эти плиты, очевидно, не на своемъ мѣстѣ, потому что положены коекакъ, не обращая вниманія на порядокъ письма. Я видѣлъ тамъ также многіе барельефы различныхъ стилей, положенные тоже на удачу.

XIII. Исаврія.

Великолѣпныя развалины Исавріи, въ первый разъ описанныя Г. Гамильтономъ, имѣютъ связь со множествомъ древнихъ остатковъ, которые можно слѣдить на большомъ разстояніи, далеко отъ главнаго мѣста развалинъ Исавріи. Такъ, направляясь отъ этихъ послѣднихъ къ Боскаръ-мадену, я видѣлъ, вдоль по дорогѣ, обломки, которые становятся весьма многочисленными въ окрестностяхъ Язда.

По всей дорогѣ, ведущей изъ Сейдишегра въ Чаушкёй, я видѣлъ много древнихъ остатковъ, особенно въ деревняхъ Кобдакъ, Бейрекли и Чаушъ, гдѣ въ безпорядкѣ навалены въ кучу обломки карнизовъ, колоннъ, капителей и пр. Возвышенность, на которой находится жалкая деревушка Баяларъ, въ осьми часахъ къ юго-западу отъ Карамана, усыпана огромными грудами древнихъ карнизовъ.

Въ деревнѣ Маштедъ, въ трехъ часахъ къ сѣверу отъ Башкишлу, который находится въ четырехъ часахъ къ юго-западу отъ Карамана, я замѣтилъ въ каменной работѣ турецкаго фонтана многіе красивые античные обломки, и между прочимъ обломокъ шеи и головы льва, превосходно отдѣланной. Подальше видно много тесаныхъ камней и другихъ остатковъ древняго зодчества.

XIV. Пафлагонія и Понтъ.

Такъ какъ Пафлагонія была довольно хорошо изслѣдована, по крайней мѣрѣ сравнительно, въ отношеніи археологическомъ, то я обозначу только окрестности Вираншегра, въ осьми часахъ къ югу отъ Зафранболи, потому что эта страна еще весьма мало извѣстна и въ первый разъ начертана на моей картѣ Малой Азіи, изданной въ Парижѣ въ 1853 году.

Въ двухъ часахъ къ сѣверу отъ Вираншегра, въ живописной долинѣ, по которой протекаетъ ручей, возлѣ котораго стоитъ эта деревня, я замѣтилъ, въ 1848 году, мраморную колонну, еще стоящую, всю испещренную греческими надписями, къ сожалѣнію болѣе или менѣе стертыми; я могъ разобрать только нѣкоторыя слова. Эти остатки колоннъ, изъ которыхъ многія еще стоятъ, видны часто вдоль всей долины Виран-

шегра. Это, вѣроятно, были дорожные столбы, поставленные на древней дорогѣ, которая шла по этой долинѣ и связывала можетъ быть Antinopolis, городъ, на мѣстѣ котораго теперь стоитъ, какъ я думаю, село Черкесъ.

Впрочемъ, во всѣхъ этихъ мѣстахъ, слѣды древнихъ дорогъ довольно часты. Такъ, перейдя черезъ долину Соанъ-су (Хамамлу-су), и направляясь къ Зафранболи, видны высоты, по которымъ пролегаетъ древняя дорога, довольно хорошо сохранившаяся, которая спускается въ долину Ара-чай.

Въ недальнемъ разстояніи къ востоку отъ Кереди, вправо отъ дороги, ведущей изъ этого городка въ Баиндыръ, видно большое пространство, усыпанное обломками древняго зодчества; ихъ также находятъ въ самомъ мѣстечкѣ Баиндыръ.

Въ двухъ верстахъ къ западо-юго-западу отъ Везиръ-Кёпрю, находится въ деревушкѣ Пашакёй много остатковъ древняго зодчества. Отъ Пашакёя до Везиръ-Кёпрю, на пространствѣ многихъ верстъ, видны слѣды древней дороги, заваленной плитами, отрубками колоннъ, и пр. Вѣроятно, древній Gazalen должен находиться не на самомъ мѣстѣ Везиръ-Кёпрю, а немного подальше къ юго-западу отъ города.

Въ Понтѣ совсѣмъ не то, что̀ въ Пафлагоніи; не только большая часть памятниковъ, какіе могутъ тамъ находиться, не были еще посѣщаемы, но даже тѣ, которыхъ существованіе дознано, требуютъ строгаго пересмотра. Дѣло въ томъ, что значительная часть Понтійской страны есть еще terra incognita, въ особенности же страна, орошаемая рѣчкою Терме-су (Thermodon), и почти всѣ долины, по которымъ протекаютъ Ирисъ и его притоки. Поэтому я опишу эти мѣста, столь мало извѣстныя, которыя я изслѣдовалъ въ

прошедшемъ году (1853), при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ, потому что война между Россіей и Турціей готова была вспыхнуть, и какъ Русскій я долженъ былъ поспѣшить отъѣздомъ чтобы какъ можно скорѣе достичь берега, сѣсть на корабль и отправиться въ Константинополь.

Я начну съ долины почти полукруглой, по которой протекаетъ Чекерекъ-су, лѣвый притокъ Ешиль-Ырмака (Iris), потомъ перейду къ правому притоку той же рѣки, Гермели-чаю, Lycus древнихъ, чтобъ изслѣдовать остатки древней Cabira, извѣстной въ послѣдствіи подъ именемъ Неокесаріи, и кончу мои археологическія разсужденія о Понтѣ нѣсколькими замѣчаніями о настоящемъ состояніи мѣстностей, бывшихъ нѣкогда театромъ знаменитаго миѳа объ Амазонкахъ.

Въ статьѣ о Галатіи я уже изложилъ нѣкоторыя археологическія разсужденія касательно долины Чекерекъ и особенно той части ея, которая заключается между Сулу-Серай и Янги; поэтому мнѣ остается здѣсь сказать немного объ этой части долины. Я прибавлю только, что слѣды древнихъ развалинъ, обозначенныхъ мною въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ, простираются также отъ Сулу-Серая до долины Кара-Мегара, орошаемой притокомъ Чекерекъ-су. Такъ, въ четырехъ верстахъ къ юго-западу отъ деревни Авлуба, влѣво отъ дороги, ведущей въ Кара-Мегару, видно множество отрубковъ, обломковъ колоннъ, изъ которыхъ многія еще стоятъ, плитъ, и пр. Въ недальнемъ разстояніи къ западу отъ деревни Янги, на холмѣ, господствующемъ надъ лѣвымъ берегомъ Чекерекъ-су, видно турецкое кладбище, гдѣ есть отрубки древнихъ колоннъ. Въ двѣнадцати верстахъ къ юго-западу отъ деревни Изибу, возлѣ дороги, ведущей въ Кара-Мегару, пред-

ставляются развалины зданія, которое вѣроятно построено въ средніе вѣка, но изъ древнихъ матеріяловъ.

Перейдемъ теперь отъ лѣваго притока Ириса къ его правому притоку, чтобъ изслѣдовать городокъ Никсаръ, который, по общему мнѣнію археологовъ, занимаетъ мѣсто Cabira Diospolis или Неокесаріи. Новый городъ Никосаруть состоитъ изъ тысячи осьми сотъ домовъ, въ числѣ которыхъ двѣсти греческихъ и армянскихъ. Къ нагорной части города, составляющей большую часть Никсара, примѣняется извѣстіе Страбона, который замѣчаетъ, что почва города такъ изрыта, что съ трудомъ можно раскинуть палатку; я самъ это испыталъ, потому что въ ближайшихъ окрестностяхъ города не могъ раскинуть палатки, и принужденъ былъ, чтобъ не спускаться въ долину, помѣститься въ домѣ, и отказаться отъ моей привычки предпочитать мою кочевую палатку осѣдлымъ домамъ. Впрочемъ, часть города находится на прекрасной равнинѣ, орошаемой Ликусомъ, откуда наслаждаешься очаровательнымъ видомъ на другую часть города, расположенную уступами по склонамъ горы, и представляющую группы домовъ весьма живописно раскинутыхъ, частію каменныхъ, частію деревянныхъ, наподобіе швейцарскихъ хижинъ. Третья часть города нисходитъ въ глубокую долину, которая прорѣзываетъ горы отъ юго-востока къ сѣверо-западу, и называется Деребагъ. Она представляется очень милою, и поражаетъ зрѣніе блескомъ зелени; ибо здѣсь преимущественно находятся сады и огороды. Эта долина прикрыта съ сѣверо-востока высотою, которую вѣнчаютъ развалины замка. Обстоятельства, столь стѣснявшія мое положеніе во время моего пребыванія въ Никсарѣ, въ ноябрѣ 1853, не позволили мнѣ посѣтить этотъ замокъ, который, вѣро-

ятію, занимаетъ мѣсто акрополя, о которомъ говоритъ Страбонъ, и гдѣ, безъ сомнѣнія, археологъ найдетъ пищу для любопытныхъ наблюденій. Впрочемъ, когда Страбонъ говоритъ, что цитадель Кабиры неодолима по своему положенію, надо брать въ расчетъ состояніе, въ какомъ находилось военное искуство во время амасійскаго географа. Въ наше время, наши инженеры вѣроятно имѣли бы другое мнѣніе объ этомъ замкѣ, какъ о военномъ пунктѣ; ибо гора, которую онъ вѣнчаетъ, имѣетъ передъ собою другія высоты гораздо большія, которыя надъ нею совершенно господствуютъ. Что касается до внутренняго города, то я не имѣлъ случая замѣтить въ немъ никакихъ остатковъ древности. Я также не замѣтилъ ихъ ни на одномъ пунктѣ, гдѣ переправлялся черезъ Термодонъ (Термесу), отправляясь изъ Никсара къ берегу; и кромѣ того, я напрасно искалъ ихъ на морскомъ берегу, гдѣ я послѣдовательно переходилъ Фатса, Уніе и Терніе, которые археологами признаются за Фатисанъ, Эное и Темискиру. Терніе, который, какъ полагаютъ, занимаетъ мѣсто знаменитаго города Амазонокъ (Themiscyra) расположенъ по обѣимъ сторонамъ Термодона, который здѣсь довольно широкъ и течетъ быстро, но котораго вода лѣтомъ тепла и вкуса весьма непріятнаго; а потому жители употребляютъ только колодезную воду. Хижины Терніе много напоминаютъ, по наружному виду, хижины деревень болгарскихъ и молдаванскихъ, или избы внутренней Россіи: это жалкія лачуги, построенныя изъ бревенъ; онѣ, въ числѣ пятисотъ, разсѣяны на равнинѣ, такъ что Терніе не имѣетъ ни улицъ, ни площади; есть только маленькій и весьма скудный базаръ, возлѣ самой рѣки. Когда я прибылъ въ Терніе, я нашелъ тамъ не болѣе двадцати

человѣкъ, блѣдныхъ и худощавыхъ; остальные разбѣжались въ горы, чтобъ спастись отъ пагубнаго влiянiя лихорадокъ, которыя, въ теченiи лѣта до декабря мѣсяца, дѣлаютъ эти мѣста почти необитаемыми; вы можете легко судить, что хворые представители города Амазонокъ не могли оставить во мнѣ впечатлѣнiя благопрiятнаго для населенiя новой Темискиры, равно какъ и ихъ бѣдныя лачуги, которыя не могутъ преобразоваться въ то время года, когда ихъ владѣльцы, избавясь отъ лихорадки, придутъ въ нихъ поселиться. Однимъ словомъ, какую ни предположить спартанскую простоту во вкусѣ и нравахъ воинственныхъ Амазонокъ, я сомнѣваюсь, чтобы онѣ захотѣли жить нынче въ мѣстечкѣ, стоящемъ на мѣстѣ ихъ древней и многолюдной столицы. Что касается равнины Темискиры, которой Страбонъ воспѣваетъ чрезвычайное плодородiе, то очень можетъ статься, что въ его время она была такою, какою онъ описываетъ. Впрочемъ, и теперь еще это страна чудная, покрытая превосходными лѣсами, но совершенно необитаемая въ теченiи лѣта по причинѣ пагубнаго влiянiя болотъ, въ ней находящихся. Я имѣлъ случай дѣлать тутъ ботаническiя наблюденiя, которыя будутъ помѣщены въ сочиненiи, которое я готовлю о растительности Малой Азiи.

Чрезъ средину равнины Темискиры протекаетъ Ешиль Ырмакъ (Ирисъ), по обоимъ берегамъ котораго стоитъ городокъ Чершегембе. Напрасно искавъ въ этихъ классическихъ мѣстахъ слѣдовъ остатковъ древности, я надѣялся найти ихъ въ этомъ городкѣ, который считалъ построеннымъ изъ матерiяловъ, заимствованныхъ отъ развалинъ, находящихся вблизи; но, увы! надежда моя была еще разъ обманута: я не нашелъ въ Чершегембе ничего, что̀ бы могло утѣшить

меня за пустоту, представляемую въ томъ же отношеніи смежными мѣстами, какъ-то Терніе, Уніе и Фатса. Чершегембе есть довольно значительное мѣстечко, состоящее изъ семи до осьми сотъ домовъ, живописно разбросанныхъ посреди прекрасныхъ садовъ, по обѣимъ сторонамъ Ешиль-Ырмака. Эта рѣчка здѣсь довольно широка, но лѣтомъ мелководна; на ней стоитъ мостъ, замѣчательный не столько по длинѣ, сколько по рухлой постройкѣ: ибо онъ состоитъ изъ вольныхъ досокъ, положенныхъ просто, безъ закрѣпленія гвоздями или скобами, на длинныхъ жердяхъ, воткнутыхъ вертикально въ рѣку, такъ что при каждомъ шагѣ все трясется и колеблется, и конные смиренно сходятъ съ лошадей, чтобъ пройти по немъ пѣшкомъ; хорошо еще, если доска не выйдетъ изъ своего непрочнаго равновѣсія и не разинетъ пасть, часто столь-же опасную для пѣшехода, какъ и для бѣдной скотины, которую онъ силится тащить за собою.

XV. Каппадокія.

Не стану говорить вамъ о Кайсаріе, древней Кесаріи, столицы Каппадокіи; ибо немногіе слѣды древности, заключающіеся въ этомъ городѣ, были уже достаточно описаны, хотя, полагаю, далеко не исчерпаны. Впрочемъ, хотя я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кайсаріи, которую посѣтилъ три раза, время мое каждый разъ было такъ занято геологическими и ботаническими развѣдками окрестной страны, и особенно изученіемъ любопытной группы горы Аргея, на которую я имѣлъ счастіе подняться, что мнѣ невозможно было посвятить ни малѣйшаго досуга для археологическихъ наблюденій. Проходя по окрестностямъ Кайсаріи, я замѣтилъ, въ шести верстахъ къ югу отъ

Эндерлика, на дорогѣ, ведущей оттуда въ Эверекъ, сводъ, сдѣланный въ ущеліи, который очевидно есть остатокъ древняго водопровода. Двѣ версты южнѣе, то же ущеліе преграждено стѣною, которая служила подпорою водопроводу. Что касается до горныхъ странъ Каппадокіи, пересѣкаемыхъ Антитавромъ и заключающихъ часть Катаоніи, то вся эта страна показалась мнѣ весьма бѣдною древними остатками, особенно если сравнить ее съ другими странами Малой Азіи. Такъ, подымаясь по Сейхуну (Sarus), отъ горной группы Кизиль-дагъ до истоковъ этой рѣки, я наблюдалъ только слѣдующія мѣстности, которыя стоятъ, кажется, труда, чтобъ обратить вниманіе археологовъ.

Когда я отправлялся изъ Гюлека, расположеннаго на южномъ склонѣ Булгаръ-дага, въ сорока почти верстахъ къ сѣверо-сѣверо-западу отъ Тарса, въ Босантаханъ, который находится въ шести часахъ ходьбы къ сѣверо-востоку отъ Гюлека, я ожидалъ открыть нѣкоторыя развалины, которыя могли бы указать мѣсто Podandus, который полагаютъ въ этихъ мѣстахъ; однако рѣшительно не нашелъ никакого обломка на этомъ пространствѣ; но прибывъ въ деревню Кизидагъ, въ пяти съ половиною часахъ далѣе на сѣверовостокъ, и въ которой также нѣтъ никакихъ слѣдовъ древности, я слышалъ отъ жителей, что въ десяти верстахъ къ югу и въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ деревни, есть довольно большое количество развалинъ, или, по ихъ выраженію «много старыхъ камней» (*эскі ташъ*). Въ этихъ можетъ-быть мѣстахъ надлежитъ искать Podandus, а не тамъ, гдѣ полагали его до сихъ поръ.

Продолжая слѣдовать среднему теченію Сейхуна, и направляясь отъ юго юго-запада къ сѣверо-сѣверо-

востоку, я нашелъ, въ трехъ часахъ пути къ юго-юго-западу отъ Карсанты-Оглу, на лѣвомъ притокѣ Саруса, почти въ шестидесяти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Гюлека и въ шестидесяти осьми верстахъ отъ Киликійскихъ Столбовъ, много обломковъ отъ древнихъ водопоевъ, лежащихъ близъ источника: это доказываетъ, что, даже чрезъ крутыя горы Антитавра, существовали нѣкогда пути сообщенія, связывавшія вѣроятно берегъ Киликіи съ внутренними частями Катаоніи.

Идя изъ Фараша, стоящаго на Заманта-су, правомъ притокѣ Сейхуна, у восточной подошвы Аладага, въ Беленкёй на Сейхунѣ, въ пятнадцати часахъ пути къ юго-востоку отъ Фараша, я видѣлъ на вершинѣ горы хорошо сохранившіяся развалины весьма значительной стѣны, прикрытой башнями, изъ которыхъ нѣкоторыя еще стоятъ; окружность стѣны по-видимому весьма обширна. Къ сожалѣнію, я былъ слишкомъ низко въ долинѣ, чтобы судить о состояніи и природѣ этихъ развалинъ, и волненіе, начинавшее обнаруживаться между фанатическими племенами Антитавра, налагало на меня необходимость поспѣшить отъѣздомъ, и не дозволило мнѣ взобраться на гору для изслѣдованія этихъ развалинъ. Поэтому я только указываю на нихъ археологамъ, которые посѣтятъ эти страны. Эти развалины не имѣютъ особаго названія; по крайней мѣрѣ, только мнѣ называли ихъ неопредѣленнымъ именемъ *эски-земанъ калеси*, что буквально значитъ «старыхъ временъ замокъ.»

Городъ Хачинъ, въ осьми часахъ пути къ сѣверо-сѣверо-востоку отъ Беленкёя, на притокѣ Сейхуна, не представилъ никакихъ слѣдовъ древности, хотя я надѣялся найти ихъ въ тамошнемъ довольно большомъ

армянскомъ монастырѣ, въ которомъ я жилъ два раза, въ 1848 и въ 1853 году.

Но между Хачиномъ и Беленкёемъ, въ деревнѣ Феке, видна возвышенность, увѣнчанная весьма красивымъ зàмкомъ, который хотя имѣетъ характеръ постройки среднихъ вѣковъ, но гдѣ археологъ могъ бы еще открыть нѣкоторые матеріялы древняго зодчества, употребленные для новѣйшей постройки.

Я также не нашелъ почти никакого слѣда древности въ Гёксунѣ, Гарпузѣ и Гюрюмѣ, признаваемыхъ нѣкоторыми учеными за Cucussus, Arabissus и Garnace. Мои изысканія имѣли не лучшіе результаты и въ Эль-Бостанѣ, гдѣ, по близости Арабисса и Кукусса, если только они дѣйствительно здѣсь находились, остатки отъ развалинъ этихъ древнихъ городовъ могли находиться между строевыми матеріялами города сравнительно новѣйшаго, каковъ Эль-Бостанъ. Гёксунъ имѣетъ около тысячи пяти сотъ домовъ, въ стѣнахъ которыхъ я не могъ открыть ни одного древняго обломка; но на кладбищахъ замѣтилъ я куски карнизовъ; также видѣлъ нѣсколько обломковъ между Гёксуномъ и Гарпузомъ. Въ верстѣ отъ Гёксуна, я замѣтилъ на полѣ обломки и отрубки колоннъ.

XVI. Киликія.

Проведя васъ чрезъ всѣ страны Малой Азіи, чтобы ввести наконецъ въ Киликію, я имѣлъ намѣреніе окончить эту быструю археологическую поѣздку страною, которая, болѣе всѣхъ другихъ полосъ Малой Азіи, можетъ обѣщать наукѣ почти неисчерпаемый рудникъ.

Археологическая важность обѣихъ Киликій заклю-

чается не въ томъ, что эти страны менѣе извѣстны, чѣмъ остальныя части полуострова, или что эти памятники были менѣе изучаемы, чѣмъ во всѣхъ прочихъ частяхъ Малой Азіи. Важность эта скорѣе въ чрезвычайномъ богатствѣ, какимъ пользуется Киликія въ этомъ отношеніи, и въ обиліи свѣдѣній, заключающихся въ древнихъ сочиненіяхъ объ этой странѣ, и которыя доказываютъ, что, несмотря на весьма значительное число памятниковъ, здѣсь видѣнныхъ и посѣщенныхъ, должны существовать тутъ многіе памятники, которые остается еще открыть, тѣмъ болѣе, что сѣверныя части этой страны очень мало извѣстны. Такъ, напримѣръ, хотя при изслѣдованіи главной долины Каликадна я не нашелъ тамъ развалинъ, но многочисленныя побочныя долины, отъ нея идущія, которыя я не всѣ посѣтилъ, могутъ конечно заключать любопытные остатки; равнымъ образомъ, вся часть луговой Киликіи, къ сѣверо-востоку отъ Ананы, и отъ этого города до Мараша, еще очень мало извѣстна археологамъ; и эти мѣста, кромѣ развалинъ и надписей классической эпохи, должны заключать весьма любопытные памятники, относящіеся къ армянскому царству, которое въ средніе вѣка блистало довольно живымъ блескомъ.

Считаю безполезнымъ повторять, что и въ Киликіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, я ограничусь указаніемъ только тѣхъ памятниковъ, которые наименѣе извѣстны, или которые не упоминаются путешественниками, или же упоминаются весьма поверхностно, не бывъ предметомъ строгаго изученія. Начну съ западной оконечности берега каменистой Киликіи, и буду слѣдовать вдоль береговой линіи обѣихъ Киликій, отъ запада къ востоку, останавливаясь по временамъ для углубленія во внутренность этихъ странъ.

Въ двухъ часахъ къ сѣверо-западу отъ деревушки Имамлы, расположенной въ семи часахъ къ юго-востоку отъ Алая, древняго Coracesium, недалеко отъ морскаго берега, видны части стѣнъ и нѣсколько развалившихся башенъ, построенныхъ изъ нетесаныхъ камней, работы довольно посредственной. Немного далѣе къ сѣверо-западу, видны известковыя высоты, образующія сѣверный край долины, орошаемой Тедерекъ-чаемъ, высоты, покрытыя остатками древнихъ башенъ и стѣнъ, которые становятся многочисленнѣе по мѣрѣ приближенія къ морю. Тамъ, холмы покрыты остатками зданій, сложенныхъ изъ нетесаныхъ камней, связанныхъ известью съ примѣсью крупнаго песку; они занимаютъ довольно значительное пространство по откосамъ холмовъ, и состоятъ изъ частей стѣнъ и зданій со сводами, которыхъ назначеніе трудно угадать, ибо они слишкомъ малы для домовъ большаго города. Вообще, эти зданія образуютъ квадратъ съ окнами также квадратными. Быть можетъ, что въ этихъ мѣстахъ Страбонъ (кн. XIV) помѣщаетъ Лаэрту. Эти развалины продолжаются, съ легкими перерывами, до Малая; онѣ особенно многочисленны на холмахъ, опоясывающихъ Джебель-Рейсъ. Одинъ изъ холмовъ, возлѣ деревни Махмудларъ, сплошь покрытъ подобными развалинами, которыя рисуются весьма живописно. Четверть часа пути на западъ отъ деревушки Чоракъ, вправо отъ дороги, ведущей въ Анемуръ, видна деревня Каледере, гдѣ представляются нѣсколько отрывковъ древнихъ стѣнъ. На сѣверномъ берегу залива Каледере, близъ деревни того же имени, возвышаются многія части стѣнъ и развалившіяся башни, работы довольно грубой и не представляющей печати древняго зодчества; однако, въ этихъ мѣстахъ Страбонъ помѣщаетъ

Charadrus, и дѣйствительно, подалѣе въ горѣ, видны саркофаги и ниши въ скалахъ, которые очевидно относятся къ классической древности.

Въ долинѣ, въ двухъ часахъ къ востоку отъ Анемура, орошаемаго Софлатъ-чаемъ, на вершинѣ горы, видны значительныя развалины, извѣстныя въ странѣ подъ именемъ Софлатъ-Калеси, и которыя можетъ-статься принадлежатъ къ древней Арсиноэ Страбона, хотя онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей объ этомъ городѣ, а лишь упоминаетъ объ немъ (кн. XVI), прибавляя только, что городъ имѣетъ рейдъ. Поэтому, натурально должно искать его ближе къ морю, чѣмъ Софлатъ-Калеси, котораго развалины могутъ представлять акрополь города, хотя впрочемъ удивительно, что Страбонъ о немъ не упоминаетъ. Софлатъ-Калеси есть зàмокъ съ овальною оградою, еще весьма хорошо сохранившеюся; стѣна, прикрытая многими круглыми башнями, пробита и повреждена только въ немногихъ мѣстахъ, а пять башенъ находятся еще въ весьма хорошемъ состояніи. Къ югу отъ Софлатъ-Калеси, близъ самаго моря, видны высоты, богато одѣтыя деревьями pinus lariccio, quercus coccinifer, myrthus communis, и пр., и увѣнчанныя остатками стѣнъ, которыя могли составить часть самаго города Melania.

Въ семи часахъ къ востоку отъ Софлатъ-Калеси находится деревушка Календрія, въ которой только двадцать домовъ, довольно плохой наружности. Мысъ, образующій западный край залива, покрытъ развалинами стѣны довольно грубой работы; но въ самой Календріи видны обломки древнихъ колоннъ, а на сѣверо-западномъ краю залива и на дорогѣ, веду-

щей въ Календрію, сохранилось четыреугольное зданіе съ каменною крышею, на вершинѣ которой была, безъ сомнѣнія, колонна, ибо и теперь еще видѣнъ пьедесталъ ея. Каждая изъ четырехъ стѣнъ этого зданія, вѣроятно надгробнаго, имѣетъ дугообразное отверстіе; надъ арками, карнизы коринѳскаго ордена. Самое зданіе, небольшой величины и кажущееся издали турецкимъ фонтаномъ, работы довольно красивой. Кромѣ того идутъ, параллельно съ берегомъ, слѣды древней стѣны. Страбонъ (кн. XIV) ничего не говоритъ о Календріи, только упоминая о городѣ и его рейдѣ. Повыше Календріи, по высокой тропинкѣ, ведущей изъ этой деревни въ Аксызъ, видно много сломаныхъ гробницъ. Высоты, окружающія съ сѣвера небольшую бухту, въ которую изливается Соукъ-су, въ двухъ верстахъ къ западу отъ Календріи, равно какъ и самый берегъ бухты, представляютъ кучу развалинъ стѣнъ и четвероугольныхъ башенъ; но эти постройки не имѣютъ древняго характера и относятся вѣроятно къ среднимъ вѣкамъ. На откосѣ вала, идущаго къ западу отъ бухты, на пространствѣ трехъ часовъ, и черезъ который проходитъ тропинка, ведущая изъ Календріи въ Аксызъ, видѣнъ рядъ каменныхъ глыбъ, которыя, можетъ быть, суть остатки древней дороги. Спускаясь изъ Аксыза въ долину, оканчивающуюся у моря, видны многія части стѣнъ и развалившіяся башни; но всѣ эти развалины не имѣютъ характера древняго зодчества и построены изъ грубо отесанныхъ камней. Едва ли вѣроятно, чтобы онѣ представляли Меланію, которую Страбонъ помѣщаетъ въ этихъ мѣстахъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ спускаются на равнину Селевке, по долинѣ Эрменекъ-су, въ двухъ часахъ почти отъ Селевке, влѣвѣ отъ дороги, видны многія красивыя

колонны, лежащія горизонтально и полу-зарытыя въ полѣ; остатки карнизовъ и другіе древніе обломки появляются во множествѣ возлѣ каменнаго моста, ведущаго въ Селевке. Не стану говорить о красивыхъ развалинахъ, находящихся на смежныхъ съ Селевке пригоркахъ: онѣ уже были посѣщаемы нѣсколько разъ; однако развѣдки и болѣе тщательное изученіе могли бы открыть тамъ новые слѣды знаменитой Селевкіи. Что касается самой долины Каликадна, которую я изслѣдовалъ, какъ сказалъ выше, отъ Эрменека до ея исхода, то я удивился, не найдя тамъ слѣдовъ древности; можетъ быть, онѣ есть въ которыхъ-нибудь изъ побочныхъ долинъ, идущихъ отъ главной, но по которымъ я не проходилъ, потому что мои геологическія и ботаническія изслѣдованія не требовали того настоятельно. Все это служитъ доказательствомъ великаго протяженія древней Селевкіи, которой развалины, означаемыя донынѣ этимъ именемъ, представляютъ вѣроятно только малѣйшую часть ея; ибо не только все поле, черезъ которое идешь два часа, спустившись изъ долины Эрменекъ до деревни Селевке, усыпано древними обломками; но они образуютъ еще непрерывный рядъ отъ этой деревни до моря, гдѣ находится малый рейдъ, *Лиманъ-Искелеси*, удаленный на два часа отъ Селевке. На всемъ этомъ пространствѣ видны тесаные камни, остатки четвероугольныхъ оградъ, колонны, обломки карнизовъ, и т. п. Эти развалины особенно многочисленны возлѣ деревни Чаушмагази, расположенной на одномъ изъ известковыхъ холмовъ, которые видны вправо отъ дороги, ведущей изъ деревни къ пристани, которая также завалена обломками древняго зодчества. Пристань состоитъ изъ пяти или шести домовъ, въ которыхъ

живугъ Армяне, которые торгуютъ лѣсомъ и грузятъ его на барки, приходящія изъ Александріи и Бейрута.

Въ получасѣ къ юго-западу отъ пристани, на оконечности длиннаго мыса, оканчивающагося низкой и широкой косою, видны развалины красиваго древняго зданія, въ которомъ болѣе осьми полукруглыхъ оконъ совершенно сохранились. Это, вѣроятно, былъ храмъ, который представлялся чрезвычайно живописно, ибо и теперь еще эти развалины поражаютъ взоръ издали. Храмъ этотъ находится вблизи древнихъ развалинъ, которыя, безъ сомнѣнія, представляютъ мѣсто древняго города, потому что вышеупомянутая коса отдѣлена отъ горъ, опоясывающихъ берегъ, узкою долиною, которая вся завалена развалинами, появляющимися также вдоль южнаго и юго-восточнаго откоса горы. Эти развалины состоятъ изъ частей стѣнъ древнихъ домовъ, которыхъ внутренняя ограда обозначается слѣдами стѣнъ; чащи кустовъ и деревъ скрываютъ совершенно эти развалины. Я не могъ признать въ этихъ развалинахъ ни одного изъ древнихъ городовъ, упоминаемыхъ Страбономъ (кн. XIV) во этой части берега, потому что географъ помѣщаетъ Holmi къ западу отъ мыса Sarpedon, хотя говоритъ, что городъ этотъ находился близъ Селевкіи: и дѣйствительно сказанныя развалины отстоятъ только на три часа пути отъ этого города, тогда какъ помѣщая Holmi непосредственно къ западу отъ мыса Sarpedon, этотъ городъ былъ бы удаленъ отъ Селевке по крайней мѣрѣ на восемь часовъ. На часъ почти разстоянія къ юго-западу отъ этихъ развалинъ, въ двухъ часахъ отъ пристани и въ четырехъ отъ Селевке, находится довольно извилистый заливъ, въ который впадаетъ ручеекъ солоноватой воды; на раковистыхъ

берегахъ его устья, равно какъ и всему берегу залива, представляются остатки древнихъ зданій. Заливъ огражденъ съ юго-востока высокимъ мысомъ, увѣнчаннымъ древнимъ укрѣпленіемъ, котораго стѣны спускаются къ морю. Почти противъ этого мыса, видѣнъ островъ Дана, который можетъ быть древнимъ Pityussa, о которомъ Страбонъ впрочемъ не упоминаетъ.

Прежде чѣмъ отправимся, для обозрѣнія, далѣе на востокъ отъ Селевке вдоль берега, скажу нѣсколько словъ, въ археологическомъ отношеніи, о внутренности каменистой Киликіи, которую я перерѣзалъ вкось, отъ Карамана до Селевке. Страна, прорѣзываемая этой линіей, имѣющей около ста десяти верстъ въ длину съ сѣверо-запада на юго-востокъ, чрезвычайно суха и безплодна, особенно отъ Карамана до Караташъ-кёя, гдѣ въ теченіи болѣе шестнадцати часовъ мы взбирались по скалистымъ холоднымъ и совершенно безлѣснымъ высотамъ: это настоящій характеръ каменистой Киликіи; вѣроятно, что и въ самую блестящую эпоху ея исторіи, эта часть Киликіи имѣла тотъ же видъ, какой она представляетъ теперь. Отъ Караташъ-кёя не видно нигдѣ ни малѣйшаго слѣда древнихъ развалинъ; только съ приближеніемъ къ этой жалкой деревушкѣ представляются нѣкоторые обломки плитъ и колоннъ; но едва минуете эту деревню, какъ совершается полное превращеніе: показывается живописная страна, и мы вступаемъ въ великолѣпную группу горъ, называемую мѣстными жителями Джебель-Хисаръ или «горою крѣпостей», названіе въ высшей степени выразительное: ибо, конечно, это одно изъ тѣхъ мѣстъ во всей Малой Азіи, которыя наиболѣе представляютъ великолѣпныхъ развалинъ. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вступаете въ горы, видны остатки древней дороги, которая тянется до Узунбурджа,

то есть на пространствѣ болѣе трехъ часовъ. Въ теченіи получаса, идете все по плитамъ и глыбамъ камня, торчащимъ на дорогѣ, то подымающейся, то спускающейся по высотамъ Джебель-Хисара, и вступаете въ великолѣпные ворота, которыхъ остатки еще очень хорошо сохранились. Эти ворота, построенныя изъ красивыхъ плитъ, дополняютъ искуственнымъ образомъ дѣло природы; ибо скалы въ этомъ мѣстѣ, образуя выступъ, соединяются почти сводомъ и составляютъ естественныя ворота. Это блистательное твореніе искуства, дополняющее столь остроумно дѣло природы, служитъ введеніемъ къ цѣлому ряду древнихъ памятниковъ, которыми гора буквально усѣяна и которые составляютъ изъ нея, такъ сказать, непрерывную галерею, соединяющуюся съ развалинами Узунбурджа. Дѣйствительно, всѣ высоты горы Джебель-Хисара пробиты сводами и нишами, изъ которыхъ иныя заключаютъ остатки гробницъ. Это, безъ сомнѣнія, великолѣпное кладбище города, котораго развалины видны въ Узунбурджѣ, кладбище, простирающееся по крайней мѣрѣ верстъ на двѣнадцать въ длину. Оно простирается черезъ гору до плоской возвышенности, на которой расположена жалкая деревушка Узунбурджъ, въ трехъ съ половиною часахъ къ югу отъ Караташъ-кёя. Эта возвышенность отдѣляется, съ запада и съ юго-запада, ущеліемъ или узкою долиною, отъ выпуклости, простирающейся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; на задней сторонѣ этого ущелія, почти горизонтальной, возвышаются великолѣпныя ворота древняго города, котораго развалины разбросаны на такомъ огромномъ пространствѣ. Къ юго-востоку отъ воротъ находится, еще весьма хорошо сохранившаяся, часть прекрасной стѣны, противъ которой возвышаются одиннадцать ко-

риноскихъ колоннъ. Немного къ сѣверо-востоку отъ стѣны представляются пять другихъ колоннъ, также стоящихъ; далѣе, почти въ томъ же направленіи, еще пять колоннъ съ красивыми капителями и нѣсколькими обломками отъ карниза. Наконецъ еще далѣе, уже въ направленіи къ Джебель-Хисару, видна квадратная башня, изъ красивыхъ плитъ, которая вѣроятно, вмѣстѣ съ другими, прикрывала городскую стѣну. Эта стѣна слѣдовала по рытвинамъ весьма неровной почвы; тутъ видны огромныя кучи плитъ, опрокинутыхъ колоннъ, сломанныхъ капителей и пр., обросшихъ хворостомъ, дубомъ, palinurus aculeatus, и пр. Я замѣтилъ слѣды греческихъ надписей во многихъ мѣстахъ; но требуется много времени, чтобы изучить всѣ эти развалины и собрать драгоцѣнныя свѣдѣнія, конечно въ нихъ кроющіяся. Во всякомъ случаѣ, онѣ представляютъ остатки города изъ лучшей эпохи греческаго зодчества. Хотя сводъ, ведущій сквозь Джебель-Хисаръ, по видимому проходитъ чрезъ кладбище города, однако, и посреди развалинъ самаго города, встрѣчаете обломки огромныхъ саркофаговъ. Тамъ видны также многіе древніе колодцы; вѣроятно, ихъ откроютъ также и на кладбищѣ, что̀ было бы важно не только въ археологическомъ отношеніи, но и въ практическомъ, потому что Джебель-Хисаръ замѣчателенъ по совершенному отсутствію воды: на всемъ пространствѣ, около шестнадцати верстъ, отъ Караташъ-кёя до Узунбурджа, не находится ни капли воды.

На пути изъ Узунбурджа въ Селевке, находится въ трехъ часахъ отъ перваго, на краю долины, влѣвѣ, скала, увѣнчанная древнимъ за̀мкомъ, который могъ принадлежать къ греческой эхохѣ; но я видѣлъ его только изъ-дали.

На многихъ пунктахъ пространства между Узунбурджемъ и вышеупомянутымъ мѣстомъ, видны остатки древней дороги, которая отсюда до Селевке принимаетъ такое развитіе, что часто проходъ становится затруднительнымъ. Такимъ образомъ, идете сперва, въ теченіи двухъ часовъ, по широкому полотну ломаныхъ и приподнятыхъ плитъ, по которымъ лошади едва могутъ ступать, запутываясь на каждомъ шагу между остроконечными глыбами. Часто бываешь принужденъ сходить съ лошади и подвигаться впередъ не иначе какъ ощупью; даже невозможно избѣжать этого рода преградъ, ибо со всѣхъ сторонъ почва не только усѣяна деревьями, но дотого завалена кучами развалинъ, что нельзя по ней проѣхать на вьючныхъ лошадяхъ.

Между этими огромными кучами развалинъ древнихъ зданій, видны часто нѣкоторыя изъ нихъ еще стоящими. Такъ, въ четырехъ часахъ отъ Узунбурджа, стоитъ, влѣвѣ, на небольшой высотѣ, прекрасный храмъ, совершенно сохранившійся, квадратной формы, съ лицевою стороною, утвержденною на четырехъ коринѳскихъ колоннахъ; съ противоположной стороны, вправѣ, представляются два подобные же храма, равно какъ и части стѣнъ и уединенныя коринѳскія колонны, возвышающіяся на вершинѣ смежной высоты. Въ четырехъ съ половиною часахъ отъ Узунбурджа, гдѣ древняя дорога спускается по довольно крутому откосу въ направленіи къ морю, которое величественно разстилается передъ путешественникомъ, видѣнъ еще храмъ въ томъ же родѣ, на лицевой сторонѣ котораго находится греческая надпись, которую я не имѣлъ времени списать. Всѣ эти храмы, по ихъ незначительнымъ размѣрамъ, кажется были могильными памятниками.

Въ пяти часахъ отъ Узунбурджа, и въ полуторѣ отъ Селевке, плиты начинаютъ исчезать болѣе и болѣе; впрочемъ, такъ какъ почва становится менѣе изрытою, то легче удаляться въ сторону, тогда какъ до сихъ поръ груды колоннъ, капителей, плитъ и пр. образуютъ съ обѣихъ сторонъ валы, усаженные впрочемъ прекрасными лѣсами изъ pinus lariccio, quercus ruber и quercus Libani, palinurus acuteatus, arbustus uredo, myrthus communis, и пр.

Когда этотъ длинный путь, нынѣ столь же трудный для пѣшехода, какъ и для всадника, проходилъ, въ древности, черезъ страну, оживленную великолѣпными памятниками и многолюднымъ населеніемъ, то онъ долженствовалъ представлять путешественникамъ настоящую прогулку, и одну изъ самыхъ живописныхъ. Однако жъ, по видимому, онъ былъ удобнѣе для пѣшихъ, чѣмъ для конныхъ; такъ какъ у древнихъ, лошадей не ковали, то непонятно, какимъ образомъ онѣ могли ступать не скользя или не падая по гладкой поверхности этихъ плитъ. Во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что эта древняя дорога связывала городъ, представляемый красивыми развалинами Узунбурджа, съ Селевкіей, хотя съ приближеніемъ къ послѣднему городу древняя дорога нечувствительно теряется.

Послѣ этого отступленія о поѣздкѣ, которую я совершилъ черезъ Киликію, отъ Карамана до Селевке, мы можемъ продолжать наше странствіе по берегу, подвигаясь къ сѣверо-востоку отъ Селевке. Слѣдуя этому направленію, на пути въ Аяшъ, видите, въ двухъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ деревни Першембе, на невысокомъ мысѣ, выдающемся въ море, развалины множества древнихъ зданій: части стѣнъ и башенъ,

которыхъ постройка скорѣе приближается къ византійскому стилю или среднихъ вѣковъ, нежели относится къ классической древности; между прочимъ, видны остатки водопровода, довольно хорошо сохранившагося. Въ двухъ часахъ отъ Першембе, спустясь къ прекрасной бухтѣ, встрѣтили мы нѣсколькихъ рыбаковъ, изъ которыхъ одинъ извѣстилъ меня, что въ двухъ верстахъ оттуда, въ горѣ, есть пространная пещера, и я тотчасъ вспомнилъ пещеру Coricus, о которой я напрасно разспрашивалъ нѣсколько дней, получая всегда въ отвѣтъ, что горы этой страны прорыты пещерами, и потому не льзя знать, которой пещеры я ищу. Я тотчасъ оставилъ моихъ лошадей и дорожныя вещи въ бухтѣ, 30 іюня 1852, и отправился пѣшкомъ, вмѣстѣ съ проводникомъ. Безъ особенныхъ трудностей, кромѣ представляемыхъ опрокинутыми плитами древней дороги, мы взобрались на высоту, стоящую къ сѣверо-западу отъ бухты, и черезъ четверть часа прибыли къ стѣнамъ, еще очень хорошо сохранившимся, древняго зданія, на. сѣверной сторонѣ котораго, во ста шагахъ, открывается глубокое ущелье, длины и ширины незначительной. Оно направляется отъ сѣвера къ югу, и со всѣхъ сторонъ усажено живописными известковыми скалами, съ округленными краями или похожими на колонны; скалы, какъ и дно ущелія, одѣты немногими рожковыми, смоковными и шелковичными деревьями; на послѣднихъ были черныя ягоды весьма сочныя. Въ ущелье ведетъ древняя дорога, расположенная уступами; опрокинутыя плиты этой дороги дѣлаютъ спускъ довольно неудобнымъ, даже пѣшкомъ; верхомъ, онъ невозможенъ. Вышеупомянутое древнее зданіе, находящееся возлѣ ущелія, находится въ связи съ развалинами многихъ другихъ зданій, которыя спускаются

по склонамъ горы почти до моря. На южномъ концѣ возвышается скала, которая выдвигается внутрь ущелія, образуя стѣну съ этой стороны, но не достигаетъ верхняго края ущелія. У подножія этой скалы видно отверстіе, ведущее внутрь: однимъ словомъ, это входъ въ знаменитую пещеру Coricus. Отверстіе, если смотрѣть сверху ущелія, кажется трещиною; но, подойдя ближе, видишь значительную выемку, овальной формы, расширяющуюся въ высокій сводъ. Передъ самымъ отверстіемъ видите продолговатое зданіе, направленное отъ запада на востокъ, котораго восточный край оканчивается полукругомъ со многими арками наверху. Внутренность свода сохраняетъ еще слѣды фресковъ, представляющихъ святыхъ въ византійскомъ облаченіи. Это, очевидно, была христіанская церковь, которая теперь обращена въ мечеть; въ ней иногда *имамъ* изъ сосѣдней деревни приходитъ читать молитвы. Лишь только проникнете внутрь отверстія, передъ которымъ находятся эти остатки древней церкви, почва начинаетъ наклоняться чувствительно къ югу, и вы очутитесь въ просторной пещерѣ, очень высокой, которой стѣны и полъ покрыты сталактитами и сталагмитами. Слой жирной глины на полу пещеры весьма затрудняетъ ходъ; эти осадки, накопляясь мѣстами, произвели ямы и выступы, по которымъ нельзя ступать безъ помощи факела; иначе можете подвергнуться опасному паденію. На одной изъ стѣнъ пещеры я открылъ надпись. По мѣрѣ того, какъ подвигаешься въ направленіи къ югу и юго-востоку, пещера понижается и съуживается, сохраняя все-таки довольно значительную высоту, такъ что можно держаться прямо, не нагибаясь; но наконецъ своды внутренности дотого сближаются къ юго-востоку и къ западу, что образуютъ

лишь трещину, гдѣ можно только ползти. Въ этомъ-то мѣстѣ, въ глубинѣ пещеры, слышенъ шумъ потока. Мой проводникъ увѣрялъ меня, что потокъ нѣкогда протекалъ въ открытыхъ каналахъ, но что мало по малу частые обвалы стѣнокъ образовали надъ водами родъ свода, который наконецъ заключилъ ихъ въ подземныхъ протокахъ. Длина всей пещеры отъ юго-юго-востока къ сѣверо-сѣверо-западу, то есть отъ отверстія, прикрытаго остатками древней церкви, до мѣста, гдѣ пещера съуживается въ трещину, сто двадцать пять саженъ; средняя ширина ея можетъ быть принята въ девять саженъ, а высота въ четырнадцать саженъ. Однако, по чрезвычайной неровности верхнихъ сводовъ, которые то понижаются по причинѣ выступовъ, то возвышаются въ видѣ сводовъ, высота пещеры представляетъ большія разности. Такъ, при самомъ отверстіи, чрезъ которое проникаютъ во внутренность, высота имѣетъ во многихъ мѣстахъ отъ тридцати четырехъ до сорока и даже до пятидесяти саженъ. Въ пещерѣ нѣтъ никакихъ растеній; да и въ самомъ ущеліи, въ нее ведущемъ, я не нашелъ шафрана (crocus sativa, *Lin.*), отъ котораго будто бы (по Страбону, кн. XIV) пещера Coricus получила свое названіе (*κρόκος*). Впрочемъ Діоскоридъ (кн. I, стр. 25) и Плиній (кн. XXI, стр. 17) также упоминаютъ о шафранѣ, который, по мнѣнію ихъ, растетъ въ изобиліи на горѣ Coricus, тогда какъ Помпоній Мела (кн. I, стр. 13), которому мы одолжены самымъ подробнымъ описаніемъ этой пещеры, не говоритъ о помянутомъ растеніи. Ни одинъ изъ позднѣйшихъ авторовъ также не говоритъ объ этомъ столь знаменитомъ мѣстѣ, и немногіе изъ Европейцевъ, имѣвшіе случай посѣтить этотъ берегъ въ средніе вѣки, какъ напримѣръ Іосафатъ Барбаро, совершенно умалчиваетъ

объ немъ, такъ что пещера эта доселѣ не была изслѣдована ни однимъ путешественникомъ, а изъ новѣйшихъ, которые посѣщали эти мѣста, никто даже не подтвердилъ ея существованія. И въ 1812 году, капитанъ Бьюфортъ (Karamania, p. 238), производившій съемку этой части берега, не могъ также получить отъ мѣстныхъ жителей ни малѣйшаго свѣдѣнія, которое бы навело его на слѣдъ пещеры.

Что пещеру Coricus не видѣлъ ни одинъ изъ новыхъ путешественниковъ подтверждается несомнѣнно признаннымъ авторитетомъ Г. Вивіенъ де Сенъ-Мартена, который подвергъ добросовѣстному разбору всѣ изданныя доселѣ свѣдѣнія о Малой Азіи. Этотъ разсудительный писатель положительно говоритъ, что «ни «одинъ изъ новыхъ путешественниковъ, сколько намъ «извѣстно, не посѣщалъ этой пещеры, нѣкогда столь «знаменитой». Можно прибавить, что сами древніе знали ее только весьма поверхностно, потому что изъ писателей, которые ее описывали, одинъ, Помпоній Мела, говоритъ положительно: «протяженіе этой пещеры «неизвѣстно; она такъ страшна, что никто еще не осмѣ«лился проникнуть въ глубину.» Изъ описаній Страбона и Помпонія Мелы явствуетъ, что, касательно общаго очертанія, ихъ описанія довольно хорошо согласуются съ мѣстностью, какъ она есть; оба различаютъ то, что̀ мы назвали *ущеліемъ* и собственно *пещерою*.

Страбонъ называетъ первое округленною рытвиною, а вторую пещерою; а Помпоній Мела говоритъ, что, спустившись въ широкую пещеру, находишь другую. Но такъ какъ Помпоній Мела представляетъ широкую пещеру, то-есть то, что̀ мы назвали *ущеліемъ*, совершенно покрытою древесными вѣтвями, то онъ могъ дать обѣимъ рытвинамъ одно и тоже названіе *пе-*

щеры, какъ одинаково закрытымъ со всѣхъ сторонъ: что, въ настоящее время, совсѣмъ не вѣрно. Впрочемъ Помпоній Мела описываетъ съ такимъ восторгомъ пещеру Coricus, что весьма вѣроятно, что онъ зналъ ее только по слуху; ибо, не говоря о томъ, что̀ искуство могло прибавить и что̀ могло быть разрушено вѣками, не понятно, какимъ образомъ могли исчезнуть безчисленныя струи водъ, которыя, по его словамъ, низвергались съ высоты скалъ, окружающихъ ущеліе, и которыя усиливали впечатлѣніе зрѣлища. Онъ находитъ это зрѣлище столь прекраснымъ и чуднымъ, что при первомъ взглядѣ оно смущаетъ душу: adeo mirificus ac pulcher ut mentes accidentium primo aspectu consternat. Однимъ словомъ, изъ описанія Помпонія Мелы, столь блестящаго и очевидно преувеличеннаго, остается правды только общее очертаніе ущелія и пещеры, находящейся на южной его оконечности, и существованіе ручья, текущаго внутри пещеры, который Помпоній Мела называетъ, на своемъ иперболическомъ языкѣ, огромною рѣкою, ingens amnis. Что касается деревъ, которыя изгибались надъ ущеліемъ въ видѣ свода и дѣлали изъ него совершенно тѣнистое убѣжище, и также водопадовъ, низвергавшихся со скалъ, то ихъ уже теперь нѣтъ, и сомнительно принимать буквально увѣренія римскаго географа. Касательно шафрана я замѣчу, что можетъ статься, въ благопріятное время года его и можно здѣсь найти; но въ то время, когда я посѣщалъ пещеру, растенія не могло быть видно, и луковицы его могли быть на значительной глубинѣ въ землѣ. Однакожъ свѣдѣнія, какія я собралъ отъ моего проводника, бывшаго прежде пастухомъ и который часто посѣщалъ эти мѣста, не дозволяютъ мнѣ подтвердить существованіе здѣсь этого

растенія, которое, по мнѣнію Плинія и Страбона, находилось тутъ въ такомъ множествѣ, что даже глазъ моего проводника вѣрно былъ бы пораженъ этимъ. Помпоній Мела упоминаетъ еще о пещерѣ Tyhhen, находящейся близъ пещеры Coricus: это требуетъ подтвержденія, и я указываю на это извѣстіе путешественникамъ. Любопытно было бы найти близъ пещеры памятникъ, ибо Помпоній Мела замѣчаетъ, что въ пещерѣ обитаютъ боги и она достойна ихъ: habitarique a diis et dignus et creditus. Такимъ образомъ, различіе, столь часто находимое между дѣйствительностью и описаніемъ, мы находимъ и здѣсь, когда сравнимъ эту знаменитую пещеру, какъ ее описываетъ Помпоній Мела, съ тѣмъ, какова она есть въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, она и ни въ какомъ отношеніи не можетъ сравниться съ другими знаменитыми пещерами, даже европейскими, напримѣръ съ пещерами на Антипаросѣ, въ Адельсбергѣ, съ великолѣпною и обширною пещерою въ графствѣ Дерби, которой стѣнки блистаютъ превосходными фіолетовыми кристаллами плавиковаго шпата; не упоминаю о многихъ пещерахъ въ Нортумберландѣ, въ Аркадіи, на островѣ Наксосѣ и въ другихъ мѣстахъ: всѣ онѣ или превосходнѣе по красотѣ и пространству, или ни въ чемъ не уступаютъ пещерѣ Coricus.

Въ разстояніи полутора часа пути къ востоко-юго-востоку отъ знаменитой пещеры, находится бухта съ островомъ, на которомъ есть развалившееся укрѣпленіе, *Кызларъ-Калеси*, состоящее изъ стѣны со многими башнями и имѣющее характеръ постройки среднихъ вѣковъ. То же должно сказать о стѣнахъ и башенкахъ на мысѣ, немного выдающемся въ море съ сѣверо-восточной стороны бухты. Это куча камен-

ныхъ зданій, живописно сгруппированныхъ и образующихъ укрѣпленный за́мокъ, котораго стиль тоже принадлежитъ среднимъ вѣкамъ; его называтъ *Кургосъ*, испорченное имя города Coricus, посреди развалинъ котораго онъ является. Вѣроятно, что за́мокъ Курко, который былъ осаждаемъ венеціянскимъ флотомъ въ XV вѣкѣ, и о которомъ Іосафатъ Барбаро, одинъ изъ начальниковъ экспедиціи, оставилъ намъ свѣдѣніе, есть новый Кургосъ, тогда какъ древній городъ Coricus давно уже изчезъ; потому-то Стефанъ Византійскій и не упоминаетъ ни о Корикусѣ, ни о Кургосѣ.

Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ за́мка Кургоса, безчисленныя развалины наполняютъ изрытыя долины, которыя перерѣзываютъ берегъ, и выпуклости, идущія уступами по направленію береговой линіи. Эти развалины однѣ изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ, какія я видѣлъ въ Малой Азіи. Это рядъ могильныхъ храмовъ, нишъ, сводовъ и превосходныхъ гробницъ, изъ которыхъ многія покрыты греческими надписями; они то идутъ правильными уступами по направленію береговой линіи и возвышаются съ обѣихъ сторонъ дороги, ведущей въ Аяшъ, то разбросаны одиночно, то скучены какъ ни попало. Слѣдуя берегу въ извѣстномъ разстояніи, въ теченіи болѣе часа, идете съ трудомъ по опрокинутымъ плитамъ древней дороги, которая вела вѣроятно изъ Карика въ Севастъ: она пролегаетъ посреди горъ, гробницъ, коринѳскихъ колоннъ, капителей, и пр., заросшихъ хворостомъ, лавровыми, миртовыми и рожковыми деревьями. По этой дорогѣ слѣва тянется длинная стѣна, еще очень хорошо сохранившаяся, а далѣе видны остатки двухъ зданій, которыя, судя по расположенію ихъ внутренней ограды, гдѣ можно различить мѣсто жер-

твенника, вѣроятно были христіанскія церкви. Около часа времени идете развалинами Корика, потомъ спускаетесь къ мало укрытой бухтѣ, тоже усѣянной обломками, рядомъ могильныхъ храмовъ и безчисленными саркофагами; между прочимъ, видно нѣсколько бороздчатыхъ колоннъ, возвышающихся посреди грудъ плитъ, обломковъ капителей и карнизовъ. Эти развалины, принадлежащія можетъ-быть къ Севасту, такъ тѣсно связываются съ развалинами Корика, что было бы трудно провести предѣлъ между обоими городами. Онѣ покрываютъ въ буквальномъ смыслѣ всю поверхность холмовъ, которые то легкими то крутыми откосами спускаются къ морю. Когда всѣ памятники Корика и Севаста были еще цѣлы, ничто не могло сравниться съ блескомъ панорамы, представляемой этими двумя городами, съ моря; съ другой стороны, жители этихъ городовъ и посѣтители Севаста равномѣрно должны были наслаждаться великолѣпными видами. Сложивъ изъ обломковъ развалинъ Севаста нѣсколько хатъ, прислоненныхъ къ храмамъ, гробницамъ, или утвержденныхъ промежъ плитъ, небольшое число турецкихъ семей основали въ этихъ мѣстахъ свои зимнія кочевья, означивъ ихъ именемъ Аяшъ. Между этими развалинами, какъ и между развалинами Корика, не видно остатковъ зданій среднихъ вѣковъ.

Полчаса пути изъ Аяша въ Ламасъ, спускаетесь въ долину, въ которой видны остатки прекраснаго водопровода на двойномъ ряду арокъ. Въ двухъ часахъ отъ Аяша, проходите мимо двухъ зданій, которыхъ стѣны, сложенныя изъ красивыхъ тесаныхъ камней, еще довольно хорошо сохранились; ихъ называютъ въ странѣ *Акъ-Кале* или «бѣлою крѣпостью».

Черезъ два съ половиною часа, спускаетесь въ пріятную долину, съ зеленью и деревьями, посреди которой возвышается высота, увѣнчанная частями башенъ и стѣнъ. Эта группа зданій, быть-можетъ древнихъ (я видѣлъ ихъ лишь изъ дали), называется *Ламасъ-Калеси*. На сѣверо-сѣверо-западной оконечности долины видѣнъ красивый водопроводъ, съ двумя ярусами арокъ; въ верхнемъ ярусѣ сохранилось двѣнадцать арокъ, а въ нижнемъ восемь. Этотъ водопроводъ проходитъ черезъ промежутокъ, раздѣляющій горы, которыми долина ограничена съ сѣвера. Самая деревня Ламасъ находится въ верстѣ къ сѣверу отъ Ламасъ-Калеси и почти въ четырехъ верстахъ отъ моря. Идя изъ Ламасъ-Калеси въ Мерсинъ, служащій пристанью городу Тарсу, мы видѣли, въ лѣвѣ, великолѣпныя развалины Soli. Длинный рядъ сорока пяти кориноскихъ колоннъ тянется въ одну линію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; далѣе видны остатки амфитеатра; все окружающее поле усѣяно сломанными саркофагами. Совершивъ такимъ образомъ, хотя и быстро, поѣздку по всему берегу каменистой и отчасти полевой Киликіи, мы прибыли наконецъ въ Тарсъ, которымъ и заключимъ наши археологическія замѣтки о Малой Азіи.

XVII. Тарсъ.

О Тарсѣ (Tarsus) и о нѣкоторыхъ поѣздкахъ, совершенныхъ тамъ мною въ 1853 году, я скажу немногое.

Въ Тарсѣ считается тысяча семьсотъ домовъ, въ числѣ которыхъ пятдесятъ армянскихъ и восемдесятъ греческихъ. Населеніе измѣняется, смотря по времени года; въ серединѣ лѣта, когда всѣ живутъ на дачахъ, въ городѣ остается только двѣ тысячи обитателей;

въ числѣ ихъ есть около тысячи Арабовъ, остатокъ арміи Ибрагима-Паши. Съ сентября по май мѣсяцъ, весьма много греческихъ и армянскихъ купцовъ пріѣзжаетъ по торговымъ дѣламъ въ городъ, и составляетъ бо́льшую часть подвижнаго населенія города.

Изъ памятниковъ Тарса замѣчательно особенно обширное каменное зданіе, извѣстное подъ именемъ «гробницы Сарданапала», которое находится среди садовъ: это очень толстая стѣна, въ видѣ параллелограмма. На двухъ краяхъ внутренней ограды находятся два квадратныя зданія, по-видимому гробницы, построенныя изъ песчаника чрезвычайно крѣпкаго и похожаго на тотъ, изъ котораго построенъ наружный параллелограммъ, служащій оградою, и такой толщины, что три всадника могли бы ѣхать рядомъ на платформѣ. Что дѣлаетъ совершенно загадочнымъ назначеніе обоихъ квадратныхъ зданій внутренняго двора, это то, что они не пустыя, а состоятъ изъ той же массы, какъ доказано началомъ раскопокъ: пробивъ зданіе до нѣкоторой глубины, не нашли ничего кромѣ того же камня, и не открыли никакой внутренней пустоты.

Горная гряда Булгаръ-дага, въ десяти часахъ ходьбы къ сѣверо-сѣверо-западу отъ Тарса, представляетъ городскимъ жителямъ пріятное убѣжище отъ лѣтнихъ жаровъ. Изъ мѣстностей, служащихъ имъ дачами, замѣчательны особенно деревни Немрунъ и Гюлекъ. И та и другая заключаютъ нѣсколько развалинъ, и я позволю себѣ сказать объ нихъ слова два, начавъ съ за́мка Немрунъ.

Онъ вѣнчаетъ скалу, извѣстную въ странѣ подъ именемъ *Немрунъ-Калеси*. Когда, отправляясь въ Константинополь, я проѣзжалъ, въ февралѣ 1853, черезъ

Берлинъ, докторъ Киперть просилъ меня обратить вниманіе на барельефы, которые, какъ сказали ему, находятся въ за́мкѣ Немрунъ, и которые представляютъ фигуры, похожія на тѣ, которыхъ очеркъ былъ привезенъ ему изъ Ивриса прусскими офицерами, служившими въ турецкой экспедиціи противъ Ибрагима-Паши. Это было для меня новый поводъ посѣтить этотъ за́мокъ; но, къ сожалѣнію, я тамъ ничего не нашелъ, что̀ бы могло имѣть связь съ помянутыми барельефами; однакожъ это нисколько не мѣшаетъ другимъ путешественникамъ быть счастливѣе, и я обращаю ихъ вниманіе на это извѣстіе. Къ за́мку надобно подыматься по тропинкѣ довольно крутой, высѣченной въ скалахъ. Эта гряда скалъ состоитъ изъ бѣлаго известняка, болѣе или менѣе кремнистаго, который, въ южной части горы, образуетъ горизонтальные пласты, а верхняя часть растрескалась въ колонны, что̀ придаетъ горѣ видъ чрезвычайно живописный. Тропинка проходитъ чрезъ многія ворота; я насчиталъ ихъ пять; нѣкоторыя изъ нихъ украшены многими фигурами животныхъ, грубо отдѣланными, такъ что трудно угадать мысль зодчаго, который вѣроятно хотѣлъ представить львовъ. Впрочемъ ворота, какъ и всѣ зданія, построены изъ красивыхъ квадратныхъ камней безъ цемента. Тропинка извивается вдоль западнаго склона горы; со всѣхъ другихъ сторонъ гора неприступна, состоя изъ отвѣсныхъ скалъ. Достигнувъ вершины скалъ, которыя образуютъ нѣсколько ярусовъ или платформъ, видите остатки квадратныхъ башенъ, и красивое продолговатое зданіе, направленное отъ сѣвера къ югу, и раздѣленное въ этомъ направленіи на три отдѣла, всѣ изъ красивыхъ тесаныхъ камней. Такимъ образомъ, зданіе представляетъ параллелограммъ, заключаю-

щій въ себѣ три продолговатые отдѣла, совершенно раздѣленные стѣнами, идущими до кровли, образуемой скалою. Сѣверная часть зданія выдается сводомъ; въ наружныхъ стѣнахъ пробиты стрѣльчатыя окна съ украшеніями въ готическомъ родѣ. Кромѣ этого зданія, самаго значительнаго изо всѣхъ, остатки башенъ находятся здѣсь еще въ стѣнахъ, которыхъ пробиты круглыя отверстія, назначенныя по-видимому для пушекъ. Весьма немного башенъ находится на конечной платформѣ высоты; бо́льшая часть высѣчена въ скалахъ. Видъ съ вершины горы прекрасенъ, и обнимаетъ долину Немрунъ съ ея зеленѣющими садами, между которыми разбросаны безчисленные домики, точно швейца́рскія хижины, посреди страны, напоминающей многія изъ самыхъ живописныхъ долинъ Швейцаріи. У подножія западныхъ развалинъ горы видны многіе фонтаны; вода въ нихъ превосходна, хотя въ самомъ за́мкѣ нѣтъ ни источника, ни цистерны. Всѣ эти развалины представляютъ въ высшей степени характеръ среднихъ вѣковъ, хотя постройка прочна, камни тесаны и положены какъ въ древнихъ зданіяхъ.

Меня увѣряли, что съ высоты за́мка видны Тарсъ и море; но это преувеличено, потому что горы закрываютъ тотъ и другое. Немрунъ состоитъ изъ множества шалашей и хижинъ, разсѣянныхъ по склонамъ всѣхъ высотъ, равно какъ и въ глубинѣ долины; говорятъ, что ихъ насчитываютъ до тысячи.

Въ разстояніи получаса къ сѣверо-западу отъ деревни Гюлека, видна одна изъ многочисленныхъ горъ группы Булгаръ-дага, возвышающаяся въ видѣ неправильнаго усѣченнаго къ вершинѣ конуса, и оканчивающаяся широкою платформою. Эта гора называется *Кале-дагъ* или «крѣпость-гора», потому что она увѣн-

чана развалинами, весьма живописными. Когда взойдете на гору и вступите на платформу, тотчасъ замѣчаете, что эта послѣдняя была обнесена высокою стѣною, прикрытою круглыми башнями. Часть этой стѣны съ шестью башнями стоитъ еще на южномъ краю платформы. Башни построены изъ квадратныхъ камней, положенныхъ безъ цемента, и если онѣ не вполнѣ имѣютъ характеръ прекрасныхъ зданій древности, все-таки постройка ихъ очень прочная и красивая. Въ пространствѣ, обнесенномъ стѣною, находилась деревня, которая оставлена лишь съ недавняго времени.

Осьмидесятилѣтній старецъ изъ Гюлека сказывалъ мнѣ, что онъ помнитъ еще время, когда стѣны и деревня, которая ими обведена, были разрушены знаменитымъ Чапанъ-Оглу, тому лѣтъ шестдесятъ пять. Очевидно, что эта деревня только воспользовалась укрѣпленнымъ положеніемъ, представляемымъ этими постройками, которыя конечно были воздвигнуты не турецкими жителями, а принадлежатъ, если не древней эпохѣ, то по крайней мѣрѣ среднимъ вѣкамъ.

Спускаясь изъ Гюлека въ тѣснину Гюлекъ-богазъ, знаменитыя *Киликійскія ворота* (Pylae Ciliciae), замѣчаете на многихъ мѣстахъ слѣды древнихъ зданій. Такъ, напримѣръ, южная стѣна тѣснины представляетъ колонну и родъ престола или сѣдалища, высѣченныя въ скалѣ. Извѣстно, что нѣкоторые ученые считаютъ ихъ памятниками, воздвигнутыми Ксерксомъ.

Есть конечно и другіе слѣды протекшихъ вѣковъ внутри Булгаръ-дага и особенно на сѣверо-западной его сторонѣ, гдѣ онъ понижается и теряется мало по малу въ обширной равнинѣ Ликаоніи; къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая повѣрить на мѣстѣ многочисленные памятники, которые мнѣ указывали въ этой странѣ, и по-

тому удовольствуюсь также простымъ указаніемъ, поручая вниманію археологовъ въ особенности деревню Иврисъ, расположенную въ четырехъ часахъ ходьбы къ юго-востоку отъ Эрегли, на сѣверной сторонѣ Иврисъ-дага, который составляетъ западную вѣтвь центральной массы Булгаръ-дага. Судя по рисунку, сообщенному мнѣ докторомъ Кипертомъ, надобно полагать, что въ Иврисѣ должны быть развалины чрезвычайно интересныя, потому что упомянутый рисунокъ представляетъ барельефъ, котораго фигуры представляютъ совершенно ассирійскій характеръ. *

* Снимки греческихъ надписей, о которыхъ говорится въ этой статьѣ, переданы были авторомъ одному изъ ученыхъ парижскихъ эллинистовъ, который вѣроятно не замедлитъ обогатить ими Corpus inscriptionum.

НЕИЗДАННЫЯ
ВОСТОЧНЫЯ МОНЕТЫ.

Ф. СОРЕ.

Статья вторая.

Послѣ изданія въ свѣтъ перваго описанія своего минцкабинета, Г. Сорè, въ течении четырехъ лѣтъ, пріобрѣлъ для своего собранія значительное число новыхъ монетъ, между которыми оказались многія неизданныя, пополняющія пробѣлы въ восточной нумизматикѣ. Описаніе этихъ неязданныхъ монетъ почтенный женевскій нумизматъ сдѣлалъ мнѣ честь издать письмомъ на мое имя.* Какъ необходимое дополненіе къ первой статьѣ, напечатанной въ VI томѣ Записокъ Археол. Общества (стр. 422 — 466), оно сообщается, въ извлеченіи, здѣсь, съ прибавленіемъ описанія нѣкоторыхъ неизданныхъ экземпляровъ того же собранія, сообщенныхъ авторомъ въ двухъ другихъ нумизматическихъ письмахъ, изданныхъ въ то же время. Первая статья Г. Сорè, какъ извѣстно, написана была на имя Френа; при изданіи второй, почтенный авторъ не могъ не посвятить нѣсколькихъ строкъ воспоминанію о тяжкой потерѣ для науки, и въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свои чувствованія: «Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія берусь за перо при мысли о горестной потерѣ въ лицѣ знаменитаго нашего друга. Утрата Френа особенно чувствительна для любителей

---

* *Lettre à M. Sawelieff*, membre de la Société Impériale d'archéologie de St. Pétersbourg. Seconde lettre sur les médailles orientales inédites de la collection de M. F. Soret. Par F. Soret. Въ Revue de la numismatique belge, t. IV, и отдѣльно, Bruxelles, 1854, 66 pp. in-8°.

исторіи и нумизматики Востока, которымъ онъ никогда не отказывалъ въ содѣйствіи своими свѣдѣніями и опытностью. Да не погибнутъ, по крайней мѣрѣ, для успѣховъ науки, многочисленные рукописные труды его, и драгоцѣнные плоды его учености да содѣлаются вскорѣ общею собственностью!»

П. САВЕЛЬЕВЪ.

Въ іюнѣ 1855.

I. Халифы-Умейяды.

№ 1.

Фельсъ халифа Абдъ-эль-Мелика, чеканенный въ Омманѣ. — Благодаря ученымъ изслѣдованіямъ де-Сольси (Quatrième lettre à M. Reinaud sur quelques points de la numismatique arabe), умейядскіе фельсы, дотолѣ относимые къ числу «неопредѣленныхъ», были пріурочены къ этой династіи. На одной изъ этихъ монетъ, не слишкомъ четкой, онъ читалъ عما полагая, что эта *Гама;* но, въ послѣдствіи, по указанію Г. Рено, онъ предпочелъ чтеніе *Омманъ:* оно подтверждается экземпляромъ Г. Сорѐ, на которомъ конечная буква ن оттиснута весьма четко.

Лиц. ст.: халифъ стоящій, съ большимъ мечемъ въ рукахъ. Кругомъ, по краю: لعبد الله عبد الملك مما امر به .... Обор.: византійскій крестъ въ видѣ буквы Ф, на четырехъ ступеняхъ; слѣва, звѣзда; справа: عمان; по краямъ слѣды символа: لا اله الا الله و محمد رسول الله

Слова مما امر به не находятся на другихъ извѣстныхъ экземплярахъ; жаль, что стерты слова, слѣдующія за ними, и потому неизвѣстно, по повелѣнію ли самого халифа, или какимъ эмиромъ въ честь его, выбита монета.

Оммáнъ или *Аммáнъ* была столица Аммонитовъ, къ востоку отъ Іордана; она впервые является на этомъ фельсѣ, какъ монетный дворъ; въ-послѣдствіи Торнбергъ встрѣтилъ диргемъ 320 года, битый въ этомъ же городѣ, при Муктедиръ-Биллахѣ (см. Numi cufici Reg. Numophyl. Holmiensis, p. 113).

№ 2.

Фельсъ Валида I, 92 года. — Лиц.: لا||اله||الاالله و|| ||حده||. — Об.: طرب (sic) في||سنة اثنين||وتسعين

№ 3.

Фельсъ египетскій, 94 года. — Лиц.: ||من اهل||مصر||. — Об.: سنة ا||ربع و||تسعين

№ 4.

Диргемъ, чеканенный въ Арменіи, 103 года. — Монеты, битыя умейядскими халифами въ *Арменіи*, то-есть городѣ Довинѣ, столицѣ этой страны, вообще рѣдки; Френомъ описаны битые здѣсь диргемы 99, 100 и 101 года (см. Quinque centuriæ, nº 3), Торнбергомъ диргемъ 96 года (см. Numi cufici, p. 6). Диргемъ собранія Г. Сорè поступилъ къ нему отъ покойнаго князя Ѳ. Г. Гагарина, въ коллекціи котораго было нѣсколько неизданныхъ умейядскихъ монетъ.

№ 5.

Фельсъ Гешама, битый въ Дамаскѣ, 106 года. — На лиц. ст., символъ, въ трехъ строкахъ; на об.: ||دمشق|| ||سنة ست||ومية||

№ 6.

Фельсъ того же халифа, 110 года, чеканенный въ Хомсѣ. — На лиц., символъ; кругомъ: ضرب الفلس عشر ومية. — На об., въ полѣ: «Мухаммедъ посланникъ

божій», въ трехъ строкахъ; кругомъ: بسم الله ضرب الفلس بحمص. Замѣчательно опущеніе слова هذا передъ الفلس.

№ 7.

Фельсъ того же халифа, битый въ Васетѣ, между 110 и 119 г. (единичное число стерлось). *

II. Халифы-Аббасиды.

№ 8.

Диргемъ, чеканенный بجندى سابور 134 года. — Городъ Джендн-Шабуръ, въ Хузистанѣ, впервые является на этой аббасидской монетѣ; умейядскихъ извѣстно три изъ этого города, которые описаны въ Рецензіи Френа.

№ 9.

Фельсъ Абдъ-эль-Мелика, правителя Египта.—На лиц., символъ, въ трехъ строкахъ. — Об. ст.: ||عبد الملك||بن يزيد||اكليه الله Замѣчательна желательная формула.

№ 10.

Фельсъ.— На лиц. ст., символъ. Круговая надпись: مما امر به ..... بن على اكرمه العباس. Замѣчательно,

* Въ первой статьѣ (стр. 423), фельсъ n° 2 ошибочно отнесенъ къ 100 году: на другихъ, болѣе четкихъ экземплярахъ, видѣнъ ясно годъ 110. Вотъ еще замѣченныя ошибки: на стр. 436 — 7, въ описаніи хамданидскихъ монетъ n° 58—64, вмѣсто الحسن слѣдуетъ быть الحسين; на стр. 435, въ описаніи бувейгидскихъ монетъ, n° 49, строка 5, вмѣсто رضيا الله надобно قطب الله; на стр. 464, монета n° 229, строка 2, вмѣсто 938 читай 948, и на строкѣ 3, вмѣсто ٩٣٨ слѣдуетъ быть ٩٤٨.

что вмѣсто الله стоитъ имя Аббаса. Мѣсто чеканки не видно на обор.; но извѣстно, что сынъ Алія, Салахъ, былъ правителемъ Египта и Сиріи при Абдуллахѣ-Саффахѣ и Мансурѣ.

№ 11, a.

Фельсъ, битый въ Истахрѣ, 140 года. — Лиц. ст.: ||مما امر به||عبدالله عبد||الله امير المومنين||الو فا|| На об.: «Мухаммедъ посланникъ божій,» въ трехъ строкахъ. Въ круговой надписи, послѣ мѣста и года чеканки, слово جا يز. Эта монета замѣчательна и по мѣсту чеканки, которое здѣсь впервые является на аббасидской монетѣ, и по употребленію на обѣихъ сторонахъ словъ الو فا и جا يز указывающихъ на «вѣрность» и «дозволеніе къ обращенію» монеты. (F. Soret Lettre à M. Lelewel etc., pp. 4—7).

№ 12, b.

Диргемъ Мансура, битый въ Арранѣ, въ 148 году.

№ 13.

Фельсъ, безъ означенія года.—На лиц. ст., круговая надпись: ضرب هذا الفلس به... على يدى عبد الله بن حميد. Абдуллахъ сынъ Хомейда упоминается при халифѣ Аминѣ.—На об. ст., въ полѣ, вторая половина символа; сверху عمرو بن, снизу عيسى, т. е. Амру сынъ Исы.

№ 14.

Фельсъ, 161 года, въ правленіе Мегди.— Замѣчательно загадочное мѣсто чеканки ....كورة المع; первое слово употреблено здѣсь, вѣроятно, вмѣсто مدينة.

№ 15.

Фельсъ того же халифа, 166 года, битый въ Куфѣ. Надпись: مما امر به المهدى محمد امير المومنين بالكوفة سنة ست وستين ومية

№ 15.

Фельсъ, 167 года, съ именемъ халифа эль-Мегди Мухаммеда. Отъ имени монетнаго города сохранились только послѣднія буквы ركة..., вѣроятно Эль-Мубарека, въ Африкѣ, المبارکة

№ 16.

Диргемъ того же года, битый въ Емамѣ باليمامة На об. ст., подъ символомъ и именемъ халифа эль-Мегди, имя столичнаго города области, Хаджръ حجر *

№ 17.

Фельсъ, битый въ Куфѣ, 168 года. Надписи, какъ на № 14.

№ 18.

Фельсъ того же халифа, битый тамъ же; годъ чеканки стертъ. На обор., подъ символомъ اسحق. Исхакъ сынъ Сулеймана былъ правителемъ Африки въ правленіе Гаруна; если его имя встрѣчаемъ на этомъ куфскомъ фельсѣ, то, до управленія африкійскою областью, лѣтъ за десять, онъ былъ, значитъ, губернаторомъ Куфы.

№ 19.

Mединетъ-эль-Селямъ (Багдадъ), 172 года. — Лиц., какъ обыкновенно на аббасидскихъ диргемахъ. На об., вторая половина символа, окруженная двумя легендами, изъ которыхъ во внутреннемъ кругѣ: مما امر به عبد الله هرون امير المومنين

---

* Скорѣе, это не имя ли правителя. — *Примѣч. П. С. Савельева.*

N⁰ 20.

Диргемъ, подобный предъидущему, только 174 года. — Багдадскіе диргемы Гарунъ-эль-Рашида, отъ года вступленія его на престолъ до 178, вообще рѣдки; N⁰ 19 и этотъ пополняютъ пробѣлъ; остается пополнить года 173, 176 и 177, для которыхъ нѣтъ еще монетъ.

N⁰ 21.

Диргемъ, битый въ эль-Мубарекѣ, 174 года. На об. ст., вторая часть символа, надъ которымъ буква ع. Подъ символомъ, слѣды имени Насра, правителя Африки.

N⁰ 22.

Динаръ Гаруна, 188 года, чеканенный по общему типу динаровъ того времени.

N⁰ 23.

Фельсъ Шайта, правителя дамасскаго въ царствованіе Гаруна.— На лиц.: ||لا اله||الا الله||.— На об.: ||محمد|| ||رسول||الله||شعيث||. Шайтъ сынъ Хатема былъ правителемъ въ 187 и 188 годахъ.

N⁰ 24.

Диргемъ съ именемъ халифа Амина 19* года; мѣста чеканки не видно. На об.: ||ربى الله||محمد||رسول الله|| ||الخليفة الامين||.— Изреченіе ربى الله находится лишь на монетахъ первыхъ годовъ царствованія этого халифа.

N⁰ 25.

Диргемъ халифа Мамуна, битый въ Басрѣ, 199 года. На об. ст,, сверху символа الله, внизу ذو الريا ستين

N⁰ 26.

Того же халифа, диргемъ, битый въ Арменіи, въ 207 году.—На лиц. ст., подъ символомъ: محمد ربه. На

обор., сверху имя эль-Мамуни сына Исы المامونى بن عيسى, а подъ символомъ имя Мухаммеда сына Абдуллаха محمد بن عبد الله. Этотъ Мухаммедъ, можетъ быть, тотъ самый внукъ Аглаба, который въ 228 году былъ правителемъ Сициліи во имя Аглебидовъ. Торнбергомъ описанъ арранскій диргемъ того же года съ тѣмъ же именемъ Мамуни сына Исы (см. Numi Cufici, p. 81, n• 318).

N° 27.

Дамасскій диргемъ, 208 года. — На об.: محمد||محمد|| رسول الله||الامام المامون||عبد الله اميرالمومنين||بن بيهس|| Этотъ диргемъ пополняетъ описанный Торнбергомъ (Numi Cuf., p. 81 n° 320), гдѣ не ясно было отечественное имя Мухаммеда сына Бейгиса.

N° 28.

Арранскій диргемъ, 209 года.

Обор.: محمد رسول الله
مما امر به عبد الله عبد الله
الامام المامون امير المومنين

Сверху: احمد بن عبد الاعلى

Внизу: عبيد الله بن يحيى

Эта рѣдкая монета пополняетъ подобную же, изданную въ Recensio, p. 14, n° 301.

N° 29.

Мединетъ-эль-Селямъ, 230 года. — На обор., подъ символомъ, имя Мутасемъ-Биллаха. Но въ 230 году царствовалъ уже халифъ Ватèкъ-Биллахъ; присутствіе имени его предшественника на этой монетѣ объясняется употребленіемъ, для отчеканки обор. ст., стараго штемпеля, чему есть нѣсколько примѣровъ.

Nº 30.

Басра, 237. — Подъ символомъ, на лиц. ст., имя Абу-Абдуллаха, а на обор. имя эль-Мутевеккиль-аляллаха.

Nº 31.

Армянійскій диргемъ, 269 года. — На лиц., подъ символомъ, имя эль-Муваффикъ-Биллаха. На об., надъ символомъ الله, подъ символомъ имя эль-Мутамедъ-Биллаха. (Изъ клада, найденнаго въ ораніенбаумскомъ уѣздѣ; см. Мухаммед. Нумизм. Савельева, стр. 157).

Nº 32.

Мосульскій диргемъ, 295 года.— Подъ символомъ на лиц.: ولى الدولة На об. ст., لله и имя халифа эль-Муктефи-Биллаха. (Также изъ ораніембаумскаго клада).

Nº 33.

Динаръ, битый въ Палестинѣ بفلسطين въ 299 году, въ правленіе Муктедиръ-Биллаха.— На лиц., подъ символомъ: ||ابو العباس||امير المومنين||. На об., сверху لله и внизу имя эль-Муктедиръ-Биллаха. — Особенно замѣчательно мѣсто чеканки этого единственнаго динара.

Nº 34.

Того же халифа, мосульскій диргемъ, 318 года. — Надписи, какъ на предъидущей менетѣ. Эту монету Г. Соре получилъ отъ графа П. П. Шувалова, котораго прекрасное нумизматическее собраніе богато значительнымъ числомъ неизданныхъ. Она, по всей вѣроятности, также изъ числа найденныхъ въ ораніенбаумскомъ уѣздѣ, и часть которыхъ описана въ Мухаммеданской Нумизматикѣ Савельева, стр. 157.

Слѣдующія четыре мѣдныя монеты, по неопредѣлительности ихъ, трудно приписать съ достовѣрностью къ которой-нибудь династіи.

№ 35.

Фельсъ дамасскій.— На лиц.: ||لا اله||الا الله||وحده||. На об.: Мухаммедъ посланникъ Божій, на трехъ строкахъ. Круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الفلس بدمشق

№ 36.

Фельсъ, чеканенный въ эль-Раккѣ بالرقة. Надписи, какъ на предъидущемъ.

№ 37.

Чеканенный въ Кенесринѣ بقنسرين

№ 38.

Небольшая мѣдная монета, имѣющая съ одной стороны надпись: ||الحمد||لله||; съ другой: ||بسم||الله||.

№ 39.

Мосульскій фельсъ, эмира Беркè.—На лиц. ст., въ осьмиугольникѣ, составленномъ изъ двухъ пересѣкающихся квадратовъ, первая часть символа, какъ на № 35. На обор., вторая часть символа въ четыреугольникѣ; круговая надпись, въ сегментахъ:

||بسم الله مما||امر به الامير|| الوليد بر كة || بالموصل||

Впрочемъ собственное имя بركة Беркè не совсѣмъ четко и сомнительно.

III. Бувейгиды.

№ 40, а.

Рукнъ-Эддаулè. Багдадъ. 364. На лиц. ст.: ||ابن|| لا اله الا الله||وحده لا شريك له||ركن الدولة||ابو على ||بويه. На об.: ||لله||محمد رسول الله|| الطايع لله||الملك العادل||عضد الدولة||ابو شجاع||

Замѣчательно мѣсто находки этого диргема: въ Швейцаріи, въ городѣ Мудонѣ. (F. Soret Lettre à M. le Dr. Meyer sur quelques monnaies arabes trouvées à Moudon.)

IV. Илеки.

N° 40, b.

Фельсъ Илекъ-Хана, битый въ Самаркандѣ, 390 года. — На лиц. ст., символъ въ трехъ строкахъ, какъ на бухарскомъ фельсѣ, описанномъ въ Recens. p. 122, n° 1. На обор., надъ символомъ لله; внизу نصر بن علی

N° 41—42.

Того же илека, Бухара, 400 года. — Два варіанта фельса, описаннаго въ Recens, p. 126 n° 15.

N° 43.

Фельсъ, чеканенный въ Ферганѣ, того же 400 года.— Лиц. ст., какъ на предъидущихъ. На об., подъ символомъ: ايلك Круговая легенда:..........مما امر به الامير نصر

N° 44.

Самаркандскій фельсъ Арсланъ-Хана, 414 года. — На лиц. ст., символъ, какъ на предъидущихъ. — На об.: ||ارسلان||محمد||رسول الله||القادر بالله||ايلك||. Круговая легенда: لا اله الا الله وحده لا شريك له بها الدولة ار....

Послѣднее слово, кажется, ارسلان. Монеты Арсланъ-Хана I, идущія до 415 года, довольно часто встрѣчаются, и всѣ представляютъ титулъ Бега̀-Эдда̀уле, который не является послѣ этого года, въ который, вѣроятно, послѣдовала смерть этого хана. Монеты съ тѣмъ же именемъ, годовъ 426—428, принадлежатъ по-видимому Арслану II.

№ 45.

Фельсъ Арсланъ-Илека II, Бухара, 428 года.— На лиц. ст., въ кругу, изображеніе въ видѣ трилистника; внѣ круга, на прямыхъ строкахъ: ....||..بسم الله ض|| الفلس||..محا را سنة ثمان || عشرين و اربع||.. На об. ст., въ квадратѣ изъ точекъ, символъ, и круговая надпись, какъ на монетѣ № 57 р. 136 въ Recensio.

№ 46.

Фельсъ неизвѣстнаго илека. — На лиц., крупными буквами: ايلك; кругомъ, слѣды стершейся надписи. На обор., изображеніе похожее на сосудъ или на лиру.

№ 47.

Ферганскій фельсъ.—Лиц.: ||طمغاج||محمد بن||سليمان. Въ круговой легендѣ видно мѣсто чеканки: فرغانة. На об. ст., равносторонній треугольникъ въ кругѣ изъ точекъ; въ серединѣ, неясная надпись.— Не принадлежитъ ли эта монета, какъ и двѣ слѣдующія, къ какой-либо другой династіи?

№ 48.

Диргемъ съ именемъ Меликъ-Шемсъ-эль-Мюлька.— На лиц. ст., символъ, на трехъ строкахъ; сверху ملك; снизу شمس الملك. Круговая надпись не сохранилась. На обор., въ кругу: ||لله||محمد رسول الله||الملك العادل. Трудно съ достовѣрностью причислить эту монету къ той или другой династіи; изъ илекъ-хановъ одинъ имѣлъ титулъ Шемсъ-эд-даулѐ.

№ 49.

Диргемъ, большаго размѣра. — Лиц.: кругъ, вписанный въ квадратѣ; въ кругѣ, символъ на двухъ строкахъ, подъ которымъ المستنجد, а сверху بالله.

Круговая надпись не сохранилась. На обор., въ кругѣ: طمغاج || الخاقان العادل || ركن الدنيا || و الدين قلج ||
Въ Recens. p. 594 n° 85 — 86 описаны два подобные диргема, отнесенные къ монетамъ туркистанскихъ хановъ. Въ правленіе халифа Мостанджеда, имя котораго находится на этой монетѣ, намъ извѣстно только одно лице, именемъ *Кылиджъ*, пользовавшееся верховною властью: племянникъ Шимлы, основатель небольшой независимой династіи въ Хузистанѣ, который временно владѣлъ и Фарсистаномъ, управленіе которымъ онъ поручилъ племяннику своему, Кылиджу. Наслѣдовалъ ли этотъ Кылиджъ своему дядѣ, неизвѣстно.

V. Газневиды.

Монеты этой династіи рѣдко встрѣчаются въ европейскихъ собраніяхъ, за исключеніемъ Лондона, и были мало извѣстны до изданія ихъ монографіи, въ 1848 году, Эдвардомъ Томасомъ (On the Coins of the Kings of Ghazny, by Edw. Thomas, Esq. London, 1848).

N° 50.

Фельсъ Ибрагима. — На лиц. ст.:

حافظ || السلطان || الاعظم || ابرهيم ||

На обор: || المستظهر || لا اله الا || الله محمد || رسول الله || بالله ||

По краямъ, повтореніе изреченія الملك لله, а въ полѣ, слѣва, буква و.

Мустазгиръ-Биллахъ царствовалъ отъ 487 по 512; Ибрагимъ до 492 года.

N° 51.

Небольшой фельсъ того же Ибрагима. — На обор.: символъ, въ трехъ строкахъ. На лиц. الملك الاعظم ابرهيم также въ трехъ строкахъ. Круговой надписи нѣтъ.

№ 52.

Фельсъ Масъуда III. — Лиц.: ||المستظهر بالله||علا ....||ابو سعد||الدولة На об., символъ; последняя строка содержитъ нечеткое имя, кажется: Масъудъ.

VI. Хамданиды.

№ 53.

Диргемъ Абуль-Хусейнъ-Мухаммеда, битый въ Мосулѣ, въ 349 году.—Надписи какъ на монетахъ этой династіи, описанныхъ въ первой статьѣ, подъ NN° 58 — 61.

VII. Сельджукиды.

№ 54.

Фельсъ Масъуда I сына Кылиджъ-Арслана.— Лиц.: грудное изображеніе государя, съ лица; въ правой рукѣ держава, въ лѣвой labarum и соколъ. — Об.: ||السلطان ||المعظم||مسعود بن||قلج ارسلان||

№ 55.

Фельсъ Меликъ-Шаха сына Кылиджъ-Арслана. — Лиц.: государь верхомъ, вправо.—Об.: ||قطب الدين بن||قلج ارسلان||

№ 56.

Диргемъ Сулеймана, битый въ городѣ Акъ-Сера, въ 596 году.—Лиц., въ полѣ: всадникъ верхомъ, вправо; позади его, родъ колеса о шести спицахъ; подъ лошадью, украшеніе въ видѣ узла. Кругомъ, символъ, послѣ котораго имя Насиръ-Лидинъ-Аллаха, повелителя правовѣрныхъ.—На об.: ||السلطان القاهر||ابو الفتح سليمان ||قلج ارسلان ناصر||امير المومنين||. Въ круговой над-

писи, послѣ обыкновенной формулы, начиная отъ слова ارسله до слова كلّه, слѣдующее: ضرب بمدينة اقسرا سنة ست وتسعين وخمسماية

N° 57.

Диргемъ Кай-Хосрова II, чеканенный بالقونية въ Коніе (Иконіумъ), въ 634 году.—Лиц.: левъ, идущій вправо, надъ которымъ восходящее солнце; надъ нимъ двѣ концентрическія надписи: внѣшняя, «эль-Мустансиръ-Биллахъ, повелитель правовѣрныхъ», и внутренняя: «битъ сей диргемъ въ Коніе». — Об., три строки: || السلطان الاعظم || غياث الدنيا و الدين || كيخسرو بن كيقباد || Сверху: اربع ثلثين; внизу: وستماية.

VIII. Харезмъ-Шахи.

N° 58.

Г. Эдвардъ Томасъ познакомилъ съ монетами этой династіи, выбитыми въ городахъ нынѣшнихъ остъ-индскихъ владѣній, послѣ покоренія Бамъяна и Газны Алà-Эддинъ-Мухаммедомъ. Къ числу ихъ принадлежитъ слѣдующій фельсъ.

Лиц.: || السلطان || الاعظم علا || الدنيا و الد || ين ||

Об.: || ابو الفتح || محمد بن || السلطان ||

N° 59.

Извѣстны мѣдныя монеты временъ Алà-Эддинъ-Мухаммеда, представляющія прозвища: *джемшйди*, *секендèри*, *мансури*, *насири*, *синджери*. Къ числу ихъ относятся четыре слѣдующія:

Секендери, чеканенное въ Самаркандѣ, 610 года.*—

* Эта монета описана и въ Nova Supplementa Френа, стр. 58, n° 9, a. — *П. С.*

Лиц.: символъ, въ трехъ строкахъ; подъ нимъ الناصر, сверху لدين الله (Насиръ-Лидинъ-Аллахъ, имя халифа). Круговая надпись: لله بسم الله ضرب هذا الدرهم بسمرقند سنة عشرة وستمائة На об., въ полѣ: ||سكندرى|| ||السلطان العادل||الاعظم ابو الفتح||محمد بن سلطان||تكش||. Кругомъ надпись таже, что̀ на лиц. ст.

N° 60.

Мансури, чеканенное въ Самаркандѣ, въ 614 году.*— Лиц. ст., какъ на предъидущемъ. Об.: ||منصورى|| ||السلطان العادل||الاعظم محمد||بن سلطان تكش||

N° 61.

Кадири, Самаркандъ, 615.— Лицевая надпись, какъ на предъидущемъ; обор. также, кромѣ слова *мансури*, замѣненнаго словомъ قادرى. **

N° 62.

Монета, о которой упомянуто уже въ первой статьѣ, подъ N° 113 (на стр. 445). Оказывается, что это *мумини*. Лицев. надп., какъ на N° 60. На об., въ полѣ: ||مومنى||السلطان العادل||الاعظم ابو.....||سلطان||

IX. Ортокиды.

N° 63.

Фельсъ Фахръ-Эддинъ-Кара-Арслана.— Лиц., грудное изображеніе. Об.: ||ضرب هذا||الدرهم فى ايام||فخر الدين||قرا ارسلان|| Справа, на сторонѣ بن داود, сверху بن سكمان, слѣва بن ارتق.

---

* Ср. въ Nova Supplem., p. 59, n° 11, a.

** Ср. Nova Suppl., p. 59, n° 11, b.

№ 64.

Фельсъ Кутбъ-Эддина-Ильгази, 579 года, замѣчательный особенно по надписи, отгаданной Френомъ еще въ 1822 году (см. Ergänzungs-Blätter zur Jenaischen allg. Litteratur-Zeitung, S. 85): ملعون من بغير o въ смыслѣ «проклятія на изображенія», т.е. на изображенія, представляемыя на об. ст. монетъ. Кастиліони (Monete cufiche, nº CLIX — CLXX) полагалъ видѣть въ этихъ словахъ названіе города Міяфарекина, но на другой монетѣ читалъ ملعون من لعلوية «проклятіе на Алидовъ», что также невѣрно. Наша монета ясною надписью рѣшаетъ въ пользу мнѣнія Френа, какъ ни странно это проклятіе на изображенія на монетѣ династіи, которая такъ часто употребляла ихъ на своихъ монетахъ.

№ 65.

Фельсъ Ортокъ-Арслана, выбитый во имя Насиръ-Эддинъ-Мухаммеда. — Лиц., голова, вправо. По краямъ: *Эль-Меликъ эль-мансуръ Насиръ-эддунья вед-динъ Ортокъ Арсланъ.* — Об.: *Эль-Насиръ Лидинъ-Аллахъ|| повелитель правовѣрныхъ.|| Эль-Меликъ эль-Камиль|| Насиръ-Эддинъ Мухаммедъ|| ибнъ-Эйюбъ.*

№ 66.

Диргемъ Неджмъ-Эддина-Гази, битый въ Мардинѣ, 653 года. — Лиц., в шестиугольной звѣздѣ: الله|| ||السعيد||الملك||الناصر Сверху يوسف, снизу غازى. Въ сегментахъ годъ и мѣсто чеканки.—Об., въ такой же фигурѣ: ||الامام||المستنصر||بالله امير المو منـ||ين|| По краямъ, въ шести сегментахъ, символъ لا اله.

№ 67.

Того же государя, диргемъ, представляющій на лиц. ст.: ||رسول||الله محمد||الله لا اله لا||الله||. Въ сегментахъ: صلى|| ||....||عليه||الله||

X. Атабеки.

N° 68.

Фельсъ съ груднымъ изображеніемъ Нуръ-Эддинъ-Арсланъ-Шаха, чеканенный въ Несибинѣ, въ 594 году.— На лиц. ст., грудное изображеніе съ-лица, въ квадратѣ изъ точекъ, со звѣздочкой въ каждомъ углѣ. Въ сегментахъ, мѣсто и годъ чеканки.

Об.: الناصر لدين الله
امير المومنين
الملك العادل
نور الدنيا والدين

Въ трехъ сегментахъ, начиная справа:

اتا بك ارسلان||شاه بن مسعود||بن معدود

N° 69.

Фельсъ Махмуда сына Сенджеръ-Шаха, битый въ Джезирѣ, 606 года.

Лиц.: изображеніе въ-полроста, съ поднятыми руками, въ полумѣсяцѣ. По краю:

الملك المعظم محمود بن سنجر شاه الناصر لدين

Об.: الامام الاعظم
الناصر لدين الله
امير المومنين
الملك العادل ابو
بكر بن ايوب

Круг. надп., въ сегментахъ, справа: ضرب بالجزير
сверху: ة سنة ست

Въ лѣвомъ сегментѣ, сотенное число (600) стерто; но оно сохранилось на экземплярѣ, описанномъ въ Френовыхъ Nova Supplementa (p. 77, n° a).

XI. Аювиды.

№ 70.

Диргемъ Неджмъ-Эддинъ-Аюба, битый въ Каирѣ. — Лиц., въ квадратѣ: ||الملك الصالح||نجم الدين ايوب||ايبك||
Въ сегментахъ: لا اله الا الله.
Об. ||الامام||المستعصم|بالله ابو احد عبد||الله امير المومنين||.
Въ сегментахъ: ..ب بالقا هر....

Замѣчательно собственное имя *Эйбекъ* на лиц. ст. этой монеты. Извѣстны два лица этой эпохи съ этимъ именемъ: одно, визирь халифа; другое, туркменскій эмиръ, который, черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Аюба, временно утвердился на престолѣ Аюбидовъ и присвоилъ себѣ титулъ султана; вѣроятно, имя послѣдняго изображено на монетѣ.

№ 71.

Фельсъ, битый въ Мардинѣ بماردين 599 года. — Лиц.: грудное изображеніе государя, съ-лица. Вкругъ головы, въ полѣ, справа: الملك الاوحد; слѣва: نجم الدين. По краю, мѣсто и годъ чеканки.

XII. Ихшидиды.

№ 72.

Динаръ съ именемъ Ихшида, 333 года, битый въ Мисрѣ. — Лиц.: первая часть символа, какъ на аббасидскихъ монетахъ, въ трехъ строкахъ; подъ нимъ: ||ابو منصور بن||امير المو منين||. Круговая внутренняя надпись: بسم الله ضرب هذا الدينار سنة ثلث وثلثين و ثلثمائة Внѣшняя надпись: «Богу власть» и проч. (сура XXX, 4. 5). — Об., вторая часть символа; сверху لله; внизу: ||المتقى لله||الاخشيد||.

Монеты этой династіи, царствовавшей менѣе полустолѣтія въ Египтѣ и Сиріи, весьма рѣдки. Доселѣ извѣстны слѣдующія: 1) Мухаммеда эль-Ихшида, Мисръ, 333 г. (описанный здѣсь). Его же, диргемы дамасскій, того же года, и палестинскій, года 333 или 334; 2) Абуль-Касима, Дамаскъ, 334; 3) Али сына Ихшида, Палестина, 354 (динаръ).

XIII. Фатимиды.

N⁰ 73.

Диргемъ Муиззъ-Лидинъ-Аллаха, битый въ Мансурѣ, 342 года.

Лиц.: въ кружкѣ, въ серединѣ: العزة لله. Три круговыя надписи, какъ на динарахъ того же государя. Внѣшняя круговая надпись: بسم الله الرحمن الرحيم ضرب هذا الدرهم بالمنصورة سنة اثنتين واربعين وثلثمائة Внутренній кругъ: عبد الله... الامام المعز لدين الله امير المومنين

На об. ст., надписи обыкновенныя. Такъ какъ бо̀льшая часть монетъ этой династіи золотыя, то тѣмъ примѣчательнѣе серебряныя, которыхъ извѣстно не болѣе трехъ.

N⁰ 74.

Динаръ эль-Мансура, битый بصور въ Сурѣ (древнемъ Тирѣ), въ 516 году. Подобенъ динару того же города, но другаго года, описанному въ первой статьѣ (стр. 452, N⁰ 159).

N⁰ 75.

Динаръ Хафизъ-Лидинъ-Аллаха, Мисръ, 538 года. Надписи, какъ на динарѣ, описанномъ у Марсдена (p. 217).

XIV. Эльморавиды.

№ 76.

Динаръ Али сына Юсефа, Марокко, 522 года. — Лиц.: подъ символомъ, изображеннымъ на двухъ строкахъ, слѣдующія три строки:

امير المسلمين على بن
يوسف ولى عهد
الامير سير

По краю, стихъ 78 суры 3.

На об.: ||الامام||عبد||الله||امير المومنين||

Круг. надп.: بسم الله ضرب هذا الدينار بمراكش عام اثنتين و عشرين و خمسماية Слово عام вмѣсто سنة находится на всѣхъ новѣйшихъ марокскихъ монетахъ.

№ 77.

Динаръ того же государя, битый въ نول لمطة Нуль-Ламта, въ 537 году. Во всемъ подобенъ предъидущему №, кромѣ мѣста чеканки и имени эмира на лиц. ст., которое здѣсь تاشفين. — Имя города искажено: оно должно читаться نول (у Абульфеды نوى), а Ламта لمطة есть названіе области.

XV. Мериниды.

№ 78.

Диргемъ Абу-Абдуллаха. — Лиц.: ||امير المو||منين|| ||لا اله الا||الله الامر||كله لله||. Об.: ||ابو محمد||عبد الله

Абу-Абдуллахъ былъ послѣдній государь меринидской династіи.

XVI. Гулагиды.

№ 79.

Диргемъ Менгу-Каана, 650 года, мѣсяца дульхидже. — Лиц., въ продолговатомъ шестиугольникѣ: قاآن||العادل||. На об. ст., первая половина символа, на трехъ строкахъ, а между первой и второй строкой: شهر ذى الحجة سنة خمسين ستمائة

Извѣстны подобныя же монеты съ означеніемъ мѣсяцевъ мухаррема и рамазана.

№ 80.

Диргемъ Гулагу-Каана, 661 года, битый въ Амолѣ بامل. — Лиц.: ||قاآن||الاعظم||هولاكو||ايلخان المعظم||

XVII. Тога-Тимуриды.

№ 81.

Включивъ въ свою монографію гулагидскихъ монетъ и монеты Тогà-Тимуридовъ, которыхъ историки не отдѣляютъ отъ Гулагидовъ, Френъ замѣтилъ, что Тогà-Тимуръ, происходившій отъ брата Чингисханова, владѣлъ большею частью земель Гулагидовъ, но никогда не царствовалъ въ Тебризѣ, которымъ продолжали владѣть преемники Мухаммедъ-Хана, между тѣмъ какъ первый правилъ Джорджаномъ и сосѣдними странами. Онъ имѣлъ четырехъ преемниковъ, которые сохраняли свою власть до первыхъ годовъ IX столѣтія гиджры. Поэтому Френъ, въ-послѣдствіи, и отдѣлилъ отъ Гулагидовъ династію Тогà-Тимура (см. Quinque centuriæ etc.). Доселѣ извѣстны были лишь три монеты этой династіи, всѣ съ именемъ основателя ея: двѣ описаны Френомъ; третья, битая въ Харезмѣ, въ 742 году, описана де-Сольси (Septième Lettre à M. Reinaud etc.). Вотъ четвертая:

Лиц., въ шестиугольникѣ: السلطان العادل||طغا تيمور||خان خلد Сверху: ضرب, внизу: بغداد; въ сегментахъ: ||....||اربعين||وسبع||ما ية

Мѣсто чеканки, Багдадъ, показываетъ, что владѣнія Тога-Тимура простирались далеко за предѣлы Джорджана; уже по смерти его, Хасанъ, изъ династіи Джелаиридовъ, ограничилъ владѣнія сына Тога-Тимурова прикаспійскими областями.

XVIII. Джелаириды.

№ 82.

Фельсъ султана Хусейна. — Лиц.: ||خان||حسين||خلد الله||. На об., идущій левъ, влѣво.

Хусейнъ, сынъ султана Увейса, царствовалъ между 783 и 813 г.

№ 83, а.

Диргемъ Ахмедъ-Бегадиръ-Хана, битый въ Шемахѣ, 887 года. — Лиц., въ шестиугольникѣ: «Султанъ верховный | Султанъ Ахмедъ Бегадиръ || Ханъ, да продлится царствіе его» ||. Сверху: ضرب: внизу: شماخى. Въ сегментахъ, годъ: (8)87.

Монеты этой династіи мало извѣстны, и то лишь изъ описаній Френа. Въ великогерцогскомъ минцкабинетѣ въ Іенѣ есть нѣсколько неизданныхъ, которыя будутъ описаны Штикелемъ *.

---

* Въ екатеринославскомъ кладѣ, о которомъ сообщено было извѣстіе въ V т. Записокъ (Перечень засѣд. за 1852 г., стр. 66), находилось до двухъ сотъ экземпляровъ диргемовъ султана Ахмедъ-Бегадиръ-Хана, и въ томъ числѣ много неизданныхъ. Описаніе ихъ сообщено мною въ монографіи этого клада, которая не могла войти въ эту часть Записокъ по своей обширности, а помѣщена будетъ въ одной изъ слѣдующихъ. — *Примѣчаніе П. С. Савельева.*

N⁰ 83, b.

Фельсъ, 770 года. — На лиц., изображеніе вѣсовъ, между которыми надпись الميزان; кругомъ, означеніе года. — Об., символъ. — Не смотря на отсутствіе мѣста чеканки и имени государя, по типу монеты, нельзя не признать ея гулагидскою или джелаиридскою, къ которымъ она должна быть отнесена и по году ея чеканки. Слово الميزان въ смыслѣ «вѣса» или «вѣсовъ» встрѣчается, хотя и рѣдко, на нѣкоторыхъ монетахъ. (F. Soret, Lettre à M. Lelewel, p. 8).

XIX. Султаны Джаунпурскіе.

N⁰ 84.

Фельсъ Хусейнъ-Шаха, 875 года.—Лиц.: ||حسين|| ||بن محمود شاه|| بن ابراهيم شاه || سلطانى خلد || ..... || Об. الخليفة امير المومنين خلد الخلا فته ٨٧٥

У Марсдена описаны монеты этого владѣтеля 886 и 897 годовъ.

МОНЕТЫ
ЮГОЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(Табл. рис. I — III).

Въ первомъ томѣ «Записокъ» (стр. 342—385) помѣщено было описаніе западно-славянскихъ монетъ, составленное заслуженнымъ нумизматомъ нашимъ Я. Я. Рейхелемъ, по экземплярамъ его богатаго собранія. Въ предисловіи къ этой статьѣ выражено желаніе видѣть изданными остающіяся еще неописанными виды славянскихъ монетъ. Года два спустя послѣ выпуска въ свѣтъ статьи Г. Рейхеля, профессоръ бѣлградскаго музея Г. Янко Шафарикъ издалъ, на сербскомъ языкѣ, «Описаніе всѣхъ извѣстныхъ доселѣ монетъ сербскихъ», напечатанное въ «Гласникѣ» Общества Сербской Словесности (Бѣлградъ, 1851, книжка III, стр. 189—261, съ 9-ю табл. рисунковъ). Авторъ, къ сожалѣнію, не зналъ статьи Г. Рейхеля, и въ отношенія классификаціи монетъ слѣдовалъ иной системѣ. Древнѣйшія изъ сербскихъ монетъ, Стефана Первовѣнчаннаго, приписаны имъ Стефану Душану, жившему сто лѣтъ позднѣе, а монеты Стефана V Уроша отнесены къ первому Стефану; монеты съ славянскими надписями Стефана III Уроша Великаго приписаны Стефану Дечанскому, который пользовался покровительствомъ папы и слѣдовательно употреблялъ на своей монетѣ письмена латинскія, а къ Урошу Великому отнесены монеты съ латинскими надписями, четвертаго и пятаго Стефановъ. Такая сбивчивость въ распредѣленіи произошла отъ того, что авторъ не обратилъ достаточно вниманія на различія типовъ и палеографическіе оттѣнки, и придалъ ложное основаніе своей классификаціи, признавъ за древнѣйшія изъ сербскихъ монеты съ латинскими надписями, тогда какъ онѣ происхожденія новѣйшаго, будучи подражаніемъ типу венеціянскихъ матапановъ, а древнѣйшими должны быть признаны монеты съ надписями славянскими, какъ по архаизму ихъ

письменъ, такъ и потому, что первые князья сербскіе имѣли болѣе близкія отношенія къ Константинополю, чѣмъ къ Риму, и отличались усердіемъ къ восточной церкви; такъ, напримѣръ, Стефанъ Первовѣнчанный, которому Г. Шафарикъ приписываетъ монеты съ латинскими легендами, хотя и пользовался покровительствомъ папы, но вѣнчанъ былъ на царство братомъ своимъ Саввою архіепископомъ по обряду восточной, а не римской церкви, строилъ монастыри православные, и умеръ въ постриженіи.

Имѣя въ виду такое отсутствіе системы, я могъ воспользоваться только рисунками, приложенными къ статьѣ профессора Шафарика, выбравъ изъ нихъ, для дополненія изслѣдованія Г. Рейхеля, тридцать пять видовъ монетъ, которые не были описаны въ Запискахъ нашего Общества (снимокъ монеты N° 36 сдѣланъ по экземпляру собранія Я. Я. Рейхеля). Такимъ образомъ, напечатанная въ I томѣ Записокъ статья «О монетахъ западныхъ Славянъ» и нынѣ сообщаемая (съ изображеніемъ 85 видовъ монетъ) представляютъ полную монографію извѣстныхъ доселѣ монетъ сербскихъ, болгарскихъ, боснійскихъ и далматскихъ.

П. САВЕЛЬЕВЪ.

1854.

I.

СЕРБСКІЯ МОНЕТЫ.

О сербской нумизматикѣ мало писано. Можно указать только на слѣдующія сочиненія, въ которыхъ описываются мимоходомъ сербскія монеты:

Бандури (Anselm. Banduri: Numismata imperatorum Romanorum a Trajano Decio ad Paleologos. Lutet. Paris., 1718, fol.); на стр. 769 и 772 втораго тома описано нѣсколько сербскихъ монетъ.

Въ изданіи Аргелата (Phil. Argelati: Collectio dissertationum de monetis Italiæ. Mediolan., 1750, 4°), по-

мѣщены три разсужденія: 1. Цанетти (Hieronim. Francisc. Zanetti): De numism. regum Mysiæ seu Rasciæ ad Venetost ypos percussis (t. III, p. 17); 2. Мураторн (Lud. Anton. Muratori): De moneta, и 3. Лируціуса (Lirutius): Dissertatiæ de monetis (t. II, p. 178). Въ первомъ изъ этихъ разсужденій описано нѣсколько сербскихъ монетъ, а въ двухъ послѣднихъ по одной.

Нани (Bernardus Nani: De duobus imperatorum Rassiæ nummis. Venet., 1750, 4°, editio secunda, monetis ac documentis adhuc ineditis aucta, ibidem, 1752, 8°). Это рѣдкое теперь сочиненіе важно и для сербской нумизматики, потому что въ немъ на 63 страницахъ описаны сербскія монеты и приложены изображенія ихъ на двухъ таблицахъ.

Аппель (Appel), въ своемъ Repertorium, II часть II отдѣлъ (1798), говоритъ и о сербскихъ монетахъ.

Приводятся сербскія монеты также и въ описаніи Венгерскаго Музея Сехенія: Catalogus numorum instituti nationalis Szechenyiani.

Іохимъ (Fr. I. Ioachim: Neueröffnetes Münzkabinet. Nürnberg, 1761) приводитъ также одну сербскую монету.

Раичъ (Исторія словенск. народ., Вѣна, 1723, 8°, ч. III стр. 158), описываетъ двѣ монеты деспота Георгія Бранковича, съ которыхъ приложены и снимки.

Давидовичъ, въ «Забавникѣ на 1821 годъ» (въ Вѣнѣ), описалъ, съ приложеніемъ рисунка, четыре сербскія монеты. Статья эта переведена на русскій языкъ Д. Момировичемъ и напечатана, подъ заглавіемъ: «О древнихъ сербскихъ монетахъ», въ VII томѣ Журнала Минист. Народн. Просвѣщ. 1835 г., стр. 296—299; къ ней приложенъ и рисунокъ четырехъ монетъ.

Въ «Сербскихъ Лѣтописяхъ» за 1826 г. (изданіе Сербской Матицы, годъ II, стр. 192 ч. VII) описаны Милошемъ Светичемъ шестнадцать старинныхъ сербскихъ монетъ, съ которыхъ приложены и снимки на четырехъ таблицахъ, снятые съ подлинниковъ, находящихся въ вѣнскомъ и пештскомъ музеяхъ.

Изо всѣхъ изданныхъ въ западной Европѣ сочиненій о сербскихъ монетахъ важнѣе другихъ есть изданное, на венгерскомъ языкѣ, о которомъ упомянуто уже было въ статьѣ *Я. Я.* Рейхеля: Luczenbacher, A' Szerb zsupánok, királyok és csárok penzec, XXIII réznyomattal. Budàn, 1843, 8°, то-есть: Луценбахера, «Пенязи сербскихъ жупановъ, королей и царей, съ XXIII изображеніями». Въ этой книгѣ описаны и изображены 43 монеты, чеканенныя до косовской битвы. По мнѣнію Г. Шафарика, сочиненіе это имѣетъ два главныхъ недостатка: во-первыхъ, авторъ рѣдко указываетъ, гдѣ находятся оригиналы описанныхъ монетъ, и во-вторыхъ, историческій текстъ писанъ пристрастно, съ явною цѣлью доказать всегдашнее преобладаніе Венгріи надъ Сербіею и зависимость сербскихъ королей отъ венгерскихъ. По нашему мнѣнію, гораздо важнѣйшій недостатокъ его, въ научномъ отношеніи, есть ложная система, на которой основана Луценбахеромъ классификація сербскихъ монетъ, о чемъ говорено было уже въ статьѣ *Я. Я.* Рейхеля (Записки, т. I, стр. 364). Г. Шафарикъ замѣчаетъ притомъ, что Луценбахеръ пользовался для своего сочиненія рукописью о сербскихъ монетахъ профессора Весерле, котораго важное, хотя недоконченное сочиненіе, въ рукописи, вмѣстѣ съ собраніемъ монетъ и съ 160 вырѣзанными на мѣди таблицами, хранится въ пештскомъ музеѣ.

Можно упомянуть еще о статьѣ Стоячковича

о древнихъ сербскихъ монетахъ, помѣщенной въ «Сербскомъ Народномъ Листѣ» (выходившемъ при газетѣ Павловича) за 1843 годъ (№ 42), гдѣ напечатана и рецензія на сочиненіе Луценбахера (1843, № 49 и 1844, № 24).

Но важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для юго-славянской нумизматики остается доселѣ, къ сожалѣнію бывшее неизвѣстнымъ Г. Шафарику, описаніе славянскихъ монетъ Я. Я. Рейхеля, помѣщенное въ I томѣ Записокъ нашего Археологич. Общества, на стр. 342—385, съ приложеніемъ вѣрныхъ рисунковъ 49 неизданныхъ монетъ.

Небольшія собранія сербскихъ монетъ находятся въ разныхъ музеяхъ европейскихъ и у частныхъ лицъ; но бо̀льшая часть ихъ еще не извѣстна, и безпрестанно находятъ новые экземпляры, особенно въ Сербіи, Герцеговинѣ и Албаніи. Въ музеѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія, въ Бѣлградѣ, хранится 50 сербскихъ монетъ; въ загребскомъ народномъ музеумѣ, 32 экземпляра юго-славянскихъ монетъ, между которыми 27 сербскихъ, 3 болгарскихъ и 2 боснійскихъ; въ вѣнскомъ императорскомъ минцкабинетѣ, 16 сербскихъ монетъ; въ пештскомъ музеѣ, тоже довольно сербскихъ монетъ. Изъ статьи Г. Шафарика узнаемъ, что значительное число экземпляровъ сербскихъ монетъ собрано было въ славянскихъ земляхъ покойнымъ профессоромъ петербургскаго университета П. И. Прейсомъ и вывезено имъ въ Россію; бо̀льшая часть этихъ экземпляровъ принадлежитъ нынѣ къ коллекціи Я. Я. Рейхеля, въ Петербургѣ, одной изъ богатѣйшихъ и по части славянскихъ монетъ. Въ собраніи графа А. С. Уварова также находится нѣсколько сербскихъ и болгарскихъ монетъ.

Стефанъ I Первовѣнчанный. 1195—1228.

№ 1.

Лиц. — Поясное изображеніе Спасителя съ благословляющею десницею; въ лѣвой рукѣ свитокъ; по сторонамъ головы ІС—ХС; у плечъ, монограмма: я — V, означающая, можетъ быть: «царь Расіи» (ср. въ томѣ I, стр. 365).

Об. — Царь, верхомъ, въ византійской коронѣ съ ниспадающими лентами; въ правой рукѣ жезлъ или скипетръ съ крестомъ наверху; по сторонамъ: СФЬ—ЦРЬ (Стефанъ Царь).

Табл. II № 15.

Вѣсъ: 19 гранъ, другой экз. 20 гранъ.

Стефанъ II Владиславъ. 1234—1240.*

Въ Сербіи, по словамъ Г. Янко Шафарика, довольно часто попадаются монеты этого короля, разныхъ штемпелей, всѣ серебряныя **. Въ статьѣ Я. Я. Рейхеля описанъ былъ только одинъ видъ ихъ (т. I. стр. 350). Этотъ отдѣлъ обогащается пятью новыми видами.

№ 2.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ, у главы Его: ІС—ХС; съ правой стороны престола буква М, а съ лѣвой Х.

Об. — Король, стоящій, въ вѣнцѣ, въ длиннополой

* Въ статьѣ Г. Рейхеля обозначены годы его правленія: 1230 — 1237. При необработанности сербской исторіи, хронологическія разногласія не рѣдко могутъ еще имѣть мѣсто. Въ статьѣ этой мы держались хронологическихъ указаній Г. Шафарика.

** Всѣ описанныя въ этой статьѣ монеты, о металлѣ которыхъ не упомянуто, — серебряныя.

одеждѣ, опоясанный; въ правой рукѣ жезлъ или скипетръ съ четырехконечнымъ крестомъ; вокругъ: ВЛАДИСЛА—РАБЬ ХО (Владиславъ рабъ Христовъ).

Табл. I № 1.

Вѣсъ: 27 грановъ.

№ 3.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ; по сторонамъ главы Его: IC—ХС.

Об. — Король, стоящій, въ вѣнцѣ и длиннополомъ одѣяніи, съ поясомъ; въ правой рукѣ скипетръ съ крестомъ, лѣвая рука на груди. Вокругъ, начиная снизу: ВЛАДИСЛАВЪ РАБЪ ХРІ (Владиславъ рабъ Христовъ); по сторонамъ, у пояса: Л—К.

Таб. I № 3.

Вѣсъ: 26 грановъ.

(См. Србски Лѣтопис. 1826, ч. I; Luczenbacher, p. 29).

Этого типа встрѣчается нѣсколько штемпелей, съ мелкими отличіями въ шрифтѣ.

№ 4.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ, у главы: IC—ХС.

Об. — Король, стоящій, въ коронѣ, со скипетромъ въ правой рукѣ. Вокругъ: ВЛАДИС—РАБЪХУ (Владиславъ рабъ Христу).

Табл. I № 4.

(Luczenbacher, p. 29).

№ 5.

Лиц. — IC — ХС. Іисусъ Христосъ, какъ обыкновенно, только по сторонамъ престола по одному кругу о.

Об. Король стоитъ, съ короною на головѣ, въ богатомъ одѣяніи, держа въ правой рукѣ скипетръ съ крестомъ на верху, лѣвая рука на груди; по сторонамъ по одному кружку, какъ на лиц. ст.; вокругъ: ВЛАДНСЛАВЪ — РАБЬ ХОУ (Владиславъ рабъ Христу).

Табл. III № 27.

Вѣсъ 27 гранъ.

№ 6.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ, у головы: IC — XC.

Об. — Король, стоящій съ короною на головѣ, держа въ правой рукѣ жезлъ съ крестомъ, а лѣвую руку на груди. Вокругъ: ВЛАДНСЛАВЪ — СТЕФАН.

Табл. I № 2.

Вѣсъ: 26 грановъ.

Стефанъ III Урошъ. 1241 — 1272.

№ 7.

Лиц. — IC — XC. Спаситель, сѣдящій на престолѣ, по сторонамъ котораго буквы L — P.

Об. — Король сидитъ на престолѣ, съ короною на головѣ, держа въ правой рукѣ жезлъ или скипетръ оканчивающійся крестомъ, а въ лѣвой большой мечъ, лежащій на его колѣняхъ; у ногъ его буква N; а вокругъ надпись: ТРЕТИ СТЕФАНЬ ОУРОШЬ KR (Третій Стефанъ Урошъ Краль).

Табл. I № 12.

Вѣсъ: 31 гранъ.

(Забавникъ Давидовича, 1821, фиг. 3: здѣсь ошибочно приписана эта монета деспоту Бранковичу; ср. также переводъ этой статьи, Момировича, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, т. VII, стр. 297, и невѣрный рисунокъ, тамъ же. — Luczenbacher, p. 47, № 3. —

Appel's Repertorium, 1798, II-r Bd. II-te Abtheil.: здѣсь ошибочно приписана она Стефану Первовѣнчанному.)

Эта монета, какъ и слѣдующая, замѣчательны по надписи, которая обозначаетъ третьяго Стефана, то-есть Уроша Великаго, что̀ совершенно оправдываетъ систему Рейхеля, приписавшаго ему монеты этого типа (т. I, стр. 351); а Г. Шафарикъ, слѣдуя своей латинской системѣ, пріурочиваетъ ихъ къ Урошу IV Дечанскому, монеты котораго новѣе и другаго типа.

№ 8.

Лиц. — IC — +C. Іисусъ Христосъ, какъ обыкновенно; по сторонамъ престола буквы Р — В.

Об. — Изображеніе короля, какъ на предъидущей монетѣ, съ тою только разницею, что король подъ лѣвою рукою имѣетъ небольшой четырехконечный крестъ, а въ подножіи четыре кружка. Круговая надпись: СТЄФАNЬ ОУР — ОШЬ КРА ТРЄТИ (Стефанъ Урошъ Краль Третій).

Табл. II № 13.

Вѣсъ: 31 гранъ.

Есть нѣсколько штемпелей этой монеты; разница только въ формѣ и размѣщеніи нѣкоторыхъ буквъ.

№ 9.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ, у головы его: IC — +C; у престола по сторонамъ, буквы N — Ъ.

Об. — Король сидитъ на престолѣ, съ короною на головѣ, держа въ правой рукѣ скипетръ съ крестомъ, а въ лѣвой большой мечъ, лежащій у него на колѣняхъ; кругомъ: + СТЄФАНЬ КРАЛЬ.

Табл. I № 10.

(Luczenbacher, p. 36.)

Эта монета подобна описанной Г. Рейхелемъ (т. I, стр. 351; табл. XVIII № 9). Есть нѣсколько ея штемпелей, отличающихся только размѣщеніемъ нѣкоторыхъ буквъ и буквами по сторонамъ престола, на лиц. ст.: на одномъ экземплярѣ N — 6, на другомъ Д — †, на третьемъ только одно †.

Стефанъ IV Драгутинъ, Сремскій. 1272—1275. † 1317.

№ 10.

Лиц. — IC — XC. Іисусъ Христосъ; по сторонамъ престола: H — C.

Об. — Шлемъ съ короною и золотымъ шаромъ съ тремя перьями; вокругъ: STEFANVS · DEI GRA . REX.

Табл. II № 14.

Вѣсъ: 24 грана.

На другихъ экземплярахъ, по сторонамъ престола, буквы: n — 6 (см. Рейхеля, въ т. I, стр. 352), также: n—O, n — ◊, h — 6.

Вѣсъ: 24 и 20 гранъ.

Есть разности и въ украшеніяхъ шлема.

Стефанъ Милутинъ, Урошъ III. 1275 — 1321.

№ 11.

Лиц. —Іисусъ Христосъ на престолѣ, у главы Его обыкновенная надпись: IC — XC.

Об. — Св. Стефанъ передаетъ знамя королю; кругомъ: SSTEFAN — STEFAN; между головою короля и древкомъ знамени: REX.

Табл. I № 9.

Вѣсъ: 30 гранъ.

Стефанъ VI Урошъ IV Дечанскій. 1321—1336.

№ 12.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ, съ обыкновенною надписью: IC — XC: у престола, по сторонамъ буквы: Т — В.

Об. — Король сидитъ на престолѣ, въ коронѣ, держа въ правой рукѣ скипетръ съ крестомъ, а въ лѣвой мечъ, положенный на колѣняхъ. Вокругъ: + VRЄSIV — RЄ (Урошъ король).

Табл. I № 5.

Вѣсъ: 22 грана.

№ 13.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ; у главы: I+ — +C; у престола: М — В.

Об. — Св. Стефанъ Первомученикъ, стоящій, передаетъ правою рукою крестъ королю, также стоящему въ коронѣ и правой рукою принимающему крестъ; у ногъ святаго буква S (Sanctus, Святой). Кругомъ: VROSIVS — STЄFAN, у креста: RЄX.

Табл. I № 6.

(Србск. Лѣтоп. г. 1826, ч. IV, № 1; Luczenbacher, p. 32).

№ 14.

Лиц. — IC — XC. Іисусъ Христосъ на престолѣ; по сторонамъ престола буквы: Р — R.

Об. — Кругов. надп.: VROSIV — SSTЄFAN; у креста: RЄX. Изображеніе то же, что̀ на предъидущей монетѣ, только внизу у креста, по сторонамъ, буквы: М—D.

Табл. I № 7.

(Zanetti, in Argelati Collect. dissert. de monetis Italiæ, part. III, pag. 19, 22, nº V. — Lucsenbacher, p. 32).

№ 15.

Лиц. — Інсусъ Христосъ, какъ обыкновенно; по сторонамъ престола буквы: Р — Т.

Об. — Св. Стефанъ правою рукою передаетъ королю знамя съ изображеніемъ креста; древко оканчивается внизу четырехконечнымъ крестомъ. Надпись по краямъ: SSTЄFAN — VROSIVS; между головою короля и древкомъ знамени: RЄX.

Табл. I № 8.

Урошъ V, Младый. 1356 — 1367.

№ 16.

Лиц. — Спаситель на престолѣ, какъ обыкновенно; по сторонамъ престола по лиліи.

Об. — Король на престолѣ, съ короною на головѣ; въ правой рукѣ скипетръ оканчивающійся лиліею; въ лѣвой, держава съ осьмиконечнымъ крестомъ. Кругомъ надпись: MONЄT — RЄGIS VROSII (монета краля Уроша).

Табл. I № 11.

(См. Србск. Лѣтопис. 1826, ч. I, n° 2. — Luczenbacher, p. 44. — Catalog. Szechenyi, pars III pag. 45, tab. VIII n° 64).

№ 17.

Весьма рѣдкая, мѣдная монета.

Лиц. — Изображеніе святаго, въ облаченіи, во весь ростъ, съ распростертыми въ сторону руками. Круговая надпись стерлась; видно: :IO — IIIII; ниже рукъ, по сторонамъ: L — P.

Об. — Король, въ коронѣ и багряницѣ, сидитъ на двухъ львахъ, держа въ правой рукѣ скипетръ съ крестомъ на верху, а въ лѣвой крестъ (можетъ быть,

державу съ крестомъ); надпись по краямъ: RЄX — VRIII . . . (Rex Vrosius, Король Урошъ).

Табл. II № 16.

Святой на лиц. ст. есть, можетъ быть, Св. Трифонъ, изображенный на катарскихъ монетахъ отца и предшественника Уроша V, Стефана Душана (см. т. I. стр. 356).

Стефанъ Лазаревичъ. 1389 — 1427.

Монеты Стефана Лазаревича, извѣстнаго болѣе подъ именемъ деспота Стефана Высокаго, довольно часто встрѣчаются въ Сербіи. Къ нимъ принадлежатъ слѣдующія:

№ 18.

Лиц. — IC — XC. Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго по одной звѣздѣ.

Об. — Деспотъ, стоящій съ открытою головою, въ правой рукѣ стрѣла или крестъ, а въ лѣвой скипетръ съ лиліею на верху; у боковъ его по троеточію ⁖, вокругъ: ДЄСПОТ СТЄФАN.

Табл. II № 17.

Вѣсъ: 11 грановъ.

Нѣкоторые экземпляры отличаются размѣщеніемъ буквъ.

№ 19.

Лиц. — Іисусъ Христосъ съ благословляющею десницею и Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; кромѣ сіянія вокругъ головы, изображеніе Его окружено оваломъ изъ точекъ, въ которомъ съ каждой стороны по три звѣзды; по сторонамъ овала: IC — XC.

Об. — нова чека гна деспота (монета господина деспота).

Табл. II № 18.

Вѣсъ: 17 гранъ.

№ 20.

Лиц. — Ликъ Спасителя, въ сіяніи, какъ на предъидущей монетѣ, съ тою разницею, что нѣтъ обыкновенной надписи: IC — XC, и нѣтъ звѣздъ въ овалѣ, а только по сторонамъ овала по одной большой звѣздѣ.

Об. — Сокращенная надпись: ГN ДПТБ (Господинъ Деспотъ); вокругъ надписи накрестъ четыре звѣзды, и между каждыми двумя звѣздами по двѣ точки.

Табл. II № 19.

Вѣсъ: 18 гранъ.

№ 21.

Лиц. — Какъ на предъидущей монетѣ.

Об. — Тѣмъ же шрифтомъ, какъ на предъидущей монетѣ: ∴ ДЄС ∴ / ∴ ПОТ ∴

Вѣсъ: 15 гранъ.

№ 22.

Лиц. — Изображеніе Спасителя въ вѣнцѣ славы, по сторонамъ котораго по три лиліи.

Об. — Большая буква П, а въ ней Т (монограмма слова ДПТ или ДЄСПОТ); вкругъ буквъ четыре лиліи крестообразно, а между ними по троеточію ∵

Табл. II № 20.

Георгій Бранковичъ. 1427 — 1457.

Отъ тридцатилѣтняго правленія этого князя сохранилось довольно монетъ. Кромѣ описанныхъ уже Г. Рейхелемъ (т. I, стр. 361 и слѣд.), примѣчательны слѣдующія:

№ 23.

Лиц. — Левъ, ступающій влѣво; около него четыре звѣзды.

Об. — ГНЬ ДЄСПОТЬ ГЮРЬГЪ.

Табл. II № 21.

Вѣсъ: 14 гранъ.

№ 24.

Лиц. — Левъ, идущій влѣво; вкругъ его: СМДРВО (Смедерево, Семендрія).

Об. — Вязью: ГНЬ ДЄСПОТ ГЮРЬГЪ; подъ надписью звѣздочка между двумя точками.

Табл. II № 22.

Вѣсъ: 13 гранъ.

№ 25.

Лиц. — Въ кругу, составленномъ изъ точекъ, въ видѣ мониста, левъ, идущій въ лѣвую сторону; внѣ круга, по краямъ монеты, восемь звѣздъ.

Об. — Въ срединѣ такого же круга, вязью, имя: ГЮРГЬ; внѣ круга, по краямъ монеты видны буквы: ДЄСП (Деспотъ).

Табл. II № 23.

Вѣсъ: 11 гранъ.

№ 26.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, сѣдящій на престолѣ съ благословляющею десницею; при немъ обыкновенная надпись: ІС — ХС.

Об. — Въ кругу, составленномъ изъ точекъ, левъ, выпрямившійся на заднихъ ногахъ; подъ передними лапами звѣзда, по краямъ надпись: + ГНЬ ДЄСПОТ ГЮРЬГЪ.

Табл. II № 24.

(См. Србск. Лѣтопис., 1826, ч. II, nº 8).

№ 27.

Лиц. — Іисусъ Христосъ, стоящій въ вѣнцѣ славы, съ благословляющею десницею, въ лѣвой рукѣ Евангеліе; внѣ круга: ІС — ХС.

Об. — Левъ, идущій въ лѣвую сторону; около него крестообразно расположенная надпись: ГО — Г — Ь — РЬ (т. е. Господинъ Гьюргъ), между буквами помѣщено пять лилій или крестиковъ.

Табл. III № 25.

Вѣсъ: 12 гранъ.

№ 28.

Подобная предъидущей, только на об. ст., около льва, круговая надпись: ГОСПОДИНЬ ГЮРГЬ.

№ 29.

Лиц. — Изображеніе деспота, сидящаго на престолѣ, съ короною на головѣ, съ поднятымъ мечемъ въ правой рукѣ, и съ державою, украшенною крестомъ наверху, въ лѣвой рукѣ; круговая надпись: ДЕСПОТЬ ГЮРЬГЬ.

Об. — Левъ идущій влѣво, вкругъ него: РУДНИКЬ (Рудникъ, вѣроятно мѣсто, гдѣ чеканена монета—знаменитая серебрянная и мѣдная руда).

Табл. III № 26.

Вѣсъ: 13 гранъ.

Слѣдующія двѣ монеты, позднѣйшія изъ всѣхъ здѣсь описанныхъ, по неполнотѣ и отсутствію надписей, нельзя опредѣлить съ достовѣрностью:

№ 30.

Лиц. — Спаситель, въ овальномъ сіяніи славы, по сторонамъ: С̄ — Х̄.

Об. — Двуглавый орелъ; по сторонамъ по двѣ точки; надписи нѣтъ.

Табл. III N° 28.

Вѣсъ: 6 гранъ.

Вѣсомъ отличается эта монета отъ легчайшихъ изъ сербскихъ монетъ, Юрія Деспота, имѣющихъ отъ 11 до 13 гранъ; но типъ Спасителя въ овальномъ сіяніи встрѣчается нерѣдко на сербскихъ монетахъ, а изображеніе двуглаваго орла хотя и не попадалось еще на этихъ монетахъ, но было въ употребленіи на печатяхъ нѣкоторыхъ изъ сербскихъ владѣтелей, какъ напримѣръ царя Лазаря и деспота Стефана. Оно употреблялось также на печатяхъ Черноевича Черногорскаго и Георгія Кастріота Скандербега. Нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, кому изъ нихъ принадлежитъ эта монета.

Столь же загадочна пока, одинаковая съ нею по величинѣ и вѣсу, но другаго типа, слѣдующая монета:

N° 31.

Лиц. — Въ центрѣ монеты, глава Спасителя, въ кругѣ словъ. Круговая надпись большею частію стерта; видно: +ГBV»RI»»Ↄo

Об. — Шлемъ съ воловьими рогами наверху, между которыми ⁘. Кругомъ неясная надпись: IVSRΛ—»».

Табл. III N° 29.

Вѣсъ: 6 гранъ.

Подобный шлемъ встрѣчается на монетѣ съ надписью деспота Стефана (Лазаревича); см. т. I стр. 360 и табл. XXI N° 3. По величинѣ, сходна опа съ нѣкоторыми рагузскими и далматскими (loc. cit., табл. XXII N° 9, 14, 16). Поэтому, не слѣдуетъ ли читать над-

пись на лиц. ст.: SBL (asius) RA (gusii), а на об. ст.: (c)IV(ta)S RA (gusii).

II.

БОЛГАРСКІЯ МОНЕТЫ.

Къ описаннымъ Г. Рейхелемъ монетамъ царей Іоанна III Асѣна и Святослава * присоединяются нынѣ монеты Михаила II и Срацимира. Г. Янко Шафарикъ причисляетъ еще къ булгарскимъ и неопредѣленную монету, впервые изданную Луценбахеромъ и потомъ въ нашихъ Запискахъ (т. I, табл. XX N° 24); но, по типу, ее слѣдуетъ, кажется, отнести къ сербскимъ.

Михаилъ Асѣнъ. 1245—1258.

N° 32.

Лиц. — ІС — ХС. Изображеніе Спасителя, сѣдящаго на престолѣ.

Об. — Въ срединѣ монеты длинный крестъ, раздѣляющій монету на двѣ половины; съ обѣихъ сторонъ при крестѣ двѣ фигуры въ богатомъ одѣяніи, съ коронами на головахъ; каждая одною рукою придерживаетъ крестъ, а другую руку держитъ на сердцѣ; по сторонамъ: Ц. МІХАІЛ (Царь Михаилъ)—.Ц. ЄРІНА (Царица Ирина).

Табл. III N° 31.

Вѣсъ: 27 гранъ.

Эта монета, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Михаилу II Асѣну; но нельзя опредѣлительно сказать, кого представляетъ женское лице, супругу ли его, которая была

---

* Записки, т. I стр. 367 — 370.

дочь Ростислава, бана Мачвы, или его мать, царицу Ирину, супругу Іоанна II Асѣна и дочь Ѳеодора Ангела, деспота солунскаго.

Іоаннъ III Асѣнъ. 1278—1280.

N⁰ 33.

Лиц. — IC — XC. Спаситель, сѣдящій на престолѣ.

Об. — Изображеніе святаго, передающаго царю знамя; царь, съ непокрытою головою, принимаетъ правою рукою знамя, а въ лѣвой держитъ небольшой скипетръ или свитокъ. По краямъ: у святаго, SMN (Simeon?); со стороны царя: AƧƏNV (Асѣнъ); между его головою и древкомъ знамени: IP (Imperator?)

Табл. III N⁰ 30.

Вѣсъ: 19 гранъ.

Г. Шафарикъ приписываетъ эту монету Михаилу Асѣну; но описанная выше монета этого царя (N⁰ 32) имѣетъ славянскую надпись, другаго типа, и отличается еще отъ этой вѣсомъ. Имѣя въ виду, что типъ этой монеты представляетъ подражаніе типу венеціянскихъ матапановъ и сербскихъ Стефана Уроша III (сравн. табл. I N⁰ 9), принадлежащихъ къ концу XIII и началу XIV столѣтія, я не могъ приписать ее Михаилу Асѣну, а отнесъ къ сыну его, Іоанну Асѣну, современнику помянутаго Стефана Уроша.

Іоаннъ Срацимиръ. 1313 — 1353.

N⁰ 34.

Лиц. — Поясное изображеніе Спасителя съ благословляющею десницею; по сторонамъ: IC—XC. Кругомъ: +ЇѠ СРАЦИМР ЦРЬ БЛГР.. (Іоаннъ Срацимиръ Царь Болгаромъ..). Г. Шафарикъ читаетъ здѣсь еще сокращеніе слова «Благовѣрный».

Об. — Царь на престолѣ съ короною на головѣ и въ вѣнцѣ славы, въ правой рукѣ держитъ скипетръ, оканчивающійся лиліею, а въ лѣвой небольшой жезлъ или свитокъ. Кругомъ, по сторонамъ престола, по одной лиліи; у подножія сѣкира. Таже надпись, что̀ на лиц. ст.; только нѣтъ двухъ послѣднихъ буквъ (сокращенія эпитета «Благовѣрный»).

Табл. III № 32.

Вѣсъ: 19 гранъ.

Есть нѣсколько штемпелей этой монеты, представляющихъ лишь небольшія отличія въ формѣ нѣкоторыхъ буквъ и въ украшеніяхъ: ⲁ вмѣсто А, вмѣсто лилій ✝, отсутствіе сѣкиры у подножія.

№ 35.

Лиц. — IC — XC. Спаситель съ благословляющей десницей. Кругомъ: + IѠСРАЧИМЬЦРЬБЛГ... (Іо(аннъ) Срацимиръ Царь Болгаромъ Благовѣрный).

Об. — Царь сидящій; въ правой рукѣ скипетръ съ лиліей на концѣ; подъ лѣвою рукою также лилія. Круговая надпись таже, что̀ и на лиц. ст., кромѣ монограммы словъ «Благовѣрный».

Табл. III № 36. (Рисунокъ этой монеты сдѣланъ по экземпляру ея, принадлежащему Я. Я. Рейхелю).

№ 36.

Тѣ же изображенія, какъ на предъидущей монетѣ, только голова царя и конецъ его скипетра не выходятъ изъ круга. На обѣихъ сторонахъ: + IѠСРАЧИМЬЦРЬБЛГЕ (Іоаннъ Срацимиръ Царь Болгаромъ).

Экземпляръ этой монеты принадлежалъ покойному Априлову, представленъ былъ имъ въ Академію Наукъ и изданъ имъ въ его «Денницѣ Новоболгар. Образо-

ванія», табл. I, № 1. Генералъ Ѳ. Ѳ. Шубертъ сдѣлалъ съ монеты мѣдный слѣпокъ для своего собранія и издалъ съ него новый рисунокъ въ своемъ «Описаніи русскихъ монетъ» (табл. II n⁰ 199 c.). Надпись онъ читалъ: «Великій Осподарь Рачимиръ Болгарскій» (ibid., стр. 55)

Вѣсъ этой монеты показанъ у Шуберта 26 1/2 долей.

III.

БОСНІИСКІЯ МОНЕТЫ.

Стефанъ Котромановичъ. 1322 — 1354.

№ 37.

Лиц. — IC — +C. Изображеніе Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, какъ на сербскихъ и болгарскихъ монетахъ; по сторонамъ престола большія буквы: P — M.

Об. — Банъ съ открытою головою стоитъ, имѣя въ правой рукѣ острый мечъ, а въ лѣвой крестъ (или скипетръ съ крестомъ); по сторонамъ головы и у колѣнъ, по кружку; вокругъ надпись: STEFA o—o BANUS (Стефанъ Банъ.)

Табл. II № 33.

(Luczenbacher, p. 52 № 19).

№ 38.

Лиц. — Изображеніе Спасителя, въ овальномъ вѣнцѣ славы; по сторонамъ овала: IC — XC.

Об. — Банъ съ митрою на головѣ, сидящій, держитъ мечъ, лежащій на его колѣнахъ. Кругомъ: ST BAN BOSNE (Стефанъ Банъ Босніи).

Табл. II № 35.

Вѣсъ 13 гранъ.

Томашъ. (Около 1450 года).

№ 39.

Лиц. — Изображеніе святаго въ ростъ, въ овалѣ изъ точекъ; по сторонамъ: SЯ — GR (Sanctus Gregorius), что можетъ относиться къ Св. Григорію Низіанзину, или же къ папѣ, потому что имена обоихъ встрѣчаются на боснійскихъ монетахъ. Святый Григорій былъ патрономъ королей боснійскихъ, какъ святый Стефанъ Первомученикъ — королей сербскихъ.

Об. — Въ кругу, по срединѣ монеты, четырехконечный крестъ ✠, а надъ нимъ королевская корона съ шапкою, которой ниспускающіяся у висковъ ленты, съ лиліями на концахъ, подняты вверхъ. Круговая надпись: ✠ GOG · TOMЯS · ᏟRЯ · BOSN · (т. е. Господинъ Томашъ Краль Босніи).

Табл. III № 34.

Вѣсъ: 17 гранъ.

№ 40.

Варіанты предъидущей монеты:

a) На об. ст., подъ короною, вмѣсто креста, находится монограмма: TOMAS, а вокругъ таже надпись, какъ на № 39.

Вѣсъ: 16 гранъ.

b) Совершенно подобная № 39, только съ латинскою надписью: * DNS · TOMAS · REX · BOSNE.

Твартко. 1357 — 1391.

Къ монетамъ этого бана и краля Босніи принадлежатъ, кромѣ описанной Г. Рейхелемъ монеты (т. I, стр. 374, табл. XXI № 7), еще слѣдующія, упоминаемыя Г. Шафарикомъ:

N° 41.

Лиц. Изображеніе святаго и надпись: S · GRЄGOR · NAZIANZЄN (Святый Григорій Назіанзинъ).

Об. — DNS TVARTKO RЄX BOSNЄ (Господинъ Твартко Король Босніи).

N° 42.

Лиц. — Подобна N° 41.

Об. — DNS · T · REGIS BOSNE (Господинъ Твартко Король Босніи.)

N° 43.

Лиц. — Изображеніе св. Григорія Назіанзина.

Об. — DNI · T T · REGIS BOSNE (Господина Твартка Твартковича, Короля Босніи).

N° 44.

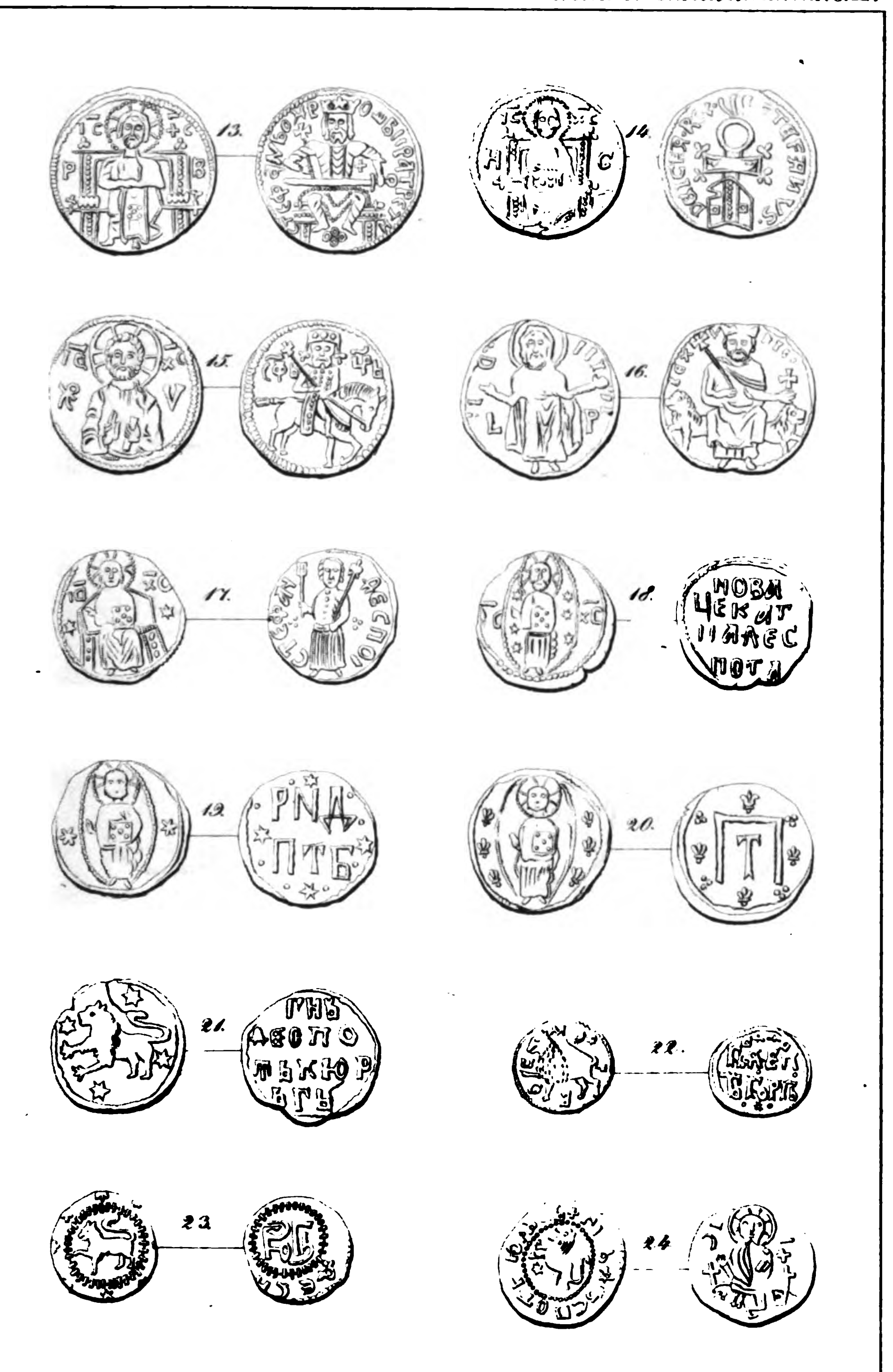
Лиц. — Св. Григорій.

Об. — Гербъ и вокругъ: DNVS TOMAS RЄX BOSNЄ.

N° 45.

Лиц. — Подъ короною, монограмма имени короля и RЄX BOSNЄ.

Об. — Щитъ съ шестью лиліями и надпись: DNVS TOMЄ.


13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.

Монеты Западн. Славянъ III.

Для удобства отысканія въ текстѣ описанія тѣхъ монетъ, которыя изображены на приложенныхъ трехъ таблицахъ, сообщается здѣсь указаніе NN⁰, подъ которыми помѣщены описанія:

Рисунк.		Текстъ	Рисунк.		Текстъ
Табл. I	№ 1	№ 2	Табл. II	№ 19	№ 20
—	№ 2	№ 6	—	№ 20	№ 22
—	№ 3	№ 3	—	№ 21	№ 23
—	№ 4	№ 4	—	№ 22	№ 24
—	№ 5	№ 12	—	№ 23	№ 25
—	№ 6	№ 13	—	№ 24	№ 26
—	№ 7	№ 14	Табл. III	№ 25	№ 27
—	№ 8	№ 15	—	№ 26	№ 29
—	№ 9	№ 11	—	№ 27	№ 5
—	№ 10	№ 9	—	№ 28	№ 30
—	№ 11	№ 16	—	№ 29	№ 31
—	№ 12	№ 7	—	№ 30	№ 33
Табл. II	№ 13	№ 8	—	№ 31	№ 32
—	№ 14	№ 10	—	№ 32	№ 34
—	№ 15	№ 1	—	№ 33	№ 37
—	№ 16	№ 17	—	№ 34	№ 39
—	№ 17	№ 18	—	№ 35	№ 38
—	№ 18	№ 19	—	№ 36	№ 35.

РУССКІЯ МОНЕТЫ,

НАЙДЕННЫЯ ВЪ 1854 ГОДУ, БЛИЗЪ КАЗАНИ.

ВИКТ. САВЕЛЬЕВА.

Лѣтомъ 1854 года, невдалекѣ отъ Казани, найденъ былъ кладъ русскихъ серебряныхъ денегъ. Подробности находки мнѣ неизвѣстны. Кладъ былъ весьма значителенъ и заключалъ въ себѣ монеты великаго князя Василія Васильевича Темнаго и современныхъ ему князей русскихъ; также новгородскія, псковскія, и великаго князя Іоанна III, въ царствованіе котораго, – вѣроятно во время войнъ съ Казанью, — деньги эти были положены или случайно попали въ землю. Заключеніе это я вывожу изъ того, что всѣ монеты Василія Васильевича и современныхъ ему князей болѣе или менѣе потерты, т. е. потерпѣли отъ обращенія, а монеты новгородскія, псковскія и Іоанна III, исключая нѣкоторыя, сохранились такъ хорошо, какъбудто недавно вышли изъ-подъ монетнаго станка.

Если принять въ расчетъ, что кладъ положенъ во время послѣднихъ годовъ царствованія Іоанна III, (1487 — 1505 годовъ), то онъ пробылъ въ землѣ около 350 лѣтъ.

Какъ любитель, я пріобрѣлъ изъ него порядочное количество, которое значительно увеличило мое собраніе русскихъ монетъ; но за всѣмъ тѣмъ бо̀льшая его часть разошлась по разнымъ рукамъ и попала въ плавильный горшокъ, чрезъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ. Сколько ни старался я, для пользы науки, пріобрѣсти

кладъ въ полномъ его составѣ, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ и я принужденъ былъ удовольствоваться лишь частью его.

Дѣло было такъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ одинъ мелочной торговецъ изъ Татаръ принесъ мнѣ сперва нѣсколько крупныхъ монетъ Іоанна III, потомъ доставилъ нѣсколько штукъ новгородокъ; я тотчасъ купилъ ихъ, и заключивъ, по ихъ виду, что онѣ найдены гдѣ-либо въ землѣ, просилъ его развѣдать о томъ, а между тѣмъ заплатилъ за нихъ довольно дорого, для поощренія находчика. Вскорѣ онъ далъ мнѣ знать, что у одного мѣнялы, также Татарина, есть такихъ монетъ довольно; я купилъ и эти, но тѣмъ открылъ имъ цѣну. Потомъ, третій торговецъ дважды приносилъ мнѣ разныя монеты; я также купилъ и ихъ; и вскорѣ открылось, что такихъ монетъ найденъ цѣлый кладъ. Наконецъ двое Татаръ принесли мнѣ мѣшечекъ, говоря, что тутъ заключается все, что̀ найдено; я пріобрѣлъ и это, боясь, чтобы ихъ не истребили и не утратились экземпляры, которые могутъ представлять интересъ для нумизматовъ. Однако, въ послѣдствіи, узналъ я, что меня обманули и что мною пріобрѣтена только часть монетъ, а большое ихъ количество разошлось по разнымъ рукамъ. Дѣлать было нечего! Я началъ тогда покупать ихъ на выборъ, преимущественно тѣ, которыя считалъ болѣе заслуживающими вниманія.

Такимъ образомъ, истративъ довольно значительную сумму, потому, что покупалъ монеты уже не изъ первыхъ рукъ, я хотя и пріобрѣлъ много, но не весь кладъ, и отяготилъ себя излишнимъ количествомъ дублетовъ, ибо нѣкоторыхъ монетъ, судя по ихъ количеству у меня находящемуся, какъ видно, заключалось въ кладѣ весьма много.

Первымъ дѣломъ моимъ было приступить къ очисткѣ монетъ посредствомъ весьма простаго и испытаннаго мною способа, который очищаетъ съ нея грязь и накипь, не портя металла, т. е. сохраняетъ монету въ томъ видѣ, въ какомъ она была до положенія ея въ землю. Хотя многіе нумизматы и враги таковой чистки, но я безъ угрызенія совѣсти грѣшу противъ ихъ правила, и всякую монету, вырытую изъ земли, очищаю отъ ржи и накипи, которыя не считаю необходимою принадлежностью монеты. Ни чеканъ, ни металлъ, когда это золото или серебро, не страдаютъ отъ опрятности; объ отчисткѣ мѣдныхъ монетъ того, разумѣется, нельзя сказать.*

Вторымъ дѣломъ было распредѣленіе монетъ; за этимъ вы меня и застали, въ бытность вашу въ Казани**. При опредѣленіи монетъ руководствовался я «Описаніемъ древнихъ русскихъ монетъ» Черткова (съ прибавленіями), Сахарова «Лѣтописью Русской Нумизматики», «Записками Археологич. Нумизм. Общества» (I, II и III томы) и сочиненіемъ барона Шодуара.

Считаю неизлишнимъ присовокупить: 1) что описывать наши старинныя мелкія деньги, по неполнотѣ ихъ чекана, какъ Г. Чертковъ справедливо замѣтилъ, весьма трудно, и потому непремѣнно нужно имѣть нѣсколь-

---

* Для отчистки мѣдныхъ монетъ отъ земли и ржавчины, можно рекомендовать Гг. нумизматамъ слѣдующее простое средство, нисколько не портящее ни чеканки, ни металла: ржавую монету слѣдуетъ положить въ кипяченое масло (лучше всего, льняное), и держать въ немъ, пока не отстанутъ отъ нея грязь и ржавчина, а затѣмъ опустить монету въ воду, насыщенную легкимъ растворомъ поташа или мыломъ. — *Примѣчаніе П. С. Савельева.*

** Статья эта написана въ видѣ письма къ П. С. Савельеву, которымъ и представлена Обществу.

ко экземпляровъ одной и той же монеты, чтобы сдѣлать о ней положительное заключеніе; 2) что повѣрять вѣсъ монетъ, которыя уже ясно и положительно прежде описаны, считалъ я излишнимъ, полагая, что разница будетъ самая ничтожная и зависитъ отъ большей или меньшей бытности ихъ въ обращеніи; 3) что изо всѣхъ монетъ, мною пріобрѣтенныхъ, одна должна быть фальшивая, современная поддѣлка тайнаго монетчика, которую я нарочно помѣстилъ въ этомъ описаніи (см. № 35).

Чтобы, по возможности, сократить описаніе и не повторять того, что̀ уже прежде написано людьми болѣе меня въ этомъ дѣлѣ опытными, я призналъ нужнымъ, при монетахъ уже изданныхъ, лишь указывать на рисунки монетъ Сахарова и на нумера «Описанія монетъ» барона Шодуара, по которому я разбиралъ и распредѣлялъ монеты. Сверхъ того, у меня имѣются, случайно пріобрѣтенныя, восемь таблицъ русскихъ монетъ, гравированныя весьма давно въ Казани именно: въ 1825, 26 и 28 годахъ; изъ нихъ первыя двѣ таблицы дѣланы тѣмъ же мастеромъ, который вырѣзывалъ таблицы къ сочиненію Френа о монетахъ хановъ Улуса Джучіева (СПб., 1832 г.). Ихъ было, какъ видно, девять; но первая ко мнѣ не попала. Таблицы эти, какъ полагаю, были дѣланы по заказу извѣстнаго въ Казани въ то время нумизмата Д. И. Неѣлова и заключали въ себѣ изображенія его русскихъ монетъ; онѣ не были выпущены въ свѣтъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній, которыя я считалъ необходимыми, приступаю прямо къ описи монетъ.

—

В. К. Василья Васильевича Темнаго.
1425—1462.

№№ монетъ.

1.— Ш. № 40. — С. № 41 текста, т. X. ф. 25. — Ч. т. IIII. № 53. *
2.— Ш. № 46. — С. № 40, т. X. ф. 44.
3.— Ш. № 49. — С. № 36, т. X, ф. 29.
4. (2 экз.)— Ш. № 55.—С. № 78.—Штемпеля не ясны.
5. (10 экз.)— С. № 47, т. X. ф. 24. — Ч. т. IIII, № 61.
6. (2 экз.)— Ш. № 63.—С. № 37, т. X. ф. 22.— Ч. т. IIII, № 82.
7. (5 экз.)— Ш. № 65. — С. № 39, т. X. ф. 26. —Ч. т. IIII, № 62.
8. (10 экз.)— Ш. № 66. — С. №49, т. X. ф. 30. —Ч. т. IIII № 63.
9. 2 (экз.)—Ш. № 70. —С. № 44, т. X. ф. 28.— Ч. т. V № 84.
10.— Ш. № 83. — С. № 111.
11.— Ш. № 93. — С. № 37, т. X. ф. 43.
12. (4 экз.)— Ш. № 98.—С. №103, т. X. ф. 41.— Ч. т. IIII, № 65.
13. (2 экз.)— Ш. № 106. — С. № 48, т. XI, ф. 8.
14.— Ш. №113.— С. № 102, т. XI, ф. 5. —Ч. т. IIII № 72.
15.— Ш. № 114. — С. № 60, т. X. ф. 38.
16.— Ш. № 116.— Подобно № 89, ф. 17, но съ слѣдующими измѣненіями: на одной сторонѣ, стоящій человѣкъ стрѣляетъ изъ лука въ птицу; между лукомъ и деревомъ двѣ крупныхъ точки. Кругомъ, ободокъ изъ мелкихъ черточекъ и точекъ, а на

---

* Ш. — означаетъ сочиненіе Шодуара, С. — Сахарова, Ч. — Черткова, Зап. — Записки Археол. Общества, т. — таблица рисунковъ. Гдѣ, подлѣ № монеты, не обозначено число ея экземпляровъ, значитъ, было ея всего одинъ экземпляръ.

№№ монетъ.

другой: КНА|ZЬ ВЕЛ|КИ ВАС|ИЛЕИ, и кругомъ ободокъ изъ черты и точекъ. Вѣсъ $7^1/_4$ долей.

17.— Ш. № 121. — С., № 70, т. X ф. 23.

18.— Ш. № 146.— С., № 68, т. X ф. 19; около надписи ободокъ изъ точекъ. — Ч., т. VIII № 49.

19.— Ш. № 147. — С., т. X ф. 19; впереди пѣтуха три точки, а около надписи ободокъ чертою.

20. (30 экз.) — Ш. № 157. — С., № 115, т. X ф. 23. — Ч., т. VII № 135.

21. (2 экз.) — Зап. Археол. Нумизм. Общ., томъ I, табл. V № 59.

22.— Тамъ же, т. VI № 66.

Монеты еще мало извѣстныя или вовсе не опредѣленныя.

23.— Подобно Ш. № 120. — На одной сторонѣ: голова въ профиль съ чертою впереди. Вѣроятно употребленъ былъ штемпель С., т. X ф. 24, а на другой надпись: КНА|ZЬ ВЕЛИ|КИ ВАС|И...|, кругомъ ободокъ чертою. — Вѣсъ 8 долей.

24.— Подобно Ш. № 120.— На одной сторонѣ, вѣроятно, употребленъ былъ тотъ же штемпель, какъ выше, а на другой надпись: КНА..|ВЕЛИ|КIВАС|; украшеніе, какъ С., т. X ф. 16, и кругомъ ободокъ изъ точекъ.— Ч., т. IIII № 60.— Вѣсъ $8^3/_4$ долей.

25.— На одной сторонѣ: птица съ человѣческою головою, какъ С. т. XI ф. 3, безъ точекъ, но съ изогнутою чертою впереди птицы, а на другой татарская надпись съ головкою по срединѣ, какъ Зап. т. VI № 66. — Вѣсъ $8^1/_4$ долей.

26.— Тотъ же штемпель, но татарская надпись, какъ Зап. т. VI № 68. — Вѣсъ $8^1/_2$ долей.

NN° монетъ.

27.— Тотъ же штемпель, но татарская надпись безъ головки въ срединѣ и имѣетъ другой видъ. Вѣроятно эта монета подобна той, которая значится у Ш. N° 141, а у С. описана подъ N° 112.— Вѣсъ 7 долей.

28. (2 экз.) — На одной сторонѣ: всадникъ съ саблею поверхъ головы, на звѣрѣ, съ круговою надписью; штемпель подобно С. т. X ф. 28, но безъ точекъ около звѣря; а на другой, штемпель ф. 37: всадникъ съ птицею на рукѣ, съ очень мелкою надписью вокругъ, изъ которой можно прочесть только ВАСИЛЄИ . . ., и безъ ободка. — Вѣсъ въ двухъ экземплярахъ 17 долей.

29.— На одной сторонѣ, въ ободкѣ изъ точекъ: КНЅ| Ь ВЄЛИ¦КІ ВАС', а что̀ заключается на другой, по неполнотѣ штемпеля опредѣлить трудно. Изъ круговой надписи видно только: ИКИІ О. М . ., а можетъ быть ДМИТ; тогда монета будетъ, судя по штемпелю, С. т. X ф. 5, Ш. N° 159.— Вѣсъ $6^{1}/_{4}$ зол.

30. (4 экз.) — На одной сторонѣ I, головка въ профиль съ чертою впереди: тотъ же штемпель и съ тою же надписью, какъ С. т. X ф. 24.; а на другой, всадникъ съ саблею на звѣрѣ: тотъ же штемпель какъ С. т. X ф. 28. — Экземпляры неясны. — Вѣсъ въ четырехъ экз., $34^{3}/_{4}$ дол.

В. К. Іоанна III Васильевича. 1462—1504.

31. (320 экз.) — Ш. N° 162. — С. N° 147, т. XI ф. 34.

32. (122 экз.) — Тоже, но около всадника ободокъ изъ точекъ.

33. (15 экз.) — Тоже, но около всадника ободокъ чертою.

№№ монетъ

34. (20 экз.) — Тоже, но другой штемпель. — Ч., т. V. № 97.

35. — Тоже, но штемпель варварскій, современная поддѣлка тайнаго монетчика. — Вѣсъ 5 долей.

36. (3 экз.) — Ш. № 163. — С. т. XI, безъ буквъ подъ конемъ.

37. (2 экз.) — Ш. № 164. — С. № 143, т. XI ф. 39.

38. (30 экз.) — Ш. № 165. — С. № 156, т. XI. ф. 23. — Ч., т. V № 101.

39. (25 экз.) — Тоже, но безъ ободка около надписи татарской.

40. (25 экз.) — Ш. № 168. — С. № 127, т. XI ф. 37. — Ч., т. V № 99.

41. (4 экз.) — Ш. № 171. — С. № 129. — Ч., т. VII № 104.

42. (6 экз.) — Ш. № 172. — С. № 130.

43. — Ш. № 173. — С. № 131.

44. (4 экз.) — Ш. № 175. — С. № 133. — Ч., т. V № 93.

45. (70 экз.) — Ш. № 176. — С. № 136. — Ч. № 90.

46. — Тотъ же штемпель, какъ Ш. № 176, но подъ конемъ литера не ясна: А или Λ или И.

47. (10 экз.) — Тотъ же штемпель, но безъ буквъ подъ конемъ, которыя, вѣроятно, не вышли при чеканкѣ.

Примѣчаніе. Монеты, показанныя подъ №№ 41, 43, 45, 46 и 47, имѣютъ надпись на оборотной сторонѣ одинаковымъ шрифтомъ; въ № 42 литера А измѣнена въ а; № 44 — шрифтъ болѣе круглый и мельче; №№ 49 и 50 — почти тотъ же, какъ № 42.

48. — Тотъ же штемпель; подъ конемъ: М; но надпись на оборотѣ тѣмъ же шрифтомъ и такъ же, какъ въ Зап., т. VI № 73.

NN° монетъ.

49. (4 экз.)— Ш. N°178.—С. N°138.— Ч., т. V. N° 92.

50. (6 экз.)— Ш. N° 179. —С. N° 139, т. XI ф. 32. — Ч., т. V N° 91.

51. (15 экз.) — Ш. N° 189. — С. т. XI ф. 27. — Ч., т. V. N° 87.

52. (30 экз.) — Ш. N° 194. — С. N° 125, т. XI ф. 35. — Ч., т. V N° 96.

53. (2 экз.) — Тоже, но съ маленькою разницею и безъ титла надъ словомъ ГДРЬ.

54.— Тоже, но надпись въ пять строкъ: КНА | ВЕЛІКІ | ІВАНЪ В | СИЛЬЄ | ВИЧ |.

55. (46 экз) — Ш. N° 197. — С. N° 122, т. XI ф. 25.

56. — Ш. N° 198. — С. N° 160, т. XI ф. 43.

57. (4 экз.) — Ш. N° 202. — С. N° 150, т. XI ф. 20.

58. (5 экз.) — Тотъ же штемпель, но около надписи ободокъ чертою.

59. — Тотъ же штемпель, но въ началѣ надписи, слово: МАС, поставлено вмѣсто точекъ, между украшеніемъ: Ⅎ

60. (20 экз.) — Ш. N° 203. — С. N° 131, т. XI ф. 21. — Ч. т. V. N° 103.

61. (3 экз.) — Тоже, но вокругъ надписи ободокъ. — Ч., т. V N° 102.

62. (10 экз.) — Тотъ же штемпель, но вокругъ надписи ободокъ изъ точекъ.

63. (2 экз.) — Ш. N° 206. — С. N° 142, т. XI ф. 36. — Ч., т. V N° 98.

64.— Тоже, но подъ конемъ буква Н.

65. (3 экз.) — Ш. N° 207. — С. N° 145.

66. (5 экз.) — Ш. N° 208 показанъ подъ конемъ неизвѣстный знакъ; а на этихъ экземплярахъ ясно Ѡ Ф.

67.— Ш. N° 209.

68. (10 экз.) — Ш. N° 210.

№№ монетъ.

69. (5 экз.) — Тоже, но около всадника ободокъ изъ крупныхъ точекъ. — Ч., т. V № 95.

70. (10 экз.) — Ш. № 211. — С. № 164, т. XI ф. 28.

71. (3 экз.) — Подобна Ш. № 212, но подъ конемъ не ШТ, а ШГ.

72, a. (3 экз.) — То же клеймо, но подъ конемъ: С.

72, b. (10 экз.) — То же клеймо, но подъ конемъ нѣтъ буквъ, которыя, кажется, отъ неправильнаго употребленія штемпеля, не вышли.

73, a. (30 экз.) — Ш. № 214. — С. № 165, т. XI ф. 26, съ ободкомъ изъ точекъ на обѣихъ сторонахъ.

73, b. (33 экз.) — Тоже, съ ободкомъ изъ точекъ только около всадника.

73, c. (19 экз.) — Тоже, безъ ободка изъ точекъ около всадника, но съ такимъ ободкомъ на другой сторонѣ. — Ч., т. V № 100.

73, d. (26 экз.)—Тоже, безъ ободка на обѣихъ сторонахъ.

Монеты еще мало извѣстныя или вовсе неопредѣленныя.

74. (6 экз.) — Зап., таб. VI № 73.

75.— Тоже, но подъ конемъ: Λ.

76.— Съ тою же буквою, но въ концѣ надписи три точки, такъ: ∵

77. (2 экз.) — Тотъ же штемпель, какъ Зап. табл. VI № 73, но подъ конемъ: А. — Ч., т. V № 89.

78. (4 экз.) — Тотъ же штемпель, но подъ конемъ: О.

79.— Тотъ же штемпель и съ тою же буквою, но всадникъ ѣдетъ налѣво.

80.— Тотъ же штемпель, какъ № 44 этого описанія, но надъ конемъ: КI. — Вѣсъ 18 долей.

№№ монетъ.

81.— Тотъ же штемпель, какъ Зап. табл. VI № 73, но подъ конемъ: Н.

82.— Тотъ же штемпель, но подъ конемъ: Ѳ.

83.— Съ одной стороны, всадникъ вправо съ саблею, подъ конемъ: Ѳ, штемпель какъ у С. т. XII ф. 26, а съ другой татарская надпись со звѣздою посрединѣ, подобная С. т. XI ф. 23. — Вѣсъ $6^1/_4$ д.

84. (3 экз.) — Съ обѣихъ сторонъ тотъ же штемпель, какъ С. т. XI ф. 43, но круговая надпись начинается около звѣздочки и розетокъ не сверху внизъ, а снизу къ верху, и заключаетъ въ себѣ: деньга московская. — Вѣсъ въ трехъ экз. $17^1/_2$ д.

МОНЕТЫ УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ

Ярославль.

Александръ Ѳедоровичъ.

85.— Ш. № 2962. — Ч., т. VI № 124.

Можайскъ.

Иванъ Андреевичъ.

86.— Ш. № 2991. — Ч., т. VII № 119.

87.— Ш. № 2994. — Ч., т. VII № 140.

88.— Ш. № 2995.

Новгородъ Великій.

Приступая къ описанію новгородскихъ монетъ, позволяю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности. Всѣ «новогородки» пріобрѣтены мною на выборъ, потому что цѣна имъ была высокая, именно отъ 30 до 45 копѣекъ серебромъ за экземпляръ. — По этой причинѣ, я по необходимости ограничивался пріобрѣтеніемъ ихъ и покупалъ только тѣ, въ которыхъ находилъ какую-либо разницу въ штемпелѣ; притомъ же ихъ, сравни-

тельно съ другими, было не такъ много. Онѣ были отобраны торговцами особо и попали мнѣ довольно въ большомъ количествѣ только въ послѣдствіи. Я счелъ нужнымъ обозначить ихъ вѣсъ, взвѣсивъ особенно каждую изъ монетъ. Г. Чертковъ (Опис. древ. Русск. монетъ, стр. 143-144) полагаетъ, что изображенія на монетахъ Великаго Новгорода совершенно одинакія, и разница только въ вѣсѣ и надписяхъ, находя при томъ, что изображеніе князя на престолѣ (въ креслахъ) и передъ нимъ человѣка есть общее всѣмъ, описаннымъ имъ тогда монетамъ; отличія же только въ буквахъ, крестикахъ и знакахъ на лицевой сторонѣ. Имѣя нынѣ у себя подъ рукой около ста такихъ монетъ и сравнивъ ихъ одну съ другою, находимъ, что онѣ имѣютъ довольно большую между собою разницу, не только въ изображеніи князя и человѣка передъ нимъ, но и въ надписяхъ, шрифтъ которыхъ весьма различенъ; надписи эти полныя или неполныя, и при томъ съ разными украшеніями и точками. Всего болѣе замѣтно измѣненіе въ формѣ слѣдующихъ буквъ: А, Ѧ, О, Р, К. Основываясь на этомъ, я позволилъ себѣ описать имѣющіяся у меня «новогородки» болѣе подробно, раздѣливъ ихъ на нѣсколько отдѣленій, и указать на болѣе существенныя ихъ различія. На обѣихъ сторонахъ новогородокъ, ободокъ изъ крупныхъ точекъ, исключая двухъ, какъ будетъ означено ниже.

Отдѣленіе I-е.

На одной сторонѣ: князь на престолѣ, въ шапкѣ или вѣнцѣ, правою рукою держитъ мечъ, лѣвую протянулъ къ стоящему (или сидящему) передъ нимъ человѣку; а на другой надпись, раздѣленная точками

(бусами) и черточками крестообразно. Для большей ясности, считаю нужнымъ показать отдѣльно, какіе знаки на лицевой сторонѣ около изображеній находятся сверху, въ срединѣ, внизу, справа и слѣва.

а) Съ надписями неполными, съ опущеніемъ въ строкахъ: 1-й буквы *е*, во 2-й *о* и въ 3-й *о*.

№№ монетъ.	Знаки.			Надпись:
89.—	с	+	о	ВІЛІ / КГ.ОНО / .... / ВЧ:ГРО / ДІЧ — Ч. т. VIII. — Вѣсъ 17 долей.
90.—	с	+	!	Таже надпись, какъ на № 89.— Вѣсъ $16^3/_4$ дол.
91.—	с	+ / ·	о	Таже надпись.— Вѣсъ 18 д.
92.—	с	+	о	Таже надпись.— Вѣсъ $15^3/_4$ д.
93.—	с	+	о	Таже надпись.— Вѣсъ 17 д.
94.—	с	.+	о	Таже надпись.— Вѣсъ 17 д.
95.—	с	+	!	Таже, какъ на №89. Два экземпляра: одинъ вѣсомъ $17^1/_2$, а другой $17^3/_4$ д.
96.—	с	+		Таже.— Ч., т. VIII № 147.— Вѣсъ $17^1/_2$ долей.
97.—	о	+	ɔ	Надъ короною князя три точки.— Надпись таже.— Вѣсъ 17 д.
98.—	с	о / + / о		Таже. $15^1/_2$ д.
99.—	с	·+		Таже. $15^3/_4$ д.
100.—		·/ +		Таже. $15^1/_2$ д.
101.—	ɔ	· / + / ·	о	Таже. $16^1/_2$ д.
102.—	с	·+ / о	д	Таже. 14 д.
103.—		· / +	о	Нижняя часть креста доходитъ до самыхъ ногъ человѣка.— Надпись таже.— Вѣсъ 17 д.

№№ монетъ.	Знаки.	
104.—	+	Съ боку князя и внизу, хотя и есть что-то, но неясно отъ неправильнаго удара штемпеля.— Надпись таже.— Вѣсъ 18 д.
105.—	+ В	Что справа, вверху и слѣва по неясности и неполнотѣ штемпеля разобрать нельзя. Экземпляръ этотъ второй по легковѣсности. Надпись таже.— Вѣсъ 13¾ д.
106.—	С + О	Буква С неясна; человѣкъ подаетъ князю крестъ, чего на другихъ нѣтъ. — Надпись таже. — Вѣсъ 18¼ долей.
107.—	— — —	Тоже, но крестъ, который подаетъ человѣкъ, меньше. Надпись таже.— Вѣсъ 17¾ дол.
108.—	С + —	Князь и человѣкъ вмѣстѣ держатъ крестъ, какъ на лентѣ.— Надпись таже.— 17½ долей.

Примѣчаніе. Шрифтъ всѣхъ этихъ монетъ почти одинаковъ; изображеніе крестовъ весьма разнообразное; крестъ, болѣе или менѣе, простой или нижняя часть длиннѣе.

b) Надписи болѣе полныя:

№№ монетъ.	Знаки:	Надписи:	
109.—	С + + Д	ВЕ(О)ЛІ / КГ:ОН. / ..:.. / КЧГ.ОГО / Д(О)Ч	Ч. т. IX № 202. — Вѣсъ 17¾ д.

Во второй строкѣ опущена дважды буква О.

c) **Надписи болѣе полныя, но раздѣленныя крестообразно одними крупными бусами.**

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи:	
110.—	С · + ✱ о Д	ВЛ : І / КОГ : О= / ВЛГ. : ОІ= / ОД : =	Подобно Ч., т. IX № 203. — Вѣсъ 17¼ д.

Надпись крупнѣе, чѣмъ на предъидущихъ. Въ первой строкѣ опущена буква є; прочія буквы не вышли, по недостатку мѣста.

111.—	С + ♆ ✱ Д	ВЄ : АІ / КОГ : ОНО / ВАГ : ОРО / Д : а	Ш. № 3006.—Подобно Ч., т. VII № 149.— Вѣсъ 17¾ долей. Два экземпляра.
112.—	С + ♆ ✱ Д	ВЄ : АІ / КОГ : ОНО / ВА : ГОРО / Д : ат	Вѣсъ 16¾ долей.

Хотя съ перваго взгляда не видно отличія этой монеты отъ предъидущей, но цвѣтокъ на лицевой сторонѣ имѣетъ черточку внизу; въ началѣ надписи, иначе расположенной, двѣ точки, а въ концѣ украшеніе; вѣсъ меньше.

Отдѣленіе II-е.

На лицевой сторонѣ тоже изображеніе *князя* и человѣка предъ нимъ, а на другой *надпись* въ полѣ, безъ раздѣленія крестообразно.

а. Съ надписями неполными, съ пропускомъ въ первой строкѣ буквы Є въ словѣ: ВЄЛІ, и буквою І вмѣсто Н, съ слѣдующими различіями.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи:	
113.—	А —	•ВЛ КОГОН ОВАГОР ᵥОДᶜ	Вѣсъ 16¾ долей.
114.—	А ⁚	·ВЛІ КОГОІ= ВСІГОІ= ·ОДА.	Надпись не вполнѣ вышла.—Вѣсъ 17 д.
115.—	А :	ВЛІ• КОГОН ВАГОР •ЛА•	Вѣсъ 16¾ долей.
116.—	А :	о ВЛІ КОГОН ОВАГОР ᵥОДГ	Вѣсъ 15¾ д.
117.—	Є или С	ВЛІ КОГОН ВІГОР ОД	Надпись дважды ударена, и потому не совсѣмъ правильна. Вѣсъ 18 д.
118.—	Є —	БЛІ КОГОН ОАГОР ОЛР	Вѣсъ 17¼ д.
119.—	А —	ВЛІ КОГОН ВАГОР ЄДГ	Два экземпляра, по 17¾ д.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи:	
120.—	О —	ВЛІ КІГІН ВЧГІР ОАР	Ч., т. VII № 162. — Вѣсъ 16¾ д.
121.—	Безъ знаковъ.	ВЛІ КОГОИ ВІГОГ Од	Надпись не вполнѣ видна.—Вѣсъ 17 д.
122.—	Н Є	:ВЛІ∴ КОГОН ВЛГО. ·ОД·Ւ	Подобно Ч., т. VIII № 163, только измѣненіе въ точкахъ надписи.—Вѣсъ 16½ д.
123.—	Є Н	·ВЛІ КОГОН. ОВЧГОР ·ОІІ	Послѣдняя строка видна вполовину.— Вѣсъ 17¾ д.
124.—	Н Є	:ВЛІ.. КОГОНО ВЧГОР :·ОІ	Послѣднія строки надписи не ясны. — Вѣсъ 16¾ д.
125.—	С ✠ * Ꙉ Д	·ВЛІ· КОГОН КДГОР ·ОАЛ	Черта отъ буквы Д идетъ до ногъ человѣка.—Вѣсъ 17¼ д.
126.—	Ꙃ·	ВЛІ КІГОН ВЧГОГ дл	Надпись, отъ неправильнаго удара штемпеля къ одному боку, не вся вышла.—Весьма замѣчательно, что позади князя фигура какъ бы маленькаго человѣка. — Вѣсъ 16¾ долей.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
127.—	:	ЕЛІ КОГОН. ЕІГОР.).ДГ.	Надпись дважды ударена, и отъ того не ясна.— Вѣсъ 17 д.
128.—	п —	ЕЛІ КОГОН ЕЧГОР ОДГ	Вѣсъ 17½ долей.
129.—	П —	ЬЛІ, КОГОН ЕЧГОР ·ОДЛ	Вѣсъ 17¼ долей.
130.—	П —	.ЕЛІ К.Г.Н ЕЧГ.● ·ЧЛ.	Надпись неполна. — Вѣсъ 15½ долей.
131.—	Е —	ЕЛІ КОГОН ЕЧГОР ЛГ	Весьма замѣчателенъ изображеніемъ: человѣкъ пьетъ изъ кубка. Вѣсъ 16½ долей.
132.—	Что есть вверху, неясно. Изображеніе князя отлично отъ другихъ.	Ѣ/ІІ К●Г● ЕГГО ІІОЬ	Надпись, отъ неправильнаго удара штемпеля, не вся вышла.— Вѣсъ 17 долей.
133.—	С ✛	Ī /ІІ ЬОГОНС ЕЧГОРО ОДЧ	Вѣсъ 10¾ долей.

Надпись послѣдней монеты крупнѣе, чѣмъ на всѣхъ прочихъ этого разряда; ни на той, ни на другой сторонѣ, не видно ободка изъ точекъ. Монета, вѣроятно обрѣзана, потому что отъ словъ первой строки осталась

только часть; это доказывается и малымъ ея вѣсомъ; притомъ же она очень тонка. Столь малый вѣсъ только въ одной этой монетѣ.

b) Съ надписями неполными, съ пропускомъ, какъ выше, буквы Є, но буква І замѣнена уже И.

№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
134.—	Л —	БЛН КАГАН БЛГОГ АДА	Вѣсъ 14 долей.
135.—	е или С.	БЛН КАГН БЛГОР ОДР	Вѣсъ $17^1/_2$ долей.
136.—	С :	БЛН КАГН БЛГОР ОДЛ	Вѣсъ $17^1/_2$ долей.
137.—	Безъ знаковъ.	—	Надпись таже, какъ № 136; только отъ неправильнаго удара штемпеля, неясна.—Вѣсъ $16^1/_4$ д.
138.—	С, ♀	БЛН КОГОН. ОБЛГОР ПОДА	Подобно Ч., т. VII № 160.—Вѣсъ 18 д. Кругомъ надписи ободокъ изъ мелкихъ точекъ, чего на другихъ экземплярахъ нѣтъ. Надпись не полна.
139.—	С —	БЛН КОГЛН БЛГО: ВЛ	Надпись невполнѣ вышла.— Вѣсъ $16^3/_4$ д.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
140.—	С —	ΕΛΗ К◁Г◁Ν ΕΛГ◁Г ◁Д◁	Подобно Ч., т. XX ф. 12, № 287, съ тою разницею, что буква у Ч. въ послѣдней строкѣ: Р, а на этомъ экземплярѣ А. — Вѣсъ 14³/₄ долей.
141.—	Є	ΕΛΗ. КОГОН(ΛГΦР(Λ·ΓL	Подобно Ч., т. VII № 157. Литера подлѣ князя или не вышла, или ее вовсе нѣтъ. Надпись невполнѣ.— Вѣсъ 15¹/₂ долей.
142.—	Н Є	ΕΛИ КОГОН ΕΛГОР ОДГ	Вѣсъ 17¹/₂ долей.
143.—	Λ Неясно.	ΕΛН. КОГОН. ΛГОР: ДГ	Вѣсъ 17 долей.
144.—	Неясно.	ΕΛН КОГОН ΕΛГОР ОДГ	Вѣсъ 17³/₄ долей.
145.—	П —	ΕΛН КОГОН ΕΛГОР ОДГ	Вѣсъ 17³/₄ долей.
146.—	П —	ΕΛН КОГ[illegible] Ε◁Г[illegible]Р [illegible]АР	Подобно Ч., т. IX № 204, только безъ точки надъ лит. Г въ третьей строкѣ. — Вѣсъ 17³/₄ долей.

№№ монетъ.	Знаки.	
147.—	П —	Надпись таже, какъ на № 146, только съ точкою надъ лит. Г въ третьей строкѣ. — Вѣсъ 18 долей.
148.—	Безъ знаковъ. —	Надпись таже, что̀ на № 146. — Вѣсъ 17 долей.
149.—	Безъ знаковъ. —	Надпись таже, что̀ на № 146; нѣсколько обтертъ или обрѣзанъ. — Вѣсъ 14½ долей.

c) Съ надписями полными:

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
150.—	А —	ВЕЛ НКОГО: НОВАГО РОДА	Два экземпляра, каждый по 15 долей.
151.—	А —	·ВЕЛ· ІКОГОН· ВАГОР ДАУ	Послѣдняя строка не вышла. Замѣчательно изображеніе: человѣкъ подаетъ князю какъ будто маленькую птичку или что̀ другое. — Вѣсъ 17½ долей.
152.—	С —	ВЕЛН КОГОНО ВЬГОР ОДЬ	Подобно Ч., т. VIII № 166; два экземпляра: одинъ вѣсомъ 17¼, другой 17½ д.
153.—	С —	Надпись таже, какъ на № 152, только въ третьей строкѣ литера а — ч. Два экземпляра: 17¼, и 17½ долей.	

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
154.—	C	КОГОН ВЛГОГ ⁝ ОДА	Экземпляръ нелегковѣсный, но надпись вышла не полна, по недостатку мѣста. — Вѣсъ 17¼ долей.
155.—	✛	ВЕЛН КОГОН ОВАГО РОДА	Подобно Ч., т. VII № 154.—Вѣсъ 15 д.
156.—	✛	ВЕЛН КОГ˟ОН ОВАГО ∘ОДА	Подобно Ч., т. VII № 153, только съ прибавленіемъ въ надписи, во второй строкѣ, крестика, а въ третьей точки.— Вѣсъ 17¾ д.
157.—	×	ВЕЛН КАГАНР ВАГАР АДА	Вѣсъ 17 долей.
158.—	×	ВЕЛН КОГОН ОВАГО ҀОДА	Подобно Ч., т. VII № 155.—Вѣсъ 16¾ д.
159.—	Знака не видно.	ВI ·КОГОН ВРГОI ОДР	Надпись невполнѣ. Экземпляръ съ обѣихъ сторонъ потертъ. Сзади князя что̀ то.— Вѣсъ 16¾ долей.

Отдѣленіе III-е.

Князь изображенъ не на престолѣ, въ креслахъ, но какъ бы стоящимъ или идущимъ; штемпель особенный.

а) Съ надписями неполными, съ пропускомъ въ первой строкѣ лит. Є, въ словѣ ВЄЛІ, буква І вмѣсто И, съ слѣдующими различіями:

№№ монетъ.		Надписи.	
160.—	Безъ знаковъ; человѣкъ подаетъ князю: О	ВЛІ КОГ.Н ВЧГОГ ОАГ	Вѣсъ 17 долей.
161.—	Безъ знаковъ; человѣкъ подаетъ князю: О	ВЛІ КОГОН ВЧГОР ОДР	Вѣсъ $18^3/_4$ долей.
162.—	Безъ знаковъ; человѣкъ подноситъ князю: О.	ВЛЬ КОГОН ВЧГОГ ОДР	Первая строка не вышла. — Подобно Ч., VIII № 165, только безъ точекъ между словами въ 4 строкѣ; притомъ этотъ экземпляръ менѣе. — Вѣсъ $16^1/_4$ долей.
163.—	х — Человѣкъ подаетъ князю какъ будто спеленаннаго младенца:	ВЛ І КЧГОН ВЛГОЕ Р-ОІ	Надпись не полна; къ одному боку не вся вышла. — Вѣсъ $17^1/_2$ долей.

Весьма замѣчательно, какъ изображеніе въ видѣ спеленаннаго младенца, такъ и то, что вмѣсто точекъ, украшенія сдѣланы черточками; притомъ, изо всѣхъ новгородокъ, это единственный экземпляръ съ дырою.

164.—	Ь // Человѣкъ подаетъ князю: ⁝	ВЛІ КОГОН ВЛГОР· ОЛ●	Вѣсъ $17^3/_4$ долей.

Весьма замѣчательно изображеніе представляемой князю вещи (бусы?); ноги у человѣка соединены чертою, такъ: /, чего на другихъ экземплярахъ нѣтъ.

b) Съ надписями неполными, съ пропускомъ, какъ выше буквы Є, но буква І замѣнена уже Н.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
165.—	ꝏ ⁞ Человѣкъ подаетъ князю: ʘ	ВЛН∴ КОГОНО ВЛ'ГАР:˙ ∵А˙Д˙А	Подобно Ч., т. VIII, № 151, но съ меньшимъ количествомъ точекъ, какъ здѣсь показано. —Вѣсъ $17^1/_4$ долей.
166.—	ꝏ Человѣкъ подаетъ князю: ʘ	ВЛ'Н∴ КАГАНР. ˙ВАГ.АР ∵АДЛ	Подобно Ч., т. VII № 159.—Вѣсъ $18^1/_4$ д.
167.—	: А Человѣкъ подаетъ князю: ●	ВЛН. КОГ Н ОВАГОР ˙ІЛІЛ	Надпись къ одному боку не вышла.— Вѣсъ $17^3/_4$ дюйма.

Экземпляръ весьма замѣчателенъ по украшенію сзади человѣка, до самыхъ его ногъ; около головы князя двѣ точки; овалъ, подаваемый князю человѣкомъ, изображенъ иначе, чѣмъ на другихъ.

168.—	На обоихъ экз. видна сзади князя маленькая точка. Человѣкъ подаетъ князю 0	ВЛН КОГОН ВАГОР ОДЛ	Два экземпл.: одинъ $17^1/_2$, другой $16^3/_4$ д.
169.—	+ + Человѣкъ правою рукой подаетъ князю 0, а лѣвую какъ будто протянулъ къ нему.	ВЛН КАГАН ВАГАР ОДА	Подобно Ч., т. VII № 150. Надпись сбилась при ударѣ штемпелемъ и отъ того не ясна. — Вѣсъ 17 долей.

170.— Безъ знаковъ. Человѣкъ подаетъ князю кубокъ или что другое.	ВЛН КОГОН ЧГОР АГ	Подобно Ч., т. VII № 161. Надпись не полна.— Вѣсъ 17 долей.

Экземпляръ весьма замѣчательный какъ по изображенію (подаютъ князю кубокъ), такъ и тѣмъ, что шрифтъ тоньше, и наконецъ, что ободка изъ точекъ ни на которой сторонѣ нѣтъ, или онъ не вышелъ при чеканѣ.

c) Съ надписями полными.

171.— Безъ знаковъ. Человѣкъ подаетъ князю 0	ВЕЛН. КОГОНО ВАГОР ·ОДА·	Вѣсъ 18 долей.

Отдѣленіе IV-е.

Подъ державою В. К. Василія Васильевича, согласно Шодуару (стр. 286). Изображенія князя и предъ нимъ человѣка тѣже, какъ въ Отдѣленіи I-мъ.

172.— (·†· 0	ДЕН ‹ГЧВЕЛН КОГОК НЈА	Подобно Ш. № 3022. Между словами замѣтны самыя тонкія и легкія черточки. — Вѣсъ $15^1/_4$ долей.
173.— ·+		Надпись таже, какъ на № 172, но къ одному боку видимо обрѣзана. — Вѣсъ $15^1/_2$ долей.
174.— I +	ДЕН. ГЧВЕЛИ :КОГОК· :НЈА	Подобно Ч., т. VIII № 169. Вѣсъ $17^1/_2$ д.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
175.—	ſ ✱ ɔ	:ДЄН :ГЧВЄЛР КѲГѲК · :·НЅА	Обрѣзанъ. — Вѣсъ 14 долей.
176.—	о † ɔ	Д . . ГВЄЛ. КОГѲК ·NЅА	Надпись къ одному боку невполнѣ вышла, а во второй строкѣ пропущена буква *Д*. — Вѣсъ $14^3/_4$ д.
177.—	о ˙† ɔ	ДЄН ГЧВЄЛІ КОГОК NЅА	Во второй строкѣ надписи буква І вмѣсто И. — Вѣсъ $16^3/_4$ д.
178.—	ф	Знаки и надпись, какъ у Ш. № 3037, подобно Ч., т. VIII № 168. — Вѣсъ 14 долей.	

Экземпляръ обрѣзанъ, ибо штемпель не полонъ. Разница противъ Шодуара въ томъ, что на этомъ экземплярѣ, на обѣихъ сторонахъ, ободокъ состоитъ изъ однихъ бусъ.

179.—	.ф	ПЄѴ <ВЄЛИ< ОГѲКИ AZA	Различіе отъ предъидущей состоитъ въ томъ, что у князя мечь въ правой рукѣ длиннѣе и остроконечнѣе, а лѣвою онъ держитъ что-то, упирая какъ будто въ носъ человѣку; подлѣ ф точка. Въ надписи буква Н соединена съ К. — Вѣсъ $18^1/_2$ долей.

180.— Тотъ же штемпель, только позади человѣка какой-то знакъ, похожій на маленькое к. Вѣсъ $17^1/_2$ долей.

№№ монетъ.	Знаки.	Надпись:	
181.—	(✢ ◊	•ВЕ- ЛИКО ГОКА •НZ•	Двѣ послѣднія буквы послѣ К и Н не ясны отъ неправильнаго удара штемпеля. Экземпляръ весьма замѣчательный тѣмъ, что надпись начинается просто: *великаго князя*, безъ означенія: *печать* или *деньга.*— Вѣсъ $15^1/_4$ д.

Примѣчаніе. Послѣднія десять монетъ (№№ 172—181) не имѣютъ никакой разницы въ шрифтѣ надписей, исключая украшенія. Изъ числа всѣхъ вышеписанныхъ новгородокъ, вѣсятъ: отъ 10 до 12 долей только одна (№ 133), отъ 12 до 14 долей тоже одна (№ 105), отъ 14 до 16 долей 20 экз., а отъ 16 до 18 и болѣе долей, 78 экземпляровъ.

Псковъ.

182.— Ш. № 3048. — Ч., т. VIII № 188, но экземпл. лучше и безъ диры.

Примѣчаніе. Псковскихъ монетъ было въ кладѣ болѣе, но ко мнѣ онѣ не попали.

Рязань.

Иванъ Васильевичъ.

183. (20 экз.) — Ш. № 3088. — С. № 10, т. IV ф. 7.— Ч., т. VII № 142.

184. (5 экз.) — Ш. № 3089. — С. № 11, т. IV ф. 8.— Ч., т. VII № 141.

185.— Тотъ же штемпель, какъ Ш. № 3088: профиль головы съ полумѣсяцемъ на обѣихъ сторонахъ,

№ монетъ.

вѣроятно по ошибкѣ денежника, употребившаго одинъ и тотъ же штемпель на обѣихъ сторонахъ.

Тверь.

Михаилъ Борисовичъ.

186.— Ш. № 3187. — С. № 43, т. V ф. 21.
187.— Ш. № 3188. — С. № 49, т. V ф. 33.

Примѣчаніе. По всей вѣроятности, и этихъ монетъ было болѣе, но ко мнѣ онѣ не попали.

Верея.

Михаилъ Андреевичъ.

188.— Ш. № 3239.
189.— Ш. № 3242.
190.— Ш. № 3253.

Монеты, которыя я не могъ съ точностію опредѣлить.

191.— На одной сторонѣ: голова въ профиль, какъ С., т. X ф. 24, но что̀ заключается на другой въ ободкѣ изъ точекъ, нельзя разобрать. — Вѣсъ 8½ долей.

192.— На одной сторонѣ: всадникъ вправо; подъ конемъ извившійся змѣй; а на другой, что̀ заключается въ ободкѣ изъ точекъ, по неясности экземпляра, не видно. — Вѣсъ 8¾ долей.

193.— Кажется, на обѣихъ сторонахъ, всадникъ на конѣ; надпись я не могъ разобрать по неполнотѣ ея. — Подобно Ч., т. XV ф. 8 № 267. — Вѣсъ 6¾ долей.

194.— На одной сторонѣ, всадникъ на конѣ, а на другой, князь на престолѣ; похоже на Ч., т. XV

NN° монетъ.

ф. 9 N° 268; но какъ экземпляръ дурно сохранился, то и нельзя съ точностію опредѣлить.— Ч., т. V N° 83. — Вѣсъ 8½ долей.

195.— На одной сторонѣ: татарская надпись, подобная С., т. XI ф. 23, а на другой надпись въ пяти строкахъ, но не полная и не четкая. — Впрочемъ можно читать такъ: КНЯ | ІЛІКІІ | НЪ ВА | СІІЛЬ.. | .ИЪ. | Въ такомъ случаѣ она принадлежитъ Іоанну III. — Вѣсъ 7½ долей.

196.— На одной сторонѣ штемпель неполонъ. Видна только голова и двѣ переднія ноги коня или другаго животнаго; кругомъ ободокъ изъ точекъ; а на другой, надпись въ четыре строки: К.. | ЗЬ ВЕІ | ЛІКІІІ | ..АНЪ |; кругомъ ободокъ изъ точекъ. — Эта монета должна быть рязанская, подобная той, какая описана въ Зап., томъ III т. II N° 16, съ тою только разницею, что на этомъ экземплярѣ звѣрокъ направо. — Вѣсъ 8¾ долей.

197.— На одной сторонѣ, всадникъ на право съ мечемъ или саблею въ рукѣ; подъ конемъ какой-то знакъ. Круговая надпись: КНАЗА ВЕЛИКИІ ВАНЪ. Другая сторона изображаетъ, кажется, тоже. Эта монета должна быть рязанская. — 2 экз., въ каждомъ по 6¼ долей.

198.— На одной сторонѣ изображеніе и надпись тѣ же, какъ на предъидущей, а на другой, какое изображеніе въ ободкѣ, трудно опредѣлить. Изъ круговой надписи читаю только: СИЛИ. Это также должна быть рязанская деньга. — Вѣсъ 5½ долей.

199.— На одной сторонѣ, животное, идущее вправо, сверху звѣзда, а между ногами тоже или дру-

гой знакъ. Надпись не могъ разобрать. На другой надпись въ четыре строки: КНꙖ|== ЗЬ·|ВСЄИ|РИИ·|, хотя и крупная, но или наизворотъ, или сокращена, или наконецъ можно читать: КНЯЗЬ ВЕЛИКІИ ВСЄИ РУСІИ, принимая знакъ въ концѣ за украшеніе, а вторую строку наизворотъ: ЭІVЭЗ. — Въ такомъ случаѣ и это будетъ рязанская монета, по изображенію на ней звѣря, битая при В. К. Васильѣ Васильевичѣ (Темномъ), во время малолѣтства князя Ивана Васильевича (Ш., томъ II стр. 301). — Вѣсъ 7 долей.

Изъ этого списка видно, что наибольшее количество въ найденной находкѣ, заключалось изъ монетъ NN° 31, 32, 33, 34, 38, 39, 40, 45, 47, 52, 55, 58, 59, 60, 61, 62 и 73, которыхъ, какъ полагаю (исключая NN° 45 и 47), около тысячи экземпляровъ или даже болѣе, переплавлено или распродано другимъ лицамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ монетъ болѣе другихъ потерты (были въ обращеніи), именно NN° 38, 39, 40, 52, 55, 58, 59, 60, 61 и 62; другія менѣе, какъ NN° 45, 47 и 73, и наконецъ нѣкоторыя такъ сохранились, какъ будто бы недавно были отчеканены: таковы N° 34 и часть NN° 31, 32 и 33.

Всѣ эти монеты, какъ при рассмотрѣніи замѣтить можно, чеканились денежниками (дѣльщиками, денежныхъ дѣлъ мастерами) весьма небрежно, хотя, полагать надобно, штемпель ихъ вырѣзанъ былъ довольно хорошо. Это въ особенности замѣтно на NN° 31, 32, 33 и 34, на которыхъ видна то часть штемпеля, то половина, то ударено однимъ и тѣмъ же штемпелемъ

дважды. По малой величинѣ монеты и неправильности ея формы, чеканъ на обѣихъ сторонахъ нигдѣ не вышелъ полонъ; притомъ же какъ величина, такъ и вѣсъ ихъ весьма разнообразны. Это приводитъ къ тому заключенію, что чеканка этихъ монетъ однимъ и тѣмъ же штемпелемъ, съ малыми измѣненіями, неоднократно возобновлялась въ разное время, и, судя по количеству ихъ въ казанскомъ кладѣ, можно допустить, что это были самыя употребительныя изъ денегъ во времена великаго князя Іоанна III Васильевича.

Болѣе крупныхъ монетъ, какъ-то новогородскихъ, псковскихъ, тверскихъ и Іоанна III (см. №№ 41, 42, 43, 44, 49, 50, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81 и 82), заключалось въ этой находкѣ, сравнительно съ количествомъ мелкихъ, весьма мало. Онѣ сохранились вообще лучше другихъ, и между ними есть такія, которыя какъ будто только что вышли изъ чеканки. Изъ этого заключить можно, что монеты эти чеканены въ послѣдніе годы царствованія Іоанна III.

Всѣхъ, пріобрѣтенныхъ мною и описанныхъ здѣсь монетъ, 1261 экземпляръ, кромѣ сотни экземпляровъ совершенно негодныхъ по неясности штемпеля, впрочемъ, какъ видно, принадлежащихъ къ №№ 31, 32, 33 и 34, самому большому отдѣлу, заключавшемуся въ кладѣ.

1854.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О КОКАНСКОМЪ ХАНСТВѢ,

отъ Мухаммеда-Али до Худаяръ-Хана.

В. В. Вельяминова-Зернова.

Въ VI томѣ Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества помѣщены рядомъ двѣ статьи: одна, В. В. Григорьева, «Современныя монеты Коканскаго Ханства»; другая, П. С. Савельева, «Списокъ извѣстныхъ доселѣ монетъ Коканскаго Ханства».

Въ статьѣ Г. Савельева приведенъ разсказъ Н. В. Ханыкова о событіяхъ, случившихся въ Коканѣ въ послѣднее время. Разсказъ этотъ отличается во многомъ отъ повѣствованія, сообщеннаго Г. Григорьевымъ.

Чтобы сколько-нибудь разрѣшить вопросъ, могущій возникнуть по поводу этого разногласія, считаю не лишнимъ представить съ своей стороны очеркъ исторіи Коканскаго Ханства за періодъ времени отъ 1840 по 1853 годъ.

За правдивость моего разсказа я смѣю ручаться. Всѣ нужныя свѣдѣнія я самъ отбиралъ съ большимъ тщаніемъ, живя въ Оренбургѣ и ѣздя въ 1851-52 годахъ по Западной Сибири и Киргизъ-Кайсакской Степи, отъ очевидцевъ, добросовѣстныхъ русскихъ и азіятскихъ купцовъ.

Въ 1840 году въ Коканѣ царствовалъ сынъ Омара, Мухаммедъ-Али, извѣстный у туземцевъ подъ простонароднымъ названіемъ Мадали-Хана.* До тѣхъ поръ

* Всѣ Средне-Азіятцы, въ томъ числѣ и Киргизъ-Кайсаки, часто въ разговорѣ и письмѣ замѣняютъ имена лицъ сокра-

пользовался онъ славою государя дѣятельнаго и храбраго *; въ этомъ же году вдругъ измѣнилъ свой образъ поведенія, пересталъ думать о завоеваніяхъ, бросилъ занятія, заперся у себя въ гаремѣ, и съ неистовствомъ предался разврату. Причина такой внезапной перемѣны хорошо не дознана; ее объясняютъ случившеюся около этого времени казнью минбашія ** Хаккъ-Кулы, человѣка опытнаго и благонамѣреннаго, который руководилъ владѣльца своими мудрыми совѣтами.

Гибельныя послѣдствія худой администраціи отразились немедленно. Въ краѣ поднялся всеобщій ропотъ. Вельможи первые рѣшились взбунтоваться. Въ 1841 году составился заговоръ. Участниками въ немъ были главнѣйшіе сановники ханства, родомъ изъ господствовавшаго тогда племени Сартовъ ***, именно минбаши, неизвѣстный по имени и заступившій мѣсто Хаккъ-

щенными прозвищами. Прозвища эти для однихъ и тѣхъ же именъ всегда бываютъ тѣ же самыя. Онѣ издавна установились въ народѣ. Способъ образованія ихъ нельзя подвести ни подъ какое правило; ихъ нужно знать, чтобъ употреблять ихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ сокращенныхъ прозвищъ: Мухаммедъ-Али — *Мадали* и *Алянъ;* Арасланъ — *Арчекей;* Иръ-Мухаммедъ — *Иликей;* Мухаммедъ-Джанъ — *Мамбетъ*, Мухаммедъ-Аминъ — *Мадаминъ*.

* Начало правленія Мухаммедъ-Алія описано подробно въ III книжкѣ «Записокъ Русск. Геогр. Общ.» (1849), въ статьѣ «Обозрѣніе Кокандскаго Ханства въ нынѣшнемъ его состояніи.»

** *Минбаши* («тысяченачальникъ»), первое лице въ ханствѣ послѣ государя.

*** Народонаселеніе Кокана состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: *Тюрковъ* или *Узбековъ*, пришлецовъ, и *Таджиковъ* или *Сартовъ*, первобытныхъ жителей страны. Между Тюрками и Сартами издавно ведется непріязнь; то племя, которое пересилитъ, дѣлается господствующимъ.

Кулыя, ташкендскій кушбеги * Лешкеръ, казы-калянъ **, военачальникъ Иса-Ходжа, и другіе. Лица эти, на одномъ изъ тайныхъ совѣщаній своихъ, согласились низвергнуть Мухаммедъ-Алія съ престола, и возвести на царство Ширъ-Алія, сына Алимъ-Ханова, или Мурадъ-Бія, сына Хаджи-Біева. *** Первый изъ этихъ двухъ претендентовъ кочевалъ съ молодыхъ лѣтъ среди Кипчаковъ,**** которые уважали его за его безукоризненный и строгій образъ жизни. Второй, Мурадъ-Бій находился со всѣмъ семействомъ въ Хивѣ, гдѣ онъ выдалъ дочь свою за хана Алла-Кула.

Долго разсуждали заговорщики о томъ, какъ приступить къ затѣянному ими дѣлу. Наконецъ, чувствуя себя не въ силахъ совершить одни переворотъ въ краѣ, они обратились съ просьбою о присылкѣ къ нимъ вспомогательнаго войска къ ближайшему и могущественнѣйшему сосѣду своему, бухарскому эмиру Насръ-Уллахъ-Багадуръ-Хану.

Этотъ выборъ посредника былъ въ высшей степени опрометчивъ: эмиръ давно уже былъ непримиримымъ врагомъ Кокана, и искалъ только случая, какъ бы вмѣшаться въ дѣла его и завладѣть страною. Ошибка

* *Кушбеги* (въ переводѣ «сокольничій»), почетный титулъ, который дается правителямъ главнѣйшихъ городовъ и областей ханства.

** *Казы-калянъ* («верховный судья») завѣдываетъ всею судебною частью въ ханствѣ; его избираютъ всегда изъ ходжей, потомковъ Мухаммеда.

*** Хаджи-Бій былъ братъ Нарбуты-Бія.

**** Кипчаки составляютъ одинъ изъ родовъ узбекскихъ; часть этого рода кочуетъ въ Бухарскомъ Ханствѣ между Кятта-Курганомъ и Самаркандомъ (см. Ханыкова *Опис. Бух. Ханства*, стр. 54).

была до того велика, что самъ Насръ-Уллахъ, когда ему принесли просьбу, не повѣрилъ искренности заключавшихся въ ней словъ, и велѣлъ отказать. Онъ былъ убѣжденъ, что Коканцы хитрятъ и хотятъ обманомъ завлечь его войско въ свои предѣлы, чтобы тамъ уничтожить при первомъ удобномъ случаѣ. Заговорщики, получивъ отказъ, вмѣсто того, чтобы опомниться, написали эмиру второе прошеніе. Насръ-Уллахъ, въ слѣдствіе столь настойчивыхъ требованій, рѣшился взяться за оружіе; 2-го апрѣля 1842, онъ вышелъ изъ Бухары съ 18-тысячною арміею, и 17-го числа того же мѣсяца расположился лагеремъ верстахъ въ 15 или 16 отъ города Кокана.

Вѣсть о внезапномъ появленіи непріятеля вблизи столицы навела на Мухаммедъ-Алія паническій страхъ. Миръ, даже постыдный, показался ему единственнымъ средствомъ къ спасенію. По его личному приказанію, старшій сынъ его Мухаммедъ-Аминъ, кушбеги Лешкеръ и казы-калянъ выѣхали для переговоровъ. Имъ велѣно было: во-первыхъ, согласиться на признаніе владѣльца коканскаго вассаломъ Бухары; во-вторыхъ, допустить поминовеніе эмира при чтеніи намазовъ въ мечетяхъ ханства; и въ-третьихъ, обѣщать перечеканить монету на его имя.

Насръ-Уллахъ принялъ парламентеровъ весьма ласково. Въ знакъ особенной милости онъ поручилъ вельможамъ своимъ угостить ихъ въ отдѣльной палаткѣ; за тѣмъ отправилъ назадъ къ Мухаммедъ-Алію сына его и казы-каляна, а кушбегія Лешкера потребовалъ къ себѣ въ шатеръ. Съ нимъ онъ болѣе часа разсуждалъ наединѣ. Лешкеръ объявилъ откровенно, что жители столицы, какъ чиновные, такъ и простые, вовсе не намѣрены защищать своего государя и готовы хоть

сейчасъ пустить Бухарцевъ въ городъ. Эмиръ выслушавъ это, послалъ кушбегія сказать Мухаммедъ-Алію, чтобы онъ явился немедленно въ лагерь для личныхъ объясненій.

Легко себѣ представить ужасъ хана, когда онъ, вмѣсто желаннаго согласія на миръ, получилъ приглашеніе посѣтить грознаго противника. Дѣйствительно, положеніе его было не завидно: ѣхать ко врагу, не имѣя ни малѣйшаго ручательства въ безопасности, значило подвергать себя почти вѣрной гибели. Съ отчаянія, владѣлецъ сталъ просить совѣтовъ у своихъ приближенныхъ и сановниковъ. Всѣ чины отказались повиноваться ему. Тогда только онъ догадался объ измѣнѣ окружавшихъ его лицъ. Съ сердцемъ, стѣсненнымъ отъ горя, видя себя безжалостно отданнымъ на произволъ судьбы, онъ рѣшился скрыться; въ ту же минуту наскоро собралъ свои драгоцѣнности, уложилъ ихъ на ста арбахъ, взялъ семейство свое и тысячу человѣкъ свиты и бѣжалъ по дорогѣ въ Намангань.

Послѣ бѣгства Мухаммедъ-Алія, кушбеги Лешкеръ, казы-калянъ и другіе отправились депутатами къ эмиру и предложили ему вступить въ осиротѣвшую столицу. Насръ-Уллахъ, изъ предосторожности, послалъ впередъ войско и пушки. Въ слѣдъ за ними онъ спокойно и торжественно въѣхалъ въ городъ и возсѣлъ во дворцѣ потомковъ Нарбуты.

Первые поступки эмира по занятіи Кокана высказали ясно въ глазахъ цѣлой Средней Азіи, съ какимъ намѣреніемъ онъ пришелъ въ сосѣднюю землю и чѣмъ хотѣлъ быть. Все, чего должно было отъ него опасаться, осуществилось. Прельщенный надеждою сдѣлаться неограниченнымъ владѣтелемъ всего Мавераннагра, Насръ-Уллахъ твердо рѣшился не выпускать изъ

рукъ пріобрѣтенной имъ власти надъ Коканомъ и присоединить эту богатую страну навсегда къ своему царству. Онъ началъ съ того, что отдалъ столицу на разграбленіе солдатамъ. Мѣра безчеловѣчная, но эмиръ считалъ ее необходимою. Глядя на весь міръ съ ошибочной точки зрѣнія, свойственной одному истому Среднеазіятцу, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что страхомъ, скорѣе нежели чѣмъ-либо другимъ, можно заставить народъ повиноваться и быть преданнымъ правительству. Воины бухарскіе усердно воспользовались дозволеніемъ своего господина. Буйство ихъ превзошло всякую мѣру. Они обобрали все имущество у жителей; даже у муллъ и у духовенства отняли книги. Никому не было пощады; самыя женщины и дѣти подверглись кровнымъ обидамъ. Грабежъ продолжался ровно четыре часа, вплоть до вечера, когда эмиру вздумалось прекратить его. На другой день, вещи ограбленныя наканунѣ были проданы насильно жителямъ, кромѣ золота, серебра и драгоцѣнностей, которыя поступили въ казну.

За разореніемъ столицы, за этимъ первымъ шагомъ къ самовластію, послѣдовалъ вскорѣ и другой. Насръ-Уллахъ приказалъ отыскать Мухаммедъ-Алія и все его семейство. Какъ ни былъ слабъ и презираемъ ханъ, лишившійся престола, какъ ни была безславна вся его семья, однакоже эмиръ видѣлъ въ немъ соперника, и хотѣлъ, во что̀ бы то ни стало, имѣть его въ своихъ рукахъ. Судьба и на этотъ разъ помогла Багадуръ-Хану. Нѣсколько человѣкъ Коканцевъ вызвались исполнить его приказаніе, и дня черезъ два или три послѣ полученія отъ него фатихи (благословенія) привели къ нему связанными владѣльца, женъ и дѣтей его. Поимка Мухаммедъ-Алія и его семейства случи-

лась слѣдующимъ образомъ. Какъ мы сказали, ханъ бѣжалъ по дорогѣ въ Намангàнъ. Въ первый день онъ проѣхалъ очень небольшое пространство, и расположился ночевать у какого-то незначительнаго мѣстечка. Проснувшись утромъ, онъ, къ крайнему изумленію своему, замѣтилъ, что при немъ, изъ числа тысячи человѣкъ, оставалось только трое, а прочіе люди разбѣжались ночью, увезя съ собою все имущество, взятое имъ изъ Кокана. Мухаммедъ-Али, при видѣ этой новой для него бѣды, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Не зная куда дѣться, онъ рѣшился на рискованный поступокъ: вздумалъ вернуться въ столицу, лично явиться во дворецъ, и тамъ просить пощады, въ надеждѣ, что, быть можетъ, врагъ его эмиръ не посмѣетъ осквернить себя кровью государя, пришедшаго по доброй волѣ съ повинною головою. Къ несчастію, ему не удалось и это. Едва успѣлъ онъ прибыть въ городъ и сѣсть гдѣ-то въ саду за чай, какъ вдругъ узнанъ былъ тѣми самыми Коканцами, которые обѣщались найти его. Ни просьбы, ни слезы не спасли Мухаммедъ-Алія. Онъ былъ схваченъ. Въ слѣдъ за нимъ были пойманы въ разныхъ мѣстахъ тѣми же сыщиками и всѣ члены его семейства — мать, братъ, сыновья и жены. *

Съ плѣненіемъ хана, Насръ-Уллахъ счелъ себя достигшимъ своей цѣли. По его мнѣнію, Коканъ былъ имъ завоеванъ на вѣки, народъ въ слѣдствіе грабежа усмиренъ, и соперники уничтожены. Ему оставалось только, какъ онъ думалъ, облечь свою власть въ законную форму, опредѣлить систему управленія во вновь пріо-

* Жены Мухаммедъ-Алія были отправлены эмиромъ въ Бухару на сорока арбахъ.

брѣтенномъ краѣ, казнить Мухаммедъ-Алія, и за тѣмъ вернуться домой, наслаждаться плодами даровой побѣды. Съ этими мыслями эмиръ собралъ верховный совѣтъ. Членами въ немъ были, со стороны Коканцевъ, кушбеги Лешкеръ, казы-калянъ и другіе; со стороны бухарской — кушбеги Ирдане и казы-калянъ.* Насръ-Уллахъ, тотчасъ при прибытіи въ залу совѣщанія, объявилъ громогласно, что онъ навсегда причисляетъ ханство къ своимъ владѣніямъ, и поэтому намѣренъ всѣхъ коканскихъ сановниковъ, опасныхъ по ихъ вліянію, взять съ собою въ Бухару; Мухаммедъ-Алія и семейство, какъ претендентовъ на престолъ, умертвить, а въ городъ Коканъ и въ подвѣдомственныя ему мѣстà назначить своихъ правителей. Слова эти были тяжкимъ ударомъ для лицъ изъ туземцевъ, присутствовавшихъ въ совѣтѣ. Послѣ жестокаго обращенія эмира съ народомъ, всякій изъ нихъ давно уже разочаровался въ добротѣ его сердца, и потерялъ надежду на сохраненіе независимости родины, но никто не ожидалъ, чтобы деспотизмъ могъ когда-либо дойти до такихъ крайнихъ предѣловъ. Кушбеги Лешкеръ и казы-калянъ коканскій, тронутые до глубины сердца, рѣшились подать голосъ противъ эмира. Къ нимъ присоединился и Ирдане, человѣкъ престарѣлый, благородный и добрый. Эти три члена вмѣстѣ стали опровергать предположенія государя: «Ваше величество, говорили они, «желаете обратить край, радушно васъ принявшій, въ

* *Казы-калянъ* въ Бухарѣ имѣетъ гораздо меньше значенія и власти, нежели казы-калянъ коканскій. Должность его состоитъ въ разсмотрѣніи гражданскихъ тяжбъ, не превышающихъ цѣнностью иска 500 тиллъ. (См. Ханыкова, *Опис. Бухар. Ханства*, стр. 191).

«свою провинцію; вы хотите назначить въ него своихъ «правителей, погубить Мухаммедъ-Алія и увезти сановниковъ. Къ чему всѣ эти жестокости и крутыя мѣ«ры? За чѣмъ во вредъ себѣ заслуживать всеобщую «ненависть? Не лучше ли вамъ постараться благодѣя«ніями снискать любовь народа, и предъ отъѣздомъ «въ Бухару возвести на престолъ, на правахъ *наиба* «(вассала), кого-либо изъ династіи Нарбуты? Правда, «тогда Коканъ не будетъ вашей провинціей: зато «главный надзоръ надъ нимъ будетъ принадлежать «вамъ. Власть ваша, основанная не на тиранствѣ, бу«детъ прочна и долговѣчна.» Насръ-Уллахъ съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ упреки членовъ. Когда они замолчали, онъ взглянулъ на своего казы-каляна. Этотъ казы-калянъ, хитрый и коварный, типъ придворнаго Бухарца, понялъ чего хотѣлъ отъ него государь. Онъ, въ свою очередь, произнесъ рѣчь; въ ней онъ постарался доказать несправедливость доводовъ противной партіи. О Мухаммедѣ-Али онъ отозвался не только какъ о соперникѣ опасномъ, но еще какъ о преступникѣ, женившемся на родной мачихѣ *, и заслужившемъ чрезъ это смерть себѣ и всей своей семьѣ. Эмиръ одобрилъ слова казы-каляна, и велѣлъ немедленно исполнить рѣшеніе, объявленное имъ при входѣ въ комнату. Мухаммедъ-Али, старшій сынъ его, братъ и мать, были тотчасъ введены въ залу

---

* Мухаммедъ-Али былъ дѣйствительно женатъ на родной мачихѣ, супругѣ покойнаго Омаръ-Хана. Насръ-Уллахъ, по смерти Мухаммедъ-Алія, женился на ней; впрочемъ она не долго пользовалась его расположеніемъ. Эмиръ, осенью 1842 г., по возвращеніи изъ втораго похода своего на Коканъ, велѣлъ ее умертвить.

собранія и казнены въ присутствіи членовъ. Въ ту же минуту, 250 главнѣйшихъ чиновниковъ были задержаны и отправлены съ женами и дѣтьми въ Бухару. На другой день, Насръ-Уллахъ разослалъ во всѣ города своихъ правителей. Намѣстникомъ ханства онъ назначилъ Ибрагима-Дадху*, и въ помощь ему далъ брата его Исхака, Ишина-Рейса** и казы-каляна съ 600 человѣкъ войска.

Устроивъ по-своему дѣла въ Коканѣ, эмиръ со всею арміею двинулся въ обратный путь въ Бухару, куда вскорѣ и прибылъ. Походъ его съ начала до конца, считая со 2 апрѣля, длился 54 дня. Въ городѣ Коканѣ онъ прожилъ 12 дней.

Насръ-Уллахъ въѣхалъ въ свою столицу съ необыкновенною пышностью. Люди, которымъ удалось видѣть его въ это время, говорятъ, что его нельзя было узнать,— дотого онъ измѣнился въ отношеніи ко всему его окружившему, былъ занятъ своею славою и держалъ себя гордо и неприступно. Вечеромъ въ день своего пріѣзда въ Бухару, эмиръ переселился въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ своихъ, одѣлся въ великолѣпное платье изъ кашемирскихъ шалей, и велѣлъ позвать хивинскаго посланника Шукуръ-Уллахъ-Бая. Ему онъ объявилъ надменно, что, по милости Аллаха, теперь его, посланца, болѣе не нужно, и что онъ можетъ, если хочетъ, возвратиться на родину. Шукуръ-

---

* Ибрагимъ-Дадха былъ прежде начальникомъ Самарканда (Ханыкова, *Опис. Бухар. Ханства*, стр. 235).

** *Рейсъ* — пятый духовный чинъ въ Бухарѣ; онъ надзираетъ за общественною нравственностью и наблюдаетъ за чистотою и безопасностью въ городѣ (Ханыкова, *Опис. Бухар. Ханства*, стр. 191).

Уллахъ-Бай, одаренный вещами и деньгами на путевыя издержки, отправился назадъ въ Хиву съ прикомандированнымъ къ нему Бухарцемъ. Дорогой онъ встрѣтился съ Ата-Ніязъ-Махремомъ*, ѣхавшимъ отъ Алла-Кула, поздравить Насръ-Уллу съ завоеваніемъ ханства.**

Торжеству эмира суждено было кончиться очень скоро. Мѣсяца черезъ три послѣ взятія Кокана, лѣтомъ 1842 года, въ провинціи этой вспыхнулъ мятежъ, и власть Бухарцевъ въ ней рушилась столь же быстро и легко, какъ она установилась.

Подробности возстанія разсказываются слѣдующимъ образомъ. Ибрагимъ-Дадха, по уходѣ своего государя, началъ тѣснить подвѣдомственный ему народъ. Онъ силою принудилъ его платить всѣ безъ исключенія налоги, существовавшіе въ Бухарѣ, и, кромѣ того, вносить въ казну четвертую часть урожая. Жители ханства, доведенные до изступленія этими неслыханными вымогательствами, рѣшились свергнуть ненавистное для нихъ иго чужеземцевъ. Они тайкомъ послали къ Кипчакамъ, кочевавшимъ въ предѣлахъ Кокана, письмо, въ которомъ они, именемъ Бога, заклинали родъ этотъ помочь имъ взбунтоваться и возвести на престолъ Ширъ-Алія. Кипчаки сначала было отказались явиться на призывъ, но потомъ обдумались, и согласились взяться за оружіе. Сборы ихъ были непродолжительны. Подъ начальствомъ Ширъ-Алія и Исы-Ходжи, они густою массою двинулись къ столицѣ. Едва показались они подъ ея стѣнами, какъ Коканцы, по знаку

---

* *Махремъ* («повѣренный»), почетный титулъ, даваемый въ Хивѣ, высшимъ сановникамъ.

** Ата-Ніязъ, выполнивъ возложенное на него порученіе, вернулся въ Хиву недѣли черезъ три послѣ Шукуръ-Уллахъ-Бая.

заранѣе условленному, бросились разомъ на Бухарцевъ. Дружное возстаніе это увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Эмировы солдаты, захваченные въ расплохъ, были перебиты почти всѣ. Ибрагимъ-Дадха и братъ его Исхакъ съ трудомъ спаслись бѣгствомъ отъ разъяренной черни. Ширъ-Али немедленно вступилъ въ городъ, занялъ *арикъ* (дворецъ) и былъ превозглашенъ ханомъ, при радостныхъ кликахъ народа.

Извѣстіе о мятежѣ чрезвычайно взволновало Насръ-Уллу. Въ первую минуту, въ припадкѣ гнѣва, онъ наказалъ Ибрагима и Исхака, и велѣлъ конфисковать ихъ имѣніе. За тѣмъ, не зная самъ на что̀ рѣшиться, позвалъ Ирданея. «Лучшая изъ моихъ провинцій по«теряна, сказалъ онъ ему: надобно придумать средство «возвратить ее.» Кушбеги присовѣтовалъ собрать войско и двинуться на Коканъ. Расчетъ его былъ основанъ на томъ, что Кипчаки, услышавъ о приближеніи бухарской арміи, испугаются и уйдутъ назадъ въ свои кочевья, а Коканцы, предоставленные своимъ собственнымъ ничтожнымъ силамъ, принуждены будутъ сдаться. Эмиръ одобрилъ планъ Ирданея, и осенью же 1842 г., принявъ начальство надъ 20-тысячнымъ войскомъ, отправился на Коканъ, взявъ съ собою въ походъ и 250 тамошнихъ чиновниковъ, находившихся у него въ плѣну. Эта послѣдняя мѣра была имъ употреблена изъ страха, чтобы сановники воспользовавшись его отсутствіемъ, не вступили чрезъ посредство Шукуръ-Уллахъ-Бая, жившаго тогда въ Бухарѣ,* въ тайныя

* Шукуръ-Уллахъ-Бай, по пріѣздѣ въ Хиву лѣтомъ 1842 г., былъ въ слѣдъ за тѣмъ опять отправленъ Алла-Куломъ къ эмиру, вмѣстѣ съ Бухарцемъ, который, какъ мы сказали, былъ данъ ему въ спутники.

сношенія съ хивинскимъ ханомъ, Алла-Куломъ, который былъ другомъ эмира только по наружности, а въ душѣ ненавидѣлъ его, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался обладателемъ почти всего Мавераннагра, слѣдовательно сосѣдомъ черезъ-чуръ могущественнымъ и опаснымъ.

Подойдя къ городу Кокану, Насръ-Уллахъ обложилъ его, и тотчасъ же послалъ сказать жителямъ, чтобы они сдались. Гарнизонъ отвѣчалъ отказомъ на это требованіе. Началась осада. Эмиръ, въ первые дни, почти ничего не предпринималъ, и только черезъ недѣлю, когда онъ убѣдился, что Кипчаки, въ противность словамъ Ирданея, ни мало не трусятъ и твердо намѣрены защищать Ширъ-Алія, повелъ онъ правильную аттаку.

Объ эту пору, одинъ изъ 250 чиновниковъ, содержавшихся въ бухарскомъ лагерѣ, родомъ Кипчакъ, по имени Мусульманъ-Кулъ, а по прозвищу Чулакъ *, бывшій юзбашіемъ (сотникомъ) при Мухаммедѣ-Аліи, человѣкъ необыкновеннаго ума и рѣдкихъ способностей, взялся спасти своихъ согражданъ. Онъ лестью втерся въ дружбу эмира и обѣщалъ передать ему городъ. Насръ-Уллахъ былъ до того неостороженъ, что повѣрилъ искренности своего новаго друга, и дозволилъ ему ѣхать въ Коканъ. Именно этого и добивался Мусульманъ-Кулъ. Попавъ къ осажденнымъ, онъ сталъ съ жаромъ проповѣдывать имъ о необходимости драться до послѣдней капли крови. Народъ, издавна привыкшій уважать юзбашія, съ радостью слушалъ его внушенія. Сверхъестественная храбрость воодушевила

* *Чулакъ* по-татарски значитъ «калѣка»; Мусульманъ-Кулъ былъ прозванъ такъ, потому что былъ хромъ.

гарнизонъ. Средства обороны были усилены. Прежде лѣсъ и незначительный валъ окружали городъ. Жители вырубили лѣсъ и возвели толстую и высокую стѣну, работая по ночамъ, и накладывая одинъ слой землею, а другой деревомъ. Вылазки начали повторяться безпрестанно. Въ одной изъ нихъ, бухарское войско, не успѣвшее во время построиться въ боевой порядокъ, понесло огромный уронъ.

Досадно было эмиру глядѣть на удачи Коканцевъ. Раздраженный до нельзя, самонадѣянный повелитель правовѣрныхъ положилъ не отступать, пока не овладѣетъ городомъ. Мусульманъ-Кулъ, видя, что сила не дѣйствуетъ, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ сочинилъ на имя бухарскихъ вельможъ письмо слѣдующаго содержанія: «Въ бытность мою у васъ, вы обѣщали «мнѣ умертвить вашего государя въ продолженіи на«стоящей войны; теперь уже, кажется, пора испол«нить данное вами слово.» Письмо это Чулакъ съ умысломъ послалъ прямо къ непріятельскимъ передовымъ пикетамъ. Согласно съ его ожиданіемъ, оно было перехвачено и доставлено эмиру. Будто нарочно, въ эту же минуту прискакалъ къ Насръ-Уллѣ гонецъ съ извѣстіемъ, что хивинскій ханъ, подговоренный Коканцами, вторгнулся въ пограничныя бухарскія селенія, разграбилъ ихъ и увелъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ семействъ. * Ужасъ обуялъ эмира. Опасаясь, съ одной

---

* Добыча, взятая Хивинцами при этомъ вторженіи, была огромна. На долю хана, который, по обычаю, получилъ изъ нея пятую часть, досталось однихъ барановъ 15,000 головъ. Алла-Кулъ всѣмъ плѣннымъ бухарскимъ семействамъ отвелъ по 10 танаповъ (т. е. 0,375 десятинъ; см. *Описаніе Хив. Ханства*, Данилевскаго, въ Запискахъ Импер. Русск. Географ.

стороны, за собственную жизнь, и съ другой за цѣлость своего государства, онъ не мѣшкая ни секунды, рѣшился снять осаду, и итти какъ можно скорѣе назадъ. Въ ту же ночь онъ освободилъ находившихся у него 250 чиновниковъ, * и двинулся съ арміей по дорогѣ къ своей столицѣ. Осада Кокана длилась сорокъ дней.

Съ удаленіемъ Бухарцевъ, спокойствіе и тишина водворились въ покинутомъ ими ханствѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, спасители отечества, Кипчаки заняли всѣ государственныя должности на мѣсто прежнихъ Сартовъ. Глава ихъ Мусульманъ-Кулъ объявленъ былъ минбашіемъ, а остальные вліятельныя лица изъ среды ихъ получили въ управленіе города и области. ** Ширъ-Али оказался государемъ добрымъ и кроткимъ. *** На-

Общ., книжка V, стр. 119) земли около Куня-Ургенча. Семействамъ этимъ было дана десяти-лѣтняя льгота отъ всѣхъ податей. Въ 1853 году въ первый разъ былъ собранъ съ нихъ *закятъ*.

* Одинъ кушбеги Лешкеръ не воспользовался дарованною ему свободой и остался по доброй волѣ при эмирѣ.

** Правители, которыхъ назначилъ эмиръ, были смѣнены при самомъ началѣ бунта. Коканцы, желая отомстить имъ, обратили ихъ въ рабство. Бухарцы выкупали ихъ потомъ. За одного муллу, бывшаго правителя какого-то маленькаго городка, дано было 6 тиллъ.

*** Казней надъ родственниками, которыя такъ часто повторяются при дворахъ Средней Азіи, при немъ было мало. Отъ Ширъ-Алія пострадали только, чѣмъ-то навлекшіе на себя его подозрѣніе, сыновья Мамутъ-Бія, одного изъ потомковъ Нарбуты. Старшій изъ нихъ былъ умерщвленъ, а остальные двое высланы изъ ханства. Похожденія этихъ двухъ братьевъ довольно любопытны. Принужденные искать себѣ пріюта, они сначала прибыли на сибирскую линію, а потомъ

чало своего царствованія онъ ознаменовалъ похвальнымъ поступкомъ. При стеченіи народа онъ приказалъ отрыть тѣло Мухаммедъ-Алія, вынулъ его, и прочелъ надъ нимъ со всѣмъ духовенствомъ погребальную молитву. За тѣмъ онъ предалъ его опять землѣ, и велѣлъ построить надъ могилою прекрасную часовню.

Спокойствіе въ Коканѣ не нарушалось ничѣмъ въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ. Въ 1845 г.

(весною 1843 г.) явились въ г. Оренбургъ. Тутъ они просили у начальства дозволенія проѣхать черезъ Россію въ Константинополь и Мекку. Въ просьбѣ этой имъ было отказано, и они осенью того же 1843 г. пошли съ караваномъ въ Хиву. Ханъ тамошній взялся помочь имъ въ намѣреніи ихъ посѣтить мѣста́ святыя для правовѣрныхъ, и выдалъ имъ на путевыя издержки 1000 тенегъ. Братья отправились черезъ Персію и Константинополь въ Мекку. Дорогой одинъ изъ нихъ умеръ. Другой же, побывавъ у гроба пророка, вернулся въ столицу Турецкой Имперіи. Здѣсь онъ засталъ двухъ посланцевъ изъ Средней Азіи, хивинскаго, Шукуръ-Уллахъ-Бая, и коканскаго. Послѣдній началъ ласкать его и часто приглашать къ себѣ на обѣдъ. Мамутъ-Біевъ сынъ, обрадованный радушнымъ пріемомъ соотечественника, ходилъ къ нему нѣсколько дней сряду, но потомъ опомнился, и боясь отравы, перестаъ посѣщать его. Вскорѣ коканскому посланнику пришла пора возвращаться на родину. Сбираясь покинуть Турцію, онъ потребовалъ у оттоманскаго правительства выдачи Мамутъ-Біева сына. Къ счастью для молодаго князя, султанъ не согласился на это требованіе. Послѣ отъѣзда врага своего, Мамутъ-Біевъ сынъ подружился съ Шукуръ-Уллахъ-Баемъ и поселился въ одномъ домѣ съ нимъ. Когда посланецъ хивинскій началъ готовиться къ обратному слѣдованію въ свое ханство, онъ вызвался ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, и обѣщалъ догнать его въ Эрзерумѣ. Шукуръ-Уллахъ-Вай тщетно, въ продолженіи всей дороги, поджидалъ своего спутника. Прибывъ въ Хиву, онъ услышалъ, что князь достигъ Герата, съ тѣмъ, чтобы оттуда пробраться въ Уратюбу, гдѣ былъ правителемъ дядя его со стороны матери.

явились новыя смуты. Виновникомъ ихъ былъ Мурадъ-Бекъ, сынъ Хаджи-Бія. Князь этотъ, жившій все время въ Хивѣ, разсорился по смерти Алла-Кула съ сыномъ и преемникомъ его Рахимъ-Куломъ, и бѣжалъ въ Бухару. Около года находился онъ при эмирѣ безъ всякаго дѣла. Наконецъ Насръ-Уллѣ пришла мысль употребить его въ свою пользу. Онъ уговорилъ его попытаться свергнуть Ширъ-Алія съ престола, и обѣщалъ помочь ему войскомъ, съ условіемъ, чтобы въ случаѣ успѣха, онъ призналъ себя вассаломъ бухарскимъ. Мурадъ-Бекъ съ радостью принялъ предложеніе, льстившее его самолюбію. Лѣтомъ 1845 г. онъ двинулся на Коканъ съ отрядомъ эмировыхъ солдатъ.

Въ столицѣ ханства никто не подозрѣвалъ грозившей опасности. Къ довершенію бѣды, Мусульманъ-Кулъ ушелъ съ войскомъ сбирать закятъ и Ширъ-Али оставался одинъ въ городѣ. Обстоятельства эти, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали Мурадъ-Беку. Приблизившись къ столицѣ, и найдя ее не занятою гарнизономъ, онъ вторгнулся въ нее безпрепятственно, овладѣлъ *арькомъ*, схватилъ Ширъ-Алія, умертвилъ его, и вѣрный данному слову, провозгласилъ себя намѣстникомъ эмира.

Несчастный титулъ бухарскаго наиба погубилъ новаго владѣльца. Народъ вознегодовалъ, услышавъ ненавистное имя Насръ-Уллы, и тотчасъ же послалъ извѣстить Мусульманъ-Кула о случившемся. Минбаши, со всѣмъ войскомъ своимъ, пошелъ къ Кокану. Съ послѣдняго перехода онъ отправилъ къ Мураду письмо, чтобы испросить у него дозволенія пріѣхать въ городъ. Мурадъ велѣлъ отказать ему въ этой просьбѣ. Тогда Чулакъ не сталъ долго думать. Съ своими

храбрыми Кипчаками, онъ ворвался въ столицу, окружилъ *арыкъ*, задержалъ владѣльца, казнилъ его, и объявилъ ханомъ сына покойнаго Ширъ-Алія, тринадцатилѣтняго Мухаммедъ-Худаяра. Мурадъ-Бекъ царствовалъ всего семь дней. Послѣ его смерти, находившійся при немъ отрядъ эмира спасся бѣгствомъ въ Бухару.

Со вступленіемъ Худаяра на престолъ началась для Кокана тяжкая эпоха. Ханъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы вмѣшиваться въ дѣла. Власть, естественнымъ образомъ, перешла въ руки Мусульманъ-Кула, который имѣлъ на нее неотъемленое право и въ добавокъ былъ тесть юного государя. На бѣду, человѣкъ этотъ, два раза избавившій отечество отъ непріятеля, не съумѣлъ воспользоваться счастіемъ. Честолюбіе вскружило ему голову, и онъ, потерявъ всякое сознаніе въ беззаконности своихъ поступковъ, сталъ распоряжаться всѣмъ по своему произволу, заботясь исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ. Тиранство его было въ особенности дурно потому, что злодѣйствовалъ не онъ одинъ, а съ нимъ вмѣстѣ самовольничали и всѣ стоявшіе въ главѣ управленія Кипчаки, которымъ Чулакъ по неволѣ долженъ былъ потворствовать, какъ лицамъ, служившимъ орудіемъ и поддержкою его власти.

Диктаторство минбашія длилось, не находя сопротивленія, лѣтъ пять, именно до 1850 года. Въ этомъ году ханъ достигъ совершеннолѣтія и сталъ видимо тяготиться опекою, наложенною на него тестемъ. Изъ среды самихъ же приверженцевъ Чулака, Кипчаковъ, нашлись лица, которыя, негодуя на него по разнымъ причинамъ, начали сговариваться между собою и помышлять о бунтѣ. Впрочемъ 1850 годъ

прошелъ тихо. Страхъ силы Мусульманъ-Куловой былъ еще великъ въ партіи недовольныхъ. Первый мятежъ вспыхнулъ въ 1851 году. Правитель маргаланскій Утенбай-Кушбеги, правитель уратюбинскій, и ходжандскій Минбай, всѣ трое Кипчаки, сердитые на минбашія, предложили Наръ-Мухаммеду, кушбегію ташкендскому, тоже Кипчаку, значительнѣйшему изъ областныхъ начальниковъ ханства, двинуться вмѣстѣ съ ними на Коканъ и умертвить Мусульманъ-Кула. Наръ-Мухаммедъ долго не соглашался. Правители обѣщали тогда сдѣлать его, въ случаѣ успѣха предпріятія, минбашіемъ. У ташкендскаго кушбегія не достало духа отказаться отъ столь привлекательной для него будущности. Онъ собралъ свою дружину, пошелъ съ минбашіемъ по направленію къ столицѣ, и расположился въ недальнемъ отъ нея разстояніи, около рѣки Сыръ-Дарьи. Тутъ онъ хотѣлъ дождаться правителя маргаланскаго, который шелъ къ нему на встрѣчу. Неизвѣстно, почему Утенбай замѣшкался. Эта проволочка въ военныхъ дѣйствіяхъ спасла Чулака. Онъ успѣлъ узнать о замыслахъ враговъ, выступить изъ Кокана съ арміей, занять позицію между Наръ-Мухаммедомъ и Утенбаемъ, и отрѣзать всякое между ними сообщеніе. Кушбеги ташкендскій, видя неудачу, поспѣшилъ вернуться къ себѣ, а правитель маргаланскій, со страху, явился въ непріятельскій лагерь, и объявилъ, что онъ шелъ на помощь къ Коканцамъ, а не къ заговорщикамъ. Хитрое извиненіе это не избавило правителя отъ наказанія. Онъ былъ отрѣшенъ отъ должности.

Въ началѣ 1852 года, между Мусульманъ-Куломъ и Наръ-Мухаммедомъ возгорѣлась сильная усобица. Поводомъ къ ней послужило слѣдующее обстоятель-

ство: ташкендскій кушбеги вносилъ 40,000 червонцевъ ежегодной подати въ три срока. Означенная подать поступала въ Коканѣ къ главному казначею (достарханчію). Чиновникъ этотъ, вмѣсто того, чтобы записывать ее сполна на приходъ, удерживалъ изъ нея часть, которою дѣлился съ пріятелями и родственниками, Наръ-Мухаммедомъ и главнымъ секретаремъ (рысалачіемъ). Бѣды-бы въ этомъ не было большой, еслибъ достарханчи дарилъ что̀-нибудь и минбашію; но изъ корыстолюбія или по другой причинѣ, онъ этого не дѣлалъ. Мусульманъ-Кулъ, узнавъ о происходившемъ тайкомъ отъ него злоупотребленіи черезъ жившаго въ Ташкендѣ и наблюдавшаго за дѣйствіями кушбегія, особаго чиновника Мурза-Баши Маасума, обидѣлся, и разъ, въ полномъ собраніи совѣта, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ *, потребовалъ у достарханчія и рысалачія очтетовъ за нѣсколько лѣтъ въ неисправномъ взносѣ ташкендской подати. Члены, уличенные въ противозаконныхъ поступкахъ, начали оправдываться и спорить, потомъ сгоряча выдернули свои сабли, и бросились на минбашія. Съ трудомъ помѣшали имъ совершить убійство. Немедленно послѣ засѣданія, Мусульманъ-Кулъ отправился съ жалобою къ хану, и настоялъ на томъ, чтобы достарханчи и рысалачи, до производства надъ ними слѣдствія, были смѣнены. Узнавъ объ этомъ, оба сановника со страху быть наказанными, бѣжали съ своими приверженцами въ Ташкендъ. Случилось это въ февралѣ 1852. Къ

---

* Совѣтъ этотъ былъ образованъ, при вступленіи Худаяра на престолъ, изъ Кипчаковъ. Предсѣдателемъ въ немъ былъ минбаши; членами назначены были достарханчи (казначей), рысалачи (секретарь), и еще два чиновника, занимавшіе важныя мѣста въ ханствѣ.

бѣглецамъ присоединился вскорѣ и кушбеги ходжандскій. Минбаши, раздосадованный до крайности, именемъ хана потребовалъ у Наръ-Мухаммеда выдачи всѣхъ трехъ скрывшихся къ нему чиновниковъ и прибытія его самаго въ Коканъ для оправданія. Кушбеги ташкендскій рѣшительно отказался повиноваться этому требованію, и началъ приготовленіе къ защитѣ своего города. 7-го марта 1852 г., коканское войско, подъ начальствомъ Чулака и хана, обложило Ташкендъ въ числѣ 40,000 человѣкъ при 8 орудіяхъ; не смотря однакоже на дѣйствіе послѣднихъ, на отводъ воды изъ Сырчика, и на неохотную защиту городскихъ обывателей, которые терпѣли отъ осады и отъ чрезвычайныхъ по этому случаю поборовъ, Коканцы, 23-го марта, отступили. Одна изъ главныхъ причинъ неудачи была измѣна кушбегія маргаланскаго, который 15-го марта, съ 600 человѣкъ передался осажденнымъ.

Безуспѣшный походъ на Ташкендъ имѣлъ для Мусульманъ-Кула послѣдствія весьма невыгодныя. Личные враги его, Наръ-Мухаммедъ, достарханчи, рысалачи и кушбегіи ходжанскій и маргаланскій, одобренные безнаказанностью своего ослушанія, сблизились. Къ нимъ примкнула вся шайка недовольныхъ Кипчаковъ, которые, до сихъ поръ увѣренные въ непобѣдимости минбашія, не смѣли явно выказать своего недоброжелательства. Недовольныхъ этихъ было очень много. Словомъ, изъ небольшой горсти бунтовщиковъ, существовавшей въ февралѣ, къ апрѣлю образовалась значительная и сильная оппозиціонная партія. Самъ Худаяръ, какъ было слышно, тайкомъ клонился на ея сторону.

Мусульманъ-Кулъ, очень скоро почувствовалъ, что положеніе его дурно и рѣшился его исправить. Ласки

и угрозы были имъ употреблены, чтобы какъ-нибудь разстроить противную партію и вызвать въ Коканъ главныхъ зачинщиковъ, Наръ-Мухаммеда и его четырехъ союзниковъ. Старанія эти не принесли ни малѣйшей пользы. Кушбегіи, достарханчи и рысалачи, на всѣ предложенія перваго министра отвѣчали не ему, а хану, и писали положительно, что они согласятся сдаться тогда только, когда минбаши будетъ лишенъ своего званія.

Необходимость заставила Чулака взяться снова за оружіе. 16-го іюня 1852 года онъ осадилъ Ташкендъ съ 30,000 человѣкъ, при 8 орудіяхъ, и въ сопровожденіи хана, котораго боялся оставить одного въ столицѣ. Вторичный походъ этотъ былъ пагубенъ для Мусульманъ-Кула; въ немъ онъ потерялъ окончательно все свое вліяніе. Паденіе его произошло слѣдующимъ образомъ. Когда минбаши съ войскомъ подступилъ къ Ташкенду, въ городѣ уже заранѣе были приняты мѣры для его защиты. Жителямъ приказано было обороняться. Во всѣхъ сосѣднихъ крѣпостяхъ, подвѣдомственныхъ Наръ-Мухаммеду, начальники, подозрѣваемые въ преданности непріятелю, были смѣнены и замѣщены другими. * Овладѣть Ташкендомъ силою было почти невозможно. Мусульманъ-Кулъ, простоявъ нѣсколько времени подъ его стѣнами, отправилъ небольшой отрядъ противъ Туркестана, а самъ со всею арміею пошелъ къ Ніязбеку. Крѣпость эта лежитъ на вершинахъ Саларки и Сырчика, протекающихъ около Ташкенда. Чулакъ думалъ взять ее, от-

* Такимъ образомъ, бекъ туркестанскій Иманъ-Берды былъ вызванъ въ Ташкендъ и лишенъ жизни, а на его мѣсто назначенъ былъ меньшой братъ его Юсуфъ-Бекъ.

вести русло обѣихъ рѣкъ и чрезъ это лишить воды Наръ-Мухаммеда и его войско. * Осада Ніязбека была продолжительна. Минбаши, видя, что овладѣть цитаделью не такъ легко, какъ онъ предполагалъ съ перваго раза, перемѣнилъ свой планъ. Онъ не сталъ брать Ніязбека, а только отвелъ воду, и чтобы смотрѣть за нею, построилъ вблизи непріятельской крѣпости свою, въ которую посадилъ 300 человѣкъ солдатъ. Отъ Ніязбека Мусульманъ-Кулъ двинулся на Чемкендъ и обложилъ его. Жители хотѣли-было сдаться, но гарнизонъ заперся. Черезъ три дня Чемкендъ былъ взятъ. Въ это время, въ коканскій лагерь пришло извѣстіе, что Ташкенцы разбили 300 человѣкъ, находившихся подъ Ніязбекомъ, и опять пустили воду къ себѣ въ городъ. Чулакъ, встревоженный столь непріятнымъ для него извѣстіемъ, немедленно оставилъ 300 человѣкъ гарнизона въ завоеванномъ имъ Чемкендѣ, и наскоро двинулся со всѣмъ войскомъ къ Ніязбеку. На берегу Сырчика встрѣтила его ташкендская армія. Тутъ рѣшилась участь минбашія. Передъ самымъ началомъ битвы, въ тотъ именно моментъ, когда Коканцамъ слѣдовало итти въ аттаку, Худаяръ съ многочисленнымъ отрядомъ вдругъ передался на сторону непріятеля. Неожиданный случай этотъ, навелъ ужасъ на приверженцевъ Чулака. Коканцы бѣжали, не вынимая оружія. Множество ихъ погибло; человѣкъ до тысячи утонуло въ Сырчикѣ. Мусульманъ-Кулъ съ трудомъ спасся отъ плѣна. Съ небольшою свитою онъ ускакалъ

* Крѣпость Ніязбекъ не зависѣла отъ ташкендскаго кушбегія. Наръ-Мухаммедъ платилъ начальнику ея ежегодно 200 червонцевъ, чтобы онъ не отводилъ воды въ другое русло, а поддерживалъ правильное ея теченіе.

съ поля сраженія, и скрылся въ кочевьяхъ Черныхъ-Киргизовъ, изъ рода которыхъ происходила его мать.

Тотчасъ послѣ паденія Чулака, въ сентябрѣ 1852 г., произошелъ переворотъ въ управленіи Кокана. Партія, бывшая оппозиціонною, сдѣлалась господствующею. Утенбай назначенъ былъ минбашіемъ; достарханчи и рысалачи получили прежнія свои должности. Лица, преданныя бѣжавшему первому министру, были казнены.

Торжество новой партіи было только минутное. Существовать ей долго было нельзя. Въ средѣ ея не находилось никого, кто бы, по уму и способностямъ, могъ сравниться съ Мусульманъ-Куломъ, и подобно ему упрочить свою власть. Народъ былъ противъ новыхъ начальниковъ, въ лицѣ которыхъ онъ видѣлъ тѣхъ же Кипчаковъ, терзавшихъ его въ теченіи пяти лѣтъ. Наконецъ на хана расчитывать было невозможно. Если онъ передался на сторону Наръ-Мухаммеда, то сдѣлалъ это потому, что его тяготилъ присмотръ тестя. Худаяръ не былъ вовсе намѣренъ вытти изъ одной опеки, чтобы впасть въ другую.

Мѣсяца черезъ два, въ Коканѣ между Сартами образовался заговоръ, чтобы истребить всѣхъ Кипчаковъ до одного. Ханъ принялъ въ немъ участіе. Заговоръ этотъ удался: Утенбай и его главнѣйшіе приверженцы подверглись смерти; значительнѣйшія должности въ ханствѣ были розданы Сартамъ. Мѣсто Наръ-Мухаммеда въ Ташкендѣ получилъ братъ Худаяра, Мулла-Бекъ. Коканъ обратился въ обширную лобную площадь, гдѣ ежеминутно умерщвляли Кипчаковъ. Правительство, нарочно для народа, который тѣшился мученіями своихъ прежнихъ властелиновъ, придумывало самые жестокіе роды казней. Чтобы дать объ нихъ нѣкоторое понятіе, опишемъ смерть Сафарбая,

бывшаго нѣкогда серкеромъ, «военачальникомъ»: сначала его били палками и вертѣли ему руки и ноги; потомъ давили ему голову свинцовыми шарами, такъ что глаза выходили наружу; наконецъ обмазали ему тѣло тѣстомъ, и лили на него горячее масло; въ заключеніе, зарѣзали.

Въ началѣ 1853 года, въ то время, когда еще продолжалось убіеніе Кипчаковъ, былъ пойманъ Мусульманъ-Кулъ, и привезенъ въ столицу. Казнь надъ нимъ была совершена публично. Его посадили, въ высокой тебетейкѣ и окованнаго цѣпями, на эшафотъ изъ досокъ, имѣвшій въ вышину аршина три. На немъ держали его три дня, въ теченіе которыхъ, въ его глазахъ, умертвили 600 Кипчаковъ. На третій день Чулака повѣсили. Такимъ образомъ погибъ человѣкъ замѣчательный, два раза спасшій родину отъ Бухарцевъ, и десять лѣтъ управлявшій Коканомъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Я имѣю у себя въ рукахъ любопытный документъ касательно происшествій, случившихся въ Кокандскомъ Ханствѣ въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1852 года: это дневникъ ростовскаго купца С. Я. Ключарева, который, по торговымъ дѣламъ, жилъ въ это время въ Ташкендѣ, и записывалъ что̀ видѣлъ самъ или слышалъ отъ другихъ. Документъ этотъ считаю не лишнимъ сообщить, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, съ прибавленіемъ лишь немногихъ пояснительныхъ, подстрочныхъ примѣчаній.)

Ташкендъ, 6-го февраля 1852. — Кушбеги, для уплаты подати, вносимой въ ханскую казну, взималъ съ каждаго дома по $1^1/_2$ червонца.

7-го числа. — Изъ Кокана пріѣхалъ чиновникъ и именемъ хана требовалъ у кушбегія 12,000 червонцевъ. Деньги эти были собраны. Наръ-Мухаммедъ хотѣлъ послать ихъ въ столицу.

8-го ч. — Изъ Кокана прискакали рысалачи, достарханчи и сынъ Наръ-Мухаммеда. Всѣ трое объявили, что они бѣжали отъ Мусульманъ-Кула, который хотѣлъ убить ихъ и сбирался итти съ войскомъ на Ташкендъ.

9-го ч. — Денегъ (12 тысячъ червонцевъ), не велѣно отправлять въ Коканъ.

10-го ч. — Сдѣланъ нарядъ изъ жителей, чтобы исправить земляной валъ, идущій кругомъ города. Цѣны на съѣстные припасы на рынкахъ поднялись по 20 коп. на рубль.

11-го и 12-го ч. — Исправляли валъ снаружи и извнутри.

13-го ч. — Въ городъ прибыла партія Кипчаковъ, приверженныхъ кушбегію и достарханчію, и выбѣжавшихъ изъ Кокана.

14-го ч. — Наръ-Мухаммедъ собралъ къ себѣ всѣхъ старшинъ города, подарилъ имъ по халату, обласкалъ ихъ, и спросилъ: готовы ли они и жители защищать городъ противъ минбашія? Старшины отвѣтили кушбегію, что они готовы жертвовать для него жизнію и достояніемъ. Впрочемъ это была одна фраза, вынужденная страхомъ. Народъ былъ недоволенъ предстоявшею войною и громко роптал. Причина такого всеобщаго неудовольствія была весьма понятна. Приближалась рабочая пора, когда всѣ обыватели выгоняютъ скотъ свой за-городъ, а сами ходятъ въ окрестности пахать поля и разводить сады. Осада принудила бы жителей запереться и лишила бы ихъ средствъ къ пропитанію на цѣлый годъ.

15 ч. — Продолжали исправлять валъ. Торговля шла хуже обыкновеннаго. Въ полдень, кушбеги, достарханчи и рысалачи отправились съ частью войска по дорогѣ въ Коканъ.

16-го ч. — Объявлено жителямъ, подъ угрозою смертной казни, чтобы всякій, кто имѣетъ лошадь и оружіе, догонялъ немедленно войско, выступившее наканунѣ изъ города.

17-го ч. — Жители Ташкенда вооруженною толпою отправились въ походъ. Городъ опустѣлъ. Всякія сношенія

съ окрестными селеніями прекратились. Ѣзда въ нихъ сдѣлалась опасною.

19-го и 20-го ч. — Жители вернулись въ городъ. Они были отпущены кушбегіемъ изъ-подъ крѣпости Креучи.* Многіе изъ нихъ имѣли жалованные халаты (сарпай).

25-го ч. — Получено извѣстіе, что минбаши и ханъ выступили съ войскомъ изъ столицы.

29-го ч. — Наръ-Мухаммедъ и отрядъ его возвратились въ Ташкендъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Они были встрѣчены минбашіемъ, который, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и едва не истребилъ. Ташкенцы бѣжали, бросивъ въ попыхахъ одну изъ своихъ пушекъ. Орудіе это было въ послѣдствіи привезено въ городъ. Кушбеги далъ доставившимъ его солдатамъ въ награду 60 червонцевъ.

Мартъ. 1-го числа.— Жители стали зарывать свое имѣніе. Всѣ купцы выбрались изъ лавокъ. Народъ былъ въ большомъ страхѣ. Дѣйствительно, положеніе его было критическое. Минбаши не сегодня, завтра, долженъ былъ явиться подъ стѣнами города. Сопротивляться ему было опасно; подчиниться же ему добровольно значило взбунтоваться противъ кушбегія, который имѣлъ при себѣ преданныхъ Кипчаковъ, и могъ съ ихъ помощію заставить народъ дорого поплатиться за измѣну.

2-го ч. — Во всѣхъ воротахъ поставлены были караулы. Начальникамъ ихъ приказано было никого не впускать въ городъ и выпускать изъ него безъ допроса. — Наръ-Мухам-

* Крѣпость Креучи лежитъ въ 6 верстахъ вправо отъ дороги, ведущей изъ Тайтюбы въ Тляу. Она обведена довольно высоко глиняною стѣною, которая внизу имѣетъ 4 арш., а на верху $3/4$ аршина толщины. Въ стѣнѣ этой продѣлано двое воротъ. Креучи стоитъ на мысу, вдающемся въ рѣку Ангару. Строенія въ ней очень мало; есть домъ для коменданта и казарма для помѣщенія гарнизона, который въ мирное время численностью своею не превышаетъ 100 или 150 человѣкъ. Орудіе въ крѣпости — одно.

медъ вошелъ въ кремль и размѣстилъ значительную часть гарнизона по той стѣнѣ, которая обращена къ Кокану.

3-го и 4-го ч. — Ко всѣмъ двѣнадцати городскимъ воротамъ наряжено было по 100 жителей, вооруженныхъ ружьями и палками. Каждый изъ этихъ сотенныхъ отрядовъ, состоя подъ начальствомъ юзбашія изъ Кипчаковъ, долженъ былъ днемъ и ночью ходить дозоромъ отъ своихъ воротъ къ ближнимъ.

6-го ч. — Изъ коканской арміи пріѣхалъ нарочный съ письмомъ, въ которомъ минбаши и ханъ требовали у жителей Ташкенда непремѣнной и немедленной выдачи Наръ-Мухаммеда, достарханчія, рысалачія и кушбегія хаджандскаго. Наръ-Мухаммедъ отвѣчалъ съ своимъ гонцемъ, что онъ и выбѣжавшіе къ нему три сановника бунтуютъ не противъ Худаяра, а противъ Мусульманъ-Кула, что они и весь городъ сдадутся, какъ только минбаши будетъ удаленъ отъ должности. Вечеромъ вернулся гонецъ кушбегія. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ былъ принятъ въ непріятельскомъ лагерѣ очень дурно.

7-го ч. — Коканцы въ числѣ 40,000 человѣкъ перешли въ полдень рѣчку Сырчикъ, и расположились лагеремъ вблизи Ташкенда.

8-го ч. — Въ 6 часовъ утра, осажденные начали стрѣлять изъ пушекъ въ часть непріятельскаго войска, которая подошла слишкомъ близко къ стѣнамъ. Въ 8 часовъ утра, Коканцы сдѣлали земляную насыпь, поставили орудія, и открыли огонь. Въ полдень, они стрѣляли изъ четырехъ пушекъ. Ташкенцы отвѣчали имъ также изъ четырехъ орудій. Стрѣльба продолжалась до 8 часовъ вечера. Убитыхъ въ городѣ оказалось пять человѣкъ. Крѣпостной валъ пострадалъ во многихъ мѣстахъ отъ ядеръ, но былъ исправленъ. Въ теченіи дня, отъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ, по 40 человѣкъ съ винтовками на лучшихъ лошадяхъ выѣзжали другъ другу на встрѣчу. Ташкенцамъ удалось при этомъ захватить трехъ человѣкъ, а Коканцамъ

двухъ. Плѣнные были немедленно умерщвлены. Кушбеги приводилъ 200 человѣкъ вліятельныхъ жителей къ присягѣ. Онъ заставлялъ ихъ цѣловать Коранъ и клясться, что они будутъ защищать городъ до послѣдней капли крови. Послѣ присяги пожалованы были *сарпаи* всѣмъ 200 человѣкамъ.

9-го ч. — Огонь изъ орудій не прекращался отъ 5 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Жители безпрестанно чинили стѣну, которую пробивали непріятельскіе снаряды. Уронъ простирался до 8 человѣкъ убитыми. Ташкенцы, въ числѣ 40 человѣкъ, сдѣлали вылазку, но такъ неудачно, что съ трудомъ успѣли вернуться въ городъ и запереть за собою ворота. При этомъ они имѣли одного человѣка убитаго и двухъ человѣкъ раненыхъ.

10-го ч. — Въ 5 часовъ утра, Кокацы открыли огонь и стрѣляли два часа сряду. Артиллерія ихъ дѣйствовала очень успѣшно. Въ стѣнѣ было сдѣлано много пробоинъ и главный начальникъ всей ташкендской артиллеріи, юзбаши Айбалта былъ убитъ. Въ 7 часовъ вечера пошелъ дождь, который положилъ конецъ бомбардированію города.

11-го ч. — Коканцы подвезли 4 орудія ближе къ валу, и несмотря на крѣпостный огонь, стрѣляли безостановочно до 6 часовъ вечера. Въ этотъ день они ядрами убили 4-хъ человѣкъ и одну лошадь, подѣлали бреши въ разныхъ мѣстахъ стѣны, и поломали множество садовыхъ деревьевъ. Жители, которымъ принадлежали дома, находившіеся вблизи вала, перебрались со страха внутрь города. Ночью, 45 человѣкъ пѣшихъ сдѣлали вылазку. Они тайкомъ подкрались къ непріятельскому лагерю, схватили трехъ человѣкъ и 5 ружей, и вернулись благополучно въ крѣпость, имѣя у себя одного только раненаго. Кушбеги наградилъ ихъ всѣхъ, давъ каждому по $1/2$ червонца.

12-го ч. — Пушечная стрѣльба длилась во весь день; 210 человѣкъ ходили за городъ, чтобы потревожить Коканцевъ. Они возвратились безъ всякаго успѣха.

13-го ч. — Огонь изъ орудій не переставалъ въ теченіи цѣлаго дня; 45 человѣкъ дѣлали вылазку. Они потеряли одного изъ своихъ, который былъ убитъ, но за то поймали трехъ человѣкъ и двѣ лошади. Кушбеги собралъ 250 человѣкъ самыхъ богатыхъ гражданъ, и велѣлъ имъ жить въ шатрахъ рядомъ съ нимъ около городскаго вала. Это была мѣра предосторожности: Наръ-Мухаммедъ зналъ, что народъ недоволенъ войною, и опасаясь измѣны, хотѣлъ, чтобы всѣ сколько-нибудь вліятельныя лица были у него постоянно подъ глазами, въ родѣ аманатовъ.

14-го ч. — Осаждавшіе придвинули свои орудія еще ближе къ городу. Ташкенцы, въ вылазкѣ, на которую ходило изъ нихъ сто человѣкъ, захватили двухъ Коканцевъ. Плѣнные эти показали на допросѣ, что войско ханское увеличилось на дняхъ нѣсколькими дружинами, прибывшими подъ командою разныхъ бековъ *, и что минбаши сбиралъ закя̀тъ съ окрестныхъ Казаковъ и уже взялъ, вмѣсто пошлины, съ торговцевъ, пріѣхавшихъ изъ степи, 20 табуновъ барановъ. Къ вечеру, Коканцы отвели въ Саларку воду, текущую изъ Сырчика въ городъ; отъ этого всѣ канавы на улицахъ пересохли. Къ счастью, въ Ташкендѣ было много колодцевъ и родниковъ, такъ что недостатокъ въ водѣ не могъ быть ощутителенъ. Ропотъ въ народѣ на кушбегія былъ въ этотъ день сильнѣе чѣмъ когда-либо. Жители громко жаловались на продолжительность осады и на претерпѣваемыя ими бѣдствія.

15-го ч. — Въ 4 часа утра, стрѣльба пушечная и ружейная сдѣлалась чрезвычайно сильна. Слышанъ былъ крикъ необыкновенный. Мы всѣ думали, что Коканцы ворвались въ городъ, и съ ужасомъ ожидали рѣшенія нашей участи. Чрезъ нѣсколько минутъ дѣло объяснилось. Случилось совсѣмъ не то, что̀ мы предполагали. Оказалось, что марга-

* Беками называются чиновники, управляющіе небольшими городами, подвѣдомственными областнымъ начальникамъ.

ланскій кушбеги Утенбай, съ 600 человѣкъ своей дружины, передался на сторону осажденныхъ. Слышанный нами шумъ происходилъ отъ стычки, которая завязалась между Ташкенцами и Коканцами. Первые старались защитить Утенбая, другіе не пустить его въ городъ. Стычка была непродолжительна, но очень горяча и кровопролитна. На полѣ сраженія осталось убитыхъ 50 человѣкъ. Ташкенцы побѣдили. Они выручили кушбегія маргаланскаго, и отняли у непріятеля два орудія. День этотъ былъ радостный для гарнизона. Въ полдень 210 человѣкъ поѣхали верхомъ за городъ; къ ночи они вернулись въ крѣпость, не успѣвъ ничего сдѣлать.

16-го ч. — Ханъ и минбаши стояли спокойно на занятой ими позиціи, и ничего не предпринимали во весь день. Въ 4 часа по полудни пошелъ проливной дождь, который не прекращался до слѣдующаго утра, и мѣшалъ дѣйствію артиллеріи. Изъ крѣпости могли выстрѣлить только 7 разъ. Къ вечеру гарнизонъ рѣшился на вылазку. 700 человѣкъ раздѣлились на три толпы, изъ которыхъ каждая выступила изъ особыхъ воротъ. Удачи отъ этого не было никакой. Отъ непріятеля въ городъ перебѣжало 4 человѣка. Они показали, что минбаши послалъ во всѣ окрестные казацкіе аулы людей для сбора закята, и думалъ, по возвращеніи ихъ, снять осаду. Въ коканскомъ лагерѣ, по словамъ переметчиковъ, былъ большой безпорядокъ. Многіе сдались неохотно, и ждали только удобнаго случая, чтобы перейти къ Ташкенцамъ. Мусульманъ-Кулъ зналъ это, и принималъ крутыя мѣры для возстановленія дисциплины. Въ этотъ день Наръ-Мухаммедъ обложилъ всѣхъ купцовъ, какъ туземныхъ, такъ и иногородныхъ, сборомъ отъ 10 до 50 червонцевъ съ каждаго. Купцамъ очень не хотѣлось платить, однако нужда принудила ихъ быть щедрыми. Кушбеги немилосердо наказывалъ тѣхъ, которые отказывались отъ взноса денегъ. Более всѣхъ потерпѣли Индѣйцы. Съ нихъ, какъ съ самыхъ богатыхъ, велѣно было взыскать

500 червонцевъ. Они стали отговариваться, и утверждать, что не въ силахъ выдать столь значительной суммы. Нарь-Мухаммедъ въ ту же минуту командировалъ къ нимъ нѣсколькихъ Кипчаковъ, которые начали бить ихъ плетьми и грозить смертью. Измученные и перепуганные, Индѣйцы собрали немедленно 500 червонцевъ, и отнесли ихъ сами къ правителю. Въ оправданіе кушбегія, можно сказать, что крайняя необходимость заставляла его вымогать деньги у купцовъ. Ему рѣшительно нечѣмъ было содержать войска. На пособіе со стороны достарханчія, рысалачія и правителей маргаланскаго и ходжанскаго, расчитывать было нельзя. Всѣ они выбѣжали наскоро, бросивъ семейство и имущество свое у Коканцевъ.

17-го ч. — Осаждавшіе стрѣляли изъ четырехъ пушекъ цѣлый день, съ 9 часовъ утра. Ташкенцы отвѣчали изъ двухъ орудій. Гарнизонные солдаты, въ числѣ 500 человѣкъ, выѣхали въ полдень за ворота, постояли не долго у стѣны, и видя, что непріятель не трогаетъ ихъ, возвратились назадъ. Вода въ городскихъ прудахъ начала убавляться. Въ дальнихъ улицахъ жители принялись отрывать колодцы, которые въ обыкновенное время зарываютъ, потому что тогда проточной воды бываетъ много.

18-го ч. — Въ 9 часовъ утра, 500 человѣкъ вышло изъ города. На встрѣчу имъ кинулось 300 человѣкъ Коканцевъ. Ташкендскій отрядъ разбилъ непріятеля и погналъ его прямо на его же лагерь. Въ станѣ минбашія поднялась тревога. 100 человѣкъ бросилось изъ него на помощь бѣжавшимъ. Ташкенцы въ свою очередь были опрокинуты. Нарь-Мухаммедъ, увидавъ это съ верху вала, тотчасъ же послалъ на выручку своимъ 1000 человѣкъ. Тогда обѣ партіи спѣшились и схватились въ рукопашную драку. Бой былъ жестокій и длился около часа. Перевѣсъ остался на сторонѣ Коканцевъ, къ которымъ, къ концу дѣла, пришло подкрѣпленіе. Убитыхъ на полѣ сраженія было 250 человѣкъ.

Пушечная и ружейная стрѣльба продолжалась во весь день. Уронъ отъ нея былъ незначительный.

19-го ч. — Минбаши и ханъ отступили отъ города, и расположились отъ него верстахъ въ четырехъ, на возвышеніи, такъ что изъ крѣпости ихъ было видно. Въ теченіи сутокъ было сдѣлано всего нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій. Отъ Коканцевъ перебѣжало въ Ташкендъ 30 человѣкъ. Они объявили, что Мусульманъ-Кулъ окончательно рѣшился снять осаду. Кушбеги пожаловалъ каждому изъ 30 перебѣжчиковъ по халату. Весь день шелъ дождь.

20-го ч. — Дождь не прекращался; поэтому дѣйствій военныхъ не происходило никакихъ. Минбаши стоялъ неподвижно на своей позиціи. Во многихъ частяхъ города найдены были подкинутыя письма, въ которыхъ Мусульманъ-Кулъ приглашалъ народъ сдаться. Кушбеги, узнавъ объ этомъ, позвалъ къ себѣ главнѣйшихъ жителей и велѣлъ имъ присягнуть на Коранѣ въ томъ, что они останутся ему вѣрными.

21-го ч. — Минбаши не трогался съ мѣста. Ташкенцы тоже ничего не предпринимали. Кушбеги, подозрѣвая своего казы-каляна въ пересылкѣ письма отъ имени жителей къ Мусульманъ-Кулу, посадилъ его въ тюрьму; потомъ взыскалъ съ него 800 червонцевъ штрафа, и потребовалъ еще 1000.

22-го ч. — Коканское войско отдвинулось немного назадъ. Кушбеги началъ сбирать по 20 червонцевъ съ каждаго купца. Купцы прятались и всячески старались избѣжать уплаты. Минбаши послалъ 800 человѣкъ и 2 орудія къ Чемкенду для взысканія закята. Жители, при видѣ непріятельскаго отряда, приготовились-было къ сдачѣ города, какъ вдругъ прискакалъ гонецъ отъ Мусульманъ-Кула и велѣлъ 800 человѣкамъ немедленно вернуться. Въ слѣдъ за уходомъ Коканцевъ, пріѣхалъ въ Чемкендъ нарочный Наръ-Мухаммеда съ извѣстіемъ, что ханская армія отступаетъ. Бекъ чемкендскій, который уговаривалъ жителей выдер-

жать осаду, и котораго никто не слушалъ, когда Коканцы были подъ стѣнами, воспользовался предоставленною ему властью, чтобы наказать обывателей за неповиновеніе. Онъ посадилъ 150 человѣкъ въ тюрьму и 15 человѣкъ казнилъ.

23-го ч. — Коканцы перешли р. Сырчикъ и расположились лагеремъ верстахъ въ трехъ отъ нея. Ворота городскія оставались заваленными. Жители все еще боялись, чтобы Чулакъ не вернулся, были осторожны, и не выгоняли скотины въ поле. Въ 4 часа по полудни прибылъ отъ непріятеля посланецъ съ письмомъ къ кушбегію. Минбаши требовалъ, чтобы достарханчи, рысалачи и правители маргаланскій и ходжанскій явились къ хану. Нарь-Мухаммеда онъ укорялъ въ томъ, будто бы сановникъ этотъ звалъ къ себѣ бухарскаго эмира на помощь. Посланецъ коканскій ночевалъ въ Ташкендѣ.

24-го ч. — Коканцы отступили къ Тайтюбѣ. Ташкенцы пошли на Сырчикъ отпирать воду, отведенную непріятелемъ. Кушбеги отправилъ съ коканскимъ посланцемъ отвѣтъ на полученное наканунѣ письмо. Въ немъ онъ говорилъ хану положительно, что никто изъ чиновниковъ не явится къ нему до тѣхъ поръ, пока минбаши не будетъ удаленъ отъ должности.

25-го ч. — Коканское войско прибыло въ крѣпость Креучи. Жители Ташкенда отперли свои ворота. Вода изъ Сырчика еще не приходила въ городъ. Привезено было письмо изъ непріятельскаго лагеря за печатью самого хана: Худаяръ предлагалъ достарханчію, рысалачію и кушбегіямъ маргаланскому и ходжандскому, ѣхать на поклоненіе въ Мекку, или немедленно отправиться въ г. Коканъ, а Нарь-Мухаммеду онъ приказывалъ явиться къ нему безъ малѣйшаго замедленія. Письмо хана было оставлено безъ отвѣта. Кушбеги переѣхалъ изъ кремля въ свой *курганъ*, гдѣ онъ жилъ обыкновенно въ мирное время. Достарханчи и другіе чиновники поселились въ шатрахъ за городомъ.

26-го ч. — Коканцы, какъ было слышно, ушли за 12 верстъ отъ кр. Креучи. Наръ-Мухаммедъ продолжалъ взимать по 20 червонцевъ съ купцовъ, которые по-прежнему укрывались отъ его преслѣдованія. Казаки, кочующіе кругомъ Ташкенда, были обложены сборомъ въ 5000 червонцевъ. Къ счастію для нихъ, за нихъ заступились нѣкоторые изъ главнѣйшихъ чиновниковъ, и кушбеги согласился удовольствоваться 1000 червонцевъ. Въ этотъ же день Наръ-Мухаммедъ послалъ въ Чемкендъ къ тамошнему беку приказаніе выпустить изъ тюрьмы задержанныхъ имъ 150 человѣкъ и замѣнить заслуженную ими казнь штрафомъ въ 2000 червонцевъ. Деньги эти велѣно было, немедленно по полученіи, отправить въ Ташкендъ. Нѣкоторые купцы просили дозволенія ѣхать съ товаромъ въ Бухару и Коканъ. Кушбеги не отпустилъ ихъ.

27-го — Доставлено было въ Ташкендъ письмо минбашія, который требовалъ, чтобы достарханчи и рысалачи выѣхали непремѣнно изъ города. Мусульманъ-Кулу отвѣчали отказомъ. Вода изъ Сырчика наполнила канавы. Открылся первый базаръ послѣ осады; но пріѣзжихъ изъ окрестныхъ селеній не было на немъ вовсе. Кушбеги разрѣшилъ отправлять товары въ Бухару.

28-го ч. — Пришелъ караванъ въ 50 верблюдовъ изъ г. Кокана. Наръ-Мухаммедъ подъ разными предлогами собиралъ деньги со всѣхъ и каждаго. Независимо отъ этого, по его приказанію, по самымъ пустымъ причинамъ, производились конфискаціи. Какой-то ишанъ *, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и содержавшійся уже три дня въ тюрьмѣ по одному подозрѣнію въ преданности Мусульманъ-Кулу, былъ сосланъ въ Бухару, а домъ, земля и имущество его были отобраны въ казну кушбегія. Носились слухи, что поборы и конфискаціи дѣлались потому, что

* «Ишаномъ» въ Средней Азіи называется человѣкъ, который строго исполняетъ всѣ предписанія пророка и въ народѣ признается за святаго.

Наръ-Мухаммедъ думалъ идти на Коканъ и нуждался въ деньгахъ.

29-го ч. — Въ Ташкендъ выбѣжало изъ разныхъ мѣстъ 500 Кипчаковъ, недовольныхъ минбашіемъ.

Апрѣль. 1-го ч. — Съ жителей Ташкенда взимали *танапъ-пуль*.* Въ народѣ говорили, что кушбеги долженъ былъ на дняхъ выступить противъ Кокана.

2-го ч. — Намѣреніе идти на Коканъ было отложено въ слѣдствіе разногласія, возникшаго по этому поводу между Наръ-Мухаммедомъ, достарханчіемъ и рысалачіемъ.

3-го ч. — Изъ Бухары пришелъ въ Ташкендъ первый въ нынѣшнемъ году караванъ. Бо́льшая часть привезеннаго товара состояла изъ опіума. Купцы, зная какъ выгоденъ сбытъ этого предмета въ Кульджу, Чугучакъ, Кашкаръ и во всѣ пограничные китайскіе города, раскупили его тотчасъ же на наличныя деньги.

4-го ч. — Коканскіе торговцы просили дозволенія ѣхать къ себѣ назадъ; имъ велѣно было подождать нѣсколько дней. Изъ Бухары пришелъ еще одинъ караванъ. Казаки начали пригонять скотъ изъ степи. Въ этотъ день продано ими было 20,000 барановъ.

6-го ч. — Прибылъ посланецъ изъ Кокана. Ханъ и минбаши, въ письмѣ, адресованномъ на имя кушбегія, требовали, чтобы достарханчи и Утенбай выѣхали куда-нибудь изъ Ташкенда, а Наръ-Мухаммедъ и рысалачи явились въ столицу для оправданія. Посланецъ былъ отправленъ обратно съ отказомъ на всѣ предложенныя имъ требованія. Между жителями пронесся слухъ, что минбаши намѣренъ во второй разъ осадить городъ.

---

* *Танапъ-пуль.* Такъ называется подать, взимаемая съ каждаго обработаннаго танапа земли. При Кипчакахъ, съ танапа, засѣяннаго огородными овощами, брали 11 тенегъ, а съ танапа, находившагося подъ садомъ, отъ 11 тенегъ до 3 тиллъ. Въ Ташкендѣ подать эта въ годъ простиралась до 7000 тиллъ.

7-го ч. — Коканскимъ купцамъ дано было дозволеніе ѣхать назадъ въ столицу.

8-го ч. — Вышли изъ Ташкенда два первыхъ каравана: одинъ въ Троицкъ, другой въ Кульджу. Въ послѣднемъ не было ничего кромѣ золота (въ слиткахъ и чеканѣ) и опіума.

11-го ч. — Пріѣхалъ въ городъ начальникъ Акъ-Мечети, крѣпости подвѣдомственной Наръ-Мухаммеду, Якубъ-Бій, съ своею свитою.

12-го ч. — Наръ-Мухаммедъ, достарханчи, рысалачи и кушбегіи маргаланскій и ходжандскій, ѣздили по сараямъ,* и закупили себѣ множество товаровъ.

13-го ч. — Уходили караваны въ Троицкъ, Петропавловскъ и Бухару.

14-го ч. — Пріѣхалъ изъ Кокана, жившій тамъ съ декабря мѣсяца, хивинскій посланникъ.

15-го ч. — Уходили караваны въ Петропавловскъ и Семипалатинскъ. Вообще, судя по ходу, который приняла торговля нынѣшнею весною, замѣтно, что вывозъ товаровъ за-границу становится очень великъ, а привозъ чрезвычайно малъ. Приписать это нужно возникшимъ здѣсь безпорядкамъ. Туземные купцы, не предвидя скораго конца смутамъ, стараются заранѣе, пока Кипчаки еще не успѣли совершенно разорить ихъ, выбраться изъ города. Въ Ташкендъ же никто изъ заграничныхъ купцовъ не хочетъ ѣхать, со страху.

16-го ч. — Кушбеги отрядилъ 500 человѣкъ, чтобы преслѣдовать и вернуть Казаковъ рода Чамычкылу, которые передались на сторону минбашія и откочевали къ Кокану. Вечеромъ Наръ-Мухаммедъ, неизвѣстно зачѣмъ, отправилъ посланца въ Бухару.

---

* «Сараями» называются гостинные дворы въ Средней Азіи. Въ Ташкендѣ считается ихъ 15.

17-го ч. — Пріѣхали торговцы изъ Кокана. Они объявили, что Мусульманъ-Кулъ дѣлаетъ значительныя приготовленія къ войнѣ съ Ташкендомъ и думаетъ осадить его. Извѣстіе это сильно встревожило жителей. Всѣхъ болѣе перепугались купцы.

18-го ч. — Пятисотенный отрядъ, посланный въ погоню за родомъ Чапычилу, пришелъ назадъ. Онъ отбилъ у Казаковъ много скота, но не могъ вернуть ихъ.

19-го ч. — 1000 человѣкъ было поставлено кушбегіемъ въ караулъ у р. Сырчика по дорогѣ въ Коканъ. Всѣмъ ауламъ казацкимъ приказано было откочевать со скотомъ къ Туркестану.

20-го ч. — Якубъ-Бій, начальникъ Акъ-Мечети, подносилъ Наръ-Мухаммеду свой *тарту*.* Тарту этотъ цѣнили въ 1000 червонцевъ.

21-го ч. — Слухъ о скоромъ прибытіи минбашія съ войскомъ сталъ подтверждаться. Пастухи изъ Казаковъ, боясь быть захваченными непріятелемъ, пригнали въ городъ весь обывательскій скотъ, пасшійся въ окрестностяхъ Ташкенда.

23-го ч. — Явился нарочный изъ Кокана. Онъ требовалъ, чтобы достарханчи и рысалачи оставили Ташкендъ, а Наръ-Мухаммедъ пріѣхалъ въ столицу. Нарочный былъ принятъ дурно и въ тотъ же день отправленъ назадъ.

24-го ч. — Пріѣхало изъ Кокана 12 человѣкъ купцовъ верхомъ и безъ товара. Оказалось, что минбаши запретилъ вывозить въ Ташкендъ вещи изъ столицы и изо всей полосы земли, откуда проходили дороги чрезъ г. Коканъ, какъ-то изъ Намангана, Маргалана, Андиджана и другихъ мѣстъ. Купцы ташкендскіе, узнавъ объ этомъ запрещеніи, пришли въ отчаяніе. Множество товаровъ было заказано ими въ февралѣ, и деньги за нихъ уже были уплачены

---

* Когда въ Коканѣ младшіе представляются старшимъ, то они всегда подносятъ подарокъ. Подарокъ этотъ называется *тарту*.

впередъ. Въ случаѣ дѣйствительнаго непривоза товаровъ, купцы должны были понести значительный убытокъ.

25-го ч. — Уходили караваны въ Петропавловскъ и Семипалатинскъ.

26 ч. — Кушбегію было подкинуто письмо. — Въ немъ уговаривали его помириться съ Мусульманъ-Куломъ и объявляли ему откровенно, что если Ташкендъ принужденъ будетъ выдержать еще одну осаду, то жители его разорятся, потому что имъ нельзя будетъ ни заниматься хлѣбопашествомъ, ни выгонять въ поле скота. Кушбеги разыскивалъ кто подкинулъ ему письмо, но не могъ найти виновнаго. Въ этотъ же день Наръ-Мухаммедъ отправилъ къ бухарскому эмиру 6000 барановъ, и просилъ у него помощи противъ минбашія.

27-го ч. — Въ народѣ ходилъ слухъ, будто Насръ-Уала прислалъ Кушбегію письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ ему двинуться съ войскомъ на Коканъ.

29-го ч. — Пріѣхало нѣсколько купцовъ изъ Бухары. Они говорили, что ханъ ихъ пошелъ на городъ Шегрисебзъ. Къ этому они прибавляли, что эмиръ вовсе не намѣренъ брать сторону Ташкендцевъ, и что если онъ пишетъ къ кушбегію и обѣщаетъ ему помощь, то онъ дѣлаетъ это для того только, чтобы поддержать ссору между Наръ-Мухаммедомъ и минбашіемъ.

30-го ч. — Кушбеги созвалъ къ себѣ всѣхъ старшинъ города, и требовалъ, чтобъ они ему сказали, хотятъ ли жители по-прежнему защищать Ташкендъ въ случаѣ новой осады, или нѣтъ. Никто изъ старшинъ не отвѣчалъ на это ни слова. Одинъ только аксакалъ (старшина), по имени Шакырбай, осмѣлился выговорить свое мнѣніе, и объявить, что жители не въ силахъ сопротивляться. Кушбеги немедленно велѣлъ посадить Шакырбая въ тюрьму, и конфисковать его имущество.

Май. 1-го ч. — Аксакала Шакырбая отправили подъ конвоемъ въ Чемкендъ. Неизвѣстно, останется ли онъ въ живыхъ или будетъ казненъ.

2-го ч. — Кушбеги собралъ старшинъ города, и спросилъ ихъ, въ состояніи ли жители внести, на военныя потребности, по нѣскольку червонцевъ съ каждаго дома. Старшины объявили, что они прежде нежели дать отвѣтъ на это должны переговорить съ жителями.

3-го ч. — Жители отозвались, что они рѣшительно не въ силахъ внести платы съ домовъ.

4-го ч. — Кушбеги дѣлалъ приготовленія къ защитѣ города и увѣщевалъ жителей не трусить минбашія. Увѣщанія Наръ-Мухаммеда были безплодны. Народъ боялся войны и громко роптать.

5-го ч.— Кушбеги собралъ старшинъ, объявилъ имъ, что Мусульманъ-Кулъ долженъ-былъ скоро придти съ войскомъ, и просилъ ихъ не унывать.

6-го ч. — Приказано было никого не выпускать изъ города безъ особаго разрѣшенія. Запрещено было даже ѣздить на Сырчикъ.

8-го ч. — Пріѣхало нѣсколько купцовъ изъ Кокана, опять верхомъ и безъ товара. Они говорили, что въ шести мѣстахъ по дорогѣ ихъ раздѣвали до-нага, и осматривали, не везутъ ли они съ собою какихъ-нибудь вещей.

9-го ч. — Вернулись шпіоны, посланные кушбегіемъ въ Коканъ. Они увѣряли, что у минбашія было все готово, чтобы идти на Ташкендъ.

11-го ч. — Пришелъ караванъ изъ Кульджи съ чаемъ на 1000 верблюдахъ.

12-го ч. — Въ народѣ пронесся ложный слухъ, будто кушбегія маргаланскій Утенбай втайнѣ потворствуетъ Мусульманъ-Кулу, и будто Наръ-Мухаммедъ хочетъ умертвить его.

14-го ч. — Пріѣхало нѣсколько человѣкъ изъ Бухары. Они утверждали, что эмиръ, не взявъ Шегрисебза, вернулся въ Самаркандъ.

15-го ч. — Уходили караваны въ Троицкъ, Петропавловскъ и Семипалатинскъ.

16-го ч. — Вышелъ караванъ въ Кульджу съ опіумомъ и золотомъ.

17-го ч. — На рынкѣ появились въ изобиліи плоды садовые, ягоды, вишни и урюкъ.

18-го ч. — Жители жали ячмень серпами. Былъ большой пригонъ барановъ изъ степи. Отъ этого они значительно подешевѣли. За баранъ стали платить не болѣе 7 и 8 теньгъ, а за 8 фунтовъ бараньяго мяса давали только 1 теньгу.

20-го ч. — Пріѣхали два купца изъ Кокана. Они разсказывали, что минбаши давно бы выступилъ противъ Ташкенда, еслибъ не открылся въ столицѣ заговоръ, цѣль котораго состояло въ томъ, чтобъ умертвить Мусульманъ-Кула, какъ только онъ двинется въ походъ.

22-го ч. — Народъ началъ поговаривать, что минбаши отмѣнилъ свое намѣреніе идти на Ташкендъ. Кушбеги дозволилъ купцамъ ѣхать въ Коканъ.

30-го ч. — Изъ столицы прибыли два посла въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ и многочисленной свиты. Они привезли съ собою письма. Худаяръ и Мусульманъ-Кулъ согласились забыть все прошлое и предлагали каждому изъ бѣжавшихъ сановниковъ вернуться къ прежней должности. Письма эти поставили Наръ-Мухаммеда и его союзниковъ въ весьма затруднительное положеніе. Отказаться отъ мира имъ не хотѣлось, принять же его они боялись, опасаясь обмана со стороны минбашія.

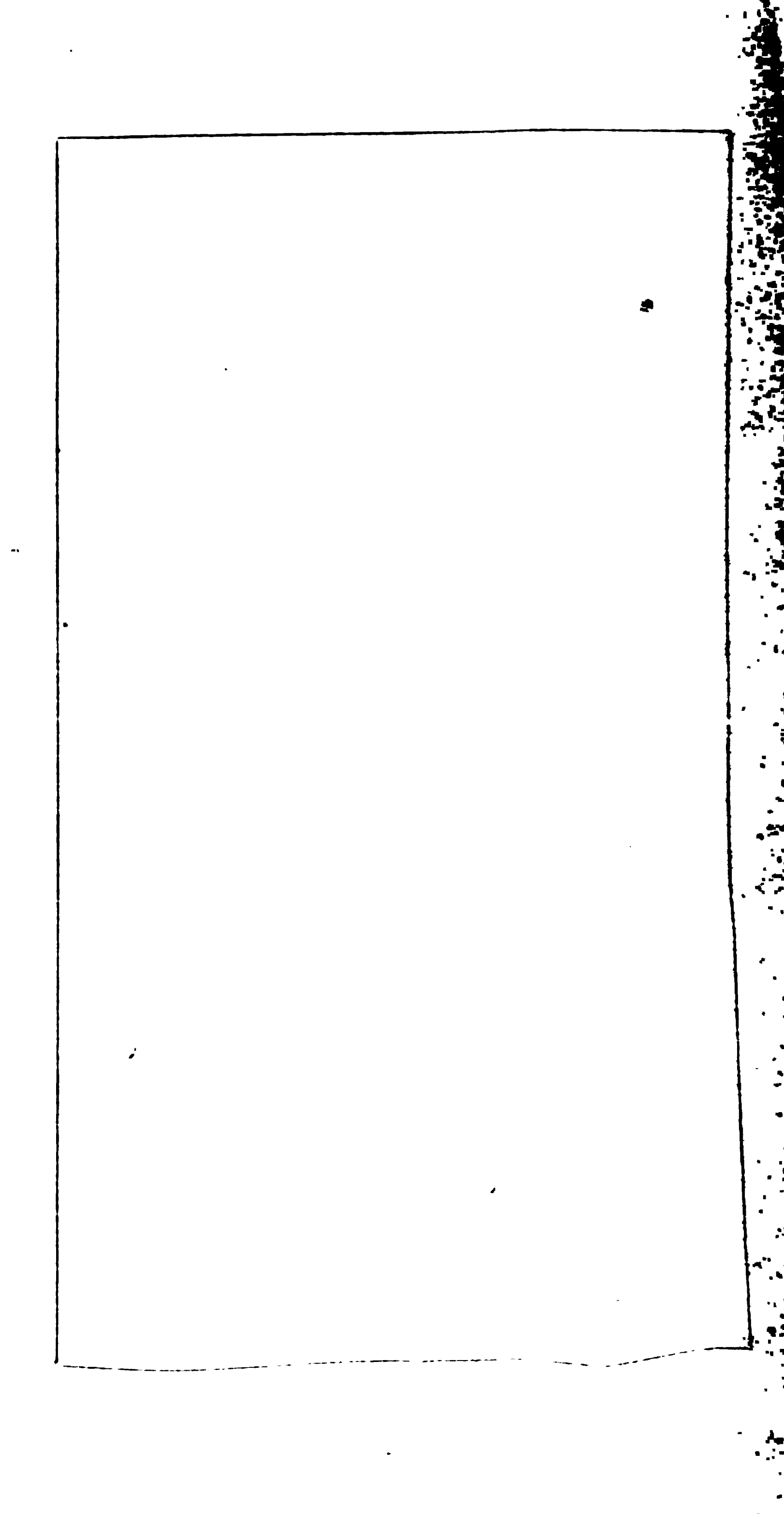
Іюнь. 1-го ч. — Пріѣхалъ нарочный изъ Кокана, съ письмомъ. Мусульманъ-Кулъ просилъ кушбегія и его пріятелей явиться къ хану. Онъ давалъ имъ на размышленіе

пять дней; по истеченіи этого срока онъ грозилъ придти съ войскомъ и осадить Ташкендъ. Наръ-Мухаммедъ, достарханчи, рысалачи Утенбай, и правитель ходжанскій, рѣшились, съ общаго совѣта, не слушать минбашія и оставаться по-прежнему въ оборонительномъ положеніи.

2-го ч. — Одинъ изъ пословъ коканскихъ, пріѣхавшихъ 30-го мая, былъ задержанъ, а другой отправленъ съ отвѣтомъ къ хану. Наръ-Мухаммедъ писалъ, что ни онъ, ни его товарищи не пріѣдутъ въ столицу, пока минбашіемъ будетъ Мусульманъ-Кулъ.

3-го ч. — Пришелъ караванъ, выступившій изъ Петропавловска 3-го апрѣля.

4-го и 5-го ч. — Изъ Кокана были привезены весьма дурныя извѣстія. Говорили, что Чулакъ собирается непремѣнно предпринять на дняхъ походъ противъ Ташкенда.



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Археологическаго Общества.

Томъ IX

Выпускъ второй.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія государств. бумагъ.

1857.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II выпуска IX тома.

—

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ ОПИСАНІЮ РУССКИХЪ МОНЕТЪ, НАЙДЕННЫХЪ ВЪ 1854 Г., БЛИЗЪ КАЗАНИ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому, я имѣлъ честь сообщить описаніе найденнаго близъ Казани клада русскихъ серебряныхъ копѣекъ.* Нынѣ, въ Татарскомъ ряду, вновь пріобрѣлъ я 149 экземпляровъ такихъ же монетъ, происходящихъ, какъ полагаю, изъ того же источника; но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ, хотя и видно, что они недавно вынуты изъ земли, уже пробиты, что̀ весьма портитъ монеты и затрудняетъ разборъ ихъ, и безъ того трудный, по небрежности чекана. Здѣсь таковъ ужъ обычай: чтобы поскорѣе продать находимыя въ землѣ русскія мелкія серебряныя деньги, ихъ немедленно пробиваютъ, потому что въ этомъ видѣ ихъ охотнѣе покупаютъ Черемисы, Чуваши и Татары, которые нашиваютъ ихъ на платье и головныя женскія повязки.

Въ числѣ вновь пріобрѣтенныхъ мною монетъ оказались нѣкоторые новые виды, что̀ и побудило меня составить имъ описаніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, сообщаю здѣсь и списокъ извѣстныхъ уже монетъ, содержав-

---

* См. *Записки*, томъ IX, стр. 188—218.

шихся въ новой моей покупкѣ, указывая лишь на число ихъ экземпляровъ и на тѣ нумера, подъ которыми онѣ уже упомянуты мною въ первой статьѣ.

В. К. Василія Васильевича (Темнаго).

1425 — 1462.

NN° монетъ.

1. — Три экземпляра (см. Записки, т. IX, стр. 192, N° 5).
2. — Два экз. — (Тамъ же, N° 7).
3. — (Тамъ же, N° 12).
4. — Десять экз. — (N° 20).
5. — Такая же монета, какая описана въ прежней статьѣ подъ N° 24, съ тою только разницею, что надпись въ первой строкѣ сохранилась вполнѣ, такъ :KNAZЬ. Вѣсомъ 8½ долей.

Монеты еще мало опредѣленныя или вовсе неизвѣстныя.

6. — На одной сторонѣ: всадникъ съ копьемъ, скачущій направо, колетъ голову змѣя; вокругъ ободокъ изъ точекъ; изображеніе всадника, подобно Сах., т. X. ф. 27. — На другой: въ ободкѣ изъ точекъ, татарская надпись, такая же, какъ на монетѣ, описанной въ прежней статьѣ подъ N° 27. Вѣсъ 8 долей. Вѣроятно, это таже самая монета, какая показана у Шуберта на т. VI подъ N° 475; но на моемъ экземплярѣ надпись лучше сохранилась, или можетъ быть рисунокъ Шуберта дурно сдѣланъ.

XV° монетъ.

7. — На одной сторонѣ тоже изображеніе и надпись, какъ Сах., т. X. ф. 24; на другой надпись въ ободкѣ изъ точекъ, такъ:

.КНА ЗЬ ВЕЛІ КІ ВАСІ ·ЛЕІ·	Вѣсъ 9 долей; экземпляръ превосходно сохранился.

В. К. Іоанна III Васильевича.

1462 — 1505.

8. — Двѣнадцать экземпляровъ. — См. въ первой статьѣ подъ № 31.
9. — Восемь экз. — См. № 32; вкругъ всадника ободокъ изъ точекъ.
10. — Два экз.; подобно № 33, только вкругъ всадника ободокъ чертою.
11. — Три экз. — См. № 34, но другія штемпеля. Вѣсъ въ трехъ этихъ экземпл. 26½ долей.
12. — Восемь экз. — См. № 38.
13. — Шесть экз. — Подобно № 39, только безъ ободка около надписи татарской.
14. — Одинъ экз. — № 40.
15. — Подобно № 42; подъ конемъ литера Ͱ.
16. — Подобно № 44; подъ конемъ буква К.
17. — Шесть экз. — Какъ № 45; подъ конемъ М.
18. — Три экз. — Тотъ же штемпель, какъ № 47; но подъ конемъ буквъ не видно (вѣроятно не вышли).
19. — Подобно № 49; подъ конемъ С.
20. — Какъ № 50; подъ конемъ Ю.

№№ монетъ.

21. — Три экз. — N⁰ 51.

22. — Пять экз. — N⁰ 53.

23. — Десять экз. — N⁰ 55.

24. — Четыре экз. — N⁰ 57.

25. — Шесть экз. — N⁰ 60.

26. — Два экз. — Подобно N⁰ 73, только вокругъ надписи ободокъ изъ точекъ.

27. — Четыре экз. — N⁰ 68.

28. — Два экз. — Подобно N⁰ 70; подъ конемъ АК.

29. — Два экз. — Какъ N⁰ 71; подъ конемъ ШГ.

30. — Четыре экз. — Подобно N⁰ 72, b; но безъ литеръ подъ конемъ, которыя вѣроятно не вышли при чеканкѣ.

31. — Три экз. — N⁰ 73, a.

32. — Шесть экз. — Подобно N⁰ 73, b; но ободокъ изъ точекъ идетъ только около всадника.

33. — Три экз. — Какъ N⁰ 73, c; только безъ ободка изъ точекъ около всадника, а съ таковымъ ободкомъ на другой сторонѣ.

34. — Семь экз. — Какъ N⁰ 73, d; только безъ ободка на обѣихъ сторонахъ.

Монеты еще мало извѣстныя или вовсе неопредѣленныя.

35. — Три экз. — Подобно N⁰ 74; подъ конемъ буква А; на одномъ экземплярѣ въ первой строкѣ надписи, послѣ слова ШСП, поставлена крупная точка, а на другихъ ея нѣтъ; въ концѣ надписи нѣтъ точки. Вѣсъ въ трехъ экземплярахъ 47½ долей.

МОНЕТЫ УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ.

Боровскъ.

Василій Ярославичъ.

№№ монетъ.

36.— На одной сторонѣ: князь стоитъ, держа въ правой рукѣ мечь, лѣвая рука на груди, кругомъ надпись въ ободкѣ чертою: КНАЗЬ ВАСИЛЄІ АРОСЛАВV. — На другой надпись въ 4 строки: КNАЗЬ | ВАСИЛЄ | ІАРОСЛА | ωВVω |; кругомъ, въ ободкѣ изъ точекъ, украшенія. Вообще эта монета, съ малою разностью, сходна съ показанною у Черткова подъ № 270 т. XV ф. 11; подъ мечемъ нѣтъ точки. Вѣсъ 6 долей.

Ярославль.

Александръ Ѳедоровичъ.

37.— Два экз. — Подобно № 85.

Можайскъ.

Иванъ Андреевичъ.

38.— Какъ № 87.

39.— Тѣже изображенія и надписи на обѣихъ сторонахъ, какъ на описанной въ Зап. Арх.-Нум. Общ. табл. 2, № 30, съ тою только разницею, что змѣя изображена иначе, такъ: ☉. Вѣсъ 5 д.

Экземпляръ весьма замѣчательный, тѣмъ болѣе, что Я. Я. Рейхель, въ примѣчаніи къ описанной имъ монетѣ, присовокупилъ, что «это полушка, монета весьма рѣдко встрѣчающаяся между монетами удѣльныхъ князей.» Слѣдова-

тельне описываемая мною, какъ имѣющая нѣкоторое различіе въ чеканѣ, еще примѣчательнѣе.

Новгородъ Великій.

Отдѣленіе I-е.

На одной сторонѣ: князь на престолѣ, въ шапкѣ или вѣнцѣ, правою рукою держитъ мечь, лѣвую протянулъ стоящему (или сидящему) предъ нимъ человѣку; на другой, надпись раздѣлена точками (бусами) и черточками крестообразно. Какіе знаки находятся на лицевой сторонѣ около изображенія сверху, въ срединѣ, внизу, справа и слѣва, означено ниже.

a) Съ надписями неполными, съ пропускомъ, въ строкахъ: 1-й буквы: *е*, 2-й *о*, и 3-й *о*.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
40. —	• +	ВЛ ¦ I КГО : НI ВА : ГРI Д ¦ А	Вѣсъ 15 долей.

Есть ли что слѣва, по неправильному употребленію штемпеля, какъ на этой, такъ и на слѣдующей монетѣ, не видно.

41. —	• ѳ ✠	Ы ¦ ЛI КГ : ОНО ВА : ГРО Д ¦ А	Вѣсъ 17 долей.

Отдѣленіе II-е.

На лицевой сторонѣ изображеніе князя и человѣка предъ нимъ; надпись въ полѣ безъ раздѣленія крестообразно.

a) Съ надписями неполными съ пропускомъ въ 1-й отрокѣ буквы *е*, а въ словѣ *вели*, буква *і* вмѣсто *и*.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
42. —	к :	:ВЛІ: КОГОН ВЛГОР :ОАР:	Вѣсъ $17^1/_4$ долей.

Экземпляръ этотъ очень хорошо сохранился.

b) Съ надписями неполными, съ пропускомъ, какъ выше, буквы Є, но буква І замѣнена уже Н.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
43. —	С	ВАН КОГОНО ВЛГОР ОДР	Вѣсъ $17^1/_4$ долей.

Отдѣленіе III-е.

Князь изображенъ не на престолѣ (креслахъ), но стоящимъ или идущимъ.

c) Съ надписями полными.

№№ монетъ.	Знаки.	Надписи.	
44. —	⁝ Человѣкъ подаетъ князю:	ВЕЛІ КОГОНО ВЬГОР ОДР	Вѣсъ $17^3/_4$ долей.

На всѣхъ пяти экземплярахъ, съ обѣихъ сторонъ, ободокъ изъ точекъ.

Рязань.

Іоаннъ Васильевичъ.

45. — Два экземпляра. — Подобно № 183.

Въ заключеніе не излишнимъ считаю присовокупить, какъ уже упоминалъ я въ прежней статьѣ, что этотъ

кладъ представляетъ поразительное разнообразіе типовъ; ибо и теперь, въ небольшомъ количествѣ мною пріобрѣтенныхъ экземпляровъ, оказались новые виды, что и заставляетъ предполагать, что если бы кладъ весь попалъ въ однѣ руки, то послужилъ бы къ немалому обогащенію русской нумизматики новыми видами и варіантами.

ВИКТ. САВЕЛЬЕВЪ.

Казань.
Въ январѣ 1856.

О ЧУДСКИХЪ КОПЯХЪ.

(Съ пятью таблиц. рисунк.)

Э. И. ЭЙХВАЛЬДА.

Финское племя принадлежитъ несомнѣнно къ одному изъ древнѣйшихъ, обитавшему уже въ доисторическія времена не только на сѣверѣ Азіи и Европы, но и на югѣ Европейской Россіи, — съ одной стороны, на Алтайскомъ и Уральскомъ хребтахъ до устьевъ Волги, а съ другой по всѣмъ восточнымъ, сѣвернымъ и многимъ западнымъ губерніямъ Европейской Россіи.

Племя это было почти столь же многочисленно, какъ и славянское, первобытныя жилища котораго простирались отъ Днѣпра и Дона, по югу и западу Россіи и Европы вообще, до Балтійскаго и Адріатическаго морей.

Въ древнія времена существовали многія отдѣльныя вѣтви обширнаго финскаго племени. Многія изъ нихъ существуютъ и понынѣ; нѣкоторыя только небольшими остатками, какъ Ливы и Чудь; другія совершенно исчезли, какъ Весь, Меря, Мурома, такъ что трудно отыскать и слѣды ихъ; иныя наконецъ, лишившись прежней своей вѣры и языка, перешли въ другія народныя племена, какъ напримѣръ Башкиры и Чуваши, перешедшія въ турко-татарское племя.

Послѣ того времени, какъ исчезло царство скиѳское, описанное Геродотомъ, бо́льшая часть Чуди, вытѣснен-

ная попеременно Греками, Славянами, Монголами и Татаро-Турками изъ первобытной родины, мало-по-малу переселилась на сѣверъ Россіи, гдѣ, занимаясь предпочтительно скотоводствомъ, и понынѣ живетъ на тундрахъ, не обращая на себя вниманія другихъ народовъ.

По уничтоженіи Греками скиѳскаго царства, часть чудскихъ народовъ легко уступила свои пастбища и свою родину сильнѣйшимъ завоевателямъ южной Европы. Но Угры или Югры, главная вѣтвь финскаго племени сѣвернаго Урала, мужественно отбивались противъ тѣхъ же и другихъ завоевателей восточной Европы и Азіи, и въ IX столѣтіи были оттѣснены изъ южной Россіи далѣе на западъ, гдѣ, на берегахъ Дуная, основали себѣ новое самостоятельное государство, уцѣлѣвшее до нашихъ временъ: Венгрія, какъ нынѣ называется это владѣніе древнихъ Мадьяровъ, пришельцевъ изъ плодоносной степи между Чернымъ и Каспійскимъ морями, основана воинственнымъ чудскимъ племенемъ между славянскими народами, въ дали отъ мирныхъ остатковъ ихъ соплеменниковъ, донынѣ еще обитающихъ отчасти въ тѣхъ же мѣстахъ Уральскаго хребта, гдѣ они жили въ началѣ историческихъ событій.

I.

Чудскія копи, могилы и надгробныя статуи.

Кромѣ многочисленныхъ осѣдлыхъ племенъ финскихъ въ Европейской Россіи, не менѣе находится ихъ кочующими по обширнымъ пространствамъ Сибири. Главнымъ и первобытнымъ жилищемъ ихъ были хреб-

ты Кузнецкій или Алатау, подымающійся до 5000 футовъ съ одной стороны Алтая, и Салаирскій, болѣе 1200 футовъ высотою съ другой стороны. Изъ этого первоначальнаго своего обиталища древняя Чудь распространялась далѣе на западъ и на сѣверъ.

Оба эти хребта отличаются золотоносным пескомъ и другими рудами, въ особенности серебрянными, мѣдными, свинцовыми и желѣзными. Золото и электрумъ находятся тамъ въ намывной почвѣ, но чаще жилами въ діоритѣ и другихъ плутоническихъ горныхъ породахъ. Діориты Алатаускіе покрыты разными кристаллическими сланцами, поднятыми отъ плутоническихъ извержений на отклонахъ, на которыхъ слѣдуютъ сначала граувакковый, потомъ горный известнякъ и наконецъ каменно-угольные флецы. Въ сосѣдней же долинѣ рѣки Томи, распространяющейся далеко между обоими отклонами Алатаускаго и Салаирскаго хребтовъ, замѣтны наносы намывной почвы, въ которой, съ обѣихъ сторонъ, отлогіе каменноугольные пласты совпадаютъ одинъ къ другому. Діориты Салаирскіе, являющіеся также на самой значительной высотѣ этого хребта, на отклонахъ напластованы глинистымъ и другими кристаллическими сланцами. Сланцы эти, тамъ, гдѣ они обращены къ долинѣ рѣки Томи, покрыты граувакковымъ известнякомъ, а послѣдній каменноугольными флецами; но тамъ, гдѣ они переходятъ къ рѣкѣ Оби, въ обширную сибирскую равнину, они напластованы однимъ граувакковымъ известнякомъ, который выше, надъ собою, не покрываетъ ни горнаго известняка, ни каменноугольныхъ флецовъ, но непосредственно лежитъ на намывной почвѣ сибирской степи.

Во всѣхъ этихъ гористыхъ мѣстахъ Алтайскаго

хребта находятся чудскія копи и чудскія могилы, содержащія въ себѣ памятники, не только свидѣтельствующіе о глубокой древности Чуди, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывающіе и на мѣсто, гдѣ жила эта Чудь, и къ какому племени она принадлежала.

Памятники, найденные въ чудскихъ копяхъ, безъ сомнѣнія, древнѣе, нежели памятники чудскихъ могилъ, потому что въ копяхъ находятъ лишь каменныя и мѣдныя орудія, а въ могилахъ и желѣзныя вещи: доказательство, что народъ, которому принадлежали копи, еще не зналъ добыванія и плавки желѣза, а зналъ только одно добываніе мѣди.

Южная часть Енисейской и Томской губерній въ особенности отличается богатыми чудскими могилами, по рѣкамъ Катуни, Кондомѣ и Мрассѣ, т. е. преимущественно въ Кузнецкомъ бассейнѣ Алтайскаго хребта, по берегамъ разныхъ притоковъ Оби.

Рѣки Кондома и Мрасса впадаютъ въ Томь, главный притокъ Оби, выше города Томска; сама же Обь выходитъ изъ Телецкаго озера, населеннаго въ древнія времена Чудью, которая отсюда по р. Чулышману распространилась до Саянскихъ горъ, гдѣ чудскія могилы не менѣе богаты и не менѣе многочисленны, чѣмъ въ Алтайскомъ хребтѣ. Рѣка Енисей получаетъ главные притоки, какъ напримѣръ Абаканъ, Кенчака и другіе, изъ Саянскаго хребта, и по берегамъ этихъ-то и другихъ рѣкъ число памятниковъ болѣе и болѣе увеличивается до самаго города Енисейска. Не менѣе замѣчательны чудскія могилы и курганы по теченію Иртыша, съ ея притоками Ульбою и Шульбою, близъ Семипалатинска. Иртышъ, къ сѣверу отъ города Тары, принимаетъ рѣку Ишимъ, а у Тобольска рѣку Тоболъ; самъ же впадаетъ у Бѣлыхъ горъ въ Обь.

Всѣ эти рѣки и горные хребты изобилуютъ не только могилами, но и древними копями и каменными надгробными статуями и надписями.

Чуди извѣстна была плавка мѣди. Это доказывается нахожденіемъ мѣдныхъ кирокъ или кайлъ и другихъ орудій для добыванія мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудъ, орудій, состоящихъ изъ литыхъ металловъ, которые они добывали изъ верхнихъ пластовъ тамошнихъ горъ. Чудскіе рудники по рѣкамъ Катуни, Кандомѣ, Мрассѣ и другихъ, весьма многочисленны; и нѣтъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ южнаго Алтайскаго хребта, ни одного значительнаго рудника, который бы не былъ открытъ русскими горными рудокопами по слѣдамъ древнихъ чудскихъ копей, хотя эти послѣдніе не далеко идутъ вглубь.

Вообще главный характеръ металлоносныхъ породъ Алтайскаго хребта состоитъ въ томъ, что верхніе мягкіе пласты болѣе изобиловали и изобилуютъ драгоцѣнными рудами, электрумомъ или серебристымъ золотомъ, серебромъ, мѣдью, и что эти руды тамъ находились въ охристомъ состояніи, такъ что плавка ихъ была еще легче, чѣмъ плавка рудъ нижнихъ пластовъ. Руды заключаются притомъ въ діоритовыхъ и другихъ горныхъ породахъ, въ которыхъ нельзя производить горныхъ работъ безъ желѣзныхъ орудій и употребленія пороха; сверхъ того, встрѣчаемыя въ этихъ твердыхъ пластахъ руды бываютъ или сѣрнистыя, какъ сѣрный колчеданъ и мѣдный колчеданъ, или же окисленныя, какъ магнитный желѣзнякъ, которые всѣ трудно плавки.

И самое золото, можетъ быть, находилось въ верхнихъ мягкихъ пластахъ, какъ и вездѣ по Алтайскому и Уральскому хребтамъ, изобильнѣе, чѣмъ въ нижнихъ

твердыхъ породахъ, изъ которыхъ вообще жильное золото гораздо труднѣе добывается, чѣмъ намывное изъ розсыпей. Для плавки мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудъ, Чудь имѣла въ разныхъ мѣстахъ Алтайскаго хребта плавильныя печи; слѣды ихъ найдены во многихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ недалеко отъ устья рѣки Шульбы, впадающей въ Иртышъ, гдѣ найдены и шлаки расплавленныхъ рудъ, въ которыхъ и видна еще была мѣдь въ крапленномъ состояніи. Главная плавка была мѣдная, потому что бòльшая часть домашнихъ сосудовъ сдѣлана изъ мѣди; гораздо рѣже была плавка золота и серебра, а преимущественно электрума изъ Зыряновскихъ рудниковъ, можетъ быть потому, что эти два металла были предметомъ обширной торговли, которую чудскіе народы вели съ западными, жившими тогда въ южной Россіи и въ особенности на Крымскомъ полуостровѣ.

Хотя Чудь знала крѣпи при своемъ горномъ промыслѣ (во многихъ копяхъ найдены деревянныя крѣпи на потолкахъ камеръ), но не рѣдко штоки ихъ проваливались, и рудокопы отъ того погибали, о чемъ свидѣтельствуютъ находимые въ тѣхъ копяхъ человѣческіе скелеты, и при нихъ сумки съ рудами.

При обработкѣ рудъ, чудскіе рудокопы наблюдали всегда направленіе металлоносныхъ штоковъ, или жилъ, идущихъ изъ нѣдръ земной поверхности наружу; штоки эти всѣ болѣе расширяются кверху и съуживаются внизу, такъ что благородные металлы болѣе изобилуютъ въ верхнихъ пластахъ и дѣлаются бѣдными въ нижнихъ; это, безъ сомнѣнія, главная причина, почему Чудь обработывала одни верхніе пласты, а русскіе рудокопы, не находя болѣе богатыхъ поверхностныхъ пластовъ, принуждены были

спускаться въ нижніе, какъ напримѣръ въ Змѣиногорскомъ и Зыряновскомъ рудникахъ, гдѣ глубина штоковъ доходитъ до 60, даже до 90 саженъ въ вертикальномъ направленіи, между тѣмъ какъ чудскія горныя работы доходили внизъ не болѣе 5 или 7 саженъ, находя уже при этой незначительной глубинѣ весьма богатыя руды, мѣдную лазурь, мѣдную зелень, иногда и самородную мѣдь, электрумъ, самородное золото и другіе металлы, и между ними также магнитный желѣзнякъ, который, кажется, не былъ ими подвергаемъ плавкѣ, потому что въ чудскихъ копяхъ не встрѣчалось желѣзныхъ орудій, найденныхъ впрочемъ въ чудскихъ могилахъ, которые поэтому и считаются новѣе копей.

Безчисленныя чудскія копи указываютъ на обширное производство драгоцѣнныхъ металловъ Чудью на Алтаѣ, и на то, что она занималась горнымъ промысломъ не только для собственнаго употребленія, но и преимущественно для обширной торговли съ народами южной Россіи, какъ о томъ уже упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ. Но Чудь имѣла обыкновеніе закладывать каменьями и засыпать землею богатые рудники, и притомъ такъ тщательно, чтобы не было другимъ народамъ, пришельцамъ изъ-дали, возможности отыскать ихъ. Если въ послѣдствіи и найдены эти древнія копи, то это было дѣломъ случая, потому что никакихъ слѣдовъ не видно было на поверхности отъ закрытія ихъ Чудью; но при этомъ оказалось, что самые богатые рудники были уже открыты Чудью. Татарскій народъ, вытѣснившій Чудь изъ этихъ гористыхъ мѣстъ, гдѣ они жили въ большихъ лѣсахъ съ своими многочисленными стадами сѣверныхъ оленей, занялъ такимъ образомъ мѣста, ими оставленныя;

но у этихъ Татаръ, не занимавшихся горными промыслами, неисчерпаемыя богатства благородныхъ металловъ оставались неприкосновенными до завоеванія Алтайскихъ долинъ русскимъ оружіемъ въ началѣ XV столѣтія, хотя горное производство существовало и гораздо прежде. Въ 1573 году, царь Иванъ Васильевичъ впервые велѣлъ произвести горныя работы на Алтаѣ шведскими рудокопами, высланными въ Россію отъ шведскаго короля Іоанна III.

Не столь часто встрѣчаются чудскія копи по Уральскому хребту, гдѣ и могилы чудскія не представляютъ такого богатства. Чудь и на Уралѣ не рыла глубже пяти саженъ отъ поверхности земли, хотя иногда рудокопы и пытались добывать твердыя руды, и тогда въ этихъ породахъ выкапывали воронкообразную яму, не укрѣпляя впрочемъ ее деревянными брусьями.

Подобныя чудскія копи извѣстны по всему западному отклону Уральскаго хребта. Всѣ богатые мѣдные рудники были тамъ сперва добываемы Чудью: такимъ образомъ, по берегамъ рѣки Діомы, Васильевскіе, Чалтуртукскіе, Тетярскіе и другіе открыты по слѣдамъ древнихъ копей. Тамъ, гдѣ встрѣчались твердыя горныя породы, они дѣлали узкіе воронкообразные ходы въ нихъ безъ крѣпей, чтобы глубже идти внизъ. Въ мягкихъ горныхъ породахъ, напримѣръ въ Васильевскихъ рудникахъ мѣдистаго песчаника, всѣ ихъ работы были поверхностныя; воронкообразное углубленіе, идущее внизъ до двухъ саженъ, обыкновенно завалено песчанистыми рудами, можетъ быть потому, что тамъ не было богатыхъ рудъ, хотя рудокопы обыкновенно избирали всегда самыя богатыя мѣстности для добыванія рудъ.

Въ этихъ мѣстахъ и видны шлаки, остатки отъ древнихъ плавильныхъ работъ, содержащіе еще по два процента мѣди. Чудскіе рудокопы плавили руды въ большихъ глиняныхъ горшкахъ, обломки которыхъ часто находили во многихъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ каменными и мѣдными орудіями; теперь впрочемъ они попадаются рѣже, потому, можетъ быть, что древнія чудскія насыпи, отъ добыванія мѣдныхъ рудъ, давно покрылись новыми насыпями, которыя гораздо выше и больше ихъ, такъ что древнія уже вовсе не видны.

Вообще рудники эти дѣлаются болѣе богатыми, чѣмъ болѣе приближаются они къ Уральскому хребту. По рѣкамъ Діомѣ, Исяку, Тетяру, Ику и другимъ часто находится въ одномъ рудникѣ болѣе 100,000 пудовъ мѣди это называется богатымъ рудникомъ; изъ него по разнымъ направленіямъ идутъ побочныя вѣтви, довольно богатыя рудами; это замѣчается особенно въ разстояніи одной или двухъ верстъ отъ главнаго Уральскаго хребта, гдѣ вообще число рудниковъ увеличивается. Такъ находятся они на востокъ отъ рѣкъ Багарявки и Полдневной, на западѣ Бѣлой, Діомы и Каргаголы, и на сѣверъ до Исети и Чусовой; но никакихъ слѣдовъ не существуетъ въ золотоносныхъ странахъ Богословскаго округа, на верховьѣ рѣки Сосвы, что̀ служитъ доказательствомъ, что чудской народъ въ древнія времена не обиталъ по сѣверному, а жилъ по южному Уралу, и что Вогулы (можетъ быть, древніе Исседоны), потомки этого южнаго чудскаго племени, только тогда переселились къ сѣверному Уралу, когда были вытѣснены Башкирами или древними Массагетами изъ южной его части.

Вообще все это ведетъ къ заключенію, что Чудь обитала первоначально не на сѣверѣ, а по гористымъ

мѣстамъ, въ южномъ климатѣ, гдѣ и занималась добываніемѣ благородныхъ металловъ. Рудокопы были, кажется, осѣдлое племя; отъ него отличалось другое, кочевое племя, постепенно занимавшее сѣверный отклонъ Уральскаго и Алтайскаго хребтовъ (Вогулы и Остяки), которое въ южныхъ странахъ преимущественно питалось кумысомъ и поэтому у Геродота и Орфея называется Иппомолгами; въ сѣверныхъ же странахъ употребляло мясо сѣверныхъ оленей, которые служили имъ и для ѣзды.

Въ 1792 году, близъ Зыряновскаго * рудника въ Алтайскомъ хребтѣ, открытъ Снегиревскій мѣдный рудный рудникъ (такъ названный въ честь открытеля, штейгера этого имени), рудникъ примѣчательный тѣмъ, что въ немъ оказалась огромная чудская копь. Это служитъ доказательствомъ, что Чудь тамъ долго жила и была осѣдлымъ народомъ, а не кочующимъ, почему и не трудно было истребить его; кочевой народъ, какъ напримѣръ Вогулы, Остяки, Самоѣды и другіе, легко переселяется въ новую мѣстность, если сильнѣйшій народъ дѣлаетъ на него нападеніе и вытѣсняетъ его изъ первоначальныхъ жилищъ, изъ лѣсовъ, гдѣ онъ занимался охотою, изъ плодородныхъ равнинъ, на которыхъ многочисленныя стада его находили изобильныя пастьбища, или изъ гористыхъ долинъ, гдѣ процвѣтали селенія этого народа, богатѣвшаго отъ добыванія рудъ Алтайскаго хребта. Золото нахо-

---

* Зыряновскій рудникъ получилъ названіе свое не отъ древнихъ Зырянъ, которые могли бы обработывать этотъ рудникъ подъ именемъ Чуди; но, по замѣчанію Г. И. Спасскаго (въ Сибирск. Вѣстникѣ), отъ открывшаго этотъ рудникъ горнаго промышленника Зырянова.

дится здѣсь, какъ и въ Уральскомъ хребтѣ, непосредственно подъ дерномъ, довольно большими самородками, одинъ близъ другаго, отъ 1 до 10, иногда до 20 фунтовъ, даже, какъ въ Міясскомъ заводѣ Уральскаго хребта, до двухъ и болѣе, пудовъ вѣсомъ. Самородки, въ древнія времена, были вѣроятно еще больше, и потому не удивительно, что греческія колоніи на берегахъ черноморскихъ еще въ глубокой древности узнали объ этомъ золотѣ, составлявшемъ главный предметъ обширной торговли съ Алтаемъ и Ураломъ, т. е. съ жившими тамъ финскими племенами.

Самые большіе и богатые рудники, какъ Зыряновскій и Змѣиногорскіе, открыты по слѣдамъ чудскихъ копей; оба они весьма сходствуютъ между собою содержаніемъ благородныхъ рудъ и напластованіемъ ихъ. Зыряновскій находится въ 300 верстахъ отъ Змѣиногорскаго и въ 37 верстахъ отъ Бухтарминска; онъ былъ открытъ въ 1788 году по слѣдамъ чудскихъ копей. Въ немъ встрѣчается весьма часто электрумъ, самородное золото въ соединеніи съ серебромъ, вкрапленное и вросшее тонкими листами въ известковомъ и тяжеломъ шпатѣ, въ кварцѣ, въ талькѣ и другихъ минералахъ, покрытыхъ желѣзистыми охрами. Самородное серебро не менѣе часто находится въ листоватомъ и налетѣломъ видѣ, но серебряная чернь весьма рѣдка. Вообще золото и серебро заключаются въ мѣдныхъ и свинцовыхъ рудахъ, хотя въ маломъ количествѣ, такъ что они по большой части непримѣтны.

Всѣ древнія чудскія копи, такъ часто встрѣчаемые въ окрестностяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, не представляютъ никакой правильности въ добываніи рудъ: онѣ состоятъ изъ неглубокихъ разносовъ, неправильно расположенныхъ, хотя иногда весьма обшир-

ныхъ, какъ напримѣръ копи при рудникахъ Бухтарминскомъ, Золотушинскомъ, Локтевскомъ и Снегиревскомъ.

Въ чудскихъ горныхъ копяхъ найдены каменныя и мѣдныя орудія, относящіяся къ тогдашнему горному производству. Орудія эти указываютъ на глубочайшую древность, въ которую жилъ чудской народъ у Алтайскаго и Саянскаго хребтовъ, и на самый простой способъ добыванія рудъ.

Къ горнымъ орудіямъ, литымъ изъ мѣди, принадлежатъ кайлы, кирки и клинья, изображенные и описанные заслуженнымъ издателемъ Сибирскаго Вѣстника Г. И. Спасскимъ*. Эти орудія найдены въ Змѣиногорскихъ рудникахъ. Близъ нихъ иногда находятъ короткія трубочки изъ обожженой глины, похожія на сопло, которое вставляется въ плавильную печь, для дутья чрезъ него мѣхомъ. Въ томъ же рудникѣ найдены двѣ мѣдныя круглыя кайлы съ каменными молотками, которыя оканчиваются наподобіе выгнутаго долота. Такія же кайлы найдены также въ Золотушинскомъ рудникѣ; онѣ состоятъ изъ чистой мѣди.

Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ найдены большіе каменные клинья, нынѣ хранящіеся въ минералогическомъ кабинетѣ московскаго университета; изъ нихъ большой (табл. I, фиг. 1-3) въ 3½ вершка длиною, сверху 1 верш. толщиною и круглый, внизу ½ вершка шириною и почти четыреугольный; другой же небольшой, въ 2 вершка длиною и сверху въ полвершка шириною (табл. II фиг. 1); оба сдѣланы изъ діорита.

Сверхъ того найдены каменные молоты, четвероугольные или круглые; по мнѣнію Г. Спасскаго, первые состояли изъ песчаника и траппа, а послѣдніе, по раз-

---

* Сибирскій Вѣстникъ за 1819 г., т. IV, часть 7, табл. XXIII.

смотрѣнія мною изображенныхъ здѣсь двухъ молотовъ, сдѣланы изъ діорита, весьма часто встрѣчающейся горной породы Алтайскаго хребта.

Одинъ изъ этихъ молотовъ (табл. IV, фиг. 1.), почти круглый, хранится въ музеѣ Горнаго Института; онъ имѣетъ 2½ вершка въ длину и 2 вершка въ ширину; въ немъ находится большое отверстіе посрединѣ для деревянной ручки; весьма крѣпкіе ремни изъ оленьей кожи твердо прикрѣпляютъ ручку въ камнѣ. Другой же молотъ (табл. II, фиг. 2.) почти 5 вершковъ шириною; онъ вдвое больше, сверху сплюснутъ, но круглъ, и имѣетъ большое отверстіе по срединѣ для ручки, которой недостаетъ въ немъ. Сверхъ того изображены здѣсь два молота изъ діорита, хранящіеся въ минералогическомъ музеумѣ московскаго университета; одинъ изъ нихъ (см. табл. III, фиг. 1—2) представленъ съ двухъ сторонъ; онъ съ одного конца заостренъ, а съ другаго тупой, по срединѣ же ширѣ чѣмъ на концахъ. Другой молотъ (см. табл. II, фиг. 3.) былъ короче, но толще послѣдняго, что̀ видно изъ обломка передняго заостреннаго конца. Подобные молоты изъ діорита находятся равномѣрно въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С. Петербургѣ; вмѣстѣ съ ними хранится тутъ же кайла въ видѣ булавы, утолщенная къ верхнему тупому концу и съ тремя поперечными бороздами на простой ручкѣ. Эти вещи найдены въ разныхъ мѣстахъ Алтайскаго хребта и описаны кратко Г. Муральтомъ.* Хотя мѣстность ихъ нахожденія не точно извѣстна, но по-видимому они происходятъ изъ древнихъ копей, а не изъ могилъ или кургановъ.

* «Скиѳскія древности, хранящіяся въ Импер. Эрмитажѣ», въ V т. Записокъ Археол. Общ., стр. 212, N№ 2. 3. 4. 5.

Вмѣстѣ съ подобными горными орудіями найденъ также четыреугольный мѣшокъ или сумка въ Золотушинскомъ рудникѣ Колывановоскресенскихъ заводовъ. Она имѣетъ 8 вершковъ длины, столько же ширины, и служила вѣроятно для переноски разныхъ рудъ изъ рудника въ плавильную печь. Сумка, сшитая нитями, которыя и понынѣ еще хорошо держатъ и сохранились, безъ покрышки, но съ ремнемъ для держанія на плечахъ; кожа сумки весьма крѣпкая, толстая и выдѣлана изъ шкуры сѣвернаго оленя. Она хранится въ Горномъ Институтѣ. П. С. Палласъ * описываетъ, кажется, эту самую сумку, найденную въ Змѣиногорскомъ рудникѣ съ богатыми охристыми рудами. Въ Бѣлоусовскомъ мѣдномъ рудникѣ, въ 16 верстахъ отъ Устькаменогорска, на правомъ берегу Иртыша, тамъ гдѣ впадаетъ въ него Ульба, найденъ человѣческій скелетъ съ кожаной сумкой: это скелетъ горнаго работника, погибшаго въ рудникѣ; онъ провалился потому, что деревянныя укрѣпленія въ рудникахъ въ то время дѣлались еще весьма дурно. Замѣчательно, что сумки могли сохраниться вмѣстѣ съ каменными орудіями до нашихъ временъ; также замѣчательно, что діоритъ и ему подобныя горныя породы, встрѣчающіяся въ Алтайскомъ хребтѣ повсемѣстно, служили Чуди для приготовленія молотовъ, а не лидійскій камень, нефритъ, роговикъ, обсидіянъ или другія горныя породы, изъ которыхъ дѣлались подобныя орудія, найденныя въ древнихъ скандинавскихъ могилахъ, можетъ быть потому, что эти камни не встрѣчаются въ Алтайскомъ хребтѣ.

Въ чудскихъ могилахъ, надъ которыми насыпаны иногда очень высокіе курганы, встрѣчаются еще дру-

---

* Reise durch Russland, Bd. II, Cap. II, S. 352.

гіе памятники, состоящіе изъ мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ драгоцѣнныхъ издѣлій, также и желѣзныхъ; при нихъ находятъ также и лошадиные оставы, доказательство, что съ покойникомъ хоронили и его лошадь; человѣческій скелетъ почти всегда находимъ былъ хорошо сохранившимся и при немъ разныя золотыя украшенія.

Мы особенно обязаны Сиверсу за подробное изслѣдованіе этихъ могилъ по рѣкѣ Балакчилеку въ Алтайскомъ хребтѣ. Одна изъ этихъ могилъ состояла изъ многихъ гранитныхъ плитъ; подъ ними лежалъ лошадиный оставъ, а глубже человѣческій; близъ послѣдняго желѣзный мечъ въ $1^1/_2$ локтя длиною и въ дюймъ шириною, совершенно прямой, о двухъ лезвіяхъ. На табл. IV фиг. 3 изображенъ подобный желѣзный мечъ, хранящійся въ обломкѣ въ Горномъ Институтѣ, и сверхъ того еще другой инструментъ неизвѣстнаго употребленія, похожій на лопатку (табл. IV, фиг. 4—6); широкій нижній конецъ его какъ у лопатки; ручка тонкая цилиндрическая (см. фиг. 5 въ разрѣзѣ) и верхній конецъ согнутъ крючкомъ (фиг. 6). Сверхъ того найдено Сиверсомъ въ вышеупомянутой могилѣ 10 желѣзныхъ стрѣлъ; на груди скелета лежали многія золотыя пластинки, какъ ихъ не рѣдко находятъ въ другихъ могилахъ; на рукахъ скелета были два золотыхъ кольца и другія украшенія; можетъ быть, это былъ женскій скелетъ, а съ нимъ вмѣстѣ находились вѣроятно и кости мужскаго скелета, хотя положительно о этомъ не упоминается у Сиверса.

Женскій уборъ былъ мѣдный высеребреный; стремена мѣдныя. Могила имѣла $1^1/_2$ сажени глубины, и по срединѣ ея лежалъ слой сженнаго пепла въ 3 дюйма толщиною.

Въ другой могилѣ Сиверсъ нашелъ мѣдный котелъ въ 38 фунтовъ вѣсомъ, 28 дюймовъ высотою и 16 дюймовъ въ поперечникѣ, можетъ быть тотъ самый, который изображенъ въ уменьшенномъ видѣ на табл. IV фиг. 7, и который имѣетъ почти такую же величину, именно $9^1/_2$ вершковъ высоты и $9^1/_4$ вершковъ ширины, и тотъ же вѣсъ. Онъ весьма красиво отлитъ изъ мѣди, имѣетъ особую цилиндрическую ножку, четыре ушка: два маленькихъ съ боку и два большихъ на верхнемъ краѣ съ каждой стороны; двѣ тонкія, спирально свернутыя нити окружаютъ верхную часть котла; у него широкое, но короткое рыльцо для выливанія жидкости, такъ что удобнѣе было бы назвать его кувшиномъ для кумыса. Котелъ этотъ нынѣ хранится въ музеѣ Горнаго Института и состоитъ изъ серебристой мѣди, какова обыкновенная мѣдь Алтайскаго хребта.

Два подобныхъ сосуда, но гораздо меньше, сдѣланныя изъ такой же мѣди, хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ; они также вылиты и имѣютъ подобную ножку. * Слѣды литья видны какъ на верхнемъ краѣ ихъ, такъ и на нижнемъ, гдѣ, при началѣ ножки, съ обоихъ боковъ примѣтны малыя треугольныя мѣдныя пластинки, оставшіяся отъ бывшей формы.

Въ другихъ могилахъ найдены другія вещи: мѣдные, къ верху изогнутые, широкіе ножи, мѣдный топоръ съ расширеннымъ лезвіемъ, и болѣе всего оружія, какъ то кинжалы, изъ которыхъ одинъ хранится въ Гор-

* См. статью Г. Муральта, l. c., стр. 212 № 10 и 11; эти вазы, 6 и 8 дюймовъ въ поперечникѣ, найдены въ окрестностяхъ Красноярска, къ сѣверо-востоку отъ Кузнецка, на берегу рѣки Енисея.

номъ Институтѣ, а многіе другіе въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Изображенный здѣсь кинжалъ (табл. V, фиг. 5.) происходитъ изъ Воронцовскаго пріиска въ округѣ Златоустовскихъ заводовъ, гдѣ онъ былъ найденъ въ 1830 году. Лезвее его $4^1/_2$ вершка длиною и $1^1/_4$ верш. шириною; вся длина $6^1/_2$ вершковъ; продольный киль раздѣляетъ лезвее на двѣ равныя половинки. По серединѣ кинжалъ шире, чѣмъ на концахъ, и довольно заостренъ на концѣ. Ручка оканчивается расширеннымъ острымъ и круглымъ краемъ; оба бока плоскіе съ овальнымъ широкимъ углубленіемъ по серединѣ, такъ что ручка была въ этомъ мѣстѣ очень тонка и потому теперь продыравилась; но лезвее хорошо сохранилось.

Подобные кинжалы, вмѣстѣ съ мѣдными стрѣлками и ножами въ Императорскомъ Эрмитажѣ, происходятъ изъ разныхъ мѣстъ Алтайскаго хребта, въ особенности съ берега рѣки Катуньи.

Между ними въ особенности примѣчательны: 1) мѣдная плоская чашка (№ 14) въ 5 дюймовъ въ поперечникѣ и $^1/_4$ дюйма вышиною; на днѣ ея изображены внутри шесть сѣверныхъ оленей, указывающихъ на сѣверный народъ; высокія ноги и тонкіе вѣтвистые длинные рога съ длиннымъ, впередъ обращеннымъ глазнымъ отросткомъ — отличіе сѣвернаго оленя. Уже изъ этого слѣдуетъ, что Чудь была финскаго племени сѣверной Азіи, вѣроятно родственное съ Вогулами или Остяками, тѣмъ болѣе, что не далѣе ста лѣтъ тому Остяки жили гораздо болѣе къ югу на Алтайскомъ хребтѣ, чѣмъ теперь (см. Карту, приложенную къ сочиненію Фишера о Сибири).

2) Не менѣе замѣчателенъ въ Эрмитажѣ мѣдный барельефъ, представляющій Чудскаго охотника съ остро-

конечною шапкою на головѣ; онъ нагой и въ правой рукѣ, поднятой высоко, держитъ мечь; подлѣ него съ каждой стороны по собакѣ (домашнее животное кочующихъ сѣверныхъ народовъ, Остяковъ и Вогуловъ).

3) Еще примѣчательнѣе мѣдная статуйка (до 5 дюймовъ высоты) нагаго рудокопа въ остроконечной шапкѣ, утолщенный край которой назади продолжается длиннымъ широкимъ отросткомъ, которымъ сзади покрывается вся шея; на шеѣ видны два рода корольковъ, можетъ быть стеклянныхъ, на которыхъ спереди на груди виситъ суконная или деревянная пластинка, служившая украшеніемъ или амулетомъ; подобныхъ деревянныхъ пластинокъ съ разными вырѣзанными фигурами находится много въ Эрмитажѣ изъ алтайскихъ могилъ; еще нынѣ носятъ Эстонки, западный народъ финскаго племени, подобныя же, но жестяныя украшенія на груди, называемыя ими *бреци*. Сверхъ того передникъ изъ оленьей кожи, съ шерстью обращенною наружу, покрываетъ поясъ рудокопа, который лѣвою рукою подымаетъ каменный плоско-округленный молотокъ (какъ на Табл. IV фиг. 1 и 2), а правою держитъ кинжалъ о двухъ лезвеяхъ; на остріѣ же кинжала находится предметъ, не ясно обозначенный, можетъ быть голова убитаго имъ животнаго. Лицо весьма примѣчательно тѣмъ, что глаза и ротъ большіе, даже больше, чѣмъ вообще у человѣка, такъ что изъ этой мѣдной статуйки несомнѣнно выходитъ, что рудокопъ не былъ настоящаго монгольскаго племени, у котораго малые глаза. Каменныя бабы въ отношеніи большой головы весьма походятъ на это лицо.

4) Изъ животныхъ примѣчательны головы барса, тигра, дикаго кота, которые всѣ живутъ понынѣ около Бухтарминска, близъ Змѣиногорскаго рудника. Всѣ эти

головы вырѣзаны изъ дерева; нѣкоторыя съ боку, другія спереди; работа довольно искусная. Деревянныя эти фигуры плоскія, круглыя, сверху съ дырою для ношенія ихъ на груди, какъ выше упомянуто.

5) Весьма замѣчателенъ барельефъ сѣвернаго оленя подъ № 205), изъ дерева; олень въ 5 дюймовъ длиною, лежитъ почти въ томъ видѣ, какъ и на скиѳскихъ памятникахъ (изъ Керченскихъ могилъ), сдѣланныхъ изъ электрума Алтайскихъ рудниковъ.

6) Сѣверные олени, которые, по описанію Плинія, жили въ Скиѳіи *, не рѣдко также изображены на четыреугольныхъ пластинкахъ изъ желтой мѣди, служившихъ для украшенія одежды по финно-чудскому обычаю, подобно золотымъ пластинкамъ четыреугольной формы и съ другими человѣческими фигурами. На двухъ изъ чудскихъ пластинокъ видны еще узды на оленяхъ, такъ какъ на нихъ ѣздили въ нартахъ. Чудской народъ поэтому, безъ сомнѣнія, жилъ на сѣверѣ, настоящемъ отечествѣ этихъ оленей.

7) Мѣдная сова съ разтянутыми крыльями, на которыхъ сверху два острія или когти, на подобіе когтей птицъ изъ разряда голенастыхъ; голова совы довольно широка и велика, она походитъ на голову филина.

8) Голова животнаго, вырѣзанная изъ кости (см. № 196), похожая на мамонтову, съ длинными клыками и малыми глазами; ушей не видно, какъ и слѣдуетъ, потому что чудскій художникъ хотѣлъ представить черепъ мамонта, а не голову его.

9) Замѣчательна также мѣдная пластинка въ видѣ груднаго украшенія, на которой видны двѣ птицы съ хохломъ на головѣ, съ распростертыми крыльями и

* Histor. natur. lib. VIII. cap. 34, 52.

большими длинными пальцами на высокихъ ногахъ; фантастическія птицы нѣсколько походятъ на цаплю. Эти, можетъ быть, любимыя, птицы Чуди водятся понынѣ на Алтайскомъ хребтѣ и въ степяхъ на берегахъ большихъ озеръ. Птицы находятся по обѣимъ сторонамъ дерева, и смотрятъ другъ на друга.

10. Алтайскій козерогъ и двѣ степныя сайги примѣчаются на нѣкоторыхъ четыреугольныхъ украшеніяхъ для платьевъ Чуди: сайги или джейраны отличаются высокими ногами и нѣсколько походятъ на лошадей.

Всѣ эти четыреугольныя пластинки не похожи на пряжки, но вѣроятно служили для украшенія одежды, подобно золотымъ бляхамъ, въ такомъ множествѣ найденнымъ въ скиѳскихъ могилахъ въ Керчи. Изъ описанія Аорсовъ у Страбона извѣстно, что они носили платья, украшенныя подобными золотыми пластинками.

Вообще всѣ чудскія могилы изобилуютъ не только мѣдными и деревянными вещами, но и золотыми и серебряными, въ особенности же сдѣланными изъ электрума.

Сюда относятся серебрянные сосуды, найденные въ разныхъ мѣстахъ Алтайскаго хребта, также серебрянныя и золотыя запястья, ожерелья, кольца и другія, представляющія сѣверныхъ оленей, въ видѣ плоскихъ бляхъ; всѣ они сдѣланы съ большимъ искусствомъ; нѣкоторыя принадлежатъ, по Палласу, къ чеканной работѣ.

Къ этимъ чудскимъ украшеніямъ принадлежатъ также золотыя украшенія изъ электрума, найденныя не въ алтайскихъ могилахъ, но на восточномъ отклонѣ Уральскаго хребта, какъ это значится по каталогу музеума Горнаго Института, гдѣ они хранятся; это —

три золотыя кольца, найденныя въ 1822 году, на дачѣ Каслинскаго завода, на берегу озера Ирташа, Оренбургской губерніи; озеро длиною болѣе 20, а шириною въ 10 верстъ, соединяется близъ Каслинскаго завода съ озерами Касли, Сунгулъ, Аллаки и съ Кизилташемъ; изъ него же вытекаетъ рѣка Теча.

Всѣ три большія кольца вѣсятъ 1 фунтъ 88 золотниковъ 36 долей; они отличаются цвѣтомъ. Первое изъ нихъ (см. Табл. V, фиг. 1—2) состоитъ изъ чистаго золота и поэтому золотожелтаго цвѣта; оно вѣсомъ въ 73 золотника 40 долей; на обоихъ концахъ изображена собака въ лежащемъ положеніи, домашнее животное, на которомъ, безъ сомнѣнія, чудской народъ и тогда уже ѣздилъ въ нартахъ, какъ на сѣверныхъ оленяхъ.

Второе кольцо (см. Табл. V фиг. 3—4) блѣдножелтаго цвѣта состоитъ изъ электрума; оно вѣсомъ 63 золотника 24 доли; на двухъ концахъ его представлена рѣзной работы голова собаки; волнистая лента рѣзной работы окружаетъ шею сабачки.

Третье же кольцо золотожелтаго цвѣта вѣсомъ 47 золотниковъ 48 долей; оно безъ украшенія на концахъ.

Всѣ три кольца на поверхности гладки и были повидимому шейнымъ украшеніемъ женщинъ. *

* Подобныя кольца, но состоящія изъ двухъ спирально свернутыхъ проволокъ электрума находятся часто въ скиѳскихъ могилахъ близъ Керчи; весьма примѣчательна прямая золотая нить вѣсомъ въ $1/4$ фунта и состоящая изъ двухъ спирально-свернутыхъ толстыхъ проволокъ, которыя на концахъ утончаются и можетъ быть составляла также кольцо, выпрямленное впослѣдствіи; нить эта найдена на днѣ русла Волховскихъ пороговъ, гдѣ и теперь еще живетъ чудскій народъ, близъ Старой Ладоги, и гдѣ въ окрестностяхъ города

По Миллеру *, по берегамъ рѣки Бухтармы въ Алтайскомъ хребтѣ, найдены въ Чудскихъ могилахъ многія золотыя пластинки, вѣсомъ въ одинъ фунтъ, почему эта могила и называлась «Золотухой»; на курганѣ этой и другихъ могилъ поставлены были каменныя бабы съ вырѣзанными буквами неизвѣстныхъ почерковъ. **

Другая богатая могила находилась въ 60 верстахъ на юговостокъ отъ Локтевскаго завода, на лѣвомъ берегу Алея; въ разныя времена изъ нея вырыто болѣе 60 фунтовъ золота въ конскихъ уборахъ и другихъ вещахъ, отчего она и получила названіе «Золотаря.» Близъ этого кургана существуетъ р. Золотушка, Золотушинскій рудникъ и Золоторныя горы, получившіе безъ сомнѣнія названія свои отъ многихъ тамъ найденныхъ золотыхъ украшеній; нѣтъ другихъ примѣровъ, исключая Скиѳскихъ могилъ, съ столь многими золотыми вещами, найденными въ могилахъ.

Въ нихъ находимы были остовы, лежащіе иногда на золотой выбитой тонкой доскѣ; на платьяхъ ихъ находились тонкія золотыя пластинки или листы, выби-

---

находится много кургановъ. Украшеніе это нынѣ хранится въ минералогическомъ музеѣ Института Путей сообщенія въ С. Петербургѣ.

* См. Müller De script. Tanguticis, въ Commentarii Acad. scient. Petrop. vol. X, pag. 443.

** Почеркъ нѣсколько походитъ на подобныя, но неизвѣстныя надписи на восковыхъ дощечкахъ, найденныхъ въ Трансильваніи, обитаемой нынѣ Венгерцами, народомъ чудскаго племени; ученые изслѣдователи этихъ надписей принимаютъ, что онѣ происходятъ изъ втораго вѣка нашей эры, временъ императора Луція-Вера. См. A. de Gerando, La Transylvanie et ses habitants. Paris, 1850, pag. 394, vol. II.

тыя въ толщину бумаги, вѣсомъ въ пудъ золота и болѣе, такъ что такая могила получила названіе пудовика; все это указываетъ на большое сходство этихъ могилъ съ богатыми скиѳскими могилами въ Керчи, какъ мы увидимъ при описаніи ихъ.

Уже Геродотъ * и Страбонъ ** разсказываютъ, что Массагеты и Аорсы носили золотыя украшенія на головѣ, на поясѣ и на другихъ частяхъ тѣла и одежды, и что лошади ихъ имѣли золотыя збруи; Массагеты, древніе обитатели восточнаго берега Каспійскаго моря, вѣроятно были древніе Башкиры, первоначально финнскій народъ, въ послѣдствіи перешедшій въ Татарскій; они во время Геродотова описанія жили на южномъ отклонѣ Уральскаго хребта и были посредниками большой торговли благородными металлами Алтайскаго хребта; они носили, какъ и вообще всѣ богатыя финнскія племена того времени, четыреугольныя золотыя бляхи или круглыя золотыя украшенія на одеждѣ; конскія ихъ сбруи были также золотыя, но все оружіе было мѣдное, потому что не знали еще употребленія желѣза. Массагеты жили, по Геродоту, насупротивъ Исседоновъ, можетъ быть по истокамъ р. Исети, отъ которой послѣднія и получили свое названіе, какъ Массагеты отъ р. Міяса, близъ міяскаго завода. Хотя всѣ эти рѣки небольшія, даже столь малы, что вообще на картахъ не означаются, но онѣ, безъ сомнѣнія, были въ древности гораздо больше, какъ и всѣ рѣки южной Россіи, описанныя Геродотомъ, изъ которыхъ нѣкоторыя до того исчезли, или высохли, что и слѣдовъ ихъ почти не осталось.

---

* Herodoti libr. hist. I, cap. 215.

** Straboni, Geogr. lib. XI. cap. 8, § 6.

Въ слѣдующихъ за Геродотомъ вѣкахъ описывается Страбономъ подобная же богатая торговля, которую вели Аорсы и Зыраки съ Алтайскимъ хребтомъ и съ Индіею; они носили много золота на одеждахъ и были весьма воинственны и сильны, такъ что Зыраки посылали за Босфоръ войско изъ 20,000 конницы, а Аорсы до 200,000 человѣкъ пѣхоты. Эти финскія племена, замѣнивъ древнихъ народовъ, обитавшихъ по берегамъ р. Исета и Міяса, были, кажется, тѣ, которыя во время Іорнанда еще болѣе подвинулись къ западу и наконецъ явились въ римскихъ владѣніяхъ, гдѣ перешли Дунай и поселились въ Трансильваніи и Венгріи. Они до тѣхъ поръ, а именно въ Страбоновомъ вѣкѣ, составляли главное народонаселеніе крымскаго полуострова.

Во многихъ мѣстахъ Алтайскаго хребта, Киргизской степи, и въ особенности въ южной Россіи, на чудскихъ могилахъ возвышаются насыпи, и на нихъ не рѣдко находятся каменныя бабы или камни въ видѣ статуй съ человѣческимъ лицомъ, обращеннымъ къ востоку и какъ бы указывающимъ на первобытное отечество этого народа, тамъ схоронившаго своихъ предковъ, или насыпавшаго эти курганы, для указанія главнаго торговаго пути, шедшаго тогда изъ Азіатской Россіи въ Европейскую. Мы уже теперь принимаемъ, что чудской народъ вышелъ изъ отдаленнаго востока и болѣе и болѣе переселялся на западъ, вторичное свое отечество; намогильные памятники находятся вездѣ, гдѣ въ глубокой древности пролегалъ главный путь этого народа изъ Азіи въ Европу: главное торговое сообщеніе было черезъ проходы Уральскаго хребта, по которымъ впослѣдствіи высыпалъ новый воинственный народъ въ южную Россію, все опустошившій мечемъ и огнемъ.

Каменныя статуи (которыя называютъ также истуканами и болванами) такъ часто находятся на курганахъ или вдоль прежнихъ путей сообщенія, что онѣ составляютъ другой родъ памятниковъ древности, по которомъ можно опредѣлить народъ, соорудившій ихъ.

Самыя древнія каменныя статуи находятся въ восточной Сибири и на Алтайскомъ хребтѣ, что̀ и указываетъ на первобытное отечество народа, соорудившаго эти памятники. Такъ напримѣръ гранитный камень съ женскимъ лицомъ находится по р. Абакану, впадающему въ Енисей, къ востоку отъ Кузнецка. Другой же камень изъ песчаника стоялъ, во время описанія памятниковъ г. Спасскимъ *, на курганѣ, въ разстояніи одной версты отъ перваго, и на немъ было высѣчено грудное изображеніе мущины, держащаго въ лѣвой рукѣ чашку, которая вообще означается и у прочихъ статуй, составляя главную народную принадлежность ихъ. Направо отъ мущины съ большими глазами видно противъ головы копье, подъ которымъ находится птица и еще другое животное; первая кажется цапля, подобная той, которая находится на золотыхъ бляхахъ чудскихъ могилъ, а второе можетъ быть кабанъ; подъ нимъ же изображенъ младенецъ съ чашкою въ рукахъ. На лѣвой сторонѣ начертаны два человѣка, одинъ на лошади съ копьемъ, другой пѣшій съ огромнымъ лукомъ; за нимъ двугорбый верблюдъ.

Древній этотъ камень замѣчателенъ потому, что на немъ находится по чашкѣ въ рукахъ взрослаго человѣка и младенца, и что Чудь, употреблявшая для ѣзды лошадей, въ тоже время употребляла и верблюдовъ

* Сибирскій Вѣстникъ за 1819 г., Табл. VII и VIII.

для торговли по степямъ, въ которыхъ обитала, какъ это уже описываетъ Страбонъ.

Третья статуя представляетъ на верхней сторонѣ высѣченное изображеніе женщины и налѣво отъ него младенца съ острою шапкою на головѣ, подобною шапкѣ чудскаго воина въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Выше младенца вырѣзанъ верблюдъ, а съ правой стороны женщины является цѣлый рядъ верблюдовъ, одинъ за другимъ, представляющій торговый караванъ на пути изъ восточной Азіи на югъ Уральскаго хребта, по Уральскимъ проходамъ.

Верблюды не водятся въ сѣверныхъ странахъ, но составляютъ вьючныхъ животныхъ южной части Сибири и Киргизской степи, гдѣ кочующіе Киргизы, Бухарцы, Коканцы и понынѣ употребляютъ для этой цѣли верблюдовъ; а собаки и сѣверные олени служатъ сѣвернымъ народамъ для упряжи. Въ то отдаленное время, къ которому относятся выше описанные памятники, одинъ и тотъ же народъ чудской обиталъ кажется и въ сѣверныхъ и въ южныхъ странахъ Азіатской Россіи и въ разныхъ странахъ употреблялъ и разныхъ животныхъ для ѣзды.

Другой еще камень находится на курганѣ по лѣвому берегу р. Чарыша близъ вершинъ ея въ Алтайскихъ горахъ и при устьѣ рѣки Пихтовки; онъ представляетъ нагую женщину съ чашкою въ рукахъ; фигура изсѣчена съ особеннымъ противъ другихъ тамошнихъ статуй раченіемъ и искусствомъ.

Въ другихъ мѣстахъ найдены также статуи, между которыми весьма замѣчательна одна, представляющая воина, держащаго въ правой рукѣ чашку, а въ лѣвой мечъ; подобныя мѣдныя фигуры происходятъ изъ

чудскихъ могилъ и хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Другія статуи, хотя почти одинаковыя съ выше описанными, находятся, по описанію Палласа, по берегамъ р. Енисея и Иртыша, на плодоносныхъ и ровныхъ долинахъ, гдѣ обыкновенно хоронили покойниковъ.

Ихъ находится большое число и въ южной Россіи, въ особенности же въ той части, которая у Геродота составляла древнюю Скиѳію. Палласъ видѣлъ ихъ отъ Терека и Кубана до береговъ Днѣпра въ Европейской Россіи; онъ ихъ видѣлъ на Крымскомъ полуостровѣ, но не въ приволжскихъ степяхъ, исключая р. Самары: можетъ быть потому ихъ здѣсь нѣтъ, что истреблены народомъ, не заботившимся о сохраненіи памятниковъ древности, снимавшимъ ихъ по большой части съ кургановъ для употребленія на разныя домашнія надобности, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ камни принадлежатъ къ рѣдкостямъ.

Равнымъ образомъ каменныя бабы не рѣдко перевозились изъ одного мѣста въ другое; такъ напримѣръ на югѣ отъ Астрахани находятся теперь подобныя статуи, которыя были перевезены съ берега р. Маныча, гдѣ ихъ много находилось. Полковникъ Корниловъ, не давно изслѣдовавшій Астраханскую степь, доставилъ Императорскому Русскому Географическому Обществу рисунокъ одной изъ этихъ бабъ, на толстой головѣ которой видѣнъ платокъ съ трехугольнымъ концемъ спереди, а позади идетъ тотъ же платокъ въ видѣ мѣшкообразнаго шлейфа, вѣроятно для косъ. Длинныя груди висятъ почти до самаго брюха выпукло выдающагося; ниже живота, женщина держитъ обѣими руками цилиндрическую не большой длины чашу.

Во время моего путешествія по Кавказскимъ горамъ, я самъ видѣлъ * очень много каменныхъ статуй въ окрестностяхъ Ставрополя, отъ станцій Донской до Преградной, гдѣ онѣ нынѣ поставлены по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, женскія попеременно съ мужскими, послѣднія изображены съ плоскою или остроконечною шапкою на головѣ, какъ у нынѣшнихъ Остяковъ, Вогуловъ, Самоѣдовъ; у всѣхъ же видна чашка, которую онѣ держатъ въ рукахъ у нижней части живота, какъ уже выше описано. Голова весьма толстая; тѣло сравнительно съ нею не такъ толсто, но руки и ноги длинны и тонки; глаза болѣе малы, носъ и ротъ большіе; чашка у всѣхъ видна, даже у женскихъ статуй, которыя по большей части находятся въ сидячемъ положеніи и вообще грубо вырѣзаны изъ степнаго известняка.

Послѣ того времени и Г. Дюбуа ** описалъ ихъ и издалъ съ присовокупленіемъ многочисленныхъ чертежей этихъ статуй.

Не давно Пискаревъ ***, издавъ подробное ихъ описаніе, насчиталъ ихъ 37 штукъ въ землѣ Войска Донскаго, 5 въ Ставропольской губерніи, 44 въ Таврической, 54 въ окрестностяхъ Таганрога, 428 въ Екатеринославской, 11 въ Херсонской, 43 въ Харьковской губерніяхъ; въ другихъ же смежныхъ губерніяхъ не

* Reise nach dem Kaspischen Meere. Stutgart, 1837. Bd. I. Abth. II, pag. 875. Taf. II.

** Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase et en Crimée. Paris, 1840, vol. 4 avec un grand atlas. Série IV. pl. XXXI. b. fig. 1 — 16.

*** Записки Археологическаго Общества, Томъ III, стр. 207 статья Пискарева о мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ въ Россіи.

болѣе какъ по 4 или по 5. Впрочемъ вѣроятно, что не всѣ здѣсь исчисленныя статуи принадлежатъ одному и тому же времени происхожденія: тѣ только, которыя имѣютъ чашку въ рукахъ, относятся къ древнему чудскому племени, такъ какъ и енисейскія статуи отличаются тѣмъ же изображеніемъ. При этомъ весьма замѣчательно, что самое большое число ихъ находится въ Екатеринославской губерніи, гдѣ, безъ сомнѣнія, было главное жилище Аорсовъ и Зыраковъ.

Уже въ 1253 году описывалъ эти статуи Рубриквисъ, посланникъ французскаго короля Людовика IX къ Татарскому Мангу-Хану. Онъ положительно при этомъ разсказываетъ, что Команы, или Половцы Русскихъ лѣтописей * имѣютъ обыкновеніе дѣлать насыпь надъ могилами покойниковъ и на нихъ ставить статуи, лица которыхъ обращены къ востоку и которыя руками держатъ чашку на пупѣ; что они надъ прахомъ богатыхъ и вельможъ сооружаютъ пирамиды и небольшіе островерхіе домики, и что у нѣкоторыхъ найдено до 16 лошадиныхъ кожъ, изъ которыхъ по 4 были обращены на каждую сторону свѣта.

Это извѣстіе, по моему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія, потому что оно прямо указываетъ на Комановъ, какъ на тотъ народъ, который соорудилъ каменныя бабы. Я уже прежде ** старался доказать, что Команы были народъ финнскаго племени; Зыряне и Пермяки еще понынѣ называютъ сами себя Коми, а рѣку Каму — Кумою, такъ что они вѣроятно

* По этому новгородская лѣтопись упоминаетъ также о Половецкомъ курганѣ, подъ 1224 годомъ.

** См. Alte Geographie des südlichen Russlands.

отъ этой рѣки приняли народное свое названіе Команов или Кумановъ; есть еще сверхъ того рѣка Кума въ Калмыцкой степи, впадающая съ западнаго берега Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ прежде жили Уды, Uitii по Страбону, отъ которыхъ рѣка Кума въ древности называлась Уд-донъ.

Команы издревле жили между Каспійскимъ и Чернымъ морями, т. е. въ тѣхъ странахъ, гдѣ до того кочевали Аорсы и Зыраки, Эрзы и Зыряне, которые, подобно имъ, были финнскаго племени.

Рубриквисъ притомъ утверждаетъ, что источникъ Команскаго языка должно искать у Югуровъ или Югровъ, равнымъ образомъ народа финнскаго племени, жившаго тогда на сѣверномъ Уралѣ.

Сверхъ того современный путешественникъ Плано-Карпини *, въ 1245 г., разсказываетъ, что земля Komaновъ граничитъ къ сѣверу съ Мордвою, съ Билерами или Велико-Булгарами, съ Бастарнами или Велико-Венгерцами и наконецъ съ Самоѣдами у Ледовитаго моря; по-этому Команская земля была велика и обширна, но большая часть народовъ ея уничтожена Татарами, такъ что часть ихъ даже со временемъ перешла въ Татары и говорила тогда татарскимъ т. е. турецкимъ языкомъ.

По этому-то мнѣнію Рубриквиса я не могу вполнѣ согласиться съ Палласомъ и съ Клапротомъ, которые принимаютъ, что каменныя статуи сооружены одними Гуннами, народомъ глубокой древности, вышедшимъ изъ Сибири и почитаемымъ обыкновенно за народъ

* См. Русскій переводъ путешествія по Россіи Плано-Карпини, сдѣланный Д. И. Языковымъ.

Монгольскаго племени. Но если допустить финское происхожденіе Гунновъ, что и довольно легко доказывается, то Гунны дѣйствительно могли, вмѣстѣ съ другими древне-чудскими племенами, быть сорудителями каменныхъ бабъ. Мы выше сказали, что Уды или древніе Uitii жили на берегахъ р. Кумы; по словамъ же Эратосѳена, которыя намъ сохранилъ Діонисій Географъ, эти Унтіи тотъ же народъ, что Унны; такимъ образомъ Унны или Гунны или Команы должны бы быть почитаемы за одинъ и тотъ же народъ финнскаго племени.

Всѣ эти историческія данныя служатъ доказательствомъ, что каменныя бабы происходятъ не отъ одного, но отъ разныхъ народовъ финнскаго племени, соорудившихъ ихъ въ XIII столѣтіи, и ранѣе, въ первыхъ вѣкахъ нашей эры.

Мы поэтому не можемъ согласиться съ мнѣніемъ П. И. Кёппена *, приписавшаго каменныя бабы не вѣкамъ послѣ Рождества Христова, но до-историческимъ временамъ, даже до временъ Геродота и до временъ Скиѳскихъ. Онъ полагаетъ, что каменныя статуи составляютъ памятники древняго богослуженія, можетъ быть халдейскаго, которое и существовало на берегахъ Чернаго моря и здѣсь долго исповѣдывалось, какъ въ Іудеѣ, гдѣ однакоже языческіе храмы закрылись, между тѣмъ какъ холмы и столбы на нихъ оставались у народа въ большомъ уваженіи. Наконецъ Іудейскій царь Искіа осмѣлился, какъ сказано въ Ветхомъ Завѣтѣ, «уничтожить возвышенности и разломать столбы.» Это случилось въ VIII вѣкѣ до Рождества Христова. П. И. Кёппенъ поэтому полагаетъ,

* Köppen die Tumuli in Russland.. St. Petersb. 1836 pag. 6.

что уже до этихъ отдаленныхъ временъ существуютъ въ южной Россіи столбы или каменныя бабы.

Нѣтъ надобности опровергать это мнѣніе, потому что ничѣмъ нельзя доказать, чтобы столбы на Іудейскихъ холмахъ соотвѣтствовали каменнымъ бабамъ, или чтобы послѣднія дѣйствительно почитались за божественные идолы; притомъ нѣтъ сомнѣнія, что каменныя бабы были въ самомъ дѣлѣ надгробные камни, чѣмъ онѣ отличаются отъ Іудейскихъ столбовъ, которые возвышались не надъ гробами, но на холмахъ, на которыхъ они были можетъ быть остатками храмовъ. Притомъ столбы не представляли человѣческихъ фигуръ, каменныхъ бабъ, которыя въ отдаленныхъ странахъ Азіи и въ южной Россіи были совершенно одинаковаго устройства, такъ что чашка въ рукахъ каменныхъ бабъ безъ исключенія была существенная принадлежность ихъ; если же чашка не видна у нихъ, то можно справедливо сомнѣваться о чудскомъ происхожденіи подобныхъ каменныхъ статуй.

Мы поэтому должны принять, что чудское племя, преимущественно Команы, въ XII вѣкѣ нашей эры или еще ранѣе, соорудили эти каменныя бабы, но что древнѣйшія изъ нихъ, существовавшія до этого времени на Алтайскомъ хребтѣ, сохранились отъ самой глубокой древности чудскаго народа. Онѣ, безъ сомнѣнія, были извѣстны Скиѳамъ Геродотоваго вѣка; онѣ уцѣлѣли еще въ послѣдующія времена послѣ Рождества Христова, когда команo-чудское племя соорудило ихъ въ южной Россіи. Въ слѣдующей главѣ мы постараемся доказать, что сообщенные Геродотомъ разсказы о происхожденіи Скиѳовъ объясняютъ и происхожденіе каменныхъ бабъ, которыя, будучи поставлены на курганахъ, составляли можетъ быть символъ возрожде-

нія покойниковъ, и отъ того держитъ въ рукахъ чашу для употребленія вина или кумыса въ будущей жизни.

Поэтому и доселѣ еще чудскіе народы, какъ напримѣръ Черемисы, Чуваши, Вотяки, Вогулы и Остяки снабжаютъ своихъ покойниковъ при погребеніи чашами, котлами и другими домашними посудами для будущей жизни, и у Вогуловъ* сверхъ того, не смотря, что они по большей части уже приняли крещеніе, существуютъ и теперь разные идолы, состоящіе изъ странно-образованныхъ камней и рѣзныхъ человѣческихъ фигуръ или истукановъ; при рѣкахъ Лосвѣ, Тавдѣ и Иртышу поклоняются они скалѣ, имѣющей подобіе оленя. Во время жертвоприношенія, жрецы раздѣляютъ жертву, которую и ѣдятъ всѣ съ надлежащимъ благоговѣніемъ. Шкуру же и черепъ лошади вѣшаютъ на деревѣ, а прочія шкуры употребляютъ на разныя домашнія потребности.

Подобные и другіе обычаи, безъ всякаго сомнѣнія, указываютъ на народъ глубокой древности, имѣвшій, какъ Команы, такіе обычаи при погребеніи своихъ покойниковъ и при жертвоприношеніяхъ.

II.

Сравненіе Чудскихъ памятниковъ съ скиѳскими, найденными близъ Керчи.

Если бросимъ бѣглый взглядъ на древнѣйшія народныя племена, жившія въ южной Россіи и на Крымскомъ полуостровѣ, равно какъ и въ тѣхъ

---

* Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ, переводъ съ нѣмецкаго, сочиненія Іог. Готл. Георги. С. Петербургъ, 1799, часть I, стр. 64.

частяхъ Уральскаго и Алтайскаго хребтовъ, которыя были извѣстны Геродоту, то увидимъ, что отецъ исторіи зналъ тамъ два главныя племена, Скиѳское и Сарматское, какъ первоначальныхъ обитателей этихъ огромныхъ пространствъ. Первое удобнѣе можетъ быть названо Скиѳско-финнскимъ, а послѣднее — Сармато-славянскимъ племенемъ, потому что Скиѳы, судя по имени и по мѣсту ихъ жительства, должны быть Чудь, древніе Финны, а Сарматы или Сербиоты — Славяне, обитавшіе тогда на берегахъ Мэотиса или Азовскаго моря, тамъ, гдѣ нынѣ Славяносербскъ, въ окрестностяхъ котораго Плиній Старшій ясно описываетъ Сербовъ, и гдѣ недавно найдены развалины древней ихъ столицы, Танаиса. *

Названіе Скиѳъ, безъ всякаго сомнѣнія, было общее для многихъ народныхъ племенъ глубокой древности, не только однозвучное, но и однозначащее съ названіемъ Чуди. Оба эти названія, какъ однозначащія, встрѣчаются еще въ VI столѣтіи у Готскаго историка Іорнанда. Онъ разсказываетъ, что по смерти Гебериха наслѣдовалъ Эрманарихъ, который побѣдилъ многихъ весьма воинственныхъ народовъ сѣвера, и между ними называетъ жившихъ тогда за Готами Скиѳовъ и Туидовъ, Scythæ et Thuidi, чѣмъ вѣрно хотѣлъ обозначить одинъ и тотъ же народъ Чудской.

---

* Эти развалины Танаиса, изслѣдованныя, по порученію Его Сіят. Г. Министра Удѣловъ Графа Л. А. Перовскаго, Г. Профессоромъ Леонтьевымъ, находятся на Дону, близъ слободы Недвиговки, въ ста верстахъ отъ Новочеркасска, гдѣ прежде протекалъ Донъ; найденные здѣсь греческіе и другіе памятники съ древними надписями прямо указываютъ на древнюю столицу Сербовъ.

Уже въ 1838 году старался я, въ изданной мною древней «Географіи южной Россіи», доказать это мнѣніе по Греческимъ и Римскимъ источникамъ.

Скиѳъ было первобытное названіе всѣхъ финскихъ племенъ, обитавшихъ тогда отъ Крымскаго полуострова по южному отклону Уральскаго хребта, по Барабинской степи до Алтайскихъ и Саянскихъ горъ; народное племя, по разнымъ нарѣчіямъ языка раздѣлившееся на многія отдѣльныя или боковыя вѣтви, на Аорсовъ и Зыраковъ, на Массагетовъ и Исседоновъ, на Меланхленовъ и Аримаспевъ и многія другія, какъ увидимъ ниже.

По этому-то раздѣленію всего народа на многія вѣтви, главное названіе Чудь мало-по-малу исчезло; но многія мѣстныя названія въ разныхъ губерніяхъ нынѣшней Россіи указываютъ на Чудское племя, жившее тамъ издревле, и сверхъ того самый не многочисленный народъ, Чудь, существуетъ понынѣ въ сѣверной Россіи, а именно въ Новгородской губерніи, числомъ 7,000 душъ обоего пола.

Я обязанъ ученому этнографу А. Г. Яновскому слѣдующимъ спискомъ селеній, напоминающихъ своими названіями древнюю Чудь во многихъ губерніяхъ, въ которыхъ въ разныя времена кочующій Чудской народъ сдѣлался осѣдлымъ.

—

Въ Новгородской губ.	селеніе		Чудово.
— Тверской	— въ Новоторжскомъ уѣздѣ		Чудины
— Московской	— — Серпуховскомъ	—	Чудиново
— Владимірской	— — Муромскомъ	—	Чудь
	— Гороховецкомъ	—	Чудская
	— Вязниковскомъ	—	Чудиново
— Нижегородской	— — Горбатовскомъ	—	Чудиново
	— Балахнинскомъ	—	Чудино

— Ярославской	— — Рыбинскомъ	— Чудино
	— Ярославскомъ	— Чудиново
	— Романоборисоглѣбскомъ	— Чудиново
	— Мологскомъ	— Чудиново
— Костромской	— — Нерехтинскомъ	— Чудь
	— Юрьевецкомъ	— Чудь
— Вологодской	— — Сольвычегодскомъ	— Чудская
— Вятской	— — Орловскомъ	— Чудиновская
	— Слободскомъ	— Чудиновская
	— Котельничскомъ	— Чудиновская
— Пермской	— — Камышловскомъ	— Чудово
	— Оханскомъ	— Чудиново Чудиновская
	— —	— Чудское городище
— Оренбургской	— — Челябинскомъ	— Чудиново
— Пензенской	— — Керенскомъ	— Чудовка
— Тамбовской	— — Темниковскомъ	— Чудинское
— Орловской	— — Брянскомъ	— Чудиново
— Могилевской	— — Чириковскомъ	— Чудяны Чудинское
	— Бабиковецкомъ	— Чухны
— Полтавской	— — Лубновскомъ	— Чудновцы
— Кіевской	— — Радомысльскомъ	— Чудинъ
— Подольской	— — Литинскомъ	— Чудновцы
— Волынской	— — Житомирскомъ	— Чудново Чудновъ
	— Острогскомъ	— Чудница

Можетъ быть нѣкоторыя изъ этихъ названій имѣютъ случайное сходство съ именемъ Чуди, другія же вовсе не въ связи съ нимъ, и происходятъ отъ Чудо и Чудно; но иныя такъ сходны съ названіемъ Чуди, въ особенности потому, что и понынѣ живутъ въ этихъ губерніяхъ Чудскія племена, что нельзя сомнѣваться о происхожденіи этихъ селеній отъ осѣдлыхъ Чудскихъ племенъ, жившихъ тамъ издревле.

Для сравненія Чудскихъ памятниковъ съ Скиѳскими, я долженъ во-первыхъ привести здѣсь разсказъ Геродота * о происхожденіи Скиѳовъ.

«Скиѳы, говоритъ Геродотъ, составляютъ изъ всѣхъ народовъ самый младшій; первый человѣкъ, явившійся въ ихъ землѣ, былъ Таргитай; у него были три сына, младшій изъ нихъ былъ Колоксорисъ. Въ царствованіе ихъ упали съ неба золотыя вещи, плугъ, упряжь, сѣкира и чаша. Старшій изъ братьевъ, видя упавшія съ неба вещи, подошелъ-было къ нимъ, чтобы взять ихъ, но они были столь горячи, что онъ не могъ прикоснуться къ нимъ. Второй братъ также не могъ прикоснуться къ золоту, но когда приблизился младшій, вещи остыли и онъ унесъ ихъ домой; старшіе два брата по-этому передали царство младшему.»

Изъ этого разсказа видно, что земля Скиѳовъ изобиловала золотомъ, и что здѣсь указывается на золотоносныя розсыпи уральскія и алтайскія, но обработка жильнаго золота въ тѣ времена была весьма трудна, и поэтому невозможно было прикоснуться къ золоту. Изъ золота сдѣланы были разныя вещи, чаша, упряжь и другія.

Другой разсказъ о происхожденіи Скиѳовъ по Геродоту слѣдующій: «Геркулесъ, во время своего странствованія, прошелъ въ землю Скиѳовъ, гдѣ, по причинѣ большаго мороза, покрылъ себя львиною кожею и заснулъ; проснувшись онъ не нашелъ своихъ лошадей, и искавши ихъ вездѣ, случайно увидѣлъ Эхидну ** или

* Histor. lib. IV.

** Эхидна была можетъ быть у древнихъ Скиѳовъ символомъ превращенія богини въ человѣка (incarnatio), каковое принятіе человѣческой фигуры или тѣла, вполовину похо-

змѣевидную дѣвицу, имѣвшую сверху женскій образъ, а снизу — змѣиный. Она ему обѣщала возвратить пропавшихъ лошадей, если онъ у нея останется жить. Геркулесъ согласился, и змѣя-дѣвица родила ему троихъ сыновей. Въ послѣдствіи онъ разстался съ нею, оставивъ ей свой лукъ и поясъ, на которомъ висѣла золотая чаша, и при прощаньи сказалъ: «Кто изъ моихъ сыновей натянетъ этотъ лукъ, такъ какъ я, и кто изъ нихъ опояшется этимъ поясомъ такъ какъ я, того сдѣлай жителемъ этой земли, а другихъ выгони.» Младшій сынъ, именемъ Скиѳесъ, одинъ успѣлъ въ этомъ и остался царемъ земли. Отъ этого Скиѳеса, продолжаетъ Геродотъ, происходятъ всѣ цари Скиѳовъ, и отъ этой чаши всѣ Скиѳы понынѣ носятъ на своемъ поясѣ чашу».

Мнѣ кажется весьма важнымъ, что въ двухъ этихъ разсказахъ о происхожденіи Скиѳовъ упоминается о золотой чашѣ, которая составляетъ всеобщую принадлежность каменныхъ бабъ на Алтайскомъ хребтѣ и въ южной Россіи, въ окрестностяхъ Ставрополя и въ Землѣ Войска Донскаго и, что она въ такомъ отношеніи къ этимъ скиѳскимъ памятникамъ глубокой древности, какъ и булава для Геркулеса, громовая стрѣла для Юпитера, медузина голова на щитѣ Минервы и т. д.

Чаша, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ сосудъ самаго общаго употребленія для питья вина или ку-

---

жаго на животное, часто встрѣчается на востокѣ, а наипаче у Индѣйцовъ, у которыхъ Вишну превращается то въ черепаху, то въ другія животныя; превращеніе въ рыбу называется у нихъ Матславаторомъ, а въ черепаху — Курмаваторомъ (см. о томъ L'Inde française ou collection de dessins répréesentant les divinités, temples, costumes etc. des peuples hindous, publiée avec un texte explicatif par Burnouf. Paris. 1827.)

кыса, общеупотребительнаго у Скиѳовъ гиппомолговъ (или доильщиковъ кобылъ) южной Россіи. Уже въ глубокой древности скиѳское племя гиппомолговъ приготовляло, подобно Башкирамъ, изъ молока кобылъ столь хмѣльное питье, что имъ можно было какъ водкою напиваться до-пьяна; а вино приготовлялось царскими Скиѳами на Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ виноградъ и теперь растетъ въ изобиліи и гдѣ хорошее вино понынѣ выдѣлывается. Уже Страбонъ * писалъ, что виноградъ ростетъ на берегу Боефорскаго пролива, но что надобно было его покрывать на зиму землею, безъ чего зимній морозъ вредилъ ему. Равнымъ образомъ и нынѣ виноградъ покрывается въ Астраханской губерніи. Геродотъ ** разсказываетъ также, что каждый начальникъ округа разъ въ годъ давалъ въ своемъ округѣ пиръ, во время котораго только тѣ Скиѳы пили вино изъ кружки или чаши, которые убили непріятеля на войнѣ. Кто ни одного не убилъ, тотъ не пилъ вина и оставался на своемъ мѣстѣ безъ чести, что у нихъ составляло самой большой стыдъ; но тѣ, которые убили многихъ непріятелей, пили изъ двухъ кружекъ или чашъ.

Судя по этой чашѣ, каменныя бабы должны быть отнесены къ самой глубокой скиѳской древности, и такимъ образомъ древняя Чудь, ставившая статуи на алтайскихъ могилахъ и курганахъ, должна быть принята за скиѳскій народъ, о чемъ и самое ихъ названіе свидѣтельствуетъ.

Но сверхъ того, этими и другими разсказами Геродота объясняется также происхожденіе и племя того

---

* Geograph. lib. VII.
** L. c. hist. lib. IV. cap. 66.

народа, отъ котораго остались въ Керчи богатыя могилы, преисполненныя золотомъ, а въ особенности искусственными произведеніями изъ электрума, какъ въ могилѣ Кулобѣ, татарское названіе которой значитъ «пепельный халатъ».

Для объясненія найденныхъ въ скиѳскихъ могилахъ рѣдкостей, нужно обратиться къ Геродотову разсказу о грифахъ, которые стерегли золото. Геродотъ пишетъ, что «Аристей Проконесскій, будучи очарованъ Аполлономъ *, пришелъ къ Исседонамъ, за которыми жили тогда Аримаспы, люди съ однимъ глазомъ, далѣе за ними Грифы, стерегшіе золото, а за этими — Гипербореи или верхнесѣверный народъ до самаго моря. Всѣ они, исключая Гипербореевъ, нападали на своихъ сосѣдей т. е. Аримаспы на Исседоновъ, выгоняя ихъ такимъ образомъ изъ ихъ страны; Исседоны — на Скиѳовъ, а эти — на Киммеріянъ, жившихъ тогда на берегахъ Азовскаго моря.»

По этому разсказу эпическаго стихотворца Аристея, жившаго во время Креза въ первой половинѣ VI столѣтія до Р. Х., мы узнаемъ, что особые баснословные для скиѳской древности грифы или четыреногіе звѣри съ крыльями и съ птичьимъ клювомъ стерегли золото и что восточные народы дѣлали нападенія на западныхъ и такимъ образомъ вытѣсняли ихъ все болѣе къ западу, что̀ и было началомъ народопереселенія съ востока на западъ.

Аристей, въ нынѣ потерянныхъ и на греческомъ языкѣ писанныхъ стихахъ, оставилъ намъ эти любопытныя замѣчанія о предпринятомъ имъ путешествіи въ отдаленныя страны Алтайскаго хребта, на которыя

---

* L. c. hist. lib. IV. cap. 13.

прямо указываетъ его описаніе; страны же эти Геродотомъ описываются столь холодными, «что въ теченіе осьми мѣсяцевъ тамъ былъ такой сильный морозъ, что, если вода падала на поверхность земли, то сейчасъ же замерзала, а когда разводили огонь, то дѣлалась грязь. Зима такимъ образомъ у нихъ продолжалась восемь мѣсяцевъ, да и остальные четыре мѣсяца холодны.»

Почти подобное извѣстіе о холодѣ на Балтійскомъ морѣ сообщилъ Питей, извѣстный путешественникъ изъ Марсели (отъ этого города называютъ его Pytheas Massiliensis), въ третьемъ столѣтіи до Р. Х.; онъ объѣхалъ въ 320 году до Р. Х. Атлантическій и Сѣверный океаны до янтарной страны Ostiaca или земли Эстовъ (Aestii). Питей видѣлъ на южномъ берегу Балтійскаго моря Готовъ, называемыхъ имъ и Пдиніемъ Guttones; онъ разсказываетъ притомъ, что на сѣверѣ нѣтъ ни земли, ни моря, ни воздуха; поэтому его долго почитали лгуномъ, и даже самъ Страбонъ, не понявшій его разсказа о Рифейскихъ горахъ и гиперборейскихъ странахъ. По разсказу Питея всѣ эти смѣшанныя между собою стихіи образуютъ тамъ непроницаемую массу, какъ это и повторяетъ Страбонъ *; но Питей дѣйствительно правъ. Онъ этимъ хотѣлъ описать лёдъ, неизвѣстную Грекамъ непроницаемую массу холодныхъ странъ. Такимъ же образомъ самъ Геродотъ, по разсказамъ Аристея и самыхъ Скиѳовъ, описываетъ страну, въ которой находится золото, какъ одну изъ самыхъ холодныхъ земель, за которой лежащія къ сѣверу пространства никому не извѣстны,

* См. Karamsin, Die Geschichte des russischen Reichs deutsch. Band I. Riga. 1820. pag. 214.

потому что воздухъ тамъ преисполненъ перьями, такъ что ничего не видно. * Онъ однакоже въ другомъ мѣстѣ своей исторіи ** объясняетъ, что перья, о которыхъ ему разсказывали Скиѳы, должны быть снѣгъ и что въ этихъ странахъ снѣгъ идетъ и зимою и лѣтомъ, хотя лѣтомъ и менѣе, чѣмъ зимою; и въ самомъ дѣлѣ лѣтніе мѣсяцы Греціи принадлежали отчасти въ этихъ странахъ сѣвера уже къ зимнему времени.

Разсказъ о Грифахъ, стерегшихъ золото, и объ Аримаспахъ съ однимъ глазомъ, успѣвавшихъ только хитростью красть его, есть безъ сомнѣнія басня, но какъ и всѣ басни, она должна основываться на какихъ-нибудь данныхъ.

Эрманъ, и въ особенности Гумбольдтъ, старались объяснить эту басню о грифахъ, но какъ мнѣ кажется не удачно; она легко объясняется самымъ названіемъ золотоносной мѣстности Алтайскаго хребта, Змѣиногорскаго рудника, неисчерпаемаго источника золота и электрума съ самыхъ древнихъ временъ. Рудникъ этотъ получилъ свое названіе отъ горы, на которой онъ находится; а гора такъ названа отъ большихъ змѣй, которые тамъ прежде водились въ великомъ множествѣ.

При первоначальной обработкѣ рудника Русскіе рудокопы принуждены были, для истребленія ихъ, нарочно нанимать поденщиковъ, и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Г. Спасскимъ объ этомъ рудникѣ,*** между тамошнимъ народомъ и понынѣ сохранилось мнѣніе объ особенной склонности змѣй къ золоту и серебру.

---

* Strabonis geograph. lib. VII pag. 295.

** Herod. hist. lib. IV. cap. 31.

*** Сибирскій вѣстникъ, 1819, часть V, стр. 103.

Это объясняется самымъ положенiемъ тамошнихъ горъ, открытыхъ къ солнцу и имѣющихъ много разсѣлинъ, удобныхъ для пребыванія змѣй.

О змѣяхъ этихъ, какъ обыкновенно случается, съ самаго начала, разсказывали въ преувеличенномъ видѣ; потомъ разсказы эти различнымъ образомъ искажались относительно ихъ наружности; отчего скиѳское воображеніе создало изъ нихъ баснословныхъ Грифовъ, такъ часто встрѣчающихся въ изображеніяхъ на золотыхъ украшеніяхъ скиѳскихъ могилъ въ Керчи: по однимъ грифамъ эти могилы должны принадлежать древнему Чудскому народу.

Фигуры грифовъ находились также на воротахъ древняго города Пантикапеи или Керчи, близъ котораго открыта могила Кулоба со многими золотыми вещами и равнымъ образомъ украшенная грифами.

А такъ какъ грифы были баснословныя животныя, то и одноглазные Аримаспы, которые у нихъ будто бы похищали золото, должны быть также баснословный народъ. Геродотъ полагаетъ, что названіе ихъ происходитъ отъ словъ арима «одинъ» и спу »глазъ»; но арима не значитъ ни на какомъ древнемъ или новомъ языкѣ «одинъ», а спу вовсе не слышно въ словѣ аримасли; да и другія скиѳскія слова, приведенныя Геродотомъ, не имѣютъ сходства съ словами никакого другаго языка, и поэтому можно полагать, что эти слова иначе произносились Скиѳами или значили что-нибудь другое. Мнѣ кажется, что въ словѣ Аримаспа находится финнское названіе Ари: такъ называютъ казанскіе Татары Вотяковъ финнскаго племени, и Арское поле еще нынѣ существуетъ въ Казани; ма значитъ «земля» на финнскомъ языкѣ; спи или спу можетъ быть означаетъ множественное число или на-

родъ, по фински мойзетъ, какъ наприм. въ словѣ Айрэмойзетъ (Ayrämöiset); подъ этимъ названіемъ существуетъ теперь многочисленное поколѣніе финскаго племени въ Петербургской губерніи; слово аримаспи дѣйствительно имѣетъ сходство съ словомъ Ayrämöiset.

Что же касается до верхнесѣверныхъ народовъ, (Гиперборреевъ), то, по словамъ Геродота, никто о нихъ не имѣлъ свѣдѣнія, потому что никто не былъ у нихъ по причинѣ чрезвычайнаго холода въ ихъ странѣ, обитаемой нынѣ Остяками и Самоѣдами.

Вообще Скиѳы были многочисленный народъ, по извѣстіямъ не только Геродота, но и Діодора Сицилійскаго, по которому они жили первоначально въ небольшомъ числѣ по р. Араксу (безъ сомнѣнія, древнему Оксусу, на восточномъ берегу Каспійскаго моря) и почти въ неизвѣстности; но потомъ, когда они завоевали гористыя страны, можетъ быть по Уралу и всѣ равнины на сѣверныхъ берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, то слава ихъ и владѣнія увеличились. Это случилось за 700 лѣтъ до Р. Х. или около того.

Ѳукидидъ * также называетъ Скиѳовъ весьма многочисленными и прибавляетъ, что имъ не могъ противиться народъ ни въ Европѣ, ни въ Азіи; они тогда подъ именемъ Массагетовъ начали переселяться съ юга, т. е. отъ восточнаго берега Каспійскаго моря на сѣверъ, къ Уральскому хребту, въ то время, какъ другія скиѳскія племена, а именно Исседоны, переселились съ восточнаго отклона Уральскаго хребта на западный въ южную Россію, откуда вытѣсняли другія скиѳскія племена Европейской Россіи; это составляетъ данныя,

* Thucydides histor. lib. II, c. 97.

которыми подтверждается разсказъ Геродота о нападенiи восточныхъ народовъ на западныхъ.

Геродотъ раздѣляетъ Скиѳовъ на кочующихъ и осѣдлыхъ, какъ и нынѣ раздѣляются финскiя племена: изъ нихъ кочующiя, какъ то: Вогулы, Остяки, Зыряне и Чудь принадлежатъ къ сѣвернымъ, а Мордва, Черемисы, Чуваши и Эрзы, къ южнымъ.

Сверхъ того Геродотъ упоминаетъ еще о царскихъ Скиѳахъ, которые жили въ южной Россiи по р. Днѣпру, за рѣкою Герромъ (Gerrhes), неизвѣстною нынѣ рѣкою, можетъ быть Ингуломъ или другой какой-нибудь нынѣ вовсе исчезнувшей рѣкою южной Россiи. Эти Скиѳы почитали другихъ Скиѳовъ за своихъ рабовъ и распространялись къ югу до таврическаго Херсонеса, а къ востоку до Азовскаго моря и до рѣки Дона.

Царскiе Скиѳы можетъ быть впослѣдствiи завоевали весь Херсонесъ и имѣли на Киммерiйскомъ Босфорѣ свое главное торговое мѣсто, тамъ, гдѣ Греки для той же цѣли основали городъ Пантикапею, нынѣ Керчъ.

Главное кладбище царскихъ Скиѳовъ было не тамъ, а близь Герра, рѣки, впадающей въ Днѣстръ *.

Богатая могила Кулоба находится только въ разстоянiи 4 верстъ отъ древняго города Керчи, такъ что нельзя принять ее за могилу или кладбище царскихъ Скиѳовъ, какъ обыкновенно принимаютъ; въ ней нашли деревянный гробъ изъ тисса (Taxus baccata), скелетъ человѣка съ остатками скиѳской остроконечной шапки на головѣ; края шапки были обложены золотыми бляхами съ фигурами цвѣтовъ и грифовъ, баснословныхъ звѣрей съ птичьимъ клювомъ и съ крыльями; вокругъ шеи былъ толстый золотой ошейникъ, на подобiе

* L. c. IV, cap. 71.

вышеописаннаго золотаго шейнаго кольца изъ кургана Уральскаго хребта, на обоихъ концахъ кольца замѣтны изображенія скиѳскихъ всадниковъ въ широкихъ шароварахъ и съ длинными волосами, одинъ изъ нихъ имѣетъ вокругъ головы золотое кольцо наподобіе діадимы *.

Много золотыхъ браслетъ (иные изъ электрума) лежали близъ рукъ скелета. Особенно замѣчателенъ по отлично изящной работѣ, представленный Г. Дюбуа ** браслетъ, на которомъ изображены съ обоихъ концовъ сфинксы, держащіе передними ногами змѣй, посредствомъ которыхъ замыкается кольцо или браслетъ.

Возлѣ этого скелета находились оружія покойника, желѣзный и совершенно прямой мечъ, подобный тѣмъ, каковые находятся въ древнихъ чудскихъ могилахъ. На ручкѣ меча видны золотые древесные листы, фигуры зайцевъ и волковъ; возлѣ меча лежалъ кнутъ съ золотою пластинкою. Кнутъ составлялъ принадлежность Скиѳовъ, какъ это слѣдуетъ изъ разсказа Геродота ***, по которому возвратившіеся послѣ 28 лѣтъ отсутствія домой изъ Азіи Скиѳы, гдѣ они побѣдили Мидянъ, увидѣвъ, что рабы ихъ переженились на ихъ женахъ, вступили сначала съ ними въ бой оружіемъ, но когда это не помогло, то они принялись за кнутья, отъ которыхъ рабы тотчасъ убѣжали.

Подлѣ меча сверхъ того лежало золотое грудное украшеніе, въ видѣ плоскаго круга, вѣсомъ 1½ фунта;

* См. Fr. Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase et en Crimée, vol. I—IV. Paris, 1840 avec un grand atlas. Serie IV, pl. XXI fig. 3.

** Ibid. Série IV, pl. XX, fig. 4.

*** Hist. lib. IV cap. 3.

на немъ, въ среднемъ внутреннемъ ряду, кромѣ другихъ головъ животныхъ, барса и лошади въ уменьшенномъ видѣ, являются рыбы въ кругломъ ряду, севрюги попеременно съ кефалью или подобною рыбою, изъ которой Греки-колонисты приготовляли извѣстный гарумъ; такія рыбы и нынѣ водятся въ Черномъ морѣ. На наружномъ кругѣ представленъ двойной круглый рядъ женскихъ, но одинаковыхъ головъ съ раскрытымъ ртомъ, показывающихъ длинные зубы и языкъ; длинные волосы и кораллы на шеѣ указываютъ на женское лицо; голову окружаютъ четыре маленькія змѣи съ каждаго боку; посему можно полагать, что это должна быть змѣевидная дѣвица, похитившая лошадей Геркулеса и отъ него родившая троихъ сыновей, какъ выше сказано. Болѣе къ наружнему краю этого золотаго круга видны маленькія головы стараго Скиѳа съ длинною бородою и съ остроконечною шапкою.

Лукъ въ могилѣ былъ совершенно разрушенъ, равно какъ и колчанъ, но золотое влагалище изъ электрума змѣиногорскаго рудника весьма примѣчательно по барельефнымъ фигурамъ разныхъ животныхъ, а именно барса, нападающаго на джейрана или подобную антилопу, льва, нападающаго сзади на сѣвернаго оленя, на котораго спереди нападаетъ грифъ; надъ этимъ же виденъ морской конекъ, переходящій назади въ змѣиный или рыбій хвостъ, баснословное животное не встрѣчающее между животными, изображенія которыхъ находятся въ чудскихъ могилахъ, какъ и другія, а въ особенности барсъ, сѣверный олень и грифъ, составляющіе отличительные признаки для чудскихъ могилъ.

Между животными на золотыхъ барельефахъ могилы Кулобы весьма часто встрѣчаются сѣверные олени, схваченные спереди барсомъ, а сзади львомъ, или

козерогъ алтайскій, схваченный двумя грифами, или кабанъ, схваченный львомъ; последнее весьма примечательно потому, что львы не водятся болѣе на Алтайскомъ хребтѣ, но въ до-историческія времена дѣйствительно водились тамъ, какъ это доказывается ископаемыми костями льва или подобныхъ хищныхъ животныхъ въ Ханхаринской пещерѣ. Тогда, можетъ быть, первобытное существованіе этихъ животныхъ было еще въ свѣжей памяти у древнихъ Скиѳовъ.

Вообще весьма замѣчательно, что въ керченскихъ могилахъ находятся многія фигуры дикихъ животныхъ. Они можетъ быть перешли съ Босфорскими Греками изъ Малой Азіи, гдѣ, на разныхъ мраморныхъ памятникахъ, часто встрѣчаются изображенія пѣтуха, голубя, собаки, быка, кабана, льва, леопарда, лошади, и иногда въ такомъ же видѣ, какъ на керченскихъ барельефахъ, напримѣръ левъ пожираетъ антилопу или подобное животное. *

Изъ этого слѣдуетъ, что Греки малой Азіи имѣли большое вліяніе на развитіе искусствъ у Скиѳовъ на Крымскомъ полуостровѣ и что вѣроятно эти украшенія и памятники по большей части сдѣланы Греками.

Древніе жители Таврическаго полуострова или Тавры (Tauri, Tauro-scythae) были, по Страбону, по большой части скиѳскаго племени, а западный и южный берега крымскіе имѣли греческія колоніи; къ нимъ принадлежалъ также городъ Херсонъ, сильнѣйшая колонія изъ всѣхъ; восточнымъ же берегомъ Крыма, па которомъ находился цвѣтущій и многолюдный городъ Пантикапея или Керчь, и противолежащимъ берегомъ до

---

* См. Charles Fellow Ausflug nach Kleinasien, übersetzt von Dr. Zenker. Leipzig. 1853.

устья рѣки Дона владѣли тогда архонты босфорскихъ Грековъ, такъ названныхъ отъ Босфорскаго пролива.

Всѣ эти многочисленныя колоніи должны были имѣть большое вліяніе на умственное развитіе царскихъ Скиѳовъ, съ которыми они находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ.

Наконецъ весьма примѣчательны найденныя въ могилѣ Кулобѣ маленькія человѣческія статуи изъ электрума и многія круглыя и четыреугольныя бляхи, тоже изъ электрума, служившія для украшенія одежды Скиѳовъ; бляхи лежали у краевъ гроба въ пыли отъ потлѣвшихъ платьевъ, повѣшенныхъ на гвоздяхъ, вбитыхъ съ обѣихъ сторонъ внутри гроба. *

---

* Подобныя золотыя бляшки найдены также въ Саратовской губерніи, въ Камышинскомъ уѣздѣ, въ 3 верстахъ отъ села Соломатина, по правую сторону рѣки Иловли, гдѣ къ сѣверозападу отъ этого села, возвышается гора Капитонова или чертово городище, вышиною до 200 футовъ. На верху ея есть насыпи, курганы и слѣды разныхъ жилищъ, нѣкогда здѣсь бывшихъ. Оттуда видны окрестности верстъ на 50. На этой горѣ валялись прежде вытесанныя изъ дикаго камня бабы или каменныя статуи мущинъ и женщинъ во весь ростъ; они стояли на курганахъ въ видѣ могильныхъ памятниковъ. Тамъ находятъ серьги, кольца, перстни, пуговицы, разноцвѣтный бисеръ, серебрянныя и мѣдныя татарскія монеты, желѣзные и стальные кинжалы, ножи, копья, стрѣлы, шлемы, но замѣчательнѣе всего слѣдующія золотыя вещи: 1) бляшки четыреугольныя изъ чистаго золота, толщиною въ листъ писчей бумаги и весьма искусно отдѣланы; черточки и точки оттиснуты на нихъ тремя продольными рядами; онѣ весьма походятъ на скиѳскія бляхи и имѣли съ ними подобное назначеніе, для украшенія одежды финнскаго народа этихъ мѣстностей; 2) золотыя пуговки, круглыя, съ особымъ краемъ на нижней поверхности; 3) украшенія изъ золота, имѣющія видъ сердечка; они съ одной стороны имѣютъ три углубленія, рас-

Эти бляхи украшены разными фигурами; на нѣкоторыхъ находятся сѣверные олени, домашнее животное сѣверныхъ чудскихъ племенъ; на другихъ сидячая женщина съ плоскимъ круглымъ металлическимъ зеркаломъ въ рукахъ, и впереди женщины стоитъ мальчикъ, съ чашкою, изъ которой онъ пьетъ, что указываетъ на золотую чашу, упавшую съ неба и на чашу, висѣвшую у пояса Геркулеса, какъ выше сказано. Иныя же золотыя бляхи украшены фигурами грифовъ или баснословныхъ стражей Алтайскаго золота, а другія — фигурами бѣгущихъ зайцевъ, легко узнаваемыхъ по длиннымъ ушамъ. Въ этомъ же отношеніи весьма примѣчательны золотыя статуи, представляющія скиѳскихъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ съ копьемъ въ правой рукѣ преслѣдуетъ зайца. Это напоминаетъ о слѣдующемъ разсказѣ Геродота:* «Скиѳы, во время похода Дарія, находились уже въ боевомъ порядкѣ, чтобы напасть на Персовъ, какъ вдругъ заяцъ пробѣжалъ сквозь ряды ихъ. Скиѳы тотчасъ бросились за зайцемъ, совершенно позабывъ о непріятелѣ. Царь Персидскій, увидѣвъ это пренебреженіе къ нему Скиѳовъ, приказалъ отступить и такимъ образомъ заяцъ спасъ Скиѳовъ отъ дальнѣйшаго нападенія Дарія.» По этому-то случаю такъ часто находится на скиѳскихъ памятникахъ фигура зайца, служившаго поводомъ, что Персы предприняли обратный походъ изъ земли Скиѳовъ.

положенныя въ треугольникѣ, а съ другой стороны они обозначены особымъ краемъ и среднею бороздкою; они служили также въ видѣ украшеній на одеждахъ древняго народа; 4) желѣзный котелъ и другія вещи новѣйшаго времени, а также каменные молотки.

* Herodot. lib. IV. cap. 131.

Около вышеозначеннаго скелета въ могилѣ находились еще разные другіе домашніе сосуды, серебряные, золотые, и по большей части изъ электрума, съ разными аллегорическими фигурами. Я упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ. Между ними преимущественно заслуживаютъ вниманія два мѣдныя котла, изображенныя у Г-на Дюбуа, * потому что они имѣютъ самое большое сходство съ котломъ, описаннымъ мною выше и найденнымъ въ чудской могилѣ Алтайскаго хребта; оба они имѣютъ такіе же два ушка и высокую ножку, только скиѳское безъ рыльца.

Еще замѣчательнѣе двѣ вазы съ фигурами разныхъ животныхъ золотой рѣзной работы: на нихъ тоже изображенъ сѣверный олень, на котораго бросаются барсъ и левъ, аллегорическое значеніе, что сѣверный олень или Чудскій народъ сѣвера подвергались часто нападеніямъ сильнѣйшихъ южныхъ народовъ, можетъ быть Грековъ, въ странѣ которыхъ водился левъ во время Аристотеля; или изображеніе это находится въ аллегорической связи съ нападеніемъ Персовъ на Скиѳовъ, что еще болѣе вѣроятно.

Изъ другихъ животныхъ на вазахъ равнымъ образомъ примѣчательны антоцеи или севрюги и кефали изъ рыбъ, лебеди изъ птицъ, пожирающіе рыбъ и змѣй; на другой вазѣ левъ нападаетъ на кабана.

Лебеди еще понынѣ водятся на южномъ берегу Крымскаго полуострова и по всей южной Россіи, гдѣ, по описанію Страбона, водились прежде и кабаны; лебеди въ такомъ множествѣ находятся у береговъ Босфорскаго пролива, что море отъ нихъ кажется

* L. c. Série IV. Archéologie. Pl. XXIII, fig. 4—6.

бѣлымъ на большое разстояніе; подобная бѣлая цѣпь тянется болѣе версты по морскому берегу.

Къ другимъ сосудамъ, найденнымъ въ этой могилѣ, принадлежатъ серебрянныя чашки: одна изъ нихъ плоска, какъ блюдечко, а другія имѣютъ видъ питейныхъ роговъ древнихъ народовъ.

Наконецъ тамъ найдены два копья и нѣсколько пучковъ мѣдныхъ треугольныхъ стрѣлъ съ тремя крючками при основаніи, такихъ, какія часто попадаются въ Скиѳскихъ могилахъ южной Россіи.

Возлѣ гроба этого богатаго Скиѳа находился женскій скелетъ безъ гроба, но покрытый землею и такъ богато убранный, что, по скиѳскому обычаю, не безъ причины полагаютъ, что эта была любимая жена или наложница покойника, которая, по смерти его, была убита и положена близъ его гроба. Слѣды шапки на головѣ указываютъ на скиѳскую шапку, подобную той, которая на головѣ покойника; золотой край шапки украшенъ разными гирляндами и женскими фигурами, но наиболѣе замѣчательна золотая брошка или медаль самой искусной золотой работы, находившаяся на груди женщины; * брошка состоитъ изъ круглой золотой пластинки съ ушкомъ для ношенія на груди. Главное на ней изображеніе — женская голова, которую Г. Дюбуа принимаетъ за Минерву, а я полагаю, что это змѣядѣвица, прапращурка скиѳскаго народа, какъ выше сказано, потому что по обѣимъ сторонамъ лица ея находятся змѣи и грифы, а съ лѣвой стороны сверхъ того на головѣ, покрытой перистымъ шлемомъ и украшенной діадимою, видна сова; изображенія этихъ птицъ

* Дюбуа, l. c, Série IV, Antiquités, Pl. XX fig. 3.

изъ мѣди находятся также въ древнихъ чудскихъ могилахъ Алтайскаго хребта, какъ мною выше описано.

По срединѣ головнаго убора этой змѣи-дѣвицы видѣнъ сфинксъ съ крыльями и съ передними ногами, прибавленіе греческихъ художниковъ, служившее имъ для украшенія скиѳской басмословной фигуры. Сверхъ того съ обѣихъ сторонъ ея являются лошадиныя головы съ крыльями и поверхъ діадимы десять головъ длинношеихъ верблюдовъ, домашнихъ животныхъ Аорсовъ, которые на нихъ вели большую торговлю съ Среднею Азіею. Отъ нижняго края золотой медали висѣли четыре поперечныхъ ряда мелкихъ и весьма красивыхъ бутылочекъ, украшенныхъ зеленою и голубою эмалью и соединенныхъ между собою тончайшими золотыми цѣпочками. Все это такъ красиво и искусно сдѣлано изъ золота, что и теперь не сдѣлаютъ лучше въ Генуѣ или Венеціи; изъ чего видно весьма большое усовершенствованіе мастерства золотыхъ дѣлъ въ то отдаленное время дохристіянскаго вѣка.

Другой же предметъ древняго искусства, красивая ваза изъ электрума Алтайскаго хребта, найденная у ногъ жены Скиѳа, указываетъ, по разнымъ аллегорическимъ фигурамъ, на свое происхожденіе.

Ваза эта *, сдѣланная въ греческомъ вкусѣ, украшена изображеніями разныхъ событій изъ жизни Скиѳовъ, какъ это можно заключить по лицу, одеждѣ, остроконечной шапкѣ и длиннымъ широкимъ заостреннымъ ошейникамъ изображенныхъ на ней фигуръ.

Предметами этихъ историческихъ украшеній по срединѣ вазы служатъ семь фигуръ весьма искусно изображенныхъ, изъ которыхъ первая съ діадимою на

---

* Дюбуа, l. c. Pl. XXII, фиг. 1. — Pl. XXIV, фиг. 1.

головѣ представляетъ сидящаго царя; напротивъ его стоитъ на колѣняхъ воинъ въ скиѳской шапкѣ со щитомъ и копьемъ въ правой рукѣ, а лѣвая у него поднята какъ бы для жестовъ при разговорѣ съ царемъ, совѣтующимся съ нимъ о войнѣ съ Персами.

Третья фигура натягиваетъ лукъ, приготовляясь такимъ образомъ къ войнѣ.

Четвертая вынимаетъ изъ рта царя выбитый можетъ быть стрѣлою зубъ.

Пятая завязываетъ раненную ногу другаго воина, воротившагося изъ боя съ Персами, и т. д.

Трудно сказать, кто здѣсь представленъ изъ скиѳскихъ царей, и едвали тотъ самый, котораго здѣсь погребли, потому что вазу не могли бы такъ скоро сдѣлать, и не видно причины представлять подобныя сцены войны на вазѣ, не бывшей еще въ употребленіи. Она безъ сомнѣнія была въ употребленіи у царя, и по сему нельзя полагать, что это сцена изъ послѣднихъ минутъ жизни погребеннаго здѣсь, какъ это полагалъ Дюбуа.

Впрочемъ всѣ фигуры указываютъ на чудскаго воина; широкій, короткій кафтанъ и широкія шаровары убранные золотыми четыреугольными бляхами; на кафтанѣ видны большія бляхи съ разными фигурами, на шароварахъ мелкія округленныя золотыя бляшки, расположенныя поперечными рядами, а большія — продольными; длинные волосы, длинная борода, вообще все лицо указываютъ на финское племя, а не на греческое или монгольское *, такъ что подобные барельефы

* Новѣйшіе филолого-историки, какъ Нибуръ, Георги, Гансенъ принимаютъ Скиѳовъ за настоящее монгольское племя, а Г. Муральтъ за Гунновъ монгольскаго племени, по физіоно-

весьма важны для опредѣленія скиѳскаго народнаго племени.

Лукіанъ хвалитъ Скиѳовъ, какъ самыхъ лучшихъ воиновъ, а Овидій * говоритъ, что у нихъ лице, какъ у Марса, голосъ дикъ, а волосы и борода никогда не стрижены.

Возлѣ женскаго скелета лежали два золотыхъ браслета, шесть ножей съ сленовыми ручками, мѣдное зеркало съ золотыми украшеніями, представляющими сѣвернаго оленя и грифа, и зеркало подобное тому, которое изображено на нѣкоторыхъ золотыхъ блязахъ изъ чудскихъ могилъ Алтайскаго хребта.

Зеркало это походитъ также на мѣдныя зеркала съ рукоятками, найденныя въ алтайскихъ степяхъ, изъ которыхъ одно представлено Спасскимъ.** Это послѣднее весьма замѣчательно по изображенію на немъ старика и за нимъ женщины, сидящихъ подъ деревомъ въ плодахъ; впереди ихъ видѣнъ вьючный сѣверный олень и аистъ, чтимая птица у всѣхъ народовъ Россіи, а въ водѣ возлѣ старика плаваетъ осетръ. Г. Спасскій принимаетъ это изображеніе не за скиѳ-

---

мическому описанію древнихъ классиковъ. Другіе же географы и историки, какъ Укертъ и Шафарикъ, полагаютъ, что они были славянскаго племени, потому что русскія простыя бани были у нихъ въ большомъ употребленіи; но у древнихъ Финновъ бани эти были равнымъ образомъ въ общемъ употребленіи, такъ что каждый крестьянинъ имѣлъ баню при своей комнатѣ, уложенную камнями, какъ у древнихъ Славянъ. Бани можетъ быть отъ Финновъ перешли къ Славянамъ, на что указываетъ самъ Несторъ въ своей лѣтописи, говоря объ окрестностяхъ Новгорода.

* Ovid. Nas. libr. Trist. V. eleg, v. 7.

** Сибирскій вѣстникъ 1819, стр. 45, Табл. XI, фиг. 47.

ское, какъ мнѣ кажется, но за китайское новѣйшей работы. Металлическія зеркала были въ большомъ употребленіи у Скиѳовъ.

По описанію Геродота, при кончинѣ скиѳскаго царя, умерщвляемы были и погребались подлѣ него любимая его лошадь и придворные чиновники, какъ-то: кравчій, поваръ, конюшій, лекарь и другіе; но въ этомъ гробѣ, кромѣ главнаго покойника, найденъ только одинъ скелетъ, изъ чего видно, что это была могила не царя, а богатаго Скиѳа, надъ гробомъ котораго оставшіеся его друзья и народъ набросали щебня и возвысили высокій курганъ, каковые вездѣ замѣчаются надъ могилами Скиѳовъ и Чуди въ европейской и азіятской Россіи.

Скиѳы, какъ и древняя Чудь, убивали лошадей надъ могилами умершихъ, и приносили ихъ также въ жертву, какъ объ этомъ повѣствуетъ Геродотъ, говоря о Массагетахъ, кочующемъ народѣ финнскаго племени, на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Они, по его словамъ *, приносили въ жертву солнцу лошадей, какъ быстрѣйшее животное самому быстрому изъ боговъ, такъ какъ солнце (или Геліосъ) по понятію древнихъ, ѣздитъ по небу на четырехъ коняхъ.

Деревянный гробъ изъ тисса примѣчателенъ потому еще, что снаружи на немъ представлены не только грифы и барсы скиѳской древности **, но и фигуры изъ греческой миѳологіи, а именно богиня побѣдъ, ѣдущая на четырехъ коняхъ и впереди ея много женщинъ и мущинъ въ живомъ движеніи, а между ними лебеди, улетающія отъ скорой ѣзды богини побѣдъ.

---

* Herod. hist. lib. I. cap. 215.

** См. Дюбуа, l. c. Pl. XXV. b.

Изъ всего видно, что этотъ гробъ приготовляли греческіе художники, нарисовавъ на немъ не только греческія изображенія, но и выдѣлавъ золотыя украшенія съ разными аллегорическими фигурами.

Не рѣдко находятъ въ курганахъ близъ Пантикапеи этрурскія вазы съ разными изображеніями, какъ наприм. съ сраженіями скиѳскихъ воиновъ * въ остроконечныхъ скиѳскихъ шапкахъ съ амазонками, съ сраженіями Амазонокъ съ грифами на иныхъ вазахъ. Амазонки верхомъ на лошади защищаются большими камнями, которыя бросаютъ на Скиѳа, у котораго въ рукѣ щитъ съ изображеніемъ змѣя посрединѣ; у другихъ же скиѳскихъ воиновъ греческій шлемъ на головѣ; это вновь служитъ доказательствомъ, что греческій художникъ изобразилъ все на этихъ глиняныхъ вазахъ по своему соображенію и потому представлены на нихъ чисто-греческія дѣйствія, какъ наприм. богъ съ факелами возлѣ алтаря Промеѳея въ Аѳинахъ **, смерть Пріама у домашняго алтаря *** и т. д.

Сверхъ того найдены глиняныя же фигуры изъ terra cotta въ курганахъ близъ Пантикапеи, которыя безъ сомнѣнія скиѳской работы, потому что грубы и указываютъ еще на колыбель искусства; одна изъ нихъ представляетъ Скиѳа верхомъ на лошади, преслѣдующаго съ собакою зайца ****, по разсказу Геродота; а другая*****— стоящаго Скиѳа въ остроконечной шапкѣ продолжающейся назади къ длинному широкому на-

* Дюбуа, l. c. Pl. XII.

** l. c. Pl. XIII.

*** l. c. Pl. X.

**** Dubois, Série IV, archéol. Pl. XVII. fig. 4.

***** L. c. fig. 5.

шейнику; онъ упирается на щитъ; третья держитъ въ лѣвой рукѣ круглый щитъ *.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть о кремняхъ, найденныхъ въ большомъ количествѣ въ гробѣ у ногъ покойника; они не служили, какъ полагаетъ Дюбуа, для царапанія лица проливавшихъ слезы родственниковъ и друзей покойника, въ то время, когда возили тѣло умершаго, по сообщеннымъ намъ Геродотомъ свѣдѣніямъ **, на повозкѣ отъ одного племени Скиѳовъ къ другому; но кремни и сталь клали въ гробъ покойникамъ, чтобы они могли имѣть огонь при возрожденіи послѣ смерти. Подобный обычай находится и нонынѣ у Чувашъ и Черемисовъ, и, можетъ быть, существовалъ у древнихъ Скиѳовъ, изъ которыхъ каждый клалъ по кремню въ гробъ покойнику, отчего ихъ обыкновенно бываетъ такъ много. Царскіе Скиѳы, при этомъ печальномъ шествіи, разными инструментами рѣзали себѣ уши, стригли волосы съ головы, царапали локти, лобъ и носъ и пронзали лѣвую руку стрѣлою; наконецъ погребали тѣло царя на общемъ кладбищѣ въ землѣ Герровъ за рѣкою Борисѳенесомъ, т. е. въ дальнемъ разстояніи отъ Пантикапеи. — И такъ изъ этого сообщеннаго Геродотомъ извѣстія слѣдовало бы, что Пантикапейская могила не можетъ быть царской, но принадлежала, кажется, скиѳскому богатырю, жившему въ греческой колоніи близъ Пантикапеи; онъ былъ весьма богатъ, такъ какъ изъ одного этого гроба набрано болѣе 120 фунтовъ золота. Всѣ извѣстныя греческія и римскія могилы, даже цвѣтущихъ временъ греческой древности, не показываютъ подобнаго бо-

* L. c. fig. 6.

** Herod. hist. lib. IV. cap. 71.

гатства золотомъ, какъ керченская могила Кулоба. Главный источникъ для тогдашняго добыванія золота былъ Алтайскій хребетъ, изъ котораго по Киргизской степи золото получалось въ Европѣ Греками.

Г. Дюбуа полагаетъ, что гробъ столь богатый золотомъ, принадлежалъ одному изъ босфорскихъ царей, но что это не былъ ни Левконъ, ни Перисадесъ, архонты босфорскіе. По моему мнѣнію, могила насыпана до этихъ архонтовъ, т. е. до нашествія Понтійскаго царя Митридата Эвпатора на Крымскій полуостровъ, такъ какъ Скиѳы въ это время уже весьма ослабѣли, не были столь богаты и все болѣе вытѣснялись изъ полуострова. Могила поэтому должна относиться къ самому цвѣтущему времени скиѳской древности, т. е. до нашествія Митридата, призваннаго изъ Малой Азіи на помощь Грекамъ, потому что Скиѳы не переставали безпокоить греческія колоніи своими безпрерывными набѣгами.

Геродотъ весьма ясно описываетъ кладбище скиѳскихъ царей въ Геррской землѣ, у послѣдняго судоходнаго мѣста рѣки Борисѳена, въ окрестностяхъ нынѣшняго Кременчуга, въ Екатеринославской губерніи, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ сряду производятся археологическіе раскопки въ огромномъ курганѣ, находки въ которомъ обѣщаютъ драгоцѣнный матеріалъ для скиѳской древности. Упомянемъ о скиѳскихъ обычаяхъ послѣ погребенія царей: Скиѳы при этомъ убивали 50 служителей царя, вынимали у нихъ внутренности, чистили, набивали ихъ сѣномъ и зашивали; потомъ они вколачивали въ два клина согнутое дугою желѣзо и приготовивъ такимъ образомъ много такихъ дугъ, продѣвали крѣпкіе шесты сквозь убитыхъ лошадей по ихъ длинѣ отъ хвоста до шеи и ставили

такъ, что переднія кольца находились у переднихъ ногъ и шеи, средніе по серединѣ тѣла, а заднія между задними ногами. Такимъ образомъ тѣло лошади оставалось въ естественномъ или вертикальномъ положеніи. Послѣ того они надѣвали на лошадей узды и сбрую, и сажали на нихъ 50 убитыхъ служителей, продѣвъ также сквозь ихъ спину подобные шесты до шеи, укрѣпивъ концы шестовъ въ особыхъ отверстіяхъ у подножія лошадей, отчего служители крѣпко сидѣли верхомъ. Такіе всадники окружали царскія могилы.

Найденный въ 1854 году, въ Александроневскомъ курганѣ, Екатеринославской губерніи, скелетъ и разныя лежавшія съ нимъ желѣзныя полосы, указываютъ можетъ быть на подобнаго всадника, который тамъ стоялъ на могилѣ царя; желѣзныя полосы такъ перепутаны между собою, что нѣтъ возможности найти настоящую связь между ними.

Царскія могилы находились въ большомъ уваженіи у древнихъ Скиѳовъ; это видно изъ того, что скиѳскій царь Идантирсъ вызвалъ, по разсказу Геродота, персидскаго царя Дарія на брань у скиѳскихъ гробовъ, считавшихся самыми священными мѣстами.

На могилѣ Кулоба не найдено никакихъ слѣдовъ этихъ всадниковъ и поэтому нельзя принять гробъ за царскій; это былъ гробъ обыкновеннаго богатаго Скиѳа, на могилахъ которыхъ, по разсказу Геродота, родственники и друзья давали пиръ, подчивая также покойника тѣми же блюдами, какъ и гостей, — обрядъ существующій еще понынѣ у разныхъ финскаго племени народовъ Россіи, у Черемисовъ, Чувашъ и другихъ, хотя болѣе не возятъ покойниковъ на повозкахъ отъ одного родственника къ другому, какъ во время Геродота.

III.

Опредѣленіе чудо-скиѳскихъ племенъ нынѣшней Россіи по описанію греческихъ и римскихъ классиковъ.

Доказавъ такимъ образомъ сходство скиѳскихъ древностей Кулобской могилы съ чудскими, находящимися въ Сибири, остается еще упомянуть о народахъ финнскаго племени, жившихъ въ древнія времена въ Европейской и Азіатской Россіи. Подробное исчисленіе ихъ по древнимъ историкамъ и географамъ классической древности сдѣлано мною съ тою цѣлію, чтобы сравнить ихъ съ нынѣ существующими народами чудскаго племени.

Въ новѣйшія времена ученый Венгерецъ Регули * и извѣстный финнскій ученый Кастрѐнъ предпринимали долговременныя путешествія къ Вогуламъ, жителямъ сѣвернаго Урала, и къ Остякамъ, Самоѣдамъ, Телеутскимъ Татарамъ, Киргизамъ и другимъ народамъ Алтайскаго хребта, для изслѣдованія вопроса о происхожденіи Финновъ и о томъ племени, къ которому они должны быть причислены.

Покойный Кастрѐнъ, основываясь на достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ и на собственныхъ наблюденіяхъ, сдѣлалъ заключеніе, что въ глубокой древности нѣкоторые финнскіе народы жили въ Азіи, другіе же въ разныхъ странахъ Европы, въ Европейской Россіи, Финляндіи и Скандинавіи. Не малое простран-

---

* Г. Регули, кажется, не издалъ еще своихъ важныхъ этнографическихъ открытій; но о нѣкоторыхъ см. извѣстія его въ Bulletin de la classe histor. philolog. de l'Acad. des Sciences de St. Pétersb. T. II, pag. 124.

ство Европейской Россіи и Западной Сибири и понынѣ населено Финнами, а главное населеніе Венгріи также финнское. *

Мнѣнія о племени, къ которому принадлежатъ Финны, были различны. Кастрѐнъ доказалъ, что финнскіе народы, вмѣстѣ съ турецкими и самоѣдскими, образуютъ отдѣльную группу, составляющую среднее звѣно между монгольскимъ и кавказскимъ племенами. Сродство Финновъ съ Самоѣдами послѣ новѣйшихъ лингвистическихъ и этнографическихъ розысканій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Самоѣды первоначально имѣли свою осѣдлость въ Саянскихъ горахъ или около верховьевъ Енисея, гдѣ и понынѣ еще живутъ многія небольшія самоѣдскія поколѣнія, посреди турецкихъ и монгольскихъ народовъ. Кастрѐнъ, во время своего странствованія по Саянскимъ горамъ у западнаго Алтая, около истоковъ Оби, Иртыша и Енисея, нашелъ, что тутъ теряются послѣдніе слѣды Финновъ. Здѣсь еще живетъ въ устахъ народа преданіе о свѣтлоокомъ племени, по имени Аккарахъ, которое будто бы въ старину обитало въ этой странѣ и соорудило тѣ древніе курганы, которые повсюду разбросаны въ степи и о которыхъ говорили уже мы подробно. И Китайская исторія также упоминаетъ о свѣтлорусомъ племени, жившемъ къ сѣверу отъ горы Тангну-Ола, южнѣе которой обитали Турки. Весьма вѣроятно, говоритъ Г. Кастрѐнъ, что подъ этимъ блѣднорусымъ племенемъ, должно разумѣть Финновъ, потому что во всѣ времена свѣтлорусый цвѣтъ считался главнымъ признакомъ Финновъ. Особаго замѣчанія заслуживаетъ также

* Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1854 г. Книжка VI, стр. 193.

то, что въ Енисейской губерніи находится одно мѣсто по названію Суми, почти буквально согласующееся съ обычнымъ въ Финляндіи именемъ Суоми. * Равнымъ образомъ встрѣчается названіе Кеми — такъ называется рѣка Енисей у Самоѣдовъ; Удъ и Маджоръ также довольно обыкновенныя названія рѣкъ или озеръ ** въ восточныхъ странахъ Сибири.

Другой ученый Финляндецъ *** Кельгрѣнъ идетъ еще далѣе, причисляя къ единоплеменникамъ Финновъ также Монголовъ; и дѣйствительно, Соіоты, Буряты и другія племена восточной Сибири составляютъ переходъ къ Финнамъ; древніе обычаи Скиѳовъ, какъ описываетъ ихъ Геродотъ, еще болѣе указываютъ на первобытное сродство этихъ народовъ.

По этому-то извѣстный историкъ Нибуръ**** старался причислить Скиѳовъ къ монгольскому племени и нашелъ недавно въ розысканіяхъ Карла Неймanна ***** новаго послѣдователя, хотя послѣдній слишкомъ много основывается на лингвистическихъ данныхъ, чтобы доказать монгольское происхожденіе Скиѳовъ. Но если взять во вниманіе, что монгольское племя Бурятовъ переходитъ постепенно чрезъ Соіотовъ и Самоѣдовъ въ племя финнское, то покажется не удивительнымъ,

* Финны сами себя называютъ Суомолайзетъ, т. е. «обитателями болотъ.»

** Ritter's Erdkunde von Asien. Band I, S. 1024.

*** Вѣстникъ Геогр. Общества, стр. 195.

**** Niebuhr Untersuchungen über die Geschichte der Scythen, Geten und Sarmaten, in den kleinen historischen und philologischen Schriften. Bd. I. Bonn. 1828.

***** Karl Neumann, die Hellenen im Skythenlande, ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Erster Band mit 2 Karten. Berlin. 1855.

что въ древнихъ обычаяхъ, можетъ быть и въ самомъ языкѣ, существуетъ нѣкоторое сходство между этими народами отдаленнаго востока Сибири и сѣвернаго Урала.

Что касается до цвѣта тѣльной кожи Скиѳовъ, то мы имѣемъ о томъ свѣдѣнія не Геродота, а Гиппократа, который говоритъ, что Скиѳы, по причинѣ холода, имѣютъ желтый цвѣтъ тѣла, * что̀ и дѣйствительно замѣчается у всѣхъ сѣверныхъ народовъ финнскаго племени, какъ то у Самоѣдовъ, Остяковъ, Вогуловъ, Эстонцевъ или чухонцевъ, у Финновъ и другихъ, тѣлесный цвѣтъ которыхъ не бѣлый, какъ у Грековъ, а желтоватый (pyrrhon); равнымъ образомъ называются Греками желтые волосы pyrrhothriges; цвѣтъ льва у Аристотеля называется также pyrrhos, т. е. желтымъ. Онъ же говоритъ, что у Скифовъ волосы мягкіе, ровные, отъ чего ихъ называетъ онъ также malacotriches**, что̀ должно относиться болѣе къ сѣвернымъ народамъ финнскаго племени, а не монгольскаго, какъ то полагаетъ Нейманнъ ***, ибо у послѣднихъ волосы черные и жесткіе. По причинѣ однообразнаго образа жизни, повѣствуетъ Гиппократъ, тѣло у Скиѳовъ толстое, мясистое, жирное и безъ бороды: все это дѣйствительно прилагается къ сѣвернымъ народамъ финнскаго племени.

Что же касается до языка Скиѳовъ, въ которомъ Г. Нейманнъ находитъ важные доводы въ пользу монгольскаго происхожденія ихъ, то мы должны согласиться

---

* Hyppocrates lib. de aëre, aquis et locis, § 102.

** Aristoteles de animalium generatione lib. V, cap. 3.

*** На стр. 156.

съ Г. Шифнеромъ* въ томъ, что Г. Нейманнъ слишкомъ увлекся, желая по немногимъ, неяснымъ и неопредѣленнымъ скиѳскимъ словамъ, упомянутымъ у Геродота, доказать монгольское происхожденіе этого народа.

Весьма подробно описываетъ Геродотъ могилы скиѳскихъ царей въ странѣ Герросъ, лежавшей тамъ, гдѣ Днѣпръ еще судоходенъ. Описаніе его прямо указываетъ на тѣ мѣста, гдѣ находятся пороги Днѣпровскіе, которыхъ Геродотъ не могъ еще знать потому, что они, по тогдашнему высоководію Днѣпра, въ его время не существовали; они явились уже въ послѣдствіи, по мѣрѣ высыханія этой болотистой полосы земли въ Екатеринославской губерніи, гдѣ въ прошедшемъ (1855) году найдены были, въ разстояніи 80 верстъ отъ г. Екатеринослава, огромныя подземныя могилы скиѳскихъ царей, явно указывающія на страну Герросъ. Уже Графъ Потоцкій былъ того мнѣнія, что эта страна должна находиться здѣсь у Днѣпровскихъ пороговъ**; такъ она и помѣщена Г. Бобрикомъ на картахъ: но еще болѣе заслуживаетъ вниманія указаніе нашего ученаго археолога Н. И. Надеждина *** на мѣстность, лежащую между истоками рѣкъ Бугулука и Сулы, къ западу отъ Екатеринослава, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ открыты нынѣ обширныя подземныя могилы.

---

* См. Bulletin scientifique de l'Acad. des Scienc. histor. et philol. T. XIII. № 13. 1856.

** Le C-te Potocki histoire primitive des peuples de la Russie, vol. II. pag. 172. Bobrik Geographie des Herodot. Königsberg. 1838. mit einem Atlas.

*** Записки Одесскаго Общества Исторіи и древностей. Ч. I. стр. 202.

Земляные курганы царей находились у Скиѳовъ въ большомъ уваженіи, точно такъ какъ и чудскіе курганы у древней Чуди. Геродотъ разсказываетъ *, что царь скиѳскій Иданѳирсъ, въ отвѣтъ персидскому царю Дарію на вопросъ его: почему онъ безпрестанно отступаетъ, а не сражается съ нимъ, сказалъ, что у Скиѳовъ нѣтъ ни городовъ, ни полей, для защиты которыхъ они могли бы сражаться; но что у нихъ есть древніе земляные курганы; «отъищите ихъ,» сказалъ Иданѳирсъ Персамъ, «и старайтесь ихъ разрушить; тогда увидите, будутъ-ли Скиѳы готовы для ихъ защиты или нѣтъ?»

Мѣста погребенія покойниковъ считались священными не только у Скиѳовъ или древней Чуди, но и у многихъ другихъ народовъ финнскаго племени, которые, какъ и древніе Скиѳы, ставили на могилѣ убитую лошадь съ уздою и сѣдломъ, съ тою только разницею, что Черемисы и Чуваши кожи приносимыхъ въ жертву лошадей просто вѣшаютъ на могилѣ, не дѣлая изъ нихъ чучелъ, какъ Скиѳы, которые сажали на нихъ иногда и убитыхъ служителей умершихъ царей. Остяки вѣшаютъ кожи убитыхъ сѣверныхъ оленей на деревьяхъ чтимыхъ лѣсовъ; Вотяки ставятъ одни только остовы принесенныхъ въ жертву лошадей на мѣстахъ жертвоприношенія; а Мокша, финнское племя южной Россіи, еще въ XV столѣтіи, по разсказамъ Іосафата Барбаро, дѣлали чучелъ изъ убитыхъ лошадей и ставили ихъ на высокія подставки, чтобы молиться имъ.

Скиѳы ставили на курганахъ убитыхъ лошадей и служителей въ настоящемъ видѣ, въ той мысли, что-

* Herodoti lib. IV. cap. 127.

бы царь или другой похороненный богатый покойникъ могъ и въ будущей жизни найти себѣ лошадей и служителей, готовыхъ къ его услугамъ. По этому-то ихъ и находятъ на гробницахъ въ прямомъ положеніи или же вмѣстѣ съ покойниками въ могилахъ, какъ въ курганахъ древней Чуди по рѣкѣ Енисею, въ которыхъ найдены лошадиные остовы съ уздами и сѣдлами *.

Древній скиѳскій обычай, ставить на курганахъ могилъ лошадей и служителей, еще въ среднемъ вѣкѣ соблюдался у Комановъ, которые уже по этому обычаю имѣютъ самое большое сходство съ Скиѳами. Команы впрочемъ ставили не убитыхъ людей, но каменныхъ истукановъ на курганахъ покойниковъ, а поэтому ихъ такъ много находятъ въ южной Россіи. Графъ Потоцкій говоритъ, что, на своемъ пути къ Днѣпру, тамъ, гдѣ онъ нашелъ мѣсто древнихъ скиѳскихъ кургановъ въ землѣ Герросѣ, онъ ясно могъ отличать древніе курганы Комановъ, на которыхъ находились безобразныя каменныя бабы **.

Не служитъ ли это еще большимъ доказательствомъ, что Команы имѣли преданіе о священной скиѳской странѣ Герросѣ и продолжали тамъ хоронить своихъ покойниковъ? Герросъ была сѣверная часть земли Скиѳовъ-хлѣбопашцевъ (Georgoi), поселившихся тогда внизъ по теченію Днѣпра до лѣсистой страны (hyloca), теперь уже не существующей болѣе въ этихъ мѣстахъ, что указываетъ на большія измѣненія въ почвѣ южной Россіи. Не только большія озера, изъ которыхъ, по

---

* Pallas, Reise in verschiedene Provinzen des russischen Reichs. Thl. III. pag. 386.

** См. Potocki histoire primitive etc. стр. 173.

описанію Геродота, вытекали почти всѣ рѣки этой страны, пересохли, но и лѣсистая страна дотого исчезла, что теперь нѣтъ тамъ ни одного дерева, по которому можно бы было узнать прежнія границы ея. По недостатку воды, лѣса постепенно исчезли и плодоносная страна обратилась въ неплодородную степь.

Геродотъ далѣе * подробно описываетъ образъ жертвоприношенія у Скиѳовъ. Они убивали быка или другое домашнее животное, снимали кожу и варили мясо; но какъ скиѳская страна весьма не лѣсиста, то мясо варили слѣдующимъ образомъ: очищали сперва кости отъ мяса, клали мясо въ котелъ, а кости подъ котломъ и сожигали ихъ вмѣсто дровъ; когда же не было котла, то клали мясо въ брюшную полость снятой кожи быка, наливъ воды въ нее, и сожигали кости подъ нею; «такимъ образомъ, говоритъ Геродотъ, быкъ самъ себя варилъ.»

Гмелинъ ** Старшій, во время своего путешествія въ восточной Сибири, описалъ совершенно подобный обычай жертвоприношенія; Буряты, кочевавшіе тогда на югѣ отъ Иркутска по рѣкѣ Ангарѣ, въ окрестностяхъ Балангаиска, варили убитыхъ барановъ такимъ же способомъ, какъ древніе Скиѳы быка, сдѣлавъ изъ снятыхъ кожъ ихъ искуственные котлы, въ которые клали сперва холодный камень, потомъ вливали воды, и наконецъ клали въ воду горячіе камни, такъ что куски мяса, лежавшіе между каменьями въ горячей водѣ, мало по-малу варились, и изъ воды дѣлался хорошій бульонъ; однако же Буряты не разводили огня костями убитыхъ животныхъ подъ самыми ихъ

* Herodoti lib. IV. cap. 60 — 61.

** Gmelin Reise durch Sibirien Bd. III. pag. 74 — 76.

кожами, чѣмъ конечно отличается этотъ образъ приготовленія мяса отъ скиѳскаго. Буряты принадлежатъ не къ финнскому, но къ монгольскому племени, и живутъ нынѣ тамъ, гдѣ была первоначальная колыбель чудскаго племени. Древняя Чудь (Скиѳы), при своемъ переселеніи съ востока Азіи на востокъ Европы, можетъ быть оставили своимъ монгольскимъ сосѣдамъ нѣкоторые обычаи жертвоприношенія и погребенія, которые въ теченіи вѣковъ только нѣсколько измѣнились.

Все это однако же нисколько не побуждаетъ насъ принимать съ Г. Нейманомъ, чтобы Скиѳы были монгольскаго племени; потому что сосѣдніе народы перенимаютъ другъ отъ друга обычаи и даже измѣняютъ образъ жизни.

Промышленность Скиѳовъ была, какъ видно изъ разныхъ памятниковъ, найденныхъ въ курганахъ, довольно значительна для тогдашняго времени. Поэтому Геродотъ * причисляетъ Скиѳовъ къ умнымъ или образованнымъ народамъ, присовокупляя, что всѣ другіе народы, населявшіе тогда берега Чернаго моря, были весьма дики. Скиѳы умѣли дѣлать себѣ повозки, на которыхъ жили (отчего и назывались Натаховii), потомъ разныя домашнія посуды, преимущественно чаши, которыя, ** какъ и мечи, каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ, не дѣлясь ими съ другими. Они дѣлали кинжалы, копья, стрѣлы и другое оружіе изъ мѣди, и тѣмъ самымъ указываютъ на древніе горные промыслы, которыми отличалась Чудь Алтайскаго хребта.

* Herod. lib. IV. cap. 26.

** Strabonis lib. VII. cap. 3.

Скиѳская одежда въ сѣверныхъ странахъ по большей части дѣлалась изъ шкуръ или мѣховъ дикихъ животныхъ, сѣверныхъ оленей, волковъ, барановъ, куницъ, горностаевъ, сусликовъ и другихъ Греками вообще такъ названныхъ «мышей»; а въ южныхъ странахъ Скиѳы носили шерстяные шаровары и кафтаны, у которыхъ на самомъ поясѣ привязана была чаша, отличительная собственность каждаго Скиѳа, какъ уже сказано.

Оружіе ихъ состояло въ копьѣ, военной сѣкирѣ, мечѣ, лукѣ и стрѣлахъ; весьма вѣроятно, что они сами себѣ дѣлали всѣ эти оружія въ Алтайскихъ горахъ, гдѣ добывались руды разнаго рода. Скиѳы были превосходные всадники и отличные стрѣлки, чѣмъ до новѣйшихъ временъ славились одни изъ потомковъ ихъ, Башкирцы. Греки считали Скиѳовъ за лучшихъ стрѣлковъ и думали, что самъ Геркулесъ обучался этому искусству у Скиѳовъ.

Оборонительное оружіе Скиѳовъ состояло въ панцыряхъ и щитахъ изъ оленьей кожи; лось, обыкновенный и сѣверный олени, жили тогда въ тундрахъ или болотистыхъ мѣстахъ южной Россіи, гдѣ прежде существовали болотистые лѣса, а теперь находятся безлѣсныя степи. Не безъ причины надобно полагать, что тогдашній климатъ южной Россіи былъ гораздо суровѣе, чѣмъ теперь, какъ это и слѣдуетъ изъ описанія Геродота *, по которому лошади, а не ослы въ состояніи были переносить зиму.

Иногда Скиѳы обертывали колчанъ въ человѣческую кожу правой руки убитаго непріятеля; пальцы оста-

---

* Herodot. lib. IV. cap. 28.

вались въ этихъ колчанахъ, въ которыхъ потому можетъ быть и помѣщалось только пять стрѣлъ; по этому-то, кажется, Персидскому царю отъ Скиѳскаго посланы были именно пять стрѣлъ, т. е. одинъ полный или цѣлый колчанъ, какъ и одна птица, одна мышь и одна лягушка; но изъ этого Г. Нейманъ напрасно старался вывести заключеніе, что Скифы были монгольскаго племени, потому что у Калмыковъ еще понынѣ награждаютъ пятью стрѣлами того, кто спасъ отъ хищности волка десять или менѣе барановъ и т. д.*

Другая часть Скиѳовъ вовсе не была воинственная; они не любили воинственной жизни и занимались предпочтительно хлѣбопашествомъ (Геродотъ ихъ называетъ аротересъ) или вели кочевую пастушескую жизнь и жили въ мирныхъ отношеніяхъ къ греческимъ колонистамъ южной Россіи; это были Георги Геродотовы.

Отъ нихъ совершенно отличались сѣверныя финнскія племена суровостью обычаевъ: они были людоѣды, почему Геродотъ и называетъ ихъ антропофагами. Извѣстно изъ Ибнъ-фодлана ** и изъ описанія другихъ арабскихъ писателей, что нѣкоторыя финнскія племена, среднихъ вѣковъ были еще людоѣды; арабскіе писатели именно называютъ между ними Эрзовъ; равнымъ образомъ Зыряне при крещеніи Апостоломъ Андреемъ имѣли столь же дикіе обычаи; онъ долженъ былъ имъ строго запретить употребленіе человѣческаго мяса. Изъ этого я и заключаю, что Аорзы и Зыраки у Страбона

---

* См. Neumann стр. 305.

** Frähn, Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St. Petersb. 1823. pag. 168.

и Птоломея * были финскаго племени, какъ-то упомянулъ и Г. Нейманнъ **, не прибавивъ однако же, что это не его, а мое мнѣніе; и вообще онъ не рѣдко приводитъ мои мнѣнія, не указывая ни разу на мое сочиненіе о древней Географіи южной Россіи. Онъ, впрочемъ, принимаетъ, что описанные Страбономъ Аорзы, кочевавшіе тогда на берегахъ Дона и Волги до берега Каспійскаго моря, были не финскаго, но славянскаго племени, къ которому именно надобно отнести Сарматовъ ***, за которыхъ онъ принималъ этихъ Аорзовъ; я не вижу никакой надобности отдѣлить этихъ Аорзовъ отъ другихъ, упомянутыхъ Птоломеемъ, и потому причисляю ихъ тѣмъ болѣе къ финскому племени, что они состояли изъ могучихъ всадниковъ, которые вели большую съ Азіею торговлю на верблюдахъ, и что между ними находились и занимавшіеся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, т. е. такіе народы, какіе описаны Геродотомъ между Скиѳами (*Σκόδαι ἀροτῆρες* и *γεοργοι*, чисто греческія названія, которыя Г. Нейманнъ, къ общему удивленію, старается объяснить изъ монгольскаго языка).

Въ то время Сарматы, главная вѣтвь славянскаго племени, жили на берегахъ Азовскаго моря, при устьяхъ Дона, гдѣ главный ихъ городъ Танаисъ находился въ цвѣтущемъ состояніи. Отсюда Сарматы распространились по южной Россіи до Днѣстра, который отъ нихъ получилъ свое названіе Борисѳенъ, т. е. Березина, какъ её предпочтительно называли Будины или Венды, поселившіеся на верховьяхъ этой рѣки; Геродотъ раз-

* Ptolemai lib. geogr. III. 5, 22.
** Neumann, стр. 213.
*** Neumann, стр. 214.

личаетъ Борисоенитовъ отъ Скиөовъ, и полагаетъ, что они произошли изъ Милета; но болѣе вѣроятно, кажется, то, что они были Сарматы и переселились отъ устьевъ Дона къ Днѣпру.

Разсказъ Скиөовъ о происхожденіи ихъ находится въ связи съ ихъ разсказомъ о паденіи съ неба золотыхъ орудій, плуга, лошадиной дуги для повозки, сѣкиры и чаши, которыя, при паденіи, были такъ раскалены, что не было возможности прикоснуться къ нимъ. Разсказъ этотъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, отношеніе къ самородному желѣзу, упавшему тогда съ воздуха, которое въ видѣ огромнаго аэролита найдено Палласомъ на правомъ берегу Енисея, къ сѣверо-востоку отъ г. Абаканска, на высокой скалѣ, между рѣками Убеемъ и Сисимомъ. Казвини * и другіе восточные писатели разсказываютъ, что тамъ, въ земляхъ Турковъ (изъ самоѣдскаго племени на Кеми), часто падали съ неба подобныя массы самороднаго желѣза. Въ геродотовъ вѣкъ **, подобныя явленія аэролитовъ были, можетъ быть, еще хорошо извѣстны древней Чуди и поэтому также европейскимъ Скиөамъ, потому что это случилось въ историческія для нихъ времена при разныхъ свидѣтеляхъ. Огромныя желѣзныя массы служили имъ къ приготовленію плуга, сѣкиры и другихъ орудій; но Скиөы назвали всѣ эти орудія золотыми потому, что половина ихъ, именно лошадиная дуга и чаша, можетъ быть обыкновенно дѣлалась у нихъ изъ алтайскаго золота.

---

* Hammer, Fundgruben des Orients. Bd. VI. pag. 107.

** См. A. Humboldt, Centralatien. I. стр. 258, и Kosmos I. стр. 395.

Известный Абель-Ремюза обратилъ вниманіе археологовъ на то обстоятельство, что туркскіе народы восточной Сибири съ древнѣйшихъ временъ имѣли большія сношенія съ индо-скиѳскими и готскими народами, какъ это видно изъ китайскихъ лѣтописей*. Въ послѣднихъ ясно сказано, что языкъ и буквы Гакасовъ и Хой-ху или Уйгуровъ одинаковыя; сверхъ того главные начальники Тукю (можетъ быть то же, что Чудь у Славянъ и Скиѳъ у Грековъ) или Турковъ древнѣйшихъ временъ были сосѣды Гакасовъ, у которыхъ было обыкновеніе нарѣзать повелѣнія на палочкахъ или биркахъ, въ видѣ зарубокъ, и посылать повсемѣстно эти бирки, въ видѣ повелѣній, сопровождаемыхъ стрѣлою съ золотымъ остріемъ, съ восковою печатью, прикрѣпленною на нихъ. Вырѣзанные знаки весьма походили на шрифтъ, встрѣчающійся на енисейскихъ памятникахъ и на сѣверные руны скандинавскихъ жителей. Еще понынѣ Самоѣды и Лапландцы употребляютъ подобныя бирки, а этимъ, можетъ быть, доказывается, что народъ Тукю былъ дѣйствительно финнскаго племени.

Гакасы, по тѣмъ же китайскимъ извѣстіямъ, вели большую торговлю съ Аравитянами, или, какъ Геродотъ разсказываетъ объ Аорзахъ, съ Мидіею; они отъ этого пріобрѣли большія богатства и жили въ большой роскоши; поэтому также могилы ихъ весьма богаты золотыми и серебряными украшеніями, какъ то на берегахъ Енисея и близъ Красноярска. Въ послѣдствіи Гакасы приняли мухаммеданскую вѣру и татарскій или

* Abel Remusat, Recherches sur les langues tartares, chap. VI. Turk oriental., pag. 306.

монгольскій языкъ, и такимъ образомъ совершенно перемѣнилась народность ихъ.

Предками Гакасовъ, по китайскимъ лѣтописямъ, былъ народъ Цзянь-куанъ, имѣвшій свѣтлые глаза, свѣтложелтые волосы и бѣлокурый цвѣтъ тѣла, что̀ объясняетъ и подтверждаетъ извѣстія, сообщенныя намъ Геродотомъ, такъ что нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что въ глубокой древности сѣверные народы Азіи имѣли самыя большія торговыя сношенія съ восточными народами Европы и что эти сношенія были чаще и обширнѣе, чѣмъ нынѣ.

Всѣ эти данныя объясняютъ сообщенныя Геродотомъ свѣдѣнія о Скиѳахъ, указывая на огромное распространеніе чудско-финнскаго племени по сѣверо-восточной и сѣверо-западной Азіи и южной и сѣверной части европейской Россіи.

Кромѣ осѣдлыхъ и кочующихъ Скиѳовъ *, упомянутыхъ нами выше по Геродоту, принадлежали къ нимъ еще Меланхлены и Неуры, о которыхъ считаемъ нужнымъ сообщить здѣсь подробныя свѣдѣнія изъ Геродота и другихъ классическихъ писателей.

Меланхлены, по словамъ Геродота **, получили это названіе отъ своей черной одежды; у нихъ были скиѳскіе обычаи, что̀ именно указываетъ на ихъ финнское происхожденіе. Я всегда принималъ ихъ за Эстовъ,

* Кочующіе Скиѳы называются у Геродота Алазонами, а осѣдлые Каллиппидами; послѣдніе можетъ быть назывались такъ отъ того, что у нихъ были красивые бѣлые лошади; первыхъ же называетъ Діонисій Періегенигетъ Аланами. Скиѳы же на Днѣпрѣ, занимавшіеся хлѣбопашествомъ, назывались у Геродота Борисѳенитами, а остальные затѣмъ «царскими».

** Herod. histor. lib. IV. cap. 107.

которые въ одеждѣ любятъ цвѣтъ черный, какъ и Мещеряки и другіе древніе Финны.

О Феннахъ или Финнахъ упоминаютъ изъ древнѣйшихъ писателей Плиній Старшій, Тацитъ и Птоломей.

Плиній *, въ описаніи Скиѳіи, указываетъ на тамошніе города, Парѳенополисъ и Финнополисъ, Parthenopolis и Phinopolis; первый, можетъ быть, названъ такъ отъ змѣи-дѣвицы, о которой выше говорено, а послѣдній отъ Финновъ, въ немъ живущихъ.

Тацитъ ** причисляетъ Фенновъ къ Германцамъ; они, по его описанію, строили себѣ дома, носили щиты и имѣли очень скорую походку; поэтому они у Сакса Грамматика (+ 1204 г.) называются Scritofinni, «шагавшіе Финны,» потому что весьма скоро бѣгали зимою по снѣгу на лыжахъ. Этимъ отличались они отъ Сарматовъ, которые, напротивъ того, всегда жили въ повозкахъ и на лошадяхъ.

Птоломей, греческій географъ, жившій около 160 года по Р. Х., помѣстилъ Финновъ, по своему соображенію, между народами обширной Сарматіи. Онъ, впрочемъ, не описываетъ подробно ихъ жилищъ.

Фенны, по Тациту, весьма дикіе и очень бѣдные, не имѣли ни оружія, ни лошадей, ни домашнихъ боговъ; пищею ихъ была трава, одеждою шкуры звѣрей; они спали на землѣ; единственная ихъ надежда основывалась на стрѣлахъ, которыя они заостряли костями, по

---

* Plin. hist. nat. lib. IV, cap. 12. Между городами Скиѳовъ Плиній упоминаетъ о Гераніи, въ которой жилъ народъ Пигмеевъ, которые часто встрѣчаются въ разныхъ изображеніяхъ на памятникахъ, найденныхъ въ Пантикапеѣ; иностранцы (barbari) называютъ ихъ Катици (Catizi), говоритъ Плиній, народъ, котораго вытѣснили журавли (a gruibus fugati Catizi).

** Tacitus, de moribus Germaniæ, Cap. XLVI.

ненмѣнію желѣза. Женщины ходили на охоту подобно мущинамъ, а дѣтей своихъ защищали отъ дождя и дикихъ звѣрей, сажая на деревьяхъ, прикрывая листами и вѣтвями.

Фенны тогда обитали по Балтійскому морю отъ устья Вислы до нынѣшней восточной Пруссіи и Курляндіи, гдѣ остатки Ливовъ составляютъ финское племя, еще понынѣ говорящее эстонскимъ нарѣчіемъ, а прежде обитавшее на островахъ Эзелѣ и Дагѣ. Плиній Старшій называетъ Эстовъ Astii, а Клавдій Птоломей — Ossii, обозначая именемъ Карбоновъ (carbo значитъ уголь, черный), можетъ быть, Меланхленовъ.

Эсты, подобно Ливамъ, финское племя, вытѣснили Ливовъ изъ этихъ острововъ и изъ всей почти нынѣшней Лифляндіи и Курляндіи, гдѣ они дотолѣ жили, а нынѣ уцѣлѣли только близъ Залисбурга въ Лифляндіи и близъ Дондангена въ Курляндіи. Это тотъ народъ, который у Нестора называется Хорсь или Куры.

Общее названіе Финновъ у Славянъ было Чудь; сами себя называютъ они Суомолайненъ, т. е. «обитателями болотистой земли.» Впрочемъ слово Финнъ или Феннъ происхожденія шведскаго или англосаксонскаго: въ этихъ языкахъ Fenne значитъ «луга», потому что они жили на лугахъ или равнинахъ.

Іорнандъ * называетъ ихъ народомъ самымъ тихимъ изъ всѣхъ жителей Скандинавіи; онъ знаетъ ихъ подъ названіемъ Эстовъ (Haesti) и говоритъ, что они жили по всему берегу Балтійскаго моря (oceanus germanicus) и еще болѣе къ западу у Нѣмецкаго моря.

---

* Iornandes episcopus Ravennus, de Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis. Lugd. Batav. 1597.

Подобно Ливамъ, вытѣсненнымъ изъ балтійскихъ странъ къ морскому берегу, и Лопы или Лапландцы были впослѣдствіи оттѣснены далѣе къ сѣверу; они прежде жили въ Лапмаркѣ и Финмаркѣ и остались непобѣдимымъ народомъ, потому что жили на концѣ свѣта, куда нельзя было проникнуть по причинѣ болотъ, озеръ и суровости климата; но не смотря на то, Лопы были вытѣснены. Они занимались волшебствомъ и поэтому казались столь же сильными, какъ и вооруженный непріятель.

Еще въ XVI столѣтіи Лопы жили въ Тавастгусѣ, въ сѣверной Остботніи, и въ окрестностяхъ Вазы до Финскаго залива и во всѣхъ лѣсахъ Финляндіи; но теперь они вездѣ вытѣснены и живутъ далеко въ сѣверной Финляндіи *.

Часть Лапландцевъ соединилась съ Финнами, составляющими нынѣ пять шестыхъ жителей Финляндіи; другая же часть ихъ, числомъ не болѣе 1000 человѣкъ, обитаетъ въ Утсіоки и Энари, снискивая себѣ пропитаніе отъ сѣверныхъ оленей, охоты и рыболовства; очень немногіе занимаются хлѣбопашествомъ; они охотно переходятъ въ Норвегію, гдѣ рыболовство на Ледовитомъ морѣ обильнѣе и для нихъ выгоднѣе.

То же самое случилось и въ другихъ частяхъ Европы съ другими народами, которые болѣе и болѣе оттѣснялись къ западу и къ Атлантическому морю. Такъ напримѣръ Кельты прежде жили въ южной Германіи, въ сѣверной Италіи, потомъ переселились въ Галлію, Испанію и наконецъ въ Британію; они мало по малу

* См. A. Warelius, Beitrag zur Kenntniss Finlands. St. Petersb. 1849. — Mathesius dissertatio de Ostrobottnia. Upsaliæ. 1734.

исчезли въ этихъ первобытныхъ мѣстахъ своихъ жилищъ, потому что повсюду были вытѣснены Римлянами, и теперь потомки ихъ живутъ только на западныхъ оконечностяхъ Европы.

Что Меланхлены или финскій «народъ въ черныхъ кафтанахъ» были дѣйствительно финскаго племени, видно также изъ большаго ихъ распространенія по всей Россіи, даже на Кавказѣ, гдѣ упоминаетъ о нихъ Плиній; а Діонъ Хризостомъ пишетъ, что черная одежда Меланхленовъ была принята жителями Ольвіи или Ольвіополитанами.

Выше сказано, что и Андрофаги или Скиѳы-людоѣды были финскаго племени; за ними, по Геродоту, не жило никакихъ людей; у нихъ была та же скиѳская одежда, но другой языкъ *; они одни ѣли людей, прибавляетъ Геродотъ; тоже разсказываетъ и Мела, жившій спустя долго послѣ него. И въ самомъ дѣлѣ не удивительно, что въ столь отдаленное время и до среднихъ вѣковъ (у Ибнъ-Фозлана) жилъ людоѣдный народъ въ Европѣ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ этимъ арабскимъ географомъ, Эрзы были народъ столь свирѣпый, что никто изъ иностранцевъ не осмѣливался приходить къ нимъ, опасаясь быть умерщвленнымъ **.

Даже въ 1223 г. другое финское племя, Команы или Половцы русскихъ лѣтописей, во время общаго голода, сами себя пожирали, какъ это разсказываетъ Рубруквисъ ***. Слѣдовательно, это не преувеличеніе, а подобный дикій обычай еще въ XIII столѣтіи дѣйствительно существовалъ у этихъ народовъ.

---

* Herod. hist. lib. IV. cap. 18 и 106.

** Alte Geographie Russlands l. c. стр. 359.

*** Klaproth, Voyage au Caucase II. pag. 101.

Въ древнія времена существовали другія названія для разныхъ народныхъ племенъ, нынѣ вовсе не существующія и даже неизвѣстныя въ тѣхъ странахъ, гдѣ они прежде жили; но древніе историки и географы оставили намъ описаніе ихъ физическихъ свойствъ, нравовъ, повѣрій и вообще образа жизни, и по этимъ описаніямъ должно отнести ихъ къ одному или къ разнымъ племенамъ; этому способствуютъ также мѣстныя названія, имена рѣкъ, горъ, селеній и самыхъ городовъ. Такъ напримѣръ въ Финляндіи были прежде Финны (называемые нынѣ Сумь), Тавасты (древніе Ямь или Ѣмь), Квяне, Саволаксы, Карелы, которые теперь тамъ вовсе не различаются другъ отъ друга, потому что эти названія слились, и племена смѣшались съ другими, нынѣ еще существующими въ тѣхъ мѣстахъ.

Квены или Квяны давно исчезли, хотя прежде тамъ существовало особое названіе для ихъ земли, а именно Queenland или земля королевы, если допустить, что это названіе произошло изъ англійскаго языка. Еще Адамъ Бременскій (около 1056 г.) разсказываетъ, что Suiones или нынѣшніе Шведы занимаютъ большое пространство до земли женщинъ (terra feminarum); далѣе къ сѣверу отъ нихъ жили тогда Вильцы (можетъ быть Весь русскихъ лѣтописей), Мирры или Меря, Ламы (можетъ быть Ямь), Скуты или Скиѳы; эти этнографическія свѣдѣнія одного времени съ Несторовыми и потому они весьма сходны между собою и повѣряютъ другъ друга.

Но преимущественно замѣчательно названіе «земли женщинъ» въ южной Финляндіи, гдѣ тогда жили Квены. На финскомъ же языкѣ quenna значитъ «женщина», отчего Адамъ Бременскій перевелъ землю Квеновъ «землею женщинъ.»

Посему въ этомъ отношеніи, кажется, имѣетъ названіе связь съ Амазонками, жившими въ южной Россіи до временъ Геродота. Онъ повѣствуетъ о нихъ слѣдующее: * Амазонки послѣ сраженія съ Греками при рѣкѣ Термодонѣ въ Малой Азіи, переправились чрезъ Черное море въ южную Россію. Онѣ, во время этой переправы, убили Грековъ и пристали у Кремни, на берегу Азовскаго моря. Приморская пристань Кремни находилась въ землѣ вольныхъ Скиѳовъ. Амазонки, вышедъ на берегъ, захватили скиѳскихъ лошадей и опустошили Скиѳію по всѣмъ направленіямъ. Скиѳы, видя наѣздниковъ неизвѣстныхъ имъ ни по одеждѣ, ни по языку, приняли ихъ сначала за мущинъ и сражались съ ними. Но увидѣвъ послѣ сраженія, что это все женщины, условились между собою не убивать ихъ, а брать въ плѣнъ, потомъ переженились на Амазонкахъ и жили долго съ ними за рѣкою Танаисомъ.

Такимъ образомъ Амазонки, Савроматскаго или Славянскаго племени, приняли обычаи и образъ жизни скиѳскихъ побѣдителей; ихъ дѣвицы не прежде выходили за мужъ, пока не убивали непріятеля.

Уже выше сказано, что изображеніе Амазонокъ и сраженія ихъ съ Скиѳами часто попадаются на скиѳскихъ памятникахъ, находимыхъ въ окрестности Керчи.

Что касается наконецъ до Неуровъ, другаго народа Геродотова вѣка, то они прежде жили въ средней Россіи, а до Р. Х. близъ источниковъ Днѣпра и Припяти по пинскимъ низменностямъ. Жилища ихъ простирались съ одной стороны до Волги, а съ другой до рѣки Нарева въ нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ;

* Herod. lib. histor. IV, cap. 110.

эта рѣка получила отъ нихъ свое названіе. Неуры были вытѣснены змѣями, которые, по Геродоту, водились въ большомъ изобиліи въ ихъ землѣ.

Неуры существовали еще въ десятомъ столѣтіи, по извѣстіямъ, сообщеннымъ намъ Несторомъ. Онъ исчисляетъ разные народы чудскаго или финскаго племени въ слѣдующемъ порядкѣ: Чудь, Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволочная Чудь, Пермь, Печора, Ямъ, Угра — названія финскихъ народовъ, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя встрѣчаемъ у Грековъ и Римлянъ. Но и Несторовы названія нынѣ уже не существуютъ болѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ указываетъ эти народы. Такъ напримѣръ Меря, какъ мѣстное названіе Чуди, совершенно исчезло, потому, можетъ быть, что замѣнено другимъ, въ то время болѣе употребительнымъ.

По новѣйшимъ открытіямъ ученаго Археолога П. С. Савельева, главное мѣстожительство Мери было въ окрестностяхъ Плещеева озера, близъ г. Переславля-Залѣскаго, во Владимірской губерніи, равно какъ и въ окрестностяхъ г. Ростова, въ Ярославской губерніи, на берегахъ Ростовскаго озера, называемаго Неро. Къ Ярославской губерніи прилегаетъ съ востока Костромская, гдѣ память о народѣ Мери сохранилась въ названіи города Галича-Мерскаго. Съ юго-запада Ярославская губернія граничитъ съ Московской, гдѣ равнымъ образомъ встрѣчаются селенія и рѣчки, сохранившія доселѣ имя Мери. (Ростовское озеро, на берегахъ котораго жила Меря, понынѣ еще называется Неро, что̀ еще ближе указываетъ на Неуровъ Геродотова вѣка). Изъ Переславскаго же озера вытекаютъ двѣ рѣки, которыя называются Нерль: одна изъ нихъ вливается въ Волгу, а другая въ Клязьму, впадающую въ Оку.

Г. Савельевъ открылъ на берегахъ Плещеева озера въ окрестностяхъ Переславля болѣе 3000 могилъ и нашелъ въ нихъ весьма много любопытныхъ памятниковъ, описаніе которыхъ мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ; большая часть ихъ изъ желѣза, украшенія изъ мѣди, серебра, золота; но послѣдній металлъ весьма рѣдко встрѣчается, гораздо чаще стекло и янтарь; изъ древнихъ монетъ IX и X вѣковъ встрѣчаются арабскія и германскія, временъ германскаго Императора Генриха III; наиболѣе замѣчательны каменные молоты и желѣзныя кирки, равно какъ и стеклянныя бусы, внутри съ золотыми и серебрянными украшеніями; подобныя бусы часто находятъ въ Скандинавіи и Даніи; вѣроятно это была та дорога, по которой древній народъ Меря за свои мѣха, добываемые на сѣверѣ Россіи, получалъ предметы роскоши отъ западной Европы.

Замѣчательно, что озеро Неро до сихъ поръ удержало названіе, сходное съ именемъ Неуровъ, тогда какъ самый народъ у Нестора назывался Мерь или Меря; но извѣстно, что буквы М и Н часто замѣняютъ одна другую и говорится напримѣръ Николай и Миколай, медвѣдь и недвѣдь, Нурманы и Мурманы и т. д.; особенно же въ польскомъ языкѣ употребляется М тамъ, гдѣ въ русскомъ ставятъ Н. Впрочемъ въ финнскомъ языкѣ слово *неръ*, значитъ «сырой», то же что ніуръ у Самоѣдовъ; также замѣчательно, что рѣка Вилія у города Вильна называется у Литовцевъ Нерисъ, что̀ служитъ доказательствомъ, что Неуры въ древнія времена простирались до этой рѣки и тамъ жили въ сосѣдствѣ съ Меланхленами.

Другой финнскій народъ по Нестору былъ Мурома, который также исчезъ и не оставилъ по себѣ никакихъ

слѣдовъ, кромѣ названія города Мурома, во Владимірской губерніи, гдѣ онъ жилъ съ другимъ исчезнувшимъ народомъ Весью, названіе котораго также сохранилось у арабскаго географа Ибнъ-Фозлана, у котораго упоминается о народѣ Вису. Что народъ Весь жилъ прежде въ тѣхъ странахъ, гдѣ нынѣ Владимірская губернія, доказывается тѣмъ, что въ этой губерніи донынѣ существуютъ селенія съ названіемъ Весь и Вески. Въ-послѣдствіи же онъ переселился къ Бѣлоозеру, гдѣ указываетъ на него Несторъ. Народъ этотъ называется у Іорнанда Васъ или Vasina (около 552 года), а у Адама Бременскаго—Витцы (около 1056 года).

Мордва, по Нестору, была чисто финнскаго племени, а нынѣ она почти вся обрусѣла; остатки древней Мордвы теперь находятся въ Тамбовской губерніи, къ югу отъ г. Мурома по рѣкѣ Мокшѣ и въ окрестностяхъ.

Другія финнскія племена, какъ то заволоцкая Чудь, Пермь, Печера, Ямь и Угра или Югры жили, во времена Нестора, въ нынѣшней Пермской и Вологодской губерніяхъ, въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ, которыхъ долго не могли завоевать Новгородцы; но наконецъ они перешли волокъ и поселились въ странахъ по нижнему теченію сѣверной Двины.

Чудь и Заволоцкая Чудь, сѣверные остатки древнихъ Скиѳовъ, были, безъ сомнѣнія, самыя примѣчательныя племена, отъ которыхъ произошли всѣ другія. Чудь, можетъ быть, уже въ это отдаленное время жила на юго-западномъ берегу Онежскаго озера, а Заволоцкая Чудь—еще далѣе къ сѣверу за волокомъ въ окрестностяхъ города Вологды; она теперь совершенно обрусѣла.

Въ 1079 году великій князь Новгородскій Глѣбъ Святославичъ убитъ Заволоцкою Чудью, жившею

тогда между Онежскимъ озеромъ и Двиною до рѣки Печоры, отъ которой финнскій народъ Печора получилъ свое названіе. Вся эта Чудь составляла сѣверное племя, а западное называлось поморскою Чудью и обитало на берегахъ Балтійскаго моря до Финляндіи, какъ выше изложено; къ нимъ принадлежала Ямь или Ѣмь, племя жившее тогда въ срединѣ Финляндіи.

Далѣе, въ нагорныхъ странахъ сѣверной Россіи, на сѣверномъ отклонѣ Уральскаго хребта, обитала, по Нестору, Угра, отъ которой вся страна называлась Угорскою и изъ которой въ-послѣдствіи вышли Угорцы или Венгерцы. Они оставили югорскій хребетъ, т. е. сѣверную часть уральскихъ горъ и переселились на югъ Россіи, откуда перекочевывали все далѣе къ западу и наконецъ перешли Дунай. Еще нынѣ существуетъ въ Смоленской губерніи селеніе Угрица, которое, можетъ быть, отъ нихъ получило свое названіе.

Замѣчательно, что Страбонъ, жившій въ началѣ нашей эры, не упоминаетъ о Неурахъ; онъ также не знаетъ ни Меланхленовъ, ни Андрофаговъ, но за-то весьма подробно описываетъ южныя финнскія племена Аорзовъ и Зыраковъ, какъ мы сейчасъ увидимъ. Неуры равнымъ образомъ не упоминаются и у Клавдія Птоломея; но Аммiану Марцеллину, римскому историку, жившему около 370 г. по Р. Хр. они были извѣстны, хотя онъ только коротко упоминаетъ о нихъ при описаніи рѣки Борисѳена или Днѣпра, который, по его словамъ, какъ и Плиній Старшій писалъ, выходитъ изъ горъ Неуровъ; поэтому онъ помѣстилъ ихъ тамъ, гдѣ они жили уже при Геродотѣ.

Переходя далѣе на юго-востокъ Россіи, находимъ Аргиппеевъ, Исседоновъ и Массагетовъ, народы, кото-

рые всѣ должны быть первоначально чудскаго происхожденія.

Геродотъ помѣщаетъ Аргиппеевъ при подошвѣ высокихъ горъ Уральскихъ, или, можетъ быть, Алтайскихъ, потому что Уральскія не такъ высоки, какъ Алтайскія, и вся страна за этимъ плѣшивымъ народомъ, по словамъ Геродота, никому неизвѣстна. Это былъ, безъ сомнѣнія, отдаленнѣйшій сѣверъ, въ которомъ тогда жили Аргиппеи, народъ такъ названный по бѣлымъ лошадямъ.

Якуты, Буряты и нынѣ предпочитаютъ бѣлый цвѣтъ у своихъ лошадей и держатъ преимущественно бѣлыхъ коней, также и Башкирцы.

Выше описано мѣдное зеркало найденное въ Алтайскомъ хребтѣ, на которомъ представлены плѣшивые старикъ и старуха, впереди сѣвернаго оленя: ихъ можно было принять за Аргиппеевъ Геродота; оба изображены сидящими подъ деревомъ среди плодовъ, изъ которыхъ этотъ древній народъ приготовлялъ питье, извѣстное подъ названіемъ *аши*, какъ разсказываетъ Геродотъ. Я уже прежде * принялъ описанное имъ дерево Аргиппеевъ за черешню (Prunus padus), изъ ягодъ которой Башкирцы еще нынѣ приготовляютъ особые пироги.

Если поэтому Аргиппеи походятъ на Мещеряковъ, то Массагеты наиболѣе соотвѣтствуютъ Башкирцамъ, которые, подобно Мещерякамъ, бывъ финскаго племени, нынѣ совершенно отуречились и говорятъ по турко-татарски. Они еще доселѣ живутъ въ Оренбургской губерніи, на границѣ съ Пермскою, гдѣ близъ Міас-

* См. Alte Geographie des südlichen Russlands.

скаго завода находится столь большое изобиліе золота, что отъ этого Массагеты употребляли только золото и мѣдь на все свое оружіе и на збруи лошадей; они носили золотыя украшенія на головѣ, на поясѣ и на другихъ частяхъ одежды; это тѣ золотыя бляхи, которыя такъ часто находятся въ чудскихъ и скиѳскихъ могилахъ.

За Аргиппеями жили Исседоны, за ними Аримаспы и стерегшіе золото грифы. Геродотъ описываетъ эту страну весьма холодною; она лежала, безъ сомнѣнія, близъ рѣки Иссети, и отсюда распространялись Исседоны далѣе къ сѣверу, до самаго Алтайскаго хребта, гдѣ сосѣдствовали съ Аримаспами, которыхъ мы уже выше приняли за финское племя.

Массагеты, жившіе тогда на восточномъ берегу Каспійскаго моря по обоимъ берегамъ рѣки Аракса или Оксуса, вели кочевую жизнь и носили скиѳскую одежду; они получали все уральское и алтайское золото (самыя богатыя розсыпи у Подкаменной Тунгузки), непосредственно отъ Исседоновъ и Аримасповъ и вели большую торговлю по Каспійскому морю съ кавказскими народами и съ другими финскими племенами, жившими тогда въ степяхъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями. — Исседоны были, какъ и Массагеты, весьма дикій народъ, вмѣсто чашъ употреблявшій черепа убитыхъ непріятелей, чтобы изъ нихъ пить кровь убитыхъ. Этотъ дикій обычай простирался даже на черепа умершихъ родственниковъ и самыхъ родителей. Если у Исседоновъ умиралъ отецъ, то они смѣшивали мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ съ тѣломъ умершаго отца и угощали этимъ гостей; притомъ они снимали кожу и волосы съ черепа умер-

шаго родителя и покрывали его золотомъ, такъ что черепъ оставался у нихъ какъ святой образъ *.

Это тѣ народы, которые въ началѣ нашей эры у Тацита называются Аорзами, союзниками Римлянъ во время войны Скиѳовъ съ Понтійскимъ королемъ Митридатомъ.

Страбонъ, жившій по прошествіи почти 400 лѣтъ послѣ Геродота, въ началѣ нашей эры, весьма подробно описываетъ Аорзовъ и Зыраковъ, народовъ весьма замѣчательныхъ потому, что они тогда переселились изъ сѣверныхъ уральскихъ странъ въ южныя, занявъ степь, называемую нынѣ астраханскою, и при подошвѣ Кавказскихъ горъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по описанію Страбона, были кочевые, а другіе осѣдлые, жившіе въ юртахъ и занимавшіеся хлѣбопашествомъ.

Названіе Аорзовъ и Зыраковъ вовсе не греческое, какъ напримѣръ Меланхленовъ, Андрофаговъ, Каллипидовъ, Аргиппеевъ и другія; но безъ сомнѣнія взято изъ собственнаго языка. Поэтому я ихъ давно ** уже принялъ за Эрзовъ и Зырянъ, народовъ финнскаго племени, которые еще нынѣ живутъ въ южной Россіи и на западномъ отклонѣ Уральскаго хребта. Къ нимъ принадлежала также Мордва, бывшая въ тѣ отдаленныя времена гораздо могущественнѣе чѣмъ теперь; Іорнандъ около 552 года упоминаетъ объ ней подъ названіемъ Мерденсъ (Merdens) и пишетъ, что готскій король Эрманарихъ покорилъ ее въ IV столѣтіи.

Страбонъ разсказываетъ, что Зыраки или Зыряне тогда имѣли своего царя, равно какъ и Аорзы или

---

* Herod. histor. lib. IV. cap. 26.

** См. Alte Geographie des südl. Russlands.

Эрзы, и что во время царствованія Ѳарнака, сына Митридатова, надъ Босфоромъ, Зыраки послали ему въ помощь 20,000 человѣкъ конницы, а Аорзы 200,000 человѣкъ пѣхоты, что показываетъ тогдашнее могущество этихъ народовъ. Они вели большую торговлю на верблюдахъ съ восточною Индіею и Мидіею; эта торговля продолжалась еще въ-послѣдствіи до XI вѣка и шла тогда въ Среднюю Азію съ одной стороны, а съ другой въ прибалтійскія страны, какъ о томъ подробно изложилъ ученый археологъ П. С. Савельевъ *. Платья древнихъ Аорзовъ были покрыты золотыми бляхами, подобными тѣмъ, которыя найдены въ керченской кулобской могилѣ. Отъ сѣвернаго берега Каспійскаго моря они распространились до тѣхъ странъ, гдѣ нынѣ, на границахъ Казанской и Вятской губерній, живутъ Вотяки или Уды, какъ они сами себя называютъ. Эти Уды, или Utii по Страбону, жили тогда къ югу отъ Аорзовъ, на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ одноплеменные ихъ сосѣды Утидорзы (Utidorsi или Удъ-аорзы) обитали вмѣстѣ съ ними на нынѣшней Астраханской степи, какъ я изложилъ уже давно въ изданной мною древней Географіи южной Россіи.

Торговля, которую Аорзы вели съ Индіею и Уды съ Арменіею и Мидіею, шла, по описанію Страбона, съ одной стороны чрезъ среднюю Азію по теченіямъ рѣкъ Сыръ-дарьи или Яксарта и Аму-дарьи или Аракса,

* См. Г. Савельева, Мухаммеданская Нумизматика, или Топографія кладовъ съ восточными монетами VII и слѣдующихъ вѣковъ въ Россіи. С. Петербургъ, 1846, весьма важное сочиненіе, въ которомъ не только изложенъ путь торговли отъ г. Булгара на Волгѣ до Балтійскаго моря, но и исчислены предметы этой торговли по арабскимъ сочинителямъ.

чрезъ Кабулъ въ Индію, а съ другой стороны по западному берегу Каспійскаго моря въ Вавилонъ *. Этимъ путемъ они получали непосредственно вавилонскіе товары, а первымъ — индѣйскіе черезъ посредство Индѣйцевъ, которые съ самыхъ древнихъ временъ, еще до Геродота, имѣли большую колонію въ Индійской гавани (portus indicus), на восточномъ берегу Чернаго моря, въ окрестностяхъ нынѣшней Анапы.

Отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ остались еще нѣкоторые остатки Удовъ въ Шекинскомъ уѣздѣ за Кавказомъ, гдѣ они сами себя называютъ Емудъ, что̀ еще болѣе указываетъ на сродство ихъ съ Емью и

---

* Въ новѣйшее время Полковникъ Ролинсонъ, извѣстный по своимъ важнымъ археологическимъ открытіямъ въ древнемъ Вавилонѣ, старался доказать, что Скиѳы были первоначальными обитателями Вавилона. По мнѣнію его, изложенному въ засѣданіи Азіатскаго Общества въ Лондонѣ 1 Декабря 1855 года, скиѳскій языкъ господствовалъ еще до временъ Небукаднецара въ Вавилонѣ. Всѣ халдейскія надписи, которыя древнѣе, чѣмъ основанное въ XIII вѣкѣ до Р. Х. Ассирійское государство, содержатъ въ себѣ имена и титулы прежнихъ царей на скиѳскомъ языкѣ; въ царствованіе Набополассара и Небукаднецара это былъ народный языкъ Вавилонцевъ, а въ царствованіе послѣднихъ царей ассирійскихъ, въ VII вѣкѣ до Р. Х., скиѳско-вавилонскій языкъ наиболѣе господствовалъ и разцвѣлъ въ Ниневіи, потому что всѣ глиняныя доски Британскаго Музея, привезенныя изъ развалинъ Коюнджика, заключаютъ въ себѣ ассиро-скиѳскую граммату; поэтому вавилонскіе Скиѳы, этническое имя которыхъ *аккадъ*, по Ролинсону могутъ быть признаны за основателей клинообразныхъ письменъ. Если допустить вѣрность этихъ историческихъ данныхъ, то ими легко объясняется сношеніе Аорзовъ и другихъ скиѳскихъ племенъ южной Россіи съ Мидіею и Вавилономъ, какъ то описываетъ еще Страбонъ. См. Magazin für die Literatur des Auslandes. Berlin. 1856. № 25.

Удами; поэтому неудивительно, что Плиній Старшій помѣстилъ Меланхленовъ или подобное имъ финское племя на Кавказѣ; ему также извѣстны Аорзы.

Эти древніе Уды или Вогулы вообще составляли весьма важный торгующій народъ древности, даже тогда, когда они были принуждены переселяться все далѣе къ сѣверу Россіи, гдѣ большая торговля мѣхами и драгоцѣнными метталлами и камнями сѣвернаго Урала находилась въ ихъ рукахъ. Такимъ образомъ отзывается еще въ XVI столѣтіи Баронъ Герберштейнъ о торговлѣ съ Вогулами по верховьямъ рѣки Оби: они обыкновенно шли большими караванами и поддерживали торговыя сношенія сѣвера Россіи, въ особенности Архангельска съ сѣверною Сибирью. По прекращеніи торговли Аорзовъ и Зыраковъ на югѣ Россіи, Вотяки, одноплеменный съ ними народъ, продолжали не менѣе важную торговлю по сѣверу.

Клавдій Птоломей, около 150 г. по Р. Х.. называетъ Зыраковъ или Зырянъ нашихъ временъ Зыракенами и помѣщаетъ Аорзовъ къ востоку отъ рѣки Урала, гдѣ они вѣроятно жили уже во время Страбона. Ему также извѣстны Уды по рѣкѣ Удону или Кумѣ, текущей въ Каспійское море.

Въ IX столѣтіи арабскій писатель Ибнъ фозланъ подробно описываетъ Эрзовъ. Царь ихъ тогда жилъ въ городѣ Арзѣ (Эрзѣ), куда никто изъ чужихъ не осмѣливался ѣздить, потому что жители были такъ дики, что всякаго иностранца ловили и умерщвляли. Этотъ главный городъ можетъ быть тотъ самый, который нынѣ называется Арзамасомъ; въ этомъ названіи слово *ма* означаетъ землю, и потому Арза-ма значитъ «земля Аорзовъ;» еще донынѣ Арзамасъ въ Нижегородской губерніи окруженъ мордовскими селеніями. У

Эрзовъ, по разсказу Ибнъ-фозлана, находилось много свинца и олова, также черный соболь. Эти свѣдѣнія указываютъ на народъ сѣвернаго Урала, гдѣ только можно находить свинецъ и соболи, а олово не встрѣчается нигдѣ на Уральскомъ, даже на Алтайскомъ хребтѣ; поэтому надобно подразумѣвать или другой какой-нибудь металлъ въ сообщенномъ Ибнъ-фодланомъ извѣстіи, какъ напримѣръ платину, или предполагать, что олово не находилось въ землѣ Эрзовъ, а было только привозимо изъ дальнихъ странъ Сибири, изъ окрестностей Нерчинска, гдѣ оно находится по рѣкѣ Ононъ-борзѣ, вытекающей изъ Яблоннаго хребта; изъ этого единственнаго мѣстонахожденія оловянныхъ рудъ въ Россіи, олово могло быть доставляемо Бурятами или другими народами Дауріи торгующимъ Аорзамъ или Эрзамъ. Свинцовыя же руды находятся дѣйствительно въ большомъ изобиліи въ сѣверномъ Уралѣ, а именно бѣлая, желтая, зеленая, красная и другія свинцовыя руды въ Березовскихъ рудникахъ, въ Невьянскихъ заводахъ, также въ Киргизской степи, гдѣ находится свинцовая гора; но преимущественно этими рудами изобилуютъ Змѣиногорскій, Николаевскій и Золотушинскій рудники Алтайскаго хребта; сверхъ того встрѣчается и въ Нерчинскѣ, гдѣ въ Зерентуевскомъ рудникѣ ежегодно добывается до 35.000 пудовъ серебристаго свинца.

Черный соболь, о которомъ упоминаетъ Ибнъ-фозланъ, былъ безъ сомнѣнія чернобурая лисица сѣвернаго Урала или сѣверо-восточной Азіи, гдѣ она находилась тогда въ большомъ числѣ; вмѣстѣ съ ней тамъ же водится и настоящій соболь по скалистымъ мѣстамъ Алтайскаго хребта. Мѣха этихъ звѣрей служили, какъ и произведенія свинцовыхъ и оловянныхъ рудъ, глав-

нымъ предметомъ торговли, которою занимались Страбоновы Аорзы и Ибнъ-фозлановы Эрзы въ течении многихъ вѣковъ.

Вообще весь Уральскій хребетъ уже въ древнія времена былъ хорошо извѣстенъ Грекамъ; они называли его Рифейскими горами, названіе, которое вѣроятно происходитъ изъ языка Вогуловъ, называющихъ Уральскія горы *репъ* (reep) *, что̀ означаетъ гору вообще.

Изъ описанія Рифейскихъ горъ у Плинія Старшаго видно, что онѣ находились на сѣверо-востокѣ Европы, тамъ, гдѣ безпрестанно идетъ снѣгъ, гдѣ климатъ самый суровый ** и совершенная темнота; сверхъ того, по его описанію, рѣка Танаисъ или Донъ выходитъ изъ Рифейскихъ горъ.

Ученый археологъ, Н. И. Надеждинъ старался доказать, что, по мнѣнію древнихъ греческихъ и римскихъ географовъ и историковъ, Рифейскія горы находились не на сѣверо-востокѣ, но на сѣверо-западѣ извѣстной тогда Европы ***, и онъ полагаетъ, что Рифеи были Карпаты; но уже изъ описанія Плинія видно, что Рифейскій хребетъ не могъ быть Карпатами, потому что здѣсь нѣтъ подобнаго холода и нѣтъ такой темноты, какъ на сѣверномъ Уралѣ, по короткости дней и гдѣ сверхъ того снѣгъ почти безпрестанно падаетъ и затемняетъ воздухъ.

---

* Fischer, sibirische Geschichte l. c.

** Plinii hist. lib. IV. cap. 26. Riphaei montes et assiduo nivis casu pinnarum similitudite, Pterophoros appellata regio, pars mundi damnata a rerum natura etc.

*** См. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. I. Одесса. 1844.

Въ половинѣ четвертаго столѣтія описываются два народа, о племени которыхъ еще понынѣ археологи и этнографы не могутъ согласиться. Это Аланы и Гунны.

Амміанъ Марцеллинъ есть первый изъ римскихъ историковъ, у котораго находятъ довольно подробныя свѣдѣнія объ этихъ двухъ болѣе несуществующихъ народахъ. Онъ говоритъ, что Аланы у другихъ географовъ называются Массагетами и разсказываетъ объ нихъ все то, что̀ Геродотъ повѣствуетъ о кочующихъ Скиѳахъ (Scythae alazones); потому-то я и принялъ ихъ за Аланъ *, названіе и значеніе которыхъ безъ сомнѣнія одинаковы съ названіемъ Алазоновъ; сверхъ того они были финнскаго племени, потому что Амміанъ причисляетъ къ нимъ Меланхленовъ и Андрофаговъ. У Алановъ были бѣлокурые волосы и дикій взглядъ; они жили въ повозкахъ; и поэтому назывались у другихъ историковъ, какъ и у Геродота, Патаховй, питались молокомъ и потому назывались еще Galactophagi или млекоѣды; они были быстры на ногахъ, какъ обыкновенно описываются сѣверные Финны. Аланы, по Амміану, весьма походили на Гунновъ, хотя образъ жизни Аланъ нѣсколько тише и мягче; они находили удовольствіе только въ войнѣ и въ опасностяхъ и считали того счастливымъ, кто лишился жизни въ сраженіи; они гордились убійствомъ непріятелей, и къ нимъ относили все, что̀ Страбонъ разсказываетъ о Массагетахъ и Исседонахъ. Наконецъ прибавляетъ Амміанъ, что Аланы перекочевали съ востока большими массами, а прежде не жили въ тѣхъ странахъ, которыя тогда занимали.

---

* См. изданную мною Alte Geographie Russlands.

Амміанъ также есть почти первый историкъ, который подробно описываетъ Гунновъ; онъ говоритъ, что древніе историки мало о нихъ упоминаютъ; только Діонисій Періэргетъ, жившій во второмъ вѣкѣ нашей эры, знаетъ ихъ подъ именемъ Хуновъ, и то не описывая въ подробностяхъ. Въ моей «древней Географіи Россіи» призналъ я ихъ за монгольское племя; но новыя розысканія склоняютъ меня принять ихъ за финскій народъ, первоначально имѣвшій большое сродство съ Монголами.

По словамъ Амміана, они, въ половинѣ IV столѣтія, занимали все пространство отъ Азовскаго моря по Уральскому хребту и степямъ на восточномъ его отклонѣ, до Ледовитаго моря, такъ что все его описаніе указываетъ на Угровъ финскаго племени; дикость Гунновъ, по извѣстіямъ Амміана, не имѣла границъ; они не жили въ домахъ, а кочевали въ горахъ и въ лѣсахъ, что̀ все относится и къ Уграмъ; всѣ они почти всегда проводили время на лошадяхъ, на нихъ ѣли, пили и даже спали; въ сраженіяхъ были весьма опасны, потому что всегда дѣлали нападенія совокупно толпами; одежда ихъ состояла изъ черныхъ кафтановъ, и въ этомъ отношеніи они походили на Меланхленовъ финскаго племени.

Дикій этотъ народъ былъ единственно воинственный изъ всѣхъ финскихъ племенъ; во время Амміана онъ оставилъ свои сѣверныя жилища, гдѣ грабежемъ и убійствомъ разорилъ своихъ сосѣдей, и явился, какъ прибавляетъ историкъ, у Аланъ, прежнихъ Массагетовъ.

Въ половинѣ VI столѣтія Іорнандъ еще подробнѣе описываетъ Гунновъ, говоря, что этотъ весьма дикій народъ, жившій прежде между болотами, т. е. на сѣверныхъ тундрахъ Уральскаго хребта, былъ тѣломъ

малъ и безобразенъ, лицемъ смуглъ и даже черенъ, а вмѣсто глазъ были у него двѣ свѣтящіяся точки; быстръ на ногахъ, а еще быстрѣе на лошадяхъ и весьма ловко стрѣляетъ изъ лука. Онъ питался по большой части корнями растеній и полусырымъ мясомъ всякаго рода звѣрей (Вогулы, Башкиры и другіе народы финскаго племени еще понынѣ имѣютъ этотъ обычай). Одежда его состояла изъ сшитыхъ шкуръ куницъ, что также указываетъ на древнихъ Угровъ и Вогуловъ.

Вообще все это описаніе соотвѣтствуетъ геродотову описанію Скиѳовъ, которые въ-послѣдствіи отъ сѣвернаго Урала (подъ названіемъ Угровъ въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ) переночевывали на югъ Россіи и вытѣсняли всѣ другія чудскія племена, жившія въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ они переселялись въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, сначала съ сѣвера на югъ, а потомъ съ востока на западъ.

На Дону они встрѣтились съ Аланами или южными Финнами, извѣстными прежде подъ другими названіями, и напали на грейтунгскихъ Готовъ, пришельцевъ съ береговъ Балтійскаго моря. Побѣдивъ ихъ, они бросились на другія готскія племена и ихъ также побѣдили. Эрманарихъ, король готскій, самъ себя лишилъ жизни, а наслѣдникъ его, король Витимеръ, былъ ими убитъ.

Грейтунги послѣ того отступили къ Днѣпру, гдѣ Атанарихъ, князь Тейрунговъ, пришелъ къ нимъ на помощь, но внезапно былъ атакованъ и убитъ Гуннами.

Въ этихъ обстоятельствахъ большая часть Готовъ, увидѣвъ неминуемую опасность отъ этихъ дикихъ народовъ отдаленнаго сѣвера, отступила за Дунай, въ надеждѣ быть тамъ въ безопасности; но Гунны ихъ

и тамъ преслѣдовали. Такимъ образомъ они перешли постепенно далѣе къ западу Европы и явились въ Венгріи, гдѣ остались и основали новое отечество, получившее отъ нихъ (древнихъ Угровъ) свое названіе.

Гунны, въ слѣдствіе этого, составляютъ большую вѣтвь того народа, который извѣстенъ нынѣ подъ названіемъ Мадьяровъ и о которыхъ впервые упоминаетъ въ половинѣ X столѣтія Императоръ Константинъ Багрянородный, говоря, что восемь племенъ отпали отъ Хазаровъ, между которыми онъ обозначаетъ одно подъ названіемъ Мегера, т. е. Мадъяровъ или Маджаровъ, какъ Венгерцы сами себя называютъ, и какъ называютъ ихъ Турки.

Давно извѣстный столичный городъ ихъ Магіаръ или Маджаръ находился тогда на рѣкѣ Кумѣ, гдѣ онъ долго былъ въ цвѣтущемъ состояніи, можетъ быть потому, что вся торговля Аорзовъ шла чрезъ него въ Мидію. Сосѣди ихъ были тогда Команы, и поэтому тамъ, по берегамъ Маныча, такъ часто попадаются каменныя бабы.

Остается еще объяснить нѣсколькими словами исторію Хазаровъ и Комановъ, принимаемыхъ мною равнымъ образомъ за народовъ чудо-финнскаго племени.

Хазары впервые являются около 626 г. у западныхъ историковъ *; въ X вѣкѣ могущество ихъ было такъ велико, что владѣнія ихъ простирались отъ Каспійскаго моря по всей южной Россіи до Венгріи; отъ нихъ Каспійское море называлось тогда Хазарскимъ. Они имѣли большія владѣнія въ западной Азіи, и Крымскій полуостровъ находился въ ихъ власти. Они не были

* Несторъ von Schlözer vol. II. pag. 154, 137.

столь дики, какъ Гунны; но имѣли особую вѣру, которую однако же часто мѣняли, такъ что изъ идолопоклонства перешли въ христіанство, а потомъ въ еврейскую вѣру и мухаммеданство; при этомъ финскій языкъ замѣненъ былъ у нихъ татарскимъ: такъ точно Мещеряки и Башкирцы, съ принятіемъ исламизма, приняли татарскій языкъ; равнымъ образомъ Корелы и Чудь, въ новгородской губерніи, приняли съ православною вѣрою и русскій языкъ. Хазары въ русскихъ лѣтописяхъ называются Бѣлыми Уграми, можетъ быть потому, что и Турки ихъ называли Акъ-Хазарами, т. е. храбрыми, владѣтельными, Бѣлыми Хазарами. Они занимали въ это время всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ прежде жили Зыраки и Аорзы Страбона; поэтому и кажется происходили отъ этого народа и были особою отраслію его. Главнѣйшій городъ ихъ былъ Саркелъ; названіе саркюлла имѣетъ значеніе на финскомъ и эстляндскомъ языкахъ, а именно саръ или сарна, значитъ «бѣлый», а кюла или кюлла «домъ, селеніе». Этимъ однимъ названіемъ уже достаточно доказывается финское происхожденіе Хазаровъ *.

Наконецъ сюда принадлежатъ еще Команы или Половцы, которыхъ часто, хотя несправедливо, принимаютъ за турецкое племя. Они получили свое названіе отъ рѣки Кома, или Кумы, впадающей въ Каспійское море на западномъ его берегу. Зыряне, древніе Зыраки, еще нынѣ сами себя называютъ Коми, какъ выше сказано, и рѣка Кама у нихъ называется Кумою или Комою, потому что вездѣ берега ея были населены

* Еще нынѣ употребляются подобныя названія, напримѣръ на островѣ Эзелѣ деревня Родскюлля, что значитъ «шведское селеніе.»

Команами, которые отсюда распространились по всей южной Россіи до Каспійскаго моря, гдѣ они заняли преимущественно астраханскую степь и сѣверный отклонъ кавказскихъ горъ. Впослѣдствіи они были побѣждены Пацинаками или Печенѣгами, т. е. Татарами турецкаго племени и сами сдѣлались Турками, принявъ ихъ языкъ и вѣроисповѣданіе. Въ XI вѣкѣ Команы перешли въ Венгрію и финно-венгерскій языкъ остался у нихъ, какъ и у самыхъ Мадьяровъ, одноплеменныхъ съ ними; это именно и доказываетъ, что первоначальный природный ихъ языкъ былъ финскій, а не турецкій.

И такъ всѣ эти нами здѣсь кратко описанные древніе народы были чудо-финнскаго племени, на что̀ указываютъ и разные оставленные ими памятники и описанія древнихъ греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ. По нашему изысканію видно, что эти финнскія племена слѣдовали другъ за другомъ изъ отдаленнаго востока Азіи на западъ и что одно племя безпрестанно вытѣсняло другое далѣе къ западу.

Изъ всего нами сказаннаго слѣдуетъ и то, что всѣ чудскія племена составляли только одинъ великій народъ. Сначала отдѣлилось отъ Чудо-Алтайскато племени Чудо-Уральское, и потомъ отъ него западное или балтійское племя, которое нынѣ обитаетъ по всему Балтійскому морю, въ Эстляндіи, Финляндіи и Лапландіи.

Принимая главное или первоначальное жилище финнскаго народнаго племени на Алтаѣ, мы должны, безъ всякаго сомнѣнія, полагать, что оно было извѣстно Китайцамъ, у которыхъ находятся столь древнія письменныя историческія свѣдѣнія, что въ этомъ отношеніи они превосходятъ всѣ западные народы. И въ самомъ дѣлѣ въ китайскихъ лѣтописяхъ, какъ уже выше сказано, находятся довольно подробныя извѣстія, дока-

зывающія происхожденіе Финновъ съ отдаленнаго востока.

Въ древнихъ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчается народъ Усунъ, который описывается съ свѣтлыми глазами, бѣлокурыми волосами и такою же бородою, поэтому бѣлокурый народъ, сходный съ финскимъ.

Народъ этотъ долго жилъ по верховьямъ Иртыша, Оби и Енисея и простирался до Байкала, такъ что это племя заняло постепенно весь Алтайскій хребетъ и отсюда переселялось все болѣе къ западу.

Усунъ въ-послѣдствіи былъ вытѣсненъ изъ своего отечества и поселился въ киргизской степи по р. Или, впадающей въ озеро Балхашъ. Тамъ онъ опять усилился и считалъ потому эту страну за второе свое отечество. У него были свои князья, о которыхъ подробно упомянуто въ Китайской исторіи. Въ IV вѣкѣ по Р. Х. онъ вновь перекочевалъ; часть его переселилась къ Иртышу, а другая къ Сыръ-дарьѣ; такимъ образомъ Усунъ явился здѣсь подъ новымъ названіемъ Удовъ, а тамъ подъ именемъ Чуди.

Самъ Абульгази-Багадиръ-ханъ, въ своей татарской исторіи, разсказываетъ, что Уйгуры (Югры русскихъ лѣтописей) переселились къ Иртышу и тамъ остались; а другая часть этого народа перекочевала къ югу, въ окрестности г. Турфана, въ землѣ Бишбаликъ; первые по прежнему остались дикимъ кочевымъ народомъ, а вторые переобразовались, учились грамотѣ и сдѣлались въ-послѣдствіи наставниками монгольскаго народа.

Но есть еще сага гораздо древнѣе этого разсказа о переселеніи Усуна изъ Азіи. Это разсказъ самой глубокой древности объ Ирганисканѣ Китайцевъ.

Въ V вѣкѣ китайской эры совершенно рушилось государство Хюнну (Hioug-nu); народы, его составляв-

шіе, разселились и нѣкоторые перешли къ сѣверо-востоку на берега озера Балкашъ, извѣстнаго подъ именемъ Си-хай, т. е. западнаго моря, подъ которымъ можетъ быть подразумѣвалось здѣсь Аральское море.

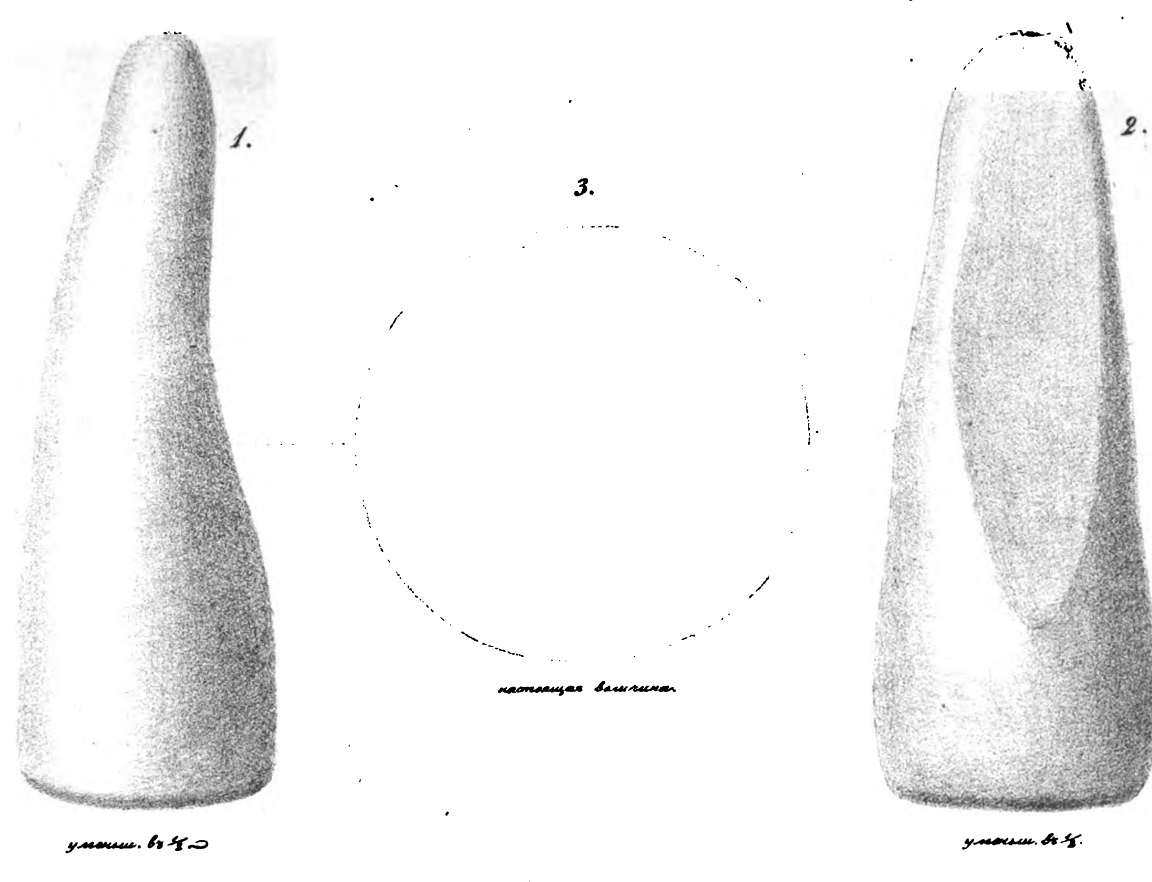
Но въ-послѣдствіи всѣ эти народы были истреблены непріятелемъ и только спаслось одно дитя съ уродливыми руками и ногами. Дитя это ушло въ болота (можетъ быть тундры), гдѣ волчица его питала и воспитывала. Вдругъ оба они были перенесены высшею силою на восточный берегъ озера, на гору въ сѣверо-западной части земли Уйгоровъ (Угровъ), гдѣ чрезъ пещеру они перешли въ плодоносную равнину, въ которой волчица принесла десять дѣтенышей, которые потомъ превратились въ воиновъ и въ-послѣдствіи похитили себѣ женъ; между ними Ассена и Чина т. е. волчица были главныя начальницы.

Число воиновъ подъ начальствомъ Чины размножилось до 500 и они главнымъ своимъ знакомъ имѣли волчью голову, которую носили впереди своихъ знаменъ. Когда же обитаемая ими степь сдѣлалась для нихъ мала, то они вышли изъ нея, разошлись по всѣмъ странамъ, въ особенности по долинамъ Кинь-шаня или золотой горы, т. е. Алтая. И такъ князья ихъ сѣли у подошвы горы, имѣвшей видъ шлема (Ту-кю), отчего и самый народъ принялъ это названіе, подъ которымъ и извѣстенъ еще понынѣ на востокѣ. Это были, кажется, древняя Чудь или, какъ другіе полагаютъ, Турко-Татары, переселившіеся такимъ образомъ на Алтай и вытѣснившіе осѣдлую Чудь, которая въ теченіи многихъ вѣковъ тамъ занималась горнымъ производствомъ, въ особенности въ Змѣиногорскомъ рудникѣ.

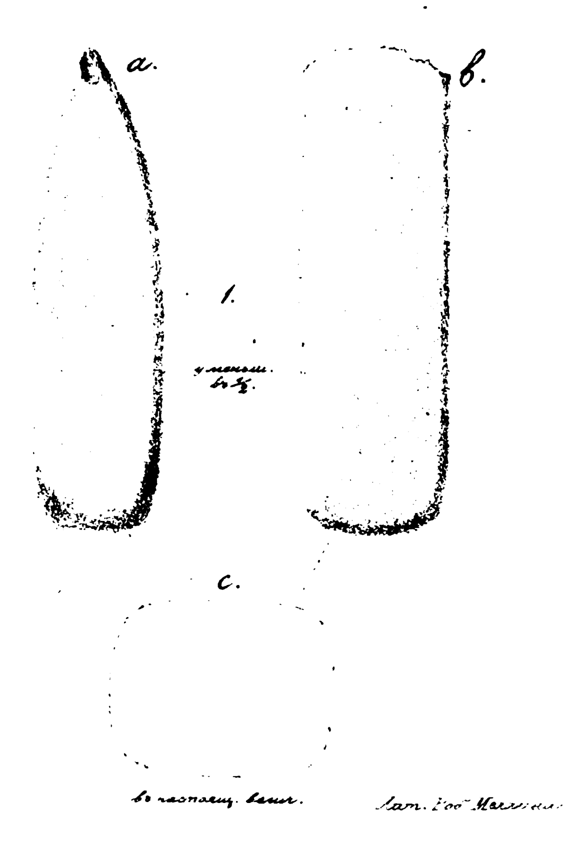
Потомки этихъ Турко-Татаръ еще понынѣ живутъ подъ названіемъ Киргизовъ на Алтаѣ, но въ бѣдномъ

положеніи и безсильные. Телеуты же, обитающіе тамъ на берегахъ Телецкаго озера, говорятъ нынѣ по турко-татарски, но имѣютъ калмыцкое лицо, и они-то были первоначальные пришельцы, вытѣснившіе Чудь, подчинившіе ее своей власти и принудившіе принять ихъ языкъ. При этомъ овладѣніи часть Чуди переселилась еще далѣе къ сѣверу, составляя нынѣ финнское племя Остяковъ и Вогуловъ, а другая, оставшаяся на Алтаѣ, приняла монгольское или турко-татарское нарѣчіе, иароднилась съ Киргизами и Телеутами.

Этими археологическими и этнографическими изслѣдованіями объ одномъ изъ древнѣйшихъ и великихъ народовъ Азіи старался я ввести читателя въ портики древней исторіи Россіи, и познакомить его съ исчезнувшими племенами чудо-финнскаго народа или древней Чуди. Отъ этого племени сохранились до нашихъ временъ лишь миѳы, непонятные безъ памятниковъ чудскихъ копей и скиѳскихъ могилъ; но эти нѣмые свидѣтели первобытнаго существованія и бывшаго могущества чудскаго народа говорятъ такъ ясно, что по нимъ однимъ мы въ состояніи объяснить эту важную, но весьма темную часть давно-минувшей исторіи человѣчества, изслѣдовать народное племя, къ которому принадлежала Чудь и описать другія вѣтви обширнаго племени, которыя въ разныя времена покоряли другихъ, пока наконецъ сами были покорены новыми пришельцами изъ восточной Азіи и исчезли, подобно первымъ, не оставивъ послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ своего прежняго существованія.


1.
3.
2.
настоящая величина.
уменьш. въ ½
уменьш. въ ½.

Къ ст. о чудскихъ копьяхъ



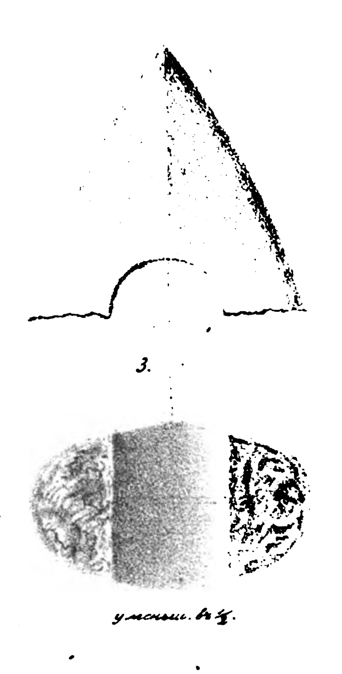
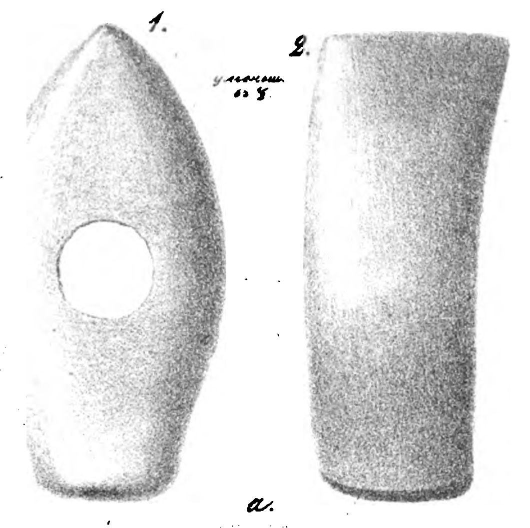
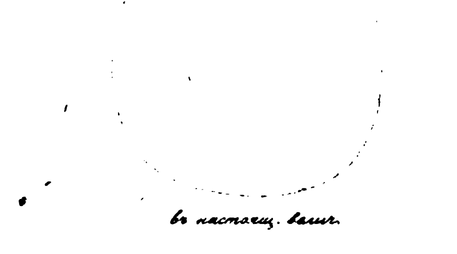


Табл. III.

Къ ст. о чудскихъ котяхъ.





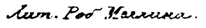
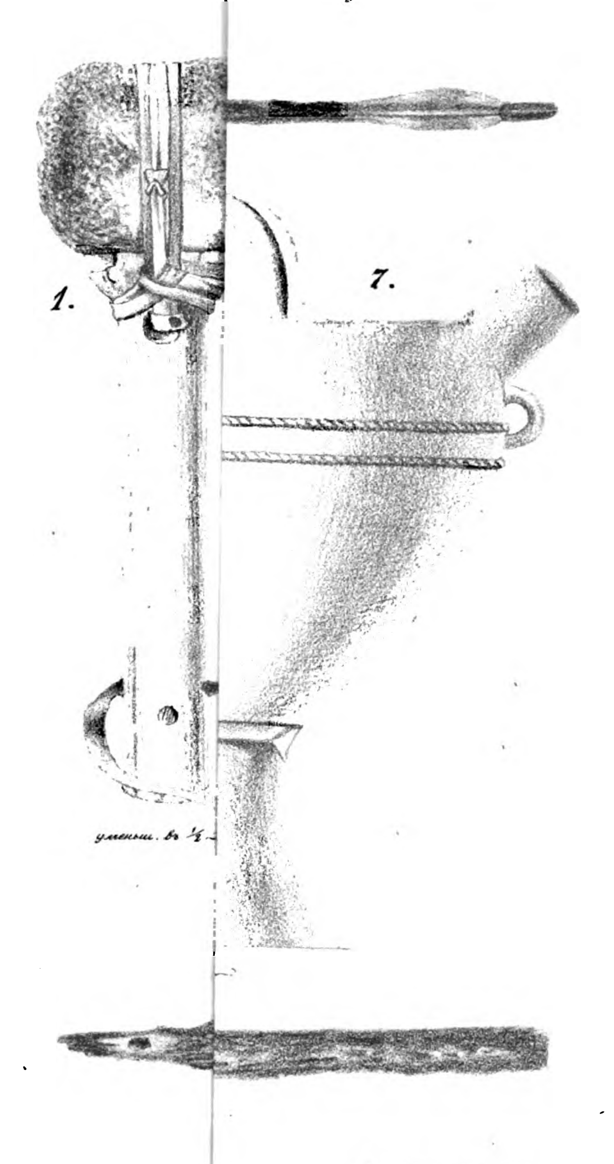


Табл. IV.
Къ ст. о чудскихъ коняхъ



Лит. ...

Табл. V.
ъ ст. о чудскихъ копяхъ

3/4 настоящ. велич.

Лит. Роб. Мелляна.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗВѢДКИ

НА

КАВКАЗѢ.

АВР. ФИРКОВИЧА.

Совершивъ въ 1840 году первое путешествіе по Закавказскому краю съ цѣлью пріобрѣтенія древнихъ книгъ и рукописей еврейскихъ, которыя тщательно отыскивалъ гдѣ только могъ, я, по возвращеніи оттуда, въ теченіи слѣдующихъ годовъ, собралъ свѣдѣнія о древностяхъ сохраняемыхъ тамъ въ разныхъ еврейскихъ синагогахъ и христіанскихъ монастыряхъ, мною еще не посѣщенныхъ. На основаніи этихъ свѣдѣній, въ 1848 году, по распоряженію Намѣстника Кавказскаго князя М. С. Воронцова и согласно инструкціямъ, даннымъ мнѣ отъ Одесскаго Общества любителей Исторіи и древностей, я предпринялъ вторичное путешествіе въ Закавказскій край.

Главная моя цѣль состояла въ изслѣдованіи древностей, относящихся къ древней жизни Евреевъ; но при томъ не упускалъ я ни одного случая, который могъ бы доставить мнѣ какія-либо свѣдѣнія о древностяхъ греческихъ, грузинскихъ, арабскихъ, армянскихъ и другихъ.

Изучивъ предварительно карту Кавказа, въ особенности восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ находились главные складочные пункты въ древніе и средніе вѣка,

я заключилъ, что въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краяхъ, со стороны къ Черному морю, для торговыхъ сношеній съ Востокомъ, могли существовать преимущественно предъ прочими два пути: на Сѣверъ по теченію Кубани и Терека, съ ихъ южными притоками, а на югъ по Ріону, Курѣ и Араксу. Здѣсь и на восточномъ берегу Чернаго моря рѣшился я отыскивать слѣды древней жизни.

Я началъ съ устьевъ Кубани. Естественно, что во время великаго переселенія народовъ, такъ сказать въ предсмертные годы великаго Рима и позже, во время владычества Монголовъ, прикубанскія степи и сѣверный берегъ Чернаго моря были перепутьемъ ихъ на дорогѣ въ Европу. Здѣсь они безпрестанно сталкивались, боролись, истребляли и смѣняли другъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожали и памятники древняго міра. Этимъ я объяснялъ себѣ отсутствіе слѣдовъ древняго быта на всемъ протяженіи Кубани до ея поворота на югъ къ вершинамъ Эльбруса и по правую его сторону, развѣ только на лѣвой сторонѣ этой рѣки, по южнымъ притокамъ и близъ горъ, равно въ Большой и Малой Кабардахъ, Чечнѣ, въ земляхъ Ингушей и Осетіи могли сохраниться древніе христіанскіе памятники. Основываясь на этой мысли, я рѣшился осмотрѣть эти края.

Изъ Керчи отправился я 8 Мая 1848 года въ Тамань, гдѣ занялся изслѣдованіемъ памятниковъ эллинскаго быта, сохранившихся въ обломкахъ мраморныхъ карнизовъ и плитъ. Карнизы эти, вмѣстѣ съ колоннами въ пять аршинъ длиною, лежатъ около таманьской церкви. На нѣкоторыхъ изъ карнизовъ уцѣлѣли слова или буквы греческой надписи, по которымъ однакожъ не возможно возстановить смыслъ ея.

На мраморной же плитѣ, вставленной снаружи въ стѣну той же церкви, близъ дверей, обращенныхъ къ морю, сохранилась, къ сожалѣнію, попорченная временемъ, слѣдующая надпись: *

.... ΣΕΙΔΩΝΟΣ	.....(*Πο*)*σειδῶνος*
..... ΒΑΣΙΛΕΑ ΒΑΣΙΛΕΩΝ	.....*Βασιλέ*(*υς*)*Βασιλέων*
...... ΟΣΒΟΟΣΝΟ..........	......*ος Βοοσπο*...(?)
...... ΗΝΙΩΝ.... ΕΟΣ	........?
...... ΣΑΡ..ΚΑΙΦΙΛΟΡΟΜ.....	(*φιλ. και*) *σαρ* (*ος*) *καί φιλορομ* (*αιος*)
..... ΝΤΑΤΒΑΚΑ-ΑΨΕΧΑΝ.......	.........?
..... ΑΤΗΡΑΣ..Α.ΤΗΟ	.........?
...... ΑΝ.............	....?

Осматривая правую сторону Тамани, гдѣ, по разнымъ примѣтамъ, расположены были главныя постройки древняго города, я нашелъ двѣ плиты изъ известковаго камня вытесанныя, изъ которыхъ одна длиною въ 11 вершковъ, а толщиною въ 3½, съ надписью:

ΕΠΗΣΤ.Η....ΟΝΤΟ	.........?
ΣΑΣΑΣΣΙΝΔΕΟȣ	*Σάσας Σινδέον*
ΔΩΡΟΘΕΟΣ ΔΩΡΟΘΕΟΥ	*Δωροθέος Δωροφέον*
ΠΑΠΙΑΣ ΤΙΜΟΘΕΩΣ	*Παπίας Τιμοθέως*.**

* Снимокъ съ этой неполной надписи явно не точенъ. *Ред.*

** Первая строка этой надписи явно скопирована не точно; три послѣднія любопытны по собственнымъ именамъ Сасы Синдова, Дороѳея Дороѳеева и Папіи Тимоѳеева. *Ред.*

На другой же, съ одной стороны знакъ въ видѣ буквы А, а на противоположной изображеніе, похожее на свѣтильникъ съ горящими большимъ пламенемъ свѣчами. Оба эти изображенія, полагать надобно, заключаютъ въ себѣ какой-нибудь мистическій смыслъ, относящійся къ религіознымъ вѣрованіямъ. Всѣ эти камни оставлены мною первые три при церкви, а два послѣдніе въ трактирѣ близъ пристани.

Открытіе этихъ вещей и достовѣрное извѣстіе, что тутъ же найдено было нѣсколько мраморныхъ колоннъ, заставили меня приступить, по указанію тамошнихъ жителей, къ раскопкѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, наружный видъ которыхъ показывалъ болѣе вѣроятности, что внутри ихъ скрываются остатки древности. Послѣ нѣсколько-дневныхъ усильныхъ трудовъ раскопки, добрались мы до остатковъ подземныхъ сводовъ; но дальнѣйшее изслѣдованіе, по причинѣ недостатка въ рабочихъ людяхъ и ограниченности другихъ средствъ, я принужденъ былъ отложить до другаго, болѣе благопріятнаго времени. Мнѣ кажется, что эти своды составляли подвальную часть какого-нибудь огромнаго зданія или храма языческаго, а можетъ быть и монастыря св. Никона, о которомъ, кромѣ устныхъ преданій, упоминается въ Патерикѣ, что онъ жилъ въ Тамани вовремя князя Черниговскаго Святослава Владиміровича. Здѣсь же пріобрѣлъ я двѣ серебренныя и одну мѣдную древнюю монету, которыя, въ числѣ прочихъ вещей, мною отысканныхъ, переданы Одесскому Обществу Исторіи и древностей.

Преданіе о существованіи на такъ называемой «Борисовой горѣ» въ Ахтанизовской станицѣ остатковъ нѣкогда обширнаго языческаго храма, а въ послѣдствіи монастыря во имя Святыхъ Бориса и Глѣба,

разрушеннаго Тимуръ-Ленгомъ, побудило меня осмотрѣть эту гору. Нынѣ въ самой Ахтанизовкѣ находится церковь во имя сказанныхъ угодниковъ Божіихъ. Она построена вся изъ камня, добытаго изъ развалинъ языческаго храма, о которомъ говорено выше. Въ этой церкви, налѣво отъ входа, нашелъ я два продолговатыхъ четыреугольныхъ камня, положенные одинъ на другомъ, на которыхъ поставлены Св. иконы; верхній изъ нихъ разбитъ пополамъ. На этихъ камняхъ прекрасно сохранилась греческая надпись, которая издана Ашикомъ въ его сочиненіи «Воспорское Царство» (часть I стр. 52, № 5).

Она гл.: «Ксеноклидъ, сынъ Посія, посвятилъ сей «храмъ Артемидѣ Звѣроловицѣ, въ бытность Парисада, «сына Левкона, Архонтомъ Воспора и Ѳеодосіи и ца«ремъ Синдовъ, Торетовъ и Дандаровъ.» Надпись эта весьма важна въ историческомъ отношеніи, относясь ко временамъ Воспорскаго государя Перисада, современника Александра Великаго, царствовавшаго за 348 лѣтъ до Р. Х. Важность ея заключается собственно въ томъ, что она указываетъ на обширность владѣній Воспорскихъ государей, исчисляя подвластные имъ народы.

По словамъ Ахтанизовскаго священника, благочиннаго Романа Радчина, съ которымъ бесѣдовалъ я объ этихъ остаткахъ древности, эти плиты вырыты изъ фундамента языческаго храма, при добываніи камня для постройки храма.

Въ 11 или 12 верстахъ въ сторону отъ станціи Сѣнной, въ татарскомъ селеніи Ады, около дома Сельскаго правленія, найдена мною продолговатая четыреугольная плита въ $2^1/_2$ аршина длиною, $3^1/_4$ ши-

риною и $^1/_4$ толщины, на оборотной сторонѣ которой сохранились четыре строки греческой надписи *.

По словамъ Адинскихъ поселянъ, этотъ камень давно привезенъ изъ окрестностей Хутора Сейдали, находящагося въ десяти верстахъ отъ Аула. Здѣсь же удалось мнѣ пріобрѣсти семь древнихъ мѣдныхъ монетъ.

Направляя путь мой далѣе по Кубани, я старался повѣрить предположеніе Г. Профессора Мурзакевича, высказанное имъ въ его «Исторіи о поселеніяхъ Генуэзцевъ въ Крыму» о томъ, не находилась ли древняя *Копа* на мѣстѣ нынѣшней *Копыльской* станціи? Но ни мѣстные распросы, ни розысканія въ пустынныхъ окрестностяхъ, не навели меня ни на какіе признаки существованія здѣсь когда-либо засселенія.

Въ Екатеринодарѣ, отставной сотникъ черноморскаго казачьяго войска Гвоздикъ сообщилъ мнѣ, что, въ бытность его въ дѣлахъ противъ Горцевъ, встрѣчалъ онъ каменныя бабы съ неизвѣстными надписями.

Въ Ставрополѣ я былъ счастливѣе: здѣсь нашелъ я, въ казенномъ саду, мраморную колонну въ $2^1/_2$ аршина вышины, съ греческою надписью, привезенную, по словамъ почетнаго гражданина Ивана Волобуева, изъ-за Кубани.

Указаніе Броневскаго на каменный истуканъ съ надписью, находившійся на Этоцкомъ ручьѣ, въ трехъ верстахъ отъ поста, на полугорѣ Темиръ-Кубглаки, называемый Кабардинцами Дука-бекъ, побудило меня осмотрѣть означенный памятникъ. Дѣйствительно я нашелъ его на указанномъ мѣстѣ, и какъ онъ клонился къ паденію, то я, съ дозволенія начальства,

* Надпись эта снята авторомъ, но такъ не точно, что нельзя разобрать въ ней ни одного слова. *Ред.*

перевезъ его и поставилъ въ Пятигорскѣ близъ Елисаветинскихъ минеральныхъ водъ, поправую сторону городскаго бульвара, откуда, по приказанію Князя-Намѣстника, онъ долженъ быть переставленъ въ Елисаветинскую галлерею *.

Въ Пятигорскѣ успѣлъ я добыть мѣдныя грузинскія монеты, царицы Русуданъ (около 1227 г.), дочери Тамары Великой, найденныя въ 1846 году на огородахъ Надежинскаго укрѣпленія, въ верховьяхъ рѣки Кефара. На истокахъ этой рѣки найдены кресты съ греческими надписями, именно два близъ Сидова Аула, на которыхъ ничего разобрать нельзя кромѣ словъ: ІС — ХС, МР — ΘV и ΔΟVΛΟϹ, и третій на рѣчкѣ Бежгонѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Надеждинскаго укрѣпленія, на которомъ, кромѣ того читается имя ΓΕΟΡΓΙΟϹ.

На пути въ Кисловодскъ, въ станицѣ Ессентукахъ, я поставилъ въ общественномъ саду три каменныя бабы, находившіяся на дворѣ тамошнихъ казаковъ и привезенныя изъ степи; а въ Кисловодской станицѣ срисовалъ каменный крестъ, находившійся на дворѣ Есаула Абукова. Крестъ этотъ, перевезенный нынѣ въ Пятигорскъ, имѣетъ 3 аршина длины, ¼ аршина толщины и столько же ширины и представляетъ имена «рабовъ Божіихъ Георгія и Іакова.» Онъ отрытъ поименованнымъ Есауломъ въ 1846 году на такъ называемой Римъ-Горѣ, въ станицѣ Боргустанской.

Разсказъ означеннаго Абукова о древней монетѣ, найденной однимъ изъ казаковъ Кисловодской станицы въ Заподкумской пещерѣ, и представленной имъ выс-

* Рисунокъ и описаніе этой статуи напечатаны въ III томѣ Записокъ Археол. Общ., Переч. Засѣд. за 1850 г., стр. 139—146. *Ред.*

шему начальству, заставилъ меня заняться осмотромъ стороны Заподкумской и раскопкою одного изъ кургановъ, въ которомъ, къ сожалѣнію, кромѣ азіатскихъ пуговокъ, ничего не найдено. Недалеко отъ этого кургана при дорогѣ находится каменный крестъ, длиною $3\frac{1}{2}$ аршина, нижній конецъ шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, толщина $\frac{1}{2}$ аршина, но безъ надписи.

Начальнику центра Кавказской линіи князю Эристову, въ бытность его въ Кисловодскѣ, я обязанъ древнею, но не полною греческою рукописью въ 32 листа in-12°, найденною въ Цебельдѣ и заключающею въ себѣ отрывки изъ Евангелія, Псалмовъ и молитвъ.

Доселѣ сохранившіяся здѣсь преданія, независимо отъ указаній Палласа и Броневскаго, о горѣ Боргустанской, именуемой также Римъ-горою, преданій, съ которыми связано имя Тимуръ-Ленга, будто-бы бравшаго приступомъ эту гору, принадлежавшую какой-то владѣтельной княгинѣ Акъ-билекъ («бѣлоручка»), переселившейся сюда съ верховьевъ рѣки Зеленчуга, гдѣ и донынѣ находится ея домъ и церковь съ надписями, заставили меня заняться повѣркой всего слышаннаго непосредственнымъ соображеніемъ съ мѣстностью, на которой будто-бы происходили помянутыя событія, и заняться этимъ изслѣдованіемъ довольно долгое время (отъ 19 Іюня до 21 Іюля 1849), тѣмъ болѣе, что успѣшности работъ полагала непреодолимыя препятствія ненастная погода. Я занимался раскопкою одного кургана въ станицѣ, гдѣ нашелъ только три мѣдныя монеты, и ѣздилъ въ окрестности для собранія возможныхъ свѣдѣній относительно этой баснословной горы. Они привели меня къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Названіе *Римъ-гора* есть искаженное азіатское *Румъ-калà* или *Урумъ-калè* («греческая крѣпость»),

какъ и теперь зовутъ ее мѣстные жители. Что здѣсь жили Греки, свидѣтельствуютъ и греческія надписи на крестахъ, остатки господствовавшаго здѣсь Христіанства.

2) Мнѣніе Палласа, положительно утверждавшаго, что гора эта никогда не была населена, неосновательно.

3) Мѣсто это было посѣщено Петромъ Великимъ въ 1721 году, слѣдовательно прежде при-каспійскаго края, что видно изъ надписи: «I. ПЕТРЪ. 1721.», высѣченной въ одной изъ пещеръ другой горы, обращенной къ югу, близъ Римъ-Горы.

Кромѣ двухъ крестовъ, изъ которыхъ одинъ желѣзный, а другой изъ смѣси металловъ, съ изображеніемъ Божіей Матери, и позолоченной ручки, можетъ быть отъ причастной лжицы; серебряной монеты съ прекрасно сохранившимися арабскими надписями и 9 мѣдныхъ монетъ, я открылъ на той же горѣ множество цистернъ, высѣченныхъ въ скалѣ, для скопленія дождевой воды; много пещеръ вокругъ горы съ человѣческими костями; части лука, серебрянныя подвѣски; родъ серебряннаго же браслета простой работы, сердоликъ изъ перстня и хрустальное ожерелье.

Тотъ же есаулъ Абуковъ сообщилъ мнѣ о находкахъ до меня сдѣланныхъ. Такъ онъ упомянулъ о какой-то глиняной вазѣ, отосланной въ С. Петербургъ, и о плитѣ съ надписью, находящейся на хуторѣ генерала Эммануеля близъ Ставрополя.

Производя раскопки съ сѣверо-западной стороны Румъ-кале, я открылъ лѣстницу, которая шла, по видимому, уступами, наподобіе нынѣшней керченской, ведущей на Митридатову гору.

Въ верхней части этой горы, съ южной стороны, находится пещера, при входѣ которой, на обвисшей

части наподобіе крынки, высѣчены три креста византійской формы: одинъ изъ нихъ большой, а два прочіе меньше. Эти находки, вмѣстѣ съ открытыми до меня, не оставляютъ сомнѣнія относительно прежней населенности горы Боргустанской. Между тѣмъ въ самой станицѣ, въ домахъ линейныхъ козаковъ, мнѣ удалось отыскать четыре камня, привезенные ими изъ окрестностей, съ остатками какихъ-то надписей и грубо высѣченными изображеніями человѣческихъ фигуръ, оленей и кружковъ.

Убѣжденный этими признаками въ населенности, я не ограничился станицею, но посѣщалъ и ея окрестности: такъ на дорогѣ къ Кисловодску, въ 4-хъ верстахъ отъ Боргустанской станицы къ западу, найдены мною еще четыре памятника съ остатками надписей.

Разсказъ осьмидесяти-лѣтняго казака той же станицы, Смирнова, бывшаго около двадцати лѣтъ въ плѣну у горцевъ, о существованіи на Подкумкѣ остатковъ древняго города, въ 13 или 14 верстахъ отъ Бургустана, заставилъ меня осмотрѣть сказанное мѣсто. Минуя Абуковъ аулъ и казачій пикетъ, верстахъ въ шести за послѣднимъ, мнѣ удалось замѣтить влѣвѣ тропинку, ведущую въ гору, почти по обрыву, къ плоскости вовсе незамѣтной снизу. Поднявшись на гору, я нашелъ ровную площадь, поросшую травой и замкнутую съ двухъ сторонъ остатками стѣнъ, сложенныхъ изъ камня безъ цемента, въ однихъ, а въ иныхъ мѣстахъ въ два и болѣе аршина вышиною и въ 2 и $2^1/_2$ сажени толщиною.

Постройка этихъ стѣнъ безъ цемента заставляетъ думать, что онѣ были построены до употребленія огнестрѣльнаго оружія, единственно для защиты отъ лучныхъ стрѣлъ. Къ сѣверо-востоку замѣтно основаніе воротъ.

Груды камней, положенныхъ правильными четырехъугольниками, а въ иныхъ мѣстахъ кругами, указываютъ на бывшія зданія. Впереди построекъ находится совершенно ровная площадка, подъ которой, при ударахъ по ея поверхности, раздается подземный гулъ, служащій доказательствомъ существованія подземелья. Средства не позволили мнѣ приступить здѣсь къ раскопкѣ, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности моей догадки, и я только отмѣтилъ это мѣсто нѣсколькими камнями.

На юго-востокъ есть мѣсто похожее на некрополь. Площадь горы господствуетъ надъ всѣми окрестностями; съ запада течетъ Подкумокъ, къ которому сводитъ упомянутая тропинка, а къ сѣверо-востоку ведетъ дорога къ глубокой обрывистой балкѣ, гдѣ находятся зимніе коши Карачаевцевъ; только юго-восточная часть ровна и доступна, и сюда-то мы воротились въ Боргустанъ.

Между Усть-Джегутинскимъ укрѣпленіемъ и Ямановскимъ постомъ, въ аулѣ князя Магомета Гирея Лоова, списалъ, по моей просьбѣ, Мухаммедъ-Эфенди 13 арабскихъ надписей, находящихся въ разныхъ мѣстахъ въ окружности этого аула.

Далѣе, въ верховьяхъ рѣки Джегуты, на плоскости высокой скалы, я нашелъ башню, называемую Ногайцами Джегута-Кестане (Черкесами Асхакъ или Косхакъ), въ два этажа, вышиною около 20, длиною въ 10½ аршинъ, а шириною въ 8 аршинъ. Башня эта, исключая упадшей вершины, совершенно цѣла; входа къ ней не было вовсе, кромѣ небольшаго отверстія, пробитаго снизу, чрезъ которое едва могъ я туда проникнуть. Можно полагать, что отверстіе было пробито непріятелемъ для сожженія башни. Это доказывается тѣмъ,

что въ стѣнахъ видны еще обожженные концы сгорѣвшихъ бревенъ и почти двѣ трети башни наполнены мусоромъ и камнями отъ разрушенныхъ ея сводовъ и верхнихъ частей стѣнъ. Я полагаю, что тамъ можно найти древнее оружіе.

Съ южной стороны башни, видны развалины десяти или болѣе каменныхъ домиковъ, за которыми двѣ толстыя стѣны уже развалившіяся, а между ними ровъ въ $1\frac{1}{2}$ сажени шириною, заваленный камнями и мусоромъ. Можетъ быть изъ этого рва былъ тайный подземный ходъ къ самой башнѣ, который, вѣроятно, заваленъ для того, чтобы непріятель не могъ туда проникнуть.

Отправившись отъ Джеңгутской башни, въ двухъ верстахъ отъ Таркачинскаго поста, нашелъ я огромную каменную плиту, всею длиною вросшую въ землю и покрытую травою; длина ея $7\frac{1}{4}$, ширина $1\frac{1}{4}$, а толщина $\frac{1}{2}$ аршина. На поверхности этой плиты находится рельефное изображеніе женщины, надъ головою которой что-то въ родѣ креста. Памятникъ этотъ называется Ногайцами Эльтаркачъ, по имени дѣвицы изъ племени Кара-Ногайцевъ, которая, по ихъ преданію, была столь сильна, что издали принесла этотъ камень подъ мышкой и положила въ этомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, камень этотъ, по ихъ словамъ, принадлежалъ мусульманамъ; но когда я перевернулъ плиту въ предположеніи, не имѣется ли на другой сторонѣ ея какой-либо надписи, то догадка моя оправдалась и я дѣйствительно нашелъ изображеніе Креста. Ногайцы, находившіеся при этомъ, были весьма удивлены такимъ явленіемъ.

Въ бытность мою въ аулѣ Магометъ-гирей Асева, я узналъ отъ его владѣльца, что на лѣвой сторонѣ

Кубани, въ мѣстѣ, называемомъ байталъ-чапканъ, находится древнее кладбище съ памятниками. Князь Магометъ-гирей-лоовъ взялся самъ указать мнѣ это мѣсто; и, дѣйствительно, въ двухъ верстахъ отъ его аула, переправившись за Кубань въ бродъ, съ-полверсты отъ берега, я нашелъ кладбище, какъ замѣтно по вросшимъ въ землю грудамъ камней, весьма древнее.

Послѣ внимательнаго осмотра всего кладбища, я нашелъ четыре памятника: 1) съ изображеніемъ оленя, подъ которымъ уцѣлѣли испорченные временемъ остатки греческихъ буквъ; 2) Крестъ съ отломаннымъ верхомъ, и на которомъ можно было разобрать только двѣ греческія буквы; 3) съ обѣихъ сторонъ изображеніе оленей и нѣчто въ родѣ креста, а по бокамъ изображенія въ видѣ полукруговъ, связанныхъ кольцеобразно: на верхнемъ концѣ изображеніе человѣка, а на нижнемъ что-то въ родѣ креста. Работа всѣхъ этихъ изображеній довольно хороша, не смотря, что они высѣчены въ дикомъ камнѣ. 4) Памятникъ изъ бѣлаго мрамора въ $4\frac{1}{2}$ аршина длины, $1\frac{1}{4}$ ширины и $\frac{1}{2}$ аршина толщины; кромѣ крестовъ съ одной стороны, онъ имѣетъ на другой сторонѣ греческую надпись, половину которой обнимаютъ рога изображеннаго подъ нею оленя. Этотъ памятникъ сдвинутъ съ каменнаго пьедестала, а возлѣ него находится вырытая, вѣроятно искателями кладовъ, огромная яма. Не въ далекомъ отъ кладбища разстояніи видны остатки разрушенныхъ жилищъ, вѣроятно обитавшихъ тамъ Христіанъ.

Часто встрѣчаемое во многихъ мѣстахъ этого края на надгробныхъ памятникахъ изображеніе оленя весьма замѣчательно, хотя трудно истолковать прямой смыслъ представленія животнаго, котораго жилище составляютъ пустынныя дебри. Невольно останавливаешься на идеѣ

странническаго пребыванія нашего въ этой юдоли, исполненной суетъ, которыми утружденная душа, подобно оленю, устремляющемуся на потоки водъ, ищетъ покоя въ соединеніи съ Богомъ. Но это поэзія; попытаемся, не заключается-ли тутъ историческаго факта, разрѣшающаго археологическую проблему. Извѣстно изъ находокъ въ гробницахъ пантикапейскихъ, что на нѣкоторыхъ вещахъ встрѣчается изображеніе этого животнаго; въ особенности можно указать на вещи, отысканныя въ Куль-обской гробницѣ, въ числѣ которыхъ находится серебряная ваза съ позолоченными барельефами, на которыхъ между прочими изображеніями представленъ грифонъ, терзающій оленя. Тоже животное весьма искусно оттиснуто на бляхѣ изъ электрума, которая была прикрѣплена къ изголовью царскаго гроба. Оно же замѣчается на запястьяхъ и другихъ мелкихъ украшеніяхъ древнихъ. И такъ изображеніе этого робкаго и быстроногаго жителя лѣсовъ не составляло-ли условной эмблемы земли или народа, находившагося подъ властію воспорскихъ государей, и не распространялись ли эти владѣнія до нынѣшней Большой или Малой Кабарды?

Подымаясь далѣе къ Карачаю, на пути между Николаевскимъ и наблюдательнымъ постомъ, я встрѣтилъ семь каменныхъ плитъ, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги, въ значительномъ разстояніи одна отъ другой; двѣ изъ нихъ представляютъ только плиты въ вертикальномъ положеніи, а кресты, которыя украшали ихъ вершину, сломаны и уничтожены. Длина одной изъ нихъ $4\frac{1}{2}$ аршина, ширина 1 аршинъ; длина же другой, на которой замѣтна еще часть одного перекреста, $3\frac{1}{2}$ арш., а ширина $1\frac{1}{2}$ аршина.

Двѣ плиты на каменныхъ пьедесталахъ одинакаго

размѣра и формы стоятъ одна возлѣ другой: на нихъ высѣчены концентрическіе круги. Казаки и Татары называютъ эти плиты «двумя братьями.»

Далѣе находится плита съ изображеніемъ Креста, обращеннаго къ западу; на ней находилась греческая надпись, изъ которой уцѣлѣло только нѣсколько буквъ: КОМН...С... Длина этой плиты надъ землею $4\frac{3}{4}$ арш., ширина снизу $1\frac{1}{2}$ арш. и сверху одинъ аршинъ.

Въ четырехъ верстахъ далѣе находится тоже плита съ высѣченнымъ на ней крестомъ; она стоитъ на горѣ между двумя скалами, изъ которыхъ первая именуется Некрасовскою крѣпостью, а вторая Ачъ-кая. Длина этой плиты 5 арш. и 3 вершка, ширина снизу $1\frac{1}{2}$ арш. и къ верху съуживается, толщина 6 вершковъ; изображеніемъ обращена къ востоку.

На углу Некрасовской скалы тоже на плитѣ находится изображеніе креста; длина плиты $4\frac{1}{2}$ арш., ширина одинъ аршинъ и 2 вершка.

На вершинѣ сказанной скалы, по словамъ мѣстныхъ преданій, существовала нѣкогда крѣпость и принадлежала Некрасовцамъ, ибо слѣды развалинъ съ южной и заваленный источникъ съ западной стороны еще видны. Здѣсь найденъ старинный мѣдный образокъ въ видѣ креста съ изображеніемъ Божіей Матери и буквами: IC — XC, и одна мѣдная стертая монета, по-видимому, византійская.

Тутъ же, на слѣдующей скалѣ, стоящей рядомъ съ предъидущими, сохранилось древнее строеніе въ родѣ погреба со сводами изъ правильно тесаннаго камня, въ ширину $4\frac{1}{2}$, въ длину $5\frac{1}{4}$ и въ вышину 4 аршина.

Около хумаринскаго наблюдательнаго поста находится каменный крестъ, на которомъ видны остатки греческой надписи.

Влѣво отъ наблюдательнаго поста, по дорогѣ, ведущей въ Бургустанъ, между горами, гдѣ добывается каменный уголь, находятся двѣ каменныя плиты, одинаковаго размѣра, стоящія одна противъ другой по обѣимъ сторонамъ дороги. Длина ихъ $5\frac{1}{2}$ аршинъ надъ землею; толщина $\frac{1}{2}$ арш., ширина одинъ арш., кверху съуживается. На плитѣ, стоящей по правой сторонѣ дороги, находится изображеніе къ видѣ якоря, а на стоящей по лѣвой сторонѣ — византійскій крестъ безъ всякой надписи.

Далѣе, между Старою и Новою Хумарою, съѣзжая съ горы, стоитъ при дорогѣ каменная плита, длиною $3\frac{1}{2}$ аршина надъ землею, ширина внизу одинъ арш., а кверху съуживается, толщина 5 вершковъ. По обѣимъ сторонамъ этой плиты находятся изображенія креста. На одномъ изъ нихъ, обращенномъ къ западу, находится стертая греческая надпись.

Въ $5\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Новой Хумары, по лѣвой сторонѣ дороги, недалеко отъ мѣста, гдѣ добывается каменный уголь, находится каменная плита съ изображеніемъ креста безъ надписи съ восточной стороны; длина плиты $5\frac{1}{2}$ арш., надъ піедесталомъ ширина одинъ аршинъ 3 вершка, толщина 6 вершковъ.

Въ полуверстѣ отъ этой плиты, на берегу Кубани, я нашелъ другую, врытую въ землю; по обѣимъ сторонамъ ея изображены прямоугольные кресты; длина $3\frac{1}{4}$ арш., ширина одинъ арш., толщина 5 вершковъ.

Я полагаю, что эти плиты поставлены тутъ съ цѣлію, указывать богомольцамъ путь въ церковь, находящуюся противъ укрѣпленія Хумаринскаго.

Въ ожиданіи возвращенія моего спутника изъ Карачая, я осмотрѣлъ церкви: одну — противъ Хумаринскаго укрѣпленія по лѣвой сторонѣ Кубани, на

горѣ называемой Цонѣ или Ціонѣ, также Хумранъ, и другую — за рѣкою Тебердой, отдѣльно стоящую на высокой горѣ.

Первая, трехъ-престольная, довольно прочное зданіе изъ тесаннаго камня, по-видимому не мѣстнаго; своды и куполы выведены изъ сженаго кирпича. Не встрѣтивъ внутри храма никакихъ изображеній, какими обыкновенно украшаются церкви, для благоговѣйнаго поклоненія молящихся, я не въ меньшее погруженъ былъ сожалѣніе, какъ и мои предшественники, посѣщавшіе прежде этотъ храмъ; но тщательно разсматривая стѣны храма, я замѣтилъ, что въ разныхъ мѣстахъ, по старой штукатуркѣ, наведенъ былъ слой глины толщиною въ ½ вершка. Очистивши ее старательно, открылъ я подъ нею изображеніе крестовъ и надписей, намалеванныхъ масляною краскою. Такъ, на правой сторонѣ средняго алтаря, изображенъ крестъ, окрашенный въ срединѣ желтою, а по краямъ черною краскою; въ срединѣ его видѣнъ терновый вѣнецъ; по сторонамъ же креста полуистертая греческая надпись: ΟΚ..ЄΒΟΗ..ΔΥΛΟϹ ΛЄ..ΗΟϹ (вѣроятно, имя раба Божія Леона, соорудившаго крестъ); въ нижней части креста: ΑΝΔΡЄΑϹ ΟϹΤ ΗϹ (Андрей....?)

Не менѣе замѣчательны три креста, изображенные по правую и лѣвую сторону боковыхъ алтарей, составленные изъ ломанныхъ линій, или зигзаговъ. Не думаю, чтобы такое начертаніе ихъ сдѣлано было безъ всякой разумной цѣли: главный стержень креста представляетъ лѣстницу, по обѣимъ сторонамъ снабженную ступенями, какъ бы знаменующими восхожденіе и нисхожденіе, перекладъ также составленъ изъ такихъ же линій, между которыми ясно можно видѣть на правой рамѣ римское число VII, а на лѣвой IV; въ

какомъ смыслѣ вставлены эти числа здѣсь, трудно разгадать; подъ однимъ изъ крестовъ видна довольно стертая греческая надпись: CЄ‥PΠΟΛΙCΚΟ.. (Сергій....?)

Близъ церкви видны слѣды кладбища и небольшія пещеры, вѣроятно могильныя; но надписей нѣтъ.

Послѣ обозрѣнія сказанной церкви, я съ большимъ трудомъ дошелъ до другой: эта церковь за Джанбулатъ-ауломъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Теберды, на высокой скалѣ, имѣетъ видъ крестообразный съ однимъ престоломъ; длина 13½, ширина 10½ аршинъ. Она построена изъ такого же матеріала, какъ и первая, богата изображеніями святыхъ угодниковъ, числомъ до 50, довольно хорошо сохранившимися, съ греческими надписями. На вершинѣ купола и на крышѣ подъ куполомъ выросли довольно толстыя деревья. У самой церкви находится большой могильный склепъ и нѣсколько разрушенныхъ строеній; при подошвѣ горы, къ рѣчкѣ, въ лѣсу, стоитъ четырехъугольный съ небольшимъ отверстіемъ памятникъ, сложенный изъ каменныхъ плитъ, а въ двадцати шагахъ отъ него — каменный крестъ безъ надписи.

Послѣднимъ мѣстомъ, посѣщеннымъ мною за Кубанью, было урочище, называемое Кара-Кентъ, находящееся между Ціонною и Байталъ-Чапканомъ. Найденныя здѣсь со стороны Байталъ-чапкана двѣ каменныя плиты не имѣли никакихъ надписей.

Въ Хумарѣ я ожидалъ спутника моего, который по прибытіи объявилъ мнѣ, что, на всемъ пути изъ Боргустана до самаго Карачая, онъ нашелъ только въ одномъ мѣстѣ памятники древности, именно на рѣчкѣ Маджра, текущей въ Кубань верстахъ въ пяти отъ послѣдней.

Тамъ, въ ущельѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими горами и называющемся именемъ той же рѣчки, находятся три квадратныя гробницы, стоящія рядомъ и сложенныя изъ дикаго тесанаго камня правильной формы и кладки, вышиною въ $2^1/_2$ арш., крытыя плоскими каменьями, съ кровлями, безъ надписей, съ окномъ въ каждой изъ нихъ, обращеннымъ на юго-западъ и выложеннымъ наподобіе русской печи. Тутъ же на сѣверномъ скатѣ горы, къ сѣверо-западу, почти на самой вершинѣ, въ едва доступномъ и то только для пѣшехода мѣстѣ, видѣнъ подобный же памятникъ съ конически-пирамидальною кровлею, кромѣ окна имѣющій двери, и, по словамъ г. Абиха, латинскую надпись на одной сторонѣ: FAUSTA FORTUNA, а на другой: I.......GANTI. Г. Абихъ сообщилъ, что какъ находящійся на вершинѣ, такъ и нижніе памятники имѣютъ сходство съ этрусскими, видѣнными имъ въ Италіи. Въ Караганѣ же узналъ онъ, что, недалеко отъ аула Картъ-юртъ, есть остатки древней крѣпости или храма съ надписями. Крѣпость эту называютъ туземцы Каля-калу и приписываютъ постройку ея Франкамъ, какъ они вообще называютъ Европейцевъ. Но время, а еще болѣе недостатокъ въ проводникѣ не дозволили ему осмотрѣть этотъ памятникъ и другія мѣста, находящіяся въ сторонѣ отъ дороги, по которой слѣдовалъ онъ съ отрядомъ, отъ котораго нельзя было ему никакимъ образомъ отлучиться.

Этимъ окончилъ я свои розысканія по Кубани, въ половинѣ сентября 1849 года. Чувствуя сильное изнеможеніе послѣ столь трудной дороги, я лишился возможности предпринять неменѣе трудный путь по Тереку, въ Чечню и Кумыкскія владѣнія, въ Дагестанъ, сообразно предназначенному плану, и потому, до по-

правленія здоровья, я отправился изъ города Георгіевска въ Маджаръ и ея окрестности.

Дѣйствительно, остатки нѣкоторыхъ памятниковъ древности и самая мѣстность, указываютъ на существованіе здѣсь древняго поселенія.

Такъ, въ селеніи Парасковеи (прежде ماجار *Маджаръ*), въ домѣ поселянина Предкова, найдена мною каменная плита съ арабскою надписью съ обѣихъ сторонъ; этотъ камень, по словамъ его, былъ найденъ имъ при копаніи колодезя въ саду и находился въ землѣ довольно глубоко (до 5 аршинъ). Тамъ же я досталъ одну серебряную монету, выкопанную изъ земли съ куфическими буквами *.

Въ селеніи Покойномъ, при входѣ въ церковь, въ стѣнѣ крыльца, найденъ обломокъ каменной плиты съ арабскою надписью, а въ домѣ поселянина Звѣздова нашелъ я два трехъугольные камня, какъ видно взятые изъ аркообразной двери мечети, чему служитъ доказательствомъ надпись на нихъ, заключающая стихъ изъ Корана. У него же я нашелъ четырехъугольный известковый камень, длиною $2\frac{1}{2}$ и шириною $\frac{1}{2}$ аршина, на которомъ рельефно изображены четыре какихъ-то звѣря; видно, по выдолбленнымъ въ немъ дирамъ для коробокъ, что камень этотъ служилъ порогомъ въ какомъ-либо зданіи.

Всѣ помянутые камни перевезены мною въ Пятигорскъ, для сохраненія ихъ отъ истребленія.

---

* Нельзя не сожалѣть, что отважный путешественникъ не представилъ при этомъ копіи съ надписи на плитѣ, ни снимка съ монеты. Можетъ быть, подобно памятникамъ села Болгаръ, онѣ представили бы какія-либо новыя хронологическія данныя о городѣ Маджарѣ. *Ред.*

Въ селеніи Владимиркѣ скопированы мною двѣ арабскія надписи съ каменныхъ плитъ, находящихся въ домѣ помѣщика того селенія г. Реброва. Онѣ привезены, по словамъ его, изъ селенія Покойнаго, въ числѣ прочаго матеріала, выкапываемаго изъ развалинъ древнихъ зданій *.

Въ развалинахъ городка Св. Креста, по мѣстному преданію, жили издревле Козары-язычники, вытѣсненные Христіанами-маджарами, а послѣдніе въ свою очередь также вытѣснены Татарами; здѣсь, говорятъ, существовали три храма, принадлежавшіе помянутымъ народамъ, смѣнявшимъ одинъ другаго.

Въ развалинахъ многочисленныхъ остатковъ зданій, при тщательномъ разсмотрѣніи, я не могъ найти ничего замѣчательнаго, кромѣ трехъ серебренныхъ монетъ, изъ которыхъ одна съ куфическими буквами, и осьми мѣдныхъ, выкопанныхъ изъ земли **. Изъ самыхъ развалинъ сохранилось одно обширное зданіе, вѣроятно храмъ, называемый мѣстными жителями «киркою» ***: оно построено было изъ муравленнаго зеленаго кирпича въ родѣ изразцовъ, которые поселяне употребляютъ нынѣ въ видѣ украшенія, вставляя съ наружной стороны домовъ, какъ память древности.

По словамъ старожиловъ, одинъ русскій путешественникъ копалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого городка

---

* Всѣ эти указанія на памятники съ надписями, находившіеся въ Маджарѣ, весьма любопытны, потому что свидѣтельствуютъ о томъ, что развалины этого города, подобно булгарскимъ, могли бы доставить даже теперь не мало матеріаловъ для изслѣдователя. *Ред.*

** Вѣроятно, джучидскія. *Ред.*

*** Вѣроятно, мечеть или надгробный памятникъ. *Ред.*

и нашелъ фарфоровые и разные металлическіе сосуды, которые отвезъ въ Петербургъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе остатки древностей этого мѣста истреблены и временемъ и людьми.

Возвратившись оттуда 13 октября въ городъ Георгіевскъ, я имѣлъ счастіе встрѣтить Князя-Намѣстника въ укрѣпленіи Нальчикъ, гдѣ и получилъ приказаніе Его Сіятельства производить розысканія въ Кабардѣ и въ возможно доступныхъ горныхъ мѣстахъ.

Затѣмъ въ Нальчикѣ пробылъ я нѣкоторое время, для собранія нужныхъ свѣдѣній и для отысканія благонадежнаго проводника изъ туземцевъ. Наконецъ, сблизившись съ нѣкоторыми старшинами и князьями Кабардинцевъ и другихъ горцевъ и ввѣрившись ихъ покровительству, я успѣлъ осмотрѣть и нѣкоторыя горныя мѣста внутри Кавказа. По указанію жителя аула Шарданова, Кабардинца Исмаила Шарданова, верстахъ въ шести отъ помянутаго аула и въ 12-ти отъ Нальчика, на правой сторонѣ рѣчки Шелухи, на горѣ, поросшей мелкимъ, но густымъ лѣсомъ, осмотрѣлъ я развалины круглаго каменнаго строенія, вѣроятно часовни или обители монаха, какъ о томъ говоритъ мѣстное преданіе, а въ шагахъ 20-ти отъ строенія къ югу — большой каменный крестъ, вставленный въ каменную же плиту, на которомъ высѣчены буквы: IC—XC; при самомъ же спускѣ съ горы къ рѣчкѣ, я встрѣтилъ двѣ лежащія большія каменныя плиты, тщательно соединенныя и вросшія уже въ землю; надъ ними былъ въ срединѣ въ $1\frac{1}{2}$ арш. квадратный тесаный камень; послѣдній легко былъ снятъ мною съ мѣста, но открыть нижнія плиты, чтобы удостовѣриться въ ихъ значеніи, не было возможности безъ особенныхъ на то средствъ и инструментовъ.

Противъ этого мѣста, на лѣвой сторонѣ той же рѣчки, возлѣ самой дороги, ведущей въ казенный лѣсъ, я нашелъ четыре большія плиты, рядомъ лежащія и также тщательно соединенныя и вросшія въ землю, такъ что онѣ образовали какъ будто полъ. Въ крайнюю плиту, съ сѣверной стороны, вставленъ въ обрубленное мѣсто большой продолговатый тесаный камень, неправильной формы, на которомъ изображенъ крестъ съ украшеніями, полуизгладившійся отъ времени.

Всѣ распросы мои у туземцевъ объ этомъ мѣстѣ остались безъ всякихъ послѣдствій. Наконецъ, для открытія хотя нѣкотораго свѣдѣнія объ этомъ мѣстѣ, я пожертвовалъ временемъ и трудами и нанялъ рабочихъ; снялъ верхнія плиты, но подъ ними оказался еще рядъ плитъ такой же кладки. Вскорѣ наступившая ненастная погода и потребныя значительныя средства не позволили мнѣ продолжать эту работу.

Около 12-ти верстъ отъ Нальчика, въ мѣстѣ, называемомъ Кендже, на горѣ въ лѣсу, есть развалины какого-то строенія, гдѣ находится небольшой каменный крестъ безъ надписи.

Между тѣмъ я получилъ извѣстіе о древнихъ книгахъ, хранящихся въ аулѣ Атанукина на рѣчкѣ Боксанъ, у одного Кабардинца, поимени Шогенова («Шогенъ» значитъ на кабардинскомъ языкѣ «священникъ;» фамилію эту онъ усвоилъ отъ отца или дѣда своего, бывшихъ христіанскими священниками, какъ онъ говорилъ; самъ же онъ нынѣ исповѣдуетъ мухаммеданскую вѣру.) Дѣйствительно, по прибытіи моемъ туда, при содѣйствіи владѣльца аула, мнѣ были показаны двѣ книги: одна въ четвертку, другая въ осьмую долю листа, писанныя на бумагѣ. По внимательномъ разсмотрѣніи, онѣ оказались греческія, содержащія въ себѣ

дневныя и праздничныя службы и Евангелія. Онѣ списаны дурнымъ почеркомъ, по увѣренію Шогенова, его дѣдомъ съ книги, писанной на кожѣ. Онъ не хотѣлъ уступить мнѣ тѣхъ книгъ ни за какія деньги, считая ихъ языкомъ духовъ, имѣющимъ чудесное свойство, и, пользуясь суевѣріемъ окрестныхъ жителей, Шогеновъ занимается, посредствомъ этихъ книгъ, излѣченіемъ разныхъ болѣзней, употребляя различные къ тому пріемы и движенія, читая ихъ по-своему дикимъ голосомъ на-распѣвъ, присвоивая каждой буквѣ особое названіе, и увѣряя всѣхъ, что это названіе разныхъ ангеловъ и духовъ, призываемыхъ имъ на помощь.

Разсказы Кабардинцевъ о курганѣ, находящемся на рѣчкѣ Урвани, въ аулѣ Джанхотъ, верстахъ въ 23 отъ укрѣпленія Нальчика, заставили меня осмотрѣть это мѣсто. Курганъ этотъ стоитъ возлѣ самой рѣчки; одна сторона его, подмываемая водою, обвалилась. Владѣлецъ аула нашелъ тамъ птичку, вылитую изъ серебра, собачку и бычка — изъ мѣди; первыя двѣ, какъ говоритъ онъ, въ отсутствіе его продала дочь его торгующему армянину Моздокскому за 5 рублей серебромъ, оставшагося же у него мѣднаго бычка я пріобрѣлъ у него и передалъ Н. И. Надежину для представленія Его Сіятельству графу А. А. Перовскому, находившемуся въ то время въ Крыму.

Мѣстное преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ былъ храмъ, поглощенный въ-послѣдствіи землею, отъ чего будто бы и образовался курганъ; но еслибъ храмъ провалился, то была бы яма, а не насыпь или курганъ! Въ обвалившемся мѣстѣ кургана находятся черепки изъ черной глины, зола, уголья и т. д. Я пытался разрыть курганъ съ противуположной стороны: оказались такіе же черепки и жженые кирпичи, имѣвшіе

квадратную форму въ 5 вершковъ, а толщиною $1\frac{1}{2}$ вершка. Мѣстные разсказы увѣряютъ, что внутри кургана есть подземное зданіе, и что, ударяя въ землю, слышатъ гулъ. Почему знать? можетъ быть, здѣсь окажется древняя катакомба.

Преданія, собранныя мною о томъ, что въ Чегемскомъ и Балкарскомъ ущельяхъ и другихъ мѣстахъ находятся въ древнихъ церквахъ многія книги, заставили меня предпринять туда путешествіе.

Для этого я пріобрѣлъ короткое знакомство одного горца и въ сопровожденіи его и нѣкоторыхъ другихъ князей горскихъ отправился въ путь изъ укрѣпленія Нальчика. Слѣдуя по рѣкѣ Боксанъ по весьма трудной и едва проходимой дорогѣ, мы прибыли въ аулъ Кабардинскаго князя Наурузова.

Тутъ, въ двухъ верстахъ отъ аула къ западу, на горѣ, мнѣ указано было разрушившееся строеніе на сводахъ изъ тесанаго камня, спаяннаго известковымъ цементомъ и бывшее, вѣроятно, могилою, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, одинъ изъ Кабардинцевъ нашелъ серебряный крестъ, величиною въ четверть аршина съ надписью. Но крестъ этотъ, вмѣстѣ съ другими вещами, найденными, по его словамъ, въ этомъ же склепѣ, переплавленъ.

Слѣдуя оттуда вдоль по Боксану, не доѣзжая съ версту, въ аулъ Озорукларъ, на вершинѣ едва доступной горы, замѣтна развалина каменнаго строенія, называемаго туземцами Калякολу. Взобравшись туда, я нашелъ разрушившееся строеніе, изъ котораго уцѣлѣла одна западная стѣна, вышиною около 6, шириною 10, а толщиною $1\frac{1}{2}$ арш., съ небольшимъ окномъ. Изъ развалинъ этого зданія выстроены обширные коши.

Только въ Чегемѣ я узналъ одно преданіе объ этомъ мѣстѣ, хранимое втайнѣ туземцами, что будто-бы въ подошвѣ той горы, надъ которою стоитъ помянутое строеніе, есть отверстіе, ведущее въ пещеру, находящуюся подъ самымъ строеніемъ. Въ этой пещерѣ хранятся книги, разныя вещи и оружія подъ проклятіемъ, а потому никто не рѣшается прикоснуться къ нимъ и даже открывать тайну эту другимъ подъ опасеніемъ дурныхъ послѣдствій.

Верстахъ въ 20-ти отъ послѣдняго аула, а въ 4-хъ отъ горной тропинки, идущей въ Чегемъ, въ мѣстѣ, называемомъ Геверджменъ, я нашелъ каменный памятникъ, имѣющій длины $3\frac{1}{2}$, шириною $\frac{3}{4}$ и толщиною $\frac{1}{2}$ арш., на которомъ высѣченъ крестъ величиною въ 6 вершковъ, но безъ надписи.

Въ Чегемскомъ ущельѣ, въ аулѣ Искильты, я осмотрѣлъ двѣ церкви: одна на правой, называется Артла, длиною $7\frac{3}{4}$, а шириною $5\frac{1}{2}$ арш.; другая на лѣвой сторонѣ Чегема, называется Фардикъ; длина $7\frac{1}{2}$, ширина $5\frac{1}{2}$ арш.; обѣ простой архитектуры, но не довольно прочны; онѣ изъ тесанаго камня, кромѣ небольшаго креста, высѣченнаго на преддверіи, онѣ никакого знака, ни украшенія не имѣютъ. Во второй церкви, состоящей въ самомъ аулѣ, съ лѣвой стороны двери, обращенной къ западу, находится изображеніе въ родѣ бараньей головы, высѣченной изъ камня.

Шагахъ въ десяти влѣво отъ этой церкви, къ сѣверу, находится склепъ, бывшій на сводахъ, уже разрушившійся и заваленный камнями. По словамъ жителей, одинъ изъ нихъ нашелъ тамъ продолговатую въ 3 вершка дощечку изъ неизвѣстнаго металла съ надписью, но она имъ утрачена. По очисткѣ мною камней, найдено множество человѣческихъ череповъ и костей,

смѣшанныхъ съ землею, доказывающихъ что склепъ этотъ былъ расхищенъ вѣроятно искателями кладовъ; тутъ же, кромѣ большихъ желѣзныхъ гвоздей отъ гробовъ, я нашелъ одинъ крестикъ мѣдный и двѣ серьги серебреныя.

Подъ церковью есть склепъ или погребъ, въ который входъ сдѣланъ съ восточной стороны; тутъ хранились книги и церковная утварь. При спросѣ объ этихъ вещахъ, жители аула отозвались, что дѣйствительно, какъ они слышали отъ предковъ своихъ, книги и вещи были, но уничтожены уже давно и неизвѣстно кѣмъ; одинъ же старикъ изъ среды ихъ по имени Хаджи-Засе, путешествовавшій въ Константинополь и жившій нѣсколько времени въ Египтѣ, сообщилъ мнѣ, что еще на его памяти мухаммедской вѣры здѣсь не знали; вѣроисповѣданіе было свободно: Христіане отправляли богослуженіе въ церквахъ, другіе приносили жертвы и исполняли разные обряды въ лѣсахъ подъ священными деревами и въ дикихъ скалахъ, и т. п. Только лѣтъ за шестдесятъ, одинъ Эфенди, прибывшій изъ Дагестана, началъ проповѣдывать здѣсь Коранъ и пріобрѣлъ много послѣдователей. Съ тѣхъ поръ Христіанство и другія вѣрованія уступили исламизму, который мало-по-малу сдѣлался господствующею вѣрою и въ другихъ горныхъ мѣстахъ. Книги же и прочая утварь, хранившіяся въ большихъ сундукахъ въ погребѣ подъ церковью и въ самой церкви, долгое время были неприкосновенны; къ самымъ церквамъ питали уваженіе родильницы и больные, ходили въ церкви на поклоненіе, дѣлали обѣты и приносили жертвы; но, назадъ тому лѣтъ около двадцати пяти, другой Эфенди, прибывшій также изъ Дагестана, увидѣвъ церкви и находящіяся тамъ книги и утварь, объявилъ народу,

между прочимъ, что книги тѣ писаны на языкѣ «невѣрныхъ», и какъ церкви, такъ и находящіяся въ нихъ вещи не принадлежатъ исламизму и не только не заслуживаютъ уваженія, но подлежатъ истребленію. Убѣжденія его достигли своей цѣли: часть книгъ и вещей была брошена въ рѣку, остальная сожжена торжественно, и изъ всего, по словамъ того же Зазсѐ, Эфенди оставилъ у себя только небольшую книжку, писанную на кожѣ съ разными украшеніями, вѣроятно Евангеліе. Онъ, во время проѣзда своего въ Мекку, подарилъ ее какому-то важному лицу изъ греческаго духовенства въ Константинополѣ (по словамъ его, *Улу-Имàмъ*). Это духовное лицо, щедро вознаградивъ Эфендія за это, просило его доставить ему изъ остальныхъ сколько будетъ возможно, обѣщавъ за то большую награду; но жадность Эфендія къ наградѣ осталась не удовлетворенною потому, что всѣ книги были уже уничтожены, по его же распоряженію.

Уничтоженіемъ книгъ и вещей, по внушенію Эфендія, уваженіе, питаемое жителями къ церквамъ, исчезло; больные и родильницы, ходившіе туда на покаяніе, потеряли вѣру и уваженіе къ нимъ, и теперь эти мѣста, бывшія нѣкогда святынями, совершенно запустѣли и превратились въ загоны для овецъ. Этотъ же Зазсѐ сообщилъ мнѣ, что многіе изъ жителей, какъ этого аула, такъ и многихъ другихъ, не исполняютъ въ точности постановленій исламизма, не ходятъ въ мечеть, не совершаютъ обрѣзанія и т. п.; нѣкоторые даже, не смотря на всѣ старанія духовенства, еще отправляютъ языческіе обряды въ священныхъ рощахъ и въ дикихъ скалахъ. Но разсказъ его былъ прерванъ жителями аула, которые, услышавъ объ этомъ, начали поносить его ругательствами и опровергать его раз-

сказы, желая скрыть какъ первоначальный бытъ свой, такъ и истребленіе книгъ.

На обширномъ кладбищѣ, находящемся при церкви Артла, видно нѣсколько надгробныхъ памятниковъ, сложенныхъ изъ большихъ тесаныхъ камней; но на нихъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ надписей.

Отъ Г. Швецова я слышалъ, что по обѣимъ сторонамъ рѣки Баксана и около рѣки Чегема находились статуи съ надписями и крестами; но не смотря на самыя тщательныя мои изысканія, я не могъ уже отыскать ихъ: по всему вѣроятію, онѣ истреблены жителями.

Въ этомъ же ущельи, верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ аула Томалай, около двухъ верстъ отъ горной тропинки, ведущей въ аулъ Безенги, вправо къ горамъ, на отлогости, именуемой Берди-бій, осмотрѣно мною древнее кладбище съ каменными памятниками, которыхъ насчиталъ я болѣе ста и на которыхъ высѣчены кресты, но безъ надписей. Какъ памятники, такъ и кресты на нихъ, совершенно похожи на видѣнный мною въ Геверджен ѣ, не доѣзжая въ Чегемъ. Напрасно искалъ я слѣдовъ жилищъ въ окрестностяхъ кладбища; время изгладило и признаки развалинъ.

Въ урочищѣ Безенги, находящемся недалеко отъ аула того же имени, также есть обширное древнее кладбище, въ срединѣ котораго стоитъ одинъ четыреугольный памятникъ, въ видѣ домика, безъ надписи. Преданіе относитъ это кладбище ко временамъ языческимъ.

Двѣ башни, одна въ самомъ аулѣ, на вершинѣ едва доступной скалы, другая на равнинѣ съ версту отъ аула, изъ тесаннаго камня въ три этажа, построены, говорятъ, дѣдами настоящихъ старшинъ и владѣтелей

аула. Невдалекѣ отсюда находится небольшая церковь длиною въ 5¼, шириною 3¾, высотою 4¼ арш., на стѣнахъ которой изображены альфреско 11 ликовъ Угодниковъ Божіихъ и видны полуистертыя грузинскія надписи.

Снаружи церкви, на сѣверной сторонѣ, находится полуистертое изображеніе св. Георгія на конѣ. Всѣ эти рисунки сдѣланы весьма грубо.

Урочище Хуламъ еще бѣднѣе остатками памятниковъ старины: существовавшая здѣсь церковь, по словамъ жителей, разрушена до основанія, и на томъ мѣстѣ осталась небольшая груда камней, разбираемыхъ жителями аула, какъ годный матеріалъ для построекъ.

Возлѣ этого мѣста сохранились два склепа на сводахъ изъ тесаннаго камня, служившіе вѣроятно могилами, уже раскопанные и расхищенные жителями, предполагавшими найти въ нихъ скрытыя богатства.

Спустившись внизъ отъ аула къ югу, за источникомъ, именуемымъ Кезлевъ или Гезлевъ, находятъ древнее кладбище, на которомъ хотя и есть нѣсколько каменныхъ плитъ, но безъ надписей.

Въ срединѣ кладбища стоитъ памятникъ въ видѣ домика, имѣющій 5 квадратныхъ аршинъ и около 6 арш. вышины, съ пирамидальною кровлею изъ каменныхъ плитъ. Внутри памятника была каменная плита съ надписью въ 9 строкахъ, которую видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Кабардинецъ подпоручикъ Магомедъ Шардановъ; но при всѣхъ розыскахъ, плиты этой къ сожалѣнію не оказалось, и жители, вѣроятно уничтожившіе ее или употребившіе въ строеніе, отозвались невѣдѣніемъ. Здѣсь же находятся двѣ башни, одна полуразрушившаяся въ самомъ аулѣ, на вершинѣ едва доступной скалы; другая болѣе уцѣлѣвшая, на двѣ

версты отъ аула къ сѣверу, выстроенная наподобіе замка въ трехъ отдѣленіяхъ, съ башнями съ обѣихъ концовъ. Все здаціе имѣетъ подъ собою земли въ ширину 15, а длину 40 аршинъ. Мѣстное преданіе относитъ постройку ихъ ко временамъ весьма отдаленнымъ.

Въ Балкарскомъ ущельи и на горѣ того же имени, взоръ путешественника поражается множествомъ башенъ, въ недальномъ разстояніи одна отъ другой построенныхъ и образующихъ какъ бы одну обширную крѣпость. Древнѣйшія изъ нихъ построены на едва доступныхъ скалахъ, другія на равнинѣ и въ срединѣ самаго аула, высотою въ 4, 5 и 6, одна даже въ 7 этажей; основаніе ихъ занимаетъ отъ 4 до 5 квадратныхъ саж.; кладка стѣнъ одна изъ самыхъ прочныхъ, шириною въ нижнемъ этажѣ въ сажень и болѣе. Это прекрасное ущелье, какъ видно, было предметомъ зависти сосѣдей и часто подвергалось нападеніямъ ихъ, что вѣроятно и было причиною сооруженія такого множества башенъ. Въ настоящее же время, когда подобная опасность миновала, башни совершенно опустѣли и приходятъ въ упадокъ. Постройку новѣйшихъ изъ нихъ относятъ къ XVI и XVII столѣтіямъ. Въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ башенъ, на самомъ верху сдѣланы крестообразныя окна, которыхъ края окрашены, что доказываетъ, что они принадлежали Христіанамъ; но жители отъ этого совершенно отказываются, отзываясь, что какъ они, такъ и предки ихъ, построившіе башни, были мусульмане.

Нѣкоторые изъ упомянутыхъ крестовъ на башняхъ уже отбиты нарочно; существовавшая здѣсь церковь, именуемая Ойтъ-Ойтъ-Каясы, съ надписями и украше-

ніями уничтожена еще въ недавнее время до основанія, такъ что малѣйшаго слѣда ея не осталось.

По осмотрѣ вышеупомянутыхъ мѣстъ, я, въ послѣднихъ числахъ Декабря, возвратился въ Нальчикъ, откуда выѣхалъ въ Владикавказъ.

По дорогѣ туда, верстахъ въ пяти отъ Змієвской станціи, переправившись за Терекъ, въ Малой Кабардѣ, верстахъ 7 или 8 отъ Илхотовскаго аула, я осмотрѣлъ каменный памятникъ около 6 аршинъ вышиною и одинъ арш. шириною, съ отбитою вершиною, лежащею возлѣ него; кромѣ надписи, на немъ изображены рельефно кресты, лики Святыхъ, между которыми находится Св. Георгій, поражающій змія; далѣе олень, пронзенный стрѣлою, и трехголовая змѣя. Надпись отъ времени обросла мхомъ, и для надлежащей очистки ея требовалось много времени. Я довелъ объ этомъ памятникѣ до свѣдѣнія командующаго войсками на Кавказѣ, и по его распоряженію памятникъ этотъ будетъ перевезенъ въ г. Пятигорскъ, какъ для надлежащаго изслѣдованія, такъ и для сбереженія отъ истребленія туземцами, подобно многимъ другимъ, уже уничтоженнымъ памятникамъ.

Здѣсь же, въ Астешировомъ аулѣ, я познакомился съ однимъ Осетинцемъ, который между прочимъ сообщилъ мнѣ, что у товарища его находятся древнія книги, писанныя на кожѣ и привезенныя изъ Чечни, гдѣ, по словамъ его, въ развалинахъ одного зданія въ пещерѣ, хранится много книгъ, писанныхъ также на кожѣ.

Въ слѣдствіе моей просьбы и предложенной денежной награды, онъ доставилъ мнѣ въ Николаевскую станицу весьма замѣчательные отрывки древняго еврей-

скаго кодекса пяти-книжія, писанные на кожѣ, обвернутые въ старую шелковую матерію, вышитую узорами.

Въ концѣ этой древней рукописи едва замѣтны были буквы приписки, которыя я возстановилъ чрезъ намачиваніе ихъ настоемъ чернильныхъ орѣховъ: оказалась слѣдующая приписка на еврейскомъ языкѣ: «Израиль искупленъ Господемъ. Спасеніе Израиля.... «да пріидетъ въ Сіонъ Искупитель. Искупитель нашъ «Господь Саваоѳъ, имя его Святыня Израилева. Да «возрадуется читающій... Израиля. Да возрадуется «и пожертвовавшій Барзилай въ Синагогу Кулхатъ.... «Аминь. Аминь. Въ лѣто 1281 нашего плѣненія; иску-«пленіе наше да приблизится, Господь.»

Всѣ старанія мои осмотрѣть мѣсто, гдѣ, по словамъ вышесказаннаго Осетинца, хранились тѣ книги, остались безуспѣшны, во-первыхъ потому, что сказанное мѣсто находится около крѣпости Грозной, въ довольно-опасномъ мѣстѣ, куда по этой причинѣ, такъ равно и по болѣзни и по другимъ обстоятельствамъ я ѣхать не могъ.

Кисловодскій казакъ, Осипъ Горячевъ разсказывалъ мнѣ, что, близъ аула Назрана, есть каменный храмъ, подъ которымъ находится склепъ, гдѣ видны человѣческіе останки.

Въ Кисловодскѣ у кабардинскаго князя, Али-шахманова, видѣлъ я металлическую вызолоченную тарелку, которая, по его словамъ, найдена у племени Сванетовъ. Она имѣетъ $4\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ; по краю идетъ крупнымъ греческимъ уставомъ слѣдующая надпись: ✱КРНХНЛКѠННННѠС ЄТОVС ЅѠNЅ № т. е. *Киръ Михаилъ Коминъ, года* 6856-*го*. (Что означаетъ послѣдняя буква, по неясности ея, трудно опредѣлить) 6856

годъ отъ Сотворенія соотвѣтствуетъ 1348 му отъ Р. Х. Въ это время дѣйствительно царствовалъ въ Требизонтѣ императоръ *Михаилъ* Комнинъ, вступившій на престолъ въ 1344 и низложенный въ 1349 году. Слѣдовательно, блюдо это весьма примѣчательно по имени императора, которому оно принадлежало или отъ котораго было кому-либо пожаловано въ 1348 году.

Пробывъ въ Пятигорскѣ въ теченіи курса лѣченія, я выѣхалъ оттуда въ Августѣ и въ Сентябрѣ прибылъ въ Симферополь.

Оставляя Кавказъ и тѣ мѣста его, на которыя, сознаюсь, пришлось мнѣ только взглянуть мимоходомъ, или остановиться на болѣе или менѣе непродолжительное время, я не могъ не пожалѣть, что многочисленные и разнообразные памятники, встрѣчаемые здѣсь, не подверглись болѣе тщательному и ученому осмотру и описанію. Сочту себя счастливымъ, если мои поверхностныя указанія спасутъ отъ забвенія хотя нѣсколько памятниковъ древностей и обратятъ на эту мѣстность ученыя изслѣдованія археологовъ.

Изъ розысканій моихъ въ горахъ Кавказа нельзя не убѣдиться, что была эпоха, когда Христіанство господствовало въ этой странѣ, которая въ-послѣдствіи, вовремя переворотовъ, совершившихся въ судьбахъ восточной Имперіи, откуда истекали на нее лучи этой вѣры, была забыта остальною частію міра, предана сама себѣ, и, раздираемая междоусобіями, подверглась вторженіямъ другихъ племенъ, бывшихъ причиною уничтоженія Христіанства и введенія мухаммеданской вѣры, существованіе которой въ этихъ краяхъ, какъ видно изъ письменныхъ памятниковъ, едва восходитъ за двѣсти или триста лѣтъ. Исламизмъ и доселѣ не

принялся здѣсь твердо, потому что, не смотря на самыя дѣятельныя мѣры мусульманскихъ проповѣдниковъ, и донынѣ въ обычаяхъ горцевъ сохранилось глубокое почтеніе къ святынямъ ихъ предковъ.

1851.

ОПИСЬ

Новгородскаго Спасо-Хутынскаго монастыря, 1642 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Спасо-Хутынскій Варлаамієвъ первокласный монастырь находится въ десяти верстахъ отъ Новгорода, къ сѣверу, внизъ по теченію рѣки Волхова, на правомъ его берегу. Онъ основанъ въ 1192 году преподобнымъ Варлаамомъ, который былъ сынъ богатаго новгородскаго гражданина Михаила * и въ мірѣ именовался Алексіемъ (Алекса Михалевичъ). Вмѣстѣ съ основаніемъ монастыря, преп. Варлаамъ построилъ каменную Спасо-Преображенскую церковь **, и при освященіи ея рукопoложенъ архимандритомъ Григоріемъ во игумены созданной имъ обители. Кончина его послѣдовала 6 ноября 1193 года, а обрѣтеніе его мощей совершилось въ 1440 году при святителѣ Евѳиміѣ Вяжицкомъ. Къ историческимъ событіямъ въ Хутынскомъ мона-

---

* Мѣсто рожденія и жительства преп. Варлаама, по преданію, было у часовни, названной въ честь родившагося Варлаамієвскою, по Софійской сторонѣ, въ прежнемъ Неревскомъ концѣ, близъ церкви Пантелеймоновской или Николо-Качановской, къ которой она принадлежитъ. Въ грамотѣ патріарха Никона 1655 года сказано, что часовня «устроена въ 1645 году на Росланѣ улицѣ, гдѣ прежъ сего стоялъ каменный крестъ, сънастари на томъ мѣстѣ жилъ чудотворецъ Варлаамій.»

** Новг. I, II. III и IV Лѣт., подъ 6700 годомъ. Послѣ построенія и освященія храма въ 1192 году, о преп. Варлаамѣ въ лѣтописяхъ не упоминается, и потому полагаютъ, что онъ на другой годъ скончался. Истор. Р. Іерарх., ч. VI, стр. 603 и 639.

стырѣ относятся: 1) крестный ходъ, учрежденный изъ Новгорода въ обитель св. архіепископомъ Григоріемъ еще при жизни преп. Варлаама *; 2) посѣщеніе обители царемъ Іоанномъ III въ 1472 году ** и другими великими князьями и царями, 3) пребываніе въ ней опустошавшаго Новгородъ шведскаго вождя Делагарди въ 1611 году; 4) посѣщеніе святѣйшихъ патріарховъ Макарія Антіохійскаго, Гавріила Сербскаго и Болгарскаго, ѣздившихъ тогда (1656) въ Новгородъ, *** и другихъ духовныхъ сановниковъ; 5) учрежденіе архимандріи въ 1608 году, типографіи въ половинѣ XVII вѣка, и каѳедры викаріевъ новгородской митрополіи (1759), управляющихъ имъ донынѣ ****; 6) вклады и пожертвованія князей, царей, императоровъ и другихъ именитыхъ лицъ въ нашемъ отечествѣ.

Предлагаемая опись Хутынскаго монастыря, повѣренная съ прежними переписными книгами, составлена и переписана въ-четвертку, на 189 листахъ, въ 1648 году, при вступленіи въ должность архимандрита Евѳимія I, и доселѣ хранится въ монастырской библіотекѣ. За подлинность описи ручаются скрѣпы ея по листамъ властей монастырскихъ: новоопредѣленнаго архимандрита, келаря, казначея, уставщика и ризничаго.

Опись эта даетъ намъ понятіе о русскихъ монастыряхъ XVII вѣка, въ тотъ періодъ, когда они владѣли вотчинами, помѣстьями и разными угодьями. Она указываетъ

---

* Истор. Рос. Іерарх., ч. VI, стр. 621. По причинѣ молчанія объ имени архіепископа, учрежденіе крестнаго хода приписываютъ архіепископу Антонію; но это не будетъ уже при жизни преп. Варлаама, а послѣ него.

** Новг. III Лѣтоп., стр. 211.

*** Истор. Рос. Іерархіи, стр. 624. Въ это время отъ патріарха Гавріила даны были Хутынскому архимандриту Евѳимію и всѣмъ его преемникамъ клобукъ и шапки греческія Св. Горы Аѳонскія, какъ видно изъ найденнаго списка съ патріаршей грамоты.

**** Тамъ же стр. 625.

и на то, какъ составлялись въ то время описи церквей, иконъ, утвари церковной и прочихъ принадлежностей монастырскихъ. Въ описи открываются намъ вклады лицъ и ихъ отношенія къ монастырю, открывается также и то, что не смотря на пребываніе шведскаго Делагарди въ Хутынскомъ монастырѣ, остались въ немъ не только храмы, но и колокола и многія церковныя вещи, устроенныя гораздо прежде разоренія Новгорода въ 1611 году. Изъ описи Хутынскаго монастыря получаемъ свѣдѣнія о церквахъ и церковныхъ вкладахъ XVII вѣка, въ настоящемъ или подлинномъ ихъ видѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о состояніи въ Россіи искусствъ и художествъ того времени.

Въ описи открываются многіе неизвѣстные предметы и тѣмъ болѣе наименованія древнихъ вещей, которыя прежде были въ употребленіи, а теперь забыты, хотя самыя вещи и сохранились донынѣ.

Къ вѣрному списку описи присоединены мною нѣкоторыя подстрочныя замѣчанія и объясненія лицъ и вещей, въ описи встрѣчающихся.

Архимандритъ Макарій.

Лѣта 7150 (1642) года маія въ 25 день, по государеву и цареву великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи указу, и по наказу боярина и воеводы Глѣба Ивановича Морозова [1], да дьяка Филипа Арцыбашева [2], Иванъ Ивановичъ Лерховъ, да подъячей Никита Гавриловъ, пріѣхавъ въ Спаской въ Хутынской монастырь, и въ томъ монастырѣ передъ архимандритомъ Евфиміемъ [3]. съ братіею, переписали церкви и въ церквахъ и въ монастырѣ всякое церковное и монастырское строеніе и церкви, жаловальныя грамоты и всякія запасы и въ казнѣ деньги и суды [4], и хлѣбъ стоячей и молоченой и въ земли сѣяной и на конюшихъ и на воловьихъ дворѣхъ всякой монастырской скотъ, и по прежнимъ переписнымъ книгамъ монастырскія вотчины и въ вотчинахъ крестьянъ и бобылей. А что какова церковнаго и монастырскаго строенія, и то писано въ сей книгѣ.

---

[1] О бояринѣ и воеводѣ новгородскомъ Глѣбѣ Ивановичѣ Морозовѣ упоминается въ Акт. Арх. Экспед. т. III стр. 460 и 464; въ Акт. Истор. т. IV стр. 401.

[2] О новгородскомъ дьякѣ Филиппѣ Арцыбашевѣ въ Акт. Арх. Экспед. т. III стр. 396, 417, 425, 442, 451, 460, 464, т. II стр. 43.

[3] Архимандритъ Евѳимій, въ ряду настоятелей Хутынскаго монастыря, значится по Истор. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 642.

[4] Подъ судами разумѣется домашняя посуда и вообще всякая рухлядь, а иногда въ частности церковные сосуды.

Въ новгородскомъ уѣздѣ монастырь Спаской-Футынской [5] стоитъ на берегу рѣки Волхова, а на монастырѣ четыре церкви каменныхъ [6].

Церковь соборная каменная во имя боголѣпнаго Преображенія Господня о пяти верхахъ. Главы всѣ обиты чашуею дубовою [7]. На большой главѣ крестъ деревяной обитъ мѣдью, призолоченъ сусальнымъ золотомъ [8]; подъ крестомъ яблоко мѣдное тощее [9] призолочено; на крестѣ и на яблокѣ золото полѣняло, а на четырехъ главахъ кресты желѣзные.

А въ церковь входъ съ трехъ сторонъ [10]; двери отъ западныя страны створчатыя, обитыя желѣзомъ бѣлымъ.

Двери отъ сѣверныя страны створчатыя дощаныя, а другія двери рѣшеткою — створчатыя. Двери отъ

---

[5] Произношенія: Хутынскій и Ѳутынскій, употреблялись въ старину безразлично, какъ и теперь употребляется у простолюдиновъ.

[6] Теперь въ монастырѣ три церкви, а четвертая домовая въ настоятельскихъ келліяхъ.

[7] Церковь Преображенская построена и освящена въ 1515 году на мѣстѣ прежней церкви, строенной преп. Варлаамомъ; Новг. III Лѣт. стр. 247, Ист. Росс. Іерарх. ч. VI стр. 610. Вмѣсто прежней чешуи, состоявшей изъ дубовыхъ остроугольныхъ плиточекъ, главы покрыты теперь крашенымъ желѣзомъ.

[8] Сусальное золото самой низкой доброты, впрочемъ листовое, и употребляется для позолоты незначительныхъ вещей.

[9] Тощее тоже, что и пустое, не имѣющее внутри никакого матеріала.

[10] Нынѣ входъ въ церковь съ западной стороны чрезъ паперть остался тотъ же, а съ сѣверной и южной измѣнился по случаю пристроенныхъ боковыхъ придѣловъ, чрезъ которыя впрочемъ можно пройти въ прежнія двери.

полуденной страны створчатыя дощатыя; одна сторона обита желѣзомъ чернымъ полицами [11], а другая сторона изъ церкви обита желѣзомъ бѣлымъ; въ тѣхъ же дверяхъ створцы деревяныя рѣшеткою.

А передъ церковью паперть съ одной стороны съ приходу, а въ паперетъ ходъ съ трехъ сторонъ [12]; у паперти же четыре столба каменныхъ. Церковь и паперть покрыты тесомъ, полатками въ два теса.

А у церкви же Боголѣпнаго Преображенія Господня на трехъ стѣнахъ въ верху на монастырь, на западной сторонѣ надъ церковными дверьми въ кіотѣ написанъ на стѣнѣ Спасъ Вседержитель, по сторонамъ Архангелы стоящіе, а кіотъ покрытъ сверху и по сторонамъ тесомъ [13].

Надъ сѣверными дверями въ кіотѣ Троица Живоначальная, по сторонамъ Никола Чудотворецъ да Алексѣй Митрополитъ стоящія.

Надъ полуденными дверями Пречистая Богородица Знаменіе, по сторонамъ преп. Антоній Римлянинъ, да Варламъ Чудотворецъ Хутынскій, стоящія; сверху и по сторонамъ кіотъ крытъ тесомъ [14]. У тѣхъ же у полу-

---

11 Полицами, тоже что̀ и пластами, листами, а по отношенію къ тёсу тёсинами.

12 А теперь, по случаю постройки новой паперти въ 1646 году (Истор. Росс. Іерарх. ч. VI стр. 612), входъ въ нее съ двухъ только сторонъ.

13 Изображенія остались тѣ же въ возобновленномъ видѣ, а кіотъ или карнизецъ надъ ними теперь устроенъ изъ желѣза.

14 Изображенія съ сѣверной и полуденной сторонъ тѣ же въ возобновленномъ видѣ, кромѣ Антонія Римлянина, который нынѣ замѣненъ Антоніемъ Римскимъ, ученикомъ преп. Варлаама. Кіотъ или карнизецъ надъ ними теперь устроенъ изъ желѣза.

денныхъ дверей, идучи въ церковь, на правой сторонѣ, противъ чудотворцовой раки съ надворья на стѣнѣ писанъ образъ Преподобный Варлаамъ Чудотворецъ стоящій, кіотъ сверху и по сторонамъ крытъ тесомъ.[15]

А въ церкви, Божія милосердія, образовъ[16]: двери царскія и сѣнь и столбцы деревянныя рѣзныя позолочены[17], на столбцѣхъ же[18] царскихъ дверей въ верху Спасъ, да Пречистая Богородица на серебрѣ басманномъ позолочены; на царскихъ же дверехъ въ верху на яблочки на створѣхъ на столбцы образъ Спасъ на Престолѣ вообраafженъ на серебрѣ золоченъ. Да образъ Спасъ Нерукотворенный обложенъ мѣдью призолоченъ.

Надъ царскими дверьми Дѣисусъ[19], стоящій, невеликъ, — пятнадцать образовъ обложены серебромъ бас-

---

[15] Теперь изображенія этого и кіота нѣтъ, по случаю пристройки придѣла Покровскаго въ 1676 и потомъ въ 1837 году въ настоящемъ его видѣ.

[16] Объ оставшихся образахъ съ 1642 года трудно судить по случаю неоднократныхъ перемѣнъ, исправленій и возобновленій иконостаса, хотя многія иконы въ главномъ иконостасѣ, какъ видно, сохранились отъ того времени.

[17] Нынѣшнія царскія двери устроены не прежде царствованія Анны Іоанновны, хотя и теперь онѣ рѣзныя сквозныя.

[18] Столбцы четвероугольные съ изображеніями по сторонамъ царскихъ вратъ были во всеобщемъ употребленіи при древнихъ новгородскихъ церквахъ.

[19] Подъ Дѣисусомъ (отъ греч. δέησις, моленіе) въ старину разумѣли изображенія Іисуса Христа съ предстоящими Божіею Матерію и Іоанномъ Предтечемъ, какъ ближайшими къ Господу нашими молитвенниками; разумѣли также цѣлый рядъ иконъ въ одномъ ярусѣ, какъ и здѣсь встрѣчается это слово; наконецъ разумѣли цѣлый иконостасъ, гдѣ на всѣхъ иконахъ святые изображены съ преклоненными главами, т. е. съ одной стороны молящимися за насъ ко Господу, а съ другой внимающими нашимъ молитвамъ.

менными, позолоченые [20], да въ томъ же числѣ два образа не въ окладѣ; а около Дѣисуса кіотъ деревянной; а на немъ травы литые оловянные, на рѣзное дѣло, на подзорѣ, позолочены.

На правой сторонѣ подлѣ царскихъ дверей въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: образъ мѣстной Преображеніе Господне на празелени [21]; а нынѣ по досмотру тотъ образъ писанъ на золотѣ, обложенъ серебромъ чеканнымъ позолоченнымъ; вѣнецъ у Преображенія Господня серебряной чеканной позолоченъ, а въ вѣнцѣ два яхонта лазоревые, да третей камень зеленая бирюза въ серебряныхъ гнѣздахъ позолоченныхъ, да жемчужина въ серебряномъ же гнѣздѣ позолоченомъ. Да прикладу у того образа гривенка [22] серебряная чекальная позолочена, да панагѣя кругла невелика, рѣзана на древѣ на обѣихъ сторонахъ, на одной сторонѣ Воплощеніе Пречистыя Богородицы [23], обложена серебромъ басмянымъ позолоченымъ, да у той же панагѣи глава серебряная позолоченая, а во главѣ на забочахъ [24] двѣ жемчужинки. А въ прежнихъ

20 Басменный окладъ, коимъ украшены были древнія наши иконы, состоялъ изъ мѣдныхъ или серебряныхъ и позолоченыхъ листовъ, на которыхъ выбивались или вытискивались разныя изображенія и фигуры.

21 Мѣстная икона сія осталась въ цѣлости.

22 Подъ гривенкою въ описи разумѣется цата, привѣшиваемая къ персямъ святыхъ для украшенія иконъ, а иногда отличается отъ цаты.

23 Подъ Воплощеніемъ Пречистыя Богородицы должно разумѣть Рождество не Спасителя, а Пресвятой Богородицы.

24 Забочами называются здѣсь проволоки ушковъ панагійныхъ, посредствомъ чего панагіи держатся и обращаются взадъ и впередъ; иначе назывались онѣ сѣнями.

переписныхъ книгахъ та глава и двѣ жемчужинки прописаны; да два креста аспидныхъ, а на нихъ Распятіе Господне литое серебряное позолочено; у одного креста пять жемчужинъ невеликихъ, да два камешка червчатыя [25] малы въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченныхъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ два камешки прописаны. Крестъ серебряной тощей сканной позолоченъ, на немъ Распятіе Господне серебряное литое позолочено, а на крестѣ надпись, мощи въ немъ Якова Перскаго да Варѳоломея Апостола и иныхъ святыхъ; а въ немъ два камешка червцы, да у главъ двѣ жемчужины. — Крестъ кипарисной рѣзной обложенъ серебромъ; на немъ врѣзано Распятіе Господне, а на другой сторонѣ Никола Чудотворецъ; да у Спасова же образа пять золотыхъ да двѣ копѣйки серебряныхъ позолочены; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: тѣ двѣ копѣйки золоченые, да двѣ копѣйки серебряныхъ; у Пророковъ два вѣнца серебряные чеканеные позолочены; да у Спаса на обѣихъ сторонахъ два вѣнца серебряные же чекальные позолочены; да по полямъ восмь кіотцовъ серебряныхъ рѣзныхъ позолоченныхъ, а на нихъ вырѣзано Отечество [26] да Апостолы; у того же образа подпись серебряная чекальная позолоченая. Да на той же Спасовой ризѣ Дѣисусъ невеликъ — одинадцать образовъ съ праздники, обложенъ серебромъ басмянымъ золоченымъ. А тотъ Спасовъ образъ и Дѣисусъ въ кіотѣ, а на кіотѣ травы литые оловянные на рѣзное дѣло позо-

---

[25] Червчатые камешки тоже, что и червленые или красные, называемые также червцами.

[26] Отечествомъ называлась изображеніе Троицы въ трехъ лицахъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго.

лочены на подзорѣ,[27] да у того же Спасова образа пелена бархатъ червчатая двоеморхотной[28], опушенъ бархатомъ червчатымъ золотымъ; на пеленѣ крестъ въ семнадцати дробницахъ[29] серебряныхъ басменныхъ позолочены; подложена та пелена крашениной лазоревой; да противъ того же образа свѣча поставная[30] восковая писана разными красками, а на ней налѣпа серебряная.

Образъ мѣстной: *О тебѣ радуется обрадованная;* а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ тотъ образъ на празелени, а нынѣ по досмотру тотъ образъ писанъ на золотѣ, обложенъ серебромъ басменнымъ, позолоченъ. У Спаса и у Пречистой Богородицы вѣнцы серебряныя сканныя[31] позолочены; да у Ивана Дамаскина вѣнецъ басменной серебряной позолоченъ; подпись серебряная съ финифтомъ; да у того же образа пелена бархатъ зеленъ, опушена бархатомъ вишневымъ золотымъ. На пеленѣ крестъ въ семнадцати дробницахъ серебряныхъ, позолочены; одна дробница поизмята, а

---

27 Подзоромъ назывался карнизъ или верхняя часть кіота.

28 Подъ червчатымъ бархатомъ понимали нынѣшній красный бархатъ; а двоеморхотнымъ назывался онъ потому, что имѣлъ съ обѣихъ сторонъ махровыя травы и былъ двоеличневымъ.

29 Дробницами назывались разной величины мѣдные или серебреные кружки, или даже четвероугольнички, изъ коихъ составлялись на пеленахъ кресты. Дробницы были съ разными чеканными изображеніями.

30 Поставными назывались большія свѣчи, поставляемыя безъ перемѣны на подсвѣчникахъ, въ отличіе отъ малыхъ свѣчей, кои большею частію прилипались къ иконамъ или подсвѣчникамъ.

31 Сканными вѣнцы назывались тѣ, которые по мѣдной или серебряной дскѣ состояли изъ сученыхъ нитей съ разными узорами.

другая переломлена; а та пелена подложена крашениной лазоревой; да противъ того же образа свѣща поставная восковая, писана разными красками [32], налѣпа на свѣщи оловяная. А образъ: О тебѣ радуется, въ деревяномъ кіотѣ; а на кіотѣ травы литыя оловяныя на рѣзное дѣло, позолочены на подзорѣ.

Образъ мѣстной Преподобнаго Варлаама Чудотворца въ чудесѣхъ, писанъ на золотѣ, обложенъ серебромъ басменнымъ, позолоченъ; вѣнцы у Спаса и у Чудотворца серебряныя рѣзныя позолочены съ ѳинифтью. У чудотворца въ вѣнцы камень тумпасъ, да два камешка червчаты винисы, въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ; да прикладу у того образа гривенка серебряная чеканеная позолочена; да осемь золотыхъ; да вновь приложенъ золотой по бывшемъ архимандритѣ Паѳнотіи[33]; двѣ копѣйки серебряныхъ позолочены, крестъ серебряной слитой невеликъ; понагія рѣзная на раковины, Одегитрія Пресвятыя Богородицы; обложена серебромъ: крестъ серебряной тощей, а на немъ надпись; мощи въ немъ Ивана Предтечи, древо жезла Моисеева, мозгъ великомученика Стефана Новаго, древо бесѣды Пресвятыя Богородицы, персты семи отроковъ, мощи преподобныя Евпраксеи, кожицы древа, подъ нимъ же Пречистая и Христосъ, и мощи св. отецъ, иже въ Раифѣ избіенныхъ, мγро великомученика Димитрія; да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ у того

---

[32] Двѣ свѣчи XVII вѣка, писанныя разными красками и съ надписями, остались въ цѣлости въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ, въ ружной церкви, находящейся на семинарскомъ дворѣ; а налѣпы доселѣ находятся въ употребленіи.

[33] Архимандритъ Пафнутій былъ предмѣстникомъ Евѳимія, при которомъ составлена эта опись, и до схимы именовался Пахоміемъ. Ист. Росс. Іер. ч. VI, стр. 642.

же образа вново прикладу: четыре копѣйки серебряныхъ позолоченыхъ, да три копѣйки серебряныхъ, да крестъ тощей сребряной, а на немъ вырѣзано Знаменіе Пресвятыя Богородицы, а на крестѣ надпись, что въ немъ мощи святыхъ; два креста сребряныхъ невелики, да складни рѣзаны на кости — Знаменіе Пречистыя Богородицы; а на другой дски Троица Живоначальная, и по другую сторону тое цки Распятіе Господне, да трехъ Святителей. А тѣ складни обложены сребромъ сканнымъ позолоченымъ. У одной дцки глава сребряная позолочена, а во главѣ вставлена жемчужина въ сребряномъ гнѣздѣ позолоченомъ; а у другой дцки главы нѣтъ, да крестъ серебряной съ ѳинифтой, да у того же образа пелена бархатъ червчатъ двоемархотной, опушена бархатомъ зеленымъ золотнымъ; на той пелены крестъ былъ въ семнадцати дробницахъ, а на немъ по досмотру только двѣ дробницы цѣлыхъ серебряныхъ позолочены, а третья дробница помята, да пять дробницъ по четверти изломаны, а подложена та пелена крашениною лазоревою, да передъ тѣмъ же образомъ свѣча поставная восковая, писана разными красками, а на свѣчи налѣпа оловяная; а тотъ образъ въ кіотѣ деревяномъ, а на кіотѣ травы литые оловяные позолочены на рѣзное дѣло на подзорѣ. Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ въ прибыли: пелена шита золотомъ по отласу по червчатому, круживо кованое серебряное, и та пелена опушена отласомъ червчатымъ золотымъ, а подложена та пелена крашениною желтой. А по сказкѣ ризничаго чернаго дьякона Силивестра, тую де пелену *приложилъ думный дьякъ Михаило Даниловъ*[34].

---

[34] О думномъ дьякѣ Михаилѣ Даниловѣ, въ Акт. Арх. Экспед.

Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія въ кіотѣ, пядница [35], обложена серебромъ сканью, позолочена по полямъ съ финифтомъ; вѣнцы у Пресвятой Богородицы и у Спаса серебряныя, скальныя позолочены, а въ вѣнцѣ у Пресвятой Богородицы три камешка, два хрусталя подкрашены, а третей камень бирюза зеленъ, въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченныхъ; да у Пречистой же Богородицы убрусецъ жемчужный, а въ убрусѣ звѣзда жемчужная, пять петелекъ, а въ звѣздѣ камень хрусталь подкрашенъ; да у Пречистой же Богородицы рясы [36] жемчужныя, а въ рясахъ два камешка середнихъ сердолики, да у Пресвятой же Богородицы ожерелье жемчужное о пяти головкахъ, низано видъ на подзорѣ жемчугъ большой; а у Спасова образа въ вѣнцы камень бирюза зеленъ да въ жемчужины въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолочены; а на створѣхъ у кіота на одной доски Апостолъ Петръ, да Михаилъ Архангелъ, да преподобная Домникѣя, да Климентъ Анкирскій; а на другой доски, Архангелъ Гавріилъ, да Іона Архіепископъ, да Варламъ Футынскій, обложены серебромъ басменнымъ, позолочены; вѣнцы у всѣхъ серебряныя сканныя позолочены, подписки на серебрѣ съ финифтомъ; да у того же образа пелена шита по отласу по зеленому золотомъ волоченымъ и разными шелки; а на той пеленѣ вышито образъ Успеніе Пре-

---

Т. III стр. 28, 121, 126, 129, 160, 274 и проч.; въ Акт. Истор. Т. IV стр. 25 и 27.

35 Пядницами иконы назывались по измѣренію пядями; но пяди сіи были неровныя, и потому иконы назывались пятницами большими и малыми.

36 Рясами здѣсь называются рукава у древней широкой одежды, въ которой изображается и Божія Матерь.

святыя Богородицы, а у святыхъ у всѣхъ на пеленѣ вѣнцы обнизаны жемчугомъ мелкимъ; кругомъ пелены молитва Пречистой Богородицы, слова низаны жемчугомъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ прописано, что та молитва низана жемчугомъ, а та пелена подкищена [37] шелкомъ червчатымъ, а подложена та пелена крашениною лазоревою. У Спасова же образа въ вѣнцы одиннадцать жемчужинъ на одной пряди, да около вѣнца былъ жемчугъ на одной пряди, и нынѣ того жемчугу только шеснадцать жемчужинъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ жемчугъ прописанъ. У того же образа прикладу понагѣя Страстотерпца Георгія синалойная, [38] обложена сканнымъ серебромъ, позолочена, глава серебряна позолочена; на панагѣи и по полехъ и во главѣ семь жемчужинъ, да два камешка зелены въ серебряныхъ гнѣздахъ позолоченыхъ.

Понагѣя синолойная Воскресенія Христова, обложена серебромъ сканнымъ, позолочена, глава сребряная позолочена. Понагѣя Николы Чюдотворца синолойная, обложена серебромъ сканнымъ, позолочена, глава серебряная же позолочена, во главѣ камешекъ червчатъ; да на поляхъ три камешка, одинъ камешекъ яхонтъ лазоревъ разшибенъ невеликъ, а другой камешекъ червенъ, а третій подкрашенъ, въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ, да гнѣздо порозжее серебряное позолоченое.

Образъ пядница Св. Пророка Наума да Василія Блаженнаго въ облацѣ; св. образъ обложенъ серебромъ

---

37 Подкищена тоже, что подшита или вѣрнѣе подпушена.

38 Синолой, на коемъ вырѣзывались панагіи, имѣетъ сходство съ чернымъ деревомъ и представляется костью по своей необыкновенной твердости и крѣпости.

басменнымъ позолоченъ, звѣзды у всѣхъ сканныя, подложенъ крашениною лазоревою.

Образъ Пресвятыя Богородицы Знаменіе, пядница, въ кіотѣ, обложена серебромъ басменнымъ позолоченымъ. У Спаса и у Пречистой Богородицы вѣнцы серебряные сканные позолочены, да на поляхъ писаны четыре святыхъ, а у нихъ вѣнцы басменные позолочены серебряные, а на створѣхъ Иванъ Предтеча да Архангелъ Михаилъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ. У Предтечи и у Архангела вѣнцы и цаты серебряные сканные позолочены, да у Пречистой же въ вѣнцы три камешка, два хрустальные подкрашены, да третей камень зеленъ, въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ, да подпись и ожерельцо низоно жемчужкомъ. Да у того же образа прикладу — понагѣя синолойная, а на ней вырѣзанъ образъ Іоанна Предтечи, у той понагѣи главы нѣтъ, а по полямъ вставки — жемчужина, да камешекъ бирюза, да два камешки зеленыя, да крестъ серебряной литой, да гривенка серебряная басменная позолочена, а подложенъ тотъ образъ крашениною лазоревою. Да противъ праваго крылоса межъ большихъ поставныхъ свѣчь образъ Пречистыя Богородицы Знаменіе въ кіотѣ, икона большая четырехъ пядей, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ; у Пречистой Богородицы и у Спасова образа вѣнцы серебряныя басменныя золочены; въ вѣнцы у Пречистой Богородицы убрусецъ низанъ жемчугомъ середнимъ, а исподней пряди нѣтъ, въ челѣ у Пречистой Богородицы репей серебряной позолоченъ, въ репьѣ и въ гнѣздѣ жемчужина, да у Пречистой Богородицы ожерельцо низано жемчугомъ, а по исподнему краю низано жемчугомъ въ одну нить, да у Пречистой Богородицы зарукавьицо низано жемчугомъ мелкимъ, а у

кіота на створѣ два Архангела Михаилъ и Гавріилъ на празелени, а кіотъ въ длину пять пядей меньшихъ, а въ ширину полупяты пяди, [39] обложенъ кожею красною, а петлицы и скобицы лужены желѣзные. У того же образа пелена тафта червчата ветха, на ней крестъ пришитъ миткалинной, а подложена та пелена крашениною лазоревою.

Образъ Воскресеніе Христово, пядница большая, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; у того же образа шесть вѣнцовъ серебряныхъ сканныхъ позолоченыхъ, а по полямъ на дскахъ литыхъ, серебряныхъ вырѣзано восемь святыхъ, подпись на серебри съ ѳинифтомъ, а на затворѣхъ на обѣихъ сторонахъ писана седмица — о серединѣ на золотѣ, а по полямъ празелень. У того же образа пелена камка червчата, а на пеленѣ вышита церковь золотомъ и серебромъ, да на той же пеленѣ два креста невелики низаны жемчугомъ, около пелены слова шиты золотомъ и серебромъ: «Воскресеніе Христово видѣвше поклонимся,» а подложена та пелена зеньденью желтою.

На лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ дверей образъ мѣстной Живоначальныя Троицы писанъ нараскахъ, около писана Бытья, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнцы у Троицы серебряные сканные позолочены съ финифтью, а въ вѣнцахъ вставки въ серебряныхъ гнѣздахъ позолоченыхъ, яхонтъ лазоревъ, да шесть камешковъ червчатыхъ, да три камешка лазоревыхъ. У того же образа прикладу три понагѣи серебряные, сканные, позолочены съ финифтью, подъ хрусталемъ воображенъ Спасъ, да Пречистая Богородица, да Иванъ Предтеча, да крестъ серебрянъ не

---

[39] Полупяты пяди значитъ $4\frac{1}{2}$ пяди.

великъ, а въ тѣхъ понагѣяхъ вставки — шесть камешковъ лазоревыхъ въ серебреныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ, да шесть камешковъ червцы; у двухъ понагей главы серебряные позолочены, а въ нихъ вставки, двѣ раковины въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ, а у третей понагѣи главы нѣтъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ у тѣхъ понагей вставки каменья и раковины прописаны. Да у того же образа пелена бархатъ червчатъ двоемархотной, опушена бархатомъ же червчатымъ золотнымъ, а на той пеленѣ крестъ въ семнадцати дробницахъ серебряныхъ басменыхъ золоченыхъ, и изъ того числа шесть дробницъ порченыхъ, края поотломаны; подложена та пелена крашениною лазоревою. Передъ тѣмъ же образомъ свѣча восковая поставная, писана разными красками,налѣпа на свѣчи серебряная.

Образъ мѣстной Пречистыя Богородицы Одегитрія, по сторонамъ два Архангела, а около писаны кондаки и икосы, обложенъ серебромъ басменнымъ позолоченымъ. У Пречистой Богородицы, у Спаса и Архангеловъ вѣнцы серебряные сканные позолочены съ финифтомъ; а въ вѣнцахъ у Спаса и у Богородицы пять камней червчатыхъ, да два камени лазоревы; да у того же образа прикладу: крестъ деревянной рѣзной, — на одной сторонѣ Знаменіе Пресвятыя Богородицы съ праздники; а на другой сторонѣ Распятіе Господне; обложенъ тотъ крестъ серебромъ. На обѣихъ сторонахъ у креста вставки — восемь каменевъ червчатыхъ достокановъ, да по сторонамъ четыре камени червцы; у того креста глава серебряная позолочена, а въ главѣ вырѣзанъ Спасовъ образъ, а на томъ крестѣ подпись: «въ немъ мощи святыхъ»; да крестъ аспидной обложенъ серебромъ рѣзнымъ позолоченымъ, у того же креста глава

серебряная позолочена, а у того же креста шестнадцать жемчужинъ; да у того же образа пелена бархатъ зеленъ, опушена бархатомъ вишневымъ золотымъ; а на той пеленѣ крестъ въ семнадцати дробницахъ серебреныхъ басменныхъ позолочены, двѣ дробницы помяты; подложена та пелена крашениною лазоревою; да передъ тѣмъ же образомъ свѣча поставная восковая, писана разными красками, налѣпа на свѣчи оловяная.

Образъ мѣстной Пречистые Богородицы Покровъ, на празелени, обложенъ серебромъ басменнымъ, позолоченъ. У Пречистой Богородицы вѣнецъ сканной серебряной позолоченъ. У святыхъ вѣнцы басменныя серебряныя позолочены. У того же образа пелена бархатъ червчатъ, двоемархотной, опушена алтабасомъ золотнымъ. Крестъ на той пеленѣ былъ въ семнадцать дробницахъ, а нынѣ всего пять дробницъ серебряныхъ басменныхъ позолочены; а тѣхъ всѣхъ дробницъ нѣтъ; а подложена та пелена крашениною лазоревою. Да передъ тѣмъ же образомъ свѣча поставная деревяная, писана разными красками, налѣпа на свѣчи оловянная.

Образъ Іоанна Богослова стоящей, обложенъ серебромъ басменнымъ, позолоченъ, вѣнецъ серебряной басменной позолоченъ; на томъ же образѣ подпись серебряная; пелена у того образа тафта червчатая, крестъ на той пеленѣ шитъ шелкомъ лазоревымъ; подложена та пелена крашениною лазоревою, да передъ тѣмъ же образомъ свѣча поставная деревяная, ткана разными красками, налѣпа на свѣщи оловяная.

А всѣ тѣ четыре образа мѣстныя въ кіотѣ, а на кіотѣ травы литыя оловянныя, на рѣзное дѣло, позолочены на подзорѣ.

Да противъ лѣваго крылоса межъ поставныхъ свѣчь:

образъ Пречистыя Богородицы Знаменіе, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ. У Спаса и у Пречистой Богородицы вѣнцы и гривенка серебряные сканныя позолочены: да у Пречистой же Богородицы вѣнчикъ жемчужной низанъ; а въ вѣнцы у Пречистой Богородицы три камени червчаты, а въ гривенки у Пречистой Богородицы два камени червцы въ серебряныхъ гнѣздахъ позолочены, да два камени лазоревы, да жемчужина въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ; да у Пречистой же Богородицы на поляхъ четыре святыхъ стоящихъ, а на нихъ вѣнцы серебряныя сканныя позолочены; а на створѣхъ у кіота празники Господскія; у того же образа въ верху Отечество, а по сторонамъ Херувимъ, а внизу у створѣхъ Моленіе Святыхъ московскихъ и новгородскихъ многихъ Чудотворцевъ; у того же образа пелена ветчана тафта червчата [40], опушена тафтой желтою, на пеленѣ крестъ шитъ серебромъ, а кіотъ поволоченъ [41] кожею красною, петли и крюки желѣзныя луженыя.

Да въ той же церкви у полуденныхъ дверей въ углу, надъ Чудотворцомъ Варламомъ, рака съ двухъ сторонъ: въ возглавіи да съ сѣверныя страны дцки серебряныя, чеканное дѣло, позолочены, а на дцкахъ четыре круга, а на кругахъ слова и подпись чеканная же, а на верху чудотворцовой раки дцка обложена серебромъ чеканнымъ позолочена, а на дцки образъ Чудотворца Варлама чеканенъ, въ образѣ вѣнецъ у Чудотворца и подпись чеканная же, а на верхнемъ полѣ въ возглавіи у Чудотворца Варлама на той дцки Всемилостивой Спасъ, а по сторонамъ два святыя Ни-

---

[40] Тафта ветчана червчата, т. е. ветхая, красная.

[41] Поволоченъ — покрытъ, или вѣрнѣе, обитъ.

кола Чудотворецъ да святый мученикъ Миронъ, чеканныя же, позолочены, а исподнія краи съ тѣхъ же съ двухъ сторонъ обложены мѣдью позолочены, а съ двухъ сторонъ у той же чудотворцовой раки обложено мѣдью гладкою полуженою. Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло вновь въ вѣнцы у Чудотворца Варлама три камени, два червчаты, а трети лазоревъ, въ серебряныхъ гнѣздехъ позолоченыхъ, а около вѣнца и около главы Чудотворца Варлама низано жемчугомъ въ одну прядь, а прядь серебряная, а прибита прядь около вѣнца, и вѣнцы около главы Варлама Чудотворца петельками серебряными позолочеными; а по скаскѣ ризничаго старца Селивестра, тотъ же жемчугъ и каменье приложилъ къ Чудотворцу Варлама Осипъ Ивановичъ Сукинъ.[42]

А на чудотворцовой ракѣ покровъ камка червчата кармазинъ, на покровѣ крестъ въ сорокѣ въ дву дробницахъ серебряныхъ басменыхъ позолочены, а тотъ покровъ подложенъ крашенинною. Да покровъ бархатъ зеленъ, на томъ покровѣ крестъ сдѣланъ въ дробницахъ, а въ немъ тридцать одна дробница выбиваны серебряныя гладкія позолочены, да четырѐ дробницы серебряныя басменныя позолочены; а покровъ обложенъ бархатомъ червчатымъ, а подложенъ тотъ покровъ киндякомъ лимоннымъ, а около обложена подкладка крашенинною желтою. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ у того покрова опушка и подкладка прописаны. А тотъ покровъ данье думнаго дьяка Михаила Данилова.[43]

---

[42] Стольникъ и воевода Осипъ Ивановичь Сукинъ упоминается въ Акт. Арх. Экспед. т. IV, стр. 144 и 174.

[43] О думномъ дьякѣ Михаилѣ Даниловѣ было замѣчено прежде.

Да по скаскѣ ризничево старца Селиверста положено въ чудотворцову раку запона камкосѣйная, червчатая, а по ней травы желтыя, по сторонамъ два креста бѣлаго миткалю.

Да на чудотворцовой же ракѣ покровъ камка таусинная; на покровѣ образъ Чудотворца Варлаама шитъ шелкомъ зеленымъ и желтымъ; во облацѣ Спасовъ образъ шитъ золотомъ и серебромъ; у Спаса и у Варлаама вѣнцы шиты золотомъ и серебромъ, а около вѣнцовъ низано жемчюгомъ въ одну прядь, да около Чудотворцова Варлаамова образа шитъ тропарь: *Иже на земли леганіемъ*, все до конца золотомъ, а по краемъ травы шиты золотомъ и серебромъ, а подложенъ тотъ покровъ тафтою зеленою, а нынѣ у того покрова по краемъ слова и каймы осыпалисъ и ветхи.

Да на ракѣ на Преподобнаго Варлаама посохъ деревянный; пониже рукоятки обложенъ серебромъ, да сверху посоха яблоко складное съ подзоры; около чудотворцовой раки, подъ мѣстными образы пелена камочка мелкотравная червчатая, а на ней два креста нѣмецкаго серебрянаго кружива, дача боярина князя Петра Александровича Репнина,[44] а на ней одного креста нѣтъ. Да передъ чудотворцовой ракой въ возглавіи на левикахъ въ мѣдномъ шанданѣ лампада серебряная, по сторонамъ въ четырехъ мѣстѣхъ позолочена. Другая лампада мѣдная старая, и та нынѣ лампада стоитъ въ олтарѣ.

Да на дверехъ образъ Преподобнаго Варлаама Чудотворца на празелени, обложенъ серебромъ басменнымъ

[44] Князь Петръ Александровичь Репнинъ-Оболенскій, бояринъ и воевода новгородскій, упоминается въ Акт. Арх. Экспед. т. III, стр. 400, 408 и 422, въ Акт. Истор. т. III, стр. 346.

золоченымъ; вѣнецъ серебряной же басменной позолоченъ; въ подножіи у образа рѣшетка желѣзная съ подсвѣчникомъ.

Надъ гробомъ образъ мѣстной Преподобный Варламъ Чудотворецъ въ чудесѣхъ, стоящей, во облацѣ Спасъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; у Спаса вѣнецъ серебряной рѣзной позолоченъ, а у Чудотворца вѣнецъ серебряной сканной, а въ вѣнцы два камешки червцы, а третей лазоревъ, цата серебряная басменая золочена, да у того же образа прикладу вновь прибыла понагѣя рѣзная на кости: Успеніе Пресвятыя Богородицы; а на другой сторонѣ рѣзаны святыя; обложена та понагѣя серебромъ рѣзнымъ. Да на той же понагѣи шесть раковинъ въ серебряныхъ гнѣздехъ, да три гнѣзда серебряныхъ порозжи. Да крестъ серебрянъ бѣлой невеликъ, да крестъ серебряной невеликъ позолоченъ, а тотъ образъ въ кіотѣ деревяномъ, а на кіотѣ травы оловянныя съ подзоромъ, литые на рѣзное дѣло.

Образъ мѣстной Преображеніе Господне писанъ на празелени, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы серебряныя же басменныя золочены; а стоитъ тотъ образъ въ кіотѣ деревянномъ, а на кіотѣ травы оловяныя литыя позолочены на рѣзное дѣло на подзорѣ.

Образъ мѣстной Покровъ Пресвятыя Богородицы обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, а около того образа праздники господскія, по полямъ праздники обложены мѣдью и призолочены. У Покрова и у праздниковъ двадцать осмъ вѣнчиковъ серебряныхъ сканныхъ позолоченыхъ.

Образъ Успеніе Пречистей Богородицы на празелени, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ и вѣнцы

серебряныя же басменыя золочены. А нынѣ тотъ окладъ ветхъ, и по полямъ ободрался горазно.

Деисусъ створистой невеликъ, на немъ праздники писаны на золотѣ.

Образъ въ кіотѣ, пядница большая: Знаменіе Пречистой Богородицы, на празелени. На створцѣхъ Архангелы Михаилъ и Гавріилъ. У Пречистой Богородицы вѣнецъ серебряной басменной позолоченъ, а у Архангеловъ вѣнцы серебряныя сканныя позолочены. У Пречистой Богородицы по полѣмъ четыре святыхъ.

Образъ мѣстной: *Достойно есть*, бывалъ подъ окладомъ, а нынѣ ветхъ горазно, и окладъ ободрался.

Образъ Софіи Премудрости Божіей писанъ на краскѣ.

Надъ гробомъ же Преподобнаго Варлама два образа Дѣисусныя стоящія большія. Одинъ образъ Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій, и другой Александръ Свирскій Чудотворецъ, писаны на золотѣ. Надъ царскими дверьми Дѣисусъ большой на тяблехъ; а въ немъ семнадцать иконъ; вѣнцы и верхнія поля и со сторонъ поля обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, а исподнія поля у Дѣисуса не обложены.

Надъ Дѣисусомъ Господскихъ праздниковъ двадцать четыре, иконы писаны на золотѣ.

Надъ праздники образъ Пречистыя Богородицы Воплощеніе; по сторонамъ осмнадцать Пророковъ, писаны на золотѣ поясныя; а у Дѣисуса и у праздниковъ и у Пророковъ тябла рѣзныя золочены съ подзоры.

Надъ Пророки Нерукотворенный Образъ Господень писанъ на золотѣ.

Надъ царскими же дверьми образъ Пречистыя Богородицы Умиленіе, пядница, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ. Вѣнецъ серебряной басманой по-

золоченъ; а въ вѣнцы шесть камешковъ обышныхъ[45] въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ.

Образъ Софѣя Премудрость Божія, пядница, обложена серебромъ басменнымъ, позолочена.

Образъ Спасовъ Нерукотворенный обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; во облацѣ два Архангела. У Спасова же образа вѣнецъ сканной серебряной, золоченъ съ финифтомъ; подложенъ тотъ образъ зеньденью зеленою.

Образъ Благовѣрный Князь Дмитрей, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; во облацѣ Спасовъ образъ. Вѣнецъ у благовѣрнаго князя Дмитрея сканной серебряной позолоченъ. Въ вѣнцы шесть жемчужинъ середнихъ, въ гнѣздѣхъ серебряныхъ, а образъ подложенъ тафтою червчатою.

Образъ Петръ Митрополитъ да Сергѣй Чудотворецъ, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ. Во облацѣ Господь Саваоѳъ; вѣнцы у Господа и у Петра и у Сергія серебряныя сканныя позолочены, а подложенъ тотъ образъ крашениною.

Образъ Иванна Богослова обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ. Вѣнецъ серебряный сканный позолоченъ, а подложенъ тотъ образъ зенденью зеленою.

Обрязъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ. У Пречистой Богородицы и Архангела вѣнчики серебряныя сканныя золочены.

Образъ Преподобный Антоній Римлянинъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; во облацѣ Спасъ и Пречистая Богородица; вѣнцы у Спаса и у Бого-

---

[45] Обышный камень значитъ обыкновенный, незначительный камень.

родицы и у Антонія серебряныя сканныя позолочены, а подложенъ тотъ образъ зеньденью зеленою.

Образъ Димитрія Селунскаго, пядница, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнецъ серебряной сканной съ финифтомъ позолоченъ. Да у того же образа Димитрія Селунскаго пелена камка червчата, на пеленѣ шитъ крестъ золотной; а около пелены шиты слова золотомъ и серебромъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та пелена прописана.

Образъ Пречистая Богородица Умиленія, пядница, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ. Вѣнецъ басменной серебряной золоченъ; гривенка и цата серебряная басменная позолочены; по полямъ два святыхъ. Вѣнцы у святыхъ серебряные басменные позолочены.

Образъ Пречистыя Богородицы Казанскія на празелени, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ, пядница. Вѣнцы у Спаса и у Пречистой серебряные басменные золочены.

Образъ Пречистыя Богородицы Одегитрія, пядница, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ. Вѣнцы у Спаса и у Пречистой серебряные сканные. У Спаса же и у Пречистой въ вѣнцахъ семъ камешковъ: четыре камешка червчаты, да три камешки зелены. У Богородицы гривенка серебряная сканая съ финифтомъ позолочена, а въ гривенкѣ три камени, два зелены а третій червецъ.

Образъ трехъ святителей: Петра, Алексѣя и Іоны Митрополитовъ Московскихъ Чудотворцовъ, пядница, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы серебряны басменные золочены.

Образъ Пречистыя Богородицы Умиленія въ кіотѣ, пядница, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ, а на створцѣхъ Архангелы Михаилъ и Гавріилъ обло-

жены серебромъ басменнымъ золоченымъ. У Спаса и у Пречистой и у Архангеловъ вѣнцы серебряные сканные позолочены. У Пречистой же въ вѣнцы три каменми обышныхъ; у Спаса въ вѣнцы жемчужина невелика; у Пречистой же Богородицы прикладу: крестъ серебрянъ тощей, а у Архангеловъ въ вѣнцахъ по два камешка да по жемчужины, да на томъ же образѣ подпись серебреная, финифтью наведена.

Образъ Чудотворца Варлаама, пядница, обложена серебромъ басменнымъ, позолоченъ; во облацѣ Спасъ. Вѣнцы у Спаса и у Варлаама Чудотворца серебряныя рѣзныя позолочены. Подпись на томъ образѣ рѣзная серебряная съ финифтью.

Образъ Василей Кесарійскій да Василей Блаженный, пядница, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы серебряныя сканныя позолочены, надъ ними въ верху Спасъ.

Образъ Пречистыя Богородицы Недреманное Око. Вѣнцы у Спаса и у Пречистой серебряныя сканныя позолочены. На створѣхъ Отечество и праздники: Христово Рождество, Благовѣщеніе Пречистѣй Богородицы и Страсти Христовы.

Образъ пядница Преподобный Ануфрей и Петръ и Макарей, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; въ верху на полѣ Знаменіе Богородицы, по сторонамъ на поляхъ Борисъ и Глѣбъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ. У Спаса, у Пречистой и у святыхъ вѣнцы серебряныя сканныя позолочены съ финифтью. Подложенъ тотъ образъ крашениною лазоревою.

Образъ пядница Дмитрій Прилуцкій, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ. Вѣнецъ серебряной

басменной же позолоченъ. Подложенъ тотъ образъ зеньденью червчатою.

Образъ пядница: шесть Святыхъ стоящихъ, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, а надъ ними въ верху Троица Живоначальная. У всѣхъ святыхъ вѣнцы серебряныя басменныя позолочены.

Образъ у царскихъ двѣрей въ кіотѣ въ невеликомъ: Василей Кесарійскій да Василей Блаженный. Около праздники, по полямъ обложены серебромъ рѣзнымъ, позолоченъ. А нынѣ по досмотру тотъ образъ писанъ вдвое выше сего надъ царскими двѣрьми въ кіотѣ.

Складни въ мѣди: на одной дцки Преподобный Сергій, да Никола Чудотворецъ, да Архидьяконъ Стефанъ; на другой дцки два Святыхъ, да Пречистая Богородица Знаменіе во облацѣ; обложенъ серебромъ сканнымъ золоченымъ; у Богородицы вѣнчикъ серебряной сканной позолоченъ.

Пятьдесятъ образовъ пядницъ, писаны на золотѣ и на краскахъ.

Образъ Преображеніе Господне, пядница, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ: въ верху на полѣ Троица, внизу Введеніе Пресвятой Богородицы, по полямъ два святыя: Никола да Варламъ. У Спаса, и у праздниковъ и у чудотворцевъ и у пророковъ вѣнцы серебряныя сканныя позолочены. Пелена у того образа атласъ вишневъ ветхъ, на ней шитъ крестъ золотомъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та пелена прописана.

Образъ въ кіотѣ Апостола Тимоѳѣя, пядница, обложенъ серебромъ сканнымъ, позолоченъ. Вѣнецъ у Апостола́ Тимоѳѣя серебряной сканной позолоченъ; а въ вѣнцы три камени: камень бирюза да два камени

червцы. А на створѣхъ писаны святыя Сава Стратилатъ да Логинъ Сотникъ на празеленя. У того же образа пелена, а на пеленѣ вышитъ Никола Чудотворецъ золотомъ, а около тропарь шитъ золотомъ волоченымъ.[46]

Образъ Пречистыя Богородицы Знаменіе, пядница, невелика, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнецъ серебряной басменной позолоченъ; а въ вѣнцы камешокъ да жемчужина невелика въ серебряныхъ гнѣздѣхъ.

Образъ Никиты Епископа да Іоанна Архіепископа Новгородскихъ; надъ нимъ въ верху Знаменіе Пречистыя Богородицы; пополямъ четыре святыхъ. Вѣнцы у Богородицы и у святыхъ серебряныя басменыя позолочены.

Образъ пядница Преподобнаго Варлама Чудотворца стоящей въ моленіи; во облацѣ Спасъ, а на Чудотворцѣ Варламѣ риза серебряная литая позолочена; вѣнецъ на главѣ серебряной чеканной золоченъ. А та пядница обложена серебромъ чеканнымъ золоченымъ съ финифтомъ, подпись рѣзная на серебрѣ съ финифтомъ же; около подписка имя сканное серебряное позолочено; по полямъ каймы чеканныя серебряныя позолочены. У того же образа пелена камчата зелена, а на ней Иванъ Архіепископъ да Варламъ Хутынскій въ моленіи; во облацѣ Спасѣ. У Варлама Чудотворца верхняя риза шита шолкомъ багровымъ, исподняя золотомъ. У Ивана Архіепископа верхняя риза шита золотомъ. У Спасова образа вѣнецъ и ризы шиты золотомъ и серебромъ; а около пелены шитъ тропарь: *Иже на земли леганіемъ*, весь до конца золотомъ; а нынѣ по досмотру та пелена ветха. Да тридцать

---

[46] Волоченое золото нынѣ извѣстно подъ именемъ крученаго.

полотенецъ; а на нихъ писаны Господскія праздники, да поліелейныя святыя, и многія полотенца слѣняли и розбилися.

Образъ Преподобнаго Варлама Чудотворца въ кіотѣ, стоящей; во облацѣ Спасъ, а на створцѣхъ осмь святыхъ. У Спаса и у Чудотворца Варлама въ вѣнцахъ три камешка обышныхъ; а обложенъ тотъ образъ сребромъ басменнымъ золоченымъ.

Образъ Варлама Чудотворца стоящей, окладной, а окладъ серебрянъ басменъ золоченъ; во облацѣ Спасъ; въ вѣнцы камень яхонтъ лазоревъ, да двѣ жемчужинки въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ.

Образъ Пречистой Богородицы Неопалимая Купина писанъ на золотѣ, стоитъ въ олтарѣ.

Образъ пядница: въ моленіи Преподобный Михайло Малеинъ, да Святый Ѳеодоръ иже въ Пергѣи; во облацѣ Спасъ писанъ на празелени.

Образъ пядница: въ моленіи Алексѣй Человѣкъ Божій; во облацѣ Спасъ писанъ на празелени; а нынѣ по досмотру того образа нѣтъ.

Образъ пядница большая на золотѣ: во облацѣ Живоначальныя Троица да шесть Святыхъ стоящихъ.

Образъ Отечество писанъ на золотѣ, ветхъ.

Образъ Единородный Сынъ Слово Божіе писанъ на золотѣ, ветхъ.

Образъ; въ седьмый день почи Богъ отъ дѣлъ Своихъ.

Образъ Пречистыя Богородицы Одегитрія, полѣнялъ, а нынѣ по досмотру того образа нѣтъ.

Образъ Іоанна Предтечи, икона большая, полѣнялъ.

Образъ царя Константина и матери его Елены большой, писанъ на золотѣ, стоитъ у жертвенника.

Въ сѣверныхъ дверѣхъ благоразумный разбойникъ Дижманъ, полѣнялъ.

Надъ тѣмиже сѣверными дверми вверху написанъ Дѣисусъ двупядей; а въ немъ двухъ Святыхъ съ праздники и съ Праотцы; а нынѣ по досмотру того кіота нѣтъ, а въ то мѣсто кіотъ невеликъ. У сѣверныхъ же дверей на сторонѣ дѣисусной образъ Преподобный Иванъ Списатель Лѣствицы.

Образъ Святителя Андрея Критскаго.

Образъ мѣстной Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій Чудотворецъ, писанъ на золотѣ въ чудесѣхъ, полѣнялъ.

Да на правой сторонѣ на столбахъ надъ архимандричимъ мѣстомъ, образъ Воскресеніе Христово; около на поляхъ писаны Страсти Господни.

Образъ Пречистая Богородица Одигитрея писанъ на золотѣ.

Образъ Пречистая Богородица: достойно есть. Пелена у того образа ветха выбойка. На пеленѣ Пречистая Богородица да Преподобный Александръ; на сторонѣ два святыя, да надъ святыми вверху Пречистая Богородица.

Образъ Видѣніе Преподобнаго Чудотворца Варлаама о погибели великаго Новаграда и о градѣ ко Господу моленіе.[47] Надъ тѣмъ же образомъ четыре пядницы; надъ образомъ пелена, дороги полосаты ветхи; крестъ на пеленѣ тафта дымчата.

Образъ Страшной Судъ писанъ на золотѣ, ветхъ гораздо.

Образъ Страстотерпцы Христовы Борисъ и Глѣбъ въ моленіи, Живоначальная Троица, писанъ на золотѣ.

Образъ: Хвалите Господа со небесъ, бывалъ подъ окладомъ и полѣнялъ, окладъ снятъ. У Спасова образа

[47] Событіе это описано въ Новг. III Лѣт. стр. 245—247.

и у всѣхъ святыхъ вѣнцы и середина обложена серебромъ басменнымъ позолоченымъ.

Образъ царя Константина и матери его Елены въ дѣяніи, полѣнялъ.

Образъ Иванна Предтеча да Николы Чудотворца, а третьяго Святаго подписи не знать, письмо полѣняло гораздо.

На лѣвой сторонѣ на крылосѣ и на столбѣхъ:

Образъ Спасовъ, плечной, писанъ на золотѣ.

Образъ Успенія Пречистыя Богородицы писанъ на золотѣ.

Образъ Спасовъ стоящей, около его писаны евангельскія притчи, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнецъ басменой золоченой серебряной. Около образа въ кіотѣ двѣнадцать миней мѣсечныхъ, ветхи и полѣняли, писаны на золотѣ.

Образъ Архангела Гаврила писанъ на краски, полѣнялъ.

Образъ Николы Чудотворца, Можайскаго въ кіотѣ, писанъ на золотѣ въ чудесѣхъ; во облацѣ Спасъ и Пречистая, а кіотъ деревяной рѣзной, а на кіотѣ въ верху Троица, да по сторонамъ два святыхъ.

Хоругвь, а на ней Михаилъ Архангелъ, а на другой сторонѣ Покровъ Пресвятей Богородицы, писанъ на краски.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ образъ Евлогей въ видѣніи, на золотѣ; а нынѣ по досмотру тотъ образъ на празелени.

Образъ: *Вѣрую во Единаго Бога Отца*, писанъ на золотѣ, ветхъ.

Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрея, около писана Бытія [48] на краскѣ.

---

48 Подъ словомъ *бытія* разумѣются изображенія Праотцевъ, описанныхъ въ Пятокнижіи Моисеевомъ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ образъ Апостолы Петръ и Павелъ, а нынѣ по досмотру тотъ образъ писанъ на золотѣ.

Образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, пядница, въ кіотѣ, обложена серебромъ чеканнымъ золоченымъ; поля, поплечье, вѣнецъ и сторона и цата чеканная золочена, а въ коронѣ четыре камени; два камени яхонта лазоревыхъ большихъ, да два камени червчатыхъ малы, а на тѣхъ на четырехъ каменехъ на збояхъ четыре жемчужины; а въ вѣнцы три камени въ репьяхъ. А репьѣ серебряныя, сканныя золочены, камень червчатъ, да камень зеленъ бирюза, надъ Спасовымъ образомъ репей отломленъ. Подпись и ожерельицо низано жемчугомъ; рясы въ три пятки жемчужныя съ камешки и съ наконечники, а на затворѣхъ писано на обѣихъ сторонахъ Благовѣщеніе да Троица, да Богоявленіе, да Вознесеніе Господне, да Покровъ Пресвятей Богородицы; а вѣнцы у всѣхъ святыхъ сканныя, серебряныя позолочены. А тотъ же образъ *данъ по Миронѣ Тимоѳѣевичѣ во иноцѣхъ по Михаилѣ Хлоповѣ.* [49]

Образъ Пречистая Богородица Одегитрія, пядница, поля обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнецъ у Пречистой Богородицы чеканной серебряной позолоченъ, а въ вѣнцы три камени, одинъ хрусталь подкрашенъ, а два зелены бирюзки невелики. А у Превѣчнаго Младенца два камешка красныхъ, около вѣнцовъ низано жемчугомъ въ одну нить. А тотъ же образъ *дача Гавриловой дочери Хлопова.*

Образъ Пречистая Богородица Одегитрія, пядница, въ кіотѣ, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ;

---

[49] О Миронѣ Тимоѳеевичѣ Хлоповѣ, бывшемъ воеводою вычегодскимъ, въ Акт. Арх. Экспед. т. III, стр. 113.

вѣнцы и цата серебряныя рѣзныя, золочена; подпись и ожерельицо низаны жемчугомъ. На створцѣхъ въ чтыре ряды писаны праздники Господскія, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ.

Образъ Преподобнаго Александра Сѣверскаго Чудотворца, пядница, вверху Троица, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнцы у Троицы и у Чудотворца серебряные рѣзны позолочены.

Образъ Преподобныхъ Зосимы и Саватія Соловецкихъ Чудотворцевъ, въ срединѣ въ верху Знаменіе Пресвятыя Богородицы, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы серебряныя рѣзныя позолочены.

Образъ Преподобный Варламъ Хутынскій да Антоней Римлянинъ, въ серединѣ вверху Знаменіе Пречистыя Богородицы, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы сканныя серебряныя позолочены.

Образъ Сергіево Видѣніе Радонежскаго Чудотворца, обложенъ серебромъ басменнымъ позолоченъ, а вѣнцы серебряныя рѣзныя золочены; да вверху Троица Живоначальная, а вѣнцовъ у Троицы нѣтъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ образъ Троицынъ прописанъ.

Образъ Пречистая Богородица Умиленіе обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнецъ у Пречистой серебряной рѣзной позолоченъ.

Образъ Спасовъ, поля обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, а середина обложена серебромъ рѣзнымъ золоченымъ.

Образъ Недѣля всѣхъ Святыхъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ. У Отечества два вѣнчики рѣзныхъ серебряныхъ невеликихъ золоченыя.

Образъ Софьи Премудрости Божіи, пядница, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнчики и цата серебряныя рѣзныя золочены. На створцѣхъ писаны два Архангела Михаилъ и Гавріилъ, писаны на золотѣ.

Образъ Пречистая Богородица Знаменіе, въ кіотѣ, по полямъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; на поляхъ писаны четыре святыхъ. Вѣнцы у Превѣчнаго Младенца и у Пречистой Богородицы и у святыхъ и цаты рѣзныя золочены. Подпись и ожерельицо и зарукавьицо у Богородицы низано жемчугомъ, сережки жемчужныя, кольца серебряныя позолочены, а на сережкѣ по три зерна бурминскихъ, да по пяти скатовъ серебряныхъ призолочены, да колоданки, а въ нихъ два камешки изумрудца, обнизаны жемчугомъ, да двѣ копѣйки серебряныхъ, крестъ серебрянъ золоченъ. На створцехъ писаны праздники, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, да осмъ вѣнчиковъ серебряныхъ рѣзныхъ. У того же образа пелена шита по черному бархату золотомъ. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: около креста низано жемчугомъ въ двѣ нити; а нынѣ по досмотру около того креста низано въ одну нить; да на той же пеленѣ звѣздокъ жемчужныхъ тридцеть одна, а подложена та пелена киньдякомъ залозоревымъ, да шесть кисточекъ съ золотомъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ звѣздки жемчужныя и подкладка прописана.

Образъ пядница невелика, а на ней писанъ Св. Никола Чудотворецъ, да Св. Мученикъ Миронъ. А тотъ образъ обложенъ: поля и средина и у святыхъ вѣнцы и цаты серебромъ чеканнымъ золоченымъ; да у того же образа кольцо и петля и подъ петлею подкладка

серебряныя вольячныя[50] позолочены. Подпись у того образа серебряная рѣзная позолочена. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ то кольцо, петля и подкладка прописана.

Да въ олтарѣ на престолѣ: на верху престола индитія[51] бархатъ золотной по зеленой землѣ съ розными травы, а спереди престола пристежь бархатъ червчатъ съ розными травы, на немъ круги золотныя и серебряныя; опушенъ съ двухъ сторонъ алтабасомъ золотнымъ, ветха, а съ трехъ сторонъ камкасія.

Да на престолѣ же Евангеліе письменное въ десть; верхняя дцка обложена серебромъ чеканнымъ позолочена; подъ угломъ четыре Евангелисты серебряныя чеканныя позолочены, да на той же надъ главою жемчужина бурмитцкая большая росколота; по сторонамъ двѣ жемчужины среднихъ бурмитскихъ, да тринадцеть жемчужинъ меньшихъ, да внизу жемчужина росколота. А на другой сторонѣ Евангелія на дцки кожа черная, девять жуковъ серебряныхъ, застежки и спни серебряныя позолочены. А тѣ застежки на тесмѣ, а тесма червчатая, ткана съ зеленымъ шолкомъ; а прибита та тесма къ доски серебромъ.

Евангеліе на престолѣ, печать московская, прописано творенымъ золотомъ, поволочено бархатомъ червчатымъ. На одной сторонѣ дцка обложена серебромъ чеканнымъ, позолочена. Распятіе Господне и Евангелисты серебряныя же чеканныя позолочены; трубы и застешки серебряныя рѣзныя позолочены. На другой дцки жуки серебряныя бѣлыя.

---

[50] Вольячныя вещи относятся къ числу отливныхъ, литыхъ. Зап. Имп. Арх. Общ. т. V, отд. I, стр. 38.

[51] Индитія значитъ покровъ, облаченіе на престолъ.

Евангеліе тетръ[51] печатное въ десть, верхняя дцка обложена серебромъ сканнымъ позолочена; Распятіе Господне и Евангелисты серебряныя литыя позолочены; исподняя дцка поволочена бархатомъ зеленымъ гладкимъ; да на той же дцки пять плащей серебряныхъ; на середней выбиваны застешки и спни серебряныя позолочены, и застешки прибиваны серебромъ.

Крестъ воздвизальной[52] на престолѣ же, верхняя дцка обложена серебромъ сканью, позолочена. Распятіе Господне на крестѣ серебряное литое; вѣнецъ на главѣ и около всего креста низано жемчугомъ въ одну прядь; да въ томъ же крестѣ въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ три яхонта лазоревыхъ; да вверху камень бечета, да въ исподи камень червчатъ, шесть жемчужинъ большихъ уротцовъ, да четыре жемчужины бурмицкихъ, двѣнадцеть жемчужинъ середнихъ; исподняя дцка обложена серебромъ басменнымъ позолочена; да на томъ же крестѣ подпись серебряная съ финифтью: мощи святыхъ — голень Первомученика Стефана, мощи Евстаѳія Плакиды, длань Іакова Перскаго, мощи Ѳеодора Тирона и иныхъ многихъ святыхъ; древо животворящее, кровь Христова, камень гроба Христова, отъ ризы Варлама Чудотворцз, мощи четыредесять мученикъ, святаго мученика Никиты, мѵро Страстотерпца Христова Димитрія, мощи святыя мученицы Варвары; да на томъ же крестѣ подпись серебряная рѣзная, слова съ черною: *Лѣта* ҂ЗМВ (1534) *сдѣланъ*

---

[51] Евангеліе тетръ означаетъ Евангеліе, расположенное по порядку четырехъ Евангелистовъ, какъ оно печатается нынѣ.

[52] Кресты воздвизальные отличались отъ напрестольныхъ большею величиною и употребленіемъ въ дни Воздвиженія, 3-й недѣли поста, 1-го августа и во время крестныхъ ходовъ,

бысть сей животворящій крестъ Христовъ въ домъ Спасовъ и великого Чудотворца Варлаама, при благовѣрномъ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Русіи и при его дѣтяхъ благовѣрныхъ князехъ Иванѣ и Георгіи и при святѣйшемъ архіепископѣ Владыцѣ Макаріи Великаго Новаграда и Пскова. [53]

Крестъ воздвизальной, обложенъ серебромъ, позолоченъ; а на немъ Распятіе Господне литое серебряное позолочено, вверху Херувимы, по сторонамъ, Пречистая Богородица да Иванъ Богословъ поясной, литыя же серебряныя позолочены. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано у того креста въ подножіи Преподобный Варламъ серебряной рѣзной стоящей; а нынѣ по досмотру у того креста въ подножіи Преподобнаго Варлама нѣтъ.

Крестъ благословящей [54] обложенъ серебромъ гладкой позолоченъ; на немъ Распятіе Господне. У Распятія Архангелы; надъ Архангелы глава Спасова. По сторонамъ у креста Пречистая Богородица да Иванъ Өелогъ. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: у Спаса въ подножіи Иванъ Предтеча, а нынѣ по досмотру у того креста въ подножіи Варламъ Чудотворецъ, рѣзныя; а на другой сторонѣ Ангелъ Хранитель рѣзной; а на томъ кресту надпись серебряная

---

[53] Крестъ сей доселѣ остается въ цѣлости. Въ надписи не дописано: *и при игуменѣ Өеодосіи грѣшномъ инокѣ на Өутыню.* Также замѣтны отступленія: вмѣсто «си» — *сей*, послѣ «благовѣрномъ» опущено *христолюбивомъ*, «благовѣрныхъ» вмѣсто *благочестивыхъ*, «Иванѣ» вмѣсто *Іоаннѣ*.

[54] Благословящіе кресты употреблялись при отпускахъ.

рѣзная, что въ немъ мощи святыхъ; а тотъ крестъ дача архимандрита Ѳеодорита.[55]

На престолѣ же покровъ бархатъ алой, полѣнялъ, розныхъ травъ, ветхъ, обложенъ астрадамомъ, подложенъ крашениною лазоревой.

Да за престоломъ же Пречистая Богородица Одигитрея, выносная, обложена серебромъ басменнымъ позолочена. Вѣнцы у Спаса и у Пречистой серебряныя рѣзныя позолочены. У Богородицы въ вѣнцы три вставки лазоревыхъ обышныхъ въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ. У Спаса въ вѣнцы въ серебряныхъ гнѣздехъ позолоченыхъ двѣ вставки каменныя червчатыхъ, да двѣ вставки раковинныя. А на другой сторонѣ Козма и Даміанъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, во облацѣ Спасъ. А вѣнцы у Спаса и у Козмы и Даміана серебряныя рѣзныя позолочены, да у Богородицы убрусъ дороги червчаты, а по концамъ и на серетки плетеньки серебряныя, кисти невеликія розныхъ шолковъ обышныя; а у Богородицы пелена тафта двоеличная, а на ней вышитъ Спасовъ образъ, да Георгій Страстотерпецъ золотомъ съ розными шелки; а вѣнцы у Спасова образа и у Георгія и у Ангела шиты золотомъ, а съ другой стогой стороны у Козмы и Дамьяна пелена ветшана, а на ней крестъ вышитъ разными шелки. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ двѣ пелены прописаны.

---

[55] Архимандритъ Ѳеодоритъ упоминается въ 1629 и 1635 годахъ по Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 641. Крестъ его доселѣ цѣлъ съ надписью: *Лѣта* 7137 (1629) *февраля* 28 *день положилъ си крестъ въ домъ ко Всемилостивому Спасу и Чудотворцу Варлааму архимандритъ Ѳеодоритъ.*

Да за престоломъ же крестъ выносной, обложенъ серебромъ съ обѣихъ сторонъ басменнымъ, позолоченъ; а на немъ напреди написанъ Спасовъ образъ, да въ четырехъ мѣстѣхъ святыя. У Спаса и у святыхъ вѣнцы серебряныя рѣзные позолочены; а на другой сторонѣ въ серединѣ Рождество Христово, да въ четырехъ мѣстѣхъ святыя. У Рождества Христова два вѣнчика серебряныхъ рѣзныхъ золоченыхъ. У святыхъ четыре вѣнца серебряныхъ рѣзныхъ позолочены.

Да за престоломъ же Пречистая Богородица Знаменіе на золотѣ, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ. Вѣнецъ у Пречистой Богородицы и у Спаса серебряныя позолочены; а на кіотѣ осмъ святыхъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, у всѣхъ у нихъ вѣнцы серебряныя рѣзныя позолочены.

А на другой сторонѣ того образа Никола Чудотворецъ, да Иванъ Милостивой, да Григорей Раменскій, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ. У нихъ три вѣнца серебряныя рѣзныя позолочены.

Да въ ту же сторону на кіотѣ осмь святыхъ, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ; а вѣнцы у всѣхъ серебряныя рѣзныя позолочены; а кіотъ деревянной рѣзной наложенъ сусальнымъ золотомъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ окладъ не написанъ.

А по сказкѣ ризничего старца Селивестра, тотъ де окладъ и кіотъ къ тому образу приложилъ вновь келарь старецъ Іосафъ. У того же образа у Пречистой Богородицы пелена шита по червчатымъ дорогамъ, а около шиты слова серебромъ: «Владычице пріими молитву рабъ Своихъ.»

Да двѣ репиды мѣдныя бывали золочены, а на нихъ вырѣзаны Херувимы и Серафимы; а на другой

сторонѣ рѣзаны по угламъ четыре Евангелисты; да надъ горнимъ мѣстомъ образъ Варлаама Чудотворца стоящей, писанъ образъ на краскѣ.

Складни въ мѣди: Дѣисусъ въ трехъ дцкахъ; на нихъ писанъ образъ Спасовъ, да Пречистая Богородица, да Іоаннъ Предтеча, обложены серебромъ басменнымъ позолоченымъ; вѣнцы у Спаса и у Пречистой Богородицы и у Ивапна Предтеча серебряные рѣзные позолочены.

Надъ престоломъ сѣнь деревяная, а на ней писанъ Сшествіе Св. Духа, да Умовеніе ногамъ, да Вечери Твоей Тайней, да Знаменіе Пречистыя Богородицы, да по сторонамъ у тѣхъ святыхъ писаны осмъ святыхъ, да надъ престоломъ же голубь мѣдной.

За престоломъ же двои репиды; однѣ мѣдныя, писаны выше сего. А другія репиды сребряные позолочены; а тѣ репиды дача боярина князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго.[56]

На жертвенникѣ потиръ серебрянъ; середи потира яблоко, обвито пять веревокъ серебряныхъ же; на верху потира вырѣзанъ Спасъ, да Пречистая Богородица, да Иваннъ Предтеча; а на другой сторонѣ вырѣзанъ крестъ; около потира подпись: «Пійте отъ нея вси, се есть кровь Моя новаго завѣта.»

Потиръ серебрянъ, а на немъ въ четырехъ мѣстѣхъ въ кругахъ на рѣзи Спасъ, да Пречистая Богородица, да Иваннъ Предтеча. На другой сторонѣ крестъ; около

---

[56] Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, освободитель отечества, былъ стольникомъ и воеводою. Акт. Арх. Экспед. т. II, стр. 338, 343, 356 и проч.; Акт. Истор. т. II, стр. 402, 407; т. III, стр. 94, 96, 244 и 303, гдѣ именуется бояриномъ въ Разбойномъ Приказѣ.

потира подпись, слова рѣзныя; въ началѣ подпись: *пійте отъ нея вси, се есть кровь Моя новаго завѣта.* Образъ и подпись и крестъ въ кругахъ золоченъ и на рукояти яблоко рѣзное позолочено, поддонникъ ложчатой [57] черезъ мѣсто, травы рѣзныя позолочены.

Три блюда серебряныхъ. Блюдо дискосное, середи блюда на рѣзи Агнецъ Божій Іисусъ Христосъ; въ верху звѣзда, по сторонамъ два Ангела, въ ручкахъ у Ангеловъ рипиды, да по полямъ въ трехъ мѣстѣхъ подпись рѣзная: «Се агнецъ Божій вземляй грѣхи всего міра.» Агнецъ и подпись и рѣзь вся позолочена.

Два блюда дорныя [58]; на блюдѣ Спасъ да Пречистая Богородица Вплощеніе на рѣзи; а по полямъ около блюда въ четырехъ мѣстѣхъ слова рѣзныя: «достойно есть,» все до конца; рѣзь вся золочена. На другомъ блюдѣ крестъ Господень; въ кругу полата, а въ исподи подъ крестомъ гора, а на горѣ глава Адамля, все на рѣзи. По полямъ на блюдѣ въ четырехъ мѣстѣхъ подпись рѣзная же: «Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и Святое Воскресеніе Твое славимъ»; а рѣзь вся золочена.

Звѣзда дискосная серебряная, въ верху кругъ серебрянъ; а въ кругу рѣзь и крестъ золоченъ. Лжица серебряная, въ верху яблоко по конецъ стебельца золочено до половины лжицы; стебла, травы рѣзныя золочены.

---

57 «Ложчатый» происходитъ отъ «ложбина» и означаетъ чеканное искуство ложбинами или выпуклыми полосами, подобными ложкѣ, изъ коихъ гладкая и негладкая слѣдуютъ одна за другою.

58 «Дорными» блюда называются отъ просфоръ и антидоровъ, на нихъ полагаемыхъ.

Копіе серебряное. У копія верхъ сдѣланъ крестомъ; на одной сторонѣ рѣзь: Іисусъ Христосъ. Крестъ и рѣзь золочена.

Кадило серебряное на поддонникѣ ложчатомъ съ покрышкою черезъ ложку, золочено; рѣзь позолочена; травы рѣзныя, а на покрышкѣ маковица, а на ней крестъ вольячной, по обѣ стороны креста рѣзь, а на рѣзѣ подпись: *Іисусъ Христосъ*. Маковица и крестъ золочены, а около кадила подпись: *Лѣта* ҂ЗРКѲ (1621) *году дано сіе кадило въ Великій Новгородъ боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ монастырь великаго Чудотворца Варлама на Ѳутыню бояринъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій* [59] *по своихъ родителехъ и по себѣ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ будущаго раби покоя, при архимандритѣ тоя обители Варламѣ*[60] *съ братіею.* А подпись около кадила рѣзная; да у того же кадила пять цѣпей серебряныхъ не золочены; середи цѣпей четыре Херувимы серебряныя литыя, по одной сторонѣ золочены; на верху цѣпей чашки, а на ней травы рѣзныя золочены; на верху чашки два кольца серебряныя.

Дача въ монастырь боярина Ивана Никитича Романова [61] церковныхъ сосудовъ серебряныхъ:

---

[59] Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, бояринъ и воевода, въ Акт. Арх. Эксп. т. II, стр. 77, 279 и 301; Акт. Истор. т. II, стр. 349, 352, 354, 379 и 383.

[60] Варлаамъ упоминается третьимъ хутынскимъ архимандритомъ въ Ист. Росс Іерарх. ч. VI, стр. 641.

[61] Иванъ Никитичъ Романовъ, стольникъ, въ Акт. Арх. Эксп. т. II, стр. 43. Сей бояринъ вмѣстѣ съ братомъ, по проискамъ Бориса Годунова, былъ въ ссылкѣ въ Пелыми, но возвращенъ

Потиръ серебряной, а на немъ въ четырехъ мѣстѣхъ въ кругахъ на рѣзи: Спасъ, да Пречистая Богородица, да Иванъ Предтеча. На другой сторонѣ крестъ. Около потира подпись, слова рѣзныя, въ началѣ подпись: «піійте отъ нея вси, се есть кровь Моя новаго завѣта.» Образъ и подпись и крестъ золочены; на рукояти яблочко, и поддонникъ ложчатой черезъ ложку рѣзь. А на потирѣ образъ и около потира подпись; и яблочко и поддонникъ черезъ ложку золочено.

Да три блюда: одно блюдо дискосное; въ срединѣ блюда на рѣзи Агнецъ Божій Іисусъ Христосъ, подпись: «се есть Сынъ Божій вземлей грѣхи всего міра»; по сторонамъ два Ангела, въ рукахъ рипиды, по полямъ въ трехъ мѣстѣхъ подпись рѣзная: «пріимѣте и ядите, се есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ.» Агнецъ и подпись золочена.

Два блюда дорныя. На блюдѣ въ серединѣ крестъ на рѣзи, да по полямъ на блюдѣ въ четырехъ мѣстѣхъ подпись рѣзная: «Кресту Твоему покланяемся Владыко и Святое Воскресеніе Твое славимъ.» Крестъ и по полямъ подпись золочена.

На другомъ блюдѣ на серединѣ Спасъ да Пречистая Богородица Воплощеніе. Около блюда подпись рѣзная: «достойно есть.» Пречистыя Богородицы образъ и подпись рѣзная золочена.

Звѣзда дискосная серебряная, на ней кругъ, а въ кругу крестъ рѣзной позолоченъ. Лжица серебряная, на верху у лжицы до половины стебля золочено, да копіе серебряное.

и присутствовалъ въ Боярской Думѣ, Акты Истор. т. II, стр. 34, 40, 43, 376, 379 и 383.

Дача *Мирона Тимофеевича Хлопова*[62] сосудовъ серебряныхъ церковныхъ:

Потиръ, а на потирѣ въ кругахъ образъ Спасовъ, да Пречистая Богородица, да Иванъ Предтеча. На другой сторонѣ Животворящій крестъ Господень. Около потира подпись; слова рѣзныя: «пійте отъ нея вси, се есть кровь Моя новаго завѣта.» Образъ и крестъ и подпись золочены. На рукояти яблочко круглое рѣзное. На рукояти и на поддонникѣ грани и черезъ грань рѣзь все позолочено.

Да три блюда серебряныхъ: одно блюдо дискосное, среди блюда на рѣзи Іисусъ Христосъ, по сторонамъ два Ангела, въ рукахъ у Ангеловъ рипиды.

Два блюда дорныя. На одномъ блюдѣ въ серединѣ на рѣзи крестъ животворящей.

На другомъ блюдѣ въ серединѣ на рѣзи образъ Пречистыя Богородицы Воплощеніе.

Звѣзда дискосная серебряная, вверху кругъ, а въ кругу крестъ вырѣзанъ; а кругъ не позолоченъ. Лжица да копіе серебряное.

Кадило серебряное съ кровлею, ложчатое, черезъ ложку вырѣзано; на верху кадила надъ яблочкомъ крестъ вольяшной, да пять цѣпей серебряныхъ, да на верху цѣпей плащъ серебрянъ рѣзной, да надъ плащемъ два кольца серебряныя же.

Ковчежецъ на поддонникѣ бѣлового желѣза, а на срединѣ ковчежца два яблочка товожъ желѣза; на верху ковчежца писаны два Ангела; бывалъ позолоченъ; держатъ въ томъ ковчежцѣ запасныя дары.

---

62 О Миронѣ Тимофеевичѣ Хлоповѣ было уже замѣчено прежде.

Воздухъ камчатъ алъ, опушенъ камкою желтою, подложенъ тафтою таусинною. А на немъ шитъ Агнецъ Божій, на дискосѣ, шитъ золотомъ да серебромъ; звѣзда шита серебромъ, по сторонамъ дискоса въ четырехъ мѣстѣхъ Ангелы съ рипиды, да около Херувимы и Серафимы, да четыре Евангелиста шиты золотомъ и серебромъ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ воздухъ камчатъ бѣлъ, опушенъ камкою вишневою, а на ней Іисусъ Христосъ нашитъ золотомъ и серебромъ; да по сторонамъ Ангелы шиты шолкомъ; а на ризахъ по мѣстамъ шито золотомъ; вѣнцы на главахъ шиты серебромъ, около вѣнцовъ шито золотомъ строчкою. А подпись *слова греческія*; подлѣ словъ по опушкѣ шиты травы шелки, подложенъ тафтою зеленою. А нынѣ по досмотру тово воздуха нѣтъ.

Воздухъ тафтянъ червчатъ, опушенъ тафтою зеленою; а на немъ Агнецъ Божій. Въ верху Агнца Духъ Святый, по сторонамъ Ангелы съ рипиды, шиты шолкомъ зеленымъ да желтымъ да лазоревымъ; въ четырехъ мѣстѣхъ по угломъ Херувимы и Серафимы.

Воздухъ тафтянъ червчатъ, опушенъ камкою гвоздичною чешуйчатою; а на немъ шитъ Архангелъ Михаилъ золотомъ и серебромъ; вѣнецъ шитъ золотомъ же, подложенъ камкосѣею дымчатою.

Воздухъ тафтянъ, червчатъ; а на немъ Агнецъ Божій на дискосѣ, шитъ шолкомъ бѣлымъ; дискосъ шитъ шелкомъ зеленымъ, а на дискосѣ звѣзда лазоревая; изъ облака Духъ Святый; а около дискоса четыре Ангелы съ рипиды; опушенъ воздухъ тафтою вишневою; по опушкѣ шесть Херувимовъ и Серафимовъ, да четыре Евангелиста шиты золотомъ и серебромъ и шелки.

Воздухъ атласной зеленъ, опушенъ дороги червчатыми; а на немъ Распятіе Господне, а по сторонамъ креста Пречистая Богородица да Іоаннъ Богословъ, да у креста же четыре Ангелы; по опушкѣ шиты осмь Херувимовъ, да четыре Евангелиста шиты золотомъ и серебромъ; подложенъ тотъ воздухъ тафтою зеленою. А нынѣ по досмотру тотъ воздухъ подложенъ тафтою лазоревою.

Воздухъ тафтянъ таусинной, опушенъ тафтою червчатою; на немъ Распятіе Господне; при крестѣ Пречистая Богородица, да четыре Ангела, да восемь Херувимовъ, четыре Евангелиста, шиты золотомъ и серебромъ. Подложенъ тотъ воздухъ крашениною темнолазоревою.

Воздухъ большой тафтянъ червчатъ. На престолѣ Вседержитель Спасъ, а по сторонамъ Пречистая Богородица да Иванъ Предтеча и Архангелы и Херувимы, шиты золотомъ и серебромъ, четыре Евангелисты; опушенъ тотъ воздухъ камкосѣею, подложенъ дорогами полосатыми.

Воздухъ камка бѣлая, опушенъ камкою лазоревою; а на дискосѣ Агнецъ Божій, шитъ шолкомъ бѣлымъ; вѣнецъ на главѣ въ дву мѣстѣхъ низанъ жемчугомъ.

Воздухъ камка кирпичной цвѣтъ, опушенъ камкою вишневою; а на немъ Іисусъ Христосъ нашитъ золотомъ и серебромъ, да по сторонамъ Ангелы шиты шелкомъ, а на ризахъ по мѣстомъ шито золотомъ; вѣнцы на главахъ шиты серебромъ; а около вѣнцовъ шито золотомъ строчкою; а подпись тѣ слова шиты *по гречески;* подлѣ словъ по опушкѣ шиты травы разными шелки. А подложенъ тотъ воздухъ тафтою зеленою; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ воздухъ прописанъ.

Сударь камчатъ червчатъ, а на немъ Вседержитель Спасъ стоящей, шитъ золотомъ и серебромъ; въ моленіи у него Преподобныя Сергій и Варламъ, шиты шелкомъ, да два Ангелы шиты шелки же, а крылѣ шиты золотомъ и шелки. У одного Ангела въ рукахъ крестъ, а у другаго копіе и трость. У Спаса и у Преподобныхъ и у Ангеловъ вѣнцы шиты золотомъ, а около вѣнцовъ строчки золотыя же, шиты золотомъ волоченымъ обвивкою, опушка багрова; а на судари тропарь: «помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, всякаго отвѣта недоумѣвающе», весь до конца, шитъ золотомъ. А подложенъ сударь зеньденью; а на подкладкѣ подпись: *дача Гавриловой дочери Хлоповой Парасковьюки.*

Да три покровцы, атласъ золотной на зеленой землѣ, около опушены атласомъ серебранымъ цвѣтнымъ; на всѣхъ трехъ покровцѣхъ кресты шиты атласъ червчатъ, подложены покровцы кипьдякомъ лазоревымъ.

Въ олтарѣ же кадило мѣдное и цѣпи у кадила мѣдныя же.

Двѣ ладонницы оловяныя брусчатыя съ кровлями.

Ладонница оловянная круглая съ покрышкою; на покрышкѣ крестъ оловяной же. Поддонникъ подложенъ бѣлаго желѣза, позолоченъ.

Чаша мѣдная, въ чемъ воду святятъ, подпись наложена была серебромъ, а нынѣ по досмотру та чаша въ городѣ на подворьѣ.

Чаша водосвященная серебряная большая, на поддонѣ на тощемъ на кругломъ. Поддонъ спущенъ съ чашею вмѣстѣ, подъ чашею на поддонѣ; около поддона веревочка серебряная, поперегъ рѣзная золочена; а на той чашѣ подпись: *лѣта* ҂ЗРМЕ (1637) *мая въ* Ѳ *день данье та чаша боярина князя Ивана Ива-*

новича Шуйскаго [63]; а надпись тайничная [64] около всей чаши, рѣзана по краю, слова золочены, да у тоежъ чаши четыре плащи выбиваны серебряныя позолочены, а у тѣхъ плащевъ два кольца серебряныхъ бѣлыхъ.

Стопа оловянная съ носкомъ; а нынѣ въ службѣ священники руки умываютъ.

Да лохань мѣдная лощчатая лужена.

Середи церкви передъ царскими дверми паникадило большое мѣдное на цѣпи на желѣзной о тридцати шанданѣхъ гладкое, а въ верху у паникадила орелъ двоеглавой [65] невеликъ, а въ шанданѣхъ свѣчи вощаныя витыя; подъ паникадиломъ яйцо стекляное обнято мѣдью; подъ яйцомъ плащъ круглой скляничной подкрашенъ, обложенъ мѣдью, а подъ плащикомъ чашка обложена участкомъ золотнымъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та чашка прописана. А подъ чашкою кисть, шелкъ червчатъ съ золотомъ. А нынѣ, по досмотру у того паникадила отломленъ шатрикъ мѣдной межъ шанданы, и тотъ шатрикъ лежитъ въ казнѣ; а на верху того паникадила на орлѣ кольцо мѣдное и чепь, прописано.

Да передъ дѣисуснымъ Спасовымъ образомъ паникадило мѣдное о четырехъ перахъ, яйцо было позо-

---

63 Чаша сія въ недавнее время употреблена на новую серебряную раку, а подобная, приложенная тѣмъ же Шуйскимъ въ 1631 году, осталась въ новгор. Антоніевомъ монастырѣ. Ист. Росс. Іерарх. ч. III стр. 130 и ч. VI стр. 620. О бояринѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ въ Акт. Арх. Экспед. т. III стр. 382 и 494; въ Акт. Истор. т. II стр. 151, 250, 349 и 405, гдѣ показано, что онъ былъ въ Польшѣ въ плѣну.

64 Тайничная подпись означаетъ подпись скрытную, вязью.

65 Съ орломъ двуглавымъ доселѣ остается мѣдное паникадило.

лочено, полѣняло, подъ яицомъ кисть шелкъ червчатъ.

Среди же церкви паникадило мѣдное объ осмнадцати шанданехъ, а на нихъ свѣчи вощаныя витыя, а въ верху у паникадила крестъ рѣшесчатъ, а подъ нимъ люди стоятъ службою [66], а въ исподѣ у паникадила яйцо строфокамилово, а въ исподѣ у того яйца и сверху плащи серебряные; а подъ паникадиломъ чашка обшита участкомъ серебрянымъ; а подъ чашкою кисть шелкъ червчатъ съ золотомъ. А нынѣ по досмотру у того паникадила человѣчка нѣтъ, да у одного шендана блюдца нѣтъ, да у тогожъ паникадила подъ яйцомъ хрусталекъ, а то паникадило на желѣзной цѣпѣ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ хрусталекъ и чепъ прописана.

Паникадило мѣдное противъ праваго крылоса о девяти шанданѣхъ; на верху паникадила вылитъ человѣкъ съ крестомъ, на паникадилѣ свѣчи восковые простые; подъ паникадиломъ яйцо стекляное, кисть у того яица шелкъ червчатъ.

Надъ гробомъ Преподобнаго Варлама Чудотворца:

Паникадило мѣдное невелико о шести шендапѣхъ, на немъ свѣчи восковые простыя; на верху паникадила левчикъ, подъ паникадиломъ яйцо строфокамилово, у яйца кисть шелкъ червчатъ.

Противъ лѣваго крылоса паникадило мѣдное объ одиннадцатѣхъ шенданѣхъ, да мѣсто шенданное порозжее; на верху у паникадила вылитъ человѣкъ, подъ паникадиломъ ворворочка [67], обшита шелкомъ червча-

---

[66] «Службою» тоже что на стражѣ.

[67] «Ворворочкою» называется изъ крученыхъ шелковъ крестообразная перевязь.

тымъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та ворворочка прописана, а подъ тою ворворочкою яйцо строфокамилово обнято оловомъ, у яица кисть шелкъ червчатъ.

За правымъ крылосомъ паникадило мѣдное о шти шанданѣхъ. А въ верху въ другомъ мѣстѣ шти шандановъ нѣтъ. На верху у паникадила вылита птица; подъ паникадиломъ яйцо деревяное, было посеребряно, полѣняло, подъ яйцомъ кисть шелкъ чернъ да лазоревъ.

Да за лѣвымъ крылосомъ паникадило невелико о пяти шанданѣхъ, а шестой шанданецъ испорченъ, въ яйцахъ мѣсто камешекъ склянишной лазоревъ обышной, кисть червчата ґарусна. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: два шендана мѣдныхъ, да два шендана деревяныхъ водосвященныхъ. А нынѣ, по досмотру, четыре шанданца мѣдныхъ водосвященныхъ, да два шендана деревянныхъ.

Два укропника мѣдныхъ.

Фонарь слюдяной большой съ рукоятью, а на верху крестъ, а носятъ фонарь передъ крестами. [63]

Подсвѣчникъ мѣдной на трехъ крюкахъ на желѣзныхъ.

Подсвѣчникъ мѣдный на поддонѣ на мѣдномъ же.

Два подсвѣчника желѣзныхъ.

Подсвѣчникъ деревянной съ яблочки, золоченъ сусальнымъ золотомъ.

Подсвѣчникъ деревянной писанъ красками.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ вновь прибылъ:

Подсвѣчникъ деревяной рѣзной съ яблоками.

Два налоя деревяныхъ складныхъ.

Два налоя на четырехъ столбикахъ.

---

[63] Т. е. во время крестныхъ ходовъ.

Въ церкви же и въ олтарѣ двадцать шесть окончинъ стекольчатыхъ въ большихъ и въ малыхъ окнахъ.

А передъ церковью въ паперти надъ церковными же дверми Дѣисусъ невеликъ, двѣнадцать образовъ.

А по правую сторону образъ мѣстной Страшной Судъ, бывалъ на золотѣ, полѣнялъ.

По лѣвую сторону образъ мѣстной: «Хвалите Господа съ небесъ,» бывалъ на золотѣ, полѣнялъ.

Церковь каменная во имя Преподобнаго Варлаама Чудотворца съ трапезою[69], да двѣ келарскихъ каменныхъ. На церквѣ глава обита чешуею дубовою; крестъ на главѣ желѣзной, по краемъ призолоченъ, а церковь крыта тесомъ полатками; трапеза и келарскія крыты тесомъ сплошь.

А въ церкви Божія милосердія: двѣри царскія и сѣнь и столбцы рѣзныя деревяныя золочены; на царскихъ дверехъ: Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы да четыре Евангелиста; надъ царскими дверми сѣнь, а у ней Троица Живоначальная; а по сторонамъ: «Пріимите и ядите»; на другой сторонѣ: «Пійте отъ нея вси се есть кровь Моя новаго завѣта.» У царскихъ дверей на столбцѣхъ Іисусъ Христосъ да Пречистая Богородица, по столбцамъ же Святители и Архидьяконы.

---

[69] Церковь сія доселѣ остается въ цѣлости и въ настоящемъ видѣ построена 1552 года. Ист. Рос. Іерарх. ч. IV, стр. 613. Въ Новг. III Лѣт. сказано: «Въ лѣто 7060 ноября въ 6 день священа бысть церковь въ трапезѣ на Хутыни при Чудотворцѣ Варлаамѣ, а строена при игуменѣ Гуріи Коровинѣ три годы, а преже была каменная же невелика.»

Надъ царскими дверями Дѣисусъ большой, а въ немъ тридцать иконъ, писанъ на золотѣ.

Да на томъ же таблѣ образъ Николы Чудотворца, писанъ на краски.

Надъ Дѣисусомъ двѣнадцать праздниковъ и многія полѣняли, да пять Пророковъ писаны на праскѣ.

А надъ Пророки образъ Спасовъ нерукотворенный, писанъ на золотѣ, осми пядей.

На правой сторонѣ царскихъ дверей:

Образъ Преподобный Варлаамъ Чудотворецъ, по полямъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнецъ серебрянъ сканной позолоченъ; въ вѣнцѣ двѣ вставки, одна жемчужина, а другая камень баусикъ въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ, а третье гнѣздо порознее; у того же образа цата серебряная рѣзная позолоченая, а въ ней четыре вставки — два камени красные, да два камени лазоревыя въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ. У того же образа прикладу три креста серебряныя бѣлыя, а четвертый крестъ невеликъ серебрянъ бѣлой же; подпись на кругахъ серебряная рѣзная съ финифтомъ.

Образъ мѣстной Григорія Великія Арменіи, да Ильѣ Пророка. У Григорія и у Ильѣ въ серединѣ Троица Живоначальная, всѣ ветхи.

Образъ мѣстной Николы Чудотворца да Антонія Великаго; обѣ иконы писаны на праскѣ.

Образъ мѣстной Пречистыя Богородицы Одигитрія, писанъ на краскѣ, осми пядей.

Образъ Николы Чудотворца, писанъ на золотѣ, письмо полѣняло.

На той же сторонѣ образъ мѣстной Пречистыя Богородицы Одигитрія писанъ на празелени.

Образъ Іоны Архіепископа да Александра Свѣрскаго Чудотворца, во облацѣ Спасъ, писаны на празелени.

Да у тѣхъ же у всѣхъ мѣстныхъ образовъ пять свѣчь поставныхъ деревянныхъ, облѣплены воскомъ, на свѣчахъ налѣпа желѣза бѣлаго. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ свѣчи прописаны. А ризничей дьяконъ Селивестръ сказалъ: тѣ де свѣчи въ церкви давно, въ прежнихъ де переписныхъ книгахъ тѣ свѣчи прописаны.

Образъ Вседержитель Спасъ напрестольной, да по сторонамъ Пречистая Богородица, да Иванъ Предотеча, писаны на краскѣ.

Да на налоѣ образъ Воскресеніе Христово; налой оболоченъ выбойкою турскою полосатою узорчатою.

На сѣверныхъ дверѣхъ благоразумный разбойникъ писанъ на золотѣ.

Образъ Спасовъ на престолѣ писанъ на золотѣ, сверху дцка отколота.

Образъ Пречистыя Богородицы Бѣжаніе со Христомъ отъ Ирода царя во Египетъ, писанъ въ чудесѣхъ на краскѣ.

Въ олтарѣ на престолѣ срачица, выбойка турская; а на престолѣ Евангеліе поволочено бархатомъ зеленымъ золотнымъ, на верхней дцки Роспятіе Господне и Евангелисты серебряные басменые позолочены. У того Евангелія застежки мѣдныя.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: крестъ воздвизанной деревяной писанъ на краскѣ. А нынѣ по досмотру тотъ крестъ обложенъ серебромъ басмянымъ, позолоченымъ; Распятіе Господне серебряное литое позолочено; цки литые серебряные прибиты ко

кресту, а на нихъ графлены.[70] Пречистая Богородица да Іоаннъ Предотеча, да Михаилъ и Гавріилъ; внизу Преподобный Варламъ, а въ немъ мощи святыхъ.

На престолѣ покровъ отласной полосатъ, полосы зелены да багровы; опушенъ тотъ покровъ атласомъ, а нынѣ весь истлѣлъ.

На жертвенникѣ покровъ тафтянъ червчатъ.

Да судовъ церковныхъ:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ потиръ оловяной; а нынѣ по досмотру того потира нѣтъ.

Три блюда дискосныя, оловяныя.

Звѣзда дискосная оловяная.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: лжица мѣдная; а нынѣ по досмотру той лжицы нѣтъ.

Да въ олтарѣ образъ Страстотерпца Христова Георгія.

Да въ церкви передъ Дѣисусомъ паникадило невелико мѣдное о шести шенданѣхъ, у поникадило яйцо строфокамилово.

Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія писанъ на золотѣ, шести пядей.

Дѣисусъ, а въ немъ девять иконъ писаны на краски, пяти пядей, столпція.

Дѣисусъ большой, а въ немъ семъ иконъ.

Надъ Дѣисусомъ пятнадцать праздниковъ; Дѣисусъ и праздники на одной дцки писаны.

Да надъ архимандричимъ мѣстомъ образъ: *О тебѣ радуется*, писанъ на краскѣ.

Да на столбѣхъ поставныхъ большихъ образовъ Іоны Архіепископа до Василія Блаженнаго, во облацѣ Спасъ писанъ на краскѣ въ кіотѣ; кіотъ деревяной.

---

[70] Слово это нынѣ замѣнено словомъ «цированы».

Образъ Пречистыя Богородицы Покровъ. Вѣнцы отняты, писанъ на краскѣ.

Образъ Николы Чудотворца въ чудесехъ писанъ на краскѣ.

Образъ Пречистыя Богородицы Покровъ писанъ на краскѣ.

Образъ Пречистая Богородица Одигитрія писанъ на золотѣ; а нынѣ по досмотру тотъ образъ писанъ на краскѣ.

Образъ Николы Чудотворца въ дѣяніи, писанъ на золотѣ.

Образъ мѣстной Пречистыя Богородицы Одигитрія, писанъ на краскѣ.

Образъ Спасъ Вседержитель на престолѣ, около его Пречистая Богородица да Иванъ Предтеча.

Образъ Благовѣщеніе Пречистыя Богородицы, писанъ на золотѣ.

Образъ дѣисусной Воскресеніе Христово, да Вознесеніе Господне, да два Пророки писаны на одной дцки на краскѣ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: образъ Преображеніе Господне, вѣнецъ у Спаса серебряной съ финифтомъ золоченъ, да образъ Пречистая Богородица Умиленіе писанъ на краскѣ; и тѣхъ двухъ образовъ нынѣ по досмотру нѣтъ.

Образъ: *О Тебѣ радуется*, писанъ на золотѣ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ образъ Страстотерпца Георгія, писанъ на краскѣ; а нынѣ по досмотру того образа нѣтъ.

Образъ Святаго Пророка Даніила писанъ на золотѣ.

Чудо Архистратига Христова Михаила, писано на краскѣ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: въ келарской образъ мѣстной Спасъ на Престолѣ, писанъ на золотѣ; а нынѣ по досмотру того образа нѣтъ.

Да въ келарскихъ же въ одной:

Образъ Вознесеніе Господне писано на золотѣ въ кіотѣ.

Да въ другой келарской образъ: «о Тебѣ радуется».

Да образъ Захарія Пророка.

Да образъ Даніила Пророка.

А тѣ образы въ тѣхъ дву келарскихъ прибыли вновь сверхъ прежнихъ книгъ.

Въ церкви же и въ трапезѣ и въ келарскихъ окнахъ двадцать двѣ окончины стеколчатыхъ большихъ и середнихъ и мелкихъ. Передъ трапезою же сѣни и крыльцо каменное.

Церковь каменная надъ колокольницею во имя Григорія Арменскаго [71]. Около церкви паперть каменная; въ папертехъ окна дугами. На церкви же надъ колокольницею глава обита чешуею дубовою; крестъ на главѣ желѣзной; а церковь и паперть покрыта тесомъ полатками; а надъ папертью на церквѣ на стѣнѣ съ

---

[71] Церковь эта построена въ 1535 году, по свидѣтельству Ист. Росс. Іерарх. ч. VI стр. 610. Въ VI т. Полн. Собр. Русск. Лѣт. стр. 296 сказано о ней: «Въ 1535 году 11 апрѣля основана въ Хутынскомъ монастырѣ церковь Св. Григорія Великія Арменіи противъ южныхъ дверей большія церкви и чюдотворцова гроба, о единомъ версѣ, велми чюдно, яко таковы нѣсть дѣломъ въ новгородской области. А въ 1536 году 6 августа освящена. А прежде того была церковь того же святаго каменная не высокая, круглая яко столпъ, противу сѣверныхъ дверей и съ колоколомъ на версѣ.» Церкви Св. Григорія Арменскаго съ прошлаго уже столѣтія нѣтъ.

западныя страны: образъ Пречистая Богородица Воплощеніе, да по сторонамъ у Пречистыя Богородицы, съ одной стороны Варламъ Хутынскій да Григорей Арменскій, въ кіотѣ, а кіотъ съ верху и по сторонамъ крытъ тесомъ.

Да съ сѣверныя страны образъ Пречистыя же Богородицы Воплощеніе; да съ одной стороны у Пречистой Никита Епископъ Новгородскій въ кіотѣ, а кіотъ съ верху и по сторонамъ крытъ тесомъ.

А въ церковь ходъ съ одной стороны съ западной.

А двери у церкви деревяныя дощатыя.

А въ церкви Божія милосердія образовъ: двери царскіе и сѣнь и столбцы на золотѣ; а на нихъ писаны Благовѣщеніе Пречистыя Богородицы да четыре Евангелисты; на сѣни писанъ Іисусъ Христосъ въ вѣнцы въ святительскихъ ризахъ. На престолѣ по сторонамъ: «Пріимѣте и ядите, пійте отъ нея вси, се есть кровь Моя новаго завѣта». У царскихъ же дверей и на столбцѣхъ Іисусъ Христосъ да Пречистая Богородица. Около писаны Херувимы и Серафимы; на тѣхъ же столбцѣхъ десять святыхъ писаны на золотѣ.

На правой сторонѣ царскихъ дверей:

Образъ мѣстной въ кіотѣ святаго Священномученика Григорія Великія Арменіи, стоящей, писанъ въ чудесѣхъ; вѣнецъ и гривенка отнята. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: у того образа пелена полотняная, а на ней писанъ Преподобный Варламъ Чудотворецъ да Священномученикъ Кипріянъ. А нынѣ, по досмотру, у того образа пелена камчатая камка лимонная, да на той пеленѣ три креста. Одинъ бѣлый шелкомъ шитъ, а два креста рудожелтымъ шелкомъ шиты. Да передъ тѣмъ же образомъ свѣча поставная

древяная, налѣпа на свѣчи желѣзная. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та свѣча прописана.

Да на той же сторонѣ образъ Козьма и Даміанъ, и Преподобной Θеодотій писанъ въ чудесѣхъ, осьми пядей, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; съ одного поля окладу у того образа снято аршина съ полтора, а съ другаго поля снято окладу же пяды съ двѣ. А вѣнцы серебряныя сканныя золочены, въ вѣнцахъ по три камешка обышныхъ, по два червчатыхъ, да по третему зеленому. У Θеодотія ожерельицо невеликаго жемчужку обышнаго; да у того же образа прикладу: крестъ рѣзной обложенъ серебромъ призолоченъ, да двѣ копѣйки серебряныхъ позолочены, да крестъ серебрянъ не величекъ. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: подъ тѣмъ образомъ пелена камчата, бывала багрова, полѣняла; на ней три кресты: одинъ бѣлаго шелку, а два кресты зеленаго тику. У пелены семъ кистокъ разныхъ шелковъ. А нынѣ, по досмотру, у того образа пелена полотняная, а на ней написанъ по середкѣ: образъ Спасовъ Нерукотворенный, да по сторонамъ на одной сторонѣ: «Пейте отъ нея вси, се есть кровь Моя новаго завѣта»; а на другой сторонѣ: «Пріимѣте и ядите, се есть тѣло Мое»; да Благовѣщеніе Пречистой Богородицы, да по сторонамъ Василей Великой да Іоаннъ Златоустый.

Да на лѣвой сторонѣ царскихъ дверей образъ Пречистой Богородицы обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы басменныя же серебряныя золочены. На исподнемъ полѣ окладъ ободранъ, а съ одной стороны половина поля ободрана, а съ другой стороны поля ободранъ съ пяду въ длину. А тотъ образъ осми пядей, полѣнялъ, да на томъ же образѣ подпись серебряная съ финифтью.

Да на дверехъ благоразумный разбойникъ расписанъ по краскѣ.

Образъ мѣстной въ моленіи Преподобнаго Варлаама Чудотворца, въ облацѣ Спасъ, писанъ на краскѣ. На престолѣ индитія разныхъ цвѣтовъ. Сверху престола выбойка турская; на двухъ сторонахъ зеньденъ зелена. Спреди индитья бархатъ черной, на бархатѣ крестъ бѣлаго миткалю.

На престолѣ Евангеліе писмяное въ полдесть; на Евангеліи Распятіе Господне и Евангелисты серебряныя литыя золочены.

На престолѣ же крестъ воздвизальной; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ тотъ крестъ писанъ красками; а нынѣ, по досмотру тотъ крестъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ.

Распятіе Господне литое серебряное позолочено.

На престолѣ же покровъ крашениной, да надъ престоломъ сѣнь деревяная, дѣлана бывала шатромъ, писано на одной сторонѣ въ серединѣ солнце, а на другой сторонѣ луна противъ престола на сторонѣ.

Образъ Пречистая Богородица Успеніе, четырехъ пядей, писанъ на краскѣ.

Образъ Страшнаго Суда писанъ на золотѣ, трехъ пядей, въ кіотѣ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: на жертвенникѣ потиръ да четыре блюда, да лжица и звѣзда оловяныя; а нынѣ по досмотру всего три блюда.

Надъ царскими дверями Дѣисусъ большой, а въ немъ девять иконъ писаны на золотѣ. Да въ томъ же Дѣисусѣ образъ Преподобнаго Варлаама Чудотворца писанъ на краскѣ, а тябли и Дѣисусъ бывали писаны, краски полѣняли.

Надъ Дѣисусомъ въ тяблѣ образъ Пречистыя Богородицы Знаменіе, да по сторонамъ девять пророковъ писаны на золотѣ.

Да въ церкви же и въ олтарѣ въ окнахъ окончинъ стекольчатыхъ четыре.

Церковь каменная во имя Святаго Пророка Иліи надъ вороты [72]. На церквѣ глава обита чешуею дубовою. Крестъ на главѣ желѣзной. Церковь же крыта полатками тесомъ, да передъ церковью паперть каменная, а передъ папертью крыльцо деревянное досчатое, забрано въ столбы. Паперть и крыльцы крыты тесомъ сплошь. А на церкви на дву стѣнахъ въ кіотѣхъ:

Съ полуденныя страны въ кіотѣ:

Образъ Пречистыя Богородицы Знаменія, кіотъ сверху и по сторонамъ крытъ тесомъ.

Да съ сѣверныя страны въ кіотѣ Илія Пророкъ, да Преподобный Варламъ Хутынскій, а кіотъ сверху и по сторонамъ крытъ тесомъ.

А въ церковь ходъ съ одной стороны съ западной.

А въ церквѣ Божія милосердія образовъ: двѣри царскія и сѣнь и столбцы писаны на золотѣ.

На двѣрехъ Благовѣщеніе Пресвятѣй Богородицы, да четыре Евангелиста, да четырнадцать преподобныхъ.

Надъ царскими дверми сѣнь, а на ней писано: «Софѣя Премудрость Божія;» а по сторонамъ: «Пріимите и ядите,» да «Пійте отъ нея вси, се есть кровь Моя новаго завѣта,» а надъ сѣнью Троица Живоначальная, да восемь святыхъ.

---

72 Церковь Ильинская построена была въ 1418 году по Ист. Рос. Іерарх. ч. VI стр. 610; тоже и въ Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6926 годомъ.

На столбцѣхъ же въ верху Іисусъ Христосъ, да Пречистая Богородица, да шесть Святителей, да два Страстотерпца, да семь Архидьяконовъ, писанъ на золотѣ.

Да въ олтарѣ на престолѣ индитія, средина въ верху бархатъ черной, а съ трехъ сторонъ полотно отъ царскихъ дверей крестъ бѣлаго миткаля.

На престолѣ Евангеліе писмяное въ десть, поволочено отласомъ зеленымъ, а отласъ ветхъ; а на Евангеліи въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: Распятіе Господне и Евангелисты спаяны на мѣди, а нынѣ по досмотру на томъ Евангеліи верхняя дцка обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ; Распятіе Господне и Евангелисты серебряныя басменныя, позолочены.

На престолѣ же крестъ воздвизальной древяной писанъ краски.

На жертвенникѣ потиръ да три блюда оловяныя, да четвертое блюдо деревяное.

Лжица древяная.

Надъ царскими дверми Дѣисусъ, а въ немъ Спасъ, на престолѣ около его семь святыхъ стоящія, писаны на золотѣ.

Надъ Дѣисусомъ одиннадцать иконъ праздниковъ Господнихъ, писаны на золотѣ, да въ томъ же тяблѣ образъ невеликъ Иванъ Предтеча на прозелени.

А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ праздники и образъ Ивана Предтеча прописаны. А ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тѣ де праздники и образъ Іоанна Предтечи въ церкви давно, а въ прежнихъ де книгахъ прописаны.

На правой сторонѣ царскихъ дверей:

Образъ мѣстной въ кіотѣ: огненное восхожденіе на небеса Святаго Пророка Иліи въ чудесѣхъ, писанъ на золотѣ.

На сѣверныхъ дверехъ благоразумный разбойникъ, писанъ на золотѣ; а нынѣ по досмотру тотъ образъ писанъ на празелени.

Надъ сѣверными дверми:

Образъ дѣисусной, а на немъ писанъ на краски Архистратигъ Михаилъ да Апостолъ Петръ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ: образъ Святаго Великомученика Димитрія, пядница, дцка въ длину трехъ пядей; а нынѣ по досмотру того образа нѣтъ.

Образъ мѣстной Пречистыя Богородицы Одигитрія писанъ на золотѣ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано на стѣнахъ пядницъ середнихъ пять, а на нихъ написано: Богоявленіе да Преображеніе Господне, да Покровъ Святей Богородицы, да Соборъ Архистратига Михаила, писаны на золотѣ, письмо полѣняло; а нынѣ по досмотру тѣхъ иконъ нѣтъ.

Въ олтарѣ же образъ Пречистые Богородицы Умиленія, пядница большая.

Образъ Никиты Епископа да Ивана Предтеча писанъ на золотѣ.

Да въ церкви же и въ олтарѣ шесть окончинъ стекольчатыхъ ветчалыхъ.

Да въ соборномъ храмѣ у Преображенія Господня въ ризницѣ покровы, что кладутъ надъ Чудотворцомъ Варлаамомъ на гробѣ, и ризъ и подризниковъ и поясковъ и потрахилей и поручей и полицъ, и архимандричихъ служащихъ шапокъ:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: воздухъ алтабасъ серебрянъ; а на немъ крестъ шитъ золотомъ; а нынѣ, по досмотру, тотъ воздухъ земля серебряная сплошь, а по ней травы золотыя; на ней крестъ, круживо золотное нѣмецкое окованное. Копіе и трость и глава Адамля и подпись шита золотомъ. Около воздуха опушено отласомъ червчатымъ золотнымъ; подложенъ тотъ воздухъ тафтою зеленою.

Два воздуха таковыя же, земля серебряная сплошь; а по ней травы золотныя; на нихъ крестъ, круживо золотное немѣцкое кованое. Копіе и трость и глава Адамля и подпись шиты золотомъ; около воздуха опушено отласомъ золотнымъ по червчатой земли; а подложены тѣ воздухи тафтою зеленою.

Да старыхъ домовыхъ покрововъ:

Покровъ багровой камчатъ, а на немъ образъ Преподобнаго Варлама Чудотворца; верхняя риза шита шолкомъ багровымъ, а схима шита шелкомъ лазоревымъ съ золотомъ; вѣнецъ у Преподобнаго шитъ золотомъ; около вѣнца низано жемчугомъ въ три нити; да около Варлама Чудотворца шитъ тропарь серебромъ: «иже на земли леганіемъ», весь до конца; подложенъ покровъ зеньденью лазоревою; а въ подножіи подпись шита серебромъ; да у Чудотворца же зарукавьицо низано жемчугомъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ то зарукавьицо прописано.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: покровъ тафтянъ сизовъ; а нынѣ, по досмотру, тотъ покровъ тафта двоеличная; а на немъ образъ Преподобнаго Варлама Чудотворца шитъ разными шолки; брада шита на двое; верхняя риза шита шелкомъ червчатымъ, а исподняя риза шита бѣлымъ шолкомъ; вѣнецъ шитъ шолкомъ желтымъ; изъ облака рука

Спасова; рукавъ шитъ шелкомъ вишневымъ да бѣлымъ да зеленымъ; Преподобнаго имя шито шелкомъ желтымъ; около покровъ опушенъ тафтою зеленою, а по опушкѣ тропарь шитъ шелкомъ червчатымъ: «иже на земли леганіемъ», весь до конца. Покровъ подложенъ крашениною черною.

Покровъ мухоярной чернъ, что на преставльшихъ братовъ кладутъ, а на немъ шита церковь о трехъ верхахъ, посреди церкви крестъ; церковь шита шелкомъ багровымъ да бѣлымъ да зеленымъ; по угломъ четыре звѣзды; около надпись: «Святый Боже», да стихъ: «духовная моя братія», весь до конца; да во гробѣ лежитъ преставленной, шитъ шелкомъ бѣлымъ.

Покровъ камка лазорева, а на ней образъ Преподобнаго Варлама Чудотворца; вѣнецъ шитъ золотомъ волоченымъ травами; въ вѣнцы у Преподобнаго каменъ малъ червчатъ, да два камени яхонты лазоревы; а тѣ камени въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ; а около гнѣздъ низано жемчугомъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ гнѣзда и жемчугъ прописанъ; да около вѣнца низано жемчугомъ середнимъ въ три строки; а подпись Преподобнаго имя въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: шита золотомъ, а нынѣ по досмотру та подпись низана жемчугомъ въ двѣ нити; а около жемчугу всѣхъ словъ обложены веревочками золотными; а ризничей старецъ Селивестръ сказалъ: Преподобнаго де имя подпись низана жемчугомъ давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ жемчугъ прописанъ. У Преподобнаго схима шита шелкомъ лазоревымъ; на схимѣ на главѣ крестъ большой и трость и копіе низано жемчугомъ, да два креста невеликихъ, низано жемчугомъ же, а обведены всѣ кресты и трость и копіе веревочкою золотною; подпись

у креста низана жемчугомъ; да у Преподобнаго же среди схимы крестъ и трость и копіе и подпись низано жемчугомъ; а кругомъ всего креста обведено веревочкою золотною. Да на схимѣ же пониже плетей два креста невеликихъ, низано жемчугомъ; а около крестовъ обведено веревочками золотными. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ, среди схимы крестъ и трость и копіе и два креста невеликихъ, низаны всѣ жемчугомъ, прописаны; а ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тѣ де кресты на той схимѣ давно, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ прописаны. У Преподобнаго верхняя риза шита шелкомъ багровымъ, плетенекъ шелковой гвоздичной, тканы столбцами; пониже плетей три строки низаны жемчугомъ поперегъ схимы, правая рука благословящая, въ руки свиточекъ шитъ серебромъ; да у Преподобнаго же въ подножіи слова шиты золотомъ: *лѣта* 7088 (1580) *года марта въ* 20 *день* [73]; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та подпись прописана.

Да у Преподобнаго же около покрова надпись; слова шиты серебромъ, въ началѣ: «ублажаемъ тя, Преподобне отче Варламе», весь до конца; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та подпись написана — шита золотомъ, а около подписи двѣ строки шиты вязью

---

[73] Покровъ этотъ остается доселѣ въ цѣлости и полная надпись на немъ читается такъ: *Лѣта* 7088 *марта въ* 20 *день, при Государи цари и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичи всея Русіи и при его дѣтехъ при царевичѣ князѣ Иванѣ Ивановичи и при его царицѣ княгинѣ Ѳеодосіи и при царевичѣ князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и при его царицѣ княгинѣ Иринѣ, сій покровъ шитъ бысть на Преподобнаго Варлама Хутынскаго Чюдотворца, повелѣніемъ царевича князя Ѳеодора Ивановича и его царицы княгини Ирины.*

золотомъ; подложенъ тотъ покровъ тафтою червчатою.

Да въ ризницѣ же ризъ:

Ризы бархатны бѣлы безъ оплечья; крестъ и звѣзда бархатъ червчатъ золотной, подольникъ тафта вишнева, подпушенъ тафтою червчатою; ризы подложены полотномъ, и тѣ ризы ветхи горазно.

Ризы бархатъ черной рытой, оплечье бархатъ зеленъ золотной да съ шелкомъ съ краснымъ, крестъ и звѣзда того же оплечья, подольникъ камка лазорева, подложенъ дорòги червчаты, а ризы подложены крашениною лазоревою.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны ризы, отласъ сизовъ, бѣлъ, безъ оплечья. А нынѣ по досмотру тѣ ризы отласъ цвѣтной, шелкъ вишневой, а травы шелкъ свѣтлозеленъ, оплечье бархатъ червчатъ рытой. А у того же оплечья вставка напереди бархатъ лимонной, а оплечье и вставка все низано жемчугомъ; а около жемчугу веревочки и репейки обшиты золотные, да на томъ же оплечьѣ шесть плащей серебряныхъ басменныхъ позолочены, а на нихъ Спасъ Вседержитель на Престолѣ, да Пречистая Богородица, да Іоаннъ Предотеча, да два Архангелы, да впереди на плащи Іоаннъ Богословъ да Прохоръ ученикъ его, а Спасовъ плащъ да Іванна Богослова слова помяты горазно, а около плащей низано жемчугомъ съ принизочки съ черными; да семъ плащиковъ серебряныхъ позолочены басменныхъ, а седьмаго плащика половина; да семъ репейковъ невеликихъ басменныхъ серебряныхъ позолочены; да на тѣхъ же ризахъ крестъ о четырехъ дробницахъ серебряныхъ басменныхъ золоченыхъ; около дробницъ низано жемчугомъ мелкимъ; звѣзда въ четырехъ дробницахъ серебряныхъ басмен-

ныхъ; подольникъ у ризъ шитъ золотомъ да серéбромъ по отласу зеленому, подпушены мухояромъ рудожелтымъ, подложены тѣ ризы крашениною лазоревою.

Ризы отласные ветхи, шелкъ желтъ; оплечье бархатъ червчатъ золотной; крестъ бархатъ черной, а звѣзда тафтяная, а на ней дробница серебряная басмяная позолочена. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: у тѣхъ ризъ подольникъ круживо немѣцкое двоеличное шелковое зелено да желто, а нынѣ по досмотру то круживо шелковое ткано въ кружки, шелкъ зеленъ да желтъ, подпушенъ тафтою червчатою. Ризы подложены крашениною лазоревою, а тѣ ризы ветхи горазно.

Ризы камчаты бѣлы, ветхи, кресчаты, оплечье отласъ таусинной золотной. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ писано: на тѣхъ ризахъ крестъ въ пяти дробницахъ серебряныхъ, около креста низано жемчугомъ. А нынѣ по досмотру того креста нѣтъ. А по сказскѣ ризничаго старца Селивестра, тотъ де крестъ перешитъ на иные ризы; подолникъ у тѣхъ ризъ тафта двоеличная, подпушенъ тафтою червчатою, а ризы подложены полотномъ.

Ризы камчаты бѣлы, ветхи, плачены; оплечье шито золотомъ да серебромъ по черному бархату рытому; кругомъ оплечья тесьма ткана въ кружки, золото съ шелкомъ съ краснымъ; вмѣсто креста на тѣхъ ризахъ дробница серебряная басмяная позолочена; а на ней Спасъ на Престолѣ, по сторону Пречистая Богородица, а по другую сторону Иванъ Предотеча; у тѣхъ ризъ подольникъ тафта лимонная худа, подложенъ дороги червчатыми, а ризы подложены полотномъ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: ризы алтабасъ золотной съ петлями; а нынѣ по досмотру

тѣ ризы отласъ золотной, подольникъ у ризъ тесьма ткана въ кружки золотомъ да серебромъ съ шелкомъ съ вишневымъ, на ризахъ крестъ низанъ жемчугомъ, а въ крестѣ камень баусъ лазоревъ, да два камени винесы червчаты въ серебряныхъ гнездѣхъ позолоченыхъ, двухъ камешковъ и съ гнездами нѣтъ. Звѣзда того же подольнику крушковая. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та звѣзда прописана; а оплечье у тѣхъ ризъ и зуфрь лимонная; подпушка подъ подольникомъ тафта червчата; а ризы подложены крашениною лазоревою.

Ризы камчаты были ветхи горазно; оплечье бархатъ червчатъ золотной; подольникъ камка лазорева, подпушенъ тафтою червчатою; подложены тѣ ризы полотномъ.

Ризы камчаты бѣлы кресчать, ветхи горазно и изодрались. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: оплечье отласъ золотной съ петлями червчатъ; а нынѣ по досмотру то оплечье бархатъ чернъ золотной. Подольникъ тафта лазорева, подпушенъ тафтою червчатою, а ризы подложены полотномъ.

Ризы камка куфтерь бѣла, ветхи горазно; оплечье бархатъ чернъ шитъ золотомъ и серебромъ; подольникъ отласъ золотной съ кружки, подпушенъ дорогами двоеличными. Ризы подложены зенденью дымчатою, крестъ и звѣзда того же оплечья. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны ризы камчаты бѣлы, камка куфтеръ, подралися; оплечье отласъ червчатъ шитъ золотомъ и серебромъ; крестъ на ризахъ того же отласу, подольникъ бархатъ чернъ, по подольнику пришитъ плетенекъ золотной, подпушенъ атласомъ червчатымъ; ризы подложены миткалемъ; звѣзда чернаго бархату золотнаго; а нынѣ по досмотру тѣхъ ризъ нѣтъ.

Ризы камка бѣла, ветхи и подрались, оплечье отласъ золотный узорчатый разныхъ цвѣтовъ, опушка около оплечья вишнева; крестъ тафта зелена; звѣзда тафта червчата, подольникъ камка лазорева, а по ней строчка бѣла, подпушенъ тафтою червчатою, а ризы подложены полотномъ.

Ризы мухоярны черны, оплечье отласъ дымчатъ, крестъ и звѣзда тогоже отласу; подольникъ тафтянъ двоеличенъ, подпушенъ мухояромъ червчатымъ, оплечье подложена крашениною дымчатою.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: ризы камчаты бѣлы ветхи, оплечье отласъ золотной черпъ; а нынѣ по досмотру тѣ ризы камчаты бѣлы ветхи; оплечье бархатъ черпъ золотной, подольникъ дороги лазоревы, среди подольника строчка бѣла; подпушенъ подольникъ тафтою червчатою, ризы подложены полотномъ.

Ризы камчаты багровы клетчаты, ветхи горазно, подралися, плачены камкосѣею; оплечье бархатъ лазоревъ золотный; около оплечья обложена кромка, подольникъ отласъ полосатой, подпушенъ тафтою червчатою, а ризы подложены крашениною лазоревою.

Ризы камчаты багровы, оплечье отласъ червчатъ золотной, узоры и травы червлены да лазоревы, и зелены и бѣлы. Крестъ и звѣзда отласъ золотной, подольникъ камчатъ зеленъ чешуйчатъ, подложенъ крашениною темносинею, подпушены тафтою червчатою.

Ризы камка дымчата мягкотравная, безъ оплечья, подержаны; крестъ камка лазорева, а звѣзды нѣтъ; подольникъ дороги двоеличные, ризы подложены крашениною лазоревою.

Ризы камкосѣйные цвѣтные, оплечье отласъ червчатъ золотной, крестъ и звѣзда тогоже оплечья, по-

дольникъ камка лазорева, подложенъ подольникъ крашениною червчатою, а ризы подложены крашениною лазоревою.

Ризы тафтяны бѣлы, ветхи горазно, изодраны; оплечье бархатъ червчатъ золотной; подольникъ тафта алая, изодранъ весь, подпушенъ тафтою червчатою, а ризы подложены полотномъ.

Ризы мухоярны черны, оплечье отласъ лазоревъ, крестъ и звѣзды тогоже отласу, подольникъ тафтянъ, ветхи, подралися.

Ризы миткалинные, оплечье камка червчата куфтеръ, по ней шито по травамъ золотомъ; крестъ и звѣзда того же оплечья, подольникъ камка лазорева, подпушенъ крашениною кирпичною; а ризы подложены полотномъ.

Ризы миткалинные бѣлы, оплечье отласъ червчатъ золотной кресчатъ; крестъ и звѣзда тогоже оплечья, подольникъ крашенинной вишневъ, подпушенъ крашениною кирпичною; а ризы подложены крашениною лазоревою.

Ризы миткалинные, оплечье бархатъ рытой золотной, узоры червчаты да зелены. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: крестъ и звѣзда камка алая, а подольникъ камка алая же; а нынѣ по досмотру крестъ отласъ цвѣтной, а звѣзда отласъ цвѣтной же; подольникъ отласъ цвѣтной же, подпушенъ крашениною лазоревою; а ризы подложены полотномъ.

Ризы полотняные ветхи горазно, оплечье бархатъ червчатъ золотной, подольникъ крашенинной алой, полѣнялъ; а нынѣ тѣ ризы, по досмотру, отданы въ городъ на подворье.

Ризы полотняные, оплечье бархатъ лазоревъ, кружки и ручки золотные; крестъ и звѣзда и подольникъ

крашенина лазорева; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ звѣзда прописана.

Ризы полотняные, оплечье бархатъ лазоревъ полѣнялъ, подольникъ лазоревъ подпушенъ крашениною червчатою.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны ризы полотняные, оплечье отласъ червчатъ съ золотомъ и серебромъ; на ризахъ плащь кругъ, а на немъ вмѣсто креста воображенъ Іисусъ Христосъ. А нынѣ, по досмотру, тѣхъ ризъ нѣтъ. А по скаскѣ ризничего старца Селивестра, тѣ де ризы отданы въ монастырскую вотчину въ церковь.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: ризы камкосѣйные, шелкъ зеленъ да желтъ; оплечье у ризъ отласное золотное петельчато. А нынѣ по досмотру тѣ ризы камка кизылбаская [74] мелкотравная, шелкъ лазоревъ да зеленъ, оплечье золотное ветхо аскамичное. Крестъ на ризахъ въ пяти дробницахъ серебряныхъ золочены; около дробницъ низано жемчугомъ въ одну нить. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: звѣзда шита по камки золотомъ и серебромъ, подольникъ у ризъ камка червчата; а по ней шиты звѣри и травы золотомъ и серебромъ; подольникъ подпушенъ тафтою червчатою. А нынѣ по досмотру звѣзда отласъ гвоздиченъ, шитъ золотомъ и серебромъ, подольникъ отласъ червчатъ, шитъ золотомъ же и серебромъ, подольникъ подложенъ дорогами червчатыми, ризы подложены зеньденью гнильчатою; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та подкладка прописана. Въ прежнихъ же переписныхъ книгахъ написано: ризы полотняные; оплечье бархатъ вишневъ золотной; вставка

---

[74] Кизылбасскій, кизильбашскій, т. е. персидскій.

камчата багрова, крестъ и звѣзда зелена, подольникъ крашенинной лазоревъ, ветхи, подпушены крашениною лазоревою же, ветхи горазно; а нынѣ по досмотру тѣхъ ризъ нѣтъ.

Ризы полотенцо польское; оплечье и крестъ и звѣзда отласъ полосатой, подольникъ зеньдень алая, подпушенъ крашениною лазоревою, а ризы подложены полотномъ.

Дача боярина Ивана Никитича Романова: [75]

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны ризы участокъ золотной по червчатой зелени; а нынѣ, по досмотру, тѣ ризы отласъ золотной съ разными шелки, земля червчата же; оплечье шиты кубы и травы и репьи золотомъ и серебромъ по черному бархату, крестъ и звѣзда тогоже оплечья. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: у тѣхъ ризъ подольникъ участокъ серебрянъ съ травы разныхъ шелковъ; а нынѣ, по досмотру, тотъ подольникъ отласъ серебрянъ; а по немъ травы разныхъ шелковъ; а подольникъ опушенъ камкою червчатою; а подложены ризы тафтою зеленою.

Ризы камка лазорева куфтеръ, оплечье бархатъ червчатъ золотной оксамиченъ; крестъ и звѣзды того же оплечья, подольникъ камка червча, подложенъ тафтою червчатою; а ризы подложены киндякомъ вишневымъ.

Ризы камка темно-лазорева, оплечье шито по бархату по черному золотомъ и серебромъ. Травы, крестъ и звѣзда шито по отласу по бѣлому серебромъ сплошь. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: подоль-

---

[75] О бояринѣ Иванѣ Никитичѣ Романовѣ было уже сказано.

никъ у тѣхъ ризъ дороги зелены; подложенъ дорогами червчатыми, а ризы подложены зивьденью темнозеленою.

Дача Троицы Сергіева монастыря келаря старца Александра:

Ризы отласъ вишневъ съ золотомъ и серебромъ и съ шелки разными, оплечье бархатъ золотной, земля червчата, по ней травы серебряные. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: крестъ и звѣзда алтобасные; а нынѣ, по досмотру, тотъ крестъ и звѣзда аскамитченъ по отласу по зеленому, подольникъ отласъ цвѣтной по бѣлой землѣ, подложены тѣ ризы крашениною лазоревою; а подольникъ подложенъ крашениною червчатою.

Ризы камчаты багровы, камка кармазинъ; оплечье бархатъ зеленъ золотной, травы по немъ червчаты. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: крестъ и звѣзда участокъ золотной; а нынѣ, по досмотру, тотъ крестъ и звѣзда шиты по отласу по черному золотомъ; подольникъ у тѣхъ ризъ отласъ вишневой, подложенъ дорогами лазоревыми, а ризы подложены зеньденью глинястою.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: ризы камчаты багровы, оплечье бархатъ алъ; на немъ круги и травы черные. А нынѣ, по досмотру, тѣ ризы камка темнолимонная, плачены камкою черною; оплечье бархатъ черной рытой; крестъ и звѣзда отласъ черной золотной; подольникъ тафта вишнева, ветчана, подложенъ дорогами червчатыми; а ризы подложены крашениною лазоревою.

Ризы миткалинные, оплечье камкасѣя желта, по ней травы алые; крестъ и звѣзда и подольникъ камкасѣя

рудожелтая; по ней травы синіе, опушены крашениною вишневою, подложены тѣ ризы полотномъ; а нынѣ по досмотру тѣ ризы въ городѣ на монастырскомъ Хутынскомъ подворьѣ въ церкви. Оплечье бархатъ чернъ; а на немъ четыре круги большіе серебряные позолочены рѣзные; а на кругахъ Спасъ на Престолѣ, да Пречистая Богородица, да Петръ и Павелъ, да восемь круговъ серебряныхъ рѣзныхъ позолочены, а на нихъ Херувимы и Серафимы сто пятьдесятъ три дробницы круглыхъ большихъ и малыхъ и треугольныхъ, серебреныхъ басмяныхъ золоченыхъ, на оплечьѣ же два креста и трость и копіе низаны жемчугомъ; а около крестовъ круги низаны жемчугомъ въ двѣ нити, а около дробницъ и круговъ низано жемчугомъ въ одну нить, у того же оплечья три пугвицы серебряныя позолочены съ финифтомъ, а подложено то оплечье тафтою червчатою.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: оплечье бархатъ червчатъ кресчатъ, а по немъ плащи серебряные позолочены, выбойчатые тонкіе; а на нихъ Спасъ воображенъ на престолѣ, плащь изломаная; а по сторонамъ Пречистая Богородица да Иванъ Предтеча, да два Архангелы Михаилъ и Гавріилъ, да Иванъ Богословъ, Прохоръ ученикъ его; одинъ плащъ изломанъ, а около плащей низано жемчугомъ по двѣ жемчужины, да по два камешка черныхъ, да травы низаны жемчугомъ; а около жемчугу шито золотомъ; да три пуговицы серебряныхъ золоченыхъ долгихъ съ финифтомъ, четвертая пуговица серебряная же гладкая золочена, двѣ пуговицы мѣдныхъ; подложено то оплечье миткалемъ; а нынѣ по досмотру пришито то оплечье къ ризамъ къ отласнымъ вишневымъ, и тѣ ризы и то оплечье писано выше сего.

Дача Осипа Ивановича Сукина: [76]

Ризы камка лазорева кружчатая, оплечье отласъ червчатъ золотной, и крестъ и звѣзда того же оплечья; подольникъ тафта червчата, подложенъ подольникъ дорогами зелеными; ризы подложены зеньденью желтою.

Ризы камка цвѣтная, шелкъ червчатъ да рудожелтъ; оплечье участокъ серебряной, а по немъ травы золоченые съ розными шелки, крестъ и звѣзда того же участку; подольникъ обьяръ лазоревая, подложенъ дороги полосатыми; а ризы подложены зеньденью темнозеленою.

Дача думнаго дьяка Михаила Данилова: [77]

Ризы отласъ бѣлой мелкотравной, травы бѣлые же; оплечье бархатъ вишневъ золотной, круги по немъ серебряные, крестъ и звѣзда отласъ червчатъ золотной, подольникъ дороги полосатые, подложенъ крашениной рудожелтой, а ризы подложены холстомъ.

Дача Гаврила Васильева Хлопова:

Ризы отласъ зеленъ, по немъ полосы серебряные съ яблочки; оплечье на тѣхъ ризахъ въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: отласъ червчатъ; а нынѣ, по досмотру, то оплечье земля бархатъ червчатъ, а по немъ шиты кубы и травы золотомъ и серебромъ, мѣстами золотомъ и серебромъ оксамиченыя; крестъ на тѣхъ ризахъ въ пяти дробницахъ серебряныхъ, позолочены; около дробницъ низано жемчугомъ въ одну прядь; да звѣзда, камочка лазорева цвѣтная; подольникъ шитъ золотомъ

---

[76] Объ Осипѣ Ивановичѣ Сукинѣ было замѣчено прежде.

[77] О думномъ дьякѣ Михаилѣ Даниловѣ было уже замѣчено.

и серебромъ по вишневому отласу; подложенъ подольникъ тафтою желтою; а ризы подложены киньдякомъ таусиннымъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та подкладка прописана. —

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны ризы отласные лазоревы, отласъ узорчатой, въ кругахъ большихъ травы шелкъ рудожелтъ да бѣлъ не со много съ золотомъ, оплечье алтабасъ червчатъ узорчатъ, травы мелкіе; а нынѣ по досмотру тѣ ризы отласъ золотной съ шелкомъ съ бѣлымъ, обьярь золотная, земля червчата; крестъ и звѣзда шита серебромъ по отласу по червчату; подольникъ отласъ червчатъ; подложены тѣ ризы крашениною лазоревою.

Ризы отласъ зеленъ, оплечье шито по отласу червчатому золотомъ и серебромъ, крестъ и звѣзда того же оплечья; подольникъ камка кизыльбаская цвѣтная по землѣ по червчатой; травы бѣлыя, подольникъ подложенъ дорогами двоеличными зелеными; подложены ризы киньдякомъ червчатымъ; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: ризы камка куфтеръ таусинная; а нынѣ по досмотру тѣ ризы куфтеръ камка вишнева; оплечье отласъ зеленъ золотной, съ бѣлымъ шолкомъ, опушено отласомъ червчатымъ, крестъ и звѣзда того же оплечья, подольникъ куфтеръ камка лазорева, подложенъ крашениною зеленою; а ризы подложены крашениною лазоревою.

Ризы камка бѣлая мелкотравная, оплечье шито золотомъ и серебромъ по отласу по лимонному; крестъ того же оплечья, а звѣзда шита по черному бархату золотомъ, подольникъ и круживо золотное по багровой камкѣ, подложено крашениною червчатою, а ризы подложены портениною.

Дача Гаврила Васильевича Хлопова:

Ризы отласъ алъ золотной, оплечье участокъ серебрянъ, а по немъ травы золотные и шелковые, крестъ и звѣзда того же оплечья; подольникъ отласъ бѣлъ цвѣтной съ травами; подольникъ подложенъ тафтою червчатою, а ризы подложены крашениною зеленою; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та подкладка прописана.

Ризы и зуфрь черная; оплечье камка вишнева; по ней шиты круги золотные да серебряные; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: крестъ и звѣзда участочныя; а нынѣ по досмотру тотъ крестъ объярь цвѣтная земля серебряная, а звѣзда отласъ лазоревъ золотной, подольникъ дороги полосатые подложены крашениною кирпичною; а ризы подложены крашениною лазоревою. —

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны ризы участокъ плохой бѣлой, круги большіе, ткано по зеленому пенку бѣлою пенкою. А межъ пенковъ не сомного серебромъ; а въ кругахъ ткано зеленою пенкою, а промежъ пенки не со много золотомъ; а нынѣ по досмотру тѣ ризы отласъ серебряной съ золотомъ по зеленой землѣ; оплечье отласъ червчатъ золотной съ разными шелки. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: крестъ и звѣзда участокъ червчатъ; а нынѣ по досмотру тотъ крестъ и звѣзда цвѣтная съ золотомъ, подольникъ дороги полосатые, подложенъ зеньденью червчатою; а ризы подложены зеньденью зеленою.

Ризы безинные бѣлые; оплечье отласъ червчатъ золотной ветчаной; оплечье опушено дорогами зелеными; крестъ на ризахъ камка цвѣтная, звѣзда камка жел-

тая; подольникъ тафта червчата, подпушенъ крашениною лазоревою; а ризы подложены портениною.

Да вновь приложены *дача боярина князя Димитрія Михайловича Пожарскаго:* [78]

Ризы камка бѣла; оплечье бархатъ червчатъ золотной съ серебромъ, крестъ того же оплечья, звѣзда отласъ золотной; подольникъ камка цвѣтная, подложенъ дорогами червчатыми; а ризы подложены зеньденью лазоревою.

Ризы камка бѣлая ветха, оплечье отласъ червчатъ золотной, крестъ дороги зелены, звѣзда и подольникъ тафта двоеличная, среди подольника строчка бѣла, подпушена дорогами червчатыми, а ризы подложены полотномъ.

Ризы камчаты бѣлы, оплечье отласъ червчатъ золотной оксамиченъ; вмѣсто креста плащь серебрянъ басмяной позолоченъ, на немъ образъ Спасовъ; подольникъ олтабасной, подпушенъ былъ тафтою червчатою, ветхъ, подложенъ киньдякомъ зеленымъ.

Стихарь подризной мухоярной, оплечье и зарукавье крашенина зелена, подольникъ зеньдень алая, подпушенъ дорогами червчатыми; стихарь подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь подризной камкасѣйной по зеленой землѣ; травы багровы, оплечье и зарукавье дороги червчаты; подольникъ камка дымчата, подпушенъ дорогами; стихарь подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь подризной отласной, полосы таусинные да зеленые, оплечье и крестъ и звѣзда и рукавье и подольникъ камка цвѣтная, подпушенъ тафтою червчатою, подложенъ стихарь крашениною лазоревою, ветхъ.

---

[78] О Д. М. Пожарскомъ было уже замѣчено.

Стихарь подризной камчатъ лазоревъ, оплечье и зарукавье дороги полосаты, подложены крашениною лазоревою, ветхъ; а нынѣ по досмотру оплечье и зарукавье дороги червчаты, подольникъ дороги лимонные.

Стихарь подризной камкасѣйной, шелкъ зеленъ да желтъ, оплечье тафтяно и таусинно двоеличное, подольникъ тафтянъ червчатъ, подпушенъ холстомъ ветхъ.

Стихарь подризной миткалинной, оплечье и зарукавье и подольникъ камка вишнева цвѣтная, крестъ тоежъ камка, подпушенъ тафгою червчатою; подложенъ стихарь подризной холстомъ, ветхъ.

Три стихаря подризные полотняные, оплечье у одного отласно-полосато разныхъ цвѣтовъ; у другаго отласъ узорчатой, узоры желты да зелены изодраны, у третево камчато, узоры лазоревы да алые; всѣ стихари ветчаны, а третій де стихарь данъ на посадъ къ церкви.

Два стихаря подризныхъ крашениннныхъ, оба худы ветхи, черные.

Дача боярина Ивана Никитича Романова: [79]

Стихарь отласный серебряной цвѣтной; по немъ травы разныхъ шелковъ, оплечье отласъ вишневъ, круги съ золотомъ и съ шелки цвѣтовъ полосатъ; крестъ того же оплечья. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ крестъ прописанъ. Зарукавье отласъ золотной червчатъ съ травы разныхъ шелковъ, и подольникъ камка лазорева; подпушено зарукавье и подольникъ дорогами алыми, и подложенъ киньдякомъ зеленымъ.

---

79 Объ И. Н. Романовѣ было уже замѣчено выше.

Патрахѣль бархатъ черпъ, а на ней шиты травы золотомъ и сереброиъ и шелки; а въ травахъ орлы двоеглавые шиты серебромъ; а вѣнчики на нихъ червчаты да лазоревы; ердань[80] на патрахѣли дороги зелены; около патрахѣли и по сшивкѣ опушено тоюже тафтою, кресты тафтяны желты; внизу у патрахѣли опушено тою же тафтою, да рѣшетка обвивана серебромъ; да въ рѣшеткѣ же тридцать восемь варворокъ, девятнадцать кистей, шелкъ зеленъ да багровъ съ золотомъ и съ серебромъ, да шестнадцать пугвицъ серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ; подложена та патрахѣль крашениною лазоревою.

Патрахѣль бархатъ чернъ да лазоревъ клѣтчатъ, шесть крестовъ тафтяныхъ червчатыхъ, опушены тафтою двоеличною; на ней двадцать одна пуговица мѣдныхъ, да десять кистей разныхъ цвѣтовъ; ердань, тафта двоеличная ветха, изодралась; подложена крашениною лазоревою.

Патрахѣль отласъ червчатъ, а на ней восмь Святыхъ стоящіе, шито золотомъ и серебромъ и шолки, ердань у патрахѣли опушена, камка желта; да у патрахѣли же четыре кисти шелковыхъ, варварки новые же съ золотомъ, по сшивки девять корольковъ обышныхъ, подложена крашенниною лазоревою; а нынѣ по досмотру на той патрахѣли шесть корольковъ.» —

А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: патрахѣль камка золотная кресчата; а нынѣ по досмотру, та патрахѣль отласъ золотной кресчатой, около опушка и кресты пашиваны камка голуба, ердань камка

---

80 «Ерданью» на эпитрахили и на ризахъ называется верхняя часть ихъ у самаго возглавія.

цвѣтная, узоры червчаты да желты, ветха, по спивкѣ пятнадцать пугвицъ серебряныхъ, гладкихъ, невеликихъ, да восемь кистей шелковыхъ; ворварки шелковые съ золотомъ; подложена крашениною; а нынѣ по досмотру двѣ кисти.

Патрахѣль камка таусинная, на ней десять плащей большихъ серебряныхъ, позолочены на рѣзи; а на нихъ Софѣя да Преображеніе Господне и иные Святые, да девятнадцать крестовъ; на нихъ по пяти дробницъ серебряныхъ позолочены, по краемъ и по срединѣ восемьдесятъ дробницъ серебреныхъ круглыхъ позолочены; а подъ дробницами по краемъ плетенекъ нѣмецкой золотной съ шелкомъ лазоревымъ, на срединѣ по двѣ пугвицы; плетенекъ шелкъ зеленъ, четыре строчки бѣлаго шолку. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: на той патрахѣли двадцать пугвицъ серебряныхъ, а нынѣ по досмотру двадцать одна пугвица серебряные рѣзные позолочены, семдесятъ дробницъ троеугольныхъ; а около плащей и крестовъ и дробницъ[81] низано жемчугомъ середнимъ и мелкимъ въ одну нить; ердань у патрахѣли бархатъ червчатъ съ золотомъ и семнадцать ворварокъ рѣшетчатыхъ съ кистьми; кисти разныхъ шелковъ съ золотомъ; рѣшетка обвита серебромъ, ворварки въ два ряды, поясокъ у ердани золотной нѣмецкой; подложена отласомъ багровымъ.

Патрахѣль бархатна черна, на ней восмь пугвицъ мѣдныхъ, двѣ попорчены, ердань изуфряная бѣлая ветчана, подложена крашениною лазоревою, кисти оборвалися, ветхи.

---

81 Плащи нѣсколько отличались отъ дробницъ по формѣ и особенно по величинѣ, а устроялись изъ одного и того же металла и были одинаковой работы.

Патрахѣль камчата багрова, а на ней въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: десять пугвицъ мѣдныхъ, а нынѣ по досмотру семь пугвицъ мѣдныхъ, двѣ пугвицы оловяные. Ердань изуфрява червчата, подложена крашениною лазоревою.

Патрахѣль, а на ней шиты круги и слова и каймы золотомъ и серебромъ волоченымъ, а на сшивкѣ и по краемъ кресты низаны жемчугомъ мѣлкимъ, дробницы серебряные золочены; по краемъ и по сшивкѣ плетенекъ золотной, по сшивкѣ же осмнадцать пугвицъ серебряныхъ гладкихъ позолоченыхъ; ердань у патрахѣли бархатъ узорчатъ, узоры червчаты да бѣлы да зелены съ золотомъ, да крестъ; а въ немъ пять дробницъ серебряныхъ съ финифтомъ, а на дробницахъ крестъ; около низано жемчугомъ въ двѣ нити; около одной дробницы жемчугъ поизсыпался; да у патрахѣли же четырнадцатъ кистей шелковыхъ, розныхъ шелковъ; да на ней же четырнадцать ворворокъ, обшиты золотомъ и серебромъ; подложена тафтью червчатою; а нынѣ по досмотру одной пугвицы половины нѣтъ.

Патрахѣль шита золотомъ и серебромъ тасмою; а на ней въ дву мѣстѣхъ по полукресту, серебряные басменые позолочены; а въ двухъ мѣстѣхъ кресты нашиваны тафтяные; на патрахѣли же тринатцать пугвицъ серебряныхъ гладкихъ, на сшивки около патрахѣли опушено отласомъ вишневымъ; ердань у патрахѣли мухояръ червчатъ; у патрахѣли же семь кистей розныхъ шелковъ, ворворки шелковые же, подложены крашениною лазоревою; а около травки бывали шиты золотомъ по лазоревой землѣ; ветха.

Патрахѣль сдѣлана изъ кружива нѣмецкаго мѣдного изъ большаго, ветхо горазно. Ердань у патрахѣли крашенина червчата; вершокъ мухоярной червчатой; а нынѣ

у той патрахѣли ердань камка цвѣтная; опушена та патрахѣль отласомъ лазоревымъ цвѣтнымъ, подложена крашениною лазоревою; кресты нашиты крашенинные; а нынѣ по досмотру тафтяные алые; да по сшивки пятнадцать пугвицъ мѣдныхъ золоченыхъ, да шесть кистей шелковыхъ.

Патрахѣль багрова бархатна золотная, а на ней шито шесть крестовъ крашенинныхъ; да на сшивкѣ въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано шестнадцать пугвицъ оловяныхъ; а нынѣ по досмотру четырнадцать пугвицъ оловянныхъ же; да пять кистей нитяныхъ; ердань у патрахѣли того же бархату; а въ верху крашенина ала ветха.

Патрахѣль тафтяна червчата, ветха горазно; а на ней бывало шито восемъ Святыхъ золотомъ и серебромъ; ердань у патрахѣли камка зеленая; да у патрахѣли же девять пугвицъ оловяныхъ, а нынѣ, по досмотру, двухъ нѣтъ; да пять кистей шелковыхъ червчатыхъ; подложена патрахѣль крашениною алою, ветха.

Патрахѣль полубархатная зелена, травы багровые; а на ней шесть крестовъ шиты золотомъ, по сшивкѣ тринадцать пугвицъ мѣдныхъ. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: десять кистей шелковыхъ, а нынѣ, по досмотру, восемъ кистей шелковыхъ же, разныхъ цвѣтовъ; опушена киндякомъ лазоревымъ; ердань у патрахѣли полубархатъ червчатъ; подложена крашениною лазоревою.

Патрахѣль отласъ золотной червчатъ, ердань и опушка и кресты камка лазорева; на патрахѣли же двѣнадцать пугвицъ серебряныхъ, девять кистей шелковыхъ разныхъ шелковъ цвѣтовъ, подложена крашениною лазоревою; а нынѣ, по досмотру, у тоѣ патрахѣли осмнад-

цать пугвицъ серебряныхъ; ердань и опушка камка зелена.

Патрахѣль бархатъ золотной зеленъ, ердань дороги зелены, плаченая и ветха горазно; подложена крашениною, пугвицы мѣдные, кисти шелковые.

Патрахѣль бархатъ золотной зеленъ; на немъ бывало шесть крестовъ, а опушена крашениною лазоревою, и тринадцать пугвицъ мѣдныхъ и оловяныхъ; ердань отласъ зеленъ съ наставки крашениными; да пять кистей шелковыхъ, подложена крашениною лазоревою.

Три патрахѣли отласъ бѣлъ травчатъ и ердани дорогильные червчаты, и въ томъ числѣ у одной патрахѣли въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано семнадцать пугвицъ, а нынѣ, по досмотру, осмнадцать пугвицъ серебряныхъ сканныхъ, одиннадцать кистей шелкъ съ золотомъ; а у другихъ патрахѣлей пугвицы оловяные, кисти шелковые простые; а подложены тѣ патрахѣли крашениною лазоревою.

Поясы подризные:

Поясъ подризной шелкъ красной да лазоревъ, тканъ въ кружки, по немъ кресты золотные да серебряные, да четыре кисти шелковыхъ съ золотомъ и съ серебромъ;[82] да у того же пояса четыре ворворки обшиваны серебромъ и шелкомъ краснымъ.

Поясъ шелковой тканъ въ кружки на нитяхъ, кресчатъ, кресты червчаты да бѣлы, да желты, да лазоревы; дя у пояса двѣ кисти шелковыхъ червчаты, да двѣ ворворки шелковыхъ же, обшиваны золотомъ да серебромъ, да двѣ кисти шелкъ зеленъ, на нихъ четыре

82 Изъ этихъ древнихъ поясовъ съ отвѣсными почти до земли кистями, съ ремнями и пряжками, нѣкоторые доселѣ хранятся въ монастыряхъ.

ворворки, шелкъ черной съ золотомъ да съ серебромъ.

Поясъ шелковой червчатъ тканъ въ кружки, по немъ кресты зелены, ремень пришитъ съ пряжею желѣзною на пришивочкомъ мѣстѣ; поясъ попортился, двѣ ворворки низаны жемчугомъ мѣлкимъ, кисти шелкъ червчатъ; все ветхо.

Поясъ шелковъ кресчатъ зеленъ да желтъ; да у того же пояса четыре кисти шелковыхъ же, двѣ червчаты да двѣ желты, четыре ворворки обшиты шелкомъ червчатымъ, да у пояса пряжа мѣдная.

Поясъ шелковъ зеленъ да червчатъ, клѣтчатъ, тканъ въ кружки, подложенъ ременемъ, у ремени пряжа желѣзная; у пояса двѣ кисти шелковыхъ червчатыхъ съ серебромъ, ворворки шелковые же съ золотомъ.

Поручи бархатные клѣтчатые, шелкъ лазоревъ да червчатъ, пугвицы мѣдные, ветхи горазно.

Поручи отласъ алъ, а на нихъ Святые шиты золотомъ и серебромъ и шелки; на одной поручи и Спасъ на Престолѣ, у Спаса въ вѣнцы низано жемчугомъ во шести мѣстѣхъ, въ трехъ мѣстѣхъ по двѣ нити, а въ двухъ мѣстѣхъ по одной; подписи: «Іисусъ Христосъ» низано жемчугомъ; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ жемчугъ прописанъ; а по сторонамъ Иванъ Предтеча, да Иванъ Златустый; а на другой поручи Пречистая Богородица на Престолѣ, у ней подпись въ кружкахъ низана жемчугомъ, а по сторонамъ Василій Великій, Григорій Богословъ, а на поручахъ шито золотомъ по краемъ слова, да у поручей же двадцать пугвицъ серебряныхъ.

Поручи шитыя золотомъ и серебромъ по черному бархату, а на нихъ шиты орлы серебряные, а у поручей восемь пугвицъ серебряныхъ позолочены, двѣ

пугвицы попортились; а нынѣ по досмотру у тѣхъ поручей четыре пугвицы серебряныхъ позолочены; а подложены тѣ поручи крашениною лазоревою.

Поручи отласъ червчатъ золотной, въ кругу золотномъ древца, около поручей у зарукавья ткано шелкъ червчатъ съ золотомъ; да у тѣхъ же поручей семь пугвицъ серебряныхъ помяты; а подложены тѣ поручи крашениною лазоревою.

Поручи отласъ червчатъ золотной, опушены крашениною лазоревою; а у тѣхъ поручей четырнадцать пугвицъ оловяныхъ ветхи, а тѣ поручи подложены крашениною лазоревою.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: поручи участокъ золотной съ травами, а нынѣ по досмотру тѣ поручи отласъ червчатъ золотной съ травами; кругомъ опушена камкою серебряною кизилбаскою цвѣтною, по запястью опушены бархатомъ чернымъ; а по бархату двадцать дробницъ четвероугольныхъ серебряныхъ позолоченыхъ по запястью; по краямъ по опушкѣ низаны жемчугомъ мелкимъ въ одну нить, по краемъ опушки жемчугъ поосыпался; а промежъ дробницъ по два гнѣзда низано жемчугомъ мѣлкимъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ гнѣзда жемчужные прописаны, на поручахъ же два креста низаны жемчугомъ, сплошь; у поручей же двадцать пугвицъ серебряныхъ позолочены; а тѣ поручи подложены крашениною лазоревою.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны поручи обьярь серебряная, а нынѣ по досмотру тѣ поручи камка серебряная, по ней травы шелки разныхъ цвѣтовъ, крестъ и опушка дороги червчаты, двѣнадцать пугвицъ оловяныхъ, подложены тѣ поручи крашениною лазоревою.

Двои поручи камчаты зелены чешуйчатые, а на нихъ два креста; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: бархатъ червчатъ золотной, а нынѣ по досмотру тѣ кресты отласъ червчатъ золотной; кругомъ поручей опушено камкою лазоревою; а на сшивкахъ опушены камкою червчатою; на тѣхъ же поручахъ двѣнадцать пугвицъ оловяныхъ, а подложены тѣ поручи крашениною лазоревою.

Поручи камкосѣйные зелены, по нимъ травы лазоревы, кресты и опушки дороги червчаты; у тѣхъ же поручей въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: двѣнадцать пугвицъ оловяныхъ; подложены тѣ поручи зеньденью зеленою.

Поручи бархатъ червчатъ. По бархату шито золотомъ и серебромъ; на поручахъ кресты нашиты дороги зелены, а на поручахъ одиннадцать пугвицъ серебряныхъ золоченыхъ; по сшивкѣ тѣ поручи опушены круживомъ шитымъ золотнымъ; подложены тѣ поручи киньдякомъ темновишневымъ.

Шапка служащая архимаричья; а по ней дски серебряные литые позолочены рѣзные; а на дскахъ рѣзано порознь въ Дѣисусѣ Спасъ Вседержитель да восмь Святыхъ століціе, да девять плащей круглыхъ серебряныхъ литыхъ позолоченыхъ рѣзныхъ, а на нихъ вырѣзаны Святые, да на верху шапки плащъ серебромъ литой позолоченъ круглой рѣзной, а на немъ вырѣзанъ образъ Знаменіе Пречистыя Богородицы; а промежъ Дѣисуса и плащей на шапкѣ низано жемчугомъ большимъ; а промежъ жемчугу въ гнѣздѣхъ серебряныхъ позолоченыхъ надъ Спасовымъ образомъ три камени яхонты лазоревы да четыре жемчужины; а надъ святыми каменья баусы, да вареники, да венесы, да смазни: и всѣхъ камней на шапкѣ въ гнѣз-

дѣхъ и безъ гнѣздъ шестьдесять, да двадцать три жемчужины большіе въ гнѣздѣхъ серебряныхъ позолочены, а около шапки въ низу у святыхъ поясокъ золото волоченое; поперегъ пояска низано жемчугомъ среднимъ; а на всей шапкѣ около жемчугу и каменья обведено веревочками золотными, а шапка опушена горносталемъ.

Шапка служащая камка лазорева; а на ней десять плащей серебряныхъ позолоченыхъ басменыхъ; а на нихъ Спасъ Вседержитель; а около всей шапки девять Святыхъ поясныя; надъ тѣми плащи десять плащей же невеликихъ, на одномъ плащѣ Троица, а на иныхъ святые; на верху шапки плащъ серебряной басманой позолоченъ, а на немъ Іисусъ Христосъ; около верхняго плаща десять дробницъ серебряныхъ басмяныхъ позолоченыхъ; а около плащей, что на верху дробницъ, низано жемчугомъ въ одну нить, а по жемчугу обведено веревочкою золотною; кругомъ шапки, по ниже плащей, строка низана жемчугомъ мѣлкимъ; опушена та шапка горносталемъ, а подложена дорогами вишневыми; около семи дробницъ жемчугъ поосыпался.

Да въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано:

Шапка служащая архимаричья отласъ таусинной; а на ней пятнадцать плащей серебряныхъ басменыхъ золоченыхъ; а на плащехъ Спасъ на Престолѣ; а по сторонамъ Пречистая Богородица, да Іоаннъ Предтеча и иные Святые стоящіе; на верху шапки четыре плащи круглыхъ серебряныхъ басменыхъ золоченыхъ, на нихъ Херувимы и Серафимы, на шапкѣ же въ верху плащъ круглой серебрянъ позолоченъ; а на мемъ Троица; да межъ херувимовъ и серафимовъ двѣнадцать дробницъ серебряныхъ басменыхъ золоченыхъ; около плащей и дробницъ низано жемчугомъ среднимъ,

мѣлкимъ; а подпись на шапкѣ низана жемчугомъ мѣлкимъ, а пониже подписи плетенекъ золотной. Шапка подержана; опушена та шапка горносталемъ; а нынѣ по досмотру сь той шапки жемчугъ весь снятъ, и съ подписи жемчугъ снятъ же, и опушки у той шапки нѣтъ же; а нынѣ по досмотру тотъ жемчугъ лежитъ въ казнѣ у ризничего у чернаго дьякона Селивестра; да онъ же ризничей сказалъ: съ той де шапки жемчугу пошло въ новую шапку, которую *далъ думный дьякъ Михаила Даниловъ*[83]; а осталось у того жемчугу мѣлкаго жемчугу восемь золотниковъ, которой жемчугъ нынѣ у него въ казнѣ.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло вновь: шапка служащая отласъ вишневъ, а на ней пятнадцать плащей серебряныхъ чеканныхъ позолочены; а на плащехъ чеканенъ Спасъ Вседержитель; а по сторонамъ около всей шапки Святые стоящіе, а въ верху надъ святыми шестнадцать плащей круглыхъ серебряныхъ чеканныхъ позолочены, а на нихъ Херувимы и Серафимы; да въ верху на шапкѣ кругъ серебряной чеканной позолоченъ; а на немъ чеканено Воплощеніе Пречистѣй Богородицы, а на углахъ Евангелисты; а по сторонамъ два Херувимы, да два Серафимы; да на той же шапки около всѣхъ плащей низано жемчугомъ въ одну нить, а на верху около круга низано жемчугомъ въ двѣ нити; да на той же шапки девять камней бирюзъ, да двадцать одинъ камень въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ; а около тѣхъ камешковъ обведено жемчугомъ середнимъ въ одну нить; а около жемчугу обведено веревочкою золотной; да у той же шапки внизу подпись около

83 О думномъ дьякѣ Михаилѣ Даниловѣ было уже сказано.

всей шапки серебряная позолочена рѣзная; а на ней въ гнѣздѣхъ серебряныхъ позолоченыхъ шесть камешковъ обышныхъ; а опушена та шапка горносталемъ; а ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: ту де шапку *далъ въ монастырь думный дьякъ Михаилъ Даниловъ.*

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: полица большая, отласъ таусинной; а нынѣ по досмотру та полица отласъ темно-зеленъ, а на ней Спасъ на Престолѣ шитъ золотомъ и серебромъ и шелки; въ моленіи у него у ногъ два Святые, Антоній Великій да Варламъ Чудотворецъ, шиты шелкомъ вишневымъ да дымчатымъ да лазоревымъ; по угламъ шиты Херувимы и Серафимы золотомъ. Около Спасова образа и 5коло престола и около святыхъ и херувимовъ и серафимовъ и межъ всѣхъ ризъ низано жемчугомъ середнимъ и мѣлкимъ въ одну нить; подпись у Вседержителя Спаса и у преподобныхъ низапо жемчугомъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ подписи прописаны; да въ нрежнихъ же переписныхъ книгахъ написаны слова долгія: «Препояши оружіе свое»; а около словъ шито золотомъ; а нынѣ по досмотру тѣ слова долгіе около полицы: «Препояши оружіе свое по бедрѣ твоемъ сильне красотою твоею и добротою твоею, наляцы и спѣи, царствуй истины ради и кротости и правды»; а около словъ обведено веревочками золотыми; а поверхъ словъ и въ исподѣ двѣ строки около полицы низаны жемчугомъ въ одну нить; а около строкъ обведено веревочкою золотною; а тѣ слова большіе: «Препояши оружіе свое по бедрѣ твоей сильне,» низаны жемчугомъ въ одну нить; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ прописано, что тѣ слова низаны жемчугомъ, и тѣ двѣ строки, что около

долгихъ словъ, низаны жемчугомъ въ одну нить, прописаны же; на верхнемъ углу крюкъ серебрянъ литой. У тоежъ полицы три кисти шелкъ червчатъ съ золотомъ да съ серебромъ; на кистѣхъ же варварочки невелики, шелкъ лазоревъ съ золотомъ и съ серебромъ. Да у тоежъ полицы два пояска, одинъ поясокъ шелкъ червчатъ съ кистью, а другой поясокъ шелкъ лазоревъ съ кисткою же; а подложена та полица тафтою двоеличною.

Полица меньшая, въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написана: отласъ таусинной; а нынѣ по досмотру, та полица отласъ темно-зеленъ, не много подрался; на ней образъ Пречистыя Богородицы. Верхняя риза шита золотомъ, а исподняя риза шита серебромъ; престолъ шитъ золотомъ и серебромъ. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: около ризы и престола шито шелкомъ зеленымъ; а нынѣ, по досмотру, около престола и вѣнца Пречистыя Богородицы низано жемчугомъ въ одну нить, а около жемчугу обведено веревочкою золотною; да въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ жемчугъ прописанъ. Да по сторонамъ и въ верху и въ исподѣ четыре Пророки: царь Давидъ и Моисей, и Ааронъ, и Іаковъ, шиты золотомъ и серебромъ; около вѣнцовъ у пророковъ низано жемчугомъ въ одну нить, а около вѣнцовъ и около пророковъ обведены веревочками золотными. Да на той же полицѣ два плаща четвероугольныхъ серебряныхъ басменыхъ позолочены, а на нихъ херувимы. Около тѣхъ плащей низано жемчугомъ въ одну нить, а около жемчугу обведено веревочками золотными. Да на той же полицѣ въ двухъ мѣстѣхъ были плащи четвероугольные, и тѣхъ плащей нѣтъ; а около тѣхъ порозныхъ мѣстъ низано жемчугомъ въ одну нить; а въ преж-

нихъ переписныхъ книгахъ тотъ жемчугъ прописанъ; да по краемъ полицы плетенекъ золотной; да по угламъ два пояска шелкъ лазоревъ съ кистями, да три кисти шелкъ червчатъ, двѣ кисти съ золотомъ, а третья безъ золота, да на четвертомъ углу крюкъ оловяной; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: подложена та полица тафтою червчатою, а нынѣ по досмотру подложена та полица дорожками темновишневыми.

Полица, въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написана: отласъ таусиный, а нынѣ по досмотру та полица отласъ темно зеленъ. Среди полицы Іисусъ Христосъ; около восмь Пророковъ шиты золотомъ и серебромъ, у тоежъ полицы три кисти шелкъ червчатъ съ золотомъ; а у тѣхъ кистей три варверки обшиты серебромъ, а на четвертомъ углу крюкъ желѣзной, у тоежъ полицы два пояска шелкъ вишневъ, а у поясковъ двѣ кисти шелкъ рудожелтъ; а подложена та полица киндякомъ сизовымъ.

Подполокъ отласъ червчатъ золотной; по немъ травы золотные съ разными шелки. Съ одного конца подкищенъ шелкомъ зеленымъ, а на другомъ концѣ двѣ пугвицы обшиты зеленымъ шелкомъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: подложенъ тотъ подполокъ тафтою алою, а нынѣ, по досмотру, тотъ подполокъ подложенъ дорогами червчатыми.

Подполокъ отласъ червчатъ золотной, по немъ травы шелковыя да лазоревы, подкищенъ шелкомъ зеленымъ, подложенъ дорогами червчатыми; а нынѣ того подполка нѣтъ; а ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тотъ де подполокъ написанъ вдвое.

Подполокъ кутня узорчата, круги бѣлы да желты,

съ одного конца подкищенъ шелкомъ червчатымъ, подложенъ киньдякомъ желтымъ, ветхъ.

Сулокъ тафтянъ темновишневъ, оба концы опушены тафтою вишневою, полѣняла; по опушкѣ шито золотомъ и серебромъ. А на томъ сулку тоежъ опушки шесть круговъ; а на кругахъ шесть кружковъ маленькихъ низаны жемчугомъ мѣлкимъ съ звѣздками; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ шесть кружковъ низаны жемчугомъ, прописаны. Да въ прежнихъ же переписныхъ книгахъ написано: среди того сулка дробницы серебряные; а нынѣ, по досмотру, тѣхъ дробницъ нѣтъ. У того сулка оба конца подкищены шелкомъ зеленымъ.

Сулокъ долгой тафта червчата, опушена камкою бѣлою цвѣтною, подкищенъ шелкомъ червчатымъ.

Дача боярина Ивана Никитича Романова [84]:

Сулокъ дороги червчаты, средина сшита по обѣимъ концамъ, опушено камкою серебряною кизылбаскою; по ней травы розныхъ шолковъ, по концамъ опушка; подложена крашениною темносинею. У того же сулка на одномъ концѣ шесть кистей, шелкъ зеленъ да лазоревъ съ золотомъ, на кистѣхъ варворочки маленькіе, шелкъ лазоревъ съ золотомъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ кисти прописаны.

Сулокъ тафта алая, по концамъ опушка отласъ червчатъ золотной, около опушки по обѣимъ концамъ обведено плетенькомъ золотнымъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ плетенокъ прописанъ; да у того же сулка оба конца подкищены золотомъ. —

---

[84] Объ И. Н. Романовѣ было уже упоминаемо.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: ширинка полотняная, до половины шита золотомъ и серебромъ; а нынѣ по досмотру та ширинка подполокъ ветхъ полотняной, до половины шита золотомъ, да круги шиты шелкомъ краснымъ да зеленымъ; а въ кругахъ репи шиты золотомъ и разными шелки; а подкищенъ тотъ подполокъ шелкомъ червчатымъ да зеленымъ съ золотомъ да съ серебромъ; другой подполокъ таковъ же.

Ширинка полотняная шиса шолкомъ вязью, подкищена шелкомъ червчатымъ.

Ширинка миткалинная, шита золотомъ да серебромъ да разными шелки, подкищена шелкомъ лазоревымъ съ серебромъ.

Ширинка полотняная, шита золотомъ и серебромъ и шелки разными, подкищена шелкомъ червчатымъ.

Полотенцо миткаленное, по обѣимъ краемъ шиты каймы фряскіе шелкомъ чернымъ, а по обѣимъ сторонамъ каймы шиты шелкомъ червчатымъ.

Двѣ ширинки шиты золотомъ и шелки разными съ кругами, а въ кругахъ шиты рѣпи, а подкищиваны золотомъ и серебромъ и шелки разныхъ цвѣтовъ; а нынѣ, по досмотру, тѣхъ ширинокъ нѣтъ; а ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тѣ де ширинки написаны вдвое.

Три ширинки полотняные шиты золотомъ да серебромъ да шелки разныхъ цвѣтовъ: двѣ ширинки подкищены шелкомъ червчатымъ, а третья подкищена шелкомъ червчатымъ съ золотомъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ подкисти прописаны.

Ширинка тафта бѣла, по ней шиты птицы и звѣри золотомъ и серебромъ съ разными шелки, около узору

двѣ строчки шиты золотомъ да червчатымъ шелкомъ, подкищена та ширинка золотомъ.

Ширинка тафтяна бѣла, шиты на ней травы и древа и звѣри золотомъ и серебромъ и разными шелки; кругомъ узору двѣ строчки шиты черным шелкомъ, подкищены золотомъ.

Ширинка тафтяна бѣла, а на ней шиты травы золотомъ и серебромъ и шелки розными; подкищена шолкомъ червчатымъ съ золотомъ.

Ширинка миткалинная бѣла, а на ней травы и птицы шиты золотомъ и серебромъ и разными шелки; подкищена шелкомъ червчатымъ съ золотомъ.

Ширинка миткалинная, а на ней травы шиты золотомъ и серебромъ и разными шелки; подкищена шелкомъ червчатымъ съ золотомъ.

Стихари дьяконскіе:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: стихарь діаконской, камка багрова, оплечье и зарукавье отласъ желтъ; опушена оплечье и зарукавье тѣмъ же отласомъ; у зарукавья вставка бархату иново; уларь[85] черново бархату; а нынѣ, по досмотру, тотъ стихарь дьяконской камка темнолимонная, оплечье отласъ червчатъ золотной съ кружками; около оплечья кромка дороги зелены, зарукавье бархатъ темно-вишневъ; у зарукавья вставки мухоярные черны; крестъ отласъ золотной; уларь бархатъ вишневъ, по немъ кресты, и опушенъ тотъ уларь крашениною зеленою; а подложенъ уларь крашениною лазоревою; подольникъ у стихаря дороги вишневы, а по немъ шиты репи розными шелки; подложенъ тотъ стихарь крашениною лазоревою.

---

[85] «Орарь», въ прежнія времена, произносили и писали «уларь».

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: стихарь дьяконской отласъ багровъ, ветхъ оплечье и зарукавы, на переди вставка камкасѣя багрова. Уларь бархатъ желтъ съ черныю, подложенъ крашениною зеленою; а нынѣ, по досмотру, тотъ стихарь отласъ вишневъ, ветхъ; оплечье бархатъ вишневъ, ветхъ горазно; а тотъ стихарь плаченъ мухояромъ вишневымъ; зарукавье кутня зелена, подралась; уларь бархатъ вишневъ, а на немъ крестъ, и опушенъ крашениною зеленою, подложенъ крашениною лазоревою; у стихаря подольникъ дороги двоеличные, подложены дорогами червчатыми; стихарь подложенъ крашениною зеленою.

Стихарь дьяконской, камка розныхъ цвѣтовъ, травы зелены съ золотомъ, а межъ травою люди; оплечье отласъ червчатъ золотной, поручи того же оплечья. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ поручи прописаны. У того же стихаря уларь камка таусинная, у него восмь плетеньковъ поперечныхъ, да четыре плетенька длинныхъ золотныхъ; да двѣ пугвицы серебряныхъ, а третьей пугвицы нѣтъ; подложенъ тотъ уларь отласомъ лазоревымъ. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: подольникъ у стихаря камка таусинная; а нынѣ, по досмотру, тотъ подольникъ камка лазорева; по ней шито золотомъ и серебромъ, подпушенъ тафтою червчатою, подложенъ киньдякомъ лазоревымъ. Да у уларя же восмъ кистей, на обѣихъ концахъ шелкъ зеленъ да лазоревъ съ золотомъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ кисти прописаны.

Стихарь камчатъ бѣлъ, оплечье и зарукавье отласъ червчатъ золотной, все ветхо. Уларь отласъ червчатъ съ кружки золотными, оплечье опушено, въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано камкою зеленою, а нынѣ, по досмотру, то оплечье опушено крашениною

вишнезою; подольникъ у стихаря камчатъ голубъ; стихарь подложенъ крашениною лазоревою, крестъ на стихарѣ отласъ червчатъ. У уларя четыре кисти шелковыхъ, а двухъ кистей нѣтъ; уларь опушенъ камкою голубою. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: кресты на улари бѣлы; а нынѣ, по досмотру, на уларѣ кресты тафтяны зелены; двѣ пугвицы серебряные, гладкіе, ветхи; а третей пугвицы серебряной нѣтъ; а стихарь ветхъ горазно.

Стихарь камчатъ бѣлъ, кресты въ кругахъ, подпись около крестовъ: *Іисусъ Христосъ*; оплечье камка чешуйчатая зелена; уларь тоежъ камки; оплечье и уларь опушены камкою лазоревою; поручи дороги червчаты, подольникъ дороги зелены; подложенъ стихарь полотномъ, а подольникъ опушенъ дорогами червчатыми; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ у того стихаря поручи и подольникъ и подкладка прописаны.

Стихарь отласъ червчатъ золотной: оплечья и уларь отласъ червчатъ золотной; подольникъ камка лазорева, подложенъ зеньденью кирпичною; да у того же стихаря поручи отласъ червчатъ золотной; а стихарь и уларь подложенъ крашениною лазоревою; на уларѣ восмь кистей розныхъ шелковъ; крестъ на стихарѣ шитъ золотомъ да серебромъ по черному бархату.

Стихарь мухоярной бѣлъ; оплечье камка багрова; подольникъ крашенинной лазоревъ, подложенъ холстомъ бѣлымъ. У того же стихаря уларь бархатъ червчатъ, ветхъ; опушенъ крашениною лазоревою, подложенъ крашениною черною, а крашенина полѣняла; пугвицы оловяныя, ветхи; да у того же стихаря поручи камка багрова; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ поручи прописаны.

Стихарь киндячной черпъ; оплечье и зарукавье камка цвѣтная, шелкъ зеленъ да бѣлъ; а нынѣ, по досмотру, то оплечье и зарукавье бархатъ зеленъ, сносился, ветхъ; подольникъ крашенинной лазоревъ; подпушенъ крашениною красною. Уларь камка желта, ветха, горазно плачена; а на немъ шиты по крашенинѣ по лазоревой Архидьяконы и Херувимы, и многіе попорчены; двѣ пугвицы мѣдныхъ, ветхи.

Стихарь гаруспой чернъ, ветхъ; оплечье и зарукавье отласъ полосатой; подольникъ крашенинной лазоревъ, подпушенъ крашениною алою. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: уларь бархатъ чернъ; а нынѣ, по досмотру, тотъ уларь бархатъ червчатъ золотной, ветхъ; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: опушенъ тафтью черною; а нынѣ, по досмотру, тотъ уларь опушенъ крашениною лазоревою; кресты на немъ камка черная; у стихаря оплечья и уларь подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь изуфряновъ, ветхъ, оплечье камка цвѣтная шелкодымчетъ да желтъ зарукавье. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: бархатъ чернъ; а нынѣ, по досмотру, тѣ зарукавье кутня рудожелтая, опушенъ кутнею зеленою; уларь камка желтая; а на немъ крестъ бархатъ червчатъ; уларь опушенъ тафтою червчатою; у него шесть кистей нитяныхъ, двѣ пугвицы мѣдныхъ; у стихаря подольникъ кутня червчата; подложенъ крашениною лазоревою; а стихарь подложенъ полотномъ.

Стихарь мухоярной чернъ; оплечье выбойка турская; уларь того же оплечья. Уларь подложенъ крашениною лазоревою, кисти нитяные; подольникъ у стихаря крашенинной кирпичной.

Стихарь миткалинной, оплечье и зарукавье и уларь бархатъ червчатъ золотной съ розными шелки; крестъ на стихарѣ того же оплечья; подольникъ отласишко дымчатой, подпушенъ крашениною кирпичною; а стихарь подложенъ полотномъ.

Стихарь миткалинной, оплечье и зарукавье бархатъ червчатъ золотной, подольникъ червчатъ, полѣнялъ; подпушенъ крашениною лазоревою, подложенъ холстомъ; да у того же стихаря поручи бархатъ червчатъ золотной съ розными шелки; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ поручи прописаны.

Стихарь полотняной, ветхъ горазно, оплечье и поручи и крестъ камка лазорева, опушенъ зеньденью зеленою, подложенъ крашениною лазоревою; у того же стихаря уларь камка лазорева, опушенъ зеньденью зеленою; подложенъ крашениною лазоревою; у уларя шесть кистей нитяныхъ.

Стихарь полотняной, ветхъ горазно; оплечье и зарукавье и уларь камка бывала червчата; оплечье и зарукавье опушено тафтою желтою съ пестретью; крестъ на стихарѣ тоежъ камки, подольникъ крашенинной лазоревъ.

Стихарь камкосѣйной узорчатъ цвѣтной; оплечье бархатъ вишневъ золотной; поручи и уларь отласъ лазоревъ; уларь опушенъ тафтою зеленою, а подложенъ киндякомъ желтозеленымъ. Подольникъ отласъ полосатой, подпушенъ крашениною алою; а стихарь подложенъ крашениною свѣтлолазоревою.

Два стихаря миткалинные, одинъ ветхъ; оплечье у нихъ и крестъ и уларь камкасѣйные; шелкъ рудожелтъ да багровъ; около уларя по краемъ опушено тафтою багровою; подольники камкасѣйные, подпушены крашениною рудожелтою, а стихари подложены хол-

стомъ; да у тѣхъ же стихарей поручи камкасѣйные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ поручи прописаны.

Стихарь подризной тафта зелена, оплечье и подольникъ дороги червчаты; поручи отласъ червчатъ золотной. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: тѣ поручи камка чернена золотомъ; стихарь подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь подризной камка лазорева мелкотравная, шелкъ лазоревъ да бѣлъ, оплечье и зарукавье камка багрова; подольникъ, въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: круживо нѣмецкое; а нынѣ, по досмотру, тотъ подольникъ тесьма ткана въ кружки золото съ бѣлымъ шелкомъ. Стихарь подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь подризной дороги желты, оплечье киндячное вишнево, подольникъ камка лазорева цвѣтная; стихарь подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь діаконской камка лазорева куфтерь; оплечье и объярь золотная съ травами, поручи отласъ червчатъ золотной, ветхъ; подольникъ бывалъ шитъ золотомъ да серебромъ; уларь отласъ червчатъ золотной, обложенъ камкою лазоревою; на уларѣ кресты миткалинные, а на стихарѣ крестъ отласъ червчатъ золотной. Стихарь подложенъ крашениною лазоревою.

Стихарь діаконской камка зелена, оплечье и зарукавье и уларь отласъ зеленъ серебрянъ съ травами; подольникъ камка лазорева мелкотравная; стихарь подложенъ крашениною лазоревой.

Поясъ подризной, шелкъ червчатъ лазоревъ, тканъ въ кружки, пришитъ на ременѣ пряжа желѣзная; двѣ кисти большіе шелковые червчаты; у кистей двѣ подвѣски низаны жемчугомъ мѣлкимъ въ рѣшетку; а нынѣ,

по досмотру, на тѣхъ ворворкахъ не много жемчугу поосыпалось; да у того же пояса двѣ кисти невелики; одна шелкъ червчатъ, а другая шелкъ лазоревъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ двѣ кисти прописаны.

Куколь бѣлъ камчатъ.

Куколь объяринной бѣлъ.

Пять куколей холщевыхъ, а на всѣхъ шиты кресты. А тѣ куколи кладутъ на невѣрныхъ, какъ ихъ крестятъ. [86]

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: на престолѣ покровъ бархатной разныхъ цвѣтовъ, опушенъ астрадамомъ. А нынѣ, по досмотру, того покрова на лицо нѣтъ. А ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тотъ де покровъ написанъ дважды.

Плащаница тафта алая, а на ней шито Положеніе во гробъ Господа нашего Іисуса Христа. Вѣнецъ шитъ золотомъ; въ возглавіи Пречистая Богородица; верхняя риза у Пречистой Богородицы шита шелкомъ багровымъ; исподняя риза шита лазоревымъ; подножіе шито золотомъ и серебромъ. У гроба же Иванъ Богословъ, а на немъ верхняя риза багрова; промежъ шелкъ гвоздиченъ; на ризѣ въ сгибѣ шито шелкомъ багровымъ и зеленымъ. Исподняя риза лазорева съ пробѣлью; подножіе шито золотомъ и серебромъ и шелки желтымъ и зеленымъ. Да у гроба же два Ангела шиты золотомъ; ризы на нихъ шиты серебромъ; подъ сгибомъ шито шелкомъ лазоревымъ, крылѣ шиты золотомъ и серебромъ и шелки; да у гроба же два Ангела

[86] Древніе куколи подобны были схимническому клобуку; но обычай класть ихъ на невѣрныхъ при крещеніи неизвѣстенъ изъ церковной исторіи.

съ репиды; ризы на нихъ шиты серебромъ, пробѣль на ризахъ шелкъ лазоревъ. Оплечье и зарукавье и подольникъ шиты золотомъ и серебромъ. У Ангела уларь зеленъ, а у другаго лазоревъ; уларь, крылѣ багровы, пробѣль лазоревы; перышки нашиты золотные; подсвѣчникъ у гроба шитъ золотомъ, а на немъ три яблочка шиты серебромъ и шелкомъ зеленымъ и лазоревымъ; да въ верху надъ гробомъ два Ангела шиты шолкомъ лазоревымъ и зеленымъ и бѣлымъ, вѣнцы шиты золотомъ. Да на плащаницѣ по угламъ Херувимы и Серафимы, да четыре Евангелиста; а около плащаницы надпись шита золотомъ: «Да молчитъ всяка плоть», весь до конца; опушка у плащаницы отласъ золотной лазоревъ, подложенъ киньдякомъ кирпичнымъ.

Подушка полотняная, настилана бумагою, подложена полотномъ же; въ длину четыре аршина, а поперегъ два аршина. А кладутъ де ту подушку на Чудотворцовѣ гробѣ на раку. [87]

Пелена камка лазорева, крестъ камчатъ бѣлъ, опушена отласомъ червчатымъ золотнымъ, подложена крашениною лазоревою.

Двѣ пелены камчаты багровы, на нихъ крестъ камчатъ желтъ, опушены камкою желтою, подложены крашениною лазоревою.

Пелена камка зелена, на ней крестъ тафтянъ червчатъ, по угломъ камка лазорева, а около отласъ червчатъ золотной; подложена крашениною, ветха.

Пелена камка зелена, на ней крестъ камчатъ желтъ, опушена камкою желтою же, а подложена та пелена крашениною лазоревою.

---

87 Подобнаго обычая теперь не встрѣчается.

Да въ ризницѣ Варлаама Чудотворца:

Сундучекъ, оболоченъ кожею, а на верхней дски писанъ образъ Преподобнаго Варлаама Чудотворца; на верху покровъ отласъ ветхъ горазно, по краемъ опушенъ былъ камкою червчатою, полѣнялъ; на покровѣ крестъ отласной багровъ ветхъ.

А въ сундучкѣ ризы Варлаама Чудотворца, бывали багровы, мухоярные, въ трехъ лоскутѣхъ. [88]

Да стихарь мухоярной подризной ветхъ, рукава ободралися [89].

Крестъ благословящій мѣдной литой. [90]

Поручи тафтяные зелены, шиты золотомъ да шелкомъ червчатымъ да чернымъ; на поручахъ образъ Спасъ да Пречистая Богородица, да Іоаннъ Предтеча, стоящіе; около образовъ низано жемчугомъ мѣлкимъ; подложены крашениною лазоревою. [91]

Патрахѣль мухояръ черминъ, а на ней крестъ плащи серебряные позолочены, репейчатые; около плащей низано жемчугомъ мѣлкимъ, жемчугъ осыпался; да на патрахѣли же въ девяти мѣстѣхъ семьдесятъ одна дробница круглыхъ клѣтчатыхъ серебряныхъ позоло-

---

88 Теперь риза эта, изъ прежнихъ лоскутовъ сшитая, находится въ цѣлости стариннаго покроя. Мухояръ на ней подобенъ шалону или гарусу кофейнаго цвѣта. Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 617.

89 Подризникъ также цѣлъ и безъ ветхостей, на крашенинной подкладкѣ.

90 Крестъ металлическій бѣловатый также цѣлъ. На немъ вверху изображены Михаилъ, потомъ Спасъ съ двумя предстоящими Архангелами, далѣе Распятіе съ предстоящими Божіею Матерью и Іоанномъ Богословомъ.

91 Надпись на поручахъ: ІС ХС — МР ΘΥ — агиосъ Іоанъ; а на другой: Иванъ.

чены; около дробницъ низано жемчугомъ мѣлкимъ; въ девяти мѣстѣхъ дробницъ нѣтъ.[92]

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ въ прибылѣ два ковра: одинъ большой, а другой поменьше. А ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тѣ де ковры *далъ думный дьякъ Михаилъ Даниловъ* при бывшемъ *архимаритѣ Пахомiи*[93]; да два ковра подержаны: одинъ большой, а другой поменьше. А ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тѣ де четыре ковры въ церквѣ давно. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подьячего Михаила Шустова тѣ де ковры прописаны.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ въ прибылѣ:

Покровъ отласъ желтъ; на немъ крестъ камка цвѣтная, шелкъ червчатъ да бѣлъ; подложенъ тотъ покровъ тафта зелена. А ризничей черной дьяконъ Селивестръ сказалъ: тотъ де покровъ въ ризницы давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ покровъ прописанъ.

Да въ церкви же Всемилостиваго Спаса, въ книгохранительницѣ, у уставщика старца Саватѣя книгъ печатныхъ и писменныхъ всякихъ и хартейныхъ:

Евангелiе толковое утреннее воскресное, письменное въ десть, оболочено въ красную кожу. На верхной сторонѣ четыре наугольника мѣдные литые, да посе-

---

[92] На эпитрахили, кромѣ дробницъ, есть наугольники, шитые херувимы; подкладка на ней крашенинная. Кромѣ означенныхъ вещей Преп. Варлаама, остались еще отъ него власяница и вериги, хранящiяся въ монастырѣ.

[93] Пахомiй былъ предмѣстникомъ Евѳимiя, при которомъ составлена эта опись. Ист. Росс. Iерарх. ч. VI, стр. 642.

редъ тоежъ доски плащикъ круглой литой мѣдной, а въ немъ вышитъ человѣкъ на конѣ. А на исподней сторонѣ четыре жука[94] мѣдныхъ, застежки мѣдныежъ литые. А въ Евангеліи первое начало прописано золотомъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано то Евангеліе печатное и на верхной сторонѣ наугольники прописаны. Евангеліе воскресное утреннее толковое, писмянное въ десть. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: Евангеліе вседневное толковое письменное въ десть; а нынѣ по досмотру то Евангеліе въ красной кожѣ, на верхной сторонѣ по краемъ четыре жука мѣдныхъ, а на исподней сторонѣ пять жуковъ мѣдныхъ, застежки мѣдные литые; а въ прежнихъ книгахъ тѣ жуки и застежки мѣдные были прописаны.

Книга Апостолъ, печать московская въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Апостолъ, печать московская, въ десть, въ кожи въ красной и застежки мѣдные. На исподней сторонѣ пять жуковъ мѣдныхъ литыхъ; а въ прежнихъ книгахъ тѣ жуки прописаны.

Книга, печать литовская, въ десть, Бесѣды Апостольскіе, въ кожи красной съ потальею,[95] одна застежка мѣдная.

Книга Апостолъ Толковой, писмяной, въ десть, въ кожи въ красной; на обоихъ сторонахъ жуки мѣдные, одна застежка мѣдная; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ жуки и застежки прописаны.

---

94 Жуками называютъ мѣдные или серебреные репейки, непозволяющіе книгамъ обтираться объ окладъ.

95 Т. е. съ самою простою позолотою.

Книга Служебникъ, печатной въ полдесть, расплетенъ на двѣ книги, въ кожи въ красной, застежки мѣдные.

Книга Служебникъ, печать московская, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Потребникъ, печатная, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Потребникъ, письменной въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдныя; а нынѣ того Потребника на лицо нѣтъ; а по сказкѣ книгохранителя старца Саватѣя, тотъ де потребникъ отданъ въ *Братолюбской монастырь.* [96]

Книга Служебникъ, писмянной, въ четверть, въ тетрадѣхъ, переплетенъ въ кожи въ красной, безъ досокъ.

Книга Служебникъ писменой, поволоченъ изуфрью синею, застежки мѣдные; а нынѣ по досмотру у того Служебника слова прописаны золотомъ.

Книга Служебникъ, писмянной въ полдесть, поволоченъ выбойкою узорчетой, одна застежка мѣдная.

Книга Служебникъ, писмяной въ полдесть, въ кожи въ черной, жучки мѣдные, а застежекъ нѣтъ; да у того же Служебника нынѣ по досмотру первое начало прописано золотомъ.

Книга Служебникъ, писмяной въ полдесть, поволоченъ выбойкою узорчатою.

Книга Служебникъ, писмянной въ полдесть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные ветхи.

---

[96] Подъ Братолюбскимъ монастыремъ можно разумѣть Братскій Полотскій Богоявленскій, который былъ разоренъ въ XVII вѣкѣ. См. Истор. Россійской Іерархіи, ч. III, стр. 441 и 442.

Книга Потребникъ, весь ветчанъ, въ полдесть, переплетъ весь разсыпался.

Книга Служебникъ, харатейной, оболоченъ тафтою зеленою чудотворцовъ [97]; а нынѣ по досмотру тотъ служебникъ въ чудотворцовѣ ризницѣ.

Книга Уставъ, печать старая, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Уставъ, печать новая, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные, на каждой сторонѣ жуки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ жуки прописаны.

Книга Уставъ писмяной, въ десть, въ кожи въ черной, жуки троеугольные и застежки мѣдные.

Книга Уставъ писменой, въ десть, въ кожи въ красной; наугольники и застежки мѣдные гладкіе, а нынѣ по досмотру одна застежка.

Книга Уставъ писмяной, въ полдесть, въ кожи въ черной, наугольники и застежки мѣдные. А нынѣ, по досмотру, тотъ Уставъ въ десть, на верхней дскѣ наугольники съ финифтью, а на исподней сторонѣ жуки и объ одной застежки.

Книга Уставъ писмяной харатейной, въ десть, въ кожѣ въ красной, наугольники и застежки мѣдные гладкіе.

Книга Псалтырь письменая, въ десть, 'переплетена въ новой кожи въ красной, верхняя сторона басмяна, застежки мѣдные, а верхняя сторона басмяна золо-

---

97 О Служебникѣ этомъ извѣстно, что онъ присланъ въ почесть Преп. Варлааму изъ Царьграда отъ патріарха Никифора и теперь находится въ московской Сѵнодальной Ризницѣ, будучи взятъ, вѣроятно, въ прошломъ вѣкѣ. Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 620.

томъ и серебромъ; а нынѣ по досмотру у той книги первое начало прописано золотомъ.

Двѣ Псалтири письменые, обѣ въ полдесть, переплетены въ пятку [98], безъ застежекъ, ветхи.

Книга Псалтырь писменая, въ десть, въ кожѣ бывала въ красной, жучки и застежки мѣдныя, ветха горазно и въ переплетѣ разсыпалася; а нынѣ по досмотру у той книги первое начало прописано золотомъ; а у той Псалтыри одна застежка мѣдная.

Книга Псалтырь письменая, въ кожи въ красной; а нынѣ по досмотру у той Псалтыри застежки мѣдные, жучки мѣдные же; первое начало прописано золотомъ.

Книга Псалтырь харатейная, въ десть, въ кожи въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Стихараль, въ кожѣ въ черной, знаменной, въ полдесть.

Книга Стихараль путной, въ четверть, въ кожи въ красной, застежки мѣдные.

Книга Стихараль знаменной, въ четверть; а въ немъ Охтай середніе, переплетенъ въ пятку.

Книга Стихараль постной знаменной, въ полдесть, переплетенъ въ пятку.

Книга Стихараль знаменной, въ полдесть, переплетенъ въ пятку, ветхи, переводы старинные.

Книга Стихараль знаменной, въ полдесть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные. У Стихораля первое начало прописано золотомъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ у того Стихораля жучки и застежки и начало прописано.

---

98 Переплетъ въ пятку состоялъ въ перевязкѣ веревочками, которыя накладывались и видны были явственно за кожею.

Книга Охтай, печатной въ десть, въ кожѣ въ красной въ новой, басмы съ нацвѣты, перваго, да втораго, да третьяго, да четвертаго гласу, застежки мѣдные.

Книга Охтай, печатной въ десть, пятаго, да шестаго, да седьмаго, да осьмаго гласу, въ кожѣ въ красной, басма съ нацвѣты; а нынѣ по досмотру у той книги застежки мѣдные.

Книга Охтай, писмянной харатейной, въ десть, перваго, да втораго, да третьяго, да четвертаго гласу, въ кожѣ въ бѣлой, жуки и застежки мѣдные.

Книга Охтай, харатейной, въ десть, восемь гласовъ безъ каноновъ, въ кожѣ въ красной, жучки мѣдные, да одна застежка мѣдная же. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та книга написана; оболочена въ кожу въ бѣлую безъ застежекъ, а жучки и одна застежка мѣдные, въ прежнихъ книгахъ прописаны.

Книга Треодь Постная, печатная въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ по досмотру одной застежки нѣтъ.

Книга Треодь печатная Цвѣтная, въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Треодь писменая Постная, въ десть, въ кожѣ въ красной, на одной сторонѣ жучки и застежки мѣдные.

Книга писменая въ полдесть, Житіе Чудотворца Варлама, въ кожи, жучки и застежки мѣдные.

Книга въ полдесть писменая, служба Иліи Пророка, обложена въ пятку, ветха.

Книга Іоанна Златоустаго письменая, въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ та книга безъ застежекъ.

Книга Соборникъ, въ полдесть, писмянной, въ кожи въ красной объ одной застежкѣ.

Книга Соборникъ, въ полдесть, десять главъ; въ началѣ слово Іоанна Милостиваго, въ кожи въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Соборникъ, въ двѣнадцать главъ, письменной; въ началѣ житіе Святыя Евпраксѣи; въ кожѣ въ бѣлой, въ полдесть; жучки и застежки бѣдные.

Книга Соборникъ письменой, въ полдесть, Иванна Златоустаго, въ кожи въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Іоанна Златоустаго, Евангельскіе Бесѣды, письменной, въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, у той книги жуки на одной сторонѣ.

Книга Соборникъ большой письменной, въ десть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, у той книги жучки на одной сторонѣ, а застежки одной нѣтъ.

Книга Торжественникъ письменной въ десть, въ кожѣ бывалъ въ красной, застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, у той книги жуки мѣдные.

Книга Торжественникъ писменной, въ полдесть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные, ветхъ, изъ переплету розсыпался; а нынѣ, по досмотру, у той книги одной застежки нѣтъ.

Книга Ефремъ Сиринъ, писменая въ десть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ книгахъ тѣ жучки и застежки прописаны.

Книга Ефремъ Сиринъ, писменая въ десть, въ кожѣ въ черной; на одиой дцки жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ книгахъ тѣ жучки прописаны.

Книга Исаакъ Сиринъ, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ черной, переплетъ разсыпался.

Книга Григорія Богослова, письменая, въ десть, въ кожѣ въ черной, застежки мѣдные.

Книга Григорія Богослова, письменая, въ десть, въ кожѣ въ черной, наугольники большіе и застежки мѣдные. А нынѣ, по досмотру, у той книги первое начало прописано золотомъ.

Книга Григорія Папы стараго Рима Бесѣдовникъ, письменая въ полдесть, въ кожѣ въ бѣлой, жучки и застежки мѣдные на одной сторонѣ.

Книга Григорія Богослова толковая, письменая въ десть, въ кожѣ въ бѣлой; а въ прежнихъ книгахъ та книга написана въ кожѣ въ черной.

Книга Симеона новаго Богослова, письменая въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Лѣтописецъ, въ десть, письменая, въ кожѣ въ черной.

Книга Лѣтописецъ, въ полдесть, письменой, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Прологъ Сентябрской, полугодовой, письменой, въ десть, въ кожѣ въ красной, на одной сторонѣ жучки и застежки мѣдные.

Книга Прологъ Мартовской, полугодовой, въ кожѣ въ красной, письменой, въ десть, на исподней сторонѣ жуки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ у той книги жучки и застежки мѣдные прописаны.

Книга Синоксарь, въ полдесть, письменой, въ кожи въ красной; на исподней сторонѣ жучки да одна застежка мѣдные. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ жучки тѣ и застежка прописаны.

Книга Лѣствица, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные. А въ преж-

ныхъ переписныхъ книгахъ тѣ жучки и застежки прописаны.

Книга Лѣствица, письменая, въ полдесть, переплетена въ пятку, ветха, разсыпалася.

Книга Лѣствица, въ полудесть, ветха.

Книга Минея мѣсяцъ Сентябрь, письмена, въ полудесть, переплетена въ пятку.

Книга Минея мѣсяцъ Сентябрь, въ десть, Четья письменая, обложена въ пятку.

Книга Минея мѣсяцъ Октябрь, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной.

Книга Минея мѣсяцъ Ноябрь, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной; а нынѣ, по досмотру, та книга ветха; да у тоежъ книги на исподней сторонѣ жучки да застежка одна мѣдная; а въ прежнихъ книгахъ жучки и застежки прописаны.

Книга Минея мѣсяцъ Декабрь, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, у той книги одна застежка мѣдная.

Книга Минея мѣсяцъ Генварь, Четья письменая, въ десть, переплетена въ пятку.

Книга Минея мѣсяцъ Генварь, письменая въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, у той книги одной застежки нѣтъ.

Книга Минея мѣсяцъ Мартъ, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, одна застежка.

Книга Минея мѣсяцъ Февраль, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ черной, застежки мѣдныя; а нынѣ, по досмотру, у той книги одна застежка мѣдная, да

на исподней сторонѣ жучки мѣдные, а въ прежнихъ книгахъ тѣ жучки прописаны.

Книга Минея мѣсяцъ Апрѣль, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ бѣлой, на обѣихъ сторонахъ жучки мѣдные; а въ прежнихъ книгахъ тѣ жучки прописаны.

Книга Минея мѣсяцъ Май, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной.

Книга Минея мѣсяцъ Іюнь, скорописная, въ четверть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Октябрь, харатейная, въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Декабрь, харатейная, въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Генварь, харатейная, въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Февраль, харатейная, въ десть, жучки да одна застежка мѣдная. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ жучки и застежки прописаны.

Книга Минея мѣсяцъ Мартъ, харатейная, въ десть, въ кожи въ черной, жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ жучки и застежки прописаны.

Книга Минея мѣсяцъ Апрѣль, харатейная, въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Май, харатейная, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, у той книги одной застежки нѣтъ.

Книга Минея мѣсяцъ Іюнь, въ полдесть, харатейная, въ кожѣ въ черной, ветха гораздо, разсыпалася; на обѣихъ сторонахъ жучки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Сентябрь, печатная, въ десть; а нынѣ, по досмотру, та книга въ кожѣ въ бѣлой, застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Октябрь, печатная, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные, верхняя дцка басмяная.

Книга Минея мѣсяцъ Ноябрь, печатная, въ десть, въ кожѣ въ бѣлой, застежки мѣдные.

Три книги Минея мѣсяцъ Декабрь, печатные, въ полдесть, двѣ въ кожѣ въ красной, а третья въ кожѣ въ черной, застежки у всѣхъ мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Генварь, печатная, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Двѣ книги Минеи мѣсяцъ Февраль, печатныя, въ десть, въ кожѣ въ красной въ новой, застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Мартъ, печатная, въ десть, въ кожѣ въ красной, одна застежка мѣдная.

Книга Минея мѣсяцъ Анрѣль, печатная, въ десть, въ кожѣ въ красной.

Книга Минея мѣсяцъ Май, печатная, въ десть въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Іюнь, печатная, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Двѣ книги Минеи: одна кнuга мѣсяцъ Іюль, а другаа Августъ, печатные, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Августъ, печатная, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Іоасафъ Царевичъ, письменая, въ полдесть, оболочена въ пятку.

Книга Іоасафа Царевича, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ черной, на исподней сторонѣ жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ жучки и застежки тѣ прописаны.

Книга въ полдесть, письменая, Житіе Преподобныхъ Египетскихъ, въ кожѣ въ красной, ветха.

Книга въ четвертку, переплетена въ пятку, Часы Царскіе трои.

Книга Часословецъ, письменной, въ четверть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Покаяніе Скитское и Каноны, въ четверть, переплетена въ кожу въ красную, безъ досокъ.

Книга Савы Сербскаго, письменая, въ полдесть, оболочена въ пятку, ветха, разсыпалася.

Книга Житіе Александра Свирскаго, письменая, въ полдесть, оболочена въ пятку.

Книга Θедора Студійскаго, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ черной.

Книга Зерцало, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ черной.

Книга Симеона Новаго Богослова, письменая въ полдесть, въ кожѣ въ черной.

Книга Измарагъ, письменая, оболочена въ пятку.

Книга Амфилогія Иконійскаго, письменая, въ десть, объ одной застежкѣ.

Книга, а въ ней писано: Полунощница, да Заутреня, да Часы и Каноны въ полдесть, письменая, обложена кожею въ пятку.

Книга Соборникъ, въ полдесть, Стефана Пермскаго, обложена кожею въ пятку.

Книга Соборникъ мѣсяца Ноября, письменая, въ полдесть, оболочена кожею въ пятку, на одной сторонѣ жучки и застежки мѣдные.

Книга Житіе Соловецкихъ Чудотворцовъ, письменая, въ полдесть, оболочена въ пятку.

Книга Пахомія Великаго, письменая, въ четверть, оболочена кожею красною, жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ книгахъ тѣхъ жучковъ и застежки не написаны.

Книга письменая, въ десть, Житіе Скитскихъ, въ кожѣ въ черной; на исподней сторонѣ жучки мѣдные.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: книга въ осминку, Житіе Сергія Чудотворца; а нынѣ той книга на лицо нѣтъ.

Книга Служба Григорія Великія Арменіи, письменая, въ полдесть, оболочена въ пятку.

Книга Кирила Мниха, обложена въ пятку, письменая.

Книга Богородиченъ, на осемь гласовъ, оболочена въ пятку; отдана въ монастырскую вотчину на Пидму.

Книга Криница, письменая, въ десть.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написана книга Григорія Арменскаго, въ полдесть; а нынѣ, по досмотру, та книга Григорія Амиритскаго, писменая, оболочена въ пятку.

Книга Селивестръ, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, на одной сторонѣ жучки мѣдные.

Книга Житіе Сергія Чудотворца, писменая, въ полдесть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Ивана Дамаскина, писменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Авва Дороѳей, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Парамейникъ, письменой, въ полдесть, въ кожѣ въ красной.

Книга Никонскія Правила, въ полдесть, большая письменая, вь кожѣ въ красной и въ доскахъ; на верхней сторонѣ наугольники, а на исподней сторонѣ жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ жучки и наугольники прописаны; а нынѣ, по досмотру, первое начало прописано золотомъ.

Книга Латынское Отрицаніе многимъ вѣрамъ, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Николы Чудотворца, письменая въ четверть, въ кожѣ въ черной; на обѣихъ сторонахъ жучки мѣдмые; а въ прежнихъ книгахъ тѣ жучки прописаны.

Книга Трепѣснецъ, письменая, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежка мѣдная.

Книга Обрѣтеніе Честнаго Креста, харатейная, въ десть, въ кожѣ въ красной.

Книга Часовникъ, письменой, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки на обѣихъ сторонахъ и застежки; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ жучки и застежки прописаны.

Книга Канонникъ, письменой, въ полдесть, оболоченъ кожею въ пятку.

Книга Канонникъ, письменой, въ полдесть, переплетенъ въ пятку; а нынѣ, по досмотру, въ томъ Канонникѣ начало Кирила Мниха.

Книга Святцы съ Тропари и Кондаки, письменная, въ полдесть, ветха, оболочена кожею въ пятку.

Двои тетради въ кожахъ красныхъ, а въ нихъ Каноны и Стихѣры литѣйные; застежки мѣдные.

Въ тетрадѣхъ въ полдесть, письменая, Житіе Іоны Архіепископа Новгородскаго, въ красной кожѣ.

Тетради въ кожѣ въ бѣлой, а въ нихъ Житіе Кирила Бѣлозерскаго, письменая.

Тетради литѣйные, письменые, въ десть, въ кожѣ въ красной въ новой.

Святцы съ Тропари и Кондаки, въ тетрадѣхъ, въ четверть, письменые, переплетены въ кожѣ въ бѣлой.

Житіе Святыя Параскавѣи, нареченныя Пятницы, въ тетрадѣхъ, письменые, оболочено кожею красною.

Книга Сенодикъ, письменой, въ десть, въ кожѣ въ бѣлой, застежки мѣдные.

Да тутъ же, въ книгохранительницѣ, двѣ книги сенодичные: одна письменая, а другая харатейная, ветхи горазно.

Книга Маслоосвященная, переплетена въ пятку.

Четыре Часовника, въ четверть, всѣ ветчаны, худеньки.

Книга харатейная, письменая, въ десть, безъ начала; а нынѣ по досмотру та книга бывала Октай знаменной.

Книга Хоженіе Іоанна Богослова, скорописная, въ кожѣ въ черной, застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, въ той же книгѣ писано о Апокалипсисѣ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: три книги письменые, въ полдесть, безъ начала; а нынѣ, по досмотру, одна книга письменая, въ полдесть, безъ начала, худа; а двухъ книгъ на лицо нѣтъ.

Четыре книги въ четверть, ветчаны, всѣ истлѣли и изъ переплетовъ разсыпалися, и говорить по нихъ въ церкви впередъ не умѣть и починить ихъ нельзя. А впредь ихъ въ отписные книги писать нечего.

Книга Охтай, печатной, въ десть, въ красной кожѣ, пятаго, да шестаго, да седьмаго, да осьмаго гласу; на обѣихъ сторонахъ жучки и застежки мѣдные.

Книга Апостолъ Петръ, печать московская, въ десть, поволоченъ кожею красною, жучки и застежки мѣдные.

Книга письменая, въ полдесть, розные потребы; а въ ней въ началѣ шестьдесятъ главъ; четыре главы поволочены кожею красною; на исподней сторонѣ жучки и застежки мѣдные. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ жучки и застежки прописаны.

Книга Служебникъ, письменной, въ полдесть, оболоченъ кожею въ пятку.

Книга Лѣствица, въ полдесть, письменая, поволочена кожею бѣлою, жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та книга написана въ кожѣ въ красной, а жучки прописаны; а застежекъ у той книги нѣтъ.

Книга Служебникъ, печатной, въ полдесть, въ кожѣ въ красной; верхняя сторона басмяна золотомъ и серебромъ, застежки мѣдные.

Книга Апостолъ, печатной, въ десть большой бумаги, въ кожѣ въ красной, верхняя сторона басмяная, застежки мѣдные.

Книга Псалтырь, печатная, въ десть, слѣдованная, въ кожѣ въ красной.

Книга Псалтырь, печатная, въ полдесть, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, той книги нѣтъ.

Книга Минея Общая, печатная, въ десть, поволочена кожею красною басмяною съ золотомъ, застежки мѣдные.

Книга Лѣствица, письменая, метное письмо, въ полдесть, въ зеленой кожѣ, жучки и застежки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написана та книга...[99]

Книга Авва Дороѳей, скорописная, въ десть, въ кожѣ въ черной, жучки и застежки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, та книга въ полдесть, въ зеленой кожѣ.

Книга Апостолъ тетръ[100], письменной, въ десть, поволоченъ кожею красною, на одной сторонѣ жучки мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ жучки прописаны.

---

[99] Описаніе этой книги почему-то недописано.

[100] Апостолъ-тетръ указываётъ на книгу Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, въ какомъ порядкѣ они нынѣ печатаются.

Книга Ирмолой, въ четвертку, въ кожѣ въ красной, одна застежка мѣдная.

Двѣ книги Ирмолой, одинъ въ осминку, а другой въ четверть, старые, въ кожи въ черной, одинъ не знамененъ.

Четыре книги Треѳолой, печатные, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные; а въ Треѳолои по три мѣсяца.

Книга Евангеліе, печатное, толковое утреннее, въ десть, въ кожѣ въ красной, верхняя сторона басмяна, застежки мѣдные.

Книга Псалтырь, печатная, въ десть большой бумаги; верхняя сторона басмяна, застежки мѣдные.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло:

Книга Лѣствица, харатейная, въ десть, въ кожѣ въ бѣлой, на верхней дцкѣ наугольники мѣдные.

Книга Минея мѣсяца Августа, харатейная, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки да одна застежка мѣдная.

Книга Минея мѣсяца Сентября, письменая, въ полдесть, оболочена въ пятку.

Книга Служебникъ, письменной, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Служебникъ, письменной, въ полдесть, оболоченъ выбойкою турскою узорчатою.

Книга Служебникъ, печать московская, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, съ одной стороны басмяна; у той же книги застежки мѣдные невелики.

Книга Минея мѣсяца Августа, печать московская, въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки у той книги мѣдные.

Книга Минея мѣсяца Іюля, письменая въ полдесть, переплетена въ пятку кожею, бывала красная, а нынѣ, по досмотру, та кожа ветха.

Книга Лѣствица, въ полдесть, письменая, въ кожи въ черной.

Книга Соборникъ, скорописной, въ полдесть, оболоченъ кожею въ пятку.

Тетради въ бѣлой кожѣ, Каноны и Житіе трехъ Святителей; а по сказкѣ книгохранителя старца Саватѣя, тѣ де книги, которые нынѣ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ подьячаго Максима Шустова, обьявились въ книгохранительницѣ давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ книги прописаны.

Да послѣ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло вновь:

Книга Маргаритъ, печать московская, въ десть, въ кожѣ въ красной, верхняя сторона басмяна, застежки мѣдные.

Книга Прологъ мѣсяца Сентября, всей половины года, печатная, въ десть, въ кожѣ въ красной, верхняя доска басмяна, застежки мѣдные.

Книга Маргаритъ, печать московская, въ десть, въ кожѣ въ красной, верхняя доска басмяна, застежки мѣдные. А книгохранитель старецъ Саватѣй сказалъ: тую де книгу далъ *Посольскаго Приказу дьякъ Максимъ Матюшкинъ* [101].

Книга Потребникъ, печать московская, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, верхняя доска басмяна, застежки

---

[101] О дьякѣ Максимѣ Матюшкинѣ см. въ Акт. Арх. Эксп. т. III. стр. 240, 250, 264 и проч.; въ Акт. Истор. т. III. стр. 255, 291, 342 и проч.

мѣдные. А книгохранитель старецъ Саватей сказалъ: *та де книга черного священника Никодима.*

Колокольница каменная надъ церковью Григорія Великія Арменіи, а на ней колоколовъ:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: колоколъ благовѣстной большой, а въ немъ сто девяносто пудъ; а нынѣ, по досмотру, на томъ колоколѣ подпись: *Слитъ былъ сей колоколъ лѣта* 7107 (1599) *года іюня въ* 1-*й день въ двусотъ пудехъ.*

Колоколъ благовѣстной же, а вѣсомъ въ прежнихъ книгахъ написано: сто двадцать пудовъ, а подпись на немъ: *Слитъ бысть сей колоколъ въ лѣто* 7041 (1533) *года, октября въ* 1-*й день*[102].

Колоколъ прибойной, въ прежнихъ книгахъ написано: вѣсу въ немъ 60 пудъ.

---

[102] Колоколъ сей доселѣ остается въ цѣлости; полная надпись на немъ читается такъ: «Божіею милостію Царя и Государя всея Русіи Владимірскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иныхъ, при державѣ царства благовѣрныхъ и христолюбивыхъ и великихъ князей Василія Ивановича и при его дѣтехъ благовѣрныхъ князехъ Иванѣ и Георгіи, слитъ сій колоколъ въ лѣто 7041 м͠ца Октомврія въ 1-й день на Покровъ Пресв. Богородицы въ обитель Боголѣпнаго Преображенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Его угодника Чудотворца Варлаама Игумена, милостію святыя Софіи и неизреченныя Премудрости Божія, благословеніемъ архіепископа Вел. Новаграда и Пскова Владыкѣ Макаріи, при намѣстникѣ В. Новаграда при князѣ Ѳеодорѣ царевичѣ Мелехъ Даировичѣ и при князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Горбатомъ и богомоленіемъ Хутынскаго монастыря игумена Ѳеодосья и всей яже о Христѣ братіи. А мастеръ дѣлалъ преименитого и славнаго града Пскова Андреевъ сынъ Михаиловъ Псковитинъ. Слава Свершителю Богу, аминь.»

Два колокола, а сколько въ нихъ вѣсу, того невѣдомо; а на одномъ колоколѣ подпись: *Литъ бысть сей колоколъ въ лѣто* 7061 (1553) *году въ сентябрѣ;* а на обоихъ колоколахъ въ верху и въ низу по краемъ каймы.

Два колокола красныхъ.

Два колокола зазвонныхъ.

На той же колокольницѣ часы боевые желѣзные съ перечасьемъ.

Два колокола невеликихъ перечасные, а сколько въ нихъ вѣсу, того невѣдомо.

Да у подкеларника старца Арсенья въ келарской, мѣдныхъ и оловянныхъ судовъ:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: двадцать пять ставцовъ мѣдныхъ луженыхъ; а нынѣ, по досмотру, двадцать два ставца мѣдныхъ луженыхъ, а трехъ ставцовъ нѣтъ.

Шесть солонокъ оловянныхъ, седьмая солонка оловянная же худа, да солонка мѣдная.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: тридцать пять блюдъ оловянныхъ столовыхъ большихъ и среднихъ, да семь мисъ большихъ оловянныхъ. А нынѣ, по досмотру, тѣ мисы и блюда большіе, а не мисы, и всего у подкеларника старца Арсенія блюдъ оловяныхъ столовыхъ большихъ и середнихъ и большихъ блюдъ оловянныхъ, которые въ прежнихъ писаны мисами, сорокъ два блюда.

Двои сутки столовые оловянные, а въ суткахъ по перечницѣ.

Двои сутки столовые оловяные, а въ суткахъ по перечницѣ, да по укеуснику, да по солонкѣ, а тѣ

сутки безъ поддонья; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано только двои сутки, а въ суткахъ втроемъ ли или тѣ сутки съ поддоньемъ, того не написано.

Двѣнадцать тарелокъ оловянныхъ, да тарелка мѣдная.

Семнадцать сковородокъ мѣдныхъ луженыхъ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: семь росольниковъ оловянныхъ; а нынѣ, по досмотру, пять росольниковъ оловянныхъ, а двухъ росольниковъ оловянныхъ нѣтъ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: уксусница да перечница; а нынѣ, по досмотру, перечница да солонка, а уксусницы нѣтъ.

Семнадцать блюдъ деревянныхъ. Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ въ прибылѣ:

Сутки столовые оловянные, перечница, да уксусница, да солонка; у перечницы завертки нѣтъ, у уксусницы покрышки нѣтъ; а тѣ сутки безъ поддонья.

Четыре блюдечка икорныхъ оловянныхъ маленькихъ, семь блюдъ оловянныхъ большихъ и меньшихъ.

Поварня каменная, крыта тесомъ, а въ поварнѣ ѣсть варятъ про братію; а въ ней поваренныхъ судовъ:

Котелъ мѣдной въ полтретьядцать (25) ведръ, въ чемъ воду держатъ.

Котелъ мѣдной въ 10 ведръ.

Котелъ мѣдной въ четыре ведра.

Котелъ мѣдной меньше ведра, луженой.

Котелъ мѣдной въ шесть ведръ.

Котелъ мѣдной въ три ведра.

Котелъ мѣдной въ ведро.

Котелъ мѣдной въ ведро же, ветчанъ.

Вѣко мѣдное въ три ведра.

Вѣко мѣдное въ два ведра.

Вѣко мѣдное въ ведро.

Сковородка мѣдная въ четверть ведра.

Восемь сковородокъ мѣдныхъ луженыхъ по четверти ведра.

Да у тоежъ поварни колодезь обрубленъ и проведенъ въ поварню.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ въ той поварнѣ прибыло поваренныхъ судовъ:

Два котла мѣдныхъ по три ведра.

Два противня луженыхъ въ ведро.

Вѣко мѣдное большое въ семь ведръ.

Сковородка мѣдная невелика полужена.

Сковородка мѣдная невелика черная.

Три чюмича [101] желѣзныхъ.

Четыре сѣчки, что капусту сѣкутъ, желѣзные.

Таганъ большой окладной желѣзной; два прута большихъ долгихъ, да три прута короткихъ.

Два тагана желѣзные, одинъ середній, а другой поменьше.

А подкеларникъ старецъ Арсеній сказалъ: тѣ де поваренные суды на поварнѣ давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подьячаго Максима Шустова, тѣ поваренные суды прописаны.

Да противъ поварни изба поваренная; а въ ней заслонъ желѣзной, чѣмъ печь заслоняютъ; да кочерга желѣзная, чѣмъ печь загребаютъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та изба прописана.

Да въ Новѣградѣ на монастырскомъ подворьѣ:

Котелъ мѣдной въ ведро.

Котелъ въ четырнадцать ведръ.

---

[101] Слово «чумичь» доселѣ употребляется у крестьянъ Рязанской губерніи.

Да подъ трапезою хлѣбня.

А въ хлѣбнѣ:

Котелъ мѣдной въ двадцать пять ведръ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: семьдесятъ четвертей муки ржаной; а нынѣ, по досмотру, той муки ржаной двѣсти пятьдесятъ четвертей.

Да подъ трапезою погребъ теплой, а держатъ въ немъ капусту да крошиво и иной всякой монастырской запасъ.

Да подъ трапезою же подъ келарской бывала служба просфирня: пекли на монастырь просфиры. И съ *новгородскаго раззоренья* (1611) стоитъ пуста.

Да подъ трапезою подъ келарскою приспѣшня; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та приспѣшня прописана.

Да на монастырѣ же два погреба каменныхъ, а надъ погребы въ верху полата каменная, а въ ней два вылаза, крыты тесомъ, да ледникъ каменной.

А на погребѣ у чашника у старца Саватѣя судовъ мѣдныхъ и оловяныхъ и деревяныхъ:

Двѣ яндовы [104] мѣдныхъ полуженыхъ, обѣ по ведру, а третья яндова въ полведра, четвертая яндова въ полведра.

Четыре полумѣрка мѣдныхъ луженыхъ, два ковша мѣдныхъ луженыхъ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: чарка мѣдная; а нынѣ, по досмотру, той чарки нѣтъ.

Оловянникъ «большой лебедь» въ ведро. Три оловянника по полуведру.

---

[104] Яндовы доселѣ употребляются у крестьянъ для питья: онѣ устрояются изъ красной мѣди съ продолговатыми отверстыми носками.

Три оловянника большихъ полведра.

Три оловянника большихъ четверть ведра.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: котелъ мѣдной ведра въ полтора; а нынѣ, по досмотру, того котла нѣтъ.

Три яндовы мѣдныхъ по полведру.

Двѣ мѣры мѣдныхъ луженыхъ стоячихъ.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: девять кружекъ оловянныхъ съ носками; а нынѣ, по досмотру, одной кружки нѣтъ.

Двѣ стопы: одна съ носкомъ, а другая безъ носка, оловянные.

Шесть оловянниковъ четвертныхъ.

Восемъ братынь красныхъ деревянныхъ тверскихъ.

Четыре братыни корельскихъ желтыхъ, десять ковшей красныхъ тверскихъ деревянныхъ.

Двадцать бочекъ большихъ и меньшихъ.

Четыре ушата.

Три дшана: одинъ въ сто двадцать ведръ, другой во сто ведръ, третій въ девяносто ведръ.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ въ прибылѣ:

Кумганъ мѣдной луженой въ три ведра; а чашникъ старецъ Саватей сказалъ: тотъ де кумганъ на погребѣ давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ кумганъ прописанъ.

Поварня квасная каменная, верхъ у ней сдѣланъ шатромъ, да къ той же поварни придѣлана келья каменная сторожня.

А та поварня и келья крыты тесомъ.

А въ поварнѣ судовъ мѣдныхъ и деревянныхъ:

Котелъ мѣдной въ семьдесятъ ведръ.

Русло древяное въ пятнадцать четвертей.

Три дшана по пятьдесятъ ведръ.

Дшапъ въ семьдесятъ ведръ.

Да у той же поварни колодезь крытъ тесомъ.

Да въ монастырѣ же сушило, а въ немъ запасу сушильнаго, старца Арсенія, въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: муки пшеничной пять четвертей; а нынѣ, по досмотру, муки пшеничной четыре четверти.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: толокна одиннадцать четвертей; а нынѣ, по досмотру, толокна въ двухъ закромахъ десять четвертей.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: крупъ гречневыхъ четверть; а нынѣ, по досмотру, крупъ гречневыхъ три четверти.

Сѣмени конопляннаго осмина.

Въ трехъ закромахъ крупъ житныхъ и овсяныхъ тридцать четвертей.

Да подлѣ сушила ледникъ рубленой, а на ледникѣ десять бочекъ и стоекъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ ледникъ прописанъ.

Да въ казнѣ, у казначея старца Трифона, государевыхъ грамотъ и всякихъ монастырскихъ крѣпостей:

Списокъ съ данныя грамоты Варлаама Чудотворца [105].

Да прежнихъ блаженныя памяти благовѣрныхъ Государей Царей и великихъ князей всея Руссіи и Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи жаловальные грамоты.

---

105 Подъ данною грамотою Варлаама Чудотворца разумѣется его вкладная на пергаменѣ, остающаяся въ монастырѣ и напечатанная въ Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 617 и въ Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 5. Но почему въ описи вкладная сія названа спискомъ, а не названа харатейною, неизвѣстно.

Грамота великаго князя Василія Ивановича всея Русіи, жаловальная, несудимая, дана 7040 года августа въ 13 день. [106]

Двѣ грамоты Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, жаловальные тарханные, даны обѣ въ Великомъ Новѣгородѣ 7086 года октября въ 26 день на всѣ монастырскіе вотчины о всякихъ дѣлѣхъ.

Грамота Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, что Государь пожаловалъ въ Ржевскомъ уѣздѣ въ Ясоновскомъ погостѣ тамгу съ торгу сбирать на монастырь; дана 7086 года декабря 17 дня, за приписью дьяка Андрея Шерефезинова.

Грамота Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, что дано въ Деревской пятинѣ села и деревни противъ тое земли, что къ церквамъ дворцовымъ селамъ взято къ Валдаю да къ Королеву; дана та грамота лѣта 7088 года ноября въ » » день.

Грамота Государя Царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи, что въ монастырскихъ вотчинахъ тархань порудили; дана 7093 года генваря въ » » день.

Грамота Государя Царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи, срочная, что ставиться Спасо-Ѳутыня монастыря крестьяномъ Ясановскія волости на два срока къ отвѣту; дана 7099 года генваря въ 17 день. [107]

---

[106] Подлинная грамота въ монастырѣ; напечатана въ Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 627—633.

[107] Подлинная хранится въ монастырѣ; указана въ Ист. Рос. Іерарх. ч. VI, стр. 634.

Грамота Государя Царя и великаго князя Бориса Өедоровича всея Русіи уставная о пошлинахъ, дана 7109 года октября въ 28 день.

Грамота Государя Царя и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи Спасской вотчины Хутыня монастыря, дана лѣта 7086 года; а переписана та грамота въ 114 году іюля въ 23 день.

Грамота Государя великаго князя Василья Ивановича всея Руссіи въ Старую Русу къ Третьяку Якущкину да къ Ильѣ Дубровскому о дворовомъ мѣстѣ, о оброкѣ; дана въ 116 году февраля въ 22 день.

Грамота Государя Царя и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи, столбцовая, дана въ 114 году, что не ставиться на монастырскомъ дворѣ.

Грамота Государя Царя и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Руссіи о вѣрчихъ деньгахъ, дана въ 125 году іюля въ 24 день, за приписью дьяка Ивана Болотникова. [108]

Грамота Государя Царя и великаго князя Михаила Өедоровича всея Русіи жаловальная, тарханъ большой всей Спаской Хутынской вотчины, и всѣ прежніе государевы грамоты прежнихъ государей введены въ тую государеву грамоту жаловальную большой тарханъ, по челобитью Спасо-Хутыня монастыря архимандрита Варлаама съ братіею; а дана та государева грамота за приписью дьяка Семена Головина изъ Приказу большаго дворца, лѣта 7129 года августа 31 дня. [109]

---

108 Подлинная хранится въ монастырѣ; указана въ Ист. Рос. Іерарх. ч. VI, стр. 635 и 636.

109 Подлинная хранится въ монастырѣ; указана въ Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 636.

Грамота Государя Царя и великаго князя Михаила Өедоровича всея Руссіи, жаловальная тарханная, дана при архимандритѣ Өеодосіѣ 132 года генваря въ 25 день. [110]

Грамота Государя Царя и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Русіи жаловальная, за приписью дьяка Максима Чиркова, что впредь изъ Великаго Новагорода головамъ кабацкимъ и откупщикомъ кабацкимъ съ питьемъ по монастырь ѣздить не велѣно; дана 141 года декабря 11 дня.

Двѣ грамоты Государя Царя и великаго князя Михаила Өедоровича всея Русіи: одна къ боярину и воеводѣ къ князю Петру Александровичу Репнину, да къ дьяку къ Богдану Обобурову за приписью дьяка Максима Чиркова, а другая въ Дворцовой Приказъ къ дьяку къ Филиппу Арцыбашеву за приписью дьяка Григорья Нечаева; велѣно Хутынской монастырь и старцевъ и служекъ и монастырскихъ крестьянъ ото всякаго насильства и ото всякихъ людей оберегать; дана въ 144 году марта въ 25 день.

Грамота Государя Царя и великаго князя Михаила Өедоровича всея Русіи, за приписью дьяка Григорья Нечаева, къ дьяку Филиппу Арцыбашеву подъ государеву подъ Птиновскую рыбу подводъ и гребцовъ имать не велѣно; дана въ 145 году генваря въ 14 день.

Другая грамота къ бояриву и воеводѣ къ князю Петру Александровичу Репнину да къ дьяку къ Богдану Обобурову, за приписью дьяка Максима Чиркова,

[110] Подлинная хранится въ монастырѣ; указана въ Ист. Рос. Іерарх. ч. VI, стр. 637.

подъ тоеже государеву Птиновскую рыбу у Спаскихъ крестьянъ подводъ и проводниковъ не имать. Дана въ 145 году февраля въ 16 день.

Грамота Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи, жаловальная, за приписью дьяка Григорья Нечаева, что Спаскаго Хутыня монастыря, опричь Большаго Дворца, судить не велѣно. Дана въ 147 году ноября въ 30 день. [111]

Грамота Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи за приписью дьяка Григорья Нечаева во Ржеву Володимерову о монастырской вотчинѣ о Ясововской и Сосницкой волостѣхъ. Дана въ 148 году декабря въ 14 день.

Запись мировая Вяжицкаго монастыря игумена Іосифа съ братіею Спаскимъ Хутынскимъ монастыремъ о рыбной ловлѣ Мяча острова и о иныхъ рыбныхъ ловляхъ, за его игуменскою рукою, 149 года.

Да въ казнѣ у казначея у старца Трифона монастырскихъ судовъ серебряныхъ:

Стопка серебряная, на ней около два пояска съ травками, на поддонѣ на трехъ левикахъ съ подножки. У поддона внизъ травки же пояски и травки бывали позолочены.

Четыре чашки мѣдвяныя серебряныя, двѣ ложчатыя черезъ ложку золочены, а двѣ бѣлыхъ; одна на поддонцѣ около чарки по краю вырѣзано: *Далъ тое чарку въ монастырь діакъ Богданъ Обобуровъ въ* 145 *году.* [112]

---

[111] Подлинная хранится въ монастырѣ.

[112] О дьякѣ Богданѣ Обобуровѣ въ Акт. Арх. Экспед. т. III, стр. 400, 408 и 491; въ Акт. Истор. т. III. стр, 346.

Братыня серебряная бѣлая на поддонцѣ; на ней въ четырехъ мѣстѣхъ травы, около вырѣзаны вѣнцы, а межъ травы рѣзано: *Братыня Мирона Тимоѳѣевича Хлопова*; [113] а вѣнцы и подпись все золочено.

Да въ казнѣ же у казначея старца Трифона:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: двѣ мисы оловянныхъ большихъ, двои судки столовыя оловяныя; четыре солонки оловяныя, перечница оловяная.

Семь чарокъ оловянныхъ, три попортились; девятнадцать оловянныхъ блюдъ, большихъ и среднихъ и меньшихъ; три подсвѣчника мѣдныхъ. А нынѣ, по досмотру, въ казнѣ у казначея старца Трифона, семь чарокъ оловянныхъ да три подсвѣчника, а оловянныхъ судовъ и мисъ и блюдъ и солонокъ и судковъ и перечницы нѣтъ; а сказалъ: тѣ де сутки въ келарской. Да у него же у казначея старца Трифона въ казнѣ:

Пятеры двери желѣзныя, крица желѣзная.

Шатеръ полотняный безъ понъ.

Полатка полотняная.

Другая палатка крашенинная.

Скатерть браная въ два полотнища, въ длину девять аршинъ.

Четыре скатерти полотняныя, всѣ ветхи.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло въ казнѣ у казначея старца Трифона:

Вѣкша мѣдная большая, а въ ней два колеса мѣдныхъ, веретена желѣзныя.

Вѣкша желѣзная, колесо и спицы желѣзныя.

Шесть сабель, полосы русскія; у трехъ сабель крыжи и образцы мѣдные. А у трехъ сабель крыжи и

113 О Хлыновѣ было ужо замѣчено.

образцы желѣзныя; сабля полоса русская, ножны худы. Палашъ литовской, ножны кожа черная, крыжъ желѣзной.

Двѣ пищали гладкихъ русскихъ, въ ложахъ безъ замковъ.

Пищаль стволъ нѣмецкой гладкой съ замкомъ, а у замка одна пружина.

Карабинъ стволъ гладкой русской съ прикладомъ, замокъ русской же, пружины прямые съ погономъ да со скобкою.

Пулакъ литовской съ прикладомъ, замокъ колезной; четыре полсти черныхъ ветчаныхъ, шесть медвѣденъ черныхъ.

Два седла черкеческіе подъ кожею подъ красною, съ подпруги и стебельки; а у одного седла стремена желѣзные, а у другаго седла стремена деревянные.

Шесть седелъ подъ красною кожею, безъ подпругъ, ветчаны.

Седло, оболочено бархатомъ червчатымъ, безъ стебельковъ.

Два муштука желѣзные, а ремень ветхой.

Двои сумы большіе вьючные.

Два седла вьючныхъ безъ подпругъ съ приступами.

Три хомута, клещи красные писаные, хомутины кожаные съ хвостами, супони ременные.

Возжи архимаричи, обшиты сукномъ лазоревымъ; у тѣхъ возжей на обѣихъ концахъ два крюка желѣзные.

Фонарь слюдвеной.

Три лучишка ломаныхъ ветчаныхъ худенькихъ.

А казначей старецъ Трифонъ сказалъ: та де рухлядь, которая писана выше сего, въ казнѣ давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подъячаго Максима Шустова прописана; а почему та рухлядь въ

прежнихъ переписныхъ книгахъ прописана, про то казначей старецъ Трифонъ ничего не сказалъ.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло вновь у казначея старца Трифона:

Четыре полсти черныхъ.

Епанча бѣлая.

Епанча черная.

Епанча сѣрая.

Орчакъ, оболоченъ кожею бѣлою съ подпругами, стремяна деревянные.

Къ тремъ сѣдламъ подпруги и пристуги новые.

Четыре юфти кожъ бѣлыхъ середнихъ.

Возжи заѳчи бѣлые; у возжей на обоихъ концахъ два крюка желѣзные.

Возжи керпечьи [114] новые.

Двѣ братины мѣдные луженые ложчатые.

Братина поменьше мѣдная луженая ложчатая.

Подсвѣчники деревянные бѣлые точеные въ соборную церковь къ Дѣисусомъ и къ праздникомъ ко всѣмъ.

Да у него же у казначея старца Трифона по росписи, какову онъ казначей подалъ роспись за своею рукою:

Въ казнѣ денегъ двѣнадцать рублевъ семъ алтынъ съ полденьгою.

Да у него же у казначея старца Трифона, подъ церковью Григорія Великія Арменіи, триста пятьдесятъ пудъ соли.

Да въ монастырѣ же архимаричихъ и братскихъ пятнадцать келей, а около монастыря ограда, заборъ.

---

[114] Слово «керпечь», отъ «курпяй», означаетъ выдѣлку изъ молодыхъ овецъ или ягнятъ.

На монастырь двои ворота отъ рѣки отъ Волхова. Одни святые, щитъ деревяной, сдѣланы на двое, обиты гвоздьми лужеными желѣзными. Другіе ворота каменные подъ церковью Иліи Пророка, на двое, обиты бѣлымъ желѣзомъ; а другіе ворота каменные же тутъ же не велики.

Подлѣ монастырской ограды дворъ, а въ немъ живутъ дѣтеныши, а на дворѣ хоромы:

Изба большая пять саженъ, а передъ избою сѣни рубленые четырехъ саженъ, а въ сѣняхъ шесть чюлановъ.

Во дворѣхъ двадцат пять косъ, всѣ держаны.

Двадцат шесть топюровъ держаныхъ.

Двѣ теслы держаныхъ.

Двѣ оборотни держаныхъ.

Двѣ скобѣли держаныхъ.

Два долота.

Два буравца мѣльничныхъ.

Двѣ ложки [115] да молотъ желѣзной.

Да на томъ же дворѣ стоитъ житница; а въ ней двадцат семь сохъ съ сошниками и съ хомутами и съ дугами. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та житница прописана.

Да на томъ же дворѣ двадцат телѣгъ одноколокъ.

Да на томъ же дворѣ анбаръ мѣльничной рубленъ, верхъ шатромъ, крытъ тесомъ; а въ анбарѣ мѣльница со всѣмъ мѣльничнымъ запасомъ объ однѣхъ жерновахъ, а мѣлютъ въ ней лошадьми.

А съ одной стороны того двора городба, заборъ новой въ столбахъ.

---

[115] Для выдалбливанія и провертыванія, что нынѣ зовутъ трубочками.

Да за монастыремъ же конюшенной дворъ, а на дворѣ хоромъ:

Изба поземная съ комнатою, ветха, покрыта тесомъ.

На томъ же на конюшенномъ дворѣ стойла лошадиные и сѣнные, сараи рублены, покрыты соломою.

Да на томъ же на конюшенномъ дворѣ клѣть рубленая. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та клѣть прописана.

Да по росписи конюшего старца Екима за рукою, монастырскихъ лошадей на конюшенномъ дворѣ:

Конь коуръ, четыре кони съ запалой, да выѣзжихъ и сошныхъ двадцать лошадей.

Шесть лошадей съ запалою хромыхъ.

Жеребецъ карь нѣмецкой.

Пятнадцать жеребчиковъ двухъ и трехъ лѣтъ.

Три кобылицы нагайскіе.

Сорокъ кобылъ простыхъ, половина здравыхъ, а другая половина съ запалою, хромыхъ.

Шесть кобылъ съ запалою и хромыхъ.

Осмнадцать кобылъ молодыхъ, двухъ и трехъ лѣтъ.

Да въ волостѣхъ двѣнадцать лошадей монастырскихъ,

И всего монастырскихъ лошадей всякихъ сто двадцать шесть лошадей. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: монастырскихъ всякихъ лошадей сто пятдесятъ четыре лошади.

И передъ прежними переписными книгами подъячего Максима Шустова, на лицо нѣтъ двадцати осьми лошадей.

Да на томъ же на конюшенномъ дворѣ:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: семь сѣделъ съ войлуками и съ подпругами и съ стремены, да четыре хомута ременныхъ, да пятнадцать уздъ ременныхъ.

А нынѣ, по досмотру, на томъ конюшенномъ дворѣ четыре сѣдла съ войлоки и подпруги, а стремяна у нихъ желѣзные; да четыре сѣдла съ войлоки и съ подпругами, а стремяна у нихъ деревянные.

Да пять уздъ ременныхъ.

А десяти уздъ ременныхъ да четырехъ хомутовъ ременныхъ нѣтъ.

Да на томъ же конюшенномъ дворѣ, въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: двѣ полсти лазоревыхъ, одна ветха; а нынѣ, по досмотру, тѣ полсти лежатъ въ казнѣ.

Да три полсти черныхъ ветчаныхъ валеныхъ, да четыре медвѣдна ветчаныхъ.

Да двѣ епанчи сѣрыхъ валеныхъ, подложены холстомъ, ветхи.

Да на конюшенномъ же дворѣ семь шляпъ ветхи горазно.

А нынѣ, по досмотру, тѣхъ полстей и мѣдвѣденъ и епанчей нѣтъ.

Да на томъ-же на конюшенномъ дворѣ десять попонъ ярославскихъ.

Да въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: на томъ же конюшенномъ дворѣ пять сѣделъ безъ войлоковъ; а нынѣ, по досмотру, тѣ седла лежатъ въ казнѣ и писаны выше сего.

Да подлѣ конюшеннаго двора воловей дворъ, а на дворѣ хоромъ:

Изба поземная, а противъ той избы стоитъ клѣть рубленая; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ та клѣть прописана.

Да на томъ же дворѣ хлѣвы и сѣнники рубленые, покрыты соломою.

А на томъ дворѣ монастырскаго скота, по росписи конюшеннаго старца Екима, какову онъ конюшей старецъ Екимъ роспись подалъ за рукою:

Семь коровъ дойныхъ.

Десять коровъ стельныхъ.

Да воловъ и нетѣлей тридцать.

Да тридцать пять овецъ.

А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано монастырскаго скота:

Семнадцать коровъ дойныхъ.

Тридцать коровъ яловыхъ.

Да четырнадцать нетѣлей.

Да восемъ подтелковъ.

Да десять бычковъ маленькихъ.

Да два вола третьяки.

Да овецъ и барановъ сорокъ съ пятью.

И передъ прежними переписными книгами подъячего Максима Шустова на лицо нѣтъ монастырскаго скота:

Десять коровъ дойныхъ.

Да коровъ же нетѣлей и яловыхъ и воловъ и подтелковъ семи нѣтъ, да десяти овецъ.

Да за монастыремъ же *келья Преподобнаго Варлама Чудотворца* деревяная брусчатая, прикрыта шатромъ; наверху кельи надъ шатромъ крестъ желѣзной.

Да противъ кельи колодезь Варлама же Чудотворца обрубленъ [116], а надъ колодцемъ часовня обрублена

---

[116] Колодезь Преп. Варлаама, саженяхъ въ 30 отъ монастыря, на юговосточной его сторонѣ, доселѣ остается въ цѣлости, съ устроенною надъ нимъ часовнею. По этому колодезю можно опредѣлить и бывшую келью чудотворцову съ садомъ и прудомъ, хотя кельи той и сада нѣтъ.

брусная, покрыта шатромъ; а на верху крестъ желѣзной, а передъ кельею и въ часовнѣ поставлены Божіе милосердіе образы.

А у колодезя садъ, а въ немъ шестьдесятъ деревъ яблочныхъ да роща; а въ ней вскопанъ прудъ,[117] а у пруда стоитъ молодожня семи саженъ, а въ ней ростятъ солодъ.

Посторонь тое молодожни сушило новое четырехъ саженъ, на немъ сушатъ солодъ.

Да на монастырѣ же на огородѣ пять житницъ.

А въ нихъ, по росписи, какову подалъ роспись житничной ключникъ старецъ Герасимъ за рукою, всякаго хлѣба:

Четыреста пятьдесятъ четвертей ржи; двѣсти пятьдесятъ четвертей ячменя; пятьсотъ шестьдесятъ четвертей овса; двадцать пять четвертей пшеницы.

Да въ прошломъ 149 году высѣяно къ нынѣшнему сто пятидесятому году въ монастырскомъ въ сопочномъ полѣ[118] и на ближнемъ крестцѣ тридцать пять четвертей ржи, да въ нынѣшнемъ сто пятидесятомъ году на монастырскихъ поляхъ высѣяно яроваго хлѣба восемьдесятъ пять четвертей овса, тридцать пять четвертей съ осминою ячменю, четверть пшеницы, пять четвертей ярицы, полъ-осмины гороху, сѣмени коноплянаго четверть.

Да на Робескіе мѣльницы, къ нынѣшнему ко сто пятидесятому году, высѣяно ржи десять четвертей, овса сорокъ одна четверть.

---

117 Остатки бывшаго пруда можно замѣтить и доселѣ у часовни подъ колодеземъ Преп. Варлаама.

118 «Сопочное» поле тоже что̀ гористое; происходитъ отъ «сопка», курганъ, холмъ, горка.

Да у монастыря же, на берегу рѣки Волхова, стоитъ векша рыболовная со всѣмъ рыболовнымъ запасомъ.

Да на рѣкѣ на Робѣ мѣльница монастырская; два анбара новые большіе; а въ нихъ четверы жерновы со всѣмъ мѣльницкимъ запасомъ, а противъ тѣхъ анбаровъ изба съ сѣньми.

Да у тоежъ мѣльницы на берегу монастырской конюшенной дворъ; а на дворѣ хоромъ: изба большая новая, а около двора городба, поставлены сараи новые рубленые, а изба и сараи крыты соломою.

Да противъ прежнихъ переписныхъ книгъ подъячего Максима Шустова, монастырскихъ вотчинъ и въ нихъ крестьянъ:

Спасо-Футыня монастыря въ вотчинныхъ волостѣхъ въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Обонежской пятинѣ въ Введенскомъ Хутынскомъ погостѣ, въ Рождественскомъ погостѣ на Вороной, въ Егорьевскомъ погостѣ на Пашекожена, въ Дмитріевскомъ погостѣ на Кашшѣ въ Курикинисахъ, въ Пиркинскомъ погостѣ въ Мирошкиничахъ, въ Воскресенскомъ Важенскомъ погостѣ на Пидемѣ, въ Никольскомъ въ Оштинскомъ погостѣ въ Рыбѣ рѣкѣ, въ Покровскомъ погостѣ на Вытегрѣ, въ Никольскомъ погостѣ въ Валдомѣ, въ Петровскомъ погостѣ въ Челможи, въ Никольскомъ погостѣ въ Шуѣ, да въ Вотской пятинѣ въ Иванскомъ въ Переѣздьскомъ, Успенскомъ, въ Коломенскомъ погостѣхъ на Волховѣ; всего въ тѣхъ волостѣхъ крестьянъ двѣсти пять человѣкъ; да въ Деревской пятинѣ въ Ліевскомъ рядку и въ Забродьѣ и въ селѣ въ Леонтьевѣ крестьянъ девяносто пять человѣкъ да бобылей осмь человѣкъ. Да въ Ржевскомъ уѣздѣ въ селѣ въ Ясоновичахъ и въ Сосницѣ крестьянъ девяносто человѣкъ да бобылей семь человѣкъ.

Въ Великомъ Новѣгородѣ на Торговой сторонѣ, на посадѣ, на Буянѣ улицѣ, на берегу, монастырской дворъ.

А на дворѣ церковь каменная во имя Пречистой Богородицы Одигитрія съ папертью каменною. Подъ церковью ледникъ, а подъ папертью келья просфиренная, и та келья пуста, а подъ олтаремъ полатка каменная. [119]

А церковь крыта тесомъ полатками, а паперть крыта сплошь; а на церквѣ на главѣ крестъ желѣзной, а глава обита чешуею дубовою.

А въ церкви Божіе милосердіе:

Двери царскіе и сѣнь и столбазы на золотѣ; на царскихъ дверяхъ на створехъ Благовѣщеніе Пречистыя Богородицы да четыре Евангелиста. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ двери царскіе не написаны. А по скаскѣ ризничего старца Селивестра, тѣ де царскіе двери въ церкви издавна, а въ прежнихъ книгахъ прописаны.

На лѣвой сторонѣ царскихъ двѣрей образъ мѣстной Пречистая Богородица Одигитрія, писанъ на золотѣ. У Спаса и у Пречистой Богородицы вѣнцы серебряные басмяны позолочены; да у Спаса же и у Пречистой Богородицы два ожерельца низано жемчугомъ мѣлкимъ; да у Пречистой же Богородицы двои серьги серебряные простые; да у Пречистой же Богородицы двѣ панагѣи, одна подъ хрусталемъ Михаилъ Архангелъ, обложена серебромъ сканнымъ, золочена; съ исподней стороны на понагѣи половина окладу ободрана, да

---

119 Подворье монастырское съ двумя большими каменными зданіями доселѣ остается въ цѣлости. А церковь Одигитріевская, построенная въ 1554 году, разобрана въ прошломъ столѣтіи, въ 1794 году. См. Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 615.

на той же понагѣи четыре вставки въ серебряныхъ гнездѣхъ позолоченыхъ, два камешка маленькихъ, да двѣ жемчужины, да во главѣ у понагѣи жемчужина. Понагѣя рѣзана на кости: на одной сторонѣ Воскресеніе Христово, а на другой сторонѣ, въ прежнихъ переписныхъ книгахъ, Пречистая Богородица, а нынѣ, по досмотру, Вседержитель; а та панагѣя спереди обложена серебромъ сканнымъ позолочена, а на другой сторонѣ обложена серебромъ. Понагѣя рѣзана на кости на бѣлой. Образъ Пречистой Богородицы Одигитріи, поля обложены серебромъ сканнымъ, позолочены, во главѣ у панагѣи камень червецъ въ серебряномъ гнездѣ позолоченомъ, а съ другой стороны та понагѣя обложена серебромъ; да два креста сердолички красныхъ, по концамъ у крестовъ обложено серебромъ рѣзнымъ позолоченымъ; у большаго креста по сторонамъ въ четырехъ мѣстѣхъ на перевивкахъ на серебряныхъ по двѣ жемчужинки мѣлкихъ; да во главѣ у креста вставка жемчужинки въ серебряномъ гнѣздѣ позолоченомъ. На меньшомъ крестѣ Распятіе Господне серебряное литое позолочено; да на томъ же крестѣ въ серебряныхъ гнездѣхъ три жемчужины да два камешка простыхъ; да по сторонамъ въ четырехъ мѣстѣхъ на перевивкахъ серебряныхъ четыре жемчужинки, да крестъ серебрянъ литой съ финифтомъ позолоченъ; на исподней сторонѣ подпись, въ трехъ мѣстѣхъ жемчужинки, крестъ камень аспидной зеленъ, по концомъ обложенъ серебромъ, позолоченъ, а въ томъ крестѣ вставка три камешки въ серебряныхъ гнѣздѣхъ позолоченыхъ.

А у Спасова образа прикладу: крестъ рѣзанъ на кости на черной: Распятіе Господне; а на другой сторонѣ Михаилъ Архангелъ; да крестъ серебряной литой

невеликъ, да у Спасова же образа и у Пречистой Богородицы двѣ гривенки серебряные басмяны позолочены. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подьячего Максима Шустова тѣ гривенки прописаны. А ризничей старецъ Селивестръ сказалъ: тѣ де гривенки приложены къ тому образу давно, а въ прежнихъ де книгахъ тѣ гривенки прописаны.

Да у Пречистой же Богородицы прикладу вновь два креста серебряные литые, одинъ невеликъ, а другой побольше, да три копѣйки серебряные позолочены, да копѣйка серебряная; два сулка долгихъ полотняныхъ; по концомъ на сулкахъ шиты разными шелками, одинъ сулокъ съ обѣихъ концовъ подкищенъ червчатымъ шелкомъ. А тотъ образъ въ кіотѣ древяномъ, а на кіотѣ травы литые оловяные позолочены на рѣзное дѣло съ подзоромъ. Передъ тѣмъ же образомъ свѣща поставная древяная, писана разными красками, налѣпа на свѣщѣ желѣзная. Да у того же образа пелена выбойчатая. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ кіотъ и свѣща поставная и пелена не написаны. А ризничей старецъ Селивестръ сказалъ: тотъ де кіотъ и свѣща и пелена у того образа давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ прописаны.

На правой сторонѣ образъ мѣстной Троица Живоначальная, писанъ на празелени; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: у того образа гривенка тонкая витая, да крестъ невеликъ серебрянъ безъ подписи; а нынѣ, по досмотру, у того образа той гривенки и креста нѣтъ. А ризничей старецъ Селивестръ сказалъ: той де гривенки и креста у того образа не бывало.

Образъ мѣстной Никиты Епископа да Преподобнаго Варлама Чудотворца стоящіе, писанъ на золотѣ; во

облацѣ Спасъ; а передъ тѣми образы двѣ свѣчи поставные деревяные, писаны разными красками; да у тѣхъ же образовъ двѣ пелены выбойчатые, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ свѣщи и пелены не написаны. А по скаскѣ ризничего старца Селивестра, тѣ де свѣчи и пелены у тѣхъ образовъ давно; а въ прежнихъ де книгахъ тѣ свѣчи и пелены прописаны.

Да въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: Дѣисусныхъ образовъ двѣнадцать иконъ и съ Спасовымъ образомъ да двѣнадцать Праздниковъ. А нынѣ, по досмотру, Дѣисусныхъ образовъ одиннадцать иконъ, да Праздниковъ семь иконъ, писаны на празелени. Да передъ Дѣисусомъ же десять подсвѣчниковъ деревяные, золочены сусальнымъ золотомъ, на желѣзныхъ подсвѣчникахъ.

Да надъ Праздники въ верху образъ Пречистые Богородицы да десять Пророковъ, писаны на празелени; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ образъ Пречистыя Богородицы и Пророки прописаны.

Да на сѣверныхъ дверехъ Благоразумный разбойникъ.

На престолѣ... [119]

На престолѣ же Евангеліе письменое въ десть; Евангелисты и Распятіе Господне серебряное басмяное позолочено. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: оболочено то Евангеліе бархатомъ зеленымъ, а нынѣ по досмотру оболочено бархатомъ червчатымъ двоеморхотнымъ; на другой сторонѣ у Евангелія жучки и застежки серебряные позолочены; застежки прибиваны серебромъ же золоченымъ.

---

[119] Вѣроятно, хотѣли что-нибудь записать, но не нашли для записи.

Крестъ воздвизальной, обложенъ серебромъ басменымъ, позолоченъ; Распятіе Господне и глава Адамля серебряное литое; въ верху Херувимы серебряные же басменые позолочены; на лѣвой сторонѣ въ подножіи окладу нѣтъ.

Да за престоломъ же Пречистая Богородица.

Да за престоломъ же крестъ выносной.

Середи церкви передъ Спасовымъ образомъ паникадило мѣдное о шести шанданехъ; а нынѣ, по досмотру, на двухъ шанданѣхъ двухъ блюдечекъ нѣтъ. У паникадила яицо деревянное, золочено сусальнымъ золотомъ; подъ яицомъ кисть шелкъ червчатъ да зеленъ, да рудожелтъ; на верху на паникадилѣ вылитъ звѣрь крылатой; а то паникадило на желѣзной цѣпи. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ звѣрь и цѣпь прописана.

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ: образъ Воскресеніе Христово, обложенъ мѣдью; а нынѣ, по досмотру, того образа нѣтъ.

Образъ Рождество Пречистыя Богородицы, пядница, обложенъ мѣдью басменою, позолоченъ; три вѣнцы мѣдные же позолочены; пелена у того образа атласъ желтъ, а на немъ крестъ и около креста слова писаны чернью; да семь кистей розныхъ шелковъ; образъ и пелена подложена крашениною лазоревою. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ три вѣнцы и пелена прописана.

Кіотъ въ два ряды, а въ немъ шесть пядницъ, три на золотѣ, три на краскахъ; Отечество, а у Отечества три вѣнца сканные серебряные съ финифтомъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ три вѣнцы прописаны. Да Іаковъ Боровицкій, во облацѣ Спасъ, да Пречистая Богородица на престолѣ; а около четыре

святыхъ; во облацѣ Пречистая Богородица Воплощеніе; писаны па краскахъ, пядница, въ срединѣ и по полямъ пятнадцать святыхъ во облацѣ; Пречистая Воплощеніе писаны на празеленѣ; а кіотъ писанъ празеленью же.

Дѣисусъ въ кіотѣ поясной, Пречистая Богородица да Іоаннъ Предтеча на золотѣ, да Отечество, Софѣя Премудрость Божія.

Кіотъ, а въ немъ восемь пядницъ писаны на золотѣ: Софѣя Премудрость Божія, Отечество, Пречистая Царица, Михаилъ Архангелъ, Великомученица Екатерина, Покровъ Пресвятыя Богородицы, Пречистая Богородица Умиленіе, Никита Епископъ да Іоаннъ Архіепископъ Новгородскіе Чудотворцы, во облацѣ Пречистая Богородица пядница, Петръ Митрополитъ и иныхъ многихъ Святыхъ; въ верху кіота въ трехъ мѣстѣхъ по пяти маковицъ деревяные, бывали позолочены, да межъ маковицъ два шатрика деревяные же.

Кіотъ, а въ немъ двѣ пядницы трехъ пядей: Великомученица Екатерина и Анастасея.

Да книгъ церковныхъ:

Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: книга Апостолъ тетръ, въ десть, письменой, обложенъ кожею краснoю, застежки и жучки мѣдные; а нынѣ, по досмотру, того Апостола нѣтъ.

Книга Треодь харатейная Постная, въ десть, въ кожѣ въ красной; на исподней сторонѣ жучки и застежка одна мѣдная.

Книга Трепѣснецъ о мытарѣ и фарисеѣ, въ кожѣ въ красной, ветчаной, застежки мѣдные.

Книга Прологъ Сентябрской, въ десть, трехъ мѣсяцовъ, двоестрочной, въ кожѣ въ черной, ветчанъ, разодрался.

Книга Прологъ Декабрской трехъ мѣсяцовъ, двоестрочной, въ десть, въ кожѣ въ красной; на исподней сторонѣ жучки и застежки мѣдные; а тѣ застежки и жучки въ прежнихъ переписныхъ книгахъ прописаны.

Книга Прологъ Мартовской, двоестрочной, письменной, въ десть, трехъ мѣсяцовъ, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Прологъ Іюньской трехъ мѣсяцовъ, двоестрочной, письменой, въ кожи, ветчано, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея Октябрская, харатейная письмяная въ десть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея Декабрская, въ полдесть, письменая, въ переплетѣ, выдралась, въ кожѣ въ ветчаной.

Книга Минея Генварская, въ полдесть, въ кожѣ въ ветчаной, объ одной застежкѣ; на одной сторонѣ жучки мѣдные.

Книга Минея Февральская, въ полдесть, письменая въ кожѣ въ черной, ветчаной, на одной сторонѣ жучки мѣдные.

Книга Минея Мартовская, въ полдесть, письменая, въ кожѣ въ красной въ ветчаной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея Апрѣльская, въ полдесть, письменая, въ кожѣ въ красной, на одной сторонѣ жучки и одна застежка мѣдные; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ застежки и жучки прописаны.

Книга Минея Майская, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, безъ жучковъ и безъ застежекъ.

Книга Минея Іюньская, харатейная письменая въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки мѣдные.

Книга Минея Іюльская, письменая въ полдесть, въ кожѣ въ красной, жучки и застежки мѣдные.

Книга Минея мѣсяцъ Августъ, письменая въ полдесть, ветчаной, въ кожи въ красной, безъ жуковъ и безъ застежекъ.

Книга Минея Общая, письменая, не полна, ветха, въ кожѣ въ ветхой въ черной, безъ жуковъ и безъ застежекъ въ полдесть.

Книга Служебникъ, письменой въ полдесть; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: оболоченъ тотъ Служебникъ кожею красною; а нынѣ, по досмотру, сукномъ зеленымъ, жучки и застежки мѣдные.

Книга Ирмолой, въ четверть, безъ застежекъ и безъ жуковъ.

Каноны, въ тетрадѣхъ, храму, въ кожѣ въ черной.

Книга Богородичникъ, въ полдесть.

Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ, прибыло вновь:

Книга Часовникъ въ полдесть, печать московская, оболоченъ въ пятку, одна застежка мѣдная.

Псалтырь, письменая въ полдесть, обложена въ пятку.

Книга Потребникъ, въ полдесть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные.

Книга Треодь Цвѣтная, печать московская, въ десть, въ кожѣ въ красной, верхняя доска басмена, на исподней доскѣ жучки и застежки мѣдные.

Книга Ирмолой въ полдесть и Святцы, обложены въ пятку.

А ризничей старецъ Селивестръ сказалъ: тѣ де книги, которые писаны выше сего, въ церкви давно; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ онѣ прописаны.

Да вновь приложена:

Дача архіепископа Астороханскаго Пахомія: [201]

Книга Евангеліе воскресное толковое, печатное въ десть, въ кожѣ въ красной, застежки мѣдные, верхняя сторона басмяна.

Да у той же церкви придѣлана колокольня деревянная шатромъ.

А на колокольни колоколовъ: два колокола невелики, зазнонные, на нихъ подпись нѣмецкая, да два колокола красныхъ.

На дворѣ же полата каменная, а въ полатѣ шестнадцать оконъ большихъ; во всѣхъ окнахъ рѣшетки желѣзные; двери у полаты желѣзные створистые; да въ той же полатѣ ратные сбруи. Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано: панцырь, тридцать семь кольчюгъ, пять шеломовъ, семь шапокъ, двадцать пищалей съ замчишками, семь стволовъ пищальныхъ, двѣ пистоли съѣзжіе, двѣнадцать сабель, пять ветчаныхъ съ поясы, да палашъ литовской. А нынѣ, по досмотру, въ той палатѣ разной сбруи: три бехтерца, шесть кольчюгъ, пять шеломовъ, семь шапокъ, пять пищалей безъ замковъ; а панцыря да кольчюги да двадцати пищалей съ замчишками, да дву пищалей безъ замковъ, да дву пистолей съѣзжихъ, да двѣнадцать сабель, да палаша литовскаго, нынѣ, по досмотру, на лицо нѣтъ; да въ полатѣ же крестъ, что былъ на главѣ на церкви, желѣзной.

Подъ той же полатой два погреба, у обѣихъ погребовъ двери желѣзные створистые.

---

[120] Пахомій хотя и упоминается въ числѣ Астраханскихъ архіепископовъ, но не въ 1642 году, когда писана опись, а въ 1650 до 1655 года. Ист. Росс. Іерарх. ч. VI, стр. 224.

Да у поварни двери деревянные.

Да межъ церковью и полатою стѣна и ворота каменные.

На дворѣ же хоромъ: горница и сѣни; да на дворѣ же житница, огороженъ дворъ съ двухъ сторонъ тыномъ стоячимъ.

Да въ Великомъ же Новѣгородѣ, въ Каменномъ городѣ, дворъ монастырской Хутынской стоитъ за Софѣею противъ сѣверныхъ дверей; а во дворѣ хоромъ: двѣ горницы на подклетѣхъ жилецкихъ, а межъ горницами повалыша, да двои сѣни досчатые; а около двора тынъ въ заборѣ лежачій и ворота досчатые; *а далъ тотъ дворъ за вкладъ Софѣйской ключарь Іосифъ Өедоровъ.*

Да въ Каменномъ же городѣ Спаской же Хутыня монастыря другой дворъ, идучи отъ церкви Іоанна Златоустаго, подлѣ дьячья двора.[121] А на дворѣ хоромъ: двѣ горницы да повалыша, да двои сѣни, подклѣть жилой, да конюшня, да сушило, да поварня, да погребъ; *а далъ тотъ дворъ за вкладъ Максимъ Куликовъ.*[122]

И по Государеву Цареву и великаго князя Михаила Өедоровича всея Русіи указу, Спаской Өутынской монастырь архимариту Евфимію отписаны церкви и въ церквахъ Божіе милосердіе, образы мѣстные и пядницы и книги и ризы и всякое церковное и монастырское строеніе и въ казнѣ деньги и суды и всякая монастырская рухлядь и Государевы жаловальные грамоты

---

[121] Дворъ этотъ, по описи, находился у нынѣшней Покровской церкви.

[122] О Максимѣ Куликовѣ, митрополичемъ сынѣ боярскомъ и дворецкомъ, см. въ Акт. Истор. т. II, стр. 313; т. III, стр. 346.

и всякіе монастырскіе крѣпости, и въ сушилѣхъ и въ житницахъ всякіе монастырскіе запасы, и по прежнимъ переписнымъ книгамъ въ монастырскихъ вотчинахъ крестьянъ; а отписавъ, приказали: старцемъ и служкамъ и служебникомъ и вотчиннымъ крестьяномъ архимарита Евѳимія во всемъ слушать и почитать, какъ и въ прочихъ монастырѣхъ властей почитаютъ; и въ Спаско-Ѳутынскомъ монастырѣ отписные книги архимариту Евѳимію съ братіею за руками оставлены.

ДОПОЛНЕНІЕ
КЪ СТАТЬѢ О ЧУДСКИХЪ КОПЯХЪ.

I.

Къ стран. 29-й строкѣ 4-й снизу.

Зыряне сами себя называютъ *Коми*, отъ рѣки Камы или *Комью*, въ которой водится рыба харіусъ, называемая у нихъ *коми*, т. е. «зырянскою рыбою». Зыряне первоначально обитали на берегахъ рѣки Камы и оттуда переселились болѣе къ сѣверу. Пермяки, безъ сомнѣнія, древніе Зыряне, потому что языкъ ихъ вовсе не отличается отъ зырянскаго. Въ языкѣ Зырянъ есть буква ч, которая не находится въ финскомъ языкѣ; они, на своемъ языкѣ, имѣютъ названіе *Чу́дь-му*, или «чудскихъ могилъ». Зыряне, по роду, были ближайшіе къ чудскому племени и въ древнія времена жили далеко къ востоку въ Азіятской Россіи, въ сосѣдствѣ съ Тунгусами; отъ этого въ языкѣ ихъ сохранилось по сіе время, какъ сильнѣйшее выраженіе самой большой брани: «*ты — Тунгусъ!*» Это слово выражаетъ у нихъ человѣка грубаго, невѣжественнаго, съ непріятнымъ лицомъ.

II.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, сообщеннымъ докторомъ Э. Эвропеусомъ Русскому Географическому Обществу изъ Кандалаксы, въ сѣверной части Финляндіи, видно, что и здѣсь сохранилось преданіе о древней Чуди, существующее во всей Сибири, равно какъ и у скандинавскихъ Лопарей. Въ Кандалаксѣ открыты Г. Эвропеусомъ и чудскія могилы. «Говорятъ,» пишетъ этотъ ученый путешественникъ, «что подобныя чудскія могилы находятся также въ окрестностяхъ озера Имандра, и что онѣ вообще ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя описаны Г. Нильсономъ въ Швеціи, въ его сочиненіи: Skandinaviska Nordens-Urinvånare. Эти могилы — плоскія, изъ камней построенныя жилища или пещеры, въ которыхъ развѣ одна только древняя Чудь могла жить во время длинныхъ зимнихъ ночей Сѣвера.»

Э. ЭЙХВАЛЬДЪ.

ОПЕЧАТКИ

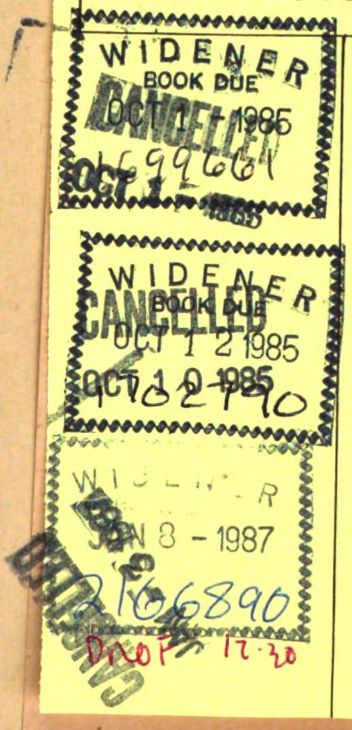
ВЪ VIII ТОМѢ:

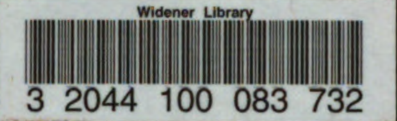
Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай:*
238	2 сверху	HTYYEY	HTYEV
239	4 —	N͠ON	N͠ΘN
240	3 снизу	YΑΛΕΡΙΟC	OVΑΛЄΡΙΟC
241	2 —	XEIPE	XЄPЄ
—	2 сверху (въ примѣчаніи)	Евносій	Евноій
242	2 —	совсѣмъ осыпались	въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпались
264	6, 9 и 16	Ы	ЪI

ВЪ IX ТОМѢ:

3	5 снизу	покрываетъ	показываетъ
9	13 —	Каргаголы	Каргалы
10	12 сверху	рудный рудникъ	рудникъ
41	14 —	Ostiaca	Ostiaea
51	9 снизу	антоцеи	антацеи
67	7 —	Hyleca	Hylaea
69	9 —	Натаховiй	Hamaxobii (Ἁμαξόβιοι)
72	15 —	Σχόδαι — γεοργοι	Σκύθαι γεωργοὶ
75	4 —	Перiегенигетъ	Перiэгетесъ
77	12 —	Суомолайненъ	Суомолайзетъ
89	17 —	Utü	Utii
91	— —	Патаховиі	Hamaxobii (Ἁμαξόβιοι(

Томъ IX. — Цѣна 3 руб. с.


WIDENER
BOOK DUE
OCT 1 - 1985
CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
OCT 1 2 1985
OCT 1 0 1985
JAN 8 - 1987
CANCELLED


Widener Library
3 2044 100 083 732